

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Law 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Колумбено 8 Мартыя

ФЕВРАЛЬ

1877

ДѢЛО

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ЧЕРНОВЕМНЫЯ ПОЛЯ. Романъ. Ч. III. (Гл. V—IX) Е. Л. МАРКОВА.
2. СНЫ. Стихотвореніе. А. В—СКАГО.
3. ОТНОШЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА КЪ ДѢТЯМЪ. Этюды общественной жизни. (Ст. вторая.) А. МИХАЙЛОВА.
4. ВЗЯТЫЙ ГОРОДЪ. Стихотвореніе. (Les orientales, par V. Hugo). А. М.
5. РѢКА БЫЛЫХЪ ЛѢСОВЪ. (Лѣтняя поѣздка по Камѣ.) В. И. ПЕМИРОВИЧА-ДАПЧЕНКО.
6. ПАРИЖСКАЯ БОГЕМА. Романъ. (Гл. XIX—XXXII). МОРИСА ЖОЛИ.
7. ОЧЕРКИ ПЕРВОВЫТНОЙ ЖИЗНИ И МЫСЛИ. (Ст. вторая.) С. С. ШАШКОВА.
8. ПѢСНЯ ПИРАТОВЪ. Стихотвореніе. (Les orientales, par V. Hugo.) А. М.
9. ОБЛОМКИ СТАРАГО БАРСТВА. Этюды двухъ грѣзовскихъ головокъ. П. НОВОСИЛОВА.
10. ЭРА ЯПОНСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. (Мей-даи.) Л. МВЧПШКОВА.
11. РЕНЕГАТЪ. Стихотвореніе. А. МИХАЙЛОВА.

(См. на оборотѣ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

12. „УРАВНОВѢШЕННЫЯ ДУШИ“ П. НИКИТИНА.

(„Новь“, романъ въ 2-хъ частяхъ. Соч. Ивана Тургенева. „Вѣстн. Европы“, январь и февраль 1877 г.).

13. ИСТОРИЧЕСКІЙ ФОРМАЛИЗМЪ П. ЛЫКОВА.

(Восточная война 1853 — 1856 годовъ. Сочиненіе генераль-лейтенанта М. И. Богдановича. Томъ I. Спб. 1876 г.)

14. ГОГЪ И МАГОГЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. С. Ш.

(„Путешествіе въ страну миллиардовъ“. В. Тиссо. Переводъ съ 21 изданія. Спб., 1876.—German Home-Life. London, 1876.)

15. НАУЧНАЯ ХРОНИКА П. ГР.—О.И.

Девятый статистическій конгрессъ въ Буда-Пештѣ.—Конгрессы французскаго и англійскаго „общества содѣйствія успѣхамъ наукъ“ въ Глазговѣ и въ Клермонъ-Феранѣ.—Католическіе патеры въ качествѣ спасителей общества отъ язвы пролетаріата и ихъ конгрессъ въ Бордо.—Филадельфійская выставка и Германія.—Данныя изъ уголовной статистики Германіи.—Вліяніе воинской повинности на вырожденіе пародонаселенія.

16. НОВЫЯ КНИГИ

Битай, Томпсона.—Страна баддерокъ, Жаколю. Спб., 1876 г.—Германъ Вамбери. Очерки жизни и правовъ Востока. 1876 г.—Въ раю. Романъ въ 7 книгахъ. П. Гейзе. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію В. Рандеца. Спб., 1876 г.

17. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. М. ТРИГО.

Уединеніе Испаніи отъ остальной Европы.—Агитація католическаго духовенства противъ закона о вѣротерпимости.—Увѣщанія папы.—Цастырское посланіе архіепископа толедскаго.—Смирненіе Кановаса дель-Кастилья предъ клерикалами.—Недовольство клерикаловъ, возбужденное полумѣрами министерства.—Манифестаціи въ духѣ католицизма.—Пораженіе клерикаловъ въ кортесахъ.—Распоряженія, уничтожающія силу закона о вѣротерпимости.—Притѣсненія диссидентовъ.—Возбужденіе фанатизма противъ скромныхъ англійскихъ миссъ.—Протестъ католическаго духовенства, выразившійся въ паломничествѣ.—Разница между настоящимъ и средневѣковымъ паломничествомъ.—Представленіе пилигримовъ папѣ.—Восприещеніе входа во храмъ испанскому посланнику.—Подарки папѣ.—Какъ понимаютъ испанцы католическую религію?—Вражда клерикаловъ противъ короля Альфонса.—Неудовольствіе баскскихъ провинцій.—Уничтоженіе фуэровъ.—Интриги клерикаловъ.

18. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ П. Ш.

Остывшія увлеченія восточнымъ вопросомъ.—Не извлечемъ-ли мы изъ нихъ полезнаго урока на будущее время? — Не пора-ли обратиться къ своему собственному положенію?—Болгарскіе баши-бузуки и русская саранча.—Конкуренція рабочихъ рукъ и ея послѣдствія.—Промышленный застой и

О ПОДПИСКѢ

НА

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛѢ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1877 ГОДУ.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ издаваться въ настоящемъ году на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прежнія десять лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки 14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ 15 р. 50 к.
съ пересылкой иногороднимъ 16 р. „

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ПОЛГОДА:

безъ пересылки и доставки 8 р.
съ доставкой въ Петербургъ 8 р. 25 к.
съ пересылкой иногороднимъ 8 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул., д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева. Только передъ тѣми подписчиками, которые подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать себя вполне отвѣтственной за исправную и своевременную доставку журнала.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ **ближайшее почтовое мѣсто**, въ которое можно было-бы адресовать прямо книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книжка журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ **не позже** полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же нумеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать **двѣ** почтовыхъ **восьми-копечныя** марки за напечатаніе адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородній уплачивается **1 р. 50 к.**, при перемѣнѣ иногородняго на городской уплачивается **1 р.**

5) Жалобы и перемѣны адресуются **исключительно** въ контору редакціи, причемъ жалобы должны сопровождаться удостовѣреніемъ мѣстной почтовой конторы, что книжка дѣйствительно не получена подписчикомъ.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, и также требующія увѣдомленія о полученіи денегъ въ редакціи, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей хранятся въ редакціи **не болѣе** года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. **Мелкія стихотворенія не возвращаются.**

8) Высылка рукописей иногороднимъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ оставлены или высланы въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

НОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ НА ЖУРНАЛЪ

„ДѢЛО“.

Первыя двѣ части романа Е. Л. Маркова „ЧЕРНОЗЕМ-
НЫЯ ПОЛЯ“, составляющія болѣе 40 печатныхъ ли-
стовъ, были напечатаны въ журналѣ „Дѣло“ за прош-
лый годъ, а 3-ю часть, по необходимости, пришлось
перенести въ нынѣшній 1877 г. Тѣмъ изъ своихъ но-
выхъ подписчиковъ, которые пожелали-бы приобрѣсти
первыя двѣ части романа, Главная контора „Дѣла“, въ
виду облегченія этого приобрѣтенія, уступаетъ остав-
шіеся полные экземпляры „Дѣла“ за прошлый годъ,
вмѣсто 14 р. 50 к. за полныя 12 книжекъ, за 5 р. безъ
пересылки и за 7 р. съ пересылкою.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Политическіе дѣятели. Э. Реклю. (Биографія и характеристики). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ. подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна трехъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигіены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигіены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Я. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по дѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Трѣя выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна трехъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моршеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Правила и программы для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ на 1875—76 учебный годъ. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р. съ перес.; 3 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, издаваемый безъ предвѣтельной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Деяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Мертвая петля, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Н. А. Потѣхина. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флориска-го. ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Сочиненія Ф. М. Толстаго. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. П. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Записки военнаго. Белегристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 75 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верн. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антони Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ИПОЛИТА НЬЕВО.

Переводъ съ итальянскаго, В. И. Зайцева; около 35 печатныхъ листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ пересыл. 2 р. 30 коп.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДѢЛО“ уступается 20% съ номинальной цѣны (стоимость книги безъ пересылки).

РУССКІЯ

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ

(Женщины до-петровской Руси.)

Д. Л. Мордовцева. Спб. 1874 г. Осталось незначительное число экземпляровъ. Цѣна 2 р. 75 к.; съ перес. 3 р. 25 к.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

- Черноземныя поля. Романъ. Часть III.
(Гл. V—IX.) *Е. Л. Маркова.*
- Сны. Стихотвореніе. *А. В—скаго.*
- Отношенія человѣка къ дѣтямъ.
Этюды общественной жизни.
(Ст. вторая.) *А. Михайлова.*
- Взятый городъ. Стихотвореніе. (Les
orientales, pag V. Hugo.) . . . *А. М.*
- Рѣка былыхъ лѣсовъ. (Лѣтняя по-
ѣздка по Камѣ.) *В. И. Немировича-Данченко.*
- Парижская богема. Романъ. (Гл.
XIX—XXXII.) *Мориса Жюли.*
- Очерки первобытной жизни и мысли. *С. С. Шапкова.*
- Пѣсня пиратовъ. Стихотвореніе. (Les
orientales, pag V. Hugo.) . . . *А. М.*
- Обломки стараго барства. Этюды двухъ
грѣзовскихъ головокъ. *В. Новосильцева.*
- Эра японскаго просвѣщенія. (Мей-
дзи.) *Л. Мечникова.*
- Ренегатъ. Стихотвореніе. *А. Михайлова.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- „Уравновѣшенныя души“. *П. Никитина.*
- Историческій формализмъ. *Н. Языкова.*
- Гогъ и магогъ нашего времени . . . *С. Ш.*
- Научная хроника. *П. Гр—оли*
- Новыя книги.
- Политическая и общественная хро-
ника. *М. Триго.*
- Внутреннее обозрѣніе. *Н. Ш.*
- Отъ главной конторы журнала „Дѣло“.

050

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ш.ч. 426

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

№ 2. ✓

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1877.

PSlav 236.4 (11, No. 2)

1542

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 февраля 1877 года.

ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

V.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Надя поднялась по обычаю рано утромъ этого дня. Она стояла въ кухнѣ вмѣстѣ съ ключницей Лямихой и держала съ нею одушевленный совѣтъ. Лямиха сама прибѣжала сегодня, запыхавшись, въ дѣвичью, чтобы объявить Надѣ ихъ общую радость: шептуниха сѣла на яйца.

Надѣ до сихъ поръ не удавалось развести шептуновъ; у нея были и королишки, и цесарки, и павлины, но шептуны не шли въ руку. Въ прошломъ году у нея околѣло шесть шептунихъ и одинъ отличный шептунъ, купленный въ Прилѣпахъ у Сидая Кузьмича. И Лямиха, и Надя были въ отчаяніи; что ни дѣлали онѣ, ничто не удалось. Весной три шептунихи и снесли было яйца, но ни одна не сѣла на нихъ; ушли въ ровъ въ крапиву и высидѣли шептунятъ, но собаки передушили ихъ прежде, чѣмъ Лямиха съ птичницей розыскали ихъ убѣжище. У Нади осталась всего одна шептуниха. Надя перетасила эту послѣднюю надежду свою въ кухню подъ загнитокъ и стала ежедневно бѣгать къ ней, несмотря на рѣшительное сопротивленіе стараго повара Михайлы, который разводилъ въ кухнѣ, на даровыхъ та-

раканахъ, соловьевъ, перепеловъ, щегловъ и чижей, но никакъ не могъ помириться съ мыслию, чтобы на господской кухнѣ было пристойно держать, словно въ мужицкой избѣ, куръ или утокъ. Михайло и теперь глядѣлъ на Надю съ нескрываемиимъ укоромъ, неодобрительно покачивая своею гладко-остриженною сѣдою головою и машинально перенимая изъ руки въ руку кусокъ сдобнаго тѣста, изъ котораго онъ хотѣлъ катать на выпачканномъ мукою столѣ горячіе калачики къ чаю.

Но Надя и Лямиха такъ были увлечены, что не замѣчали ничего.

Грузная шептуниха, важно разсѣвшаяся въ плетушкѣ, набитой сѣвомъ, глупо смотрѣла то вправо на Надю, то влѣво на Лямиху, не трогаясь съ прикрытыхъ ею горячихъ яицъ.

— Знаете, барышня, я ужъ по ней теперь потрафила, храбро говорила Лямиха, упоенная побѣдою. — Теперь шабашъ! не отвертится у меня отъ яичекъ.

— Да ты какъ-же ее? спрашивала разсѣянню Надя, вся поглощенная величественно-возсѣдавшею родильницею.

— А я васъ, барышня, научу, хитро улыбалась Лямиха, понижая голосъ. — Ее только чтобы рукой не трогать; гдѣ снесла, тамъ и оставь, а тровешь хоть пальчикомъ — сейчасъ и пошла прочь, сейчасъ другія занесетъ. Я ужъ какъ за глазкомъ своимъ за ней третій день хожу; вижу — нестись собралась: ну, думаю, какъ уйдетъ куда! Ужъ и Михайла Васильевича просила присмотрѣть, и отъ этихъ шлюхъ, отъ дѣвокъ, и-Боже-мой, какъ стерегла. Вѣдь и безпутный народъ! ей яйцо ухватить нешто долго? Нѣтъ, слава-таки-богу, уберегла. Теперь у насъ, барышня милая, пойдетъ заводъ... не сглазить-бы.

— Да ты чего-жь это ей насыпала? вдругъ взглядѣлась Надя, раздвигая концомъ своего башмачка кучку зеренъ; — развѣ можно шептуновъ овсомъ кормить? Ты, право, съума сошла, Лямиха.

— А чего-жь не кормить? Нешто шептунъ не птица? недовѣрчиво возражала Лямиха.

— Сто лѣтъ живешь, старая, а ничего не знаешь! горячилась Надя; — ты мнѣ совсѣмъ погубишь птицу. Сбѣгай къ Панфилу, захвати у него гарчикъ гречихи, тамъ, должно быть, охвостье осталось... да покроши ей что отъ стола останется; она говядину отлично будетъ ѣсть.

— Это она за первый сортъ! съ улыбкою вдругъ поддержаль поваръ Михайло и, повернувшись къ столу, шлепнулъ въ муку перемятый комокъ тѣста.

Лямиха сдѣлала-было шагъ къ двери, но вдругъ остановилась и прыгнулась къ окну.

— Кто-то къ намъ во дворъ ѣдетъ, барышня, сказала она; — тройкою...

Надя тоже нагнулась и смотрѣла. Она давно съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждала своего Анатолія; она думала о немъ всю эту ночь; она смотрѣла, ожидая его, на проулокъ, когда шла утромъ въ кухню виѣстѣ съ Лямихой, но теперь почему-то Надя совсѣмъ не думала объ Анатоліѣ и совершенно не узнала знакомой гнѣдой тройки, посѣдѣвшей на мятели... Счастье никогда не приходитъ въ ту минуту, когда его зовешь, и самое постоянное ожиданіе обыкновенно пропускаетъ тотъ мигъ, который оно подкарауливаетъ, и, какъ нерадивыя дѣвы притчи, не успѣваетъ зажечь своихъ свѣтильниковъ на-встрѣчу грядущему жениху.

— Матушки, да кто-жь это? Чужой какой-то! Становой никакъ, съ любопытствомъ догадывалась Лямиха, рассматривая закутанную фигуру Суровцова, соскочившаго у подъезда съ саней.

Поваръ Михайло Васильевичъ тоже хмурился и соображалъ, приставъ къ другому окну кухни.

Вдругъ у Нади словно сдернули пелену съ глазъ, и она по одному жесту, по одному шагу разомъ узнала, кто подъѣхалъ къ ея дому. Сердце ея сильно всколыхнулось, потомъ замерло.

— Станового нашла! Суровцовскій барчукъ!.. съ презрительной увѣренностью объявилъ Михайло, отходя отъ окна. — Аль окривѣла, старая? Должно, изъ губерніи вернулся.

Надя нѣсколько минутъ простояла въ кухнѣ, держась обѣими руками за сердце, совершенно блѣдная; этотъ долгожданный прїѣздъ показался ей слишкомъ неожиданнымъ.

Сестры не долго оставались въ диванной, гдѣ сидѣлъ Суровцовъ. Подъ разными предлогами, одна за одною, вышли онѣ отсюда, и Надя осталась наединѣ съ Анатоліемъ.

Анатолій весело и тепло протянулъ Надѣ обѣ руки.

— Вотъ теперь здравствуй, сказалъ онъ, просіявъ счастливой улыбкой. — Здравствуй, моя радость, моя жизнь; наконецъ, я опять около тебя.

Надя встала, подошла къ Анатолю и, крѣпко сжавъ руку его, поцѣловала его прямо въ губы; она не улыбалась; она была полна какой-то торжественной и серьезной радостью.

— Здравствуй, мой милый, прошептала она.

— Я пропалъ безъ тебя, Надя, говорилъ Анатолій, не выпуская ея рукъ и смотря въ ея ласковые глаза съ выраженіемъ безконечнаго счастья. — Точно я страствовалъ въ пустынѣ сорокъ дней и сорокъ ночей и, наконецъ, возвратился домой; мнѣ теперь такъ хорошо, а тамъ было такъ скверно.

— И мнѣ нельзя жить безъ тебя, Анатолій, сказала Надя, — безъ тебя темно и душно. Ты никогда не долженъ уѣзжать надолго.

— Сердце мое, развѣ я радъ своей мужѣ? Я жилъ тамъ, а видѣлъ одну тебя.

— Я только и думала, что о тебѣ, сказала Надя.

— Мы теперь долго не разстанемся... Ты знаешь, Лидина свадьба черезъ два мѣсяца, Надя; когда-же наша? зачѣмъ мы откладываемъ?

— Мы подождемъ еще немного, Анатолій; вѣдь я все равно твоя на-всегда

— Ждать очень тяжело, мое сердце, но я буду ждать. Я не смѣю идти противъ твоей воли, вздохнулъ Суровцовъ, смотря на Надю умоляющими глазами.

— Мы вѣдь весь этотъ годъ будемъ вмѣстѣ? спросила Надя. — Не правда-ли? Вѣдь ты будешь пріѣзжать къ намъ каждый вечеръ, каждый праздникъ, когда ты не занятъ? Ты будешь мнѣ опять читать твои книги и объяснять все; мнѣ нужно много работать; вѣдь я сама шью свое приданое съ сестрами.

— Ты, стало быть, сказала мнѣ, мое сердце?

— Я никому не говорила и не скажу. Но онѣ сами знаютъ; развѣ этого можно не знать?... Вѣдь это-жъ всѣ видятъ.

— Что видятъ?

— Что я тебя люблю, что ты меня любишь, что мы соединились на-вѣки.

— Да, на-вѣки, на-вѣки. Дай мнѣ расцѣловать твои умныя губки за такія хорошія слова. Счастье мое, жизнь моя, моя

Надичка, шепталъ Суровцовъ, покрывая Надю порывистыми поцѣлуями.

— Хорошо жить на свѣтѣ! сказала Надя, расцвѣтая улыбкою счастья.— А вчера было такъ скучно. Посмотри, какое голубое небо, какое жаркое солнце. Повѣрить нельзя, чтобы нѣсколько часовъ тому назадъ была вьюга, туманъ, темнота. Ты не чувствуешь приближенія весны, Анатолий? А я чувствую ее. У меня вся кровь горитъ; на сердцѣ такъ жарко. Слышишь, какъ пѣтухи кричатъ, какъ весело чирикаютъ воробьи? Они тоже чувствуютъ весну. Съ крышъ каплетъ. Дороги протаяваютъ. Ты вѣдь любишь весну, Анатолий?

— Я дѣлаюсь ребенкомъ весною, Надя. Она такъ радуется меня. Знаешь-ли ты, что ты — сама весна. Ты тоже радуешь меня и молодишь, и дѣлаешь счастливымъ, какъ весна, прелестная райская весна, которую только во снѣ можно видѣть.

— Наша свадьба должна быть непременно весною или лѣтомъ, сказала, помолчавъ, Надя, глядя въ окно съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ.

— О, непременно, чтобы было тепло, свѣтло, чтобы цвѣли цвѣты не въ одномъ нашемъ сердцѣ, а вездѣ, вездѣ, на всемъ шарѣ земномъ, чтобы былъ праздникъ всему живущему и растущему.

— Я именно это и думала, сказала, улыбнувшись, Надя; — ты сказалъ мою любимую мысль... давнюю, давнюю.

— Какъ это давнюю?

— А такъ; я это подумала въ первый разъ знаешь, когда?

— Скажи, сердце мое.

— Ты помнишь, когда мы были въ прилѣпской церкви на Троицынъ день? Въ церкви стояли зеленныя березки, цвѣты. День былъ такой яркій и теплый; я тогда сказала себѣ, что наша свадьба должна быть весною и именно въ Троицынъ день, когда въ церкви зелень, цвѣты и солнце. Вѣдь я давно знала, что я выйду замужъ за тебя, я уже говорила тебѣ это.

— Говорила, говорила, моя Велледа-пророчица, и какъ я счастлива, что ты говорила это, улыбался Суровцовъ, горячо цѣлуя розовую ладонь Надиной ручки, которую онъ не выпускалъ изъ своихъ ласкающихъ рукъ.

— Но мы вѣдь будемъ думать не объ одной своей любви,

не объ однихъ себѣ? спрашивала Надя, одушевленная приливомъ теплыхъ чувствъ; — мы много будемъ думать о крестьянахъ, о бѣдныхъ, объ разныхъ дѣлахъ. Вѣдь ты не бросишь своей службѣ? Ты будешь работать по-прежнему, чтобы вездѣ была справедливость, порядокъ, чтобы никто не смѣлъ притѣснять другого? Правда вѣдь, Анатолій?

— Правда, правда! такъ-же одушевленно отвѣчалъ ей Суворцовъ. — О, я имѣю такіе планы, ты похвалишь меня за нихъ, я увѣренъ. Этотъ проклятый Крутогорскъ надавилъ на меня, какъ свинець. Но этимъ-то онъ и воскресилъ меня. Мнѣ никогда не хотѣлось такъ страстно дѣлать какое-нибудь хорошее, серьезное дѣло, какъ теперь. Не болтать на собраніяхъ, не связываться съ этими пошляками, а соединиться маленькой вучкой друзей и молча взяться за что-нибудь дѣйствительно важное и полезное.

— Расскажи-же мнѣ свои планы, Анатолій. Ты меня ничѣмъ не можешь такъ порадовать, нетерпѣливо спрашивала Надя. — Не знаю сама отчего, но я всегда недовольна, когда у меня нѣтъ какого-нибудь дѣла для другихъ. Я такъ часто мучаюсь въ душѣ, что-бы такое начать дѣлать, очень, очень полезное, самое полезное, какое только на свѣтѣ есть. Мнѣ кажется, для такого дѣла я забыла-бы все, я-бы вся отдалась ему и была-бы безконечно счастлива. Ты не повѣришь, Анатолій, что для меня значить дѣлать добро другимъ. Я тогда гораздо добрѣе сама къ себѣ. И весь міръ, всѣ люди мнѣ кажутся лучше. Но я совершенно не знаю, что собственно должна я дѣлать. Можетъ быть, то, что я дѣлаю, вовсе не нужно; можетъ быть, есть вещи гораздо нужнѣе. А научить меня некому. Я знаю, что ты можешь научить этому. И ты ужъ вѣрно выдумалъ что-нибудь такое, лучше чего на свѣтѣ нѣтъ.

— Я вотъ что выдумалъ, Надя. Насъ мало, и мы сами люди маленькіе. Возьмемся-же за маленькое, что намъ по плечу.

— Отчего-жь не за большое?.. Кто-жь большое будетъ дѣлать? замѣтила Надя съ нѣкоторымъ разочарованіемъ въ голосъ. — По-моему, нужно быть смѣлѣе. Смѣлому Богъ помогаетъ.

— Это-то такъ, моя умница. Смѣлыми мы должны быть и, Богъ дастъ, будемъ. Но вѣдь чѣмъ раскидываться по всѣмъ че-

тыремъ вѣтрамъ или потрясать скалы руками, гораздо разумнѣе сосредоточиться на одномъ, что намъ подь силу. Одолѣмъ одно, а тамъ что Богъ дастъ.

— Что-же ты выдумалъ? говори мнѣ все.

— Хорошо еще сказать тебѣ не могу, а только въ общихъ чертахъ. Видишь-ли, мы съ тобою счастливы, Надя. Наша личная жизнь полна. Нужно теперь создать себѣ какое-нибудь постоянное нравственное призваніе, чтобы не только быть счастливыми, но и полезными другимъ.

— Да, да! горячо поддерживала Надя. — Это необходимо создать, совершенно необходимо, милый мой.

— Я, положимъ, служу и стараюсь, по-возможности, быть полезнымъ съ этой стороны. Но, по-моему, этого мало. Меня, во-первыхъ, не нынче—завтра спустятъ, имъ не нужно такихъ; а во-вторыхъ, тутъ столько разнороднаго и поверхностнаго. Тутъ слишкомъ много другихъ вліяній. Да, наконецъ, это все болѣе или менѣе официальная администрація, которая не проникаетъ въ корни вещей. Мнѣ-бы хотѣлось, сверхъ этой общей дѣятельности, создать для себя болѣе тѣсную, которая была-бы мнѣ и ближе, и возможнѣе. Напримѣръ, взять на свои плечи судьбу какой-нибудь одной деревушки, ну, хоть Пересухи или Суровцова.

— Ахъ, да, да... какъ это хорошо... Ахъ, милый, милый!.. увлеченно шептала Надя, смотря на Анатолія глазами, полными любви и благодарности.

— Они здѣсь душатъ другъ друга, наши мужики; имъ вернуться некуда. Что они ни дѣлай, какъ ни бейся, все будетъ плохо. Имъ нужно создать новую обстановку, дать имъ просторъ.

— Да, да, сочувственно говорила Надя, не отрывая отъ Анатолія любопытныхъ и недоумѣвающихъ глазъ.

— Положимъ, это не Богъ знаетъ какое большое дѣло съ точки зрѣнія міровой, продолжалъ разсуждать Суровцовъ. — Но я думалъ такъ: если каждый изъ насъ, болѣе счастливыхъ и болѣе сильныхъ, сдѣлаетъ пользу хоть какой-нибудь сотнѣ обдѣленныхъ судьбою, — въ результатъ выйдетъ не мало. Во всякомъ случаѣ, если я это сдѣлаю, я буду правъ передъ собою, и

если я окажусь одинъ или насъ окажется три-четыре, мы не можемъ быть виноваты за другихъ. Пусть и другіе дѣлаютъ тоже самое или отвѣчаютъ за себя.

— Но что-же мы можемъ сдѣлать для нихъ, о какомъ просторѣ говоришь ты? спрашивала Надя.

— Вотъ объ этомъ-то мы и будемъ теперь думать и хлопотать: какъ и что, и когда. Моя мысль — найти землю за Волгой и помочь переселиться туда; часть села уйдетъ, остальнымъ станетъ просторно надолго. Земли будетъ вдвое больше и этимъ, и тѣмъ. Да и условія тамъ совсѣмъ иныя: сѣнокосы, луга, воды, всякія угодья; только руки нужны да воля. Молодежь могла-бы на новыя мѣста, старше остались-бы на старыхъ. А то и на Кубань можно, тамъ еще привольнѣе.

— Дальше, дальше, говори мнѣ все, шептала Надя, вся погружаясь въ радостныя надежды.

— Вѣдь я еще ничего порядкомъ не передумалъ; можетъ быть, все иначе придется. Хотѣлъ поговорить съ тобою и знаешь еще съ кѣмъ?

— Ну?

— Ты засмѣешься... никакъ не ожидаешь. Съ одною весьма важною и весьма аристократическою барынею. Какъ тебѣ это покажется? шутливо спрашивалъ Суровцовъ.

— Какъ, съ м-ше Мейенъ? съ какимъ-то радостнымъ испугомъ вскрикнула Надя.

— А ты почему догадалась? Да, именно съ нею. Знаешь, — можетъ быть, я ошибаюсь, но я нѣсколько сошелся съ нею въ послѣднее время передъ отъѣздомъ, — право, она не такая, какою ее считаютъ здѣсь многіе. Въ ней нѣтъ ни чванства, ни особенно дурныхъ привычекъ. Даже, признаюсь тебѣ, мнѣ показалось, что у нея прекрасное и очень теплое сердце, способное на хорошія вещи. Я думаю, ее испортило воспитаніе, а по натурѣ своей она хорошій человекъ. По крайней мѣрѣ, всякое порядочное дѣло возбуждаетъ въ ней такое искреннее сочувствіе, котораго я никогда отъ нея не ожидалъ. Мнѣ даже иногда представлялось, что если-бы заняться ею, ее можно было подвинуть на весьма серьезное дѣло. У ней внутри такъ пусто, и она, мнѣ кажется, сама тяготеетъ этою пустотою и съ радостью-бы ухватилась за какое-нибудь доброе дѣло, которое-бы могло надолго

занять ее. Она встает и имѣетъ такія средства. Этотъ жалкій спиртъ—ея мужъ—все равно пропуститъ ихъ сквозь пальцы. Ни собѣ, ни другимъ.

— Послушай, Анатолій, сказала вдругъ Надя, серьезная и радостная; черные глазки ея играли одушевленными огоньками.— Ты говоришь это нарочно отъ себя. Но ты просто читалъ въ моемъ сердцѣ. Ты сказалъ всѣ мои слова, всѣ мои мысли. Я убѣждалась нѣсколько разъ, что ты говоришь мое. Знаешь, баронеса Мейенъ—теперь мой первый другъ... послѣ тебя, конечно. Я съ нею дружила, чѣмъ съ сестрами. Я бываю у нея ежедневно, я почти жила у нея безъ тебя. Знаешь, Анатолій, это.. это ангель, а не женщина... это такая высокая и благородная душа. Она меня часто спрашивала, что-бы добраго сдѣлать ей. Она хочетъ этого, Анатолій, она ужасно этого хочетъ. Если ты скажешь ей слово, она все сдѣлаетъ. Ахъ, какъ ты уменъ, какъ ты милъ, Анатолій, какъ ты все хорошо это выдумалъ.

— Вотъ-бы и отлично было!.. У нея, ты знаешь, есть земля около Азовскаго моря, не даетъ ей ни гроша, а нѣсколько тысячъ десятинъ, кажется. Признаться, я больше всего имѣлъ въ виду эту землю. Ну, что ей, въ самомъ дѣлѣ! Дѣтей нѣтъ, дохода съ нея не получаетъ. Отчего-бы ей не помочь народу? Я бы организовалъ переселеніе, принялъ на себя всѣ хлопоты. Наконецъ, если-бы нельзя было даромъ, можно было-бы на какихъ-нибудь выгодныхъ условіяхъ. Льготы разныя, разсрочки; конечно, все это нужно обдумать обстоятельно.

— О, я увѣрена, она всѣмъ пожертвуетъ для такого дѣла. въ восторгѣ говорила Надя. — Она будетъ счастлива; ты не знаешь, Анатолій, какая это прекрасная женщина: тебя она любить, какъ мать. Тебя и меня. Ей я сказала, что мы любимъ другъ друга, Анатолій. Ей можно все сказать. Я тебя прошу, Анатолій, бывать у нея чаще; полюби ее такъ, какъ я ее люблю.

— Непремѣнно, непременно, мой ангель. Если ты наша, что она хорошій человекъ, то значитъ она дѣйствительно хорошій человекъ. Твоему взгляду я вѣрю вполне. Ты видишь насквозь душу человека. Я буду у баронесы даже очень скоро. Я хочу, чтобы дѣло закипѣло.

VI.

ЖИТЕЙСКІЕ ВЗГЛЯДЫ.

Суровцовъ просто воскресъ, очутившись опять въ томъ кругу дѣлъ и привычекъ, которыя сдѣлались съ нѣкоторыхъ поръ необходимыми его природѣ. Деревня—это земля, какъ ее создалъ Творецъ, со всѣми прелестями и богатствами, опасностями и трудами; въ деревнѣ человѣкъ остается сожителемъ звѣря, рыбы и птицы. Онъ не выбивается изъ условій природы, онъ во всемъ зависитъ отъ нея, держится ея, учится ей и знаетъ ее. Эта жизнь глазъ-на-глазъ съ природою, рука-въ-руку съ природою, наполняетъ деревенскаго человѣка трезвою и серьезною правдою; она наполняетъ его и тихимъ постояннымъ наслажденіемъ, которое не похоже на проходящій угаръ городскихъ удовольствій. Свѣжій воздухъ, радость солнечнаго свѣта, широкій просторъ земли и бодрость работающаго тѣла не опьяняютъ душу, какъ пары вина, какъ вихрь танцевъ, какъ раздражающая суетня честолюбія и сладострастія, спертая въ искусственной атмосферѣ и въ искусственной обстановкѣ городской жизни. Въ деревнѣ человѣкъ продолжаетъ быть, въ извѣстной мѣрѣ, тѣмъ человѣкомъ, который заселилъ въ первый разъ шаръ земной; ему слишкомъ еще ощутительна его зависимость отъ воды и солнца, отъ вѣтра, который дуетъ, отъ снѣга, который падаетъ; ему слишкомъ понятны и ежедневныя перемѣны погоды, и перемѣны годовыхъ времени; онъ узнаетъ о наступленіи весны не по календарю и не потому, что м-ше Адель къ этому времени привозитъ новыя шляпки, и не потому, что содержатель городского сада въ этотъ день устраиваетъ первое гулянье съ музыкою. Нѣтъ, деревенскій житель видитъ приходъ весны своими глазами, какъ видятъ входящаго въ комнату знакомаго. Онъ не можетъ не замѣтить этого прихода, потому что вся его дѣятельность, весь его хозяйственный бытъ сразу измѣняются. Отъ этого деревенскій человѣкъ скромнѣе цѣнитъ свои силы и гораздо больше благоговѣетъ передъ всемогущею силою природы, чѣмъ горожанинъ, для котораго всегда сухъ его макадамъ, всегда свѣтитъ луна изъ газоваго фонаря, всегда готовъ печеный хлѣбъ у булочника-нѣмца.

Горожанинъ загораживаетъ себѣ миръ газетою, книгою и удобствами своего общественнаго быта; для него все происходящее на свѣтѣ происходитъ легко и просто, потому что онъ не присутствуетъ при мукахъ рожденія тѣхъ первобытныхъ элементовъ жизни, безъ которыхъ не имѣли-бы смысла самыя утонченныя ея элементы. Только жителю поля видна до осязательности вся бѣдность силъ человѣка, вся его подавленность роковымъ божествомъ, которое онъ зоветъ природою и которому онъ вынужденъ поклоняться не только тогда, когда онъ творитъ кумиры и называется язычникомъ, но даже и тогда, когда онъ считаетъ себя свободнымъ мыслителемъ. Только тотъ, кто прежде, чѣмъ стѣбъ кусокъ печенаго хлѣба, долженъ извлечь его изъ земли, въ состояніи понять всю трудность борьбы съ природою, всю суровость жребія человѣка, находящагося въ общихъ космическихъ условіяхъ природной жизни. Жизнь прожить — не поле перейти, — высказалъ этотъ суровый опытъ.

Деревенская жизнь связываетъ человѣка со всѣмъ живущимъ и со всѣмъ прошедшимъ. Городская жизнь играетъ на поверхности, разнообразится, отвлекается отъ общаго типа жизни подъ вліяніемъ случайныхъ условій. Жизнь деревни — вѣчно та-же, вѣчно одна, во всѣхъ странахъ, у всѣхъ народовъ, во всѣ вѣка... Авраамъ и Улисъ имѣли дѣло съ тѣми-же стадами, съ тѣми-же солнцемъ, какъ и Иванъ Мелентьевъ изъ села Спасовъ; и Лингстонъ нашелъ въ недоступныхъ нѣдрахъ Африки тѣ-же труды и заботы пахаря, какъ и на поляхъ Ланкашира.

Эта устойчивость и мировая всеобщность деревенской жизни наполняла сердце Суровцова необыкновеннымъ спокойствіемъ духа. Онъ чувствовалъ себя не на сценѣ, не во временной роли, выдуманной ради какой-то случайной, произвольной и, можетъ быть, ошибочной пѣли, а въ положеніи необходимомъ и неизбѣжномъ, какъ рокъ, въ естественныхъ условіяхъ жизни, общихъ всему живущему на землѣ. Разочароваться и раскаяться въ такой дѣятельности никогда невозможно, какъ невозможно раскаяться въ томъ, что мы живемъ. Такъ жить можетъ быть очень трудно, но никогда не можетъ быть не разумно или не нужно. Природная простота этой жизни роднитъ человѣка со всѣмъ, что есть и было на землѣ, со всѣмъ человѣчествомъ, начиная съ его первобытной ступени — каменнаго вѣка, со всѣмъ, что дышетъ, что рас-

стеть... Это внутреннее сознаніе своего родства съ звѣремъ и лѣсомъ, съ птицей и солнцемъ, съ струей рѣки и рыбою, которая въ ней плавала, звучало въ душѣ Суровцова безошибочною вѣковѣчною правдою...

Всѣ остальные свои-занятія, цѣли, вкусы, обязанности Суровцовъ основалъ на этомъ сознаніи, привязалъ къ нему. Прежде всего онъ видѣлъ въ себѣ существо, обитающее на извѣстномъ кускѣ земного шара, одного изъ мириадъ, паселяющихъ поля и лѣса... Онъ зналъ, что они появляются и исчезаютъ, когда исполнятся времена, и что его удѣлъ—общій съ ними. Эта мысль, когда-то возмущавшая его юность, предметъ его мучительныхъ тревогъ и исканій, теперь уже не возмущала его. Онъ узналъ людей, размѣръ ихъ силъ, и убѣдился, что природа мудрѣ мечты. Ея безсмертіе поколѣній, ея безостановочное освѣженіе и усовершенствованіе типа посредствомъ замѣны старыхъ, умирающихъ организмовъ молодыми, нарождающимися—казалось теперь Суровцову самымъ гениальнымъ и справедливымъ закономъ природы... Сознаніе своего природнаго положенія сказывалось очень характерно во всѣхъ поступкахъ и взглядахъ Суровцова. Заботу о своемъ матеріальномъ бытѣ, о томъ, что его нора была сыта и тепла зимою, Суровцовъ считалъ самою первою и естественною обязанностью; но это-же самое сознанье сдерживало эти заботы въ предѣлахъ простоты и умѣренности, удивлявшихъ всѣхъ, кому было чуждо космическое настроеніе Суровцова. Настроеніе это опредѣлило для Суровцова самымъ рѣшительнымъ образомъ выборъ женщины, съ которою-бы онъ могъ соединиться на всю жизнь. Съ своей отчасти зоологической почвы Суровцовъ посмотрѣлъ-бы съ презрительнымъ сожалѣніемъ на человѣка, который позволилъ-бы себѣ избрать свою пару, своего друга жизни, безъ условій тѣлесной силы, тѣлеснаго здоровья...

— Мать и работница не смѣютъ быть слабы, говорилъ онъ самъ себѣ.

Суровцовъ не искалъ поэтому свою женщину въ рядахъ хилыхъ и нервныхъ организмовъ городскихъ барышень. Ему, конечно, было слишкомъ мало, слишкомъ не нужно одно здоровье. Но безъ него ему ничего не было нужно и въ этомъ онъ былъ крѣпокъ, какъ Адамантова скала. Когда онъ узналъ Надю, онъ едва вѣрнулъ самому себѣ. Ему казалось невозможнымъ встрѣтить

дѣвушку, до такихъ мелочей подходящую къ его требованіямъ, и онъ очень часто мучился подозрѣніемъ, такова-ли Надя въ самомъ дѣлѣ, не принимаетъ-ли онъ за истину игру своей собственной фантазіи, свои ожиданія и желанія за дѣйствительность. Надя прежде всего была молодая, крупная, здоровая и красивая дѣвушка, организму которой не могли быть страшны предстояшія потрясенія и труды семейной жизни. Она была прекрасная пара для такого-же крѣпкаго и молодого организма, съ точки зрѣнія здороваго, породистаго приплода. Суровцовъ сознательно чувствовалъ это и не только не стыдился этого сознанія, но считалъ такое сознаніе своею положительною нравственною обязанностью. Онъ, не стѣсняясь, проповѣдывалъ вездѣ эту точку зрѣнія, особенно матерямъ. Суровцовъ былъ убѣжденъ, что только глубокое невѣжество въ наукѣ природы вызываетъ бессмысленное деликатничество съ вопросомъ о женскомъ здоровьѣ, женской силѣ, отъ которыхъ зависитъ все духовное и матеріальное благосостояніе народа. Онъ считалъ преступницами матерей, которыя нелѣпыми обычаями своего воспитанія подрывали въ корнѣ тѣлесную крѣпость своихъ дочекъ.

— За одну здоровую, безграмотную дѣвушку я отдамъ цѣлый десятокъ хилыхъ барышень, знающихъ по-французски и учившихъ всеобщую исторію, смѣясь, говаривалъ Суровцовъ къ большому скандалу шимовской публики, изумлявшейся дикимъ теоріямъ ученаго профессора.

Но, конечно, Суровцовъ не могъ останавливаться на одномъ здоровьѣ. Здоровье было для него условіемъ только отрицательнымъ: нельзя безъ здоровья.

Требованія Суровцова были, напротивъ того, чрезвычайно широки, тонки и разнообразны, какъ отъ себя самого, такъ и отъ того, кто долженъ былъ слиться съ нимъ на всю жизнь. Суровцовъ задался мыслію, что человѣкъ долженъ быть полнымъ человѣкомъ, а не отколотомъ частью человѣка; онъ можетъ быть маленькимъ, но онъ не долженъ быть *одною львою* или *одною правою*, одною заднею или одною переднею стороною большого человѣка. Его гармоническая натура отвращалась отъ исключительныхъ типовъ, въ которыхъ плоть убивала духъ, духъ убивалъ плоть, сухая мысль подавляла фантазію и образы или образы фантазіи не давали дѣйствовать мысли.

— У насъ, въ университетѣ, въ мое время были два профессора, говариваль, шутя, Суровцовъ: — одинъ профессоръ поэзіи, эстетики и риторики, высохшій, какъ скелеть, съ самыми платоническими чувствами и всегда пустымъ кошелькомъ; другой — профессоръ латинскаго языка, толстый, коротенькій и красный, какъ самоваръ сбитеньщика, безсовѣстный взяточникъ, пьяница и обжора, набившій себѣ деньгу. Студенты въ своемъ „студентскомъ катехизисѣ“ такъ говорили про нихъ: „кто признаетъ въ профессорѣ Щетинскомъ кромѣ духа еще плоть — да будетъ анафема; кто признаетъ въ профессорѣ Чесноковичѣ кромѣ плоти еще духъ — да будетъ анафема!“ Такова и моя точка зрѣнія; я одинаково предаю отлученью, какъ духъ, презирающій требованія плоти, такъ и плоть, подавляющую духъ; мой идеаль — гармонія древняго грека, только на нашъ образецъ.

Черезъ эту черту характера жизнь Суровцова была богата и разнообразна, какъ рѣдко случается. Для него всегда находились впечатлѣнія, наслажденье, цѣли. Онъ вездѣ чувствовалъ себя дома, вездѣ отыскивалъ что-нибудь, что было для него интересно, надъ чѣмъ былъ смыслъ поработать. И пересухинскій мужикъ, и товарищъ-профессоръ были одинаково его людьми. Съ каждымъ его связывало что-нибудь общее, родственное. Точки зрѣнія хозяина и художника, охотника и политическаго дѣятеля ему были равно доступны, не вызывая въ немъ никакихъ искусственныхъ натяжекъ. Онъ съ увлеченіемъ вливалъ въ странныя формы созданій, открывающихся его глазу подъ стекломъ микроскопа, съ увлеченіемъ рисовалъ характерную группу или сцену, съ увлеченіемъ глядѣлъ на живой образъ прекрасной женщины.

— „Номо sum“, постоянно твердилъ съ улыбкою Суровцовъ, оправдываясь передъ укорявшими его товарищами-спеціалистами.

Суровцовъ сознавалъ, что это разнообразіе вкусовъ помѣшало ему достигнуть извѣстности и осязательныхъ результатовъ въ области его спеціальности. Но онъ нисколько этимъ не тревожился и не раскаивался въ своихъ собственныхъ свойствахъ.

— Я глубоко уважаю ихъ, этихъ людей сплошнаго синяго, сплошнаго краснаго, сплошнаго желтаго цвѣта: они замѣтнѣе нашего брата, ихъ вліяніе всѣмъ чувствительно. Но я самъ — за парный спектръ, за всѣ семь цвѣтовъ, слитые въ одинъ бѣлый

цвѣтъ. Онъ пріятнѣе, нужнѣе и доступнѣе моему глазу. Не завидую имъ.

Разнообразіе вкусовъ и способностей дало Суровцову огромную практическую силу.

— Я вросъ въ землю сорока сороками корней, говорилъ про себя Суровцовъ. — Перерѣжутъ одинъ — на другихъ держусь, а всѣхъ не перерѣзать; останется хоть одна жилочка, я и черезъ ту напьюсь.

Эта сила совершенно изгнала изъ жизни Суровцова скуку, малодушіе и отчаяніе. Его взглядъ на міръ, на жизнь былъ полонъ того спокойнаго довольства, той тихой и трезвой отрады, какаѣ отличала нѣкогда философа-грека... Стоя твердо на своей космической точкѣ зрѣнія, постоянно разсматривая себя въ одномъ широкомъ, общемъ обзорѣ со всѣмъ живущимъ и жившимъ, постоянно смиряемый сознаниемъ непреложнаго теченія законовъ природы и ея вѣчнаго обновленія, Суровцовъ не могъ питать себя несбыточными мечтами и требованіями отъ жизни. Онъ зналъ хорошо, чего онъ могъ ждать, чего онъ долженъ былъ ждать, и вполне мирился съ существованіемъ роковыхъ предѣловъ. Съ точно тою-же трезвою практичностью натуралиста смотрѣлъ Суровцовъ и на собственныя свои обязанности. Байронизмъ во всѣхъ видахъ и степеняхъ ему былъ особенно смѣшонъ и онъ преслѣдовалъ его вездѣ, гдѣ только могъ открыть его признаки. Онъ находилъ, что байронизмъ былъ послѣднимъ всплескомъ талантливаго невѣжества и поэтическаго суевѣрія, что только бездѣлническая жизнь, отсутствіе суровыхъ обязанностей, незнакомство съ нуждою, капризное самоинѣнье и пресыщеніе физическими и духовными наслажденіями избалованныхъ судьбою людей могли породить это вредоносное, противообщественное и противоестественное направленіе мысли и чувствъ. Суровцовъ увѣрялъ, что если-бы Байронъ основательно повозился съ природою и надъ природою, то онъ первый-бы посмѣялся надъ своими непризнанными геніями, надъ своими страдающими титанами, не находящими нигдѣ выхода своимъ силамъ.

— Всѣ Манфреды показались-бы жалкими дѣтьми передъ истиннымъ титанизмомъ и истинною геніальностью природы; натуралистъ-буржуа Гете понялъ это лучше празднаго фланера-лорда и смирилъ своего Фауста передъ грознымъ духомъ земли, гово-

рилъ по этому поводу Суровцовъ. — Понять себя, какъ члена природы, втнаться во всѣ радости бытія ея, во всѣ обязанности ея дѣянія, признать роковую и вмѣстѣ съ тѣмъ мудрую необходимость ея законовъ, — вотъ цѣль истиннаго воспитанія, говорилъ онъ еще. — Древній эллинь сталъ на эту точку зрѣнія и его вѣкъ былъ вѣкомъ счастья, блеска и пользы. Онъ не возмущался противъ конечности всего земного — и сталъ бессмертнымъ. Онъ не хандрилъ, не раскапывалъ до нарывовъ своего мозга, своего сердца, — и былъ прекрасенъ, какъ Аполонъ, веселъ, какъ Вакхъ, здоровъ, какъ фарнезскій Гераклъ. Онъ не изнывалъ отъ отчаянія, что не можетъ объять необъятнаго, проникнуть въ непроницаемое, грязь обратить въ золото, смерть — въ жизнь, старость въ молодость, а между тѣмъ онъ создалъ философію, создалъ науку, создалъ искусство, создалъ политическую жизнь... Чтобы работать съ пользою, необходимо веселое и спокойное одушевленіе, необходима вѣра въ себя и въ міръ, который кругомъ. Отрицанье, сомнѣнье не могутъ быть постояннымъ состояніемъ здороваго психическаго организма. Всякое животное, созданное природою, радуется бытію, потому что это бытіе есть абсолютная радость; мимо него никакой радости быть не можетъ. Отчего-жъ одинъ человекъ на-столько удаляется отъ природы, что теряетъ это чувство наслажденія бытіемъ и бесплодно силится создать въ своей фантазіи какой-то иной фантастической міръ никогда ему недоступныхъ и никогда ясно несознанныхъ наслажденій? Природа — бездонное море всякихъ наслажденій; въ ней вся наука, все искусство, вся мораль. Въ ней все найдется. Умѣйте только глядѣть, желайте только искать; берите тѣ здоровые плоды, которые она даетъ, а не приставайте къ ней за связочными золотыми яблочками, которыхъ ѣсть нельзя, которые вы сами-бы кинули прочь, если-бъ она могла дать вамъ ихъ.

Такъ судилъ Суровцовъ людей сверхъестественнаго идеализма. Про себя и свои обязанности къ обществу онъ особенно часто бесѣдовалъ съ юнымъ Зыковымъ, который, по дивности своихъ привычекъ и по исключительности своего направленія, не посѣщавъ почти никого изъ сосѣдей, кромѣ Суровцова да Коптевыхъ, куда его затащилъ Суровцовъ. Хотя направленіе Суровцова было далеко не по нутру фанатической природѣ Зыкова, который его называлъ „благодущнымъ дилетантомъ“ и „утопченнымъ индифе-

рентистомъ“, однако, Зыковъ видѣлъ ясно, что Суровцовъ былъ человѣкомъ мысли и правилъ, что въ его обществѣ можно было услышать во всякомъ случаѣ недюжинное слово и сказать свое серьезное слово безъ опасенія пошлыхъ толкованій, глумленій и изумленій. Надя обыкновенно молча присутствовала при спорѣ Зыкова съ ея Анатолиемъ. Зыковъ чуть не ежедневно бывалъ у Коптевыхъ, во-первыхъ, потому, что Суровцовъ проводилъ у нихъ всѣ свободные часы, а во-вторыхъ, потому, что этому робкому дикарю необыкновенно понравилась непринужденная простота и полная свобода обращенія коптевскихъ барышень; никто его не занималъ, никто не считалъ своею обязанностью торчать противъ гостя въ креслѣ, не сводя съ него глазъ, не спуская его съ мѣста, не давая ему вздохнуть отъ немолчной, хотя съ трудомъ выжимаемой бесѣды, какъ это обыкновенно дѣлалось у Каншинныхъ и другихъ шшовцевъ, знающихъ приличія получше неблаговоспитанныхъ Коптевыхъ.

Конфузливые люди дѣлаются необыкновенно навязчивыми съ тѣми, передъ кѣмъ они перестаютъ конфузиться; они прилѣпляются къ нимъ съ какою-то неодолимою силою, какъ утопающіе, окруженные враждебною стихією, вѣриво обхватываютъ единственный обломокъ корабля, подающій имъ надежду на спасеніе.

— Съ вами мы никогда не сойдемся! смѣясь, увѣрялъ Зыкова Суровцовъ.—Вспомните мудрое раздѣленіе людей, которое сдѣлалъ Гейне по поводу Берне. Вы—іудей, человѣкъ безплотной мысли, фанатической обязанности... Я—эллинь, человѣкъ образъ, чувствъ, жизни... Я никогда не забуду себя и считалъ-бы это забвеніе первымъ грѣхомъ. Самая строгая евангельская мораль требуетъ отъ меня только того, чтобы я любилъ не одного себя, а и другихъ. Я считаю своею первою обязанностью—жить всѣми своими силами, извлекать изъ жизни все, что пріятно и полезно каждой моей потребности. Словомъ, я для себя на первомъ планѣ. Это мой главный тезисъ. Я не только не звѣрь, но и человѣкъ; вотъ у меня поэтому потребности не только животныя, но и человѣческія. У меня духъ пытливости, нравственное страданье и нравственное удовлетвореніе. Я не только индивидуумъ, человѣкъ, а еще родъ, человѣчество. Поэтому у меня потребности не только мои личныя, но еще и общечеловѣческія. Однако, все-жъ-таки я менѣе человѣческій родъ, чѣмъ

человѣческой индивидуумъ. Простительно-же для меня, не забывая интересовъ своего рода, прежде всего думать объ Анатоліѣ Суровцовѣ. Этого даже требуетъ справедливость, ибо если со всѣхъ Анатоліевъ, Ивановъ и Петровъ взять въ пользу человечества хоть по ниточкѣ, то выйдетъ изрядная рубашка, а о собственной рубашкѣ Анатолія Суровцова крошкѣ него некому думать. Поэтому, развивалъ далѣе Суровцовъ свою мысль, — я не принадлежу къ числу людей, относящихся съ болѣзненною тревожностью къ общественнымъ явленіямъ и къ общественнымъ обязанностямъ. Я съ спокойнымъ удовольствіемъ работаю на пользу общества, хотя сознаю, какъ ничтожна эта польза въ сравненіи съ громадностью общественныхъ потребностей и задачъ. Тайна моего спокойствія — твердый, естественный взглядъ на вещи; можете обзывать этотъ взглядъ эпикурейскимъ, оптимистическимъ, если хотите — олимпійскимъ и какимъ вамъ угодно; въ немъ дѣйствительно есть много эпикурейскаго, только не въ пошломъ смыслѣ, а въ возвышенномъ философскомъ смыслѣ, какой придавали этому направленію его основатели. Да, повторяю вамъ, я твердъ и спокоенъ, какъ Зевесъ на своемъ Олимпѣ... Каульбахъ изобразилъ его отлично въ своемъ „Вѣкѣ Гомера“. Непоколебимая, невозмутимая, властительная мощь! Я знаю, что міръ полонъ несовершенствъ и что смыслъ міровой жизни есть развитіе всѣхъ своихъ силъ, всѣхъ „потенцій“, говоря языкомъ школы. Если бы не надъ чѣмъ было биться, работать, не зачѣмъ было бы и существовать. Совершенное — значитъ законченное, а законченное — значитъ переставшее развиваться, жить... Изъ-за чего-же мнѣ возмущаться тѣмъ, что міръ живетъ и растетъ, что человечество совершенствуется и развивается? Если бы я былъ средневѣковой монахъ или поклонникъ Руссо, я бы могъ оплакивать потерю невиннаго младенчества міра, того золотого вѣка, когда тигръ лобызалъ овечку, люди пользовались бессмертіемъ и жили безъ труда и печали въ садахъ, наполненныхъ сладкими плодами... Но я — суровый натуралистъ и не могу забыть, какъ бы ни старался, что вмѣсто диноплотеріевъ и мегалотеріевъ, пещерныхъ людей и обезьяно-подобныхъ ихтіофаговъ на земномъ шарѣ живутъ теперь благовоспитанные люди съ тонкими нервами, которые не только не пожираютъ другъ друга сырымъ, но даже и говядину ѣдятъ не иначе, какъ хорошо изжаренную. И прочитывая въ

своихъ семейныхъ бумагахъ, какъ моя дѣды такъ еще недавно продавали живыхъ людей стадами и поштучно, какъ запарывали ихъ и ссылали въ Сибирь, не возбуждая ни малѣйшаго удивленія, сожалѣнія или виѣшательства общества, я не могу не признавать своего нетерпѣнія и своей требовательности относительно нравственнаго совершенства общества крайне неосновательными и малодушными. Согласитесь, что есть-же маленькая разница между Солтычихой и дѣятелими девятнадцатаго февраля? Жадность въ нравственныхъ требованіяхъ, положимъ, не грѣхъ, но она дѣлается вреднымъ заблужденіемъ, если обращается въ источникъ страданья, раздраженія, недовольствъ. Въ итогъ она лишаетъ общество полезной помощи множества людей. Здравое настроеніе предохранило-бы ихъ отъ несправедливости къ людямъ, отъ несправедливости къ самимъ себѣ. Мало-ли такихъ нравственныхъ натуръ бесплодно сожгли себя этими болѣзненно-преувеличенными взглядами? Мало-ли другихъ, которые пришли въ отчаяніе отъ мнимой непосильности ихъ и мнимой безнадежности своей общественной задачи! Все это неправда. Все обстоитъ благополучно, все идетъ своимъ естественнымъ путемъ, если судить міръ, какъ міръ, какъ реальное существованіе во времени и пространствѣ, а не какъ баснословные сады звонко-гласныхъ гесперидъ въ Феогоніи Гезіода... Укротите немножко ваше самолюбіе; вы не Прометей и не Девкаліонъ. Вы не обратите камней въ людей. Вы—одинъ человекъ и въ этомъ вся тайна. Требуйте отъ себя какъ отъ одного. Судите себя, какъ одного. Я сужу себя и требую съ себя именно такъ, и оттого спокоенъ, потому что сознаю, что я дѣлаю довольно для одного бременнаго и грѣшнаго созданья... Пусть другіе работаютъ за себя и болѣютъ за себя; я думаю, что наше образованіе, наша наука должны привести понемногу всѣхъ насъ къ этому выводу. Что за нелѣпое и противоестественное явленіе въ мірѣ — цѣлое общество, цѣлый вѣкъ въ болѣзняхъ отрицанія, невѣрія, отчаянія, презрѣнія и вражды къ самимъ себѣ! Это мыслимо, какъ моментъ, какъ переходная борьба, но человечество должно отдѣлываться скорѣе отъ этой психической болѣзни, какъ человекъ старается излечиться отъ болѣзни тѣла. Почему греки, задавленные гораздо болѣе нашего природою, менѣе знавшіе, болѣе суевѣрные, неразвившіе такого опыта и такихъ всестороннихъ силъ, могли жить на землѣ, довольные

и спокойно? Вся наша хваленая цивилизація и наука не стоили-бы выѣденнаго яйца, если-бы они были не въ силахъ привести насъ къ тому, къ чему умѣли придти люди за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, въ младенческіе вѣка человѣчества? Нѣтъ, я не вѣрю этому, а вѣрю въ нашу науку. Ея пора придетъ и мы всѣ станемъ такими-же олимпійцами, только на болѣе разумныхъ и болѣе широкихъ началахъ. Если не любить міра, не вѣрить въ міръ, то нужно сдѣлаться буддистомъ, нужно стремиться исчезнуть „въ пучинѣ Нирваны“, этого хаотическаго ничтожества или, по крайней мѣрѣ, распинать свою плоть со „страстями и похотями въ сей юдоли плача и въздыханія“, въ семъ мѣстѣ временной ссылки, какъ дѣлали это гораздо болѣе послѣдовательные философы фиваидскихъ обитателей... Не думайте, однако, чтобы я проповѣдывалъ теорію доктора Панглосса: все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ. О, нѣтъ! я вѣдь особенно напиралъ на то, что я не фантазеръ. Сквернаго много, ужасъ, какъ много; и скверное для меня очень скверно; я его не терплю, можетъ быть, болѣе многихъ другихъ. Но я его считаю естественнымъ, неизбежнымъ, въ порядкѣ вещей. Оно для меня такъ-же законно, какъ законна борьба противъ него, и я считаю за особенную честь, что принадлежу къ числу борцовъ противъ него. Только я такъ-же мало претендую на существованіе безнравственныхъ стихій человѣчества, какъ на градъ, на морозы, на засухи. Я стараюсь предохранить отъ нихъ свои посѣвы, какъ могу, минутами, конечно, раздражаюсь противъ ихъ неистовствъ, противъ опустошеній ими производимыхъ, но все-таки признаю ихъ естественнымъ явленіемъ и сживаюсь съ ними спокойно, какъ со всею природою вообще. Зло міра не застанетъ меня расквашеннымъ, раздавленнымъ своею собственною недодуманностью и малодушіемъ. Нѣтъ, я борюсь съ нимъ, не теряя своего яснаго міросозерцанія, не теряя власти надъ своими боевыми силами, и я думаю, что чрезъ это я врагъ злу опаснѣе мечтателей и инохондриковъ. Если хотите, я въ этомъ смыслѣ маленькій Бисмаркъ, маленькій *железный графъ* про свой обиходъ.

Надя подходила какъ нельзя болѣе подъ эти практическіе взгляды натуралиста и утилитариста. И зоологическое, и художественное чувство Суровцова было удовлетворено этою стройною и прочною колодой красотою.

Надя была человѣкъ земли, человѣкъ деревни, человѣкъ житейской борьбы. Но эти качества вполне здороваго человѣка, неискаженнаго выдумками фальшиваго воспитанія, были только твердою почвою, изъ которой, какъ изъ земли-питательницы, выросли прекрасные цвѣты самыхъ нѣжныхъ красокъ и самаго тонкаго запаха. „Широкогрудая Реа“ не даромъ родила эллинамъ небесныя звѣзды Урана. Помысли, чистые, какъ крыло голубицы, всходили и зрѣли въ горячей головѣ Нади, незнавшей жизни, но просившей жизни съ довѣрчивостью и радостью младенца. Міръ представлялся ей не въ фантастическихъ формахъ, въ какихъ представляется онъ институткамъ петербургскихъ проспектовъ, а во всей своей реальной красотѣ. Тѣ условія жизни, которыя для другихъ кажутся обыкновенно безсодержательною пошлостью, дѣломъ, недостойнымъ вниманія, оскорбляющимъ тонкость чувствъ и вкусовъ, были исполнены въ глазахъ Нади самаго живого интереса, потому что они были правдою природы а всякую правду и всякую природу Надя чувствовала особенно сильно и нуждалась въ нихъ особенно много. Въ нравственный міръ Надя вѣрила крѣпкою вѣрою младенца. Она видѣла кругомъ себя зло и сознавала его. Но сердце ея было полно такихъ надеждъ, которыхъ не въ силахъ были пошатнуть эти случайныя нарушенія правды, царившей въ идеалахъ Нади. Не зная, какъ бороться, за что приниматься, Надя шла въ жизнь, вся теплая святымъ рѣшеніемъ искать правду, стоять за правду... Ей казалось, что зло есть только заблужденіе, сидящее въ темныхъ углахъ міра, стыдящееся самого себя и ожидающее призванныхъ просвѣтить его; что чистая душа, прикасаясь къ нимъ перстами, исполненными любви, сброситъ пелену съ глазъ ихъ, какъ тѣ святныя дѣвы древняго христіанства, которыя исцѣляли прокаженныхъ, касаясь ихъ складками своихъ безпорочныхъ одеждъ. Это основное настроеніе Надиной души звучало особенною родственностью въ честной душѣ Суровцова. Ему казалось, что Надя поселилась внутри его, какъ духъ божій, наполнивъ его новыми силами добра. Надя была человѣкъ, Надя была ребенокъ, а человѣкъ-ребенокъ мыслить только образами. Правда, царство которой звала Надя въ окружавшій ее міръ и которое сіяло въ ея собственномъ сердцѣ, — требовала для себя живого человѣческаго образа; ея Анатолій сталъ для нея этимъ необхо-

димымъ воплощеніемъ правды, и она отдалась ему съ беззаветнымъ увлеченіемъ, какъ идеалу всѣхъ своихъ земныхъ надеждъ и желаній. Какъ ни различны были силы Суровцова и Нади, какъ ни различно выработала ихъ судьба, у нихъ въ основѣ было одно и то-же міросозерцаніе: спокойная радость жизни и юношеская вѣра въ жизнь.

VII.

ЗАМЕРЗЛЫЙ.

Прасоль Дмитрій Данилычъ, мужъ Алены, совсѣмъ „ослабѣлъ“ послѣ пожара. Онъ насилу сбился взять въ аренду кабакъ въ подгородной города Шишовъ. какъ-разъ при вѣздѣ со степи, то-есть со стороны Спасовъ и Пересухи. Въ кабакъ большею частью пришлось сидѣть Аленѣ. Самъ Дмитрій Данилычъ и дома почти не былъ. Все ѣздилъ по ярмаркамъ, кулачничалъ, изъ него вышелъ „сшибай“ на славу *). А только себѣ никакой пользы не добылъ. Бросался онъ очертя голову и на то, и на другое, шибко хотѣлось опять зашибить деньгу и стать на купеческое положеніе. А силъ не было. Денегъ никто не вѣрилъ. Разсчитывалъ-было, что Гордѣй помретъ — деньги женѣ достанутся, да у Гордѣя все погорѣло, а землю и прочимъ братьямъ задѣлили. У шишовскаго мужика дочь въ землѣ не наслѣдница, если братья есть; къ тому-же Гордѣй еще при жизни наградилъ Алену. Метался пронырливый прасоль, какъ угорь на сковородѣ, всего пробовалъ, гдѣ какою-нибудь поживою пахло. Забралъ у Силая Кузьмича соли въ долгъ — расторговаться. Силай его разсчелъ по девяти гривенъ за пудъ, а самъ Дмитрій Данилычъ по восьмидесяти копеекъ народу продавалъ, да еще лошадь кормилъ, да самъ харчился. За то сбиль себѣ деньги на патентъ и вина бочку купилъ, открылъ торговлю. Подрядился опять-таки Лаптю пеньку везть въ Ростовъ къ сроку, большую партію на корабельные каваты, вымаблачилъ по рублю съ воза барыша. Накупилъ въ Ростовѣ ни почемъ гнилого судака, думалъ морозъ прихватить, сбудетъ за зиму по деревнямъ да по базарамъ. Анъ

*) „Сшибай“—мѣстный терминъ для того рода кулаковъ, которые разными споровками сбиваютъ цѣну продавцевъ, особенно крестьянъ, въ пользу лавочниковъ.

какъ нарочно такая оттепель стала, что всѣ Филиповки была невылазная грязь. Провоняла въ концѣ рыба, пришлось на улицу выкинуть. Не везло что-то Дмитрію Данилычу. Ужь задумалъ за сады браться, сады по господамъ снимать, къ мельницамъ сталъ приглядываться, не попадется-ли гдѣ „на дурничку“ снять какую-нибудь разоренную. „Сниму изъ выстройки, чтобъ безъ платы года на три, а то на шесть лѣтъ, а тамъ что Богъ дастъ. Все пробуюсь сколько-нибудь“, разсчитывалъ Дмитрій Данилычъ, совершенно успокоенный перспективою, что отъ найма мельницы до острога все-таки пройдетъ не менѣе трехъ лѣтъ. А ему лишь-бы дѣло. Дѣло всегда прокормить до поры, до времени. Оно непремѣнно дастъ случай одного надуть, у другого занять, третьему разсчету не дать. Можно, напримѣръ, подрядъ взять и задатокъ впередъ; вагона три муки поставить. Судись тамъ потомъ.

Мельницы и сады—это былъ обычный послѣдній ресурсъ обнищавшихъ шишовскихъ мѣщанъ, которые сами не вѣрили ни въ какой удачный исходъ своихъ предпріятій, по которымъ хотѣлось протянуть еще нѣсколько годиковъ недоразумѣнія судьбы и людей относительно ихъ. Ни одинъ наниматель шишовскаго сада, шишовской мельницы не смотрѣлъ серьезно на свою аренду. Они обыкновенно не имѣли гроша въ карманѣ и заранѣе разсчитывали расплачиваться чужими деньгами. Кто не зналъ ихъ, съ тѣми они готовы были писать какое угодно условіе и даже облагать себя неустойками. Но это былъ одинъ миражъ, одна опасная иллюзія. Единственною-же дѣйствительною надеждою шишовскихъ прасоловъ и единственною гарантіею дохода шишовскихъ помѣщиковъ былъ Николай угодникъ, общій патронъ православной Руси. Если онъ пошлетъ какой-нибудь особенный урожай яблокъ, или особенно подниметъ цѣны на хлѣбъ, или порветъ весной сосѣднія мельницы, а его, „арендателя“, оставить въ покоѣ, ну, тогда „арендатель“ готовъ съ грѣхомъ пополамъ, съ оттяжками, съ разсрочками и съ влянченьемъ всякаго рода разсчитаться съ хозяиномъ, по условію; но такъ-какъ Николай угодникъ рѣдко бывалъ на-столько милостивъ къ шишовскимъ прасоламъ и чаще прорывалъ именно *ихъ* мельницы, отрясалъ вѣтромъ яблоки съ *ихъ* садовъ и устанавливалъ на базарахъ черноземныхъ городковъ дешевую таксу на рожь, ко-

тору прасолы ссыпали корцами съ „завоза“, то обыкновенно кромѣ земныхъ поклоновъ съ просьбою „пожалѣть“ ихъ, хозяевъ садовъ и мельницъ, рѣдко что получали съ наступленіемъ сроковъ отъ своихъ „арендателей“. Опытный человекъ издали по одному виду могъ узнать такого „арендателя“; ихъ отрепанная одежда и плутовское выраженіе лица заранѣе говорили: „съ насъ, братъ, взятки гладки; въ острогъ, такъ въ острогъ! Эка невидаль!“ Весь вопросъ для нихъ состоялъ только въ томъ, когда и гдѣ. Понятно, что черезъ это предѣлъ дѣятельности шишовскихъ арендателей суживался съ каждымъ годомъ; „арендатель“ могъ каждаго надуть только одинъ разъ, а потомъ онъ, разумѣется, боялся даже близко проѣхать мимо поприща своей дѣятельности. И, однако, они не унывали и упорно продолжали надувать по-очереди всѣхъ владѣтелей садовъ и мельницъ, справедливо рассчитывая, что имъ не обойти всѣхъ. Фамилія Дмитрія Данилыча была Скрыпкинъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ приторговалъ на высохшей рѣчкѣ Волчьей Платѣ какую-то мельницу-колотушку, жалобно привурнувшую къ вѣчно прорванной плотинѣ, народъ сталъ со смѣхомъ его называть „Отрепкинымъ“. Мельница эта была извѣстна у сосѣдей подъ очень обиднымъ названіемъ, и съ нея обыкновенно начинали шишовскіе арендаторы съ дырявыми карманами свой безнадежный курсъ. Нему древо, что Дмитрій Данилычъ сталъ зашибаться водкою цуще прежняго и что не весело стало жить съ нимъ Алень. Алена была молодецъ-баба для деревенскаго мужика, въ избѣ, въ огородѣ, въ полѣ. Но кабацкое дѣло было постыло ей. Мужъ ее постоянно билъ за то, что она была „проста“, не умѣла подливать въ водку воды, совѣстилась обжѣривать народъ шкаликами, не обсчитывала пьяныхъ.

— Какая ты мнѣ жена, какая добычица? рычалъ онъ на нее.—У людей жена за мужнину копейку распинается, а у насъ хоть крестъ съ шеи снимай: мы людей больше жалѣемъ, нежели себя!

Съ самаго пожара Василій не видалъ Алены и ничего объ ней не слыжалъ. У Василья было простое и честное сердце. Онъ понималъ, что Алена замужемъ, что онъ самъ женатъ. Хорошо-ли, дурно-ли, а все-таки „въ законѣ“. Ему въ голову не входило, что „вупчиха“ Алена, какъ онъ теперь называлъ ее,

могла быть недовольна своею судьбою, и чтобы онъ, „цуканъ“, былъ зачѣвъ-нибудь ей нуженъ. Самъ Василій думалъ часто объ Алень, хотя и гналъ эти думы прочь.

— Вотъ если-бы Алена, не то-бы было! говорилъ онъ самъ себѣ, съ горемъ всматриваясь въ бездомовничество своей Душки, вѣчно „полоскавшей“ зубы съ парнями. — Та-бы у насъ всѣхъ на работѣ задавила! Съ тою-бы въ домѣ честно было да тихо. Не гнала-бъ изъ избы. Ну, да теперь что поминать! Вѣтра въ полѣ не ухватишь; было, да прошло!

Лукерья опротивѣла Василью съ перваго-же дня. Она страсть боялась его и постоянно ему лгала. Когда Василій былъ дома, Лукерья было не по себѣ; все оглядывалась да въ окно посматривала. А взойдетъ Василій невзначай въ избу — Душка перетрусится вся, и все словно прячетъ что-то отъ него. Чувствовалъ Василій, что у самой груди его жабою лежало что-то чужое и холодное.

„Нудна она мнѣ, горько думалось ему. — Жены не такія бывають. У ней и языкъ лукавый, и глазъ лукавый... Смотрить на меня, ищетъ другого. Она въ моемъ дому, какъ у татарина въ полону. Ей збы черезъ порогъ! Вездѣ ей смѣхъ, только дома кручина. Что мнѣ съ такой-то жены?“

Для кого находились у Душки ласковыя рѣчи, веселыя усмѣшки, только для Василья не было ничего. Поднимется, бывало, Василій съ постели до зари, посмотреть на разметавшуюся жену, покачаетъ головою и съ омерзеніемъ плюнетъ.

— Обязала ты меня, душегубка, змѣя подколодная, скажешь съ тяжкимъ вздохомъ Василій и пойдетъ съ горя маять въ поле свою обиженную мужицкую силушку. Никто въ Пересухѣ не могъ угнаться въ работѣ за Васильемъ. Но теперь, когда опостылѣлъ ему его родной кровь, его постель, когда только въ широкомъ полѣ могла свободно вздохнуть его грудь, на работу Василья стало смотрѣть страшно.

— Эй, ребята, смотрите, какъ-бы Васька нашъ не двужильный сталъ... говорили мужики. — Домовой ему, что-ли, помогаетъ. Провались онъ съ всѣмъ. Противъ трехъ мужиковъ одинъ работаетъ.

— Это не Васька работаетъ, это Васькино горе работаетъ, объясняли другіе, знавшіе больше. — У горя, братъ, силушка велика.

Давно приходило въ голову Василью уйти въ заработки куда-нибудь на Кубань и не давать о себѣ вѣсти. Прогнать Лушку изъ дома было непригоже: дворъ ея былъ богатый, однихъ ребятъ четверо. Старикъ Мелентьевъ и старуха Арина выклевали бы глаза сыну, если-бы онъ лишилъ ихъ дворъ „благословенія божьяго“, которое пришло къ нимъ съ Лукерьею въ видѣ двухъ телушекъ, мерена-пятилѣтка и десяти овецъ. Да и братья Лушкины были озорники на все село и первые горланы на сходѣ. Не хотѣлось связываться съ ними Василью и срамить себя по добрымъ людямъ.

На масляницу Василій было не выдержалъ. Стали къ нимъ въ село солдаты. Къ кому ни придешь, ничего, живешь-себѣ солдатъ, пьешь, ѣсть, никого не трогаетъ. А придешь къ Васильевой избѣ — балаганъ балаганомъ! И балалайки, и гармоньки, и гостинцы. Всѣ солдаты къ Лушкѣ собьются. Полощеть съ ними зубы Лушка. Подойдетъ Василій, Лушку какъ варомъ окатить. Сразу притихнетъ, гонить прочь своихъ гостей.

— Чему вы, черти, обрадовались! Ишь навзлило васъ, обморозь, какъ на страженъе!

Ухмыльнутся солдатики, покосятся на Василья и разойдутся-себѣ потихоньку. Насунится, бывало, Василій туча-тучей. Лушка глазъ на него поднять не смѣетъ. Первую ночь все памятовала. До той поры она не знала Васильева норова, думала такъ-себѣ, мужикъ-вахлакъ, ничего не понимаетъ. Да и вправду, простъ былъ Василій. Претило ему жену, какъ вора, подкарауливать. Сколько разъ ребята ему сказывали про Лушку, какъ она съ солдатами баловаться начала, учили Василья, какъ и гдѣ ее накрыть. Однако, не захотѣлъ этого Василій; отвѣчать ребятамъ ничего не отвѣчалъ, только рукой махнулъ. Страхъ его бралъ. Онъ зналъ свой норовъ и зналъ, что будетъ въ случаѣ чего.

„Что мнѣ въ ней! Не жена она мнѣ! Пропади она подлая!“ утѣшалъ онъ самъ себя.

Большое горе и большой срамъ послалъ Богъ Великийъ постомъ на Мелентьевъ дворъ.

Противъ одинокихъ хуторовъ въ „головищѣ“ Рати, повыше Суровцова, старый пасѣчникъ-однодворецъ, Никита Талагаевъ, давно примѣтилъ на томъ берегу ручья какой-то подозрительный темный бугорокъ, котораго никогда прежде не видалъ его опыт-

ный глазъ степняка. Не зная Никита доподлинно, что это такое, однако, и смотрѣть не пошелъ. Остороженъ былъ старикъ. Не со вчерашняго дня жилъ, зная, какія окаянія въ степи бывають и какъ ни за что, ни про что добрыхъ людей по судамъ мѣкають. Сколько разъ и бабы приставали: „глянулъ-бы ты, Данилычъ, сходилъ, что за окаянія такая. Не было, не было ничего—вскочило, какъ бѣльмо на глазъ. Навозъ—не навозъ. Лошадь, что-ли, сказать, околѣла. Не далече сходить-то, шатуны-то тебя, старого, Богъ дастъ донесутъ“.

— Много вы, дурн, знаете! Умны больно, ругаль ихъ старикъ.—Вы брешьте-то поменьше, а побольше помалкивайте. Али спины зачесались? Не стегали давно? Жительство наше съ этого боку, къ тому боку намъ никакого нѣтъ касательства. Ну, и пуцай-себѣ лежить. Не мы клали, не намъ подымать. Господь знаетъ, зачѣмъ положилъ. А мы сторона. Вотъ сунься у меня кто на тотъ берегъ! Узнаю я!..

Такъ и пролежалъ всю зиму на пустошъ, безлюдномъ полѣ этотъ страшный черный бугорокъ. Его не видно было ни откуда, потому что никакихъ дорогъ не проходило черезъ это пустынное поле, сбѣгавшее пологою покатошью къ Ратскому ручью, и только изъ пасѣнки Данилыча, которая лежала напротивъ, на другой такой-же покатошти ручья, можно было замѣтить среди черныхъ обледенѣвшихъ кочекъ и насыпанныхъ снѣгомъ бороздъ осенняго взмета завѣянную снѣгомъ кочку иного размѣра, иного вида.

Старикъ Данилычъ, выходя по зимнимъ зарямъ на свой огуменникъ разчищать глубокой снѣгъ, забившій ометы яровой соломн, подолгу, бывало, смотрѣлъ съ высоты омета, опершись на свой вилы, на эту занимавшую его кочку. Хорошо наострился его глазъ отличать издали и падалъ, и оброченную свитку, и забытую въ полѣ копну, и свалившуюся съ воза охапку сѣна... Нѣтъ, не то что-то. Мудреное что-то лежить, чуялось сметливому старичку. И каждый день, прежде, чѣмъ вѣзаться за вилы, наваливать солому на возъ, непременно посмотритъ старикъ за рѣчку на черный бугорокъ: не случилось-ли чего съ нимъ? Нѣтъ-ли перемѣн какой? Но въ немъ ничего не измѣнилось; онъ лежалъ, какъ всѣ другія глыбы земли, на далеко окружавшія его, ожоченѣлый на зимнемъ морозѣ, заносимый снѣговыми вѣтелями,

оголяемый вѣтромъ, — лежалъ съ самаго Знаменія до весеннихъ сороковъ. Онъ возбуждалъ любопытство не одного талагаевского хутора. Сколько разъ видѣлъ Никита: подлетать къ нему вороны, покружатся, покружатся надъ нимъ и опустятся около; какая пошлѣй, начнеть бокомъ припрыгивать къ нему, прыгнетъ и остановится, поглядываетъ съ недоумѣніемъ. А къ самому боится подойти. Сажени на три поодаль держится. За всю зиму ни одна ворона сѣсть на него не пошлѣла. А кружилось страсть сколько.

Диву давался старый Никита. Неспроста что-то: ворона — птица ушная, ворона знаетъ, что дѣлаеть. Подходилъ раза два и бирюкъ на вечерней зарѣ. Вытянетъ сѣрую шею, нюхаетъ, нюхаетъ, завоетъ, словно заплачетъ такъ что даже собаки Никитины на пѣпяхъ запляшутъ. А подойти тоже не подходитъ. Тоже стережется. „Звѣрь, извѣстно, умнѣе человѣка. Онъ духомъ слышитъ“, — ображалъ себя молча Никита.

Подъ самыя сороки пересухинскій сотскій съ старостою и податнымъ заѣхали въ хуторъ Никиты Талагаева — подати собирать. Угостилъ ихъ Никита — поставилъ медку, вина поднесъ; „все будто правительство, нельзя-жь!“ самъ себя оправдывалъ скупой старикъ.

Получили подати, стали назадь въ село собираться. Никита имъ ни слова.

— А можно, говорить староста, — Никита Данилычъ, тѣмъ бокомъ проѣхать, бугромъ, тутъ дюже снѣжно?

Никита и отвѣчаетъ:

— Чего не можно? Должно, можно. Тамъ мѣсто на юру, не лощиною, тамъ завсегда снѣгу меньше бываетъ, господа начальники, а только мы, признаться, тѣхъ палестинъ не касаемся, намъ не рука. Все этимъ бокомъ ѣздимъ.

Проѣхали начальники черезъ ручей. Въѣхали на бугоръ, пятится лошадь назадь.

Что за диковина? Глянулъ сотскій впередъ: э, да никакъ человѣкъ мерзлый!

Остановили лошадь, подошли — и то человѣкъ!

А лежитъ мудрено: скорчился на колѣночкахъ, ничкомъ къ землѣ; лаптишки плохенькіе, пятками вверхъ глядятъ; какъ натянулъ рукою свитку на ухо, такъ и застылъ, а шапки нѣтъ. Поглядѣть —

живой лежитъ.. Толкни его—поднимется, пойдетъ. Даже волоса по вѣтру развѣваются и свитка шевелится.

Подивились начальники, покачали головами, сунулись опять къ Никитѣ.

— Бѣда, старшій: у тебя на полѣ челоѣкъ мертвый; убитый-ли, мерзлый-ли, Господь его знаетъ. Чего ты объ немъ начальству не доносишь?

— А мое дѣло—сторона, господа начальники, отвѣчалъ Никита.—Я никакихъ вашихъ дѣловъ не знаю. Что тамъ на полѣ за рѣчкою дѣлается, то до моего двора не касается. Мы съ этой стороны, а поле съ той. У насъ и загоновъ тамъ нѣтъ, и дороги мы туда не знаемъ. А изъ избы намъ ничего не видать. Да коли-бъ и видать что — зимнее дѣло. Снѣгомъ занесетъ, развѣ разсмотришь?

— Подъ снѣгомъ гдѣ разсмотрѣть! подтвердилъ староста. — Что навоза куча, что челоѣкъ — все едино! А только тебѣ, старшій, становому придется поклониться. Какъ разъ противъ твоего двора. Какъ-бы еще рѣзать къ тебѣ не приволокъ. Опречь тебя не къ кому.

— Упаси меня Господь! отрещивался Никита.—Восемьдесятъ лѣтъ прожилъ, никогда этого срама не бывало. За что мою бороду сѣдую срамить?

Становой Лука Потапычъ не сталъ медлить. На другой-же день „сѣхалъ на мѣсто“. Когда сотскій доносилъ ему, что найденъ замерзлый челоѣкъ, Лука Потапычъ съ двухъ словъ понялъ, гдѣ и какъ онъ былъ найденъ. Онъ такъ твердо зналъ всѣ загоны, овражки и лощинки своего стана, въ которомъ правительствовалъ цѣлыхъ семнадцать лѣтъ, что даже мѣстные мужики, которыхъ вообще было трудно удивить подобнымъ знакомствомъ, диву давались.

Волчья память была на этотъ счетъ у Луки Потапыча. Да и то, сказать правду, Лука Потапычъ хотя и принадлежалъ къ православнымъ христіанамъ и ежегодно Великимъ постомъ „сообщался святыхъ тайнъ“, однако, во многомъ вынужденъ былъ зломъ судьбою вести образъ жизни безпріютнаго бирюка и усваивать его воровскіе нравы.

Когда долгою зимнею ночью отощавшій волкъ пробирается занесенными снѣгомъ яругами, подрагивая отъ голода и мороза

даже подъ своей теплою шубою, онъ поневолѣ безошибочно узнаеть, въ какомъ дворѣ ворухка дырявѣе, въ какомъ жирнѣе баранъ, въ какомъ гусей больше и какая дорожка, мимо какихъ кустиковъ, какою лощинкой, идетъ къ этому двору. А когда къ вешнему Егорью выгонитъ мужичекъ на тощую парену свои захулавшіе на ржаной соломѣ табунки и вышлетъ мальчишекъ нагуливать на ней овецъ, голодный сѣрый воръ облизывается изъ своего лѣсного овражка, косится своими жадными глазами, пересчитывая мужицкихъ овецъ и жеребятъ. Какъ не знать ему, сколько ихъ у Прохора и сколько у Трофима и какіе у кого?

Такъ-же твердо и безошибочно зналъ Лука Потапычъ всѣ дыры каждаго двора, всѣхъ его жирныхъ и тощихъ скотинокъ, которыми онъ тоже волей-неволей долженъ былъ кормиться. Когда знакомый помѣщикъ жаловался ему разъ, какая непролазная грязь по селу Прилѣпамъ, черезъ которое шла битая дорога, Лука Потапычъ съ самымъ искреннимъ участіемъ попенялъ сосѣду за его неосторожность.

— Ну можно-ли, батюшка, въ такое время на Прилѣпахъ ѣздить? говорилъ онъ укоризненно.— Народъ, извѣстно, богатый, однодворецъ все. Хозяева капитальные. Скотины держатъ—страсть. Стадо-то выгонять—обѣхать негдѣ! все это степного завода скотина. Ядреная да цыбулястая. Ну, и толкутъ грязь. И мѣсятъ ее денно и ночью. Гдѣ-жь тутъ экипажу проѣхать?.. Нешто этотъ народъ о проѣзжѣмъ подумаетъ?.. А я ужъ завсегда, какъ весна, той стороною держусь, мужлановскими. И отлично! Потому тамъ все бывшіе господскіе. Силы той нѣту-ти. Скота мало. И пресухо, я вамъ доложу, только катись!.. Ну, и народъ обыкновенно стращенный, почтенія больше имѣетъ. Что прикажешь, тѣмъ-же часомъ и готово. Не храпятъ, какъ однодворцы.

И терпѣніе у Луки Потапыча, надо признаться, было тоже волчье. Онъ зналъ, что судьбу нельзя взять за шиворотъ, какъ безпаспортнаго бродягу, и повернуть къ себѣ лицомъ, къ лѣсу задомъ. Напротивъ того, Лука Потапычъ хорошо зналъ, что когда судьба схватитъ человѣка за шиворотъ, то не скоро вывернешься у нея. Поэтому онъ никогда не ропталъ, а всегда былъ доволенъ тѣмъ, что Богъ давалъ. Откопаетъ подъ снѣгомъ сухое лошадиное копыто, и то гложетъ. Придется трое сутокъ снѣгъ нюхать по оврагамъ, лацкая зубами, и на то не обижается. За

то ужь когда попадетса подь случай сытнй баранчйкъ, спуску не дасть, скушаеть съ ножками и съ рожками въ присѣсть. Это сознаніе всѣхъ тяжелыхъ условій своей доли постоянно наполняло сердце Луки Потапыча какииъ-то философскимъ всепрощеніемъ своихъ собственныхъ грѣховъ и какоиъ-то грустною ироніею въ непосвященной публикѣ.

— Эхъ, господа, господа! говорилъ онъ часто, не то съ меланхолическою, не то съ презрительною улыбкою.—Толковать-то вы мастера. Посидѣли-бы вы въ нашей шкурѣ! Въ чужихъ рукахъ и корка велика! По-вашему, такъ-вотъ намъ и валятся въ ротъ варенныя галушки. Только ротъ развѣвай. Кабы вашими устами да медъ пить!.. А вы не завидуйте, а посмотрите на житье человѣка по-божески, по всей правдѣ. Не на одну его прибыль, а и на бѣды его. Вотъ тогда и судите.

— Что говорить, Лука Потапычъ! хохотали кругомъ.—Нешто мы не знаемъ: „на волка одна помолвка!“

— То-то помолвка! обиженно говорилъ Лука Потапычъ.—Бѣда-то наша не видна, а корысть наша у всѣхъ спицей въ глазу. Богъ съ вами со всѣми!.. Люди не видятъ—Господь видитъ. Онъ, милосердый, все взыщетъ.

Лука Потапычъ стоялъ на пустынномъ загонѣ, по ту сторону ратскаго головища, тепло завернутый въ огромную волчью шубу, плотно перетянутый кушаками, въ высокихъ медвѣжьихъ сапогахъ и въ простеганной ватой военной фуражкѣ съ кокардою. Его сытое, невинно-лукавое лицо съ привычнымъ безпечнымъ равнодушіемъ выглядывало изъ высоко-приподнятаго мѣхового воротника, торчавшаго башнею на его плечахъ. Если теперь Лука Потапычъ напоминалъ несомнѣнно волка, то во всякомъ случаѣ не того жалкаго ночного бродягу съ подтянутымъ животомъ, который едва плететь свои воровскія ноги послѣ трехъ-суточного поста на зимнемъ морозѣ. Нѣтъ, теперь Лука Потапычъ напоминалъ сытаго, счастливаго волка, который ожирѣлъ за-лѣто на даровыхъ гусяхъ и уткахъ, котораго злая рука охотника давно уже не вспугивала съ его налюбленныхъ, обмятыхъ лежекъ въ тихой глуши тростниковъ, день и ночь наполненныхъ глупою, жирною птицею. Оттого съ такимъ безмятежнымъ спокойствіемъ, съ такою сытою снисходительностью косились теперь калмыцкіе глазки шишовскаго волка на шевелившихся вокругъ него мышей, уже

неспособныхъ возбудить его удовлетвореннаго апетита, на толпу бѣдныхъ, оборванныхъ мужиченковъ, согнанныхъ изъ Суровцовой и Пересухи „поднимать тѣло“. Двое сотскихъ съ бляхами, съ палками въ рукахъ, стояли безъ шапокъ около Луки Потапыча. Пронзительный морозный вѣтеръ трепалъ ихъ волосы и неистово захлестывалъ полы ихъ свитокъ, надвѣтыхъ поверхъ полушубковъ. Человѣкъ двадцать „стороннихъ“, тоже безъ шапокъ, стояло поодаль, съ другой стороны „тѣла“.

Выраженье какой-то тупой тревоги, какого-то равнодушно-грустнаго любопытства замѣчалось въ толпѣ.

Мрачна была эта картина со стороны. Безпріютное, голое поле, все въ обледевѣвшихъ черныхъ кочкахъ, стелилось на далеко кругомъ, куда глазъ хваталъ, поднимаясь горю въ одну сторону и задвигая собою свой собственный горизонтъ. Тощіе бурьяны жалобно качались кое-гдѣ по межникамъ своими озябшими, посѣдѣлыми отъ зимы бородами. Закованной морозомъ, забитой снѣгами рѣчонки, что, какъ живой голубой глазъ, вырѣзалась, бывало, лѣтомъ, среди круглыхъ зеленыхъ холмовъ, теперь слѣду не видно. Только вѣтеръ дуетъ и свиститъ, какъ въ трубѣ, по ея узкому извилистому руслу, стогная къ ея головичу сухими бѣлыми дынками сыпучій снѣгъ.

И на небѣ такъ-же безотраднo, какъ на землѣ: и тамъ ничего, кромѣ блѣдной синевы, не то бѣлой, не то синей; ничего, кромѣ безпорядочно растаянутыхъ, какъ унылыя осеннія паутины, сѣроватыхъ, волокнистыхъ облаковъ.

Жутко и зябко въ этомъ широкомъ, пустомъ полѣ!.. И эта толпа въ бѣдныхъ, темныхъ одеждахъ, въ затасканныхъ свиткахъ, въ дыравыхъ полушубкахъ, уныло понурившая свои обнаженные головы, которая теревитъ теперь пустынный вѣтеръ, безпомощно обступившая одного изъ погибшихъ своихъ, выжидающая въ тупомъ страхѣ, съ безропотною покорностью, что будетъ, — и эта траурная толпа не веселитъ печальнаго поля!.. Точно кучка могильщиковъ, терпѣливо ожидающая своего дѣла. Казенныя полицейскія фигуры становаго и сотскихъ придавали этой картинѣ еще болѣе жесткій и мрачный характеръ.

Среди молчавшей толпы, среди безпріютнаго поля лежалъ, будто прикурнувъ на полчаса послѣ веселой попойки, ничкомъ къ землѣ, натянувъ рукою армякъ на ухо, замерзшій человѣкъ.

Онъ лежалъ такъ уже четвертый мѣсяцъ, въ той-же случайной, будто на минуту принятой позѣ, втеченіи всѣхъ долгихъ и бурныхъ ночей зимы, втеченіи всѣхъ короткихъ морозныхъ ея дней, пугая воронъ, пугая волковъ, которые тоже все ждали, что вотъ-вотъ встанетъ этотъ на минутку вздремнувшій человѣкъ. Его поза казалась такъ легка и непринужденна, каждая складка его одежды, каждый сгибъ его члена говорили о свободныхъ движеніяхъ жизни. Даже привычному Лукѣ Потапычу, и тому невольно хотѣлось толкнуть его подъ бокъ носкомъ сапога, прикрикнувъ повелительно: „ну, вставай, эй ты! довольно тебѣ! Чего на чужомъ загонѣ валяешься!..“

Но когда взялись за этого дремавшаго человѣка и попытались поднять его, то человѣка уже не нашли; человѣка не было. Одна наружная форма человѣка, отлитая изъ чугуна, вросшая въ землю, неотдѣлимая и неразличимая отъ нея, очутилась въ рукахъ, до нея дотронувшихся. Эти складки уже не двигались больше, эти сгибы уже не разгибались. Десять здоровыхъ мужицкихъ рукъ не могли пошевелить эту свободно подогнувшуюся, повидимому, малосильную ногу...

— А ну-ка, голову ему приподымите, ребята, голова скорѣе подыметса, скомандоваль Лука Потапычъ. — Можетъ, по лицу кто узнаеть.

Взялись за голову; она опрокинулась на руки спящаго, чисто какъ отяжелѣвшая маковка. Ее-ли не поднять?.. Потянули — не шевелится голова. Вездѣ чугуны. Вездѣ кажущаяся гибкость человѣческихъ членовъ вылита изъ тяжкой неподвижной массы. Вездѣ обмануто зрѣніе и ожиданье человѣка.

— На волосокъ не сдвинешь, ваше благородіе, въ удивленьи говорить сотскій, стоя на колѣняхъ около трупа и подымая глаза на становаго. — Прикипѣль къ землѣ.

— Извѣстно, морозомъ взялся, замѣтилъ старикъ изъ толпы, нагнувшійся надъ трупомъ. — Шутка-ли, съ коихъ поръ лезять...

— Онъ тутъ, должно, съ самаго Знаменія лежитъ! рѣшительно заявилъ худой рыжій мужикъ съ пронзательными и быстрыми глазами, которыми онъ впился въ замерзшаго.

— А ты почемъ узналъ? Кладъ ты его сюда, что-ли? замѣялся становой.

— Блать—не елать, Лука Потапычъ; елать его, видать, не человекъ, а Николай угодникъ. А только сейчасъ видать, что съ Знаменья лежитъ. Больше ни съ чего, какъ съ Знаменья.

— А и точно правда, что съ Знаменья, подтвердили старики, серьезно оглядывая трупъ.

— Умници! все знаютъ!.. насмѣшливо сказалъ становой;— всю зиму на полѣ лежалъ, ни одна собака словомъ не закнулась, а теперь, поди, разыскали всю подноготную, въ какой день и въ какой часъ свалился!.. Народы!..

— Потому въ Знаменье, Лука Потапычъ, что въ грязь онъ вмерзъ, изволите видѣть! проворно говорилъ рыжій мужикъ, перебѣгая своими рысьими глазами съ одного конца трупа на другой.—Вона, вона, до какой поры вмерзъ. Всѣмъ колѣномъ завязъ. И лапоть съ носкомъ ушелъ.—(Онъ уже сидѣлъ на корточкахъ около мерзлаго и торопливо тыкалъ пальцемъ то въ лапоть ему, то въ колѣно.)—Нешто не изволите помнить, какъ подъ Знаменье-то оттепель сдѣлалась? Всѣ дороги распустило. А на самое Знаменье... во что бишь оно у насъ было?.. Во вторникъ, какъ-жись? Да, такъ и есть, во-вторникъ,—такъ подъ среду на ночь кура большая поднялась. Сколько тогда народу поломало! Вотъ и его, должно, она на Знаменье прихватила. Потому, сами изволите знать, опосля того какія-же грязи были. Опосля того все морозъ держалъ. Настоящая зима стала.

— Это что говорить! Опосля какія грязи! поддержали старики.—Опричъ некогда было замерзнуть, какъ на Знаменье. Тогда какъ-разъ кура отъ губерніи гнала, вотъ она и повернула его носомъ по вѣтру, на ручей. А то сюда и дороги нѣтъ...

— И откуда это его нелегкая занесла! замѣтилъ Лука Потапычъ, вполне убѣдившійся доводами мужиковъ.

— Видишь, не нашъ! соображалъ низенькій старичекъ, пылливо оглядывая одежду замерзшаго.

— Извѣстно, не нашъ. Портви словно какъ съ Полѣхи. Полѣхи такіе-то носятъ, поддерживалъ сотскій.

— А можетъ, саянъ. Нешто у саяновъ не такіе? возразили въ толпѣ.

— Можетъ, и саянъ. Саянъ тоже обряды имѣеть, согласился сотскій.

— Гляньте-ка лапоть, ребята! быстро проговорилъ ядовитый.

рыжий мужикъ.— Нешто это нашъ лапотъ? И лыко не наше, и задникъ не по-нашему сведенъ. Это вотъ съ Моздовки приходятъ да съ Старполя, у тѣхъ такіе-то лапти бывають.

Онъ проворно ощупывалъ между тѣмъ плотно обвязанныя бичевкою онучи.

— Должно, деньги, ваше благородіе! сказалъ онъ, не подымаясь съ колѣнъ, съ смѣтливой улыбкой поглядывая на станового.— Подъ онучей деньги завязаны. Какъ-будто бумажекъ сколько-нибудь, а то мелочь. Словно побольше пятіалтынныхъ, словно двугривенники.

Мужики съ любопытствомъ нагнулись къ ногамъ замерзшаго и шунали онучу.

— И то деньги, говорили въ толпѣ.— Человѣкъ дорожный, нельзя же. Похоже, асигнаціи есть.

— Да нешто не слышишь! Извѣстно, асигнаціи. А то двугривенники.

— Двугривенники-то слышу, объ этомъ что толковать! перебилъ сотскій.— Прикажете онучу разрѣзать, ваше благородіе?

— Что тутъ рѣзать! съ неудовольствіемъ крикнулъ Лука Потапычъ, будто не слыша разговора мужиковъ.— Можетъ, узелъ какъ-нибудь подвернулся, а вамъ и богъ-знаетъ что мерещится!.. Клады нашли! На немъ и шапки-то нѣтъ, и вицуніиша нѣтъ. Видать, бродяга форменный. Какія тутъ деньги искать!

Мужики стихли и только рыжий мужикъ съ лукавымъ выраженіемъ лица поглядывалъ на станового, который сталъ зачѣмъ-то рваться въ бумагахъ истрепаннаго портфеля.

— А затылокъ бритый! вдругъ объявилъ рыжий мужикъ, проводя рукою противъ волосъ покойника.

— О? И то бритый! Ишь ты! вскричали въ толпѣ.— Стало, солдатъ али арестантъ.

Становой поспѣшно нагнулся.

— Гдѣ бритый, стой!

— Отросло, ваше благородіе, а все видать, бритый, съ увѣренностью показывалъ рыжий мужикъ.

— Солдатюга! Бѣглый, должно, съ нѣкоторымъ вздохомъ произнесъ Лука Потапычъ, нагнувшись близко надъ затылкомъ замерзшаго.

— Безъ солдатскаго обнарядья, извѣстно, бѣглый, подтвер-

диль старикъ изъ толпы. — Коли-бы не бѣглый, царской муниціи не сталь-бы хоронить.

— Ну что-жь съ нимъ маяться, ребята! бери топоры, вырубай его съ землею, коли поднять нельзя! рѣшительно скомандовалъ Лука Потапычъ. — А то и мы съ нимъ тутъ въ полѣ померзнемъ; видишь, буря какая! шутивно прибавилъ онъ.

— Бери топоры, ребята! Чего стоишь! сурово подхватили сотскіе.

Нѣсколько человѣкъ помоложе обступили трупъ и стали рубить кругомъ землю.

— Со всѣмъ съ постельвою поднимемъ голубчика! острилъ рыжій.

— Поправилась больно. Разставаться не хочется, смѣялся сотскій. — Ишь облапилъ какъ! Ровно пуховикъ женинъ.

— Всѣ, братъ, на томъ пуховикѣ будемъ. Не миновать! со вздохомъ сказалъ старикъ. — Ты думаешь, онъ своей судьбѣ радъ? Да, судьба всякаго найдетъ, не схоронишься.

Молодые ребята рубили, не поднимая головы, крѣпкую, какъ желѣзо, землю. Она брызгала во всѣ стороны сверкающими тяжелыми осколками.

— Топоръ не беретъ. Ледъ-льдомъ стала, говорили въ толпѣ, внимательно слѣдившей за работою.

— Гдѣ-жь взять! Теперь земля какъ чугуны, объяснилъ старикъ, который стоялъ ближе всѣхъ къ трупу, опершись головой и обѣими руками на длинную палку. — Теперь топоръ какъ-разъ собьешь. Жало своротинь.

Въ эту минуту на ручьѣ показались бѣговныя санки въ однопочву.

— Это суды кто-то... Никакъ баринъ какой, сказали въ толпѣ.

— Не видишь, меренъ бѣлоногій! быстро рѣшилъ рыжій мужикъ, только мелькнувъ глазами въ сторону ручья. — Это суровцовскій барчукъ. И дуга его полосатая, что съ Покровскаго надысь привезъ.

— И то суровцовскій. Его и санки. Должно, самъ. Меренато что то я не упомяну. У него больше гнѣдые.

— Толкуй, гнѣдые! презрительно отвѣтилъ рыжій. — То у него тройка гнѣдая, что въ Мандровой третьяго года смѣнялъ. А это у него изъ Дайменчика приведенъ стригункомъ. На Троицу. Трид-

цать цѣлковыхъ за стригунка барину какому-то отдалъ. Потому дорогихъ кровей.

Суровцовъ подѣхалъ къ толпѣ.

— Здравствуйте, ребята; здравствуйте, Лука Потапычъ, сказалъ онъ, слѣзая. — Подержи-ка, ребята, кто-нибудь лошадку. Сказали мнѣ: замерзшаго нашли, пріѣхалъ посмотрѣть. Неизвѣстно, кто такой?

— Извольте видѣть, лица никакъ не увидишь. А по платью не распознаешь! объяснилъ Лука Потапычъ, здороваясь съ Суровцовымъ. — Застылъ, какъ камень. Ужъ вырубать приказалъ.

— Куда-жь это вы его?

— А въ избѣ-бѣ куда-нибудь. Отгааетъ, тогда и посмотримъ. Докторъ пріѣдетъ, слѣдователь. Это ужъ ихъ дѣло. Небойсь дня три будетъ таять. Раньше не отойдетъ.

— Гдѣ раньше отойти! сказали старики. — Тушу свиную на льду палишь, такъ день на морозѣ полежить, а дня два оттаиваетъ. А это не съ тушей сравнять. Четыре мѣсяца морозило. Когда-то ты теперь морозъ изъ него повыгонишь!

— Какъ это его раньше не оглядѣли, не натѣнулся никто? удивился Суровцовъ.

— Мѣсто глухое, кому тутъ ѣзда, ваше благородіе! оправдывались старики, глядя въ землю.

— Вы вѣрите имъ не извольте, Анатолій Николаевичъ! лукаво усмѣхнулся становой. — Все брешутъ. У нихъ каждый мальчишка давно зналъ, что на полѣ замерзшій лежитъ. А извѣстно, таятся по своей глупости. Думаютъ, самимъ какъ-бы подъ вину не попасть. Вотъ и молчать. Тотъ сторонится, другой сторонится. Безъ меня, молъ, найдутъ. Я вѣдь, ребята, всѣ ваши трюшечки знаю, меня на мякинѣ не обманете. Стрѣляный воробей.

— Можетъ, кто и зналъ, ваше благородіе. А только намъ о томъ извѣстно не было, изъ приличія говорили мужики, не смотря на станового.

— Толкуй тамъ! Знаю я васъ, крикнулъ Лука Потапычъ. — Давно разнюхали, и кто такой, и шель откуда, и куда шель, и зачѣмъ шель. Что сидоровой козой прикидываетесь? Вѣдь не берутъ въ острогъ. И брехать даромъ нечего. Я ужъ ихъ и не спрашиваю, продолжалъ Лука Потапычъ, обращаясь исключительно къ Суровцову. — Пишу для порядка въ протоколъ, что, молъ,

по спросѣ сосѣднихъ жителей оказался неизвѣстнымъ. А ихъ ужъ и не трогаю. Все равно ничего не добьешься. Знать, моль, не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ. Одна нѣсна. Потому народъ огрубѣлый, дикій, ну и боится всего. Да и то сказать, вдругъ смягчился тономъ Лука Потапычъ: — я ихъ, признаться, въ этомъ и не виню. Вѣдь коли-бъ изволили знать, что только полиція изъ нихъ прежде выдѣлывала! Уму непостижимо. Жалости вѣдь никакой; одно только, чтобъ корысть. Ну и настрашали народъ этими самыми „тѣлами“ пуще домового. Забыть-то трудно. Все старое поминается. Вѣрите-ли, Анатолій Николаевичъ, какъ я еще служилъ въ Новопольскомъ уѣздѣ, тѣло тоже на самой большой дорогѣ обыскалось, на шляху. Такъ что-бы вы думали? За четыре версты стали свертывать, прямо по хлѣбамъ. Двѣнадцать верстъ крюку давали. Накатали по овсамъ такую дорожку, лучше почтовой. Вотъ и подите съ ними! Потому, всякъ себя бережетъ. А полиціи-то нешто нуженъ народъ?.. Ей абь свое было, съ укоризной закончилъ Лука Потапычъ, весь переполненный негодованіемъ на преступныя вкусы полиціи. Онъ смотрѣлъ на народъ изъ своего теплаго пушистаго воротника своими слегка сконфуженными калмыцкими глазками, состроивъ губами совершенно невинную и даже умильную улыбку; съ такою точно улыбкою лисица Крыловой басни объясняла льву пляску рыбъ на своей горячей сковородѣ. Народъ тоже молча смотрѣлъ на Луку Потапыча, и многіе глаза тоже слегка улыбались, такою же выразительною, только нѣсколько иною улыбкою.

— Экая эта полиція бѣдовая! улыбнулся, не выдержавъ, Суровцовъ, съ удовольствіемъ художника созерцая эту краснорѣчивую мимическую сцену.

Между тѣмъ ребята подрубились довольно глубоко подъ трупъ, такъ-что онъ казался теперь лежащимъ на какомъ-то каменномъ пьедесталѣ. Стали подбивать подъ него ломы и, наконецъ, отвалили всю глыбу.

— Подымай теперь, ребята, давай рочаги! неси къ санямъ! командовалъ Лука Потапычъ.

Замерзшаго человѣка, приросшаго къ пьедесталу, подняли вверхъ. Суровцову, глядя на него, вспомнилось мраморное пресъ-папье, въ которомъ доска и фигура на ней были вырѣзаны изъ одного

куска мрамора. Это ужасающее пресь-папье восемь человѣкъ подняли и понесли къ саянъ.

— А за голову все держится: видно холодно! пошутить кто-то, когда эта странная колѣбнопреклоненная фигура закачалась на плечахъ ребятъ.

Но никто не поддержаль шутки. Съ сдавленнымъ сердцемъ слѣдили всѣ глазами за этимъ послѣднимъ шествіемъ человѣка, обратившагося въ каменную статую. Суровцову сдѣлалось тяжело и гадко на душѣ. Онъ сѣлъ въ санки и тихо поѣхаль прочь...

— Куда везти, ваше благородіе? спрашиваль сотскій, косясь на Никиту Давилыча, который стояль подлѣ въ томительномъ ожиданіи.

— А вонъ, въ тотъ хуторокъ! Пасѣвка это, что-ли? равнодушнымъ голосомъ отвѣчалъ Лука Потапычъ, словно незамѣчавшій Никиты. — Тѣло какъ-разъ напротивъ найдено. Куда-жь больше?

— Лука Потапычъ, помилосердуйте! повалился въ ноги старикъ.

— Да что тебѣ, Никита Данилычъ? Чего кланяешься? съ притворнымъ изумленіемъ спрашиваль становой.

— Не прикажите срамить на старости лѣтъ. Никогда этого сраму со мной не было. Дайте помереть честно, ваше благородіе!..

— Да ты встань, расскажи толкомъ, старикъ! усовѣщеваль его Лука Потапычъ. — Что ты мнѣ въ ноги-то кланяешься?.. Я, братъ, не икона. Человѣку грѣшно въ ноги кланяться. Потому, тварь твари покланяться не должна. Тварь Создателю своему покланяться должна. А еще сѣдой человѣкъ!.. Стыдно, братъ, Никита Данилычъ; при народѣ скажу, стыдно.

— Ваше благородіе! Не позорьте моей сѣдой бороды! Ади ужъ хуже меня не обыскалось?.. Мы сами, ваше благородіе, послужимъ. Чѣмъ только прикажете, продолжалъ валяться старикъ.

— Да ты говори: твой это хуторъ, что-ли? помогъ ему становой. — Ну, и давно-бы такъ!.. Кто-жь тебя зналь, куда ты забрался!.. Видишь вѣдь народъ!.. Все свои расчеты. Чтoby съ него подводн не брать, полковыхъ не ставить. Вотъ и разбрелись по всѣмъ болотамъ, благо мѣсто есть.

— Помилуйте, ваше благородіе, мы отъ мірской службы не отрещиваемся. Это еще дѣды наши хуторъ ставили. Сто лѣтъ почитай будетъ.

— То-то, сто лѣтъ!.. Пасѣвка-то у тебя большая?..

— Считать не считаемъ, ваше благородіе, а Бога благодаримъ. На свое пропитанье хватаетъ...

— Спужался старикъ!.. засмѣялся плутоватый рыжій мужикъ, бойко посматривая на станового.— У него, ваше благородіе, сотъ до двухъ колодокъ стоитъ. Старикъ крѣпкій...

— Ну, ужь пожалѣть видно, ребята, старика? усмѣхнулся своей простоватою улыбкой Лука Потапычъ.— Богъ съ нимъ со всѣмъ!.. Вези въ село. А старичокъ становому парочку колодокъ подарить на разживу. За почетъ. У тебя-то еще будетъ, своя пасѣвка, а мнѣ что перепадетъ, то и мое. Я, братцы, мірской человѣкъ, не хуже вдовы горемычной! засмѣялся Лука Потапычъ, съ веселымъ добродушіемъ поглядывая на мужиковъ.

И потянулась дальше по хуторамъ, къ селу, печальная процессія. Не одинъ сибирскій шаманъ, развозящій въ своихъ саняхъ деревяннаго идола для ниспосланія обилія въ „чумы“ кочевниковъ, позавидоваль-бы Лукѣ Потапычу, когда онъ провозилъ отъ избы къ избѣ села Прилѣпъ, начиная съ самаго края, добытую имъ въ далекомъ полѣ окаменѣвшую колѣнопреклоненную фигуру. Ни одинъ тунгузъ или корель не чувствовалъ такого ужаса передъ своимъ безобразнымъ идоломъ, какой чувствовали бѣдные прилѣпскіе однодворцы при приближеніи страшной колесницы, на которой лежалъ ничкомъ на колѣняхъ неподвижный человѣкъ, закрывающій свою обнаженную голову.

Только на третій день уѣздный докторъ, пріѣхавшій съ слѣдователемъ въ Прѣлипы, могъ произвести вскрытіе трупа. Когда отбили отъ него землю и оттаяли руки, толпа мужиковъ, наполнявшая комнату, сразу узнала, кто былъ замерзшій.

— Левка изъ Пересухи! Съ Мелентьевскаго двора! пронесся по избѣ тихій, но дружный шопоть. Словно людямъ было неловко стыдить этимъ признаніемъ бѣднаго догибшаго бродягу, такъ долго укрывавшаго отъ нихъ свое горемычное лицо.

— Осрашилъ мою сѣдину, сыночекъ, охалъ Иванъ Мелентьевъ, получивъ скорбную вѣсть.— Жилъ какъ песь и умеръ какъ песь. Безъ христіанскаго погребенія. Ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ того на роду у насъ не было, чтобы крещенаго человѣка что борова потрошили. Оплевалъ мою старую голову!

Выла Арина, выла невѣстка, оставшаяся вдовою. Она не жа-

лѣла мужа, онъ былъ ей всегда хуже ворога, но она знала пріличія; она чувствовала, что это ея дань, ея обязанность плакать и причитывать, и что всё должно хоть для виду утѣшать ее. „Нельзя-же, все-таки мужъ“, говорили промежь себя бабы.

Василій былъ съ Левкой дружнѣе всѣхъ. Тяжко у него было на сердцѣ, когда онъ возвращался пѣшкомъ изъ Прилѣпъ, куда слѣдователь требовалъ его, чтобы признать убитаго. Онъ видѣлъ на столѣ волостной избы синій, опухшій трупъ; этотъ трупъ былъ тотъ самый Левва, съ которымъ онъ, кажется, еще такъ недавно рыскалъ по лѣсу за птичьими гнѣздами, стерегъ жеребятъ, бродилъ по полямъ и болотамъ. Они оба были тогда безпечными босоногими мальчишками и никто изъ нихъ не думалъ, что жизнь поджидаетъ ихъ въ коварной засадѣ съ позоромъ и горемъ.

— Опять бѣда стряслась! вздыхалъ Василій.—Кому что, а намъ все горе. Не возлюбилъ насъ Господь. И миѣ не слаже брата!

VIII.

В е с н а.

— „Съ Алексѣя — съ горъ потоки“ четыре раза подходила вода; „весна ноги свѣсила!“ коротко замѣтилъ мельникъ Кудимъ, когда потекли потоки. Суровцовъ цѣлые дни проводилъ на мельницѣ; онъ ждалъ дружной весны и боялся за свою плотину, которую только-что справилъ за-ново съ большимъ трудомъ. Но мельникъ Кудимъ былъ старый боецъ. Онъ молча шурился на небо, молча поглядывалъ на широкую пасть „Ракитина верха“, открывавшуюся прямо въ прудъ, отъ прилѣпскихъ яругъ, и ничего не отвѣчалъ на безпокойные разспросы своего хозяина.

— Придетъ, тогда видно будетъ! былъ у него одинъ отвѣтъ.

Четыре раза молча отворялъ Кудимъ заставки на обѣихъ скрняхъ, на холостой и рабочей, и четыре раза выпускалъ цѣликомъ весь прудъ. Но снѣга были еще такіе, что ни разу суровцовскій прудъ не могъ дойти до пересухинской мельницы: все заѣдался въ рыхлыхъ снѣгахъ, которыми былъ набитъ олешнякъ и низкая луговина.

— Когда-жъ самая вода, Кудимъ? приставаль Суровцовъ, которому это ожиданіе воды не давало ничѣмъ заняться.

— Вода сама будетъ, что ее кликать! отвѣчалъ неразговорчивый Кудимъ.— Она знаетъ, когда ей быть. Недѣлю не дойдетъ или недѣлю пройдетъ Благовѣщенье!

Ручьи текли, снѣга исчезали незримо, будто чудомъ, вода прибывала и подпирала мельницы, но народъ видѣлъ, что это еще не весна, что это еще „такъ-себѣ“; безпечно продолжали скользить мужицкія сани по посинѣвшимъ, занавоженнымъ льдамъ, по полямъ, въ которыхъ до грязи обнажались бугры, по лощинамъ, гдѣ потихоньку наливались подъ снѣгомъ глубокія зазоры. На третій день Благовѣщенія пришла весна: всѣ разомъ почували ее. Всѣ въ одно слово сказали: „вода пошла!“ Даже Кудимъ-мельникъ, и тотъ проговорилъ: „ужь какъ вода пойдетъ, оно и видать, что вода“. Могучее, но мягкое дыханье несло съ юга на широкихъ, упругихъ крыльяхъ и уносило обезсилѣвшую зиму. Одинъ день рѣшилъ ея участь. Одинъ день сдѣлалъ то, чего не могла сдѣлать недѣля оттепели и „паводковъ“; цѣлыя поляны, цѣлыя горы сразу обнажились до гола. Пѣвучіе, гудливые потоки, искрящіеся веселыми огоньками весенняго солнца, какъ молодые, шаловливые ребята, съ дружными радостными плескомъ, бульканьемъ и журчаньемъ неслись на перегонку другъ съ другомъ изъ далекихъ полей, со всякаго бугра, въ каждую лощину, и всѣ падали съ разныхъ сторонъ въ ту же рѣчку Рать, которая надулась теперь грозною рѣкою и ломала свои посинѣшіе льды. Молодая рать весны трубила свою побѣдоносную пѣсню. Прежде всего пришелъ въ ратскій прудъ Суровцова „Ракитинъ верхъ“. Онъ открывалъ свой зѣвъ какъ-разъ на полдень, не доходя камышевыхъ зарослей, за которыми кончался разливъ пруда. Его многочисленные отвершки, извивающіеся между пустынными дальними полями, знакомые только лисицамъ, наливали его съ безостановочнымъ шумомъ, и въ глубокихъ берегахъ „Ракитина верха“, на которыхъ росла лѣтомъ веселая зеленая трава и на днѣ котораго мирно паслись табуны прилѣпскихъ одноворцовъ, неслась теперь могучая, широкая рѣка, синяя, какъ альпійскій потокъ. Она пучила и поднимала льды Рати и вмѣстѣ съ нею низвергалась съ бѣшеннымъ громомъ, съ пѣною и всплесками, сквозь настежь открытую глотку холо-

стой скрыни, подъ темную глубину моста, давно уже не умѣщаясь въ узкомъ ложѣ ручья, который безбрежнымъ озеромъ на далеко заливалъ окрестность.

Позже „Ракитина верха“ тронулись другіе яруги, лога и верхи, что облегли головище Рати справа и слѣва, вѣтвясь запутанными глубокими отрогами и врѣзаясь на многія версты въ гладь полей. Пять мѣсяцевъ сряду набивали ихъ землія вьюги и метели, и набили, какъ хорошій ледникъ, по самымъ края, вровень съ полемъ, такъ что сѣрый волкъ, обычный странствователь по этимъ яругамъ, не узнавалъ ихъ больше и не смѣлъ красться по нимъ съ своимъ голоднымъ ночнымъ вытьемъ.

Лога подходили со всѣхъ сторонъ къ мельницѣ Суровцова, какъ рати грознаго врага, ополчившіяся по сговору. Только-что справился Кудимъ съ однимъ тяжкимъ натискомъ, только-что начнетъ спадать грязная до черноты вода, приступившая къ холстой, къ рабочей, переливавшая силошнымъ валомъ черезъ плотину, — смотришь, подвалили къ вечеру новыя вражьи дружины, запоздавшія въ пути. Онѣ бѣжали верстъ десять, отъ самыхъ „Кунныхъ верховъ“, что подъ „Сакмою“, изъ одного отвершка въ другой, пока успѣли пробѣсть всѣ снѣга своего забитаго русла; оттого только къ ночи прибѣжали они къ суровцовскому пруду, отставъ отъ союзныхъ дружинъ. Изъ яругъ „Лѣсовой платы“, изъ глубокаго, обширнаго лога „Ратчика“, изъ обрывистаго оврага „Перерванца“, — отовсюду подступили теперь буйныя снѣговныя воды и осадили мельницу Кудима, требуя себѣ проулка кивзу, на просторъ равнинъ, гдѣ ихъ ждутъ новыя заставы, гдѣ онѣ стануть рвать, будто играя, одну за одной мельницы и плотины.

Всѣхъ ихъ ждетъ старый Кудимъ. Ни одинъ изъ этихъ гостей Кудима не удивить и не застанеть его врасплохъ. Кудимъ воюеть съ логами какъ старый, опытный воевода; Кудимъ въ лицо знаетъ, какой логъ пришелъ, какова его сноровка, что и когда вздумаетъ онъ дѣлать. Для него каждый логъ — живой врагъ, съ особымъ именемъ, съ особымъ характеромъ, вѣроломный, злой сосѣдъ, который подкарауливаетъ удобную минуту наносить Кудиму и котораго Кудимъ уже выучился подкарауливать.

Спитъ, спитъ Кудимъ и вдругъ вскочить, прислушается:

— Опять . загудѣлъ! пробормочетъ онъ самъ себѣ, послѣшно

обувааясь. — Пришелъ и этотъ полупочиникъ. Какъ ни запомню, все до полночь подкрадывается. Самый вороватый!

Выйдетъ на холостую, смотреть — и точно „полуночникъ“ пришелъ, послѣдній изъ осаждающихъ, крутой, какъ стѣна, „жестяной верхъ“, снѣговъ котораго не топить полуденное солнце.

Посмотреть Кудимъ своимъ опытнѣйшимъ глазомъ на воду и скажетъ самъ себѣ:

— Ну, нынче не дуже жиренъ сталъ, отоцалъ. Можно прихватить, помолотъ хоть малость, пока до солнца.

А съ солнцемъ опять заставки настезъ, опять ждетъ на осаду враговъ неутомимый, терпѣливый старикъ, оборонявшій суровцовскую крѣпость. У него и посуда рыбная давно приготовлена. Не выпустить старикъ изъ своихъ владѣній безданны-безиошлянно эти воровскія рати. Нужно съ нихъ оброкъ собрать, захватить рыбу, которую уносятъ онѣ въ своемъ бѣшеномъ бѣгѣ. А сбѣгутъ они, подопретъ вода пересухинскаго пруда колеса суровцовской мельницы — Кудимъ знаетъ, что подъ его холостую сейчасъ пойдетъ пересухинская рыба, какой не водится въ суровцовскомъ прудѣ: сазанъ, и карпъ, и щука.

— Потому этой рыбѣ супротивъ воды ходъ, а мелкотѣ ходъ по водѣ, объясняетъ Кудимъ любопытнѣйшимъ, пристраивая свои снасти.

Дохнула весна и вмѣстѣ съ ея вздохомъ, съ ея водами, прилетѣли весеннія птицы. Вчера еще не было ихъ, нынче всѣ онѣ здѣсь. Онѣ попадали между кочекъ болотъ, на полевныя озерки въ перелѣски, въ камыши пруда. Ихъ гнала сюда съ юга какая-то непобѣдимая, роковая сила. Еще нѣтъ корма на этихъ безотраднѣхъ, неоттаявшихъ поляхъ, на этихъ лужахъ, подернутыхъ льдомъ, а ужъ эти поля и лужи закипѣли жизнью. Что-то звало ее сюда, въ голодную прохладу сѣвера; съ береговъ, со степей теплаго и сытаго юга. Можетъ быть, чуяло пернатое племя, что близится время нестись и вить гнѣзда; чуяло подступавшій жаръ крови, и инстинктомъ торопилось подальше отъ жаркаго солнца, навстрѣчу прохладнѣйшимъ вѣтрамъ погибавшей зимы. Глазомъ посмотришь — будто никого нѣтъ, все еще мертво, а сдѣлаешь шагъ — вездѣ плаваютъ, сидятъ, ходятъ птица. Кудимъ, шагая по кочкамъ, посмотрѣтъ Равитинъ верхъ, вспугнулъ стадо сѣрыхъ клинтуховъ, всѣ одинъ въ одинъ; поднялись, отлетѣли шаговъ пять и опять, обезсмысленные, упали на землю. Видно,

издалеча былъ ихъ путь! Вотъ безъ крика снялись съ полевого озера отощавшія кряквы. Торопливо и испуганно кружатся онѣ въ воздухѣ, оглядывая незнакомыя окрестности, чтобы опять упасть куда-нибудь въ укрытую заводь и долго не подниматься. На чибисовъ просто чуть не наступаетъ старый Кудимъ: неподвижно сидятъ по кочкамъ бѣдныя усталыя птицы, высоко настороживъ свои хорошенькія хохлатыя головки и съ жалобнымъ путевымъ пискомъ, совсѣмъ не тѣмъ, съ которыми будутъ онѣ летать, откормившись на этихъ привольныхъ болотахъ, — нехотя взмахиваютъ своими мягкими крыльями при приближеніи человѣка.

Всю ночь слышалъ Кудимъ, навѣщая свою холодную, рѣзкій скрипъ тянувшихся журавлей. Словно чьи-то несмѣтныя рати перекликались въ воздушныхъ высяхъ, собираясь въ тайнѣ ночи на какой-нибудь большой бой.

А утромъ, когда Суровцовъ пробирался на мельницу своимъ старымъ садомъ, на половину еще въ снѣгу, изъ густой поросли малинника съ тяжкимъ, встревоженнымъ шумомъ сорвался первый вальдшнепъ. Пришла весна.

Василій ѣхалъ въ Шиши верхомъ на своей надежной пѣгой кобылѣ; старикъ послалъ его на базаръ закупить лыку на лапти къ весеннему сѣву. Въ полѣ уже проѣзду не было и невинная шишовская дорожка съ своими лощинками обратилась въ непрерывную цѣпь обширныхъ и глубокихъ озеръ. Въ „Телѣгномъ верху“ чуть не пропалъ Василій: взялъ прямо по зимней дорогѣ и провалился по шею лошади. Насилу выпарапалась изъ обрывистой водомоины добрая кобыла. Пр одрогъ сильно Василій вѣтеръ такъ и леденилъ его промокшія ноги. Какъ только вѣхалъ въ Шиши, сейчасъ завернулъ въ кабакъ обсохнуть и погрѣться. Василій слышалъ, что кабакъ этотъ спялъ Дмитрій Данилычъ, мужъ Алены, а все-таки зашелъ.

— Чего мнѣ прятаться? ободрялъ онъ самъ себя. — Я у нихъ ничего не крадѣ.

Алена сидѣла подъ окномъ съ своимъ Гордюшкой. Въ половодье пусть былъ всегда набитый кабакъ. Алена видѣла, что проѣхалъ кто-то верхомъ мимо окна и остановился у дверей, привязывая къ столбу лошадь. Но когда Василій, съ суровымъ и смущеннымъ видомъ, показался на порогѣ, Алена вдругъ встрепенулась вся и вздрогнула. Удивился и Василій, что прямо на

свою Алену наткнулся. Онъ медленно затворилъ дверь, медленно снялъ шапку, медленно перекрестился на иконы. Алена смотрѣла на него молча, немножко поблѣввъ въ лицѣ...

— Здравствуйте, произнесъ Василій, почти не глядя на хозяйку. — Водка-то есть? Пожалуйте на гривну...

Алена машинально встала и пошла къ прилавку.

— Здравствуй, Василій Ивановичъ, промолвила она ласково, опустивъ глаза; — ты прежде водки-то не пивалъ...

— Прозябъ, Алена Гордѣевна... Въ логу намоетъ, прохватило, отвѣчалъ Василій, глядя въ пустой уголъ. — Боюсь, хвороба не сломала-бы. А водка-то согрѣетъ.

Алена подала стабанчикъ съ водкою, поклонилась и вытерла о фартуекъ облитую водкой руку. Она не смотрѣла на Василья...

Василій доставалъ изъ-за пазухи кожаный кисетъ, въ которомъ были деньги.

— Что-жь, посиди, Василій Иванычъ, обогрѣйся, нерѣшительно сказала Алена.

— Да неравно лошадь отвязнуть, такъ-же нерѣшительно отговаривался Василій. — Лошадь одна на улицѣ.

— У насъ этого не бываетъ, чтобы лошадей отвязывали, продолжала Алена. — Съ окошка-то ее видать... Кто подойдетъ? Посиди, что-жь! Теперь не лѣтнее время, на дворѣ не высохнешь...

Василій присѣлъ на лавку, не далеко отъ двери, Алена опять была подь окномъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Нѣсколько минутъ они не говорили ни слова; Алена возилась съ Гордюшкой, который лѣвъ къ стеклу смотрѣть на привязанную лошадь.

— Давно ты сюда не заглядывалъ, Василій Иванычъ, сказала, наконецъ, Алена, легонько вздохнувъ. — Какъ въ городъ переѣхали, тебя не видать было. Съ самаго съ пожара...

— Намъ тутъ никакихъ дѣловъ нѣту, Алена Гордѣевна. Бываетъ, прибѣжишь утречкомъ на базаръ, да тѣмъ-же часомъ домой... Дѣло мужицкое. По трахтерамъ не ходимъ...

Они опять замолчали.

— Каково съ женой живешь, Василій Иванычъ? участливо спросила Алена.

— Живу, ничего... Законъ принялъ — надо жить, сквозь силу проговорилъ Василій и потупился пуще прежняго.

— Коли хорошо живешь, чего лучше! вздохнула Дѣтиска-то есть?

— Нѣтъ нѣтуту. Ну ихъ совсѣмъ! съ неудовольствіемъ нуль рукою Василій.

— Что-жь такъ-то? Безъ дѣтей нешто можно? Надо-жь кому-нибудь на старости лѣтъ кормить...

Василій не отвѣчалъ и сурово глядѣлъ въ половицы пола.

— Дмитрія Данилыча, видно, нѣтъ? спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Да онъ, почитай, и дома не бываетъ! сказала Алена. — Все по торговлѣ больше, въ развѣздѣ. То-то я и сижу въ кабакѣ.

— Справились тапереча?

— Плохая наша справа! Безъ капитала развѣ справишься? А на чужой-то торговать — чужому и отдавать... Такъ, канитель одна!

Въ голосѣ Алены звучало столько недовольства и укора, что Василій слегка приподнялъ голову и украдкой взглянулъ на Алену.

— Съ мужемъ-то живешь, Алена Гордѣвна, ладно? спросилъ онъ.

Онъ теперь только въ первый разъ замѣтилъ, какъ похудѣла и измѣнилась Алена. Но она показалась Василью еще красивѣе съ этими словно заплаканными, большими глазами, которые отбѣняли темные круги.

— Ужь какъ не жить, надо жить! отвѣчала Алена и отвернулась къ окну.

— Пить, что-ли, сталь?..

— Пьеть.

Алена глядѣла въ окно, такъ что лица ея не было видно Василью.

— Пить мало-ли кто пьеть, сказалъ Василій, — абы жену почиталь да споконилъ.

Алена не отвѣчала.

— Видно, мы съ тобой оба горемыки! вдругъ, помолчавъ, сказалъ Василій и приподнялся съ мѣста. — Прощайте, Алена Гордѣвна, спасибо на ласкѣ. А мнѣ ко двору пора.

Лрощай, Васи́лій Ива́новичъ, не оглядываясь, прошептала на.

Опять скоро понадобилось Васи́лю въ Шипи на базаръ. Бабы не вспомнили, а онъ, какъ-разъ вспомнилъ, что завтра на базаръ лукъ рѣпчатый покупають. У самихъ не было, а на базаръ всегда ольховатскій бакшевникъ объ эту пору боровскаго луку нѣсколько возовъ вывозилъ. Самъ вызвался Васи́лій и ѣхать; говорилъ, нужно ему кое-кого въ городъ повидать. А тутъ еще Егорьевъ день на носу.

— Водки-то набрать, что-ли? спрашивалъ Васи́лій отца, снарядившись въ путь.

— Да, набрать нужно... Праздникъ большой... Въ городъ-то на двѣ гривны дешевле... Набери хоть четверть... серьезно рассуждалъ Иванъ Мелентьевъ.—На вотъ, возьми рублевую.

Подѣхалъ Васи́лій къ Алениному кабаку, взялъ боченокъ подъ мышку и вошелъ въ горницу.

— Здравствуйте, Алена Гордѣвна, вотъ водки набрать велѣлъ старикъ... Праздникъ подходитъ... съ невольной торопливостью сказалъ Васи́лій, поклонившись сначала святымъ иконамъ, потомъ хозяйкѣ. Алена стояла за прилавкомъ и отпускала полштофъ водки мальчишкѣ изъ сапожнаго заведенія.

— Здравствуйте и вы, Васи́лій Ива́новичъ, отвѣчала Алена, покраснѣвъ до бѣлзовъ глазъ и нагнувшись низко къ ящику, въ которомъ собирались деньги.—Кладите боченокъ, я налью сейчасъ. Вотъ только мальчика отпущу.

— Ничего, мы подождемъ. Время терпѣть, произнесъ, перешагиваясь, Васи́лій.

— Да, вы присѣли-бъ пока, пригласила Алена. Она дѣлала видъ, что занята расчетомъ сдачи, и не глядѣла на Васи́ля, который легонько опустился на лавку. Мальчишка ушелъ, Алена все возилась въ ящикѣ съ деньгами.

— Скверное это дѣло кабацкое, сказалъ Васи́лій.—Не по тебѣ оно, Алена Гордѣвна, не по твоей мужицкой душенькѣ.

— Нѣтъ, не по мнѣ, что грѣха таить! Не люблю я его, отвѣчала Алена, съ усиленіемъ задвигая ящикъ.

— Въ деревнѣ-то, въ полѣ чистомъ, лучше. Выйдешь съно косить, али на зеленые посмотришь на хлѣба,—сердце радуется. А здѣсь-бы мнѣ тоска. Потому вонъ, тѣснота.

— Вотъ тоже и мнѣ, съ искреннимъ вздохомъ сказала Алена, усаживаясь у стойки.— Тутешніе-то смѣются надо мною. Дура, говорятъ, деревенская, по селу своему скучаетъ. А я и правда скучаю. Мнѣ милѣе въ селѣ. Ни на что-бы я его, кажется, не промѣняла.

— Волею промѣняла,—теперь не плачься, сказалъ Васидій.

— Былого не воротись, съ грустью сказала Алена.— А сердце былое все помнить.

— Помнить худо. Лучше, какъ забыть, произнесъ задумчиво Василій.— Былое, что змѣя душу оплетаетъ. Давить да давить, вздохнуть не даетъ.

Алена глядѣла въ окно убитыми глазами и молчала. Нѣсколько минутъ и Василій сидѣлъ молча, что-то обдумывая.

— Ты мужа-то не любишь, Алена? вдругъ тихо спросилъ онъ, поднимая на Алену свой честный и пристальный взглядъ.

Алена вздрогнула и съ испугомъ посмотрѣла на Василья.

— Ты мнѣ правду скажи, Алена, ласково продолжалъ Василій; его глаза засвѣтились тѣмъ добрымъ, нѣжнымъ выраженіемъ, которое давно было знакомо Аленѣ и котораго она не видала у прасола Дмитрія Данилыча.

— Вѣдь я тебя, Аленушка, пуще мужа твоего люблю. Ты мнѣ откройся.

— Что мнѣ отрываться! Я на хитрость неумѣлая. Самъ, Вася, видишь.

— Откроюсь и я тебѣ, Аленушка! Жена мнѣ постыла хуже жабы подколодной. Смотрѣть на нее не могу. А тебя люблю пуще прежняго. Ночь думаю о тебѣ, и день придетъ—все о тебѣ думаю. За что тебя старшій чортъ погубилъ? Кому продалъ?

— Вотъ что, Вася, сказала Алена, вставъ съ мѣста блѣдная, какъ платокъ. Глаза ея сверкали огнемъ, но не смотрѣли на Василья.— Это дѣло миновалось. Было, да прошло. Я мужнина жена законная, а ты женинъ мужъ. Богъ приказалъ по закону жить. Ты ко мнѣ, Вася, не заходи лучше. Что душу другъ дружкѣ мучить? А сказать тебѣ все-таки скажу: тебя я одного любила, тебя одного и теперь люблю. Послушалась гордости отповеской, изъ-подъ руки его выйти не посмѣла. Господь наказалъ меня, самъ видишь: мужемъ злымъ наказалъ, бѣдностью. А передѣлать нельзя. Терпѣть нужно. Его Милосерднаго воля. Съ той

поры, какъ ты мнѣ изъ полями Гордюшку вытащилъ, съ того самаго часу возненавидѣла я своего разлучника. А за тебя, спасителя свою, каждадневно Бога молю. Каждадневно о тебѣ поминаю. И Гордюшку свою учить буду.

Василій тихо подошелъ къ Алень.

— Сказала ты хорошо, Аленушка, только я по-своему думаю. У меня все не та душа, что у людей. Порченый я, что-ли. Мать-то моя, старуха, можетъ и за дѣло порченнымъ меня обзываетъ. А моя дума такая: скотина безсловесная, и та въ любви живетъ, къ милому норовить, не къ постылому. Ужели-жь человекъ крещеный хуже скотины? Книжкамъ не разумѣю, не попъ, не грамотный, не знаю, что въ нихъ пишется, а полагаю такъ, что Богъ всякой твари по любви приказалъ жить, не по насилію.

— Мы съ тобой, Вася, не сильно, а вольно законъ приняли и держать законъ надо, сказала Алена.—Безъ закона жить—все равно не дастъ Господь счастья. Только предъ Богомъ грѣхъ, предъ людьми срамъ. Иди отсюда ради Христа, не смущай мою душеньку. Любить тебя буду по гробъ живота. А только брось ты! Не ходи напрасно. Живи себѣ съ Богомъ съ женою закономъ по-честному, по-христіанскому. И меня не смущай.

— Не могу, Аленушка, не осилю, прошепталъ Василій, глядя въ полные слезъ глаза Алены растеряннымъ взглядомъ.—Сколько терпѣлъ, а не могъ. Тебя такъ-то жалко, Аленушка, какъ душеньку свою. Такъ вотъ! И себя тоже вѣдь жалко. Не могу съ вѣдьмой жить, съ блудницей. Въ хату свою войти не могу. Лучше руки на себя наложить, порѣшить себя да и дѣло съ концомъ. Безъ тебя постылъ мнѣ свѣтъ Божій.

Василій крѣпко обнялъ Алену и сталъ жарко цѣловать ее. Алена не выбивалась изъ его рукъ. Она сама цѣловала его такъ-же жарко, такъ-же крѣпко.

— Милый мой, желанный мой, порывисто шептала она, прижимаясь лицомъ къ широкой, могучей груди Василья.—Коли-бъ воля моя, всю-бы себя тебѣ по кусочкамъ отдала. Да горе-то наше горькое.

— Только люби меня, касаточка моя сизая, шепталъ въ отвѣтъ Василій.—А то мы надъ всякимъ горемъ посяжемся. Не одно наше село на свѣтъ Божьемъ. На Кубань уйдемъ, на вольныя земли. Никто насъ тамъ не достанетъ. Нигдѣ не пропадемъ съ

тобой. Бросимъ разлучниковъ своихъ постылыхъ. На чужой сторонушкѣ, да по крайности, сердце милое, радость свою увидимъ, а не слезы горькія.

— Охъ, сладко слушать тебя, Вася, да жутко, шептала Алена, забываясь все больше и больше въ горячихъ объятіяхъ Василія. — Съ тобою, я знаю, нигдѣ не пропадешь, съ тобой вездѣ хорошо. Только не бывать этому, Вася! у меня сынъ, забылъ ты, не вводи меня въ грѣхъ.

— Мы и Гордюшку возьмемъ, лебедка моя бѣлогрудая, говорилъ въ радостномъ упоеньи Василій, задушая ласками Алену. — Али вдвоємъ не прокормимъ? Только иди за мной. Только полюби меня. Дай мнѣ опять на свѣтѣ Божьемъ жить.

— Дѣлай, Вася, что знаешь! Все равно пропадать! чуть слышно промолвила Алена и повисла вдругъ обезсилѣвшими руками на груди Василія.

— Аленушка, лебедушка моя, кралечка моя писаная, шепталь Василій, схвативъ Алену въ могучую охапку.

IX.

Мужицкій судъ.

Диву давалась Лукерья: пахота на дворѣ, сѣвъ гречишный, навозъ давно пора возить, а Василій Иванычъ то-и-дѣло въ городѣ. Все у него нужды разныя обыскиваются. И съ Лушкою не тотъ сталъ. То, бывало, все тайкомъ къ ней приглядывается, хмурится да рычитъ. А теперь словно не видитъ Лушки; застанетъ, не застанетъ дома, и не спрашиваетъ; а вернется при немъ, не ругается. Посмѣлѣла Лукерья, стала меньше мужа беречься, стала чаще солдатиковъ къ заваленкѣ своей собирать. Только ее брало сомнѣніе: что-то такое неладное дѣлается; не спроста повеселѣлъ, попритихъ ея Василій Иванычъ. Старая Арина тоже подозрительно всматривалась въ сына, когда онъ собирался въ городъ.

— Что это ты все въ городъ да въ городъ? говорила она, не спуская съ Василія сердитаго взгляда. — Люди въ поле, а мы

въ городъ. Допрежь этого не было съ тобой. Кто, кто, а ужъ Вася первый за сошкою, первый за косю. Нехорошее это ты дѣло затѣялъ, Василій, непутное. Городъ тебѣ сторона, ничего ты тамъ не терялъ, нечего тебѣ и искать въ городѣ.

— Нельзя, работишку хотѣлось взять у рядчика, что подгороднюю церковь строить: плотникъ сошелъ, такъ просилъ навѣдаться.

— То-то навѣдаться. Больно ужъ часто навѣдки эти пошли. Съ кабатчицами свяжешься—толку не будетъ.

— Съ какими кабатчицами? сумрачно спросилъ Василій, вдругъ нахмурившись, какъ градовая туча, и съ угрожающимъ видомъ весь повернувшись къ матери.

— Да Богъ тебя знаетъ, съ какими! не глядя на него, вывертывалась старуха.—Это твое дѣло. Въ городъ ѣздить—только по кабакамъ ходить. Другого дѣла тамъ нашему брату нѣтъ.

— Ты больно много знаешь. Языкъ-то безъ костей! сердито проворчалъ Василій, уходя изъ избы;—за невѣсткою-бы лучше смотрѣла.

И Василій опять уѣхалъ.

Побѣжала Арина къ сосѣдкѣ Прохорихѣ, застала ее на огородѣ и стала, подгорюнившись, слезно жаловаться на сына.

— Вотъ такъ-то, мать моя, наше житье. Ты его пой да корми весь вѣкъ, обмывай да обхаживай. А выросъ—онъ тѣ въ глаза наплюетъ. Чуть не прибилъ, мать моя, вотъ тѣ Христось, чуть не прибилъ. Помянула это я ему Аленку кабатчицу, такъ что-бы ты думала, миленькая? такъ и зарычалъ, какъ медвѣдь, такъ и зарычалъ! Уставился это на меня глазами, просто съѣсть хочетъ. Вотъ они дѣтки-то каковы! Вотъ оно горе-то наше!

— Отъ дѣтокъ, матушка, спасибо не дожدهшься. Ни-ни! подтвердила спокойнымъ голосомъ Прохориха, преря изъ своего подвязаннаго подола луковицы въ рыхлая гряды.—Дѣткамъ только готовенькое подавай. Пока еще поперегъ лавки положишь, ну, туда-сюда. А какъ перешолъ—кончено. На мать норовить нукать.

— Охъ, головушка наша грѣшная! вздыхала Мелентыха.

Дошли и до Лукерьи слухи, что связался ея Василій съ Аленкой кабатчицей. Обрадовалась Лукерья.

„Постой-же ты, муженекъ, я тебѣ вспомню первую ночень-

ку, шевелилось у ней на сердцѣ. — Я тебя, смиренника, выведу на чистую воду; пушай видять добрые люди, кто изъ насъ поганая, твоя-ли любовница али я“.

Разболтала Лухка объ Аленѣ всѣмъ деревенскимъ парнямъ, всѣмъ знакомымъ солдатикамъ; пожаловалась и братьямъ. Всѣхъ просила подсадѣть Ваську, накрыть его народомъ вмѣстѣ съ Аленкою. Спала и видѣла, какъ-бы ей получше осрамить Васькину любовницу.

Хорошо сдѣлалось на вешняго Микола. Сплошнымъ бархатомъ полѣзла молодая трава. Одѣлись березы, ракиты въ молодой листь. Заиграли пчелы на осиновыхъ почкахъ. Теплый паръ пошелъ отъ земли. На яркомъ голубомъ небѣ стали наплывать круглыя, бѣлыя облака. Ужь цвѣты цвѣли въ травѣ, бабочки перепархивали. Жужжали мошки. Лѣтомъ запахло. Василий словно изъ гроба воскресъ. Сладко ему стало смотрѣть на свѣтъ Божій. Въ головѣ его стояли хорошія думы. „Вотъ отсѣмся яровыми, уберемся, Богъ дастъ, продамъ хлѣбушко немолоченный. что на мою долю придется, и поднимемся въ путь. Къ Успенью съ Ростова прикащикъ пріѣдетъ, обѣщаль задатокъ привезти. Ищи насъ тамъ, гдѣ знаешь! Поминай какъ звали, Лукерья Сергѣевна! Тамъ степи привольныя, тамъ рабочему человѣку просторно. думалось еще Василью. — А коли пробраться, какъ Левка покойникъ сказывалъ, къ Азовскому морю къ самому, тамъ-то житье! Ржи нѣтъ, все пшеница бѣлозеровая. Рыба разная красная, пристави, ярманки. Скотъ черкасскій. Мужики, сказывалъ, въ бархатныхъ кафтанахъ ходять, бабы шею червонцами повязываютъ. А на ногахъ вмѣсто лаптей сапожки сафьянныя съ подборцами. У отца-матери еще два работника останутся. Прокормятъ, Богъ дастъ. А тѣсноты той не станетъ. Только-бы Богъ далъ лѣто прокоротать“.

Радовался Василий, возвращаясь изъ обуховскаго лѣса съ возомъ хвороста, не одному майскому утру: прасоль Дмитрій Данилычъ только-что за двѣ недѣли снялъ у Обухчихи бакшу, вспахалъ и посѣялъ кой-что. А на Николинъ день была въ городѣ скотская ярмарка, нужно было самому Дмитрію Данилычу въ кабакѣ посидѣть, скотинкой побарышничать. Прислалъ Дмитрій Данилычъ Алену на бакшу посидѣть денька три, за лукомъ приглядѣть, рассаду полить. Тому-то и радовалось сердце Ва-

силыя. Радовалась и Алена, что глянула на поле деревенское, на привычную деревенскую работу, и что близко пришлось ей теперь быть къ своему милому. Не они одни, впрочемъ, радовались: обрадовалась и Лужка, Васильева жена, какъ пронюхала, что кабатчица на бакшу переѣхала.

На-силу дождался ночи Василій. Не захотѣлъ спать въ избѣ.

— Теперь жара, на сѣновалѣ можно спать; а солнушка равно не прогуляешь. Завтра на зорькѣ безпремѣнно всю гречиху рассыпать надо, говорилъ онъ отцу.

— Да что-жь, и вправду! поддержала его Лужка. — Теперь какой сонъ въ избѣ? Надьсь всю скрозь блохи заѣли.

Рано улеглись, рано уснули въ дворѣ Мелентьевыхъ. Выпили праздничнымъ дѣломъ, съ водки еще раньше спать захотѣлось. Только Василій не спалъ. Дрожь его пробирала, совладать не могъ. Не успѣли затихнуть въ избѣ, вышелъ Василій съ сѣновала и пошелъ, босой, на гумно къ половню. Ночь была тихая и свѣтлая.

— Алена! прошепталъ Василій, взглянувъ въ темный половень.

— Я здѣсь, Вася, отвѣчалъ изъ темноты такой-же тихій голосъ. — Заждалась тебя.

— Лебедка ты моя! Свѣта все старуха не тушила, съ горшками возилась. Какъ потушила свѣтъ, я и тутъ. Опасливо все-таки. Собаки-то не почували тебя?

— Нѣтъ, не слышать. Я одонками прошла, черезъ ровъ. Далече отъ нихъ.

— Вотъ подожди, не долго будемъ крадучись другъ другу любить, весело сказалъ Василій, обнимая Алену, которая подошла къ нему изъ глубины половня.

— Что это, никакъ дверь у васъ въ хатѣ кто хлопнулъ? вдругъ насторожилась Алена.

— Нѣтъ, кому теперь ходить, всѣ легли спать, спокойно отвѣтилъ Василій. — Такъ что-нибудь показалось. Войдемъ, присядемъ на соломку, а то тутъ собаки почуютъ.

Они вошли въ половень, въ углу котораго были навалены послѣдніе остатки яровой соломы.

— Ты что это было сказалъ, Вася? спросила Алена, когда они опустились на солому.

— Да сказываю, недолго намъ съ тобою, Аленушка, воров-

скимъ обрядомъ любить. Снимемся въ путь послѣ Успѣнья, тамъ, на вольныхъ земляхъ, вольно будемъ и любить другъ дружку. Тамъ вѣдь не строго, не по-нашему: какое дѣло, и повѣчаться можно.

— Что ты это, Вася? Какъ-же это теперь съ двумя мужьями вѣчаться? этого нельзя. Какъ-бы грѣшно мнѣ съ тобой ни жить, а все-жъ не двумуужицей буду.

— Нешто не выходятъ такъ-то, при живомъ мужѣ? возражалъ Василій.—Вѣдь вотъ у насъ солдатъ Крутиковъ двадцать лѣтъ съ Машкою перевѣчанъ, а у него, сказываютъ, въ Тавріи жена живетъ. Попъ разводъ дастъ. Поклонимся побогаче—и дастъ. Оно хоть, положимъ, и безъ вѣнца проживемъ. Живутъ люди. А только все на народѣ почетъ не тотъ. Все тебѣ, Алenuшка, повору будетъ меньше.

— То страшно мнѣ было, Вася, и подумать объ этомъ, а теперь только и вижу, когда это мы съ тобой на вольныя земли. Ужъ Гордюшку свою совѣмъ снарядила.

— Потерпи маленько; ждали долго, теперь меньше ждать, сказалъ Василій.

— Какъ воротился мой съ Украины, мочи моей нѣтъ, продолжала Алена.—Допрежь того все еще будто ничего, терпѣлось. А какъ сталъ ты меня, Вася, любить, узнала я твои ласки, послушала словъ твоихъ хорошихъ,—не въ моготу стало его, гнусливаго, къ себѣ подпускать. И весь-то онъ, Вася, червивый да корявый. Пьянымъ напьется—слюни-то текутъ, городить невѣсть что. Ужъ такъ-то онъ мнѣ послѣ тебя постылъ, такъ постылъ, что, кажется, руками-бы своими его удавила. Прости Господи!

— Ну ихъ совѣмъ! Ихъ-бы вотъ вмѣстѣ свести, мою съ твоимъ. Пушай себѣ живутъ. Уйдемъ отъ нихъ и вспоминать не будемъ.

— Теперь мнѣ, кажется, коли не уйти, такъ камень на шею да въ воду! сказала Алена.—У меня нравъ такой. То ничего, ничего, а ужъ пришлось сдѣлать что—пропаду, а сдѣлаю. Теперь я Дмитрію Данилычу не жена, теперь я тебѣ, Вася, жена. А не возьмешь—мнѣ одинъ конецъ.

— Голубка ты моя ненаглядная, сказалъ Василій, обнимая и цѣлуя Алену;—для кого-жъ я покидаю домъ родительскій, коли

не для тебя? На край свѣта уйду, а съ тобой буду. Мало-ль дѣвокъ да бабъ по бѣлому свѣту, а вотъ не нужна-жь мнѣ ни одна. А нужна ты одна, Аленушка. Стало, ужь сердце мое знаетъ, что ты мнѣ отъ Бога положена, не другой кто.

Онъ сталъ покрывать ее горячими поцѣлуями и уже не въ смѣлахъ былъ больше говорить.

— Охъ, Вася, сладко такъ-то у тебя. Дюже сладко! шептала Алена, отвѣчая ему такими-же объятіями, такими же поцѣлуями.— За лаской твоей все горе позабудешь.

— Съ милой—не съ постылой, шепталъ Василій.— Съ милой—ночью свѣтло, на землѣ мягко. А съ постылой и солнышка не видать; на перинѣ пуховой не уснешь.

— Люби меня всегда такъ-то, Вася, хорошо ты любишь. Не разлюби смотри, не губи.

— Не разлюби только ты меня, касаточка моя бѣлогрудая, а я тебя вѣкъ буду любить. Мнѣ полюбить дорого, а ужь полюбилъ разъ—разлюбить не умѣю.

— Смотри-жь, Вася, ненаглядный мой, помни завсегда эту ноченьку. Помни, что ты сказалъ. Видишь, вся я тебѣ отдалась. Ничего за мной не осталось. Ни отца, ни мужа, ни чести женской. Не губи-жь меня, сбереги, Вася!

— Буду беречь словно яичко золотое. Пухъ буду съ тебя сдувать, Аленушка. Не увидишь отъ меня ни обиды, ни нужды. Съ тобой вмѣстѣ буду такъ работать, какъ ты еще не видала. Аленушка. Всего тебѣ напасу, всего добуду! въ смѣломъ упоеніи счастья твердилъ Василій.

— Пстой! вдругъ встрепенулась Алена,—словно кашлянулъ кто-то?

Василій быстро вскочилъ на ноги и прислушался.

— Съ чего это тебѣ показалось? Ничего не слышать!

— Выйди, Вася, погляди... Неровень часъ... просила Алена.—Мнѣ что-то вдругъ боязливо стало. Словно какъ передъ бѣдою.

Василій осторожно выглянулъ изъ половня и простоялъ минутку, прислушиваясь въ молчанію ночи... Вдругъ у него въ ухахъ явственно хрустнула солома. Еще и еще. Кто-то, повидимому, крался позади половня.

— Петь, а Петь! сяды! послышался сдержанный, но пронзительный шопоть.

Василій тихо отступилъ въ темноту половня и замеръ на мѣстѣ...

— Тсъ! прошепталъ онъ издали Аленѣ.— Не шевелись. Кто то идетъ.

Теперь онъ еще яснѣ слышалъ осторожные шаги ногъ по шуршавшей соломѣ и чей-то сдержанный шопоть. Шаговъ было много... Все больше и больше прибавлялись они и съ каждымъ разомъ дѣлалось шумнѣе.

— Залѣзь въ солому, Алена, неравно войдутъ, шепнулъ Василій, сердце котораго вдругъ заохлодѣло. Ему показалось, что онъ узналъ въ этомъ шопотѣ голосъ Лужки.

Василій подумалъ прежде всего, гдѣ-бы ему схватить хорошую дубину... Но шарить въ темнотѣ половня было бесполезно и опасно.

— Давай фонарь! довольно громко сказалъ кто-то.

Василій шарахнулся за вереву воротъ. Цѣлая толпа народа молча входила въ половень. Василій видѣлъ впереди всѣхъ братьевъ Лужки. Одинъ изъ нихъ держалъ фонарь и, приподнявъ его вверхъ, свѣтилъ въ половень. Василій вышелъ изъ-за столба.

— Чего вамъ надо? Что вы ночами по чужимъ гумнамъ шатаетесь? спросилъ онъ неувѣреннымъ голосомъ, который онъ напрасно пытался сдѣлать строгимъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ отвѣчай, что ты тутъ въ половнѣ орудуешь, полуночникъ! завопила разъяреннымъ голосомъ Лужка, вырываясь изъ толпы.— Съ кѣмъ это ты тутъ ночку-то коротаешь?.. Сейчасъ васъ обоихъ на чистую воду выведу. Свѣти-ка туда, Петя.

— Слышь, ступай прочь! Что вы разбоемъ пришли? загордился Василій дорогу.— Въ своемъ половнѣ я хозяинъ! Воръ я, что-ли, что вы поличное у меня ищете?.. А стать я вездѣ воленъ... Чего навалились? Ишь солдатъ набрали! воевать, что-ли, затѣяли?

— Нѣтъ, постой! орала братья Лужки.— Отъ насъ, братъ, дешево не отбрешешься. Мы хозяйства твоего у тебя не отнимаемъ, а ты покажи женѣ законной, съ кѣмъ ты тутъ спалъ, съ кѣмъ

прелюбодѣйничаль... Вотъ что!.. Ищи, ребята, пошарь по угламъ.

— Да что шарить! вотъ она, голубушка! со смѣхомъ крикнули трое солдатъ, пробравшіеся къ соломя.

— А, вотъ она, стерва! Вотъ она, подлая!.. неистовствовала Лужка, подбѣгая съ налета къ Алень и сразу вцѣпившись ей ногтями въ глаза. — Я тебѣ выцарапаю буркалы твои проклятыя!

Въ ту-же минуту Василий былъ около Лужки. Однимъ ударомъ жудака онъ кубаремъ пустилъ ее въ противоположный уголокъ половня. Съ оглушительнымъ плачемъ вскочила Лужка и бросилась опять къ Алень.

— Братцы мои сударики! вопила она. — Не дайте убить беззащитную. Голову мнѣ насквозь пробилъ. Свяжите вы его, дьявола, ради Христа. Скрутите ему руки назадъ да къ старостѣ волоките вмѣстѣ съ его шкурою.

— Не тронь, ребята! Дай пройти! глухо пробормоталъ Василий, стараясь растолкать толпу и увести Алену, едва стоявшую на ногахъ отъ стыда и испуга. По лицу ея струилась кровь изъ глубокихъ царапинъ.

— Что вы смотрите на него, братцы! крикнулъ Петька, Лужкинъ братъ, бѣлокурый малый съ дерзкими глазами и съ вздернутымъ носомъ, извѣстный въ селѣ воръ и разбойникъ. — Крути его кушакомъ. А то онъ тутъ всѣхъ насъ покалѣчитъ. Бабу-то держите... вяжи и ее заодно. Кавалеры! будьте ласковы... потрудитесь для насъ.

— Вотъ будьте, господа, всѣ свидѣтели, что я муженька свою законнаго съ любовницей въ половнѣ накрыла... Завтра-жь міру въ ножки поклонюсь. Пусть его поучатъ, безстыжаго. Пусть онъ узнаетъ, какъ на жену напраслину взводить да любовниками попрекать. Меня, благодаря Бога, еще никто съ любовникомъ не накрывалъ! охриплымъ отъ бѣшенства голосомъ кричала Лужка. — Подержите его, голубчики, дайте мнѣ буркалы ея поганые выцарапать, лѣзла она сквозь толпу къ Алень.

— Постою, ну что драться? Надо дѣло путемъ разобрать! говорили солдаты, заслоня Алену. — Собрать міръ да и судить своимъ судомъ.

— Сбѣгай, ребятъ, за старостой. Не замай придетъ и освидѣтельствуетъ, scomандовалъ Петька. — Мы его живо окоротаемъ. А то больно загордѣлъ. Умиѣ всѣхъ сталъ.

асилій стоялъ, заслонивъ грудью рыдающую Алену, но толпа окружила его и не пропускала нигуда.

— Пустите ее, братцы, шепталъ Василій.— Со мной что хотите дѣлайте... Отпустите только ее... Она ни въ чемъ не повинна.

— Съ мѣста этого не сойду, пока ее, подлюю, розгами не обдеру! неистовствовала Лужка. — Я ее, безстыжую, при всемъ селѣ осрамлю. На весь уѣздъ. Косу ей, подлой, обрѣжу, дегтемъ всю вымажу. Вотъ тогда ступай на всѣ четыре стороны... Пусть ея любовникъ на нее любитъся.

— Заставьте вѣчно Бога молить! Отпустите ее, братцы... не срамите, убитымъ голосомъ продолжалъ просить Василій. — Потѣштесь надо мной, какъ вашей душенькѣ угодно. Моя вина! Всякую казнь понесу, слова не скажу. Только отпустите ее. Она честнаго дому. Не слушайте бабу ядовитую.

— То-то и честныя, что по чужимъ дворамъ, къ чужимъ мужьямъ ополночь таскаются, визжала Лужка. — Жену-то поносить тебѣ было не жалко, а за любовницу на стѣнѣ распинаешься. Везстыжіе твои глаза. Вотъ постой! Придетъ староста! Покажу я и тебѣ, и твари твоей подлой. Мы и муженька ея сюда попросимъ. Пуцай порадуетъ на жену законную. Какъ-же! кабатчица, купчиха! Съ цуканомъ связалась, съ хамомъ.

Пришелъ староста, босой и безъ шапки, натянувъ на голову тулупъ.

— Что тутъ у васъ еще за конбой! грубымъ, заспаннымъ басомъ пробасилъ онъ.—Поспать человѣку съ вами нельзя. Народы! Кого это половили?

— Какъ вы у насъ начальство, Капитонъ Дементыичъ, визжала Лужка,—такъ я къ вамъ по начальству и прибѣгаю. Извольте посвидѣтельствовать. Коли есть такой законъ, чтобы мужъ отъ законной жены уходилъ да въ половикъ съ подлыми бабами спать, ну такъ намъ такъ и скажите. Мы по крайности знать будемъ. Я, какъ вы сами теперича видите, накрыла ее подлюю на всемъ народѣ. Извольте теперь насъ судить. Онъ-ли правъ, я-ли права... потому, коли Аленка ему жена, такъ ужъ мнѣ, выходить, изъ хаты уходить. Разсудите насъ миромъ, Капитонъ Дементыичъ, въ томъ мое къ вамъ прошеніе. А ее, подлюю, прикажите связать... мое желаніе такое, Капитонъ Дементыичъ!

— Изъ погани такой шумъ поднимать! сплунуль староста. — Свяжи ей руки, ребята, да въ амбарчикъ куда-нибудь заприте до утра. Утромъ соберу стариковъ, пушай посудать. Запри ты, что-ль, Петрухъ! У тебя не уйдетъ. Откелева эта дѣвка? вглядывался староста.

— Качатчица съ подгородней, что вотъ мужъ бакшу снялъ, тихо словно стыдась, сказали ближніе. — Она баба, не дѣвка.

— Расходись, ребята. Отведите-же бабу тогда!

— А я еще о томъ прошу, господинъ староста, какъ вы состоите наше начальство, опять прицѣпилась Лушка, — чтобы и его, безстыжаго, до утра куда въ кѣтъ запереть. Потому какъ я изловила ихъ обоихъ при всемъ народѣ.

— Отстань ты, сатапа! заораль недоспавшій староста. — Ишь, обрадовалась! Нешто онъ колодникъ бѣглый? Небойсь за ночь цѣль будетъ.

— Капитонъ Дементычъ! Отпусти ты ее, Христа ради! еще разъ попытался Василій, безнадежно слѣдя глазами за Аленю, которую братья Лушки толпою уводили къ себѣ во дворъ.

— Отпущать нельзя. Не законъ. Ну, что просишь? грубо отвѣтилъ староста, не оглядываясь на Василья. — Пушай старики разсудять, тогда видно будетъ. И ты тоже приходи. Чтобъ безпремѣнно.

Старики собрались рано, до солнца. Нужно было ѣхать съять гречиху. Привели Алену, привели Василья. На Аленѣ лица не было. Она вся была исцарапана и заплакана. Она чуть на ногахъ стояла.

— Ну, сказывай свою жалобу! сказалъ Лушеѣ рябой староста.

— Да вотъ вамъ, старички, какая моя такая есть жалоба. Что изловила я муженька своего законнаго полуночнымъ часомъ въ половнѣ съ любовницей. На томъ двѣнадцать человекъ свидѣтелей имѣю. Даже старосту своего спросите. А просьба моя въ томъ, чтобы и мужа моего, и его любовницу подлюю на всемъ на міру розгами высѣчь. Вотъ вы и посудите насъ, старички почтенные, по правдѣ по божьей! Потому онъ на меня завсегда напраслину взводилъ, завсегда меня обижалъ. И братцы мои родненькіе все это дѣло знаютъ. У нихъ спросите.

— Изловила на прелюбодѣйствѣ — вѣстимо, высѣчь надо, ска-

заль Лушкинъ дядя, высокій, богатый мужикъ, торговавшій овчинами.

— Надо порядокъ показать, потому мужъ-мужъ, а законъ все знай, поддержали старики.

— Бабу высъчь, а съ Васьки ведро водки, предложилъ тотъ самый шустрый рыжій мужикъ, что откапывалъ мерзлаго челоуѣка.

— И то правда! Шкура-то у него не покупная и міру съ того прибыли нѣтъ, загалдѣли другіе.

— Ты что, Васька, скажешь? обратился къ Василью староста.— Вотъ старики судятъ тебя. Ну, и ты долженъ отвѣтъ давать. Виниться долженъ, потому міръ.

— Я одинъ во всемъ виноватъ, старички, сказалъ Василій, потупясь въ землю.— Казните меня какъ хотите. Всѣмъ буду доволенъ. А ее отпустите. Она ни въ чемъ неповинна. Обманомъ я ее залучилъ.

— Нужно, Вася, по закону судить, нельзя! потому—міръ, заговорилъ маленькій проворный старикъ.— Такое ужъ дѣло: накрыли—не скроешь. Съ кѣмъ бѣда не была. А отвѣчать надо.

— Отпустите ее, старички, не срамите! просилъ Василій, опускаясь на колѣни и кланяясь міру въ землю.— Съ меня что хотите назначьте, какой хотите штрафъ, отпустите ее, неповинную. Все равно, съ меня взыщите.

Братья Лушки подняли шумъ и требовали высъчь и Алену, и Василья. Старикъ Мелентьевъ тоже присталъ къ нимъ и требовалъ, чтобы сына высъкли вмѣстѣ съ его любовницей.

Однако рыжій мужикъ все больше и больше привлекалъ стариковъ на свою сторону ожиданьемъ ведра.

— Вотъ что! слухай, ребята, оралъ маленькій старичишка.— Чѣмъ намъ Ваську срамить, катать съ него ведро! Ильюшка дѣло говорить. А бабу посъчь можно: не шлайся въ чужое село по чужимъ мужьямъ. Бабу надо проучить.

— Всыпать ей пятьдесятъ горяченькихъ, да и отпустить съ Богомъ! для науки, со смѣхомъ поддерживали другіе, поглядывая на Алену.

— Ну чего толкуешь! нешто это прежнее время? презрительно обрывалъ ихъ Ильюшка.— Пятьдесятъ завашишь, таеъ тебѣ самому

заглянуть, откуда ноги растут! Не знаешь! Сказано, двадцать розогъ.

— Гдѣ сказано?

— Гдѣ? Не знаешь? Ну, и не ори!

— А ты знаешь?

— Стало, знаю! Въ законѣ сказано, вотъ гдѣ! Въ положеньи.

— Ишь грамотный проявился.

— Вотъ и грамотный! Хоть не грамотный, а знаю; я старостой четыре года былъ.

— То-то тебѣ и дали по шеѣ, что старостой былъ.

— Ты, что-ли, давалъ?

— Я не давалъ, а кто-нибудь давалъ, коли выскочилъ.

— Да цыцъ вы, оглушители! Чего сцѣпились! крикнулъ староста. — Тутъ судъ идетъ, а они ругаться схватились.

— Ставь ведро, Васька, отпустимъ! кричали въ толпѣ. — Бабу съчь, а съ тебя водки ведро. Посылай въ Карпычу. Вину съ тебя снимаемъ.

Еще разъ поклонился Василій въ землю міру.

— Господа старички! судьи милостливые! Возьмите три ведра, отпустите ее честно, просилъ онъ.

— Нѣтъ, что толковать, нельзя, сурово возражалъ староста. — Міръ положилъ посъчь—ну и надо посъчь. Баловаться напередки не будетъ. Ей-же на пользу.

— Что намъ съ твоей водки? Мы развѣ на свои не купимъ! галдели дядя и братья Лущки. — Ты жену не на смѣхъ взялъ, не съ большой дороги побирушку, а изъ честнаго дома. Не дайте ее въ обиду. господа старички, станьте за правду; что жъ, въ самомъ дѣлѣ? Нонче ему пропустите, завтра онъ полюбовницу въ домъ приведетъ. Этакъ и житья на свѣтѣ не станеть. Али у насъ безсудное царство?.. Винавать—отвѣчай!

Но ружему мужику перспектива трехъ ведеръ казалась до того соблазнительною, что онъ перегорланилъ всѣхъ.

— Да вы что, родня, лѣзете? заоралъ онъ, размахивая руками и надвигаясь на Петьку. — Вамъ по-настоящему на судѣ и мѣста нѣтъ! Мы по закону божьему хотимъ судить, а они за роденьку свою весь міръ помутить хотять!.. Что ты съ сестрою-то носишься? Жена, говорить, жена! Знаемъ, братъ, тоже, какова

жена, не меньше твое. Ужь молчалъ-бы, коли такое дѣло! Ишь жену, подумаешь, нашель. Мнѣ, братъ, все равно. Я ни тебя не покрою, ни Ваську; я вамъ не кумъ, не свать. А люди тоже слышали про сестричку твою. Нечего куражиться! Что, миръ честной, намъ братовъ да сватовъ не переслушать. А положимъ мы по закону, по совѣсти, оштрафовать ихъ на три ведра водки, да и отпустить съ Богомъ. Ну что возжаться съ дермомъ! Солнушко-то ужь во-вуда поднялось. И сѣять будетъ некогда.

— Это точно, правда. Оштрафовать на три ведра и вся недолга! поддержали другіе.

Только староста не поддавался. Онъ былъ кумомъ Лушкинова дяди и дядя посулился ему магарычемъ.

— Э! ну что орешь, Ильюха! съ серьезной важностью возразилъ онъ.—Чего народъ баламутить? Не по закону такъ-то. Судьямъ опивать не приказано.

— Да! учи меня! меньше я твоего знаю! Тоже, братъ, старостомъ четыре года ходилъ! нахально кричалъ Ильюшка;—чего ты хвостомъ-то виляешь? Кому угодить захотѣлъ? Какое-жь ты начальство, коли по кумовству миръ продаешь?

— Да ты чего? Постой! степенно останавливалъ староста.— Не законъ, сказываю. Былъ-бы законъ, ну и пушай себѣ. Мнѣ что!..

— То-то что! Это ты гдѣ законъ такой сыскалъ, чтобы мѣщанку мужицкимъ судомъ сѣчь? Ну, гдѣ, сказывай! наступалъ расходившійся Ильюха.

— Да нешто она мѣщанка?

— А ты-бъ думалъ какъ! То-то ты знаешь больно много!.. передразнивалъ его Ильюха.—Староста тоже! Начальникъ! А начальникъ, такъ ты законъ знай! Тронь-ка ты ее, такъ за тебя всѣхъ насъ въ Сибирь упекутъ. Потому мужикъ мужика судить, а мѣщанина судить не можетъ. Не зналъ!

— Да ну васъ къ яду! Мнѣ что? Судите какъ знаете! отдѣлывался староста.

Миръ порѣшилъ оштрафовать виновныхъ на три ведра водки, а бабу отпустить.

Лушка уже нѣсколько времени какъ исчезла со схода. Какъ только она замѣтила, что старики сочувственнѣе слушали пред-

ложеиіе Ильшкн, чѣмъ просьбу ея братьевъ, Лушка быстро юркнула въ избы.

Не успѣла Алена, низко и молча поклонившись міру, пройти первый проулочекъ, какъ со двора Лушкинова дяди съ крикомъ бросилась толпа бабъ. Лушка была впереди всѣхъ съ огромными и грубыми овчарными ножницами, которыми она размахивала, какъ разъяренная вѣдьма. Тетка ея тащила позади мазницу съ дегтемъ.

— Постоѣ, подлая! ты отъ насъ не уйдешь! кричала Лушка. — Мы тебя своимъ судомъ посудимъ, бабьимъ, а не мужицкимъ.

Десятки озлобленныхъ рукъ неистово схватили Алену за рубаху, за платье, за волосы. Десятки пискливыхъ, разъяренныхъ голосовъ визжали надъ нею. Бабн ея тащили и толкали во всѣ стороны, словно стая собакъ, принявшаяся рвать забѣглую чужую собаку, плевали въ глаза, щипали и дергали.

— Тащи съ нея, подлой, рубаху. Сймай платье! командовала Лушка. — Пушай она, безстыжая, къ муженьку своему такъ покажется. Они, хамы бородатые, за водку рады родную жену на посмѣянье отдать. Имъ что! Они всѣ таковы, жеребцы. Другъ-другу покрываютъ, другъ-другу жалѣютъ. Имъ абы водки наглотаться, обморамъ. Ишь отпустили какъ, чуть спасибо не сказали. Она было, безпутная, и обрадовалась, — бѣжить перепелочкой. Постоѣ, мы теперь тебя по-своему, по-бабьему отдѣлаемъ; не шлайся по чужимъ селамъ, не спи по чужимъ дворамъ, съ чужими мужьями! Держи-ка ей голову хорошенько, Матреша, держи потуже, не давай рваться. Ишь, гладкая отѣлась. Корова-коровой! Не удержишь! Тетенька, придержите-ка ее за шею. Ишь, брыкается! Что? не хочется? Да глотку ей бабн заткните, чтобъ не визжала. Вотъ такъ, Федосьюшка, самое такъ. Теперича мы ее на отдѣлъ обрабатаемъ. И другу, и недругу заречется, кричала Лушка, отхватывая своими неувлужими, ржавыми ножницами обильныя русыя косы Алены. — Опростоволошу я тебя, гадину! На всю твою жисть осрамлю; только тебѣ утопиться и останется. Ни одному человѣку безъ срамоты не покажешься. Я тебя, кабатчицу, научу, какъ отъ чужихъ женъ мужей отбивать.

— Да ты погоди, Луша! Дай я ей рожу-то дегтемъ смажу, съ хохотомъ подхватила тетка Луверьи, вытаскивая дегтарный

помазокъ. — Раздѣвай ее скорѣе, бабы. Я ее какъ-разъ всю смажу. Отъ одѣтой не различишь!

Платье ключьями летѣло съ Алены. Однѣ бабы держали ее за руки, другія отогнули назадъ голову, одна заткнула ей ротъ своею широкою, грязною ладонью. Помазокъ больно ударилъ ее по лицу и заслѣпилъ лѣвый глазъ.

— Мажь ее, мажь, Хавроньюшка! съ веселымъ хохотомъ орали бабы. — Коли мы не проучимъ, не кому проучить. Ишь разрядилась, купчиха! завистливо ощипывали онѣ ее.

Больно впиалась Алена зубами въ ладонь, закрывавшую ей ротъ.

— Батюшки! спасите! громко закричала она, чувствуя, какъ деготь течетъ у ней по лицу и по шеѣ.

Въ эту минуту Василій выходилъ изъ кабака, гдѣ онъ ставилъ міру штрафное вино.

— Глянь-ка, Вася, какъ бабы твою Аленку щипать учили со смѣхомъ сообщилъ Василью молодой парень, любовавшійся съ крыльца забавною сценою. — Ахъ, ободрать ихъ! дружно взялись, ровно гусыни, по волоску разнесутъ.

Василій видѣлъ, какъ взмахнулъ помазокъ съ дегтемъ, слышалъ, какой вопль вырвался у Алены. Вѣсть съ ея крикомъ его уже не было на крыльцѣ. Онъ несся по улицѣ съ-страшностиснутыми кулаками, забывъ все, готовый въ прахъ растоптать злую толпу, наругавшуюся надъ его сокровищемъ.

Но когда онъ добѣжалъ, ни одной бабы уже не было около Алены. Увидя бѣгущаго Василья, всѣ онѣ разсыпались, какъ стая пугливыхъ воробьевъ, и только одна Алена, оборванная, избитая, облитая дегтемъ, съ обезображенной головою, глухо и больно рыдала, припавъ на колѣняхъ къ землѣ.

Поздно возвратился народъ съ сѣва. На зорькѣ опять поднялись, опять стали кликать старшій Иванъ Василья сохи собирать.

— Подняться не въ моготу, прозябъ ночью, руки и ноги повязало, какъ колоды стали. Ступайте безъ меня, отвѣчалъ съ сѣновала Василій.

Поругаль, поругаль его старшій Иванъ, нечего дѣлать, отправился на сѣвъ съ другими сыновьями.

Арина съ невѣстками тоже пошла на огороды, къ рѣчкѣ; осталась въ избѣ одна Лущка. Она плоха была на работу. да и свекровь баловала ее, какъ богатенькую невѣстку, оставяла ее больше около печки возиться, варево варить.

Василій всю ночь не сомкнулъ глазъ. Когда Арина, оскрамленная, избитая, вырвалась изъ села, старикъ почти силою увелъ Василья въ поле.

— Смотри, чортовъ сынъ, говорилъ онъ ему. — И дорожку туда забудь! Поймаю опять, чѣмъ ни попадаю ноги перешибу... Чтобы и помышленія твоего объ ней не было.

Василій, ходя за сохою, не видалъ ни поля, ни лошади. Онъ не отвѣчалъ отцу, потому что ничего не слышалъ, что говорилъ тотъ, какъ ругался. Все, что случилось, представлялось ему гаденышъ и невѣроятнымъ сномъ, смыслъ котораго ему не былъ еще вполнѣ ясень. Такъ близокъ онъ былъ къ нему. Такъ еще настоящее надавило на него чугуною пятою. Но когда онъ лежалъ ночью безъ сна на сѣновалѣ, всѣ подробности прожитаго счастья, прожитаго ужаса встали вдругъ какъ живыя. Непоправимый, неизгладимый позоръ лежалъ на его Алень. Это было теперь ясно, какъ день. Это онъ умолялъ ее придти сюда къ нему. Она очень боялась этого и долго отговаривалась. Онъ одинъ былъ причиною ея гибели. Умереть ей было-бы лучше, чѣмъ вытерпѣть такія муки, такой всесвѣтный срамъ! Ее притащили къ суду, какъ послѣднюю потаскушку, чуть не высѣкли на площади, издѣвались надъ нею; обрѣзали ея русыя косы, обмазали дегтемъ, отпустили почти голую, окровавленную. Онъ былъ тутъ, около нея, но не защитилъ своей Алень. вмѣстѣ съ нею кланялся въ землю мужикамъ-горланамъ, которые всѣ подъ-рядъ всякую ночь безпутничаютъ въ десять разъ хуже. Онъ запинавалъ своихъ судей въ ту минуту, какъ его вѣдьма Лущка, съ такими-же развратницами, какъ сама, позорила и мучила его голубку чистую. Звала его Аленька, а его не было! „Ты теперь одинъ у меня защита, за отца и за мать, и за мужа“, только-что вчера ночью нѣжнымъ голоскомъ своимъ говорила она ему, прижимаясь, какъ дитя малолѣтнее, къ его груди. Вотъ и защитилъ онъ ее! Вотъ и далъ ей счастье!.. Мужъ ея Дмитрій Данилычъ — пьяница и человѣкъ грубый, а не перенесла она чрезъ него, немилаго, и сотою части того, что теперь пришлось перенести ей черезъ сво-

его разлюбезнаго. И гдѣ она теперь? Куда дѣнется? Можетъ быть, она въ омутѣ давно. Кромѣ омота, и вправду, куда ей идти? Къ мужу вернуться — мужъ изъ дому вытолкаетъ, еще за косу по всей улицѣ протащить. Къ любезному своему? Хорошъ любезный!.. Его старикъ-отецъ словно ребенка малаго настращаль, угналъ гречу сѣять, къ Аленѣ ходить не приказаль. Смануть-то онъ смануль, а защитити не посмѣль. Теперь Алена на него не станетъ надѣяться. Теперь она его клясть должна.

Всю ночь и весь день напролетъ продумаль Василій. Разное приходило въ голову. Думаль даже село свое спалить, пропади, моль, всѣ они за-разъ. Да и самому тамъ пропасть! Потомъ думаль, не пойти-ли поискать Алену, не уйти-ли сейчасъ обоимъ на кубанскія земли, да вспомнилъ, что нѣтъ у нихъ ни билетовъ, ни денегъ, что Алена теперь смотрѣть на него не станетъ. Пуще всего жгло нутро Василя желаніе отомстить Лушкѣ. Развѣ дворъ ихъ пойти подпалить? Ровно всѣ на сѣвѣ? Чувствовалъ Василій, что все горе отъ Лушки, все дѣло ея рукъ.

Если-бъ властенъ былъ, растопталъ-бы ее сейчасъ живую, какъ гадину болотную, только мокро-бъ осталось. „Мнѣ все равно пропадать; съ Аленой кончено теперь; по крайности, душевкѣ свою отведу. Не дамъ ей, змѣѣ подкольной, надъ собою издѣваться. Попомню ей Аленушкины слезки“.

Пріѣзжали мужики къ обѣду, обѣдъ похлебали; звала Лушка и мужа обѣдать, не пошелъ, все лежалъ, все больнымъ сказывался, маковой росинки за цѣлый день не принялъ. Арина, было, навѣдалась къ нему на сѣноваль, да Василій такъ зарычалъ, что мать тѣмъ-же часомъ опять на огородъ ушла.

Поздно сошелъ Василій съ сѣновала. Въ головѣ его какъ молотки стучали. Все нутро горѣло. Сердце надрывалось злымъ и горькимъ чувствомъ.

„Нѣтъ, не отойдетъ у меня сердце! Подступило плохое мнѣ подъ душу! думаль Василій. — Али надъ ними, али надъ собою что-нибудь сотворю“.

Онъ машинально пробрался на огуменникъ и по задамъ, прачась то за одоньями, то за овинами, самъ не зная зачѣмъ, дошелъ до двора Лушкиныхъ братьевъ. Что-то хотѣлось сдѣлать Василью, зудѣли руки его. Осмотрѣлъ дворъ—никого нѣтъ, только-бы подъ сарай соломки пучекъ притянуть. Пошарила рука,

словно сама собою, въ карманѣ — нѣтъ; видно, ихъ счастье... не нашлось сѣрничка; вздохнулъ тяжело Василій, а въ груди какъ иголки насыпаны, больно такъ... Махнулъ рукою, побрелъ назадъ.

„Нѣтъ, думалъ онъ, — что братьевъ жечь! братья тутъ не причемъ. Изъ-за братьевъ еще все село сгорить. А народъ чѣмъ виновать? Мнѣ ее-бы, ее самое, посрамительницу мою, разлучницу мою, ее, блудницу подлую, погубить. Не прошу я ей этого никогда... просить моя душенька ея погибели. Либо самому пронасть, либо ей не быть“.

Перешагнулъ Василій черезъ ровъ къ одонкамъ своимъ, смотреть — шапка солдатская на соломѣ видна, будто двигается. Что за оказія? Постоялъ, постоялъ Василій, глазъ не спускаетъ. Шапка все колыхнется на соломѣ.

„Да какой-же это чортъ?“ подумалъ Василій и скорыми шагами пошелъ къ шапкѣ. Вдругъ шапка торопливо приподнялась. Усатая солдатская рожа, которую Василій не разъ видѣлъ у своей заваленки съ гармоникой въ рукѣ, испуганно глянула въ сторону Василья, потомъ разомъ присѣла, юрнула куда-то, и Василій только разглядѣлъ, какъ, согнувшись въ-три-погибели фигура въ солдатской шинели пробѣжала по рву къ сосѣднему двору.

Не успѣлъ Василій сдѣлать шага три дальше, какъ изъ-за половня во дворъ прошигнула бабенка въ красномъ очникѣ. Это была Лущка; Василій видѣлъ ее какъ самого себя.

Поставила Лущка въ печку хлѣбы, только-что емокъ вынула, слышать, идетъ по сѣнямъ Василій. Отворилъ дверь, въ избу даже не заглянулъ.

— Подь-ка, говоритъ, ко мнѣ, Лущка.

Поставила Лущка емокъ въ уголь, вышла въ сѣни.

— Что тебѣ, Василій Ивановичъ?

А сама трясется.

— Да вотъ, говоритъ, всего разломило, хочу въ половень лечь, ты-бъ меня хрѣнкомъ патерла.

— Да ты-бы лучше на печку легъ, печка топлевая, сказала Лущка, а голосъ такъ и дрожить.

— Ну ее! Мнѣ и такъ къ душкѣ подступило, дохнуть не

даетъ, отвѣчалъ Василій словно не своимъ голосомъ.—Можетъ, полегчаетъ на просторѣ. Иди за мной въ половень.

Пошелъ Василій, пошла за нимъ и Лужка. Идетъ и думаетъ: будетъ онъ теперь меня наказывать, не по-просту позовалъ! А Василій идетъ, согнувшись словно старикъ, потупился въ землю, слова съ женой не скажетъ. Подошли къ гумну.

„Ай, убѣжать! думаетъ Лужка. — Спрячусь у братьевъ въ избѣ. Авось его сердце простынетъ“.

Не успѣла подумать, Василій вдругъ и оглянулся на нее, словно въ душѣ прочелъ; посмотрѣлъ на нее такими глазами, что у Лужки ноги подкосились. Звѣрь лютый въ лѣсу и тотъ милостивѣе смотритъ. Посмотрѣлъ Василій, нахмурился, а ничего не сказалъ. Только Лужка ужъ и думать не смѣла, чтобы ей отъ мужа бѣжать. „Догонитъ—убьетъ, говорила она сама себѣ.—Ужъ пуцай лучше сердце свое сорветъ. Пуцай наказываетъ. Видно этого не минуешь“.

Вошли въ половень. Въ половнѣ темно; жутко такъ стало Лужкѣ, какъ и въ жизни еще не бывало; ноги подламываются, руки трясутся, а Василій ничего не говоритъ. Идутъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ Алену наврыли, гдѣ она съ своимъ любовникомъ на соломѣ спала.

— Вотъ ложись на соломку, Вася, я тебя хрѣнкомъ потру, усилилась сказать Лужка.—Здѣсь тебѣ просторно будетъ.

А Василій ничего не отвѣчаетъ; пошелъ въ уголь, веревку принесъ. Все молчитъ.

— Что это ты, Вася, веревку взял? На что? спрашиваетъ обрѣвѣвшая Лукерья. Василій все молчитъ. Перекинулъ веревку черезъ переметь, задернулъ петлю.

— Ну, говорить, Лукерья, становись на колѣни, молись Богу!

— Что ты, что ты, Вася? Господь съ тобою! что ты задумалъ? закричала Лужка, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Молись Богу, сказываю, торопись, глухимъ голосомъ прошепталъ Василій.—Часъ твой пришелъ.

Лукерья уже не узнавала знакомаго голоса. Ей казался онъ теперь голосомъ палача, неумолимымъ, недоступнымъ жалости.

— Василій Ивановичъ! помилуй ты меня, горемычную! повалилась Лукерья въ ноги Василья. — Накажи ты меня какъ хочешь. Ножи твои буду за это лизать. Не губи только мою

душеньку. Дай мнѣ на бѣломъ свѣтѣ пожить. Меня погубишь — все равно, и себя погубишь. Хоть себя пожалѣй. Отца-матери постыдись. Али ты звѣрь лютый, некрещенный человекъ?.. Вѣдь на тебѣ-же крестъ Христовъ, Вася! Помилуй ты меня... жену свою законную.

— Не жена ты мнѣ, а врагъ лютый! прохрипѣлъ Василій, у котораго тяжкій кошмаръ стоялъ въ головѣ и въ груди. — Осрамила ты мою голову. Погубила ты мое счастье... Крестись скорѣе. Все равно, удавлю! Безъ покаянія издохнешь. Простижъ я тебя разъ; клялась ты мнѣ великою клятвой. Ужь другой разъ меня не обманешь.

— Помилуй меня, Василій Ивановичъ, Христа ради! пощади мою головушку, валяясь Лужка, отчаянно рѣдая и обвиняя ноги Василья. — Палку поставишь — палецъ твоей буду кланяться. Всю твою волюшку буду исполнять. Глазкомъ ни на кого не посмотрю. Отъ печки всю мою жизнь не отоюду. Буду тебѣ раба покорная по гробъ живота. Помилуй ты только меня, не убивай, Василій Ивановичъ! Все-жь я жена тебѣ. Въ церкви съ тобою вѣнчана. Не бери на свою душеньку грѣха тяжкаго. Не будь душегубцемъ.

Нетерпѣливою рукою поднялъ Василій за волосы Лукерью и потащилъ къ петлѣ.

Ужасъ смерти наполнилъ неестественною силой малорослую и худенькую Лужку. Она вдѣпилась зубами и ногтями въ руки Василья и повисла на нихъ, усиливаясь вырваться. Тяжелымъ ударомъ кулака въ темя Василій оглушилъ жену. Она со стономъ опрокинулась на землю, но, хотя въ полубезчувствіи, все еще неистово билась въ его рукахъ и упиралась всѣми оставшимися у нея силами. Вдругъ Василій захлестнулъ веревку за ея шею и рванулъ конецъ.

Пронзительный, словно дѣтскій вопль чуть вылетѣлъ изъ ея груди и сейчасъ-же смѣнился страшнымъ предсмертнымъ хрипѣньемъ. Руками, дрожавшими въ лихорадкѣ, Василій торопливо натягивалъ и закручивалъ веревку. Въ глазахъ его стоялъ знойный, кровавый туманъ. Тѣло Лужки порывисто приподнялось надъ землею и закачалось быстрыми, ровными кругами. Ноги и руки судорожно вздрагивали. Но ея лицо, искаженное борьбою смерти, нельзя было разглядѣть въ темнотѣ полоня.

Шатаясь, съ полоумными глазами выскочилъ изъ половня Василій, словно кто гнался за нимъ. Онъ не зашелъ въ избу, а прямо направился къ старостѣ.

Толпа мужиковъ, стоя передъ избою, ругалась, окруживъ старосту. Шелъ споръ за прихватъ Ильяхой сосѣдской дѣланки.

Мужики разомъ смолели и раскрыли рты, когда приблизился къ нимъ Василій. Оторопь вяла всѣхъ. Василій стоялъ какъ жертвецъ, вставшій вдругъ изъ могилы.

— Что это ты, Василій? Аль умирать собрался, что лица на тебѣ человѣческаго нѣтъ? спросили мужики.

— Важи меня, староста, я жену удавилъ! чуть слышно проговорилъ Василій.

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

С Н Ы .

Сквозь окошко мѣсяць свѣтитъ,
Замираетъ свѣтъ въ лампадѣ.
У стѣны ребенокъ бредить,
Разметавшись на кровати.

То онъ схватить одѣяло,
То вздохнетъ такъ тяжело, тяжело...
Всякихъ ужасовъ не мало
Въ ночь натерпится бѣдняжка!

Змѣи, вѣдьмы, домовые,
Старики ребенку снятся;
Все-то страшные такіе,
Всѣ вокругъ него тѣснятся.

Онъ бѣжить—они въ догонку;
Онъ плыветъ—слабѣетъ, тонетъ...
Гдѣ-же мать? зачѣмъ къ ребенку
Не спѣшить и снова не гонить?

Пусть, очнувшись, онъ увидитъ,
Что онъ съ мамою своею,
Что его здѣсь не обидятъ...
О, скорѣй проснись, скорѣй!..

Мать больная спитъ на стулѣ
У кровати... Утомленье,
Скорбь и голодъ потонули
Въ лучезарномъ сновидѣньи.

На лицѣ засохли слезы,
Но по немъ какъ-будто тѣни
Пробѣгаютъ—это грезы,
Дымки радостныхъ видѣній!

Снятся милыя ей лица:
Сынъ, веселый, свѣжій, рѣзвый,
И отецъ его ей снится,
Но не злой, а прежній, трезвый...

Снятся роскошь, пресыщенье:
Манна падаетъ ей съ неба;
Хлѣбъ ей снится, много хлѣба...
О, подальше пробужденье!

А. В—скій.

ОТНОШЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА КЪ ДѢТЯМЪ.

VI.

Обратимся теперь къ статистическимъ даннымъ. Цифры, представляемыя статистикою дѣтоубійствъ, всегда являются далеко ниже дѣйствительнаго числа преступленій этого рода. Это понятно само собою. Въ дѣлѣ простого убійства статистическія цифры всегда были и будутъ ближе къ дѣйствительности. Когда совершается простое убійство — въ обществѣ исчезаетъ человекъ; когда совершается дѣтоубійство — общество часто и не подозреваетъ, что кого-то убили, такъ-какъ главное стремленіе дѣтоубійцы заключается большею частью въ сокрытіи своей беременности. При убійствѣ взрослого трудно скрыть трупъ, при убійствѣ же новорожденнаго ребенка это легко сдѣлать. На трупъ взрослого легче доказать признаки насильственной смерти, на трупъ ребенка слѣды насилія очень часто исчезаютъ почти незамѣтно. Наконецъ, убійство взрослыхъ совершается неумѣлою рукою, тогда какъ дѣтей убиваютъ очень часто при помощи средствъ, выработанныхъ „наукою дѣтоубійства“, — мы говоримъ: „наукою дѣтоубійства“, потому что доктора и повивальныя бабки знаютъ тысячи болѣе или менѣе вѣрныхъ средствъ вытравлять плодъ, убивать ребенка въ утробѣ матери, истреблять новорожденнаго. Вотъ тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ нельзя придавать особенной цѣны различнымъ цифрамъ, касающимся дѣтоубійства. Просматривая ихъ, нужно всегда помнить, что онѣ говорятъ только о незначительной части дѣйствительно существующихъ преступленій этого рода.

Число дѣтубійствъ не уменьшается, а растетъ. Во Франціи въ одномъ сенскомъ департаментѣ среднимъ числомъ было по дѣламъ объ искусственныхъ выкидышахъ:

съ	1826	по	1830	годъ	8	обвиненій	12	обвиненныхъ
"	1831	"	1835	"	8	"	14	"
"	1836	"	1840	"	13	"	22	"
"	1841	"	1845	"	18	"	40	"
"	1846	"	1850	"	22	"	48	"
"	1851	"	1855	"	35	"	88	"
"	1856	"	1860	"	30	"	79	"
"	1861	"	1866	"	24	"	61	"

Такимъ образомъ, цифры за послѣднія пять лѣтъ превышаютъ цифры за первыя двадцать пять лѣтъ ¹⁾. Собственно по дѣламъ дѣтубійства было среднимъ числомъ:

съ	1826	по	1830	годъ	102	обвиненія	113	обвиненныхъ
"	1831	"	1835	"	94	"	103	"
"	1836	"	1840	"	135	"	157	"
"	1841	"	1845	"	143	"	167	"
"	1846	"	1850	"	152	"	172	"
"	1851	"	1855	"	183	"	212	"
"	1856	"	1860	"	214	"	252	"
"	1861	"	1865	"	206	"	11	"

Всего было съ 1851 года по 1865 годъ 3,475 обвиненныхъ, изъ которыхъ было 1,079 оправданныхъ, хотя оправданіе, конечно, не всегда означало, что дѣтубійства не было совершено. Большинство преступниковъ находилось въ вѣнѣрачныхъ отношеніяхъ; большая часть матерей-убійцъ принадлежала къ низшимъ классамъ общества, находилась въ услуженіи. Среди преступницъ именно этой категоріи болѣе всего безграмотныхъ; съ 1826 по 1850 годъ безграмотныхъ было 83 изъ 100, а съ 1851 по 1866 годъ—79 на 100.

Всѣ эти цифры дѣтубійцъ далеко ниже дѣйствительныхъ, что уже видно изъ той массы дѣтскихъ труповъ, которые выставляются въ мертвоприемномъ домѣ ²⁾.

Другія цивилизованныя страны не уступаютъ въ этомъ отно-

¹⁾ А. Tardieu, L'avortement etc., p. 13.

²⁾ А. Tardieu, L'infanticide etc., pp. 7—12.

шеніи Франціи. Въ Нью-Йоркѣ въ 1805 году, при населеніи въ 76,770 душъ, насчитывалось 47 мертворожденій, въ 1849 году, на населеніе въ 450,000 душъ, число мертворожденій дошло до 1,320, т. е. число жителей увеличилось въ шесть разъ, а число мертворожденій въ тридцать разъ.

въ 1805 г.	1 мертворожденный на	1,612,12 жит.
„ 1815 „	„ „	986,46 „
„ 1825 „	„ „	680,68 „
„ 1835 „	„ „	566,88 „
„ 1845 „	„ „	384,68 „
„ 1849 „	„ „	340,90 „

Эти цифры знаменательны, такъ-какъ число мертворожденій всегда указываетъ на значительную долю дѣтоубійствъ ³⁾.

Въ Англіи:

Въ 1862 году	было судебныхъ слѣдствій.	20,591
„ „ „	судилось за дѣтоубійство.	3,239
„ „ „	обвинено за добровольное дѣтоубійство	124
Въ 1863 году	судебныхъ слѣдствій было.	22,757
„ „ „	судилось за дѣтоубійство.	3,664
„ „ „	обвинено за добровольное дѣтоубійство	166

И здѣсь большинство осужденныхъ были служанки ⁴⁾. Въ Германіи мы видимъ то-же явленіе. Цифры и здѣсь значительны: въ Баваріи съ 1851 по 1861 годъ было 751 слѣдствіе за дѣтоубійство и 915 за искусственный выкидышъ, то-есть по одному слѣдствію за дѣтоубійство на 13,000 и по одному слѣдствію за искусственный выкидышъ на 10,000 женщинъ, достигшихъ зрѣлаго возраста ⁵⁾.

Теперь, оставляя въ сторонѣ болѣе подробныя статистическія цифры, которыя легко найти въ любой статистикѣ, вродѣ сочиненій Блока, Гауснера и т. п., мы обратимся къ Россіи. Не касаясь опять-таки статистически дѣтоубійствъ у насъ вообще, мы беремъ одну губернію, статистическія данныя которой, отно-

³⁾ *A. Tardieu, L'avortement etc.*, p. 18.

⁴⁾ *A. Tardieu, L'infanticide etc.*, p. 12.

⁵⁾ *H. von Fabrice, Die Lehre u. s. w. S. 7—8.*

сящіяся къ этому роду преступленій, собраны и вполнѣ разработаны докторомъ А. Жуковскимъ. Матеріаломъ для настоящей работы, говоритъ онъ, — послужили судебно-медицинскіе протоколы вскрытій за 10 лѣтъ, заимствованные нами изъ архива врачебнаго отдѣленія полтавскаго губернскаго правленія. Нѣтъ сомнѣнія, что цифры, взятые изъ официальныхъ документовъ, составляютъ лишь незначительный процентъ того общаго итога дѣтоубійствъ, которыя дѣйствительно совершаются въ полтавской губерніи. Этотъ минимумъ относится къ однѣмъ только неопытнымъ преступницамъ, неумѣвшимъ ловко скрыть своего преступления. Болѣе опытные и предусмотрительныя дѣтоубійцы успѣваютъ безслѣдно скрыть слѣды злодѣянія и множество жизней погибаетъ отъ насильственныхъ выкидышей въ неизвѣстности! Какъ велико должно быть число тѣхъ и другихъ — легко можетъ представить себѣ каждый ⁶⁾. Съ 1855 года по 1864 годъ въ полтавской губерніи было изслѣдовано судебно-медицинскимъ порядкомъ 343 случая дѣтоубійства, причемъ въ 1855 году было 30, а въ 1864 году 40 случаевъ. Въ первый моментъ рожденія погибалъ насильственною смертію изъ общаго народонаселенія 1 поворожденный на 54,041 чел. Основывая выводы на общихъ отношеніяхъ дѣтоубійства къ народонаселенію и къ числу роженій въ губерніи, находимъ, что въ городахъ убиваютъ новорожденныхъ вообще въ 3 раза больше, чѣмъ въ уѣздахъ; между тѣмъ города и села истребляютъ почти равное число незаконнорожденныхъ дѣтей. Последнее обстоятельство доказываетъ, что сила народнаго убѣжденія о чести женщины одинаково развита между горожанами и поселянами, почему тѣ и другіе одинаково стремятся скрыть *незаконное* посредствомъ *преступнаго*. Большая часть матерей-дѣтоубійць состояла изъ дѣвиць; ихъ было $\frac{14}{17}$ изъ всего числа, тогда какъ замужнихъ только $\frac{3}{17}$. Если принять въ основаніе выводовъ степень цивилизаціи и матеріальныхъ средствъ въ рассматриваемыхъ сословіяхъ, то въ средѣ дворянъ, какъ болѣе развитой и зажиточной, процентъ дѣтоубійства въ 4 раза меньше, чѣмъ въ самомъ грубомъ и бѣдномъ сословіи. Въ сословіяхъ, занимающихъ среднее мѣсто между первымъ и послѣднимъ, замѣчается постепенный переходъ изъ одной крайности въ другую. То-же самое можно сказать о

⁶⁾ Архивъ судебной медицины за 1870 годъ, № 3.

зрѣломъ возрастѣ и о пріобрѣтаемой годами опытности; недостигшія двадцатилѣтняго возраста дѣвицы и первороженицы убивали своихъ новорожденныхъ въ 5—8 разъ чаще, чѣмъ женщины замужнія, многорожавшія и достигшія полной зрѣлости. Такимъ образомъ дѣтоубійство отъ крайняго предѣла своего шахішм'а уменьшается по мѣрѣ увеличенія умственнаго и нравственнаго развитія и средствъ къ жизни и, съ другой стороны, по мѣрѣ достиженія зрѣлости и опыта. Особенно поразительно то, что исключительно были убиваемы дѣти, вполне способныя къ внѣматочной жизни и обнаруживавшія эту способность фактически; повидимому, ихъ за то только и убиваютъ, что они живы, что ихъ жизнь невыносима для матери, которая не можетъ слышать дѣтскаго крика, говорящаго ей о ея позорѣ и о жалкой, запятнанной будущности ея самой и ея ребенка. Въ числѣ причинныхъ моментовъ дѣтоубійства первое мѣсто занимаетъ чувство женской стыдливости ($10/17$). Страхъ наказанія ($1/15$) и нищета ($1/17$) служили поводомъ къ дѣтоубійству только въ рѣдкихъ случаяхъ. Отъ неизвѣстныхъ причинъ убито $1/3$ новорожденныхъ. Убиваемыя дѣти рожаются при самой грустной обстановкѣ: въ уединеніи, безъ необходимаго пособія и ухода и безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій. Не лучше они проводятъ и утробную жизнь. Матери, для того, чтобы скрыть свою беременность, не перестаютъ заниматься самыми грубыми и тяжелыми работами, подвергаясь, наравнѣ съ здоровыми, самымъ вреднымъ внѣшнимъ влияніямъ окружающей среды. Въ $16/17$ случаяхъ роды совершались безъ свидѣтелей, а потому безъ всякаго посторонняго пособія. Въ $12/17$ случаяхъ роженицы разрѣшались въ обморочномъ состояніи, ничего не помня о томъ, что случилось съ ними и съ ихъ плодомъ. Три молодыя роженицы были найдены на мѣстѣ родовъ исходящими кровью и въ обморокѣ, а дѣти ихъ мертвыми, съ признаками насильственной смерти. Одного изъ нихъ начали ѣсть свиньи и мать объ этомъ ничего не знала и не могла отогнать животныхъ. Одна восемнадцатилѣтняя роженица найдена была на мѣстѣ родовъ мертвою, съ окоченѣвшими руками вокругъ головки мертвато-же ребенка. Въ числѣ погибшихъ новорожденныхъ отъ дѣтоубійства многіе могли преждевременно умереть отъ одного грубаго обращенія съ ними неопытныхъ и больныхъ матерей, независимо отъ умышленно причищенныхъ насилій. Роженицы или просто оставляли трупы уби-

тыхъ ими дѣтей на мѣстѣ родовъ, не заботясь о томъ, что-бы съ ними ни случилось, или-же кое-какъ припрятывали ихъ наскоро. Такихъ случаевъ было $\frac{12}{17}$. Трупы убитыхъ дѣтей прямо закапывались въ землю или бросались въ воду только въ $\frac{5}{17}$ случаяхъ. Едва кончается первый актъ родовъ, какъ роженницы скорѣе торопятся разорвать всякую связь ихъ съ плодомъ, какъ ни пошло наносить ему поврежденія и, бросая свою жертву на произволъ судьбы, сами стремглавъ стремятся скорѣе и дальше убѣжать отъ постыднаго мѣста. Главные роды насильственной смерти новорожденныхъ были слѣдующіе: удушеніе составляетъ $\frac{1}{3}$ часть общей суммы случаевъ дѣтоубійства; изъ нихъ $\frac{2}{3}$ погибло отъ непосредственнаго зажатія рта и носа руками, остальная $\frac{1}{3}$ отъ наполненія рта и носа землею, соромъ и навозомъ и отъ затягиванія шеи. Убито тупымъ орудіемъ $\frac{1}{5}$ и острымъ $\frac{1}{11}$. Утоплено $\frac{1}{7}$. Замерзло $\frac{1}{9}$. Повреждена голова у $\frac{5}{17}$, грудь у $\frac{1}{17}$, разныя части тѣла у $\frac{1}{34}$. Такимъ образомъ, видно, что главнымъ орудіемъ смерти непосредственно служили руки матерей. Когда-же нѣкоторыя изъ роженницъ и прибѣгали, въ исключительныхъ случаяхъ, къ другимъ вспомогательнымъ средствамъ, то онѣ пользовались-первымъ попавшимся подъ руку предметомъ, какъ-то: платкомъ, землей, полѣномъ, ножомъ и т. д. Дѣтоубійство въ полтавской губерніи составляетъ четвертую долю всѣхъ случаевъ насильственной смерти и почти равняется всѣмъ вмѣстѣ взятымъ видамъ смертоубійства. Если обратиться къ причинамъ, обуславливающимъ это явленіе, то выйдетъ, что одна женская стыдливость уравниваетъ всѣ остальные страсти испорченной человѣческой природы. Какъ было сказано выше, дѣтоубійство въ полтавской губерніи въ большинствѣ случаевъ совершается несовершеннолѣтними женщинами, когда у нихъ еще не установились правильныя понятія, не окрѣпли ни характеръ, ни воля, при отсутствіи опытности, въ періодѣ самыхъ сильныхъ порывовъ страстей и сердечныхъ привязанностей. Большая часть изъ нихъ не воспитаны и не развиты ни умственно, ни нравственно. Днемъ и ночью, во время работы и отдыха, сна и развлеченій, онѣ постоянно находятся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ мужчинами, подобно имъ грубыми, неумѣющими обуздывать своихъ страстей и непривыкшими уважать правъ женщины. Ни въ одномъ словѣ общества не бываетъ такого значительнаго числа изнасилованій не-

лыми мальчиками малолѣтнихъ дѣвочекъ, какъ въ простомъ народѣ. Сколько-же простора для удовлетворенія похоти между взрослыми мужчинами и женщинами? Дѣтоубійство ежегодно уменьшаетъ народонаселеніе полтавской губерніи на 68 человекъ, изъ которыхъ 34 новорожденныхъ зарываются въ землю, а 34 матери отправляются на поселеніе въ Сибирь. Общество не можетъ относиться равнодушно къ убыли, совершающейся въ его организмѣ, потому что ему дорога его цѣлость и чувствительно всякое лишеніе, особенно убыль изъ цифры грядущаго поколѣнія, дающаго лучшія надежды на будущее. Между тѣмъ дѣтоубійство, какъ оспа, беспощадно истребляетъ населеніе губерніи. Если общество ничего не щадитъ для огражденія себя отъ опустошительнаго вліянія физической болѣзни, то какъ-же оно можетъ сложить руки смотрѣть на вредъ, причиняемый ему этимъ моральнымъ общественнымъ недугомъ? Нельзя не сознаться, что противъ оспы употребляются самыя энергическія мѣры, несмотря на ихъ стоимость, а противъ дѣтоубійства не дѣлается ничего.

Конечно, полтавская губерніа не представляетъ въ этомъ отношеніи какого-нибудь исключительнаго явленія, и если-бы были сдѣланы для другихъ губерній такіа-же добросовѣстные изслѣдованія, какъ трудъ г. А. Жуковскаго, то мы, вѣроятно, ужаснулись-бы передъ массою преждевременно погибающихъ дѣтей, хотя цифры, добытыя статистическимъ изслѣдованіемъ, составляютъ ничтожную долю всего числа безнаказанно убиваемыхъ дѣтей. Достаточно сказать, что съ 1835 по 1843 годъ изъ 1,076 женщинъ, сосланныхъ въ Сибирь за убійство вообще, было 344 сосланныхъ за дѣтоубійство. Эти цифры ниже дѣйствительныхъ, такъ-какъ многія женщины не ссылались въ Сибирь, а поступали въ исправительныя заведенія. Большинство-же избѣгало наказанія, умѣя скрыть слѣды преступленія. Въ 1864 году въ Россіи открытыхъ дѣтоубійствъ считалось 170, въ 1865 году—194, въ 1866—161, всего за три года 525 ⁷⁾. Если мы вспомнимъ, что въ одной полтавской губерніи было въ 1864 году 40 случаевъ дѣтоубійства, то мы поймемъ, на-сколько ниже дѣйствительности и эти послѣднія цифры, доставленныя въ министерство внутреннихъ дѣлъ врачебными отдѣленіями медицинскихъ департаментовъ.

⁷⁾ Архивъ судебной медицины за 1868 годъ, № 1, стр. 28.

При всеобщей распространенности дѣтоубійства на него многіе обращали вниманіе и всѣ поняли, что оно есть слѣдствіе сотни самыхъ тяжелыхъ житейскихъ условий, въ которыя поставленъ человѣкъ. Вслѣдствіе этого мы встрѣчаемъ почти вездѣ, не только въ средѣ присяжныхъ засѣдателей, но и въ средѣ ученыхъ, самые снисходительные взгляды на этого рода проступки, караемые очень и очень строго по буквѣ закона.

„Дѣтоубійство хотя и принадлежитъ къ смертоубійству, говоритъ докторъ М. Г., — но отличается отъ этого преступленія многими особенностями, которыя нельзя не принимать въ расчетъ. Главную особенность составляетъ мотивъ къ дѣтоубійству, вызванный социальнымъ положеніемъ очень многихъ женщинъ. Всѣ убійства совершаются или съ корыстною цѣлью, или изъ мести, или съ цѣлью избавиться отъ ненавистнаго человѣка; дѣтоубійство-же совершается матерью съ цѣлью скрыть свое позорное поведеніе отъ общества, того-же общества, въ средѣ котораго живетъ виновникъ ея беременности. Дѣвица или молодая вдова, отдавшись своему соблазнителю въ минуты страстныхъ порывовъ, конечно, вовсе не думаетъ о послѣдствіяхъ своего поступка, а нѣкоторыя даже и не знаютъ послѣдствій его; сдѣлавшись-же беременными, помышляютъ только о томъ, чтобы удержать за собою хорошее мнѣніе той среды, въ которой онѣ живутъ. Поэтому, находясь постоянно, втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ-сказать на-сторожѣ, онѣ не имѣютъ даже возможности сдѣлать нужныя приготовленія для своего новорожденнаго и обдумать средства для поддержанія его жизни. Такимъ образомъ, роды застаютъ беременныхъ врасплохъ, ставятъ ихъ въ нерѣшительность: или поднять дитя, рожденное въ уединенномъ мѣстѣ, и передать его своимъ роднымъ, или оставить его безъ всякой помощи и черезъ то способствовать его смерти, или съ отчаянія лишить его жизни“. Докторъ А. Жуковскій смотритъ еще снисходительнѣе. Онъ пишетъ: „Несмотря на то, въ нашемъ народѣ составилось самое безпощадное общественное мнѣніе о чести женщины. Ей извинять всякій предосудительный поступокъ, даже снисходительно отнесутся къ пороку, но никогда не простятъ внѣбрачной потери цѣломудрія, незаконныхъ связей и незаконно прижитаго ребенка. Провинившуюся женщину наказываютъ и свадебнымъ обычаемъ, и повсемѣстною бранью, и общественнымъ презрѣ-

ніемъ; отъ несчастной всѣ отворачиваются и гонять ее, а родные и родители относятся къ ней безпощаднѣе другихъ. Женщина находится среди этихъ двухъ роковыхъ крайностей. Если она дѣлается жертвою собственныхъ страстей или, что чаще случается, обмана мужчины, то несетъ свой крестъ безъ ропота и терпѣливо донашиваетъ младенца до послѣдней минуты. Даже во время родовъ она героически преодолеваетъ всѣ физическія муки и падаетъ духомъ только тогда, когда исчезаетъ послѣдній лучъ надежды на спасеніе чести и когда въ лицѣ новорожденного она увидитъ весь ужасъ неотразимаго позора. Только тогда несчастная мать, истерзанная физически и нравственно, въ бреду отчаянія, рѣшается на уничтоженіе причины своего несчастія. Какое-же это преступленіе, когда въ немъ не видно ни предварительнаго умысла и заранѣе составленнаго плана, ни послѣдовательнаго стремленія скрыть случившееся? Это только конечный результатъ неправильнаго отношенія понятій общества къ законамъ природы. Общественное мнѣніе требуетъ отъ женщины одного, а природа—другого. Слабая женщина, особенно при несчастно сложившихся обстоятельствахъ, не вынесетъ этихъ противорѣчій и нерѣдко падаетъ подъ ихъ ударами. Это—только злополучная развязка неравной борьбы, безумная самозащита, болѣзненное самохраненіе“. То-же встрѣчается и у западно-европейскихъ писателей. „Моя профессія, говоритъ У. Гунтеръ, — позволила мнѣ изучить характеръ весьма многихъ женщинъ, изъ всѣхъ классовъ общества и при всѣхъ условіяхъ ихъ быта. Пользуясь ихъ довѣріемъ, я давалъ имъ совѣты въ самыя тяжкія минуты физическаго и нравственнаго ихъ страданія. Я видѣлъ, какъ онѣ вели себя передъ наступленіемъ угрожающей опасности; я слышалъ послѣднія и самыя серьезныя ихъ признанія, когда онѣ были увѣрены, что имъ остается жить, можетъ быть, нѣсколько часовъ. Продолжительный опытъ убѣдилъ меня, что беременныя женщины, скрывающія свое состояніе, имѣютъ полное право на наше состраданіе и вообще онѣ менѣе виновны, чѣмъ предполагаютъ. Преступленіе почти всегда тяготѣетъ на отцѣ ребенка; мать-же—существо слабое, довѣрчивое, обольщенное. Соблазнитель, получивъ то, чего добивался, не думаетъ больше о своихъ обѣщаніяхъ, и несчастная, видя себя обманутою, лишеною любви, заботъ и подпоры того, къ которому ласкалась, осуждена съ той

минуты на борьбу съ болѣзью, съ отчаяніемъ, бѣдностью, безчестіемъ, однимъ словомъ — съ безпомощнымъ состояніемъ, угрожающимъ всей ея жизни. Безнравственная женщина никогда не можетъ быть доведена до такого плачевнаго положенія, потому что она совершенно равнодушна къ своему позору; но та, у которой сильно чувство безчестія, часто бываетъ лишена силы переносить вышеописанное несчастіе. Въ своемъ бреду иногда она прекращаетъ свою жизнь, сдѣлавшуюся для нея невыносимою. Будь она при другой обстановкѣ жизни, она могла-бы сдѣлаться нѣжною и безукоризненною нравственности женою и хорошею матерью для своихъ дѣтей“.

Такая, повидимому, странная и непонятная снисходительность къ виновницамъ въ самыхъ антипатичныхъ преступленіяхъ можетъ объясниться только сознаніемъ безвыходности исхода, въ которое были поставлены преступницы прежде, чѣмъ онѣ дошли до преступленія. Крайняя бѣдность, полнѣйшее невѣжество, суровые взгляды общества на матерей незаконныхъ дѣтей, недостатокъ нравственнаго воспитанія, развратъ, царствующій въ извѣстныхъ слояхъ общества, — все это вмѣстѣ вырабатываетъ матерей-дѣтоубійць. Мы видѣли, какъ совершаютъ преступленія эти женщины. Онѣ дѣйствуютъ, какъ безумныя, безъ сознанія того, что онѣ совершаютъ, онѣ проявляютъ жестокость, на которую способны развѣ только звѣри, онѣ часто даже не раскаиваются въ своихъ проступкахъ. Такъ 150 женщинъ, сознавшихъ въ дѣтоубійствѣ, выказывали полное равнодушіе къ своему преступленію втеченіи многихъ лѣтъ тюремнаго заключенія, хотя эти женщины и не принадлежали по рожденію и образованности къ низшимъ классамъ общества. Только двѣ изъ нихъ скучали и раскаивались въ своемъ проступкѣ ⁸⁾. И вотъ, когда намъ приходится сталкиваться съ такими-то личностями и прослѣдить отъ начала до конца хоть одно судебное слѣдствіе по одному изъ такихъ преступленій, мы невольно смущаемся и сознаемъ, что и среди нашихъ цивилизованныхъ обществъ есть масса людей, стоящихъ на той-же ступени развитія, на которой стоятъ дикари, что мы должны много и усиленно работать, чтобы улучшить матеріаль-

⁸⁾ P. Despine, De la folie au point de vue philosophique. Paris. 1875. p. 621.

ное положеніе, умственное развитіе и нравственность этихъ несчастныхъ созданій.

Въ этихъ случаяхъ невольно вспоминаются слова Альфреда Валласа. „Въ сравненіи съ изумительными успѣхами физическихъ наукъ и ихъ практическимъ примѣненіемъ; говоритъ онъ, система нашего общественнаго устройства, общественнаго воспитанія и всей нашей общественной и нравственной организаціи остается въ состояніи варварства“.

• VII.

Такимъ образомъ, множество дѣтей погибаетъ отъ руки своихъ родителей въ первую минуту своего появленія на свѣтъ. Но не весела участь и тѣхъ, которыя остаются въ живыхъ.

Нечего и говорить, что ребенокъ въ низшихъ классахъ общества поставленъ, вслѣдствіе нищеты и невѣжества родителей, въ самое дурное положеніе. Въ деревняхъ его принимаютъ неумѣлыя повитухи, ему даютъ грязную соску, его пичеаютъ ржанымъ хлѣбомъ, его качаютъ до одуренія, его пеленаютъ до послѣдней степени, иногда его поятъ наркотическими напитками, чтобы онъ спалъ въ то время, когда его мать находится на работѣ. Случись съ ребенкомъ какая-нибудь болѣзнь — мать совершенно теряется, не зная, почему плачетъ ея дитя. „Какъ ни притуплены нервы нашихъ крестьянъ, говорятъ г-жа Манассейна, — но хладнокровно слушать отчаянный, непрерывный крикъ ребенка и они не въ состояніи и потому ищутъ причину этого крика, ищутъ средствъ избавиться отъ него. И вотъ со словъ какой-нибудь старухи пошло въ народъ повѣрье, что ребенокъ кричитъ оттого, что „грыжа“ или „грызть“ мучаетъ его. Объясненіе это кажется тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что крестьяне не могли не замѣтить, что очень часто ребенокъ успокаивается, если ему растирать животики, такъ-какъ у всѣхъ крестьянскихъ грудныхъ дѣтей бываетъ расстройство пищеварительныхъ органовъ, вслѣдствіе неизбѣжной соски и кваса. Что понимаютъ крестьяне подъ „грыжей“, очень трудно опредѣлить; они объясняютъ, что грыжа сидитъ въ животѣ и что она грызетъ ребенка, и что вслѣдствіе грыжи у него растутъ пупокъ. Одно изъ средствъ избавиться отъ грыжи — это грызть ее, т. е. бабка захватываетъ слегка кожу надъ пупкомъ

ребенка зубами и на вопросъ: „что ты, бабушка, дѣлаешь?“ отвѣчаетъ: „грыжу грызу“ — и такъ до трехъ разъ. Кроме того, пропускаютъ ребенка сквозь дубокъ, т. е., расколовъ молодой дубъ, проталкиваютъ ребенка три раза черезъ щель, затѣмъ дерево связываютъ и если оно сростется, то дитя, значитъ, выздоровѣетъ⁹⁾. Къ такимъ-же средствамъ прибѣгаютъ матери-крестьянки и въ другихъ случаяхъ. Эти средства, конечно, могутъ убить многихъ дѣтей, не вылечивъ ни одного. Очень часто ребенокъ дѣлается жертвой случайностей. Въ газетахъ вы ежедневно можете найти извѣстіе, что такая-то мать-работница „заспала“ своего ребенка, то-есть нечаянно задавила его во время своего тяжелого сна послѣ двѣнадцатичасовой работы, или что такого-то ребенка, оставленнаго безъ надзора ушедшими на фабрику или на заводъ родителями, съѣли свиньи, или что такой-то труженикъ въ пьяномъ видѣ изуродовалъ до полусмерти свое дитя, въ сущности даже не сознавая, что онъ дѣлаетъ. Такъ-же часто вы можете прочитать въ газетахъ, что такая-то мать или такой-то отецъ судились за жестокое обращеніе съ своими дѣтьми, и, можетъ быть, были оправданы присяжными, видѣвшими, что и съ самими этими родителями не менѣе жестоко обращается мать-судьба. Все это факты общезвѣстные, будничные, всендневные. Измѣнить такое положеніе дѣлъ можно только тогда, когда народъ будетъ пользоваться благосостояніемъ и образованіемъ. При бѣдности и невѣжествѣ народа нечего и думать объ измѣненіи его отношеній къ дѣтямъ.

Не лучшую картину представляютъ намъ въ этомъ отношеніи и другія государства. „Отсутствіе матери-работницы въ домѣ — истинное несчастіе для дѣтей, говоритъ Жюль Симонъ. — Объ этомъ почти излишне говорить; этими рассказами никого не научишь; но несчастіе такъ велико, что хотя оно и извѣстно всѣмъ, а все-таки необходимо повторять, напоминать, настаивать на этихъ фактахъ, чтобы, наконецъ, утомить вниманіе своихъ читателей или слушателей и провести возможно глубокой слѣдъ въ памяти тѣхъ, которые могутъ повліять на судьбу этихъ людей; пусть эта мысль преслѣдуетъ ихъ, какъ упрекъ совѣсти, если они не по-

⁹⁾ М. Манассеина, О воспитаніи дѣтей. С. Петербургъ, 1870 г. стр. 3—4.

стараятся съ настойчивою горячностію изыскать средства къ измѣненію такого положенія дѣлъ. Мать уже въ послѣдніе мѣсяцы беременности, оставаясь запертой въ мастерской по цѣлымъ днямъ, вредитъ своему ребенку. Какъ только онъ родился, ей приходится отдать его на попеченія какой-нибудь другой женщины и принятая снова за работу за долго до своего выздоровленія, рискуя самой собою. Если мать можетъ платить за выкормленіе ребенка, принося для этого не малыя жертвы, особенно при большомъ количествѣ малолѣтнихъ дѣтей, то она прибѣгаетъ къ помощи „дешевой“ кормилицы. Счастье ея, если она нападеть на честную женщину, которая будетъ дѣлить свое молоко между своимъ ребенкомъ и своимъ питомцемъ. Это молоко чаще всего бываетъ старымъ, его недостаточно для двухъ дѣтей; иногда-же кормилица беретъ двухъ питомцевъ, вслѣдствіе чего, считая и ее, является четверо голодающихъ. Чтобы замѣнить свое истощающееся молоко, эта женщина прибѣгаетъ къ коровьему или козьему молоку, сильно разбавленному водой, къ бульонамъ и супамъ, къ пищѣ, слѣдствіемъ которой являются болѣзни желудка, расстройство пищеваренія и почти всегда смерть. Если мать не можетъ ни платить кормилицѣ, ни выростить лично дѣтей, она прибѣгаетъ къ помощи общественной благотворительности и результаты являются тѣ-же, хотя кормилицы филантропическихъ учрежденій и находятся подъ наблюденіемъ. Но какъ-бы ни были дѣятельны наблюденія, благотворительныя учрежденія имѣютъ на рукахъ столько питомцевъ, что наблюденія не ведутъ ни къ чему. Многія работницы—однѣ изъ нѣжности, другія по необходимости—оставляютъ своихъ дѣтей у себя; пятилѣтнія дѣвочки или разбитыя параличемъ бабушки проводятъ дни у колыбели, качая ее ногою и стараясь сномъ побѣдить голодъ дитяти. Мать кормитъ его три или четыре раза въ сутки: утромъ—до восхода солнца, въ часъ отдыха отъ работы и ночью. Работать днемъ и не спать ночью—это невозможное условіе ни для матери, ни для дитяти. Когда видишь одну изъ этихъ несчастныхъ женщинъ бѣгущую въ часъ обѣда, обливаясь потомъ, чтобы гдѣ-нибудь подъ воротами, на углу улицы покормить грудью свое дитя,—то не знаешь: удивляться-ли ея преданности или порицать ея неблагоразуміе. Если у нея нѣтъ ни матери-старухи, ни дочери-малолѣтки, ни убогой сестры для смотрѣнія за новорожденнымъ, она помѣ-

щаетъ его въ „сторожку для дѣтей“ за жалкую плату. Нужно видѣть эти сторожки въ большихъ городахъ, гдѣ нѣтъ яслей. Онѣ внушаютъ ужасъ грязью, вонючимъ воздухомъ, отсутствіемъ ухода и пищи. Мало различія между бросаніемъ дѣтей и отдачею ихъ въ эти притоны. Нерѣдко случалось въ послѣдніе годы находить въ сѣверныхъ графствахъ Англіи сторожки для дѣтей, гдѣ старухи держали запертыми въ крошечной комнатѣ по двѣнадцати и пятнадцать жалкихъ младенцевъ, умиравшихъ безъ надзора. Чтобы легче исполнить свою обязанность, сторожихи подливали опиумъ въ питье, которое давалось дѣтямъ. Аптекаря это знали и являлись къ ихъ услугамъ. Эти коллективныя отравленія дѣтей вошли въ нравы народа“¹⁰⁾.

Изъ этого вы видите, что низшіе классы вездѣ стоятъ въ такомъ матеріальномъ положеніи, на такой ступени умственнаго развитія, что хорошій уходъ за ребенкомъ можетъ считаться здѣсь счастливою случайностью, а не правиломъ. Здѣсь систематически убиваются дѣти, не вслѣдствіе злобы родителей, а вслѣдствіе нищеты и невѣжества этихъ несчастныхъ людей.

Но и въ тѣхъ классахъ общества, гдѣ люди пользуются благосостояніемъ и получаютъ образованіе, дѣти находятся въ большинствѣ случаевъ въ очень печальномъ положеніи. Главной причиною такого явленія, конечно, слѣдуетъ считать нераціональность того образованія, которое получаютъ люди.

Присмотритесь къ школѣ попристальнѣе и вы увидите, что она не даетъ именно того, что болѣе всего необходимо человѣку. Она учитъ ребенка живымъ и мертвымъ иностраннымъ языкамъ, исторіи, географіи, математикѣ, естественнымъ наукамъ, но, научившись всему этому, онъ все-таки можетъ выйти изъ школы и выходить изъ нея полнѣйшимъ неучемъ относительно всего того, что непосредственно касается его собственной жизни, съ чѣмъ онъ сталкивается ежедневно, безъ чего онъ не можетъ ступить ни шагу. Сотни молодыхъ людей, получившихъ образованіе въ гимназіяхъ, университетахъ, лицеехъ, институтахъ и тому-подобныхъ учебныхъ заведеніяхъ, могутъ, помня уроки географіи, очень бѣгло насчитать вамъ всѣ произведенія Ліона, Шеффилда, Мюльгаузена, но, можетъ быть, ни одинъ изъ нихъ не знаетъ ничего, чѣмъ

¹⁰⁾ *J. Simon. L'ouvrier de huit ans. Paris. 1867. pp. 106—109.*

необходимо знать, чтобы сохранить свое собственное здоровье, чтобы не вступить въ безсмысленный бракъ, чтобы не сдѣлаться губителемъ своихъ будущихъ дѣтей, чтобы избѣжать хоть части тѣхъ условій, которыя могутъ страшно отозваться на этихъ дѣтяхъ. Сотни этихъ молодыхъ людей могутъ вамъ сказать, помни уроки исторіи, о подвигахъ Александровъ Македонскихъ, о рѣчахъ Цицероновъ, о войнахъ Цезарей, но опять-таки, можетъ быть, ни одинъ изъ нихъ не сумѣетъ возвыситься хотя сколько-нибудь надъ дикаремъ, когда ему придется столкнуться съ вопросомъ, какъ нужно, если не воспитать, то просто питать своего ребенка, чтобы этотъ ребенокъ хотя и не сдѣлался-бы Цезаремъ, Цицерономъ или Александромъ Македонскимъ, но, по крайней мѣрѣ, остался-бы въ живыхъ. Нечего и говорить, что, не имѣя никакихъ точныхъ свѣденій о сохраненіи своего собственнаго организма, о простомъ физическомъ уходѣ за ребенкомъ, эти молодые люди, кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, еще менѣе имѣютъ свѣденій по части воспитанія дѣтей, хотя каждый изъ нихъ, можетъ быть, и не сдѣлается еще ни чиновникомъ, ни офицеромъ, ни торговцемъ, ни фабрикантомъ, но ужь непремѣнно будетъ отцомъ. Школьное образованіе точно преднамѣренно упускаетъ изъ виду все чисто-практическое, все будничное, все необходимое, и потому даже люди очень образованные остаются самыми жалкими верхоглядами въ вседневной практической жизни. Школа, начиная обученіе человѣка съ перечисленія городовъ и героевъ и кончая его древними языками и высшею математикою, не только не сообщаетъ человѣку практическихъ свѣденій, но даже поглощаетъ на-столько его время, что онъ забываетъ и тѣ практическіе выводы, которые онъ слышалъ дома, и не имѣетъ времени самоучкой выучиться тому, что ему понадобится въ жизни. При такомъ способѣ школьнаго обученія самыми невѣжественными людьми въ дѣйствительной жизни нерѣдко являются самые прилежные ученики, будущія свѣтила науки, будущіе учителя новыхъ поколѣній. Мы часто смѣемся надъ этими учеными, живущими грязно, питающимися скверно, неумѣющими обойтись безъ нянекъ, и, дѣйствительно, ихъ непрактичность, ихъ неумѣлость смѣшна, но она смѣшна только до тѣхъ поръ, покуда она отзывается только на нихъ самихъ; а не на ихъ дѣтяхъ, не на ихъ ближнихъ. Намъ смѣшно, когда во-

семнадцатилѣтняя институтка полагаетъ, что ея братцевъ и сестрицъ приносить мамашѣ какая-то женщина или что они являются съ неба. Но намъ далеко не смѣшно, когда эта институтка дѣлается сама матерью, и, не зная, что дѣлать съ своимъ ребенкомъ, поручаетъ его невѣжественной кормилицѣ и нянькѣ, старающимся успокоить и усыпить ребенка однимъ изъ тѣхъ способовъ, которые приучаютъ дѣтей къ одному изъ страшныхъ пороковъ, губящихъ здоровыхъ дѣтей. Намъ было смѣшно, когда десять лѣтъ тому назадъ мы встрѣтили молодого русскаго профессора древней исторіи, спрашивавшаго у насъ, что значить слово: „вьюшка“, и говорившаго, смѣясь: „почему я знаю вашу будничную жизнь, когда въ моихъ книгахъ еще и Христосъ не родился“. Но намъ было далеко не смѣшно, когда другой профессоръ въ роли адвоката говорилъ, что отецъ, попавшій подъ судъ за истязанія своей дочери, долженъ былъ по-необходимости сѣчь свою дочь, чтобы отучить ее отъ онанизма; мы не имѣли права подозревать этого профессора въ явной, публично-высказанной недобросовѣстности и понимали, что онъ говоритъ такъ по незнанію того факта, что сѣчень содѣйствуетъ само-по-себѣ развитію того страшнаго недуга, за который и сѣкли дѣвочку. Примѣровъ подобнаго невѣжества относительно будничной жизни со стороны очень ученыхъ людей можно набрать множество. Въ этомъ виновата школа: она иногда придерживается правила Песталлоцци и начинаетъ обученіе дѣтей съ ближайшихъ къ нимъ предметовъ и понятій, но она слѣдуетъ этому правилу только съ малолѣтними и не считаетъ нужнымъ послѣдовательно провести сквозь все дѣтское образованіе эту систему, чтобы научить человѣка прежде всего умѣнью хорошо и разумно устроить свою собственную жизнь, свое хозяйство и уже потомъ научиться болѣе трудному дѣлу—устройству общественныхъ дѣлъ. Она какъ-разъ поступаетъ наоборотъ, несмотря на признаніе ею правильности взглядовъ Песталлоцци относительно воспитанія малолѣтнихъ: она приготовляетъ какихъ-то государственныхъ мужей, юристовъ, математиковъ, космополитовъ, не приготовивъ просто людей, членовъ семьи, членовъ извѣстнаго государства. Въ-концѣ-концовъ выходитъ то, что дѣтямъ дѣлается противною школьная наука, такъ-какъ они не видятъ никакой цѣли, никакой связи съ своею жизнью ни въ географической номенклатурѣ городовъ, рѣкъ, народностей и естественныхъ богатствъ земнаго шара, ни

въ историческихъ перечисленіяхъ именъ древнихъ героевъ, годовъ битвъ, названій королей и рѣшеній соборовъ, ни въ греческихъ и латинскихъ спискахъ неправильно склоняемыхъ и спрягаемыхъ словъ, ни въ геометрическихъ фигурахъ и естественно-научныхъ спискахъ зубовъ и пальцевъ животныхъ. Дѣти приходятъ въ заключенію, что все это нужно для экзамена. и учагся „на-время“, забывая всю эту сущь послѣ выхода изъ школы. Другія дѣти втягиваются въ эту науку, задалбливаютъ все это, дѣлаются сами учеными, но именно такими учеными, которые знаютъ все, кромѣ того, что нужно знать, чтобы не сидѣть въ вредной атмосферѣ, не ѣсть вреднаго кушанья, не вести антигигіеническаго образа жизни, не дѣлать изъ своихъ дѣтей физическихъ и нравственныхъ уродовъ. При такой системѣ образованія люди нерѣдко выходятъ очень дѣловыми людьми, весьма хорошими учеными, но плохими отцами и матерями семействъ. никуда негодными руководителями семьи. Г. Пироговъ давно уже замѣтилъ, что „дѣтей прежде всего нужно сдѣлать людьми“. „Всѣ, готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми. говоритъ онъ. — Пусть каждый родитель скажетъ передъ судомъ собственной совѣсти: „Я всѣмъ жертвую для воспитанія своего дитяти и ничего другого не требую отъ воспитателей, какъ того, чтобы они наставили мое дитя быть человѣкомъ“. Всѣ мы, къ какой-бы націи мы ни принадлежали, можемъ черезъ воспитаніе сдѣлаться настоящими людьми, каждый различно по врожденному типу и по національному идеалу человѣка, нисколько не переставая быть гражданиномъ своего отечества и еще рельефнѣе выражая чрезъ воспитаніе прекрасныя стороны своей національности“¹¹⁾. Но чтобы сдѣлаться человѣкомъ, недостаточно знать всѣ правила прописной морали, недостаточно стремиться слѣдовать этимъ правиламъ. Самый высоко-нравственный человѣкъ можетъ очень сильно повредить и себѣ, и своимъ дѣтямъ, не зная, на-примѣръ, на-сколько вредно для взрослыхъ, а тѣмъ болѣе для дѣтей чрезмѣрное воздержаніе отъ пищи. Правила нравственности — ничто безъ правилъ гигіены, такъ-какъ и самая нравственность человѣка зависитъ вполне отъ соблюденія гигіеническихъ правилъ. Нравственныя

¹¹⁾ *Н. Пироговъ*, Собраніе литературныхъ статей. Одесса, 1858 г., стр 19, 44, 45.

правила остаются пустыми громкими фразами, если мы „не умѣемъ и „не можемъ“ быть нравственными. Сказать: люби своего ближняго — очень легко, но далеко не легко исполнить это правило. Когда насъ не научили любить даже самихъ себя, то есть не дѣлать того, что губить наше здоровье, наши силы, нашъ организмъ. Больной человѣкъ часто теряетъ всякую возможность быть нравственнымъ человѣкомъ... Въ первые вѣка христіанства, бывшіе исключительно протестомъ противъ крайняго языческаго матеріализма, великіе проповѣдники пренебрегали плотью человѣка, совѣтовали убивать эту плоть, и слѣдствіемъ этого явилось то, что мы и до сихъ поръ считаемъ необходимымъ внушать нашимъ дѣтямъ только извѣстныя нравственныя истины, забывая о томъ, что у нашихъ дѣтей можетъ недостать „физическихъ силъ“, для проведенія этихъ истинъ въ жизнь. Но то, что было необходимо въ первые вѣка христіанства, стало теперь анахронизмомъ: теперь странно и нелѣпо было бы пренебрегать требованіями плоти и думать, что, убивая плоть, пренебрегая ею, мы можемъ сохранить всѣ свои духовныя силы. Но мы именно это и дѣлаемъ: мы убиваемъ своихъ дѣтей воспитаніемъ и не даемъ имъ никакого понятія о требованіяхъ человѣческаго организма.

Главнымъ образомъ, женщины выходятъ изъ учебныхъ заведеній никуда негодными воспитательницами дѣтей, хотя именно на женщинъ и ложится гся тяжесть воспитанія дѣтей.

„Если справедливо, замѣчаетъ въ своихъ прекрасныхъ статьяхъ докторъ Снигиревъ, — что физическая зрѣлость высказывается способностью производить дѣтей, что несомнѣнно, то, стало быть, точно такъ-же справедливо и несомнѣнно и то, что умственная зрѣлость должна высказываться способностью воспитывать ихъ. Не надо глубоко вникать, чтобы видѣть въ этомъ полную несостоятельность женщинъ-матерей. Искусство воспитать дѣтей никакъ не входитъ въ программу ихъ собственнаго воспитанія, какъ не входитъ оно, прибавимъ мы отъ себя, и въ программу мужского воспитанія. Общественные предрасудки требуютъ отъ женщинъ, напротивъ, совершенно противоположнаго, т. е. полнѣйшаго невѣденія въ этой области. Сообразно такому воззрѣнію онѣ и ведутся въ школахъ. Изящныя манеры и тому подобныя внѣшнія качества — вотъ на чемъ держится воспитаніе женщины. Все сосредоточено на томъ, чтобы сдѣлать ее любезной и привлекательной

хозяйкой, но ничего не дѣлается для того, чтобы приготовить изъ нея разумную и полезную мать, точно будто-бы это послѣднее обстоятельство составляетъ въ ея жизни явленіе случайное, а не неизбежное, роковое. И вотъ, сдѣлавшись матерью, ставши лицомъ къ лицу къ ребенку, требующему отъ нея заботъ и попеченій и существующему единственно и исключительно ими, она начинаетъ припоминать собственное дѣтство и черпать оттуда правила для ухода, или-же ребенокъ всецѣло отдается въ руки няньки съ признапной опытностью, основа которой—предразсудки и невѣжество. Въ томъ и другомъ случаѣ истинныя потребности ребенка отступаютъ на задній планъ, на переднемъ-же фигурируютъ неопытность и произволъ матерей и невѣжество и предразсудки нянекъ. Съ момента рожденія ребенокъ проходитъ сквозь строй такихъ неблагопріятныхъ для него условій. На немъ производятся самыя разнообразныя эксперименты. Одна мать желаетъ „закалить“ свое дитя и съ этой цѣлью лишаетъ организмъ дѣтскій столь необходимой для него теплоты. „Забалъ“ этотъ, въ большинствѣ случаевъ, оканчивается тѣмъ, что ребенокъ погибаетъ. Другая — считаетъ необходимымъ кутать ребенка, не выпускаетъ его изъ фланели и хлопчатой бумаги, въ которыя онъ герметически укупорируется. Малѣйшая струя свѣжаго воздуха въ дѣтской повергаетъ мать въ отчаяніе. Дѣло кончается тѣмъ, что при какой-нибудь неосторожности ребенокъ заболѣваетъ. Къ уходу за дѣтскими всего болѣе прилагается пословица: „сколько головъ, столько умовъ“. Каждая дѣтская заключаетъ въ себѣ особыя условія, дѣлающія ее непохожею на всѣ остальные; каждая мать — это совершенно особая система воспитанія, похожая на всѣ остальные развѣ только одной общей чертой—уродливостью. По одной системѣ, ребенку, тотчасъ по рожденіи, начинаютъ давать все, съ цѣлью лучшаго питанія; по другой—онъ долго терпитъ всевозможныя запрещенія: того нельзя, другого не слѣдуетъ, третье вредно. И все это рѣшается съ замѣчательной увѣренностью, свойственной полнѣйшему незнанію. Во всемъ этомъ руководитъ одно вдохновеніе, но никакъ не знаніе. Тамъ кормилицу держутъ на одномъ бульонѣ, не позволяють ей лишняго шага, чтобы не испортилось молоко, здѣсь закармливаютъ ее положительно до несваренія. То вы видите, что постоянное пеленанье не позволяетъ ребенку никакого движенія, то вдругъ на третьей или четвертой недѣлѣ дитяти даютъ си-

дѣе положеніе. Словомъ, всюду видѣнъ одинъ только личный вкусъ и традиція. Руководящей идеи нѣтъ, правильнаго пониманія фізіологическихъ условій дѣтскаго организма -- тоже нѣтъ. Ребенка, напимѣръ, укутываютъ, держатъ въ избыткѣ тепла, не дозволяютъ ему активныхъ движеній — и въ то-же время беспокоятся и лечатъ его отъ уменьшенія аппетита. Отсутствіе элементарныхъ свѣденій объ уходѣ за дѣтми со стороны родителей вообще и матерей въ особенности, причиняетъ громадную смертность дѣтей. Мы видимъ, что почти $\frac{1}{2}$ дѣтей по рожденіи погибаетъ, не переживъ перваго года¹²⁾.

Изъ всего сказаннаго ясно, что большая часть человѣчества, даже находясь въ хорошихъ матеріальныхъ условіяхъ, даже получивъ образованіе въ общественныхъ школахъ, не можетъ покуда разумно воспитывать своихъ дѣтей, такъ-какъ прежде всего нужно измѣнить кореннымъ образомъ систему образованія и научить человѣка съ дѣтства умѣть заботиться о своемъ здоровьи, о рациональномъ образѣ жизни, обо всемъ, что ближе всего, что неизбѣжнѣ всего касается каждаго изъ насъ, а потомъ уже расширить кругъ знаній передъ человѣкомъ и указать ему на болѣе отдаленное отъ него поле дѣйствій, на предметы, менѣе близко задѣвающие его интересы. Это тѣмъ необходимѣе, что дѣло воспитанія человѣка далеко не легкое дѣло. „Вообще въ природѣ, замѣчаетъ г. Снитиревъ, — мы видимъ одинъ общій законъ — тотъ, что чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ дольше онъ находится въ зависимости, въ отношеніи обезпеченія пищей и защитой, отъ родительскаго организма. Быстро образующаяся самоподвижная спора водоросли гораздо менѣе нуждается въ питательныхъ началахъ и покровѣхъ для своего организма, чѣмъ, напр., сѣмя какого-нибудь медленно-растущаго дерева. Половины монады, съ момента ихъ произвольнаго раздѣленія, дѣлаются такими-же самостоятельными, какъ было и первоначальное цѣлое. Но, по мѣрѣ удаленія отъ простыхъ организацій къ болѣе сложнымъ, замѣчается все большая зависимость отъ родителей. Человѣческій организмъ, какъ самый сложный, представляетъ наибольшую зависимость. Въ утробѣ матери онъ проходитъ рядъ эмбриологическихъ состояній, по рожденіи въ свѣтъ онъ поддерживается кормленіемъ грудью. И долго

¹²⁾ Архивъ суд. мех. за 1868 г., № 1, отд. III, стр. 37—38.

еще послѣ того, какъ онъ научается обходиться безъ посторонней помощи, онъ состоитъ подъ полной опекой своихъ родителей. Все должно быть сдѣлано для него и припасено родителями. Полная самобытность и самостоятельность наступаетъ поздно, когда онъ, развившись и физически, и нравственно, дѣлается способнымъ самъ заботиться о себѣ и объ удовлетвореніи своихъ нуждъ¹¹⁾.

И такую-то трудную обязанностью, какъ воспитаніе дѣтей, пренебрегаетъ человекъ, онъ пренебрегаетъ ею до того, что дѣло воспитанія является самою слабою частью научныхъ изслѣдованій. Возьмите любую книгу, касающуюся этого предмета, и вы увидите, что изслѣдователи или бродятъ впотьмахъ, или не умѣютъ серьезно отнестись къ своему предмету. Одинъ говоритъ, что для новорожденного нужно, по крайней мѣрѣ, семь дюжинъ пеленокъ, одну дюжину одѣяль и двѣ дюжины рубашекъ-распашонок¹⁴⁾; другой замѣчаетъ, что беременная женщина не должна работать, если она богата, если-же она бѣдна, то „работа до послѣднихъ дней беременности даже очень полезна для ея здоровья“¹⁵⁾; третій настаиваетъ на томъ, чтобы ребенокъ не спалъ днемъ, когда ему минетъ полтора года¹⁶⁾, причемъ собрать этого автора совѣтуетъ уважать дневной сонъ дитяти, по крайней мѣрѣ, втеченіи двухъ лѣтъ¹⁷⁾, тогда какъ у автора, говорящаго обо всемъ, касающемся первоначальнаго ухода за дѣтьми, упоминающаго о необходимости имѣть въ дѣтской четыре термометра и озаботиться о томъ, чтобы стѣна противоположнаго дѣтской дома не была окрашена желтой краской, — вы не найдете ни слова о томъ, сколько долженъ спать ребенокъ днемъ и до какого возраста ему необходимъ дневной сонъ. Такихъ странностей вы найдете массу въ каждой популярной книгѣ, трактующей о воспитаніи дѣтей, а между тѣмъ только эти книги и пополняютъ хотя сколько-нибудь пробѣлъ нашего собственнаго образованія. Такое положеніе дѣла является прямымъ слѣдствіемъ того, что все, касающееся нашего здоровья, нашего физическаго развитія, гигиены, вовсе не входитъ въ програму преподаваемыхъ въ школахъ предметовъ.

¹¹⁾ Архивъ суд. мед. за 1868 г., № 1, отд. III, стр. 36.

¹⁴⁾ М. Манассеина, О воспитаніи дѣтей. Спб., 1870 г., стр. 56, 60, 70.

¹⁵⁾ E. Bouchut, Hygiène de la première enfance. Paris. 1866. p. 98.

¹⁶⁾ Ab. Donné, Conseils aux mères. Paris. 1869, p. 226.

¹⁷⁾ E. Bouchut. Loc. cit., p. 363.

Но какъ ни плохо идетъ воспитаніе дѣтей подѣ руководствомъ тѣхъ или другихъ отцовъ и матерей, — мы все-таки должны называть счастливыми этихъ дѣтей, такъ-какъ цѣлыя массы дѣтей не пользуются и этимъ правомъ. Многіе родители, насладившись любовью безъ серьезной думы о томъ, что будетъ съ ихъ дѣтьми, бросаютъ этихъ дѣтей тотчасъ послѣ ихъ рожденія на произволь судьбы, какъ не всегда бросаетъ человѣкъ щенятъ, особенно если они „породисты“. Судьба этихъ дѣтей ужасна.

VIII.

Не имѣя средствъ воспитать своихъ дѣтей, желая скрыть отъ общества свое незаконнорожденное дитя, стремясь избѣжать трудности воспитанія дитяти, подчиняясь множеству другихъ тому подобныхъ причинъ и побужденій, родители, перѣшавшіеся приѣгнуть прямо къ помощи дѣтоубійства, уже въ очень древнія времена и у всѣхъ народовъ бросали своихъ дѣтей на произволь судьбы. Довольно указать на Моисея, Ромула, Кира, Эдипа и тому подобныхъ людей, брошенныхъ въ дѣтствѣ родителями и сдѣлавшихся потомъ историческими личностями, чтобы понять, какъ нерѣдко вообще бросали родители дѣтей. Въ классическихъ произведеніяхъ, вродѣ произведеній Лонга, Эврипида и Аристофана, находятся и описанія способовъ бросанія дѣтей, и чудесныя спасенія этихъ несчастныхъ. Въ древности вообще слагались цѣлыя легенды относительно спасенія этихъ дѣтей при помощи случайностей и чудесъ. Главнымъ образомъ легенды, какъ-бы въ укоръ человѣку, приписываютъ спасеніе брошенныхъ человѣкомъ дѣтей животнымъ: львы, медвѣди и тому подобные дикіе звѣри оказываютъ сострадательнѣе отцовъ и матерей и выкармливаютъ, по словамъ легендъ, этихъ несчастныхъ отверженныхъ малютокъ.

Законы древнихъ народовъ не запрещали бросать дѣтей.

„Новорожденное дитя, говоритъ одинъ латинскій поэтъ, — лежитъ на землѣ нагимъ, nudus humi jacet, какъ матросъ, выброшенный на берегъ бурной волною. Онъ лежитъ у ногъ отца и не имѣетъ права на жизнь, повуда его не подниметъ отецъ. Отецъ можетъ его поднять, tollere, можетъ его убить или бросить: это право отца“. Право отца на жизнь и смерть ребенка не было въ исто-

рѣ принадлежностью одного варварскаго Рима. Это было обычное явленіе во всемъ чловѣчествѣ. Сначала Ромуль требовалъ, чтобы отецъ, прежде, чѣмъ бросить свое дитя, посоветовался съ пятью чловѣками изъ своихъ сосѣдей. Но законы двѣнадцати таблицъ не требовали и этого, такъ что отцы могли безразлично бросать тѣхъ изъ своихъ дѣтей, которыхъ они не хотѣли или не могли кормить, хотя-бы эти дѣти и не были ни уродами, ни больными. Отверженецъ чловѣка, отданный природѣ ребенокъ часто принимался природою подѣ ея защиту. Она усыновляла его; она набрасывала листьевъ ему вмѣсто постели; она баюкала его своимъ вѣтромъ; она кормила его молокомъ волчицъ и львицъ. Родители, видя это, охотнѣе бросали дѣтей, чѣмъ убивали ихъ. Они бросали новорожденныхъ съ мыслью, что боги спасутъ ихъ, если имъ назначено жить. Это былъ своего рода судъ Божій надъ неповиннымъ созданиемъ. Иногда вода отказывалась поглотить дитя, дикіе звѣри вскармливали его, камни оплакивали его, говорить поэтъ ¹⁸⁾). У евреевъ дѣлалось то-же: евреи бросали дѣтей, какъ былъ брошенъ Моисей, они отдавали младенцевъ за долги или продавали ихъ въ рабство, какъ былъ проданъ Іосифъ. Язычники сѣвера, какъ и язычники Греціи и Рима, бросали дѣтей. Такъ въ древней Франціи дѣти отпущеннаго на волю раба, бросались всѣ вмѣстѣ въ яму, безъ пищи. Господинъ вытаскивалъ оттуда и воспиталъ тѣхъ, которые переживали другихъ. По словамъ ломбардскаго преданія, спасали преимущественно тѣхъ брошенныхъ дѣтей, которыя съ большею силою хватались за королевское копье. Ребенокъ бросался прежде, чѣмъ онъ принималъ какую-нибудь пищу, такъ-какъ принятіе пищи составляло въ глазахъ этихъ людей пѣчто вродѣ крещенія малютки ¹⁹⁾).

Большая часть брошенныхъ дѣтей, по словамъ Квинтиліана, погибала. Тѣхъ-же, которыя спасались отъ преждевременной гибели, ждала невеселая участь: они попадали въ рабство или въ руки шарлатановъ-нищихъ и дѣлались предметами самой возмутительной эксплуатаціи. Въ Римѣ, по словамъ Сенеки, брошенные дѣти служили предметомъ для самыхъ гнусныхъ спекуляцій: дѣтей этихъ уродовали самымъ отвратительнымъ образомъ, что-

¹⁸⁾ *L. Moreau-Christophe*, Du problème de la misère. Paris. 1851 t. I. pp. 99—100.

¹⁹⁾ *Loc. cit.* t. II, pp. 392—393.

бы сдѣлать ихъ способными къ нищенскому промыслу. Изъ нихъ фабриковали слѣпыхъ, хромыхъ, кривоглазыхъ, нѣмыхъ и т. д. ²⁰⁾ Древніе народы не знали, какъ прекратить это зло, и мы встрѣчаемъ только немногія, единичныя попытки прекратить бросаніе дѣтей. Такъ Августъ давалъ временную помощь слишкомъ бѣднымъ родителямъ, на прокормленіе дѣтей. Ливія на свой счетъ воспитывала большое число дѣтей сенаторовъ, дошедшихъ до нищеты. Нерва пошелъ далѣе; онъ хотѣлъ, чтобы во всей Итали сироты обоего пола кормились на общественный счетъ. Траянъ, заботившійся о приобрѣтеніи возможно большаго числа солдатъ, давалъ большую часть государственной помощи дѣтямъ мужского пола, воспитуя до пяти тысячъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ городахъ Итали, по недостатку государственной помощи, частныя лица жертвовали на воспитаніе дѣтей. Такъ Плиній давалъ ежегодную субсидію своимъ согражданамъ на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей. Въ Террачинѣ одна гражданка, въ память своего сына, завѣщала большую сумму денегъ на воспитаніе сотни деревенскихъ дѣтей. Другая женщина, Фаустина, жена Антонина, воспитывала на свои средства бѣдныхъ дѣвочекъ. Въ Греціи, въ Афинахъ, въ старомъ храмѣ Геркулеса, принимались незаконнорожденные дѣти. Они кормились на счетъ республики. Точно такъ-же воспитывались дѣти воиновъ, павшихъ за республику. Но всѣ эти факты были явленіями единичными ²¹⁾.

Только съ началомъ христіанства стали все чаще и чаще появляться заботы о подкидышахъ. Относительно ихъ первое серьезное постановленіе явилось во времена Константина. Въ немъ говорилось: „если отцомъ или матерью будетъ доставлено дитя, которое, по чрезвычайной бѣдности, они не могутъ воспитывать, то ваша обязанность немедленно доставить ему пищу и одежду, съ возвращеніемъ издержекъ изъ казны имперіи и моей“. Но такія дѣти дѣлались рабами своихъ воспитателей и впослѣдствіи законъ опять допускалъ продажу ихъ. Несмотря, однакожь, на законы Константина и Юстиніана, изданные для сохраненія жизни дѣтей, не переставали подкидывать ихъ, и дѣти погибали въ большемъ числѣ. Наконецъ, новая церковь, сдѣлавшаяся свободною,

²⁰⁾ *F. Huegel*. Die Findelhaeuser. Wien. 1863 SS. 1—24.

²¹⁾ *L. Moreau-Christophe*. Loc. cit., t. I. pp. 289—291.

взяла ихъ подъ свое покровительство и, въ числѣ другихъ благотворительныхъ учрежденій, положила первое основаніе устройству дома для подкидышей, извѣстному подъ именемъ: *blephotrophium*, гдѣ воспитывались грудные младенцы. Въ 442 году на соборахъ рѣшено было, чтобы священники убѣждали беременныхъ дѣвицъ власть новорожденныхъ обокло церковныхъ дверей, въ нишахъ, приспособленныхъ для принятія ихъ, а также и всѣ, не бывшіе въ состояніи воспитывать дѣтей, приглашались передавать ихъ церковнымъ старостамъ. Такое-же распоряженіе сдѣлано было въ 581 году. Церковные старосты имѣли попеченіе объ этихъ дѣтяхъ втеченіи 3 — 10 дней. Этотъ срокъ назначался въ виду того, не явятся-ли кто-нибудь за ними. Какъ скоро никто не приходилъ за подкидышами, священникъ передавалъ ихъ христіанамъ на воспитаніе за приличное вознагражденіе; по достиженіи совершеннолѣтія, эти питомцы становились рабами своихъ воспитателей, въ силу закона Феодосія²²⁾.

Этими постановленіями положилось начало воспитанія дѣтей церковью; соборы начали высказываться за наказанія дѣтоубійцъ и за воспитаніе дѣтей церковью или частными лицами, которымъ церковь отдавала этихъ дѣтей, гарантируя имъ исполнѣ, что этихъ дѣтей не возьмутъ у нихъ обратно настоящіе родители подкидышей²³⁾. Разумѣется въ этомъ случаѣ пріемные родители чаще всего имѣли въ виду свои личныя выгоды, получая въ лицѣ ребенка нѣчто въ родѣ дарового работника-раба. Это ясно видно изъ слѣдующаго постановленія: „Въ VII вѣкѣ въ одной епархіи было заведено, что какъ скоро женщина рожала дитя и не хотѣла объявить имени его отца или не могла прокормить своего ребенка по бѣдности, то она клала новорожденнаго въ мраморную раковину, собственно для этого сдѣланную, для того, чтобы увидѣвшій тутъ подкидыша, сжалившись надъ нимъ, взялъ бы его къ себѣ на воспитаніе. Всякій разъ, какъ бывалъ подкинутъ ребенокъ, сторожа или церковные старосты брали его и спрашивали въ народѣ, не пожелаетъ-ли кто-либо взять его къ себѣ навсегда. Какъ скоро отыскивался желающій, дитя приносилось къ епископу, и тотъ отдавалъ его воспитателю въ соб-

²²⁾ Архивъ суд. мед. 1868 г. № 1. от. III. стр. 87.

²³⁾ *F. von Huegel. Die Findelwesen. Wien. 1863. SS. 36—38.*

„Дѣло“, № 2, 1877 г.

ственность, по акту, совершенному при свидѣтеляхъ, въ которомъ, между прочимъ, приводился законъ Феодосія: „если кто купитъ новорожденнаго и выкормитъ, а потомъ господинъ или отецъ этого дитяти пожелаетъ взять его обратно, то обязывается вмѣсто его отдать раба или заплатить ту цѣну, какая будетъ назначена самимъ воспитателемъ“ ²⁴).

Несмотря, однако, на всѣ постановленія соборовъ и святыхъ отцовъ, въ седьмомъ вѣкѣ нищета народа была такъ велика, что людямъ не было никакого дѣла до сохраненія дѣтей. Дѣти гибли безъ помощи цѣлыми тысячами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣтей выводили, какъ животныхъ, на рынокъ и продавали за ничтожную плату. Но мало того, что люди продавали своихъ собственныхъ дѣтей: они воровали чужихъ и вели ихъ на рынокъ, чтобы выручить деньги за этотъ „живой товаръ“. Ирландцы даже приняли христіанство подъ условіемъ, чтобы имъ было позволено „бросать дѣтей“ ²⁵).

Для борьбы съ этимъ зломъ лучше люди того времени продолжали примѣнять къ дѣлу усиленіе строгихъ законовъ и увеличеніе средствъ благотворительности. Другого пути они не находили, не сознавая, что корень зла лежалъ собственно въ положеніи тогдашняго народа-раба, нищаго, подавленнаго, невѣжественнаго, разореннаго налогами и междоусобіями. Въ числѣ благотворительныхъ мѣръ этого времени появляются воспитательные дома. О нихъ говорится при Карлѣ Великомъ. Первый воспитательный домъ, о существованіи котораго имѣются достовѣрныя свѣденія, былъ учрежденъ частнымъ лицомъ. Этотъ воспитательный домъ для подкидышей былъ основанъ въ 787 году миланскимъ архіепископомъ Датеємъ, и мотивы къ его основанію выражены въ слѣдующемъ актѣ, который мы встрѣчаемъ у Муратори: „изнѣженная и чувственная жизнь часто заставляетъ людей предаваться прелюбодѣйству, результатомъ котораго является дѣтоубійство. Маленькихъ дѣтей бросаютъ въ отхожія мѣста, въ навозныя кучи, въ рѣвки и даже просто убиваютъ, особенно незаконнорожденныхъ. Такимъ образомъ, дѣти посылаются въ преисподнюю безъ крещенія. Поэтому я, Датеи, для спасенія души моей и моихъ

²⁴) Архивъ Суд. Мед. 1868 г. № 1, отд. III, стр. 87—88.

²⁵) *F. von Huegel, Die Findelwesen. Wien. 1863. S. S. 41—43.*

согражданъ, повелѣваю устроить пріютъ для подкидышей: *exheredotium* въ купленномъ мною домѣ, смежномъ съ церковью. Я хочу, чтобы дитя, тотчасъ, какъ только оно будетъ подкинута въ церкви, было взято надзирателемъ, помѣщено въ пріютъ и передано на попеченіе кормилицамъ съ платою за то; по достиженіи-же этими дѣтьми восьмилѣтняго возраста, они должны быть свободны и уволены отъ всякаго рабства, имѣть право идти туда и жить тамъ, гдѣ пожелаютъ“²⁶⁾, т. е. нищенствовать или попадать въ руки ловкихъ спекуляторовъ. Для осуществленія своего плана Датей купилъ подлѣ церкви домъ и постановилъ, чтобы надзиратель дома бралъ всѣхъ дѣтей, приносимыхъ въ церковь. Эти дѣти воспитывались тамъ до восьмилѣтняго возраста и освобождались отъ рабства. Но этотъ домъ, повидимому, оставался единственнымъ явленіемъ и только черезъ двѣсти лѣтъ появилось другое подобное учрежденіе. Это второе учрежденіе находилось въ Бергамо тоже при церкви и оно относилось къ 982 году. Затѣмъ въ 1041 году одинъ лайбахскій гражданинъ, Петръ Берлахъ, отдалъ все свое имущество на сиротскій домъ, причѣмъ дѣти должны были получать ремесленное образованіе. Въ 1070 году мы видимъ сиротскій домъ въ Монпелье, въ 1097 г. въ Падуѣ, въ 1161 году во Флоренціи, въ 1171 году въ Бергамо совершается реорганизація уже существовавшего тамъ воспитательнаго дома, въ 1180 году нѣкто Гюи учреждаетъ второй воспитательный домъ въ Монпелье. Въ это-же время былъ учрежденъ здѣсь орденъ св. Духа, которому и обязано общество распространеніемъ воспитательныхъ домовъ въ разныхъ странахъ. Въ какія-нибудь восемнадцать лѣтъ, какъ видно изъ буллы Иннокентія III, этотъ орденъ основалъ до девяти воспитательныхъ домовъ. Дѣятельность этого ордена продолжалась триста лѣтъ и только политическія смуты XVI столѣтія прекратили его дѣятельность.

Такимъ образомъ, честь открытія воспитательныхъ домовъ принадлежитъ католическому духовенству. Оно всѣми силами старалось распространить подобныя учрежденія, которыя и привились во всѣхъ католическихъ земляхъ.

Но какую-же роль играла въ этомъ случаѣ католическая церковь? Это была та-же самая роль, которую играла католическая цер-

²⁶⁾ Архивъ Суд. Мед. за 1868 г. № 1, Отд. III, стр. 88.

ковъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся благотворительности: роль „посредницы“. Католическая церковь указывала обществу на необходимость, съ одной стороны, помочь бѣднымъ, а съ другой стороны, внести денежные влады на эту помощь въ ея церковную казну. Она создавала всевозможные сборы и налоги, чтобы собрать денежные суммы, необходимыя, по ея словамъ, для помощи бѣднымъ и спасенія души богатыхъ, и богатыя сама, тогда какъ число нищихъ все росло и росло. Это, впрочемъ, нисколько не смущало католическое духовенство, такъ-какъ съ увеличеніемъ числа нищихъ, увеличивались не расходы католической церкви, а ея поборы, ея власть. Бѣднымъ доставалась самая незначительная часть изъ пожертвованій богатыхъ людей, большая же львиная часть шла на обогащеніе служителей католической церкви, жившихъ по королевски. Имъ выгодно было плодить нищету ²⁷⁾. Съ открытіемъ воспитательныхъ домовъ, при всеобщей бѣдности и невѣжествѣ, конечно, тоже не уменьшилось, а увеличилось число брошенныхъ дѣтей, и чѣмъ больше росло ихъ число, тѣмъ болѣе дѣлалось вкладовъ въ церковь, хотя тратилось на этихъ дѣтей очень немного и они находились въ самомъ жалкомъ положеніи нищеты и невѣжества. Злоупотребленія католическаго духовенства съ теченіемъ времени дѣлались все сильнѣе и сильнѣе и потому первымъ дѣломъ протестантизма было стремленіе парализовать дѣятельность этого духовенства.

Съ введеніемъ протестантизма забота о бѣднякахъ перешла отъ церкви къ обществу и государству. Лютеръ призывалъ къ этому бюргерство и городскія власти, говоря, что они сами должны заботиться объ участи своихъ бѣдняковъ, объ образованіи дѣтей и тому подобномъ. Посредничество церкви начало устраняться. Новые принципы осуществились на практикѣ, конечно, не вдругъ, но мало по малу они взяли верхъ надъ старыми принципами. Начали уничтожаться и воспитательные дома при церквяхъ во всѣхъ государствахъ, гдѣ вводился протестантизмъ. Въ этихъ государствахъ стали признавать, что воспитательные дома только поощряютъ людей отказываться отъ воспитанія дѣтей, что прежде всего необходимо позаботиться о принужденіи родителей воспитать ихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого вмѣсто устройства воспитательныхъ домовъ, являются,

²⁷⁾ *A. Emminghaus, Das Armenwesen. Berlin. 1878. Einleitung.*

напримѣръ, въ Англіи и Пруссіи слѣдующія постановленія: лондонскій воспитательный домъ, первоначально основанный на 400 дѣтей, вмѣщаль въ себѣ до 1,000 въ 1752 г. Вслѣдствіе парламентскаго постановленія, въ 1756 г., принимались въ него всѣ дѣти, принесенныя къмъ-либо, и въ то-же время открыты были подобныя дома въ графствахъ. Спустя четыре года (1760), число найденышей въ лондонскомъ домѣ увеличилось до 6000. Тогда парламентъ пришелъ въ ужасъ отъ такой огромной цифры и послѣдилъ измѣнить назначеніе этихъ домовъ, запретивъ принимать тѣхъ дѣтей, у которыхъ есть матери. Что-же касается найденышей (т. е. незаконнорожденныхъ), то онъ постановилъ, по предложенію одного современнаго филантропа, чтобы церковныя приходы сами заботились объ нихъ; чтобы всѣ новорожденные передавались кормилицамъ, а взрослые дѣти помѣщались-бы въ рабочіе дома. Подкидываніе дѣтей строго запрещалось на будущее время. Съ того времени всякая мать, замужняя или пѣтъ, обязана была кормить своего ребенка. Въ законѣ выражены два принципа: „всякій ребенокъ, у котораго есть мать, не имѣетъ никакого права на пособіе, сама-же мать можетъ требовать его, если она бѣдна, но ребенокъ ничего не получаетъ“. Процедура съ найденышами происходила слѣдующая: какъ скоро оказывалось подкинутое дитя, то приходъ начиналъ производить разслѣдованіе, съ тѣмъ, чтобы найти родителей; матери, разумѣется, отыскивались легко, по явнымъ признакамъ бывшей беременности; если онѣ были замужнія, то дѣти прямо передавались имъ; въ противномъ-же случаѣ ихъ заставляли объявить отца его, прибѣгая иногда даже къ угрозамъ. До изданія акта 14-го августа 1834 г., матери часто указывали, какъ на отцовъ, на богатыхъ людей, которыхъ онѣ никогда, можетъ быть, и не видѣли. Одного заявленія, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ подробностей, было достаточно для того, чтобы получить вознагражденіе отъ мнимаго или дѣйствительнаго виновника беременности; въ случаѣ ложнаго обвиненія трудно было противной сторонѣ представить доказательства, да это и невозможно было сдѣлать, потому что, на основаніи закона, можно было арестовать отца, указаннаго женщиною, заключить его въ тюрьму или вытребовать обезпеченіе, можно было прямо возложить на него издержки по рожденію ребенка и на содержаніе его, а въ случаѣ отказа, по опредѣленію

двухъ мировыхъ судей, забрать его имущество, распорядиться имъ какъ слѣдуетъ, или взять съ него обязательство въ ежегодной уплатѣ извѣстной суммы въ пользу матери. Законъ 14-го августа положилъ границы ужаснымъ злоупотребленіямъ, требуя, съ одной стороны, чтобы заявленіе матери было подтверждено, по крайней мѣрѣ, какими-либо обстоятельствами, могущими убѣдить судью, а съ другой — не позволялось назначать слишкомъ высокое вознагражденіе и передавать его въ руки матери. На основаніи этого закона, мать незаконнорожденнаго ребенка не имѣетъ права требовать вознагражденія для себя, но можетъ обвинить отца передъ приходомъ, который, черезъ мировыя учрежденія, заставляетъ его оплачивать издержки по содержанію ребенка. Иногда случается и такъ, что незамужнія матери привлекаютъ къ отвѣтственности мужчинъ ни въ чемъ неповинныхъ, которые, во избѣжаніе скандала, жертвуютъ извѣстную сумму въ приходъ на содержаніе чужого ребенка. Иныя-же незамужнія матери, не имѣя по закону права получить вознагражденіе съ отца ребенка за свое безчестіе, скрываютъ, напротивъ, имя своего соблазнителя и берутъ съ него деньги за это, а дѣтей передаютъ на попеченіе приходовъ. Остаются также на попеченіи послѣднихъ и такія незаконнорожденные дѣти, родители которыхъ, по обоюдному согласію, скрываются гдѣ-нибудь втеченіи извѣстнаго времени. Въ обоихъ, слѣдовательно, случаяхъ всѣ расходы по содержанію незаконнорожденныхъ дѣтей падаютъ на приходы. Содержаніе ихъ обходилось въ 1831 году болѣе 17 миліоновъ франковъ, а число ихъ доходило въ то время до 70,000. Въ Пруссіи были воспитательные дома для подкидышей въ прошедшемъ столѣтіи, но они мало-по-малу уничтожались и послѣдній изъ нихъ былъ закрытъ въ 1800 году. Въмѣсто нихъ въ Берлинѣ франкмasons основали сиротскіе пріюты и другія благотворительныя учрежденія, куда поступаютъ найденныи и брошенныя дѣти; въ провинціяхъ-же, гдѣ нѣтъ такихъ заведеній, общины обязаны заботиться о нихъ. Относительно незаконнорожденныхъ дѣтей существуютъ слѣдующія постановленія: отецъ обязанъ на свой счетъ содержать и воспитывать ребенка, которому назначается опекунъ для защиты его интересовъ. Отъ отца зависитъ пріять содержаніе и воспитаніе ребенка на себя или на свой счетъ предоставить его матери; по закону преимущество предо-

ставлено матери, которая, впрочемъ, имѣетъ право содержать и воспитывать ребенка на свой счетъ. По рѣшенію суда, можно отнять ребенка у отца, когда онъ воспитываетъ его дурно. Если родители дурного поведенія, такъ-что ни одному изъ нихъ нельзя поручить ребенка, то онъ передается на воспитаніе третьему лицу. По старинному земскому праву легко было достать незаконнорожденному ребенку богатаго отца. Стоило только беременной женщинѣ указать на какія-нибудь обстоятельства, которыя бы доказывали хотя вѣроятность связи извѣстнаго мужчины съ нею, чтобы она могла быть допущена къ присягѣ, подтверждающей личность отца. Само собою разумѣется, что она выбирала такого, который въ состояніи больше заплатить, какъ это было и въ Англїи. Но въ 1854 году состоялось такое постановленіе: если беременная женщина находилась въ сношеніи съ другими мужчинами, если она получала деньги за свою связь съ ними, то она лишается права на отца ребенка, и судъ долженъ рѣшить, слѣдуетъ-ли допустить къ присягѣ мать или обвиненнаго. На основаніи этого закона, очень трудно доказать личность отца; поэтому большинство незаконнорожденныхъ дѣтей остается преимущественно на попеченіи матери, и только тогда, когда она не въ состояніи содержать ребенка, законъ предоставляетъ ей право обратиться за вспомошествованіемъ къ благотворительному обществу⁸⁴⁾.

Такимъ образомъ, зло осталось по-прежнему зломъ. Цѣлая масса дѣтей бросается родителями и тамъ, гдѣ существуютъ воспитательные дома, и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Ежедневно вы можете прочесть въ газетахъ и у насъ, и за границей о фактахъ вродѣ слѣдующихъ: „18-го ноября 1876 года, къ дому крестьянина деревни Средняя Рогатка, Ивана Амана, прїѣхала въ наемной каретѣ какая-то барыня, молодая, красивая и богато одѣтая, въ сопровожденіи дѣвочки лѣтъ десяти и съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Вошедши въ избу, она спросила о хозяйнѣ, котораго не было дома, и предложила женѣ Амана взять на воспитаніе ея сына, причемъ, во избѣжаніе перевозки обратно въ городъ ребенка, такъ-какъ переездъ для него утомителенъ, оставила его у

⁸⁴⁾ Архивъ Суд. Мед. за 1868 г. № 2. отдѣлъ III, стр. 91—96.

жены Амана, обѣщаясь пріѣхать на другой день уговориться о платѣ и привезти метрическое свидѣтельство дитяти, котораго зовутъ Михайломъ. Съ тѣхъ поръ о матери ребенка не было ни слуху, ни духу. Между тѣмъ Аманъ, у котораго на воспитаніи около 13-ти воспитанниковъ, не пожелалъ оставить у себя ребенка и уже хотѣлъ отдать его въ воспитательный домъ, какъ объ этомъ случаѣ узнали пріѣхавшіе въ Петербургъ рязанскіе помѣщики, супруги В.; они пожелали взять ребенка къ себѣ на воспитаніе, намѣреваясь усыновить его. Подкинутый ребенокъ, по видимому, здоровъ и чрезвычайно красивъ. „Мѣщанка Энта Гарберъ въ мартѣ 1876 г. родила въ Одессѣ ребенка, котораго, по невозможности держать при себѣ, пожелала отдать на вскормленіе какой-либо женщинѣ и затѣмъ самой поступить въ услуженіе къ кому-нибудь кормилицей. Около этого времени Гарберъ получила мѣсто у еврея Глюкмана, а ребенка оставила у факторши Фейги Гуровицъ, прося ее прискаты для ребенка женщину, которая могла-бы его кормить. Гуровицъ дѣйствительно нашла ей женщину, еврейку Розенбергъ, которая согласилась кормить ребенка Гарберъ съ платою по 5 рублей въ мѣсяць. Затѣмъ, когда прошелъ мѣсяць, Гарберъ не захотѣла держать долѣе ребенка у Розенбергъ и обратилась снова къ Гуровицъ, чтобы она нашла другую женщину. Тогда Гуровицъ сказала ей, что она знаетъ одну старую женщину, которая имѣетъ замужнюю дочь въ д. Фестеровкѣ, одесскаго уѣзда, что у дочери ея также былъ ребенокъ, но умеръ, и она желаетъ кого-нибудь усыновить. По заявленію Гуровицъ, женщину эту называютъ Лея Рухля Нудельманъ, которая иногда пріѣзжаетъ въ Одессу. Гарберъ дѣйствительно увидала эту старуху Нудельманъ, объяснившую ей, что она черезъ каждыя двѣ недѣли пріѣзжаетъ въ Одессу для продажи сыра и масла и что она готова взять и усыновить ея, Гарберъ, ребенка, прося за это впередъ 10 руб. Гарберъ согласилась на это предложеніе, послѣ чего она пошла къ Розенбергу, чтобы взять ребенка. Это было 4 мая вечеромъ; но ребенокъ былъ взятъ только на другой день самой Нудельманъ, безъ участія Гарберъ. Съ тѣхъ поръ мать не видала болѣе своего ребенка. Въ ночь на шестое мая онъ былъ найденъ мертвымъ рабочими парашнаго обоза Петровскаго при очисткѣ ими ретирадныхъ мѣстъ на Привозной площади. По странному стече-

нію обстоятельствъ, Розенбергъ, проходя на кладбище и услышавъ о найденномъ мертвомъ ребенкѣ, зашла въ анатомическій покой и здѣсь въ мертвомъ узнала того самаго ребенка, который наканунѣ былъ взятъ у нея Нудельманъ“.

Такимъ образомъ, и богатые, и бѣдные люди, по многимъ причинамъ, стараются до сихъ поръ освободиться отъ своихъ дѣтей. Въ Лондонѣ до настоящаго времени идетъ простая торговля дѣтьми на собачьемъ рынкѣ; во Франціи, въ Италіи, въ Германіи происходитъ то-же. Люди такъ-же равнодушно бросаютъ своихъ дѣтей, какъ и убиваютъ ихъ, и трудно сказать, что лучше. Предѣловъ человѣческому безсердечію и варварству нѣтъ рѣшительно никакихъ: убить, бросить, искалѣчить дитя—это такое будничное, такое обычное явленіе въ человѣчествѣ, что о немъ упоминають, по большей части, только вскользь гдѣ-нибудь въ газетныхъ замѣткахъ.

Теперь мы посмотримъ, какова участь дѣтей, попавшихъ въ воспитательные дома или отданныхъ матерями на воспитаніе къ частнымъ лицамъ тамъ, гдѣ нѣтъ воспитательныхъ домовъ. Этотъ вопросъ имѣетъ крайне важное значеніе для общества, такъ какъ число подобныхъ брошенныхъ родителями дѣтей очень велико и не безинтересно знать, что выходитъ изъ этой массы отверженцевъ, какіе граждане приготовляются изъ нихъ для общества. Когда убиваютъ ребенка — общество теряетъ известную человѣческую единицу и только. Когда бросаютъ дитя—вопросъ дѣлается сложнѣе: изъ этого ребенка можетъ выработаться такая личность, что обществу было-бы гораздо выгоднѣе вовсе не имѣть ее въ своей средѣ.

А. Михайловъ.

ВЗЯТЫЙ ГОРОДЪ.

(Let orientales, par V. Hugo.)

Ты повелѣлъ, калифъ, и пламя запылало
И, трескомъ заглушивъ народа вопль и гамъ.
Разливъ багровый свѣтъ, волну побѣжало
Въ весельѣ бѣшеномъ по рухнувшимъ домамъ.

Убійца съ сотней рукъ—пожаръ, во всемъ величьи
Поднявшись, превращалъ палаты въ рядъ гробницъ,
Душилъ дѣтей, мужчинъ и женщинъ безъ различья
И трупы ихъ бросалъ на долю хищныхъ птицъ.

Рыдали матери. Красотки проклинали
Цвѣтушій возрастъ свой, когда въ разгулѣ зломъ
Вонь изъ шатровъ тѣла живыя ихъ бросали,—
Тѣла, сраженныя лобзаньемъ и мечомъ.

Ты видишь, въ саванѣ весь городъ передъ нами.
Передъ мечомъ твоимъ ничто не устоитъ—
И сами пастыри, сраженные во храмѣ,
Бросали библию, какъ бесполезный щитъ.

Грудныхъ младенцевъ мы копытами топтали
И на подковахъ кровь—вотъ слѣдъ всей жизни ихъ...
Народъ твой, о калифъ, лобзаетъ прахъ синдалій,
Обвитыхъ золотомъ вокругъ славныхъ ногъ твоихъ.

А. М.

РѢКА БЫЛЫХЪ ЛѢСОВЪ.

(Лѣтняя поѣздка по рѣкѣ Камѣ.)

I.

Лоцманъ Терентій.

Жарко такъ, что капитанская собака давно растянулась у рубки лапами кверху и языкъ высунула. Чуть глядитъ и то какъ-то въ полглаза! Палуба пуста. Народъ точно смело. Кто подъ тентомъ корчится на узенькихъ скамейкахъ, заваленныхъ узлами, заставленныхъ сундуками, пестрыми ветлужскими ларчиками, какимъ-то кулемъ. Кто сползъ въ трюмъ и отводитъ душу въ прохладѣ, не смущаясь сосѣдствомъ бочекъ съ нефтью и какихъ-то затѣйливыхъ посудинъ съ ворванью, кто къ матросамъ въ каюту забрался. Только двое татаръ подставляютъ солнцу свои, расшитыя золотомъ, тибетейки, да красно-уфимскій мулла засидѣлся на кормѣ, точно наблюдая: какіе узоры бѣлой пѣны разводять на водѣ колеса быстро бѣгущаго парохода. Татаръ, видимо, проняло. Потъ такъ и льетъ, лица раскраснѣлись, глаза жмурятся. Рубаха на груди растегнулась, ноги босы. Затылки, должно быть, подъ солнцемъ накалились, какъ мѣдныя кострюли на очагѣ.

Вообще парить такъ, что даже матросы словно замерли. Едва ноги передвигаютъ, на что ужъ народъ привычный.

— Жара, точно въ Якутскѣ, замѣчаетъ капитанъ.

Это высокій парень съ громадными лапищами и горломъ, кажется, только для того и созданнымъ, чтобы до смерти оглушать остальное человѣчество. Другой такой экземпляръ развѣ между

архіерейскими протодьяконами найдешь. Грудь—колесомъ, глаза выкатились, точно треснуть хотять, борода и волосы, должно быть, гребенки не вѣдали и не вѣдаютъ. Лицо—изъ самаго прочнаго выростка.

— Экъ вы хватили,—въ Якутскѣ! лѣниво замѣчаетъ кто-то.

— А вы думали Сѣверъ, Сибирь? Да тамъ лѣтомъ такое тепло, что народъ по ночамъ сѣно косить. Я тамъ двѣнадцать лѣтъ пробылъ,—миѣ-ли не звать?

На рубкѣ подъ тентомъ попрохладнѣе. Къ тому-же наверху; отъ движенія парохода вѣтромъ обвѣваетъ. А все-таки жарко.

— Чортъ этихъ дамъ носить сюда! негодуетъ капитанъ.

— А что?

— Разоблачился-бы по простотѣ души, да и только. Въ одномъ-бы бѣльѣ — разчудесное дѣло. Вы думаете легко съ утра выстоять?

Я полагаю, что и дама, бывшая наверху, рада-бы разоблачиться. Раскисла вся, безпомощно переводитъ глаза съ одного на другого, даже пальцы врозь разставила—авось попрохладнѣй будетъ. По образу и подобію толстыхъ коровъ фараоновыхъ сложена. Изъ плеча—окорокъ выкроишь, шея — точно у здороваго ребенка, вся складками, щеки—будто флюсомъ раздуло.

— Вы-бы, сударыня, внизъ сошли? убѣждаетъ ее капитанъ.— Въ каютѣ теперь чудесно.

— Душно тамъ... моченьки моей нѣтъ... Опять-же и офицеръ.

— Какой офицеръ?

— Да Богъ его знаетъ, откуда такой безстрашный проявился. Пужаетъ. Только у него и разговору, что о скоростижной кончинѣ. И то я ему графинъ водки выпоила.

Такъ ее и оставили въ покоѣ.

На небѣ ни единого облачка. Серебряныя искры чаекъ тонуть въ яркой синевѣ. Волга стелется такую-же синью, по которой звѣздятся и рѣжутъ глаза солнечные блики. Устаешь смотрѣть. Соломенные кровли деревушекъ на правомъ берегу—точно золотыя стоятъ. Церкви такъ и вырѣзаются на верхушкахъ холмовъ. Зеленныя облака яблочныхъ садовъ къ самой водѣ сползли и смотрятся въ ея прозрачную поверхность.

На перерѣзъ бѣжитъ пароходшко, — облѣзлый, ошмарканный.

— Тоже пароходомъ зовется. Поросенокъ!

— А что?

— Ни кожи, ни рожи... А капитаномъ тамъ клоунъ служить. Того и гляди — утопить.

— Кто-же опредѣлилъ такого?

— У нихъ въ обществѣ все такъ. Наборщики есть... Богомазь суздальскій, отставной трубачъ... А этотъ прежде въ циркѣ Морозова состоялъ — не понравилось, пошелъ на пароходъ капитаномъ. Тоже командуетъ! Начальство увеселяетъ. Съ рубки внизъ турманомъ порхаетъ и на-лету перекувырнется. А то голову между ногами просунетъ и ходить такъ по палубѣ. Ремесло свое забыть не хочетъ — все хлѣбъ на случай. Кто дѣло знаетъ — прочь отъ нихъ бѣжить. Эдакаго командира навяжутъ!

— А у васъ такого нѣтъ? вступается дама.

— Клоуна-то? Господь хранилъ.

— Жаль... Я-бы посмотрѣла. Все пассажирамъ удовольствіе. У насъ мировой посредникъ одинъ — шпаги глотаетъ — первый гость! Всѣ его за это уважаютъ, а и человѣкъ-то пьяница!

Волга передъ Камой не особенно широка. Устье близко. То и дѣло на насъ надвигаются караваны съ желѣзомъ изъ Лаишева, туда оно сплавляется на ярмарку съ верховьевъ Камы. Изъ Лаишева спускаютъ желѣзо по теченію на баркахъ, которые у устья ждуть кабестанныхъ пароходовъ, доставляющихъ вверхъ по Волгѣ эти грузы на Макарьевскую...

Вонъ одно такое громадное чудовище, съ двумя забѣжками, ползетъ прямо на насъ. Черное все, точно изъ трубы сейчасъ, грязное. Два маленькихъ пароходика-забѣжки, точно собаченки, снуютъ передъ нимъ. То одинъ завезетъ канатъ впередъ съ якоремъ. Сбросить его — другой конецъ капата на кабестанъ. Паровая машина, что неистово пытитъ тамъ, наматываетъ его на валъ или воротъ — недвинется, такимъ образомъ, кабестанъ на якорѣ; другая собаченка-забѣжка уже вытянула впередъ второй канатъ съ якоремъ... Такимъ образомъ, медленно ползетъ впередъ это черное чудовище, влача за собою десять, либо двѣнадцать пузатыхъ барокъ съ какими-то пестрыми пѣтушками на коротенькихъ штопахъ. На палубахъ барокъ сѣрый людъ толпится кучками.

— Нѣтъ бѣднѣй этого народа.

— Почему?

— А вотъ до ярмарки дойдетъ—домой пѣшкомъ, христовымъ именемъ питаюсь, вернется и, въ-концѣ-концовъ, еще хозяину долженъ останется. Зимой опять хлѣбъ понадобится: коли хозяинъ не дастъ—помирай... Кабала! Самое это ремесло подлое!

Чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ безобразныя массы кабестановъ чаще и чаще попадаются на-встрѣчу. А у самого берега—баржи съ солью привалили и стоятъ, парокановъ ждутъ.

— Соль-пермячка! Поди, любимовская?

* Рубка мало-по-малу пустѣла.

Убралась внизъ дама, напуганная офицеромъ, убрался и капитанъ, благо фарваторъ здѣсь извѣстный.

— А это про народъ они правду говорятъ!

Оглядываюсь. Оказывается, безсловесный, до сихъ поръ, лоцманъ заговорилъ.

— А что?

— Да голѣе этихъ судовщиковъ, поди, и татарскаго байчуги (нищій) не найдешь. Точно, что мрутъ.

— Что-же, другого дѣла нѣтъ у нихъ?

— Какъ не бывать—есть. Сторона у нихъ заводская, привольная... Да они по Чусовой живутъ!

— Такъ что-жъ изъ этого.

— У нихъ такъ: кто на какой рѣкѣ осѣлъ, у того и промыселъ такой. На Чусовой—все судовщики, ну, эти и питаются отъ барки! Которые изъ нихъ настоящіе хозяева, кандовыя, тѣ сами строятъ, а эти въ бурлаки бѣгутъ.

— Хлѣба цѣднаго не видать, замѣтилъ лоцманскій ученикъ, стоявшій по другую сторону рулеваго колеса.

Я только теперь обратилъ вниманіе на нашего жоака.

Такъ-себѣ небольшого роста, невзрачный мужиченко... Лицо сѣрое и самъ сѣрый весь... подслѣповатымъ кажется даже. Только потому замѣчаешь, какъ неотступно и зорко высматриваетъ онъ вперед. На близкое разстояніе и не глядитъ—это привычка у него. Заговорите съ нимъ со стороны, онъ повернетъ къ вамъ лицо, а самъ все-таки черезъ вашу голову или мимо вдаль смотреть, куда-то въ синь, въ воздухъ. И все глаза прищурены... Большею частью молчить, но если и разболтается—слова само собою, а глаза и руки свое дѣло дѣлаютъ.

— На свѣтѣ нужи много! — А рука поворачиваетъ колесо и брови хмурятся, видимо, измѣненіе фарватера замѣтили.

— Не избыть ее! — Колесо въ противоположную сторону. — Кому это въ диковину, а нашему брату, рабочему человѣку, сплошь таково-то живется.

И опять прищурился прямо въ ослѣпительно-сверкающую солнечнымъ блескомъ излучину. Трудно даже уловить цвѣтъ его глазъ, хоть и блестятъ они сквозь полусомкнутые рѣсницы.

Ночью или днемъ — онъ одинаковъ. Волга каждый годъ мѣняетъ свой фарватеръ. Кама еще капризна, а лоцманъ идетъ увѣренно, почти не ошибаясь, — тутъ нужна чуткость дикаря американскихъ пустынь. Гдѣ сегодня пароходъ прошелъ свободно, въ слѣдующій рейсъ — песчаный переваль подъ водой, обмелѣетъ любое судно. Лоцманъ все замѣчаетъ, по цвѣту воды, по зыби на ней, по желтоватымъ пятнамъ. Все ему сообразить надо: какія вѣтра за это время дули, куда воду несли, сколько воды было и какъ она падаетъ. Началась мель — слѣди за ней каждый разъ: на сколько она выростетъ, въ какія стороны забрасываетъ свои песчаные языки, а если косою прямо въ русло выѣхала — какъ далеко остріе этой косы легло и въ какомъ направленіи. Новое теченіе себѣ рѣка прорываетъ — никому это невѣдомо, а лоцмана не обманетъ. Дно — онъ точно ладонь свою видитъ, всѣ выпуклины, гребни, морщинки на немъ ясны ему до того, что, умѣй онъ взять въ руки карандашъ, начертить-бы вамъ безошибочно. Нынче вонъ подъ берегомъ словно быстрѣе рѣка бѣжитъ — онъ уже высматриваетъ это теченіе, опредѣляетъ его предѣлы, силу... Значитъ къ серединѣ мель будетъ, если вода сюда такъ яро ударила. Между двумя желтоватыми пятнами на водѣ голубая лента, извилистая, слѣди за ней, это — фарватеръ. А то и вся вода синя однообразно, да подъ самымъ носомъ парохода морщинки на водѣ чего-то трепещутся. Опасность — тутъ мелко, нужно мѣнять ходъ. Знай, каковъ колоритъ въ туманные и солнечные дни! Да днемъ-то ему еще съ полагора. А вотъ ночь придетъ, да еще безлунная, беззвѣдная... Зорко онъ оглядываетъ берега.

— Они инстинктомъ берутъ! серьезно сообщалъ мнѣ старикъ, лѣтъ сорокъ плавающій по Волгѣ. — Удивительно какъ чутко развито у нихъ. Бывали такія ночи на Камѣ: вверху и внизу

темно хотъ глазъ выколи. А мели вездѣ новыя, потому за-суха, вода быстро падаетъ; самъ знаешь, что поперегъ рѣки пере-каты. Что-жь-бы вы думали—ничего не задѣнетъ, цѣль пройдетъ.

— Терентій! ты, должно быть, чорту душу продалъ! попро-бовалъ было пошутить пассажиръ одинъ съ нашимъ лоцманомъ.

— Эвъ у тебя, точно почтовый колоколець, азыкъ невѣсть что мелеть!.. Развѣ можно лоцману про чорта поминать, а какъ онъ меня сомущать начнетъ? Васъ-же напорю на перекасть. Уйди ты, Христа ради. А то за капитаномъ пошлю, чтобъ онъ тебя внизъ уволокъ. Нашего дѣла не знаешь. Тутъ не во-время гла-зомъ мигнулъ—и пропало судно. Мелево несуразное!.. обидѣлся онъ.

— Ты думаешь, мы такъ, на-уру, полземъ? уже потомъ, успо-коившись, объяснялъ онъ.—Сами глядимъ да примѣчаемъ, да по-стоянно у Господа Бога про себя откровенія просимъ, чтобы Онъ, всемогущій, ангела своего послалъ—народъ да хозяйскую посудину эту въ цѣлости соблюсти. Это, братъ, дѣло святое. На этотъ промыселъ идти нужно съ молитвой, а ты про чорта бухнулъ!

Прибавьте, какую память нужно имѣть лоцману, чтобы за зиму не забыть двухъ или трехсотъ опасныхъ мѣстъ, да не только самыя мѣста, но и очертанія ихъ, и береговыя выпуклины, вся-кое угодые, по которому можно сообразить о дальности или бли-зости опаснаго пункта. Въ большинствѣ случаевъ (по крайней мѣрѣ камскіе лоцманы) лоцманъ не грамотенъ, записывать ему не-когда да и не можетъ; все само должно уложиться въ головѣ. Какое напряженіе вниманія!

— Тутъ ничего нельзя забыть. Вонъ этотъ рубчикъ, взмах-нулъ онъ головой на полоску лѣса по одному изъ береговыхъ котловъ, — пропустилъ — и на перекасть сѣлъ. А въ верстѣ отсюда дерево есть, грозой его попортило, тамъ тоже мель, ма-хонькая самая. А вонъ тамъ большой камень у воды—тоже при-мѣта наша.

Чуть только что-нибудь сомнительное, лоцманъ пріостанавли-ваетъ ходъ. Пароходъ начинаетъ идти тише и тише, пока впе-реди матросы шестомъ мѣряютъ воду. Но вотъ дно все глубже и глубже, опасность прошла.

— Скорый ходъ! командуетъ капитанъ сквозь трубу, прове-денную въ машину.

И лоцманъ опять вливается въ даль, высматривая тамъ новыя опасности.

— Наша жизнь самая скучная, самая неприглядная. Намъ лѣтомъ даже водки выпить нельзя.

— Такъ и не пьете?

— Такъ и не пьемъ. Потому—въ ней бѣсъ. Зимой за то отводимъ душу. Мы больше изъ Работокъ. Такое село на Волгѣ есть, слыхаль-ли?

— Какъ-же, былъ тамъ.

— Лѣтомъ?

— Да.

— Это что! Ты къ намъ зимой прѣзжай, тогда весело. Лѣтомъ однѣ бабы у насъ да малыя дѣти. Кто въ судовщикахъ, кто въ лоцманахъ, кто на пароходахъ матросомъ. Всѣ врозь. А зимой съ деньгами ворочаются, зимой пиры въ Работкахъ. Баба—и та пьяная ходить.

— Неужели у васъ бабы пьютъ?

— А для ча ей не пить? Дѣвка—и та веселѣй съ вина, а баба должна съ мужемъ въ согласіи жить. Мужъ пьетъ—и она пей. А лѣтомъ намъ не разгуляться. Одно слово, вотъ и женать, а по пяти мѣсяцевъ бабу свою не видишь.

— За то другіе теперь около нея! пошутить кто-то.

Лоцманъ только умѣхнулся.

— Нѣшто она не человекъ? пояснилъ онъ немного погодя;—ей тоже требуется. Главное дѣло — зимой чтобы хвостомъ не виляла. А лѣтомъ—сколько хопъ; мы за это не въ обидѣ, тоже люди вѣдь.

— А какъ дѣтей нанесетъ?

— Еще и того лучше, все работники въ домъ. Дѣти по матери вѣдь. Давай Богъ поболѣ такихъ батрачковыхъ. Выкормить у насъ есть чѣмъ, хватить, а вырастетъ—насъ кормить станетъ. На это мы добры. У насъ бабѣ лѣтомъ слободно. Въ Работкахъ бабу за ехидство бьютъ, ну а за это—николи.

— А безъ битья нельзя?

— Обычай такой держится. И то хорошіе хозяева не бьютъ. А которые бѣдные, тѣмъ одна утѣха.

Терентій съ собою постоянно таскаетъ сына.

— Къ своему ремеслу пріучаю.

Я присматривался къ этому приучиванью—и не разъ изумлялся. Дѣло въ томъ, что отецъ ничего не объясняетъ мальчику. Тотъ только по-собачьи въ глаза смотритъ Терентію, да когда лоцманъ повернетъ колесо, мальчуганъ слѣдитъ, на что въ данную минуту обращено вниманіе отца. Берега прииѣчаетъ, запоминаетъ ихъ очертанія, съ рѣкою роднится.

— Само ему въ голову вложится. Разовъ сотню пройдетъ—и готовъ лоцманъ.

Оно такъ и выходитъ,—само владывается.

Лоцманъ превосходно знаетъ все, что находится у самаго берега. Деревушка-ли выспала къ водѣ, хуторъ-ли чей, заводъ или просто лѣсная усадьба. Онъ и назоветъ вамъ ихъ, и оцѣнитъ, и расскажетъ. Но чуть подальше отъ берега, хотя оно и на виду,—его не спрашивайте, навѣрное не знаетъ. Такъ на примѣръ, мерещутся у „край-воды“ двѣ избенки, — соломенные кровли, лодка на песчаную понизь вытащена, даже дворовъ нѣтъ.

— Вонъ онъ Мальчухинскій поселокъ стоитъ! Рыбкой народъ промышляетъ, стерледей ловятъ... Бѣдно живутъ.

— А это что, спустя нѣсколько минутъ, указываю я на сверкающее главами многочисленныхъ церквей своихъ большое село, верстахъ въ шести отъ берега.

— Это?.. А и впрямь село!—Точно онъ въ первый разъ увидѣлъ его.—Этого не знаю.

Сынъ копируетъ своего отца и слѣдитъ за нимъ неустанно; даже смотрѣть учится такъ-же, какъ тотъ..Щурится, черезъ головы глядитъ, все вдаль наровитъ разсмотрѣть. И важность напускаетъ на себя до смѣшного. Не улыбнется, а о шалостяхъ разумѣется и не подумаетъ.

— Ишь какой лоцманокъ у меня! хвастается отецъ.

А тому это даже и не лестно. Серьезнѣйшимъ образомъ слѣдитъ онъ за ходомъ судна. Развѣ только замѣтитъ порой:

— Анюткинъ воложокъ правѣй нонѣ, сталь.

Всматривается отецъ.

— И то правѣй... Ишь сколько земли навалило.

— Допрежь вонъ у того дерева шоль.

— Вѣрно... А теперь у дерева песокъ... Льдомъ другой берегъ прорѣзало, туда и пошло... Мягче.

И опять молчаніе. Главное, никакихъ указаній. Примѣръ отца

передъ глазами. Всмотривайся и самъ соображай, почему онъ дѣлаетъ то или другое. Въ шестнадцать лѣтъ этого мальчугу уже на рѣчное судно парусное поставятъ въ помощники лоцману, а года черезъ три изъ него заправскій лоцманъ выйдетъ. Нѣкоторые, наиболѣе осторожные лоцманы изъ молодыхъ, первый рейсъ по Камѣ или Волгѣ каждый годъ „шестомъ проходятъ“ т. е. пароходъ на каждомъ шагу мѣряетъ воду и подвигается медленно. Но и эти всѣ измѣренія запомнить, такъ чтобы уже не прибѣгать къ шестамъ—дѣло трудное и для насъ невозможное.

— Эка Волга пустынная теперь какая, что значить ярмарка далека, ни одного судна не видать! замѣчаю какъ-то я.

— Какъ не видать! Вонъ Колчинскій пароходъ бѣжитъ да три баржи за нимъ, а позади и еще—Самолетскій попыхиваетъ.

Всмотриваюсь и прихожу къ убѣжденію, что Терентій просто-на-просто мистифируетъ. Волга чиста, ни клубка дыму на ней, ни черточки какого-нибудь судна.

— Ничего нѣтъ! увѣренно подтверждаю я... Еще-бы не подтверждать, когда прозрачно-синій горизонтъ такъ ясенъ.

— Да, вонъ... Чего вы, гляньте глазами!

Спустя минутъ пять, дѣйствительно вдали замерещилось что-то, точно запятая, приближающаяся къ намъ хвостомъ вверхъ. Это и оказывается Колчинскимъ пароходомъ съ струей чернаго дыма, выбрасываемой имъ. А потомъ Самолетскій пароходъ показывается въ видѣ второй запятой на прозрачномъ небосклонѣ. Подбѣжалъ ближе Колчинскій пароходъ; дѣйствительно три баржи за нимъ тянутся, повѣивая въ воздухѣ красными флагами и стройно рисуясь на синевѣ Волги. Только разведешь руками. Не только челоуѣкъ различилъ вдали пароходъ, но и разобралъ его примѣты, сказалъ, кому онъ принадлежитъ. Зоркость необычайная и для меня во всякомъ случаѣ непонятная.

— Ему и биновля не надо? сообщаетъ капитанъ.

Подка-ли у берега, корта-ли чуть чуть колышущаяся въ непроглядной дали на волнахъ — все замѣчалъ Терентій. Мальчикъ точно также вырабатывалъ дальноркость, всматриваясь постоянно въ отдаленные изгибы береговъ.

II.

Бичъ лъсовъ.

— Эге... въ Юнгѣ-то видно угостился... Ишь тебѣ шатаеть какъ.

— Не замай.. Ты капитанъ — твое дѣло на рубѣ сидѣть, а я къ тебѣ въ каюту пойду, доспать надо... Сколько день все доспать не могу.

— То-то тебя Юнга ушибла.

— Что такое Юнга? спрашиваю я.

— Вторая Москва у нихъ. На устьѣ Ветлуги село большое; тамъ пристань лѣсная. Тамъ рабочаго люда этого скопляется — что комара на болотѣ. Туда-же и бабы съѣзжаются вереть за сто. Рабочіе здѣсь расчетъ получаютъ, гуляютъ на радости, если хозяева ихъ не обидѣли, а обидѣли хозяева — съ горя пьютъ, ну и бабы около нихъ кормятся. Юнга — это рай для бурлаковъ и прикащиковъ. Ну, вотъ тебѣ ключъ, ступай ко мнѣ — отсыпайся! обратился онъ къ новому пассажиру.

Это было нѣчто вродѣ кабестаннаго парохода — въ образѣ человѣческаго. Атлетъ. Плечи — косая сажень, брюхо на выносъ, голова громадная, борода — гущины необычайной и по поясъ; руки покрыты сплошь бородавками и мозолями. На немъ армякъ, сапоги отъ которыхъ дегтемъ несутъ за версту, рубаха на груди разстегнута, за то голая шея повязана красною орденскою лентой и на лентѣ золотая медаль красуется. Судя по цвѣту ленты, минотавръ этотъ съ нею никогда не расстаётся. Даже закрутилась вся, какъ веревка.

— Хорошъ экземпляръ? обратился ко мнѣ капитанъ. — Сермяга вѣдь, а миліонами ворочаетъ. Медалью величается, а чистой рубахи въ рабочую пору не надѣнетъ!..

— Кто-же это такой?

— Истребитель лѣсовъ.

— Лѣсопромышленникъ?

— Называйте его, какъ хотите, а онъ на своемъ вѣку мало-мало тысячъ двѣсти десятинъ лѣсу перевелъ, да недавно у башкиръ вотъ еще тысячъ пятьдесятъ на срубъ купилъ. Всю жизнь

свою только и дѣлаетъ, что рубить. А вѣдь простымъ дровосѣкомъ былъ, у знаменитаго богача купца Бакаева въ работникахъ жилъ. Только пять лѣтъ тому назадъ азбугѣ выучился, а писать и по сю пору не умѣетъ. „Мнѣ, говоритъ, цифра нужна, — а на грамоту мнѣ плевать. Ты меня въ цифрѣ не обмани“. По Камѣ не мало такихъ притоновъ, которые этотъ бичъ обезлѣсилъ. Онъ одинъ натворилъ здѣсь зла больше цѣлаго поколѣнія другихъ лѣсопромышленниковъ.

— Какъ-же онъ разбогатѣлъ? Отъ дровосѣва, получающаго тридцать копеекъ въ день на своихъ харчахъ, до миліонера путь очень великъ.

— Тутъ какая-то исторія была. Одни говорятъ, что, выкапывая дерево съ корнемъ, кладъ нашелъ. Вѣдь вся здѣшняя сторона кладами богата. Понизовые разбойники, вольница Закамская то-и-дѣло добычу въ землю зарывали. Оно и немудрено найти кому-нибудь случаемъ. А другіе про него говорятъ будто онъ просто раскольника-купца, пробиравагоса въ свѣтъ лѣсными тропами, подстерегъ да и убилъ. Только онъ сразу началъ и шибко. То-и-дѣло, что дачу за дачей покупаетъ да валить лѣсъ. Даже у него ненависть какая-то къ лѣсу пошла. Вы потолкуйте-ка съ нимъ. Вонъ онъ назадъ идетъ.

Чудище дѣйствительно подымалось на рубку. Лѣстница подъ нимъ скрипѣла и стонала, точно живая.

— Парить у тебя въ каютѣ еще пуще!.. Тутъ на легкомъ воздухѣ лягу на скамѣечку.

— А какъ дама выйдетъ?

— Я съ нея воли не снимаю и о насъ меня тоже. Ляжь она — рази я что скажу?

— Я вотъ пассажиру про тебя рассказывалъ.

— Что ты сказать можешь, какой у тебя разумъ? Меня понять мудрено братъ.

— Ишь ты медаль вывѣсилъ да и величаешься.

— Медаль?.. Ты думаешь, я для бахвальства?.. Эхъ, ты!.. Я, самъ, барченку, расскажу про это. По нашему лѣсному дѣлу хорошаго платья носить нельзя, потому я и съ топоромъ, я и въ болотѣ по-колѣно. Сплю, гдѣ Богъ положитъ! Купцомъ не одѣнешься. А сермягу надѣлъ — всякій норовитъ тебя ткнуть куда ни пѣпало, особливо начальство. У насъ сторона дикая, глу-

хая, ну, и начальство у насъ не какъ у прочихъ, а старое. Такого, поди, на Волгѣ не найдешь?.. Ну, а повѣсилъ я медаль—знають, кто я таковъ. И полѣсовщикъ всякую мнѣ льготу предоставитъ, ну, и отъ другихъ мнѣ обиды нѣтъ, все-же я какъ-будто чиновникъ выхожу. Все-же—языцы разумѣйте!

— Неужели вы сами работаете?

— Самъ—вездѣ. Рабочихъ тоже держу, одному со всѣмъ не справиться, и самъ съ ними работаю. У насъ дѣло веселое, хорошее, любое! Свалилъ дерево—обтеши его, обтесаль — сволоки на сплавъ, до рѣки добрался—вяжи плоты въ водѣ. И все-то тебѣ свѣтло кругомъ да радостно. Самъ знаешь—лѣсъ валишь, добро дѣлаешь.

— Это какъ-же! изумился я.

— А рази не добро. Что лѣсъ? царство нечисти всякой, сказано—трущоба, дѣбрь! Кто въ лѣсу живетъ? звѣрь всякій дикій, человѣку не потребный, злое племя живетъ. Дьяволъ въ лѣсу крещеную душу смущаетъ пуще, чѣмъ въ полѣ. А сколько зла въ ней, въ чащѣ зеленой творится.—И лѣсопромышленникъ даже нахмурился.—Смертное убійство, грабежъ, воровство всякое. Приюты тамъ злодѣю уготованы, бѣгляки ходятъ, ножи точатъ. По трущобамъ, да чернолѣсяямъ всякій разбой таится. Что его жалѣть лѣса-то!.. То-ли дѣло нивка, она божья. Гладко тебѣ, чисто, куда не взглянулъ—все точно на ладоньѣ. Нивка — она откровенная, она тебѣ всю округу оказываетъ. Степь то-же—тамъ никто не притаится. Всякаго издали видишь, какой онъ человекъ. Лицомъ къ лицу не подойдетъ къ тебѣ незнамо, неожиданно. Да и красота, какъ понизь ровная тебѣ разстелится; богатство, коли Богъ хлѣба послалъ. А лѣсъ! слыхаль присловье наше: лѣсъ темнѣй—бѣсъ сильнѣй. Вотъ оно, что умные-то люди говорятъ.

— А сколько зла отъ лѣсоистребленія вашего!

И я пустился было ему доказывать это.

— Вонъ оно! Умнѣй Бога хотятъ нонѣ быть. Богъ за грѣхи наши посылаетъ намъ голодъ да холодъ, чтобы мы опомнились, да къ нему Милосердому прибѣгли, а ты лѣсъ. Лѣсъ на потребу человѣку данъ, что-жь его не рубить. И дѣло, тебѣ говорю, веселое. Иной разъ на всю округу одинъ стоишь — рубишь. Вдаришь ты разъ, точно съ тобой весь лѣсъ заговорить, каждое де-

рево тебѣ отзовется, чувствуетъ оно, что на добро ты его валишь. Храмъ божій изъ него воздвигнуть, либо жилье какое, а то на согрѣву человѣческой немощи!.. А то Бога перемудрить хотятъ. Нѣтъ, братъ, Его умнѣй не будешь. Что Онъ даетъ, то и будетъ. Древлѣ, вонъ, сказывали по лѣсамъ идоловъ ставили, что лѣсъ, что капище — все одно значить. Что-жь жалѣть его по твоему?..

— Онъ и зиму и лѣто въ лѣсу, рассказывали мнѣ про него потомъ, — жену и дѣтей бросилъ совѣмъ. Раза два въ годъ наѣзжаетъ. Съ недѣлку проживетъ и опять на промысль. Семья у него крестьянскаго обихода держится. Такая-же изба, только что развѣ побольше, хлѣбопашество, жена сама косить, дѣти тоже къ мужицкому дѣлу привыкають. Вся округа у него въ кулакѣ зажата. Всѣ-то ему должны, процентъ платять, работаютъ на него даромъ. Онъ даже сыновей своихъ въ школу не посылаетъ.

— Какъ такъ?

— Не нужно, говорить. „Я и безъ грамоты деньги нашиль, а вы съ грамотой только проживете ихъ“. Теперь жена тайкомъ стала сынишку къ дьячку посылать, что-же-бы вы думали, узналъ — такъ оттаскалъ ее за волосы, да еще при всемъ честномъ народѣ, съ тѣхъ поръ она полно о грамотѣ думать. А дочку свою въ институтъ свезъ.

Отъ удивленія я переходилъ къ удивленію.

— Въ годъ за нее тысячи по полторы платить. Пусть, говоритъ, всѣмъ наукамъ обучена будетъ, и по-французскому. А потомъ я ее въ деревню возьму, пуцай-де образованная да передъ мужикомъ-дуракомъ покланяется. Мнѣ, что, говорить, надъ вами величаться, вы народъ темный, а я надъ ней надъ барышней величаться начну — это лестно!..

— Вонъ казенный снарядъ идетъ! указали мнѣ на барки съ флагами.

— Какіе казенные?

— А изъ персскихъ заводовъ бомбы, гранаты. Ихъ съ Чусовой такъ безъ перегрузки и волокутъ до Нижняго.

— Близка наша Кама-матушка, кормилица богоданная!

Берега точно прижиались. Лѣвый берегъ Волги совѣмъ къ водѣ припалъ. Весь песчаными понижами на солнцѣ золотится.

Бѣлая полоса пѣны, точно серебряная кайма у золотого поля. Кое-гдѣ—облако роши далекой. И направо силошь зеленѣетъ на-горье. Если не лѣсъ, на который новый пассажиръ алчно заглядывается, такъ сады внизъ сползаютъ. А парить еще круче. Жвара даже татаръ загнала въ вахты.

III.

Старательница.

— Село Богородское!..

Золотыя шапки соломенныхъ кровель—по всей горѣ; улицы прямыя, точно стремглавъ внизъ сбѣгаютъ. Большая церковь посреди села. Кругомъ (должно быть, день базарный) черныя точки лошадей и телѣгъ; много такихъ черныхъ точекъ. Народъ внизу на берегу кипшиа-кишитъ. Какой-то бѣлый пароходъ американскаго типа присталъ туда. Точно вилла на водѣ съ галереями и балконами кругомъ. Десятки мелкихъ лодченокъ чертятъ по Волгѣ. Еще два-три поворота колесъ, и серебряная полоса великой сѣверной рѣки передъ нами — отъроется во всей красѣ своего спокойнаго приволья.

Синѣя уходятъ назадъ каменные обрывы праваго берега. Волга ширится вдругъ. Нѣсколько островковъ на-лѣво, усѣянныхъ чайками-мартышками, точно искры вспыхиваютъ тамъ. Каму не видать за длиннымъ песчанымъ мысомъ. Только мачты судовъ двигаются за нимъ, точно эти суда по землѣ ползутъ къ Волгѣ. Тамъ и вдаль за понизью все теченіе Камы мачтами этими означено. А плотовъ, плотовъ лѣсныхъ—видимо-невидимо. Изъ Камы еще новыя и новыя ползутъ, тихо, лѣниво, скользя по серебряной глади. И всѣ они съ рогожными навѣсами, подъ которыми такъ-же тихо и лѣниво дѣлаютъ свое дѣло ободранныя, неприглядныя плотовщики. Вонъ одинъ такой плотъ ползетъ себѣ, а на немъ единственный плотовщикъ, да и тотъ подъ навѣсомъ лапотъ плететь. На другомъ, подъ такой-же рогожей на шестахъ, раскинулся, подославъ подъ себя армякъ, рабочій—въ чемъ мать родила. Бронзовые мускулы смуглаго тѣла такъ и обрисовываются. Рядомъ большой рыжій песъ валяется; съ какаго-то плота дымокъ

поднимается, — кашу варятъ бурлаки. А тамъ подальше цѣлая семья — двухлѣтній ребенокъ безопасно бѣгаетъ, не боясь на каждомъ шагу свалиться въ воду. Мать дремлетъ-себѣ подъ лучами жгучаго солнца. А ребенку, видимо, весело и привольно; — онъ ярко скользитъ своими тонкими ножками по брусьямъ, рискуя ежеминутно нырнуть въ воду... Волкъ баржи съ солью. Пусто тамъ; весь народъ на берегъ ушелъ и развалился на пескѣ, представляя солнцопеку и безъ того обозженные лица.

Очень красива сбѣгающая внизъ по рѣкѣ изогнутая линія плотовъ. На каждомъ Вятскомъ великанѣ — бревнѣ играетъ солнце; есть что-то праздничное, свѣжее во всемъ этомъ. Такъ и кажется, что до тебя доносится смолистый запахъ лѣса. Воды Камы когда вступаешь въ нее, полнѣе верхнихъ водъ Волги. Медленно и спокойно струится она, точно убаюкивая суда, среди своихъ зеленыхъ понизей. Оглянешься назадъ, сними сливающимися тонами уже выступаютъ обрывы волжскаго берега, а дальше переходятъ въ лиловую кайму, на которой темными пятнами разбросаны села. Богородское сбилось въ одну кучу и чѣмъ дальше уходили мы, тѣмъ все тѣснѣе и тѣснѣе сдвигаетъ оно марево своихъ избъ. Синіе и лиловые тоны ложатся все гуще и гуще — пока вся эта украина не охватываетъ горизонта позади однообразною полосой.

Отличительный характеръ пейзажа — спокойствіе ничѣмъ невозмутимое. Берегъ пока низменъ. Мы идемъ по главному камскому устью. Направо и налево рукава; то они блеснутъ на солнцѣ яркой излучиной, то снова спрячутся и только мачты да караваны мелкихъ судовъ видны на нихъ. По зеленой понизи теплется отраженными солнечными лучами крохотные, чуть замѣтные, но свѣтловодные заливы, гдѣ остались еще слѣды половодья. Озерки, точно клочки голубого неба, разбросаны по луговинамъ. Попадетъ такое озерко на песчаную понизь — точно пятно лазоревой эмали на золотѣ.

Вѣтромъ потянуло, холодкомъ, среди недвижнаго до селе пекла повѣяло. Такъ и дрогнули всѣ отъ радости.

— Сѣверомъ пахнуло!.. Дышется легко. Сразу крѣпче себя чувствуешь. Даже гдѣ-то пѣсня слышалась.

И дѣйствительно, отсюда уже тянутся широкіе пути въ тьму и холодъ — на полуночь. Опять Сѣверъ — и привѣтствуешь его въ

лицѣ этой великой рѣки, этой становой жилы, разносящей жизнь въ глухія бездорожья его величавыхъ пустынь. И рвешься туда, въ эти невѣдомыя захолустья. И чудится тамъ что-то сердцу милое, точно голосъ друга влечетъ оттуда.

И названія встрѣчныхъ пароходовъ говорятъ о новомъ краѣ.

— Вонъ, глядите, „Тагиль“ — буксируетъ внизъ баржи съ солью. Ихъ всегда легко узнать. Глубоко баржа въ водѣ сидитъ — значитъ соль нагружена.

— А вонъ „Сибирякъ“ — пароходъ на-встрѣчу намъ.

Мелькнули мимо еще баржи съ вагонами, которые буксируются въ Пермь, для горнозаводской дороги. Мы скоро ихъ оставили далеко за собою. Нѣсколько рыболовныхъ лодочекъ точно набѣжали на насъ спереди и только-что поравнялись — опять моментально скрылись уже позади насъ. Только и помню въ одной изъ нихъ сидѣлъ ловца, показывавшаго намъ громаднаго осетра. „Авось-де останвятся и купить“.

На правомъ берегу татарскія деревни пошли — Табаево, Епанчино...

— Что тутъ дѣлаютъ татары?

— Хлѣбъ сѣютъ. У нихъ чудесныя земли. А вонъ дальше, русскія села наши, Мансуровское да Мысовское, мало хлѣбомъ занимаются. Славный промыселъ у нихъ — поднимать затопленныя барки. Тутъ и другія деревни этимъ живутъ. Тонутъ больше барки съ желѣзомъ.

— Да неужели этимъ однимъ существовать можно?

— Отчего-же? Деньги хорошія берутъ. Другіе подь Самару уходятъ рыбу ловить, покупаютъ въ Вяткѣ деревянную посуду и сгоняютъ ее внизъ по Камѣ въ Волгу, больше впрочемъ кадки да ведра. Изъ Бѣлой и Вятки — Камой прогоняютъ внизъ ободья, доски, лопаты, скупаемые купцами отъ сплавщиковъ на пристаняхъ. Народъ у насъ промысловой, зажиточный.

— А недоимка? вмѣшивается сумрачный крестьянинъ.

— Какая недоимка?

— Богатство-то гдѣ-же, коли на каждой семьѣ неплатежъ? Капитанъ было задумался.

— По селу дѣйствительно мирофды есть; тѣ богато живутъ, они и пользуются. Ты говоришь, мы барки поднимаемъ, посуду

плавиль внизъ, ободьемъ торгуемъ. Да развѣ мы? Мы тутъ — работники. Наше дѣло наемное. Всѣмъ орудуютъ двое да трое, которые намъ хлѣбъ задаютъ зимой, да деньги на подать въ волостное вносятъ. Мы-бы рады хлѣбомъ заняться, да какъ это сдѣлаешь, коли мироѣды насъ долгами во какъ окружили! Лѣто придетъ — въ поле-бы, анъ нѣтъ, ступай на сплавъ. Весну — сѣять нужно, — ступай вздымать барки. Мы-бы отъ этихъ хваленыхъ промысловъ твоихъ безъ памяти ушли. Татарамъ куда лучше, они хлѣбъ себѣ растятъ, и кабалы не знаютъ.

Пароходъ тащилъ нѣсколько пестрыхъ барокъ. Коньки были особенно щеголеваты, красные пѣтушки — на маленькихъ мачтахъ, даже яркія звѣзды изъ затѣйливо расположенныхъ лучинокъ.

— Это бавалею да мануфактурный товаръ вверхъ везутъ, а сверху мы эти баржи солью или желѣзомъ нагружаемъ. Баржи, которыя желѣзо либо соль внизъ доставать — уже нейдутъ въ дѣло, ихъ разбираютъ.

Стало по-прохладнѣй и народъ выползъ на палубу. Одна кучка особенно обращаетъ на себя вниманіе. Посреди баба рослая, румяная. Отъ хохоту груди такъ ходуномъ и ходятъ. Въ выговорѣ слышно что-то незнакомое, пѣвучее. Задираютъ ее со всѣхъ сторонъ, а ей все не почемъ. Развѣ кто ужъ слишкомъ заденетъ, такъ затылокъ у него затрещитъ подъ широкой лапницей этой камской красавицы. Точно дерево ломаётъ! Мужиченко къ ней подвернулся, тоже видно не потрафилъ.

— Ты что пенишься тутъ? зѣваетъ она на него.

— Полегше, полегше! и ошарашенный кавалеръ къ общей потѣхѣ вылетаетъ вонъ изъ круга.

— Знай нашихъ бабъ заводскихъ! слышится ему вслѣдъ хохотъ развеселой толпы.

— Ай да Марья! при этомъ, разумѣется, слышутся весьма непочтительныя выраженія, отъ которыхъ даже красноуфимскую даму коробить. А у Марьи отъ смѣха лицо такъ и прыщеть. Схватила было она съ рослымъ парнемъ да бросила, не по силѣ ей. Бездѣльная жизнь на пароходѣ, видимо, не по душѣ ей, рада-бы хотя подраться съ кѣмъ; мускулы — любому мужику не уступать; женскаго — только одежда одна. Горланить пуще всѣхъ; голосъ ея покрываетъ гулъ машины и колесъ, рѣзко раздаваясь съ одного конца па-

рохода до другого. По временамъ слышится изъ устъ ея и отборная брань...

— Ай тебѣ не стыдно? изумляется какая-то мѣщанка, вся въ черномъ, съ утинымъ носомъ и узенькими безкровными губами.

— Намъ не когда стыдиться. Наше дѣло *мужское*, работницкое.

— У насъ всѣ такія! объясняетъ толпа.

— По заводамъ иначе нельзя—за мужиковъ стоять.

— А ты все-таки сообрази себя, потому ты—бабочка, а не машинка, настаивала на своемъ мѣщанка.—Ты вонъ какія словечки-то пуцаешь, а это не хорошо, всему женскъ-полу на посрамленіе. Тебя и слушать-то зазорно.

„Бабочка“ только глазами повела на нее и сплюнула въ сторону тоже съ своего рода заводскимъ шикомъ.

— Такихъ и замужъ-то не берутъ, еще недовольнѣе ворчить обиженная этимъ жестомъ черница.

— У меня мужьевъ сколько хошь. Чего, чего, а этого добра не искать стать. И тебѣ уступлю за дешево—бери только. Всѣ здѣсь—во! показала она внушительно кулакъ.

„Утиный носъ“ озлобленно плюетъ и укладывается на подушку.

— Такъ-то лучше! напутствуетъ ее старательница.

— У насъ здѣсь бабы не ваши, наша баба совѣтливая.

— То-то вы ее и бьете, за эту за самую совѣтливость. А ты поди къ нашей старательницѣ сунься. Она тебя проведить.

— Что и говорить, развѣ вы къ настоящимъ кавалерамъ привыкли; вамъ-бы съ вашгеромъ *) только возиться.

— Насъ вашгеръ кормить. Намъ безъ вашгера, что вамъ безъ сохи.

— Смѣлы ужь очень!

— Намъ бояться нельзя. Мы въ одиночку по лѣсамъ золото моемъ. Кругомъ развѣ только волка дожدهмся. А и человѣка встрѣтишь—недобрый тотъ человѣкъ, нужно отъ него отбиваться, постоять за себя. По нашимъ лѣсамъ бѣгуновъ ходитъ, бродяжка изъ Сибири идетъ, бабы они поди годъ не видали, какъ по-встрѣчалъ—сейчасъ лезетъ. Силы нѣтъ у тебя — обидить.

— Ну, поди, съ этой обиды у васъ не кручинятся?

*) Вашгеръ, деревянный приборъ, для промывки золота.

— Какъ не кручиниться отъ насилья. Коли золота что намыла да съ собой захватила, отнять; еще и наругаются всячески. Тутъ ужъ не упротивишься, молчишь, за обидой не гонишься; скорѣй бы ослобонили только. А все привольнѣе нашей жизни нѣтъ.

Зорко присматривался я къ старательницѣ.

Какое сходство съ Кольскими женщинами, промысляющими въ океанѣ! Та-же сила, та-же смекалка, та-же отвага и та-же бажущаяся распущенность. Горнозаводскіе типы пока были мнѣ въ диковинку, поэтому я и не могъ пропустить мимо одинъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ, тѣмъ болѣе, что старательница попалась не изъ заурядныхъ.

Прежде всего, что такое старатели?

Уральскіе крестьяне часто уходятъ въ даль и глушь, углубляются въ пустынные лѣса искать тамъ золота. Съ ними вашгеръ. Нашли россыпь и давай промывать его въ одиночку или семьями. Золото, которое добыто такимъ образомъ, сдается владельцу участка по довольно высокой цѣнѣ. Вотъ эти-то вольные, не по найму рабочіе и называются старателями, а работа ихъ старательской.

— Иные и дичаютъ совсѣмъ!

— Съ чего?

— А какъ мѣсяцевъ пять проведутъ въ лѣсу, назадъ вернутся—точно ихъ ушибли чѣмъ. Слова не добыешься.

— Ну, по этой старательницѣ незамѣтно.

— Да и тѣ потомъ оправляются. Съ перва-на-перво зауятъ—и пройдетъ.

— Поди, выгодное дѣло ваше? обратился я къ горнозаводской „бабочкѣ“.

— Какъ не выгодно! Одинъ день сытъ, а два голодень.

— А при удачѣ?

— И при удачѣ помрешь безъ хлѣба. Наше дѣло такое—въ лѣса зайдешь, ищешь-ищешь золота, все, что съ собой, проѣшь и ворочайся домой, корой сосновой да ягодой лѣсной питаешься. А подасть тебѣ Господь, попадешь ты на россыпь—еще и того хуже, домой идти жалъ, не бросить-же ее желанную, а ѣсть нечего. Ну и работаешь! чернику ѣшь, голубику, всякую травку узнаешь. Силки на птицъ ставишь, коли попадетъ что—сыта...

Тутъ хошь фунтъ золота нарой, а голодна будешь. И не веселое же дѣло наше! Не надъ тобою кровля, ни тебѣ защиты; тутъ-же въ ямкѣ у розсыпи и спишь. Дождь пойдетъ—только жмешься. Медвѣдъ мимо бредеть и дыханіе у тебя захватить, потому чѣмъ ты отъ него отобьешься? Силы и у мужиковъ не хватить. Теперь я стала только съ ружьемъ ходить на это дѣло, ну и ободряешь себя.

— Да развѣ ты стрѣлять мастерица?

— Во! Да я сколько дичи себѣ настрѣляю! Съ ружьемъ вольготно!

— Ты, вонъ, говоришь, удача! Иной разъ удачу эту самую проклянешь. Безъ нея ушель-бы, а тутъ жадность въ тебѣ. Первое время какъ на работу уйдешь, пѣсни поешь, самъ съ собой говоришь еще, а потомъ дико станеть, точно это кто другой около тебя разговариваетъ. А если погромче, нечисть всякая начнетъ тебя дразнить, пѣсни твои перехватывать. Ночью и того хуже. Случается и на работѣ натомишься, а не заснешь никакъ. Со всѣхъ-то сторонъ тебя охаживаютъ *они*. Гдѣ захохочетъ, гдѣ такъ обликнетъ, гдѣ это ребенокъ заплачетъ, а то точно кого ножомъ рѣжутъ. Прижмешься къ землѣ сырой, уши зажмешь да и взмолишься: Господи! вызволи ты меня, сохрани! Такъ и маешься до самого утра. Такое время бываетъ, когда *имъ* дано, полная воля *имъ* мутить души христіанскія. Звѣра да нечисти всякой боишься, а человекъ еще и того хуже. Коли онъ сильнѣй тебя, нахрапомъ норовить золото отнять, а слабѣй—хитростью да лубавствомъ дѣйствуетъ, словно отъ вора лютаго бѣжишь отъ него прочь. Ты вотъ про себя подумаешь: вретъ-де баба, а я тебѣ какъ передъ истиннымъ Богомъ: разъ это медвѣдъ на меня въ лѣсу напалъ. Ну, и повалилась я, не дышу. Давай онъ меня катать по землѣ то одной лапой, то другой; каталъ, каталъ да и бросилъ. Ушелъ за деревья. Вскочила я да бѣжать. Слышу что-то за мной топъ, топъ! Глянь, а это опять онъ самый. Я опять плашмя. Ну, думаю, конецъ пришелъ. Всѣ старыя грѣхи припомнила. Нѣтъ, обошелся, покаталъ, пошутнилъ и прочь пошелъ. Я и ни съ мѣста, лежу. Къ вечеру опять пришелъ, понюхалъ, поурчалъ, рядомъ легъ. Самъ лежитъ, а лапой нѣтъ-нѣтъ да и толконетъ. Обмерла я совѣмъ. Скорѣй-бы ужъ смерть! Да, слава-Господу, олень подвернулся шарахнулся онъ въ чащу и звѣръ за

нимъ, такъ и ослобонилъ меня. Вотъ она какая жизнь наша! А сколько такихъ, продолжала она,—что и совсѣмъ пропадаютъ въ лѣсахъ нашихъ. Имъ вѣдь, дебрямъ этимъ, конца-краю нѣтъ, и онѣ отъ заводовъ подалѣе, потому заводы добре лѣсъ ѣдятъ. Изъ нашего села мужикъ одинъ на старательскую работу пошелъ. Мѣсяцъ, сказываетъ, бродилъ, вдругъ въ одномъ чернолѣсьи наткнулся на вашгеръ. Лежитъ вашгеръ, вокругъ розсыпъ, видимое дѣло, кто-то работалъ; давай искать, въ кустахъ человѣкъ лежитъ, затылкомъ еверху. Пугнулъ онъ его, громко окликнулъ;— не шевелится; ближе подошелъ—смордъ. Съ голоду, вишь, померъ, руки оглоданы. А около него мѣшочекъ золота, такъ фунта два поди насбиралъ парень. Такъ стали потомъ ладиться, кто да кто, и ничего не узнали: кто и откуда.

— За то какъ золота много намоешь да домой вернешься — благодать.

— Благодать, да не съ того хвоста.

— Да вѣдь на другомъ дѣлѣ столько не зарабатываешь?

— Да за то возьми ты хоть желѣзный заводъ, ну все-же ты полтину въ день получишь, коли мастеръ? А тутъ вотъ хопъ: я въ послѣдній разъ три мѣсяца въ лѣсу прожила, на шесть цѣлковыхъ золота намыла; ну значитъ совсѣмъ съ голоду помирать пришлось, да изба выручила.

— Это-же какъ?

— А лишняя у меня изба была. Ну, продала я ее на заводъ на срубъ. У нихъ на заводѣ лѣсу недохватъ, каждому полѣну радъ, такъ я съ братанами повалила избу да на дрова ее сплошь и извела. Полтораца цѣлковыхъ съ завода выручила. А и удача—перво-на-перво тебя въ конторѣ заводской управляющей господскій обсчитаетъ, а второе — нашему старателю супротивъ другого рабочаго вятеро пропить надо, а то и разума не вернемъ, всѣ одичавши будемъ. Только послѣ перепоею и очувствуюсь.

— Что-же ты на другую работу не пойдешь, коли плохо?

— А тянетъ. Кто разъ на наше старательское дѣло пошелъ, тотъ человѣкъ пропащій, мѣсяцъ и другой въ селѣ проживетъ — скучать да тосковать по лѣсѣ станетъ. Такъ его точно кто тащить туда, все бросаетъ, отъ всего отступается, а въ дебрь опять уйдетъ. И тамъ въ трещи этой лѣсной жутко, а все его манить туда. Никакъ намъ безъ лѣса не прожить. Хотя ты што.

Когда господскіе были, случалось управляющіе запрещали ходить на старательскую работу. Не слушаются; въ бѣга пойдутъ. Изъподъ затворовъ скрозь рѣшотки уменуть. Приволье-ли, а то, можетъ быть, и лѣсъ заколдовалъ насъ, морокомъ обошелъ, а только на міру не ладится старателю.

Табаево—село татарское все ближе и ближе. Деревянная мечеть, точно домъ. Деревянный минаретъ весь на виду. Тесомъ крытыя кровли и стѣны избъ. Зажиточно, чисто живутъ.

— Отчего русскія деревни хуже?

— А не задача. Татары здѣшніе господами осѣли. Табаевцы дома на подушкахъ сидятъ. Варено всякое у нихъ—дай Богъ чиновнику. Хлѣбъ у нихъ черный, чудесный. Въ Епалчиной много грязнѣе, тамъ и соломенные кровли на амбарахъ и службахъ.

Около Табаева веселая рощица; точно изумрудное пятно на желтой поници берега.

— Глупый народъ! злится лѣсопромышленникъ.

— Почему?

— А что толку имъ отъ рощи, чего они ее берегутъ. Я имъ пять тыщей давалъ. Вѣдь это—дубъ все! Какое дерево-то, только свали!

Минаретъ точь-въ-точь голубятня, только гораздо больше и съ острымъ шпиремъ на верху. Очень красивъ онъ на солнцѣ.

— Это изъ здѣшняго лѣса строено?

— Нѣтъ. Они изъ казны и у меня лѣсъ берутъ, а своего не трогаютъ. Жадность у нихъ большая.

Татары видимо умнѣе и распорядительнѣе насъ, какъ это ни обидно нашему національному самолюбію. Сосѣдніе русскіе крестьяне сплошь вырубилъ свои лѣса, а татары каждую маленькую рощицу сберегли.

Послѣ гористыхъ береговъ Волги низменныя, спокойныя окраины Камы производятъ впечатлѣніе чего-то добраго, давно знакомаго, милаго сердцу. Пахнеть цвѣтами. Далеко-далеко смутно мерещится кайма казенныхъ лѣсовъ, точно тамъ края облаковъ прорѣзались и синѣютъ на небосклонѣ. То-и-дѣло встрѣчаются бѣляны съ ободьемъ и мочалами—видимо послѣдніе дебри лѣсныхъ изводятся. Все гуще и гуще обноситъ ароматомъ.

— Откуда это?

— А на противоположномъ берегу табаевцы пчельники дер-

жутъ. И хорошіе пчельники. Первые мастера на это татары. Медъ въ Лаишевѣ да Богородское шлютъ, деньги огребаютъ. Только липовыхъ медовъ нѣтъ здѣсь.

— Ну, а народъ каковъ?

— Народъ хорошій, честный. Слово вѣрно держать. Не пьющи. Къ русскимъ точно братья, какъ родного въ своемъ домѣ примутъ, только въ мечеть къ нимъ не ходи—этого не любятъ. Особливо къ пріѣзжему крестьянину ласковы. Чиновника не любятъ. Ну, а нашъ братъ попадетъ къ нимъ—первый гость. „Янчекъ не хочешь-ли, молока, меду“, всемъ радъ тебя угостить. Душевный народъ, что и говорить! Не токмо тебѣ, лошади твоей угодить радъ. Одно у нихъ—чай не нашъ, кирпичный, хоть и изъ самоваровъ пьютъ его. Коли ты у него не поѣшь—обидишь его и потомъ онъ къ себѣ не приметъ. Ты, говоритъ, гордый, поди ищи у другихъ ночлега. А коли ты его у себя угостилъ разъ—вѣчный другъ онъ тебѣ. У нихъ хорошо и работникамъ нашимъ. Что сами ѣдятъ, какъ сами живутъ, такъ и батраку; точно сына держать. Только-что вѣра у нихъ своя, а то всехъ народовъ сердечнѣй. Денегъ нужно—русскій не дастъ, а татаринъ дастъ. Отдашь ты ему въ сровъ и еще приходи. А не отдашь, либо обсчиталъ его—гнушается онъ тебя, что пса. На слово даютъ. Только не обмани.

На первой-же пристани цѣлая толпа этихъ татаръ сѣла на пароходъ.

Чѣмъ дальше по Камѣ, тѣмъ прохладнѣе и легче дышется. Солнечный блескъ не такъ ослѣпительнъ, дали—прозрачнѣе. Глазъ замѣчаетъ и линію какихъ-то горъ за каймою синихъ облаковъ и чуть мерцающее въ сѣрой дымкѣ озеро на-право.

А нагорный берегъ Волги еще не пропалъ. Только онъ весь чернымъ кажется, точно тамъ назади залегла грозовая туча.

И все спокойнѣе, все привольнѣе—берега этой когда-то лѣсной рѣки.

IV.

Вѣчный лѣсовикъ.

На невысокое крутоярье, видимо, богатое село выспало. Все изъ хорошаго, кондоваго лѣсу строено, тебѣ—богатѣйшій. На

самою припекѣ—мечеть деревянная. Къ самому берегу пропасть подчалковъ черныхъ привалило, каждый съ полъ-бѣяны будетъ. Цѣлыми горами навалено на нихъ мочала, кудей, рогожь, ободь-евъ; далеко идемъ—а смолистымъ запахомъ свѣжаго луба такъ и обноситъ. Промыселъ самый чистый, здоровый! По рѣкѣ Бѣлой, да по верховьямъ Камы съ весны заготавлиются эти грузы. Цѣлыя села сплошь изводятъ лѣса на деревянную подѣлку всякую. Однѣ артели лѣсныхъ великановъ обдираютъ, другія въ это время бѣяны сколачиваютъ. Видимо, еще много остается досужаго времени, потому что на судахъ штоки съ узорчатыми пестрыми звѣздами поставлены, вездѣ рѣзные пѣтушки да коньки. Мало разлапистое судно сколотить. На дальнемъ сѣверѣ, на Двинѣ, тѣмъ-бы и довольствовался промышленникъ да судорабочій, а тутъ и требованія вкуса являются. Вездѣ украшенія, рѣзной работы нѣтъ—какая-нибудь птица-сирень на носу красуется, либо звѣрь изображенъ охрой, да такой звѣрь, что любой зоологъ его не опредѣлитъ.

Берегъ въ одномъ мѣстѣ прорвался, въ ложбинѣ зеленая даль померещилась, все поля хлѣбородныя. Пропасть высѣваютъ тутъ зерна татары. Рѣдкій изъ нихъ на сплавъ при караванѣ пойдетъ. Далекъ отъ своего мѣста никто уходить не хочетъ. Русскій сплошь подальше норовитъ уменуть отъ сладкаго житія, со-слѣпа въ лѣса ударится, либо съ верховья Камы въ Астраханскую Украину кинется. Что ему милаго у себя? Голодовка да нужда лютая. А татаринъ обстроился прочно, поле у него чудесное, дома—благодарить; его и не стонишь на отхожій промыселъ. Еще на перегрузку желѣза въ Лаишевѣ, по сосѣдству, онъ, пожалуй, не прочь, внизъ до Богородскаго дойдетъ охотно тоже, а дальше—ни за какія деньги! Поди по немногимъ татарскимъ деревнямъ, созови народъ на работу: кто на сплавъ покрутится?—навѣрно нашъ. Русскіе между татарскими селами тоже гнѣздами осѣли, отсюда и гонить ихъ безкормица на великую нашу рѣку Волгу. Все ищутъ, гдѣ-бы имъ горе свое избыть, куда-бы руки свои неустанныя за продать... И вѣдь пьянства здѣсь, собственно говоря, мало. Запой есть—а пьянства нѣтъ. Возьмите сѣвернаго норвежскаго крестьянина: онъ вамъ изо дня въ день пьетъ, а въ мѣсяцъ рома своего выпьетъ больше, чѣмъ камскій крестьянинъ за цѣлый годъ. Но первый и ѣсть хорошо при этомъ, пьянъ не бываетъ, а русскаго на-веселѣ здѣсь не встрѣтишь; либо онъ сумрачно трезвъ,

либо онъ мертвецки пьянъ. Я повторяю: постоянного пьянства нѣтъ, а запой ушибаетъ ихъ!..

Наконецъ, и лѣса показались. Выступами, зелеными облаками въ рѣку входятъ они свѣжіе, чистые, хорошіе. Въ сѣрый день теперь они красивы, что-же подъ яркимъ солнцемъ, когда они въ изумрудномъ блескѣ своемъ стоятъ надъ этою изумрудною рѣкою! Кама тутъ очень извилиста; но на самыхъ узинахъ и лукоморьяхъ теченіе почти незамѣтно. Точно остеклѣла вода. Вездѣ протоки, рукава или воложки, какъ называютъ ихъ здѣсь. Мы сокращали путь часто на 16, 18, 20 верстъ, проходя ими и оставляя главное кондовое русло въ сторонѣ. Очень красивы на бархатистой зелени луговъ голубые и серебряные щиты озеръ—слѣды еще недавняго разлива. Еще красивѣе проточкины воды отъ одного щита къ другому; самыми прихотливыми зигзагами вьются они по равнинѣ или черточками блестятъ тамъ, гдѣ нѣжная зелень только что опушившихся раинъ заслоняетъ эти промоины отъ взгляда.

— Вонъ *коренная* Кама пошла, указываютъ мнѣ на-право.— А это мы по новому воложку полземъ. На Камѣ ходить легче съ пароходами и судами, чѣмъ на Волгѣ, особенно отъ Сарапула вверхъ.

Несмотря на кажущееся спокойствіе Камы, она очень быстра. Хотя глазу и незамѣтно. Воложки то и дѣло погибаютъ, эти загибы здѣсь *поворотистыми* зовутся. На берегу у самыхъ поворотовъ шалаши рыбацкіе поставлены, видимо, на такихъ излучинахъ рыба бойчѣ ловится. По берегу бурлаки тянутъ бичевою грузныя суда и многострадальныя, вытѣсненныя съ Волги, тутъ по безлюдному простору между Елабугой, Чистополемъ да Ланшевымъ поютъ они свою пѣсню, „подобную стону“, да проклиняютъ пароходы, которые в этотъ жалкій кусокъ хлѣба отнимаютъ у нихъ. Бурлачества здѣсь скоро совсѣмъ не будетъ, но не радуется этому голодный прикамскій людъ. Страдная работа, да все-же кормилица. А куда-же потомъ уйдутъ цѣлыя села, промышленныя бурлачествомъ? Какъ и желѣзная дорога, такъ и пароходъ, для торговли и промышленности, т. е. для большого капитала—благо, а народу отъ этого не лучше.

— Опостылѣли намъ промысла наши! жалуются прикамскіе Микуды Селяниновичи.

— А что?

— Да пароходы насъ ушибли!.. Цѣнь не стало. Теперь и на хлѣбъ не собьешься. Купцу вальготно, чиновнику еще и того лучше, а намъ жутко отъ нихъ. Прежде сколько наживы по рѣбѣ было, теперь все къ мироѣдамъ отошло. Чѣмъ больше пароходовъ этихъ, тѣмъ и нужды крестьянской больше!..

— Экъ матушку нашу оголили!

Оглядываюсь. На палубѣ рядомъ со мною старикъ-крестьянинъ. Длинные сѣдые брови почти глаза закрываютъ. Какая-то пожелтѣвшая борода. Вѣтеръ треплетъ во всѣ стороны рѣдкіе клочья волосъ на головѣ. Стоить, понурясь—видимо, дряхлость одолѣла... Даже и дышетъ хрипло, точно грудь съ натугою выдавливаетъ воздухъ.

— Несосвѣтливое царство лѣсное было тутъ... Точно океанъ-море, шумѣло, зеленое...

— Это по Камѣ-то?..

— По ней, по родимой. По бережку стѣнной стояла пустынь-дремучая... Давно это было...

— А какъ давно?

— Я и сосчитать не могу. Много мнѣ годовъ-то, а мы все по лѣсамъ, все по лѣсамъ... лѣса рубили—и я уходилъ... Родился около Манасеиной деревни, а теперь версть за тыщу живу; какъ лѣсное царство отходило отсюда, такъ и я съ нимъ. За опушкой—не житье. Мы исконные, по всему нашему роду, коренные охотники. Да, хорошо тутъ было тогда! Кама не то, что нонѣ: ни одной мели—яро, грудью вздувалась, такая-ли глыбъ омутистая была. Въ ино мѣсто и солнцу хода не было сквозъ зеленую темь лѣсную. По узинамъ посередь лѣта холодокъ стоялъ; и что тутъ птицы, что тутъ звѣря по чернолѣсью таилось... отошло времячко... Пришли магоги проклятые съ топорами и давай изводить красу болоданную. Спервоначалу по берегу валили—стонъ по Камѣ пошелъ, а потомъ и въ самую дрѣму прошли—ишь оголили какъ! Коли роца какая осталась—такъ на диковину.

— А вонъ еще лѣса стоятъ...

— Какіе это лѣса—поросли, молодятники! Это-ли лѣс! тутъ вѣсками выросло каждое дерево, что старорусскій еондовый бо-

гатырь, тучки подпирало, корни отъ себя и по землѣ и подъ землей толще нонѣшняго дерева выметывало! Какой это лѣсъ! Чуть вѣтромъ повѣяло и разшумѣлся онъ. Это-ли лѣсъ! Во оны времена, бывало, по опушкѣ съ ногъ вихремъ валить, а въ глыбѣ лѣсную уйдешь, точно замерло все тамъ—листь не шелохнется. Тянь такая! Развѣ подъ звѣремъ гдѣ старая падань шуршитъ. Были лѣса! Снизу вверхъ глянешь—неба невидно; точно ты подъ кровлей зеленой, развѣ гдѣ солнышко пробьется да жаркимъ золотомъ густолистые обольетъ; словно въ церкви, идешь ты, точно Богъ надъ тобой невидимо—и радостно и страшно, потому окрестъ тебя таинство!

— А около деревень какъ было?

— Села наши по чернолѣсьямъ таились. Народъ тутъ по старой вѣрѣ ютился. Онъ себя эфтимъ лѣсомъ, что тучей черной облакивалъ, оттого и старыи кондовый обычай здѣсь въ сохранности держался. Мы по зарубкамъ отъ села въ селу ходили, дорогъ этихъ не было. Коли кто нашихъ зарубокъ не знаетъ—пропадомъ-пропадетъ. Лѣсное царство изморомъ его донимало. День идетъ, два идетъ, три идетъ, а то и цѣлыя седмицы—голосу человѣчьяго не слышно, просвѣта сквозь лѣсъ не видно, прогалинь нѣтъ, какъ нѣтъ. Все стволы сѣрые внизу, да зеленая туча вверху; ну, бывало, изморится, ляжетъ на сыру землю и помираетъ. Сколько такихъ встрѣвалъ а!

— Съ голоду, поди, умирали?

— Наше лѣсное царство изморомъ брало, а голодомъ не мучило, потому вездѣ грибовъ, ягоды этой до страсти. Пить захочешь—ручьевъ подъ корнями не мало. Иного не видишь, только слышишь, какъ онъ булькаетъ. Ищешь, ищешь, гдѣ—едва сквозь моховину до него дорвешься. Посередь лѣса какія озера стояли—рыбныя да богатныя.

— Гдѣ-же теперь эти озера?

— Лѣсъ убили и лѣсное богатство ушло. Озера не сами по себѣ. Каждому Богомъ указано ручьями питаться. Деревя не стало—ручьи высохли, ручьевъ не стало и озера въ земь ушли, только пади еще гдѣ съ топью болотной стоятъ. Тутъ что! Проточныя озера были, стерлядь въ нихъ водилась, налима—рѣчная рыба и та гашивала по озерамъ, судакакъ былъ, лещъ, язи. Бѣло-

рыбицу и ту лавливали,—случалось, по два пуда; осетръ—на что ужъ царь-рыба—въ тую попадалъ. Теперь и Кама-то такой рыбой оскудѣла, а по озерамъ ея каша-кашей стояло!

— Тутъ съ нами ѣдетъ одинъ лѣсной промышленникъ: похваляется онъ, что на своемъ вѣку нѣсколько сотенъ тысячъ лѣсу свалилъ.

— Бога у нихъ нѣтъ, племя природо! Ему нажива, а народу раззоръ одинъ. Нѣшто понимаетъ онъ, злодѣй, что лѣсъ, что храмъ—все едино. Господь невидимо предстоить тебѣ. Чаща лѣсная злодѣевъ праведниками дѣлала. Молчишь въ ней годы и все-то тайное передъ тобою, словно въявь и вольное, и невольное всякое прегрѣшеніе! Ну и казнишься ты, и каешься. Святые отцы по лѣсу спасались, подвижники и стратиги наши отъ никоніанскихъ гонителей въ зеленое царство сюда уходили и тихую пристань обрѣтали, мати-пустыню ласковую. Селами да поселками жили мы тутъ и не было у насъ ни татей, ни убивцевъ! Безъ закона жили, а по правдѣ! Властей у насъ не было, остроговъ да темницъ мы не знали, не вѣдали, какое-такое злодѣйство на свѣтѣ водится. Вотъ оно какое царство лѣсное, потому нельзя тебѣ страсти своей подражать въ немъ, давить тебя оно; только ты дурное задумалъ—загудеть надъ тобою и смиряешься, Бога увѣдаешь! Чуешь, что зрить онъ тебя отсюда! И житіе у насъ было безъ богатства, но и не скудное. Народъ работу любилъ, потому по лѣсу этому на себя работалъ. Деньги здѣсь, что листва опа-лая: ничего ты съ ними подѣлать не могъ, ну и поэтому по самому мироѣдства и въ заводѣ не было. Всякій на себя *страдавалъ*, да на семью свою. Въ пустынномъ житіи этомъ душеспасеніе было, что въ кельѣ монастырской. Старымъ истовымъ обычаемъ жили, въ покорности да послушаніи!

Въ одинъ день два такіе типа! Равнинная, полевая Русь въ лицѣ истребителя лѣсовъ и Русь лѣсная, былинная, Русь заугольничковъ въ этомъ дряхломъ старикѣ. Толстое брюхо, сила, мироѣдство, скопидомство, съ одной стороны—ветхость, слабость, съ другой. Одинъ типъ настоящей минуты, съ его любовью къ наживѣ, ненавистью къ темному лѣсу, промышленной сметкой и ежовыми рукавицами; другой—послѣдній могиканъ, вымирающій отшельникъ, съ его любовью къ тихому и мирному житію посреди зеленого царства, съ его равнодушіемъ къ наживѣ. Въ

одною жадностью безпредѣльная, жадность, доведенная до того, что, принимая отъ своего подручнаго деньги за лѣсъ и пересчитывая засаленныя бумажки, онъ дрожалъ надъ ними, при нѣхъ напустился на прикащика, зачѣмъ въ тридцати тысячахъ пятнадцати копѣекъ, которыя тотъ проѣлъ на хлѣбѣ, не хватило; въ другомъ — непониманіе силы денегъ, даже ненависть къ этой „печати антихристовой“. Одинъ, встрѣчая преграды, ломаетъ ихъ, и идетъ на-проломъ впередъ; другой отъ нихъ бѣжитъ, въ глушь прячется и ступевывается. Одинъ считаетъ лѣсъ царствомъ зла и неправды, притономъ злодѣевъ, обителью грѣха; для другого дремучая тущоба — храмъ Божій, царство труда и правды! Большихъ контрастовъ въ одинъ день, на одномъ и томъ-же маленькомъ камскомъ пароходѣ встрѣтить было-бы трудно.

— Неужели между вами злыхъ вовсе не было? спрашиваю у старика.

— А чего намъ не доставало? Наши лѣсные поселки отъ злыхъ-то и хоронились, мы сами отъ нихъ спасались... Приходили и къ намъ люди невѣдомые... Только не злые, а ожесточенные. Живали съ нами; въ первый годъ лѣсъ и у нихъ душу мягчилъ. Кто къ намъ бѣжалъ? Съ желѣзнаго завода рабочій отъ недобрыхъ управителей уходилъ, съ соляныхъ варницъ Усольскихъ, отъ кнутовъ хозяйскихъ, странный человекъ спасался, изъ городовъ грѣшникъ бѣжалъ.

— Какой грѣшникъ?

— А несчастный! Съ голодовки преступить заповѣдь божью — его въ темницу, а изъ темницы онъ къ намъ.

— И такихъ принимали?

— „Придите ко мнѣ всѣ обремененные“, — сказано, какъ-же не принять-то. Чѣмъ онъ не человекъ? душа слабая, совратилась; да вѣдь въ городу она совратилась, гдѣ бѣсъ силенъ, гдѣ искушеніе кругомъ, соблазнъ. А у насъ соблазну нѣтъ; дикимъ звѣремъ спервоначалу бывало глядеть, стороной; а какъ увидить, что мы поселники лѣсные съ открытымъ сердцемъ къ нему, ну и самъ за работу пріймается. Изъ забѣглыхъ воровъ у насъ цѣлыя семьи стояли; что-жь-бы ты думалъ, — честиѣе да добрѣе народа не было... Вотъ оно каково!

— Что оно каково?

— А лѣсное царство наше... Гонимые шли къ намъ, ну и обрѣтали повой, сердце у нихъ и приростало къ житію нашему. Не спрашивали мы откуда? Самъ скажетъ—хорошо, нѣтъ—молчи. Что чужую душу выматывать! Мирно жили... И все наше мирное житіе и мати-пустыня богоданная отъ топора пропали. Приходили люди наживные, смотрѣли лѣса наши да съ опушекъ начинали валить ихъ. Какая деревня прежде совсѣмъ въ дремѣ стояла, глянь—на опушку вышла, а черезъ годъ и совсѣмъ поля кругомъ, лѣсное царство дальше уходило. Ну, которые остались, по-новому жить начали. По рѣкѣ суда пошла, на суда покрутились, стали люди наживные артели нанимать лѣсъ рубить, царству своему измѣнили, въ артели пошли. А которые вѣрные были, вмѣстѣ съ лѣсомъ уходили. Врубаются люди наживные въ лѣсъ, а вѣрные прочь еще дальше отходятъ... Удались отъ зла и сотворишь благо!.. Такъ и я. Знаешь-ли, сколько я себѣ избѣ ставилъ?

— Ну?

— Не много, не мало — дванадцать. Уйду отъ топоровъ ихнихъ, поставлю себѣ свѣтелку въ лѣсу — черезъ годъ топоры опять звенять по лѣсу. Дальше уйду, новую себѣ келію строю — году не избыть, опять наживные люди... Такъ я до пропасти избѣ этихъ за собой оставилъ... Вмѣстѣ съ лѣсомъ вверхъ по Камѣ шелъ, а подъ старость всю Каму-матушку нашу безъ красы ея богоданной, безъ лѣсу увидѣлъ... Привелось еще дальше уходить... Вѣдаешь-ли Косьву-рѣку пустынную?

— Нѣтъ.

— Въ Каму бѣжить гремучая да свѣтловодная. По ней я въ самый верхъ на Уралъ-камень поднялся. До Павды дошелъ, тамъ въ лѣсу и ѡживаю... Последнюю тяготу свою ношу!.. Только и Косьва-рѣка уборъ свой дѣвичій терять начала.

— Тоже лѣсопромышленники пришли?

— И туда люди наживные врубались... Только до Павды нашей не дойти имъ скоро... Какъ жилъ, такъ и помру въ лѣсномъ царствѣ, а дѣтямъ моимъ, пожалуй, и лѣсу по всей землѣ русской не увидѣть!.. Все изведутъ... все сгинетъ. Горе тогда будетъ лютое!.. Не избыть гора этого. Оскудѣютъ рѣки, моря иссохнутъ, какъ болота въ засуху, земля хлѣба не дастъ, трава прахомъ разсыплется... Пойдутъ зимы безъ снѣгу, лѣто безъ дождя... И

восплачутся люди наживные по нашему царству зеленому, по лѣснымъ пустынямъ, порубленнымъ да-пожженнымъ!.. Что ихъ капитали тогда?.. Тучка господная за деньги не придетъ... Деньги въ землю не посѣешь... Древле Моисей изъ скалы воду источилъ жезломъ, а нынѣ, за безуміе наше да слѣпоту, и чудеса престали... Чудесъ не будетъ... Не увидитъ чуда земля бесплодная!.. Такъ девяносто лѣтъ пройдетъ и много за то время народищу сгинеть.

— Почему-же девяносто лѣтъ?..

— А старики наши знаютъ... Девяносто лѣтъ Господь Саррѣ плода не давалъ—и земля плода не дастъ такожде... А черезъ девяносто лѣтъ—новые лѣса выростутъ... Запумятъ дубравы, только человекъ въ нихъ не будетъ, доколѣ изъ сибирскихъ лѣсовъ наши-же поселники не придутъ да въ зеленой чащѣ деревень своихъ не поставятъ... И сбудется сіе по слову старцевъ, имъ-же честь и поклоненіе!..

Въ голосѣ старика угроза слышалась; даже глаза изъ подъ нависшихъ на нихъ бровей раскрылись. Передавая предсказанія старцевъ своихъ, онъ злобно погрозилъ голому берегу, песчаными буграми вдвигавшемуся въ рѣку. Лѣтъ двадцать тому назадъ, вмѣсто этихъ песковъ, здѣсь на сочныхъ холмахъ стояли лѣсные великаны... Старикъ точно видѣлъ ихъ въ эту минуту и грозилъ воспоминанію, рисовавшему толпу наживныхъ людей съ топорами, валявшихъ лѣсъ и карнавшихъ стволы его для сплава внизъ по Камѣ въ широкую Волгу...

Какъ нарочно, плотъ намъ на-встрѣчу...

— Вотъ они... богатыри-то наши лѣсные! Это съ Бѣлой рѣки... Каждое бревно въ зеленомъ уборѣ стояло, въ листьяхъ пташка гнѣздо вила, въ самой гущѣ веселая бѣлка прыгала, а внизу у корня поди и вода бѣжала!.. И старикъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ плота.

На свинцовомъ фонѣ неба, покрытаго, вопреки предсказаніямъ старика, тучами, точно вырѣзывалась бѣлая церковь села Мансурова. Изъ воложка мы выходили въ коренную Каму. На-право низился опушенный молодятникомъ берегъ, на-лѣво—зеленые луга вплоть до чернаго обруба, на которомъ то же черными силуэтами деревня Мысы выдѣлялась. Какъ хороши были бѣлыя

чайки на темномъ полотнѣ туманнаго неба... Глазъ невольно слѣдилъ за ихъ граціознымъ полетомъ...

А новыя тучи, гряда за грядою, выползають. Кама все ширится. Тутъ она, пожалуй, и Волгѣ не уступитъ... Сѣрый просторъ ея подернулся рябью... На палубу точно крупа просыпалась—дождемъ прыснуло...

Пора въ каюту!

В. И. Немировичъ-Данченко.

ПАРИЖСКАЯ БОТЭМА

Романъ

МОРИСА ЖОЛИ.

ГЛАВА XIX.

Д у б л ь д а н ь .

Молодой адвокатъ снова взглянулъ на карточку: на ней стояло одно только имя: „А. Дубльданъ“; не было ни адреса, ни званія.

— Просите, сказалъ онъ вдовѣ Мишель, которая съ безпокойствомъ всматривалась въ лицо Реймона, стараясь угадать, слѣдуетъ-ли радоваться новому посѣтителю или безпокоиться.

Въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, дородный съ коротко-обстриженными серебристыми волосами, багровымъ лицомъ и съ хитрыми, пронизательными глазами. Съ перваго взгляда онъ казался, пожалуй, добродушнымъ, но на самомъ дѣлѣ лицо его имѣло что-то зловѣщее, особенно когда съ него исчезала приторно-сладкая улыбка. Дубльданъ охотно и громко смѣялся, но смѣхъ его звучалъ какъ-то особенно цинично.

Вообще наружность его невольно поражала всякаго. Судя по костюму и по небрежно-повязанному бѣлому галстуку, онъ принадлежалъ къ сословію адвокатовъ; но его можно было съ такою же вѣроятностью принять за провинціального нотаріуса, аукціониста или судебного пристава.

Онъ безъ церемоніи опустился въ кресло, на которое Реймонъ

указаль ему рукою, и устремил на молодого человека проницательный взгляд.

— Я то лицо, о которомъ вамъ говорилъ г. Карль Эльмеришъ, сказалъ онъ.

— Меня, дѣйствительно, предупредили о вашемъ посѣщеніи, отвѣтилъ Жоржъ, — и ваше имя мнѣ знакомо.

— Чудовищное имя, не правда-ли? воскликнулъ Дубльданъ, громко смѣясь; — но, предупреждаю васъ, я не чудовище, и надѣюсь, что мы съ вами сойдемся. Я немного знаю васъ и имѣю понятіе объ адвокатскомъ ремеслѣ. Будьте семи пядей во лбу, обладайте громаднѣйшимъ талантомъ и все-же вамъ придется не легко при началѣ карьеры адвоката; много времени и труда надо потратить, чтобы заручиться процессомъ, который могъ-бы дать вамъ извѣстность и деньги! Дѣло, о которомъ я пришелъ говорить съ вами, хорошее дѣло, и я радъ, что оно выпадаетъ на долю такого достойнаго молодого человека.

— Благодарю васъ, холодно отвѣчалъ Жоржъ Реймонъ, находившій тонъ незнакомца слишкомъ фамильярнымъ. — Если дѣло дѣйствительно такое, какъ вы говорили, то оно принесетъ счастье моему другу, Карлу, и я радуюсь за него болѣе, чѣмъ за себя. На-сколько я могъ понять изъ словъ Эльмериша, дѣло идетъ о наслѣдствѣ, принадлежащемъ ему по праву, и которымъ несправедливо владѣетъ другое лицо.

— Совершенно вѣрно; это лицо владѣетъ имъ въ силу духовнаго завѣщанія, которое уничтожается позднѣйшимъ, находящимся въ моихъ рукахъ.

— Вы можете сообщить мнѣ приблизительную цифру наслѣдства, и на чемъ основаны права Карла Эльмериша — является-ли мой другъ наслѣдникомъ по закону или по завѣщанію? Вообще, дайте мнѣ подробныя свѣденія объ этомъ дѣлѣ.

— Прекрасно, прекрасно! я вижу, что вы дѣлецъ, воскликнулъ Дубльданъ. — Но вы понимаете, что я не могу открыть вамъ такой важной тайны, не выяснивъ предварительно условій нашихъ отношеній.

— Условій? Эльмеришъ сказалъ мнѣ, что вы старый другъ его семейства и желаете помочь ему совершенно безкорыстно. Впрочемъ, я нахожу вполне естественнымъ, что вы изъ личныхъ расчетовъ хлопочете объ этомъ дѣлѣ. Потрудитесь сообщить

ваши условія; если онѣ благоразумны, — мнѣ не трудно будетъ убѣдить своего кліента согласиться на нихъ.

Дубльданъ понялъ, что Реймонъ смотритъ на вопросъ серьезно, и ловко пережѣвилъ тонъ разговора.

— Вы не знаете, милостивый государь, обратился онъ къ молодому адвокату, — съ какими соперниками вы будете бороться! У васъ безспорно, большой талантъ, но вы молоды, и вамъ недостаетъ опытности и авторитета, которыми ловкій адвокат сразу располагаетъ судъ въ пользу защищаемого имъ дѣла. Въ настоящемъ случаѣ вамъ предстоитъ взять на себя большую отвѣтственность, и я полагалъ, что не лишне было-бы заручиться содѣйствіемъ...

— Содѣйствіемъ? Чѣмъ-же?

— Кого-либо изъ знаменитыхъ адвокатовъ.

Жоржъ Реймонъ нахмурился.

— Такъ, такъ! воскликнулъ онъ, горько улыбаясь, — въ нашемъ ремеслѣ, какъ во всякомъ другомъ, имѣетъ право жить только тотъ, кто вышелъ въ люди. Вы правы, милостивый государь, продолжалъ онъ, спокойнѣе, — я весьма ничтожная личность въ адвокатурѣ и не мнѣ вести крупныя процессы. Кто-же этотъ великій адвокатъ, котораго вы желаете дать мнѣ въ сотрудники, виновать, въ наставники?

Дубльданъ пожалъ плечами.

— Полноте! сказалъ онъ добродушно, — неужели вы думаете, что я серьезно увлеченъ старыми глотками и предпочитаю ихъ молодымъ? Я хотѣлъ испытать васъ и убѣдиться, увѣрены-ли вы въ своихъ силахъ. Не бойтесь, я не вытащу козыря изъ вашей игры.

Лицо молодого адвоката озарилось неподдѣльнымъ удовольствіемъ, которое не ускользнуло отъ вниманія Дубльдана.

— Наслѣдство, какъ видно, очень значительное? спросилъ Жоржъ.

— Свыше миліона! отвѣтилъ незнакомецъ; — и поймите хорошенько одно обстоятельство, продолжалъ онъ, устремивъ на Жоржа хищный взглядъ, — я могу сію минуту уйти изъ вашей комнаты, исчезнуть, разсѣяться, какъ дымъ, и вы навсегда утратите путевидную нить въ запутанномъ дѣлѣ этого наслѣдства; счастье вашего кліента находится безусловно въ моихъ рукахъ.

— Быть может, не совсѣмъ безусловно, возразилъ Жоржъ, стараясь играть тонкую игру и указывая на картонъ, заключавшій будто-бы бумаги по дѣлу Эльмериша.

Взоръ Дубльдана устремился подобно молніи въ ту-же сторону.

— Не знаю, какими бумагами вы можете обладать; но я увѣренъ, милостивый государь, что вамъ неизвѣстны имена, а также обстоятельства, дающія Карлу Эльмеришу право начать процессъ.

— Но вы сами сказали мнѣ, что существуетъ позднѣйшее духовное завѣщаніе...

Дубльдана громко засмѣялся.

— Вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ, воскликнулъ онъ.

— Положимъ; чего-же вы собственно желаете?

— А вотъ чего: вы безъ меня ничего не можете сдѣлать, слѣдовательно, подчинитесь моимъ совѣтамъ.

— Почему-же не подчиниться, если ваши совѣты будутъ хороши и согласны съ интересами моего кліента.

— Полноте ребячиться! сказала Дубльдана, пожимая плечами; — вы очень хорошо понимаете, что въ этомъ дѣлѣ только два лица, — вы и я.

— Объяснитесь, милостивый государь! воскликнулъ Жоржъ, возмущенный словами Дубльдана, но не рѣшаясь пока оборвать его.

— Я говорю, что г. Эльмеришъ, не имѣя ни гроща, будетъ радъ вырваться изъ нищеты и не станетъ придирается къ условіямъ. Онъ сдѣлаетъ то, что вы пожелаете, а вы пожелаете то, на чемъ мы порѣшимъ.

Люди, расчитывающіе на безчестность своихъ ближнихъ, дѣйствуютъ съ тѣмъ большею увѣренностью, что не допускаютъ исключеній. Къ тому-же, поведеніе Жоржа Реймона могло ввести Дубльдана въ заблужденіе: онъ говорилъ нерѣшительно и сдержанно, какъ человѣкъ, размышляющій прежде, чѣмъ сдѣлать роковой шагъ.

— Итакъ? произнесъ Жоржъ измѣнившимся голосомъ, въ которомъ Дубльдана послышался послѣдній протестъ оскорбленной совѣсти, уступающей жаднѣ къ богатой наживѣ.

— Итакъ, вы становитесь моимъ адвокатомъ, каковымъ я васъ съ настоящей минуты и буду считать. А вы знаете, что хорошіе кліенты не боятся расходовъ. Въ моемъ бумажникѣ завалалось нѣсколько тысячъ франковъ, желающихъ сдѣлаться вашей собственностью прежде, чѣмъ мы начнемъ говорить съ вами объ условіяхъ, на которыхъ мы поведемъ дѣло.

Дубльданъ спокойно полѣзъ въ карманъ сюртука и вытащилъ бумажникъ.

— Вы предлагаете мнѣ низкую, подлую сдѣлку! воскликнулъ молодой человѣкъ, блѣднѣя и дрожа всѣмъ тѣломъ. Онъ невольно вспомнилъ подобную-же сцену, рассказанную ему Аврекуромъ.

Дубльданъ остановился; лицо его приняло выраженіе самаго отвратительнаго цинизма.

— Вотъ какъ! Мы еще играемъ въ добродѣтель! сказалъ онъ, медленно пряча бумажникъ и насмѣшливо глядя на Реймона; — мы отказываемся отъ подарковъ старичка Дубльдана! Ничего. обойдетесь; но постарайтесь поскорѣе отдѣлаться отъ вашихъ предрасудковъ, молодой человѣкъ; въ мужчинѣ, какъ и въ женщинѣ, добродѣтель не долго бываетъ въ цѣнѣ; пройдетъ время и на нее болѣе не будетъ покупателя.

Онъ исчезъ въ дверяхъ, нахально усмѣхаясь, а Жоржъ погружился въ мрачную думу.

„Хорошо-ли я поступилъ? спрашивалъ онъ себя, — не слѣдовало-ли въ интересахъ Карла дѣйствовать болѣе сдержанно и притворно пойти на сдѣлку съ Дубльданомъ? А я даже не спросилъ его адреса“..

ГЛАВА XX.

Двадцать пять тысячъ, какъ снѣгъ на голову.

Юный адвокатъ предался мрачному отчаянію, но черезъ нѣсколько минутъ въ комнату съ шумомъ вошли виконтъ Аврекуръ и г-жа Мишель.

— Мошенника, только-что вышедшаго отсюда, зовутъ Дубльданъ? воскликнулъ Аврекуръ.

— Извините, сказала г-жа Мишель,— вотъ письмо и, повидимому, очень важное.

Жоржъ распечаталъ письмо и, пробѣжавъ его, закричалъ:

— Во снѣ я или наяву!

— Что такое, любезный другъ? спросилъ виконтъ, поправляя волосы передъ зеркаломъ.

— Прочти, отвѣчалъ Жоржъ, проходя вмѣстѣ съ своимъ другомъ въ спальню.

„Милостивый государь, прочиталъ виконтъ:— съ глубочайшимъ сожалѣніемъ извѣщаю васъ о смерти вашего дяди, г. Дюрана, послѣдовавшей 1-го декабря. Мнѣ поручено передать вамъ двадцать пять тысячъ франковъ, которые онъ оставилъ вамъ по завѣщанію, засвидѣтельствованному еще 1-го мая 1868 г. Означенную сумму вы можете получить въ моей конторѣ во всякое время частями или заразъ.

Рикшонъ*.

— Ты понимаешь, воскликнулъ Жоржъ, — какое впечатлѣніе производитъ подобное извѣстіе на человѣка, который не заплатилъ вчера за квартиру и не имѣетъ чѣмъ сегодня пообѣдать!

— Отчего-же ты не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова, Жоржъ, мой милый Жоржъ, произнесъ виконтъ, пожимая руку своего друга съ чрезмѣрной горячностью;— все, что у меня есть, принадлежитъ тебѣ.

— Благодарю, но если эти деньги— не обманъ, я буду въ состояніи тебѣ сказать тоже самое.

— Лучшее средство убѣдиться, что это не шутка, пойти сейчасъ въ контору и получить деньги. Контора нотариуса Рикшона очень близко отсюда.

— Блестящая идея, отвѣчалъ Жоржъ и, выйдя въ переднюю, гдѣ ждалъ посланный отъ нотариуса, сказалъ: потрудитесь принести мнѣ пять тысячъ франковъ и бланкъ квитанціи, который я подпишу, получивъ деньги.

Когда посланный удалился, Жоржъ Реймонъ вмѣстѣ съ Гекторомъ начали танцевать по комнатамъ, выдѣлывая самыя уморительныя па. Хорошая г-жа Мишель отирала платкомъ слезы радости и въ тоже время смѣялась буффонству молодыхъ людей.

— Таеъ-то ты оплакиваешь своего дядю?

— Правда, это безсовѣстно, промолвилъ Жоржъ, внезапно по-
нуривъ голову; — дядя сдѣлалъ мнѣ добро, а я не пролилъ о
немъ ни единой слезинки.

— Ну, ну! воскликнулъ Гекторъ, — нечего распускать нюни.
Развѣ ты не видишь, что тебѣ дадутъ отступного двадцать пять
тысячъ франковъ, чтобъ ты оставилъ въ покоѣ старую экономку,
получившую какихъ-нибудь двѣсти тысячъ? Не даромъ-же отъ
тебя скрывали смерть дяди впродолженіи шести недѣль.

Практическая дальновидность Аврекура не обманула его и на
этотъ разъ. Дѣйствительно, экономка Дюрана, наслѣдница всего
его состоянія по духовному завѣщанію, не увѣдомила своевременно
Жоржа о смерти дяди, и съ помощью стряпчаго, за котораго она
впослѣдствіи вышла замужъ, уничтожила въ бумагахъ покойнаго
всѣ слѣды его родственныхъ связей съ юнымъ адвокатомъ, кото-
рый могъ начать процессъ, какъ единственный законный наслѣд-
никъ. Зная, что Жоржъ находился въ очень затруднительныхъ
обстоятельствахъ, она поспѣшила послать ему завѣщанныя дядей
двадцать пять тысячъ франковъ, въ надеждѣ, что онъ удоволь-
ствуется и этимъ неожиданнымъ благополучіемъ.

— Ну, полно хандрить! Ужь не хочешь-ли ты бальзамировать
своего дядю и сдѣлать изъ него мумію? воскликнулъ Аврекуръ,
видя, что его другъ грустно задумался.

— Я теперь думаю не о дядѣ, отвѣчалъ Жоржъ, — но о страш-
ной смерти бѣднаго отца.

— Полно, полно, любезный другъ! брось свои черныя мысли!
воскликнулъ виконтъ, — я пріѣхалъ за тобою и повезу тебя обѣ-
дать, танцевать, ужинать и пр., и пр., въ блестящій мірокъ са-
мыхъ модныхъ и шикарныхъ женщинъ. Однимъ словомъ, я тебя
представляю виконтесѣ Сен-Мори, гдѣ ты можешь сдѣлать очень
полезныя и пріятныя знакомства. Ну, одѣвайся, да поакуратиѣе,
чтобъ не ударить лицомъ въ грязь.

Жоржъ повиновался.

ГЛАВА XXI.

Гостинная виконтесы Сен-Мори.

Въ десять часовъ вечера длинный рядъ каретъ стоялъ у пе-
большого, но изящнаго дома, въ улицѣ Рима. Въ этотъ день былъ
„Дѣло“, № 2, 1877 г.

большой приём у виконтесы Сен-Мори, одной изъ извѣстнѣйшихъ женскихъ знаменитостей тѣхъ невѣдомыхъ, неопредѣленныхъ мірковъ, которые процвѣтали въ Парижѣ въ послѣдніе годы второй имперіи.

Вдова французскаго консула въ Буеносъ-Айресѣ, она не носила имени мужа; черезъ два года супружеской жизни, она развелась съ нимъ послѣ скандальнаго процесса. Общество, посѣщавшее виконтесу, было очень смѣшанное: у нея встрѣчались свѣтскіе люди, артисты, знаменитости финансоваго и политическаго міра, знатныя иностранцы и различныя эксцентричныя личности. Она давала балы, рауты, концерты, и молодежь очень веселилась въ ея домѣ, благодаря необыкновенной свободѣ, царившей въ немъ и большому количеству красивыхъ женщинъ, посѣщавшихъ его. Виконтеса представляла исключеніе изъ женщинъ не первой молодости, еще имѣющихъ притязаніе на брасоту: она не удаляла изъ своего общества красавицъ, напротивъ, любила окружать себя хорошенками личиками. Не было ни одной скомпрометированной замужней женщины, эксцентричной красавицы и знаменитой артистки, которая не появлялась-бы въ ея гостиной, предшествуемая или сопровождаемая громкими рекламами мелкой печати, описывавшей акуратно всѣ праздники виконтесы.

Летучій эскадронъ-красавицъ, всегда окружавшій виконтесу, подобно Екатеринѣ Медичи, придавалъ ей тайную, могучую силу, которой она очень ловко пользовалась; она имѣла руку во всѣхъ министерствахъ и посольствахъ и хотя не имѣла доступа въ офиціальныя міры, но принимала иногда на своихъ маленькихъ вечерахъ самыхъ вліятельныхъ особъ второй имперіи. Замѣчательно, что ни одна женщина, посѣщавшая домъ виконтесы, не говорила о ней дурно; напротивъ, всѣ превозносили ее до небесъ; злые языки говорили, что молодыя скомпрометированныя дѣвушки находили у нея мужей, а женщины, которымъ нечего было терять — любовниковъ.

Такова была Армида, къ которой Гекторъ Аврекуръ привезъ Жоржа Реймона въ десять съ половиною часовъ, послѣ прекраснаго обѣда въ Maison d'Ог итальянской оперы.

Молодой адвокат начиналъ жить новой жизнью. Чувствовать себя юнымъ, здоровымъ, хорошо одѣтымъ и достаточно богатымъ, чтобы позволить себѣ всякій капризъ — все это было увлекатель-

ной новинкой для Жоржа Реймона, который за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ находился подъ ярмомъ нищеты и мрачнаго отчаянія.

Неожиданная перемена въ его положеніи такъ взволновала молодого человѣка, что онъ сначала забылъ рассказать Гектору о посѣщеніи Дубльдана, а потомъ, вспомнивъ объ этомъ обстоятельстве, рѣшилъ поговорить съ Гекторомъ обо всемъ подробно въ другой разъ.

— Виконтеса можетъ принять меня за неотесаннаго дикаря, потому что я являюсь къ ней безъ приглашенія.

— Я тебя пригласилъ, любезный другъ, а это все равно, сказалъ виконтъ.

— Хорошо, хорошо, замѣтилъ, смѣясь, Жоржъ; — значить, ты у нея свой человѣкъ.

— Я имѣю на нее нѣкоторое вліяніе, вотъ и все, отвѣчала Аврекуръ, который былъ слегка навеселъ и откровеннѣе обыкновеннаго.

— Надѣюсь, что для перваго дебюта, я не буду слишкомъ застѣнчивъ, сказалъ Жоржъ, входя по лѣстницѣ, уставленной цвѣтами.

Не успѣли они войти въ залу, какъ Гекторъ былъ окруженъ столькими знакомыми, что Жоржа совершенно отъ него оттерли и онъ остался одинъ въ незнакомой ему толпѣ. Окружавшая его картина была предестна. Виконтеса стояла у камина среди нѣсколькихъ хорошенькихъ женщинъ, сіявшихъ брилліантами и съ большимъ достоинствомъ принимала гостей. Ей было не болѣе сорока лѣтъ, но ея фигура еще не поражала старческой дородностью, а ея плечи и руки прекрасно сохранились. Въ молодости она, вѣроятно, была чрезвычайно хороша, но черты ея лица расплылись и отъ прежней ея красоты сохранились только удивительные каштановые волосы, свѣжія, розовыя губы и живые, голубые глаза, придававшіе ея лицу умное и доброе выраженіе.

— Куда ты дѣвался? Я тебя вездѣ ищу, чтобы представить хозяйкѣ, сказалъ Аврекуръ, взявъ за руку Реймона и подводя его подъ перекрестный огонь летучаго эскадрона виконтесы.

Подобно солдату, который въ первый разъ идетъ въ огонь, Жоржъ почувствовалъ страстное желаніе бѣжать, но онъ обладалъ нѣкоторымъ врожденнымъ тактомъ, который еще болѣе укрѣпился въ борьбѣ съ нищетою.

— Позвольте вамъ представить, виконтеса, моего друга Жоржа Реймона, сказалъ Аврекуръ хозяйкѣ: — это пуританинъ совершенно безотчетный, Ипполитъ, оставившій въ передней свои стрѣлы и колчанъ.

Это эксцентричное представленіе заставило Жоржа покраснѣть до ушей и онъ молча поклонился.

— Я надѣюсь, что г. Реймонъ будетъ насъ часто посѣщать, если онъ найдетъ здѣсь хоть немного удовольствія, сказала виконтеса очень любезно, но тотчасъ обратила все свое вниманіе на горбатаго старика, который громко чмокнулъ ея руку.

Аврекуръ снова исчезъ, отправясь любезничать съ блестящей свитой хозяйки, и Реймонъ остался одинъ подъ огнемъ женскихъ прелестей. Очаровательные глаза, волосы, зубы, улыбка и плечи совершенно его ослѣпили.

„Я, должно быть, похожъ на идиота“, подумалъ онъ, съ безпокойствомъ озираясь по сторонамъ.

По счастью виконтъ вернулся къ нему.

— Любезный другъ, сказалъ Жоржъ, хватая его за руку, — я не привыкъ къ свѣтской жизни и немедленно удалюсь въ свою нору, изъ которой мнѣ не слѣдовало и выходить.

— Дуракъ! отвѣчалъ Гекторъ на ухо Жоржу, я тебя именно для того сюда и привезъ, чтобъ уничтожить разомъ твою провинціальную неловкость. Пойдемъ со мною и если черезъ четверть часа ты не будешь разбитнымъ малымъ, то я возвращу тебя обратно и уже навсегда въ улицу св. Якова.

ГЛАВА XXII.

Загадочныя личности.

Красавецъ виконтъ, повидимому, хорошо знавшій всѣхъ гостей виконтесы, провелъ Жоржа Реймона по нѣсколькимъ комнатамъ, окружавшимъ бальную залу. Въ одной изъ нихъ Жоржъ съ изумленіемъ увидалъ за карточнымъ столомъ маркиза, а въ слѣдующей Маріуса Симона; но еще болѣе поразило его присутствіе здѣсь Гамбрина, громко разглагольствовавшего въ группѣ многочисленныхъ слушателей.

— Гаспаръ, маркизь и Симонъ здѣсь! промолвилъ Жоржъ.

— Да, да, отвѣчалъ Аврекуръ поспѣшно и продолжалъ идти далѣе; онъ остановился только въ маленькомъ будуарѣ, соединенномъ аркою съ небольшою оранжереей, изъ которой въ большую залу выходила стеклянная дверь. Эта дверь была затворена и заставлена растеніями, такъ что изъ будуара можно было видѣть все, что происходило въ залѣ.

— Если-бъ ты не наткнулся на меня, то остался-бы на всю жизнь дуракомъ, сказалъ виконтъ, развалившись на круглой отоманѣ среди будуара и закуривая сигару: — но я взялся быть твоимъ учителемъ и надѣюсь, что изъ тебя выйдетъ толкъ, и ты сбросишь съ себя твою смѣшную угловатость. Прежде всего, тебѣ необходимо объяснить, въ какомъ свѣтѣ мы находимся. Мы не въ Сен-жерменскомъ предмѣстьѣ, это ты самъ понимаешь, тѣмъ болѣе, что здѣсь Гаспаръ и Симонъ, а потому не слѣдуетъ смотрѣть на женщинъ телячьими глазами. Здѣсь матери наемныя, жены не имѣютъ мужей и носятъ фамилію своихъ любовниковъ. Мы находимся въ такъ называемомъ мірѣ загадочныхъ личностей. Подъ этой кличкой разумѣется всякій, кто живетъ въ обществѣ, играетъ въ немъ нѣкоторую роль и соритъ деньгами, не имѣя ни состоянія, ни особаго ремесла или должности, которыя давали-бы средства къ существованію. Каждая загадочная личность старательно скрываетъ, что дѣлаетъ и чѣмъ живетъ. Здѣсь, какъ всегда, загадочныя личности мужского пола охотятся за богатыми приданымъ, выгоднымъ мѣстомъ и т. д., а женщины—за мужьями или любовниками. Въ этой безпощадной охотѣ на мужчипъ и женщипъ всегда одерживаютъ побѣду смѣльчаки и теряютъ скромники. Я хочу, чтобы ты вернулся въ залу съ презрительнымъ хладнокровіемъ человѣка, безъ всякихъ глупыхъ иллюзій. Посмотри, хорошо-ли затворена дверь; я познакомлю тебя съ современнымъ обществомъ въ обнаженномъ видѣ, сорвавъ съ него маску.

— Такъ это будетъ урокъ анатоміи, отвѣчалъ смѣясь Реймонъ, который изъ самолюбія не хотѣлъ выразить отвращенія къ подобнымъ теоріямъ и съ любопытствомъ ждалъ ихъ практическаго примѣненія. — Ну, скажи пожалуйста, какъ зовутъ этого страннаго человѣка, похожаго на общипаннаго жаворонка, который разговариваетъ съ виконтессой.

— Это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, свѣтскихъ типовъ, отвѣтилъ Гекторъ подъ звуки оркестра, игравшаго кадрили:—его

зовуть Дарви, а кличка у него Лизоблюдь; онъ никогда не ѣстъ дома, а съ понедѣльника утра до воскресенья вечера кормится въ гостяхъ; онъ шутъ и острякъ, необходимая приправа всякаго ужина. Подлѣ него находится другая загадочная личность болѣе интересная. Это Никфоръ; онъ выручаетъ пятьдесятъ тысячъ франковъ въ годъ за свое молчаніе, такъ-какъ ему извѣстны всѣ скандальныя исторіи, отъ которыхъ можетъ зависѣть судьба официальныхъ и частныхъ людей. Вонъ проходитъ по залѣ съ очень важнымъ видомъ Баскетти, корсиканецъ, готовый изъ-за денегъ на все; онъ открываетъ театръ, основываетъ газету, заводитъ домъ терпимости, устраиваетъ въ видахъ правительства заговоръ, наврываетъ знаменитаго вора за границую и все это безъ шума, безъ скандала.

— Фуй! промолвилъ Жоржъ.

— Господинъ съ орденами, похожій на испанскаго гранда, прожилъ все свое состояніе на кокотокъ, а теперь онъ его содержать, а онъ ихъ вывозитъ въ свѣтъ. Вотъ Сен-Рафаэль, живущій рулеткой, а дальше Коверно, занимающійся закулиснымъ сватовствомъ; но все это мелкіе дѣльцы. Посмотри-ка лучше налѣво, на двухъ господъ, горячо разговаривающихъ другъ съ другомъ. Младшій изъ нихъ Альфредъ Леруа, основатель недавно поземельный банкъ, которому онъ придалъ маску англійскаго учрежденія, чтобъ избѣжать неприятныхъ формальностей французскихъ законовъ, и преспокойно выпускаетъ облигаціи, гарантированныя лондонскими туманами. Его-же собесѣдникъ, красивый, молодой человекъ, привезъ съ Евфрата три миліона.

— Неужели?

— Положительно. Пожилой господинъ съ величественной осанкой—герцогъ торгуетъ орденами, что приноситъ ему до тридцати тысячъ въ годъ. Посмотри, онъ жметъ руку извѣстному венгерцу, получающему двадцать тысячъ франковъ ежегодно изъ секретныхъ министерскихъ суммъ для распространенія французскаго вліянія въ Венгріи, хотя онъ былъ въ этой странѣ простымъ парикмахеромъ.

— А кто этотъ толстякъ, съ странной головой?

— Тоже тайный агентъ, который разыгрываетъ роль социалиста въ предмѣстьяхъ и ловитъ простаковъ въ силки цезаризма. Налѣво отъ тебя стоитъ любопытный субъектъ: онъ полгода жи-

веть тайно въ Батенголь, а самъ распускаетъ слухи, что охотится на тигровъ въ Бенгаліи.

— Къ чему подобныя сказки?

— Какъ ты наивентъ! Въ честь его, такого смѣлаго храбреца, составляются подиски и женщины отъ него безъ ума.

— Кто этотъ, жѣрно выступающій по залѣ?

— Шш! Это принцъ, это Гуго.

— Гуго? Гуго Капетъ?

— Несчастный, это внукъ Лудовика XVI, спасшійся изъ Тампля небеснымъ чудомъ. Онъ, можетъ быть, будетъ когда-нибудь нашимъ королемъ.

— Я во снѣ или на яву! воскликнулъ Жоржъ: — въ какомъ мы находимся свѣтѣ, Боже милостивый!

— Не думай, чтобъ это общество было исключеніемъ; подобныя личности встрѣчаются вездѣ. Онѣ ловко скрываютъ свою болячку и къ тому-же въ свѣтѣ такъ много злословятъ другъ на друга, что большинство не вѣритъ всему, что рассказываютъ о загадочныхъ личностяхъ и это ихъ спасаетъ.

— Не перейти-ли намъ теперь къ женщинамъ? произнесъ Жоржъ подѣ отдаленные звуки оркестра, игравшаго польку.

ГЛАВА XXIII.

Дамы полусвѣта.

— Ты понимаешь, сказалъ Аврекуръ, — что если-бъ всѣ мужчины были того-же поля ягоды, какъ тѣ, которыхъ я тебѣ зочно представилъ, то женщинамъ не представлялось-бы здѣсь никакой игры. Но рядомъ съ фальшивой монетой попадаются и настоящія золотыя. Вотъ, напримѣръ, ложный армянскій князь, но рядомъ съ нимъ маркизъ Сапорта, подлинный грандъ испанскій и миліонеръ. Далѣе мелкій мошенникъ Клоше, который всюду суется и, я полагаю, состоитъ шпиономъ; но подлѣ него настоящій баронъ Ван-Клем-Путь. Вонъ въ толпѣ торжественно прохаживаются крупный финансистъ, извѣстный фабрикантъ, шведъ, два русскихъ и англичанинъ; всѣ они богачи и бросаютъ для своей забавы золото горстями. Но за то здѣшнія женщины всѣ фальшивыя монеты, исключая, конечно, хозяйки дома.

— Такъ здѣсь нѣтъ богатыхъ наслѣдницъ?

— Ни одной, но много опасныхъ красавицъ.

— Посмотри, какая хорошенькая блондинка съ греческимъ профилемъ и дѣвственнымъ взглядомъ.

— Это Рафаелла, молодая дѣвушка, жаждущая выйти замужъ и неимѣющая никакого приданого, кромѣ грудного ребенка. Но ты видишь, это нисколько не лишаетъ ее очаровательной дѣвственности. Рядомъ съ нею ея мать, толстая, дородная женщина, похожая на ящерицу.

— А какъ зовутъ брюнетку съ прелестной матовой бѣлизной лица и пухлыми щечками?

— Жюльетой Сенешаль; она также ищетъ мужа, если не возьметъ любовника, какъ ей совѣтуетъ отецъ.

— А эта молодая дѣвушка съ рыжими волосами?

— Она не дѣвушка, а замужняя, баронеса Буа-Бодрапъ; у нея три живыхъ мужа: въ Англии, въ Нью-Йоркѣ и въ Женевѣ. Она разговариваетъ съ испанкой, которую я не желалъ-бы встрѣтить въ лѣсу.

— Почему?

— Она держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ стоящаго за нею красиваго, молодого человѣка. Онъ, несчастный, влюбился проѣздомъ черезъ Бургасъ въ дочь трактирщика и черезъ мѣсяць, бросивъ ее, уѣхалъ тайкомъ въ Парижъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, возвращаясь домой, онъ получилъ тяжелую рану изъ револьвера. Красивая испанка лично отомстила ему за измѣну. Ее отдали подъ судъ, но присяжные оказались дамскими угодниками и оправдали ее.

— Она снова завладѣла своимъ любовникомъ?

— Да, и онъ не смѣетъ отойти отъ нея ни на шагъ, боясь, чтобы она его не убила.

— А что за дама сидитъ налѣво отъ нея?

— Не смотри на нее. Это современная Клеопатра; всѣ ея любовники погибали естественной смертью.

— Ты знаешь ту женщину, что говорить съ Рафаеллой? должно быть весьма почтенная особа?

— Ахъ! если-бъ Рафаелла знала ее годъ тому назадъ, у нея не было-бы ребенка. Г-жа Вальмонъ знаменитая акушерка, но ни одна изъ ея пациентокъ никогда не родила. Она освобождаетъ

любовь отъ грустныхъ послѣдствій, предоставляя влюбленнымъ только цвѣточки безъ ягодокъ. Ты видишь, что и между здѣшними женщинами находятся загадочныя личности. Посмотри на старуху, стоящую подлѣ г-жи Вальмонъ; у нея нѣтъ ни мужа, ни состоянія, ни дочерей, которыхъ надо было-бы вывозить въ свѣтъ и, однакожь, она появляется на всѣхъ подобныхъ балахъ. Она, говорятъ, приноситъ счастье всякому дому, порогъ котораго переступаетъ; исхудалыя женщины, познакомившись съ нею, незамѣтнымъ образомъ толстѣютъ. Ты видишь знаменитаго медиума Юма; онъ бесѣдуетъ съ Камилисой, которая принадлежитъ неизвѣстно къ какому полу.

— Ты знаешь эту красивую, роскошную женщину съ черными кудрями? спросилъ Жоржъ, перебивая своего друга.

— Это Роза Данкла, также молодая дѣвушка, на которой ты можешь жениться, если хочешь.

— Нѣтъ, благодарю. Я теперь знаю, что такое твои молодые дѣвушки.

— Ну, представленіе кончено, сказалъ Гекторъ, — и превратилъ тебя изъ куколки въ бабочку, я тебѣ далъ противоядіе, и ты можешь безбоязненно окунуться въ ядовитую пучину.

ГЛАВА XXIV.

Изабелла.

„Я желалъ-бы знать, какимъ ремесломъ занимается виконтесса Сен-Мори? думалъ Жоржъ, выходя изъ оранжерей, — очевидно, Гекторъ ея любовникъ. Но что это за свѣтъ? Неужели это называется обществомъ?“

Молодой человѣкъ находился въ какомъ-то кошмарѣ. Безшабашный развратъ, обружавшій его, еще не прикоснулся къ нему своимъ глетворнымъ дыханіемъ, но онъ чувствовалъ, что его совѣсть колеблется, воображеніе мутится. Злобная иронія виконта, царство зла повсюду, жгучія воспоминанія о перенесенныхъ имъ страданіяхъ, сознаніе своего одиночества посреди этихъ позорныхъ соблазновъ — все это производило въ немъ страшную реакцію, которая могла разомъ погубить его честное, благородное сердце.

Онъ подошелъ къ буфету и поспѣшно выпилъ одинъ за другимъ нѣсколько стакановъ пунша. Приобрѣтя, такимъ образомъ, искусственную смѣлость и сознавая свое превосходство надъ этой пестрой толпою, онъ подошелъ къ виконтесѣ и сталъ разсыпаться въ комплиментахъ.

— Славный молодой человекъ, промолвила она вполголоса баронесѣ Буа-Бодранъ; — онъ другъ Гектора и очень талантливый адвокатъ.

Между тѣмъ Жоржъ граціозно поклонился Рафаэллѣ и пригласилъ ее на кадрили. Она бросила на него небесный взглядъ и вспорхнула съ мѣста, какъ легкая газель.

„Боже мой, и у нея есть ребенокъ“, подумалъ Жоржъ и услыхалъ, какъ въ эту самую минуту Гекторъ спросилъ виконтесу:

— А что Изабелла не будетъ сегодня?

— Она, вѣроятно, не приѣдетъ по вашей милости, отвѣчала хозяйка: — она васъ неавидитъ, и, право, напрасно вы заслужили ея неудовольствіе. Она имѣетъ громадное вліяніе.

„Это еще кто? подумалъ Жоржъ; — что она пьетъ кровь младенцевъ, или глотаетъ сабли?“

Молодой адвокатъ прекрасно танцевалъ, хотя до сихъ поръ имѣлъ случай примѣнять свой талантъ только въ началѣ своей парижской жизни на публичныхъ балахъ, и потому обратилъ на себя вниманіе всѣхъ дамъ, танцовавшихъ вокругъ него. Какъ нарочно, это были прелестнѣйшія изъ красавицъ летучаго эскадрона виконтесы, и глаза Жоржа съ восторгомъ перебѣгали отъ одного очаровательнаго лица къ другому.

„Чортъ возьми! какія все красавицы! думалъ онъ; — отчего я не богатъ и не могу заставить ихъ всѣхъ полюбить себя“.

Подъ вліяніемъ выпитаго пунша и распаленнаго воображенія, мѣшковатый юноша сдѣлался очень развязенъ, любезничалъ съ Рафаеллой, которая находила его очень забавнымъ и, улыбаясь, подмигивала другимъ дамамъ.

Когда кончалась кадрили, въ залѣ вдругъ произошло нѣкоторое волненіе. Въ дверяхъ показалась молодая женщина и подала руку маркизу Сапортѣ. Одного взгляда на нее было достаточно для Жоржа Реймона, чтобъ признать ее за царицу бала. Въ ней была какая-то очаровательная смѣсь великосвѣтской кра-

савицы и куртизанки, гордости и кокетства, заискивающей грации и дерзкаго презрѣнія. Роскошныя формы самаго правильнаго тона, богатые, черные волосы, чудный взглядъ Діаны, нѣсколь-ко сгорбленный носъ, придававшій пикантное выраженіе ея, быть можетъ, слишкомъ строгой красотѣ, саркастическое очертаніе губъ — все это составляло типъ совершенно новой, незнакомой Жоржу красоты.

Отведя на мѣсто Рафаеллу, молодой человѣкъ не упускалъ изъ вида поразившей его красавицы и, спросивъ, кто она такая, узналъ, что ее зовутъ графиня Изабелла Тольна. Подойти къ ней было невозможно, такъ окружили ее самыя знатныя изъ гостей. Но смѣлость Реймона не знала теперь границъ:

„Знаю, я этихъ графинь! думалъ онъ. — Я ей покажу, какъ ея гордая осанка мало пугаетъ новичка въ свѣтскихъ трущобахъ Парижа“.

Случай благоприятствовалъ ему. Не прошло болѣе часа, какъ прелестная незнакомка уже пожала руку виконтесы и направилась къ дверямъ въ сопровожденіи маркиза Сапорты, котораго она, повидимому, просила жестомъ не провожать ее.

— Вы прелестны даже въ своихъ капризахъ, сказалъ гордый испанецъ съ иронической улыбкой.

Жоржъ, слѣдовавшій за ними на нѣкоторомъ разстояніи, по-нялъ, что красавица хотѣла отдѣлаться отъ своего поклонника и съ неописанною радостью увидалъ на полу розанъ, упавшій изъ ея волосъ. Онъ перегналъ ее и, низко поклонившись, подалъ ей цвѣтокъ.

— Что это? спросила графиня, презрительно смотря на смѣлаго незнакомца.

— Вы потеряли розанъ.

Графиня молча протянула руку и, въ видѣ благодарности, удостоила его полу-улыбкой.

— Вы не знаете, воскликнулъ Жоржъ, самъ удивляясь своей храбрости, — какую великую жертву я приношу, отдавая вамъ розанъ.

— Неужели! отвѣчала графиня, бросая болѣе пѣжный взглядъ на восторженнаго молодого человѣка. — Отчего-же вы не спрятали цвѣтка? Я никогда не узнала-бы объ этомъ.

— Мнѣ мало такого воровства, воскликнулъ онъ, — я уже

болѣе часа ловлю минуту, чтобы сказать вамъ, какъ вы прелестны.

— Ну, а потомъ что?

— Потому, я повторялъ-бы вамъ это съ такимъ жаромъ, что вы повѣрили-бы моей любви.

— Кто вы такой, что смѣете объясняться въ любви незнакомой женщинѣ?

— Я—никто: узникъ, вышедшій изъ тюрьмы, монахъ, вырвавшійся изъ келии и увидавшій впервые такую женщину, о которой можно смѣло сказать: *vedere e poi morire*.

— Васъ зовутъ? спросила графиня, съ любопытствомъ разсматривая оригинальнаго юношу.

— Меня зовутъ Жоржемъ, мнѣ двадцать восемь лѣтъ и я не любилъ еще ни одной женщины.

— Кажется, вашъ подвигъ достаточно вознагражденъ, сказала графиня съ пріятной улыбкой, — позвольте мнѣ пройти.

— О! какой у васъ упительный голосъ, воскликнулъ Жоржъ, — умоляю васъ—не уѣзжайте. Позвольте мнѣ полюбоваться чуднымъ видѣніемъ, которое, во всякомъ случаѣ, скоро, и, быть можетъ, навсегда, исчезнетъ изъ моихъ глазъ.

Съ этими словами, онъ взялъ графиню за руку съ почтительнымъ поклономъ и она величественно опустилась на диванъ, мимо котораго они проходили.

— Вы меня не знаете, продолжалъ юноша, нѣжно пожимая ей руку;—если я не могу васъ любить, то не для чего мнѣ и жить.

— Меня любить? промолвила Изабелла съ страннымъ выраженіемъ въ голосъ;—развѣ вы очень богаты?

— Я богатъ? воскликнулъ Жоржъ съ громкимъ хохотомъ.— Да, я и забылъ, что сегодня утромъ получилъ наслѣдство. Но всѣмъ, что я имѣю, нельзя заплатить за минуту блаженства, проведенную съ вами.

Эта фраза была такъ неопредѣленна и таинственна, что графиня, повидимому, вывела изъ нея удовлетворительное заключеніе.

— Мнѣ все равно, богаты-ли вы или бѣдны, отвѣчала она, перемѣняя тонъ:—всѣ люди, богатые и бѣдные, умные и глупые, красавцы и уроды, одинаково мнѣ ненавистны.

— И мнѣ также! воскликнулъ Жоржъ, — если-бъ вы знали,

сколько я, по милости ихъ, перенесъ мукъ и страданій! Не бойтесь, я не стану защищать своихъ братьевъ; я далъ клятву Анибала ненавидѣть всѣхъ людей. Много кипитъ во мнѣ мести и любви безъисходной, безцѣльной. Я вамъ отдамъ всю свою душу, если вы захотите моей любви.

— Вы забавны, сказала графиня, которой далеко не была противна пламенная горячность молодого человѣка; — вы вальсируете?

— Я жажду минуты, чтобъ обвить рукою вашу прелестный станъ и буду жалѣть только, что этотъ вальсъ не безконеченъ.

— Ну, пойдите, Вертеръ, промолвила графиня и черезъ секунду они неслись по залѣ подъ упительные звуки оркестра.

— Если я не ошибаюсь, Изабелла не уѣхала, а танцуетъ съ вашимъ другомъ, адвокатомъ? сказала виконтеса Сен-Мори Гектору.

— Жоржъ вальсируетъ съ Изабеллой! да онъ погибъ или... спасенъ, отвѣчалъ Аврекуръ; — но гдѣ маркизь Сапорта; онъ любовался-бы на эту прелестную парочку.

— Какой вы злой!

Жоржъ долго кружился съ Изабеллой, тонкая талія которой соблазнительно извивалась подъ его рукою; ея прелестныя губы нѣжно улыбались, а роскошная грудь ровно, плавно колыбалась. Вдругъ они столкнулись съ другой парой; пользуясь мигутнымъ смятеніемъ, Жоржъ поцѣловалъ въ губы свою даму, такъ близко очутились ихъ лица другъ къ другу.

— Я тебя люблю! промолвилъ онъ.

— Вы съума сошли, отвѣчала она.

— Какъ съумасшедшій, я могу вамъ все сказать. Я хочу васъ видѣть завтра, сегодня ночью.

— Нѣтъ.

— Вы здѣсь съ вашимъ мужемъ или съ любовникомъ?

— Нѣтъ.

— Вы къ нему ѣдете?

— Нѣтъ.

— Я васъ не выпущу. Вы останетесь, я останусь; вы поѣдете и я поѣду.

— Нѣтъ, не дѣлайте глупостей. Я не могу выйти отсюда подъ руку съ вами. Но черезъ полчаса ждите меня въ улицѣ Исли передъ домою № 15. Я пройду мимо въ каретѣ.

ГЛАВА XXV.

Р а ф а э л л а.

Видя себя отъ восторга и гордости, что ему, никому неизвѣстному бѣдняку, назначила свиданіе царица бала, Жоржъ возвратился къ группѣ, окружавшей виконтесу. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на него.

— Ты дебютировалъ здѣсь, какъ герцогъ Фронсакъ при дворѣ Людовика XIV, сказалъ Гекторъ;— поддержи себя на этой высотѣ и твоей успѣхъ въ обществѣ обезпеченъ.

— О, любезный другъ, какъ она хороша! промолвилъ шепотомъ Жоржъ на ухо Аврекуру.

— Ну, виконтеса, что вы скажете о дебиантѣ, который сразу танцуетъ съ графиней Тольна? сказалъ громко Гекторъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Если я болѣе счастливъ, чѣмъ заслуживаю, то обязанъ этимъ вашему радушному приему, сказалъ Жоржъ, чувствуя, что Рафаэлла устремила на него свои сапфировые глазки.

Въ то время, какъ виконтеса отвѣчала на комплиментъ молодого человѣка любезной улыбкой, не вдалекѣ отъ нея маркизъ Сапорто разговаривалъ по-испански съ Клоше.

— Я утверждаю вашему сіятельству, что это частный секретарь графа Б., говорилъ послѣдній, незамѣтно указывая на Аврекура;— онъ, по всей вѣроятности, повезетъ за-границу тѣ важныя бумаги, которыя такъ беспокоятъ императорское правительство. Я вамъ выдаю государственную тайну.

— Повѣрьте, любезный Клоше, что я сумѣю вознаграждать ваши услуги; но съ кѣмъ это виконтеса такъ любезно здоровается? сказала испанскій дипломатъ, указывая глазами на только что вошедшаго въ залу толстаго господина, котораго сопровождалъ другой незнакомецъ съ блѣднымъ, рябымъ лицомъ.

— Это Бонафу, отвѣчалъ Клоше, съ изумленіемъ пожима плечами.

— Да кто-же такой г. Бонафу?

Клоше снова пожалъ плечами и произнесъ въ полголоса:

— Онъ всѣмъ управляетъ въ полицейской префектурѣ: все знаетъ, все видитъ, все слышитъ.

— Мнѣ говорили, что онъ пріятель виконтесы, но я его здѣсь никогда не видалъ. Онъ, должно быть, сегодня не даромъ явился.

— Съ нимъ надо познакомиться.

— Но не я познакомлю васъ, маркизь: мы съ нимъ не въ ладахъ, произнесъ Клоше и, быстро повернувшись, исчезъ въ толпѣ.

Но проницательный взглядъ Бонафу уже замѣтилъ его.

— Съ кѣмъ говорилъ только что Клоше? спросилъ онъ у сопровождавшаго его Фермине.

— Это испанскій грандъ, другъ Прима; онъ пріѣхалъ интриговать у императорскаго правительства въ пользу своей партіи, а Клоше пристроился къ нему, какъ чичероне.

— Это вѣрно, но откуда вы знаете?

— А откуда я узналъ, что Аврекуръ находится въ сношеніяхъ съ Дубльданомъ?

— Кстати, этотъ Дубльданъ не былъ-ли помощникомъ нотариуса Жонаде въ Кальмарѣ въ 1842 г. когда пожаръ истребилъ въ конторѣ всѣ бумаги? Прокуратура спрашиваетъ у меня этихъ свѣдѣній.

— Можно навести справки, отвѣчалъ Фермине;—а извѣстно ли вамъ, что залы, въ которыхъ мы находимся, соприкасаются съ тѣмъ домою въ улицѣ Рима, гдѣ двѣ дѣвушки обезпечены съ помощью одуряющихъ напитков?

— Извѣстно, сказалъ Бонафу сухо,—но дѣло это далеко не такъ важно, какъ полагали сначала.

Между тѣмъ Жоржъ считалъ минуты до назначеннаго свиданія и въ то-же время не спускалъ глазъ съ прелестнаго лица Рафаэлы. Когда раздались первые звуки музыки, онъ подошелъ къ ней, но его предупредилъ маркизь, который вмѣстѣ съ Мариусомъ Симономъ находился въ числѣ гостей виконтесы и съ плохо скрываемою завистью смотрѣлъ на успѣхи Жоржа, съ которыми онъ даже едва познакомился.

— Позвольте мнѣ пригласить васъ на мазурку, произнесъ маркизь, обращаясь къ Рафаэлѣ.

— Извините, отвѣчала молодая дѣвушка, покраснѣвъ, — мнѣ кажется... я приглашена...

И она съ нѣжной мольбой устремила свои взоры на Жоржа.

— Простите, я совершенно забылъ, что вы удостоили при-

нять мое приглашеніе на мазурку, сказалъ юноша, понявъ въ чемъ дѣло.

— А! этотъ господинъ нанять на весь вечеръ! произнесъ маркизъ, дерзко смотря въ лорнетъ на Жоржа.

— Вы меня оскорбили безъ всякой причины и я приплю къ вамъ завтра моихъ секундантовъ, сказалъ Жоржъ, отводя въ сторону маркиза.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ маркизъ и, повернувшись на каблучкахъ, взялъ подъ руку близъ стоявшаго Маріуса Симона.

— Я ради васъ только-что солгала, сказала Рафаэлла, все еще пунцовая отъ волненія, — и, быть можетъ, буду причиною вашей ссоры съ этимъ господиношъ. Если-бъ я только знала...

— Полноте, не стоитъ объ этомъ думать, перебилъ ее Жоржъ и повелъ въ кругъ танцующихъ.

— Смотрите, Жоржъ танцуетъ теперь съ Рафаэллой, замѣтилъ, смѣясь, Аврекуръ виконтесъ.

— Онъ, кажется, ей нравится?

— Вы насъ проводите домой съ матушкой? спросила Рафаэлла, когда окончилась мазурка.

„Вотъ тебѣ на! подумалъ Жоржъ: — я погонюсь за двумя зайцами и ни одного не поймаю“.

Онъ послѣшно вынулъ часы и, увидавъ, что ему остается только десять минутъ до свиданія съ Изабеллой, произнесъ, самъ не понимая, что говорилъ:

— Извините... я не могу... впрочемъ... я... вернусь черезъ четверть часа.

Съ этими словами онъ исчезъ въ толпѣ, унося съ собою очаровательную улыбку Рафаэллы.

ГЛАВА XXVI.

Минута блаженства.

Дуэль между Жоржемъ и маркизомъ не состоялась, благодаря вмѣшательству Аврекура, который поднялъ на сибѣхъ молодыхъ людей и помирилъ ихъ за веселымъ завтракомъ. Но любовная интрига Жоржа съ графиней Тольна не осталось безъ послѣдствій. Послѣ двухъ-недѣльнаго сопротивленія, графиня отдалась

влюбленному юношѣ, и онъ въ первый разъ въ жизни былъ вполнѣ счастливъ. Онъ предался этому минутному блаженству съ такимъ юношескимъ пыломъ, что Изабелла сначала искренно заинтересовалась оригинальнымъ любовникомъ. Онъ не зналъ, что эта странная куртизанка, доведя своихъ любовниковъ до разоренія въ нѣсколько дней, безжалостно бросала ихъ, исчезая на время. Гордая, фантастичная и капризная, она мстила за свой позоръ тѣмъ, что сводила къума своихъ поклонниковъ; постоянно путешествуя по Италіи, Испаніи и Россіи, посѣщая все извѣстныя минеральныя воды и морскія купанья, она водила за носъ самыхъ извѣстныхъ, зватныхъ лицъ, а сама ни къ кому не привязывалась.

Она смертельно ненавидѣла Аврекура, который однажды выигралъ чрезвычайно унизительное для нея пари. Она вичилась, что сама бросала своихъ любовниковъ и что ни одинъ изъ нихъ не покинулъ ее; Аврекуръ-же побился объ закладъ съ пріятелями, что онъ въ сорокъ восемь часовъ одержитъ побѣду надъ гордой красавицей, а черезъ другіе сорокъ восемь часовъ пошлетъ ей письменную отставку. Онъ, дѣйствительно, выигралъ пари и его дерзкое письмо къ графинѣ Тольна ходило по рукамъ въ жюкей-клубѣ. Эта шутка должна была дорого обойтись Аврекуру, и графиня, поклявшись жестоко отомстить ему, уже побудила трехъ или четырехъ своихъ поклонниковъ драться съ нимъ на дуели.

Съ этого времени она еще надменнѣе стала обращаться съ мужчинами и тѣмъ удивительнѣе было, что она обратила вниманіе на бѣднаго адвоката, отъ котораго она не могла ничего ждать. Что-же касается Жоржа, то онъ наслаждался своимъ неожиданнымъ торжествомъ и, упоенный блаженствомъ, едва вѣрилъ себѣ, что обладалъ одной изъ знаменитѣйшихъ красавицъ Парижа. Изабелла увезла его на нѣсколько дней на свою прелестную дачу, въ окрестностяхъ Парижа и взяла съ него слово, что онъ никому не откроетъ ихъ связи, въ особенности Аврекуру, который, по ея словамъ, ухаживалъ за нею когда-то безуспѣшно и теперь всячески мстилъ ей за свою неудачу. Эти слова Изабеллы приводили въ изумленіе Жоржа, который невольно спрашивалъ себя, какимъ образомъ онъ могъ одержать побѣду тамъ, гдѣ блестящій виконтъ потерпѣлъ пораженіе. Но, не отличаясь чрезвычайнымъ самолюбіемъ, онъ рѣшилъ, что тутъ кроется какая-ни-

будь тайна и, не стараясь преждевременно открыть ее, молчалъ упорно о своемъ счастьѣ, несмотря на шутки Аврекура.

Между тѣмъ полученное имъ наслѣдство быстро исчезало. Онъ далъ взаимы шесть тысячъ франковъ Аврекуру, который ловко выпросилъ ихъ, подавая сначала видъ, что отъ нихъ отказывается, и три тысячи Карлу, который, дѣйствительно, изъ деликатности не хотѣлъ ихъ принять; наконецъ, онъ купилъ Изабеллѣ браслетъ въ шесть тысячъ франковъ. Прибавьте къ этому обѣды, ужины и пикники, устраиваемые Аврекуромъ, и легко будетъ понять, что у Жоржа оставалось теперь не болѣе трехъ или четырехъ тысячъ франковъ. Но, какъ всегда бываетъ въ тѣ минуты, когда счастье, повидимому, улыбается, Жоржъ предавался всевозможнымъ иллюзіямъ насчетъ своей будущности. Принявъ свѣтскій лоскъ и самоувѣренный тонъ отъ своего друга виконта, онъ началъ рассчитывать на судьбу, какъ всѣ искатели приключеній, среди которыхъ онъ вращался.

Дѣйствительно, не улыбнулось-ли самымъ неожиданнымъ образомъ счастье бѣдному адвокату безъ кліентовъ и славы? Не свалилось-ли ему съ неба дѣло о наслѣдствѣ Карла Эльмериша? Хотя онъ въ послѣднее время не ходилъ въ табульд'отъ Ламуро, но Карлъ посѣщалъ его часто. Молодые люди постоянно говорили о Дубльданѣ, о которомъ не было ни слуху, ни духу. Жоржъ не могъ простить себѣ своего легкомысленнаго поведенія при свиданіи съ этимъ господиномъ. Его беспокоило то, что ни онъ, ни Карлъ не знали адреса таинственнаго незнакомца.

Наконецъ Карлъ получилъ по городской почтѣ письмо слѣдующаго содержанія:

„У вашего молодого друга благородное сердце. Я хотѣлъ его испытать и остался имъ очень доволенъ. Потерпите нѣсколько дней, мы скоро увидимся.

А. Дубльданъ“.

— Видишь, воскликнулъ Карлъ, бросаясь на шею Жоржу, — ты ошибся насчетъ этого человѣка, а онъ тебя сразу оцѣнилъ.

— Но онъ опять не даетъ своего адреса, отвѣчалъ Жоржъ, пристально разглядывая мелкій, красивый почеркъ записки и не находя въ немъ ничего подозрительнаго; — неужели я ошибся? Если этотъ человѣкъ окажетъ тебѣ дѣйствительную услугу, я отказывюсь судить людей по ихъ вѣшнему виду.

ГЛАВА XXVII.

Тайственное наследство.

Что-же дѣлалъ въ это время Дубльданъ и въ чемъ состояло тайственное наследство Карла Эльмериша?

Въ 1845 году г-жа Нерваль, урожденная графиня Марку, вдова морского офицера, вышла замужъ вскорѣ послѣ его смерти за Даниеля Бернарда, иностранца и искателя приключеній. На этотъ романтичный бракъ общество посмотрѣло, какъ на большой скандалъ. Молодая женщина послѣдовала за своимъ мужемъ въ Америку, гдѣ онъ нажилъ громадное состояніе. Возвратясь во Францію черезъ шестнадцать лѣтъ, онъ скоропостижно умеръ, не оставивъ ни дѣтей, ни завѣщанія, такъ что все его состояніе перешло къ вдовѣ, у которой была дочь отъ перваго брака, Бланшъ Нерваль. Послѣ смерти своей матери въ 1864 г. эта молодая дѣвушка наследовала все состояніе Даниеля Бернарда, которое можно было оцѣнить въ пять миліоновъ франковъ.

Но въ жизни Даниеля Бернарда были обстоятельства, которыхъ никто не зналъ, даже его жена. До его пріѣзда въ Парижъ онъ носилъ другую фамилію и былъ женатъ. Сынъ кольмарскаго пивовара, по имени Карль Эльмеришъ, онъ женился въ 1842 г. на молодой дѣвушкѣ, которую бросилъ въ первую ночь послѣ свадьбы и при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ. Въ саду дома, гдѣ жили молодые, оказался трупъ неизвѣстнаго чело-вѣка, а жена Эльмериша, послѣ продолжительной болѣзни, сошла съума, такъ что страшная тайна никогда не открылась. Восемь мѣсяцевъ спустя, въ городской больницѣ въ Валансьенѣ несчастная молодая женщина родила сына, котораго при крещеніи назвали Карломъ Эльмеришемъ, а сама она, умирая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, клялась, что была невинна.

Такимъ образомъ Карль Эльмеришъ былъ законнымъ сыномъ Даниеля Бернарда, который впоследствии переимѣнилъ свое имя и женился на г-жѣ Нерваль; слѣдовательно, Карль былъ единственнымъ, законнымъ наследникомъ своего отца, неоставившаго духовнаго завѣщанія.

Но какимъ образомъ Дубльданъ узналъ эту тайну? Благодаря стеченію самыхъ странныхъ обстоятельствъ.

Въ 1842 году, Дубльданъ былъ старшимъ писцемъ кольмарскаго нотаріуса Жюнаде, у котораго былъ совершенъ брачный контрактъ Карла Эльмериша съ Жанной Дольфюсъ. Въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года контора нотаріуса Жюнаде сгорѣла во время его отсутствія, и Дубльдана подозрѣвали въ поджогѣ; въ попыткахъ, онъ похитилъ, вмѣсто драгоценныхъ документовъ, связку самыхъ ничтожныхъ бумагъ, въ томъ числѣ и свадебный контрактъ Эльмериша. Несмотря на ихъ ничтожность, онъ все-же сохранилъ эти акты въ своихъ бумагахъ даже послѣ переѣзда въ Парижъ, гдѣ онъ поступилъ старшимъ писцемъ къ нотаріусу.

Судьбѣ было угодно, чтобы этотъ самый нотаріусъ дѣлалъ опись имуществу умершаго Даніеля Бернарда. Перебирая вмѣстѣ съ своимъ патрономъ бумаги покойнаго, Дубльданъ нашелъ въ потаенномъ ящикѣ конторки связку бумагъ съ надписью: „подлежать сожженію“. Въ эту минуту Дубльданъ находился въ комнатѣ одинъ; поспѣшно распечатавъ связку, онъ пошелъ тамъ письма Жанны Дольфюсъ къ Карлу Эльмеришу и отвѣты послѣдняго.

— Карлъ Эльмеришъ, сказалъ про себя Дубльданъ: — я знаю это имя.

Возвратясь домой, онъ перебралъ свои старыя бумаги и нашелъ въ нихъ подлинный брачный контрактъ Карла Эльмериша и Жанны Дольфюсъ. Для такого ловкаго и проникательнаго чловека, какъ Дубльданъ, этихъ фактовъ было совершенно достаточно. Онъ вспомнилъ всѣ подробности кольмарскаго убійства и тотчасъ пришелъ къ убѣжденію, что миліонеръ Даніель Бернардъ, женатый на г-жѣ Нерваль, былъ никто иной, какъ кольмарскій убійца, мужъ Жанны Дольфюсъ.

Подобное открытіе имѣло громадную важность для первой жены Карла Эльмериша и ея ребенка, если они еще были живы; во всякомъ случаѣ чловекъ, обладавшій такими документами, могъ надѣлать много непріятностей теперешнимъ собственникамъ этого наслѣдства. Поэтому Дубльданъ незамѣтно похитилъ бумаги, касавшіяся Карла Эльмериша и нѣсколько портретовъ Даніеля Бернарда для того, чтобы свидѣтели могли доказать его тождественность съ Карломъ Эльмеришемъ. Кромя того, онъ не-

медленно съѣздилъ въ Кольмаръ и взялъ копию съ метрическаго свидѣтельства Карла Эльмериша и жены его Жанны Дольфюсъ, а также снялъ копию съ акта о смерти Даниеля Бернарда и съ протоколовъ по слѣдственному дѣлу о кольмарскомъ убійствѣ.

Но всего этого было недостаточно; главное—слѣдовало найти вдову Эльмериша и ея ребенка. Въ Кольмарѣ помнили только, что она сошла съ ума и бѣжала изъ сумасшедшаго дома. Потребовалось два года самыхъ энергичныхъ розысканій, чтобы напастъ на слѣды; наконецъ, съ искуствомъ полицейскаго сыщика, Дубльданъ отыскалъ слѣды исчезнувшей женщины. Съ прежней акуратностью онъ взялъ копию съ акта о смерти Жанны Эльмеришъ въ валансьенской больницѣ и съ метрическаго свидѣтельства ея сына Карла, а также удостовѣреніе мѣстныхъ властей, что онъ жилъ въ Валансьенѣ до своего совершеннолѣтія.

Теперь онъ принялся съ новой энергіей за розысканіе молодого человѣка, который втеченіи четырехъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Парижѣ, не поддерживалъ никакихъ сношеній съ родиною, оставившей въ его памяти самое грустное впечатлѣніе. Зная, что Карлъ отправился въ Парижъ, Дубльданъ сначала наводилъ справки въ университетѣ и во всѣхъ школахъ, а потомъ, получивъ свѣденія объ его музыкальномъ талантѣ, онъ неустанно розыскивалъ его по всѣмъ кофейнямъ, пивнымъ, трактирамъ и т. д., даже взялъ себѣ въ помощники для этого дѣла одного изъ своихъ пріятелей, полицейскаго сыщика. Наконецъ, Карлъ былъ отысканъ въ гостинницѣ улицы Готфель, неподалеку отъ табльд'ота Ламуро, гдѣ онъ ежедневно обѣдалъ. Мы уже видѣли, что у Дубльдана было два сообщника въ числѣ постоянныхъ посѣтителей этого табльд'ота: аббатъ Экуфье и Лекардонель, черезъ которыхъ онъ получилъ всѣ необходимыя свѣденія о Жоржѣ Реймонѣ.

Теперь необходимо еще объяснить, зачѣмъ Дубльданъ, разставивъ сѣти вокругъ Карла Эльмериша и его друга Жоржа Реймона, въ то-же время ловилъ въ силки и Гектора Аврекура.

Въ послѣднее время Дубльданъ занимался также ремесломъ ростовщика и давалъ богатой молодежи деньги подъ громадныя проценты. Въ числѣ своихъ немногочисленныхъ должниковъ, такъ какъ средства у него были еще незначительныя, онъ обратилъ особое вниманіе на виконта Аврекура. Молодой человѣкъ пора-

зилъ его своей отважной смѣлостью и преждевременной развратностью. Дубльданъ былъ увѣренъ, что онъ проложитъ себѣ дорогу въ свѣтъ и, уговоривъ своихъ друзей ссудить его довольно крупной суммой, близко сошелся съ ними. Узнавъ объ его походахъ въ парижскомъ полусвѣтѣ, о политическихъ интригахъ и стремленіи поправить свои дѣла выгоднымъ бракомъ, онъ съ изумленіемъ остановился на странномъ стеченіи обстоятельствъ, въ силу которыхъ Аврекуръ хотѣлъ именно жениться на Бланшъ Нерваль, владѣвшей наслѣдствомъ Карла Эльмериша.

Вотъ почему онъ и повелъ двойную игру, разставляя сѣти обоимъ молодымъ людямъ. Онъ рассчитывалъ купить у Эльмериша право на его наслѣдство за пятьсотъ или шестьсотъ тысячъ франковъ и продать его Аврекуру за три съ половиною миліона. Но отчего онъ не удерживалъ за собою купленного отъ Карла права на наслѣдство?

Сдѣлавшись неожиданно обладателемъ тайны Даниеля Бернарда. Дубльданъ обдумалъ всевозможныя комбинаціи. Сначала онъ хотѣлъ прикинуться добродѣтельнымъ человѣкомъ и усыновить Карла Эльмериша, но у него не было условій, требуемыхъ для этого закономъ. Слѣдовательно, ему оставалось только обманомъ купить за дешевую цѣну его права на наслѣдство. Но Дубльданъ, несмотря на всю свою смѣлость и искусство, вполне сознавалъ, какія трудности его ожидали, если знатное семейство, противъ котораго онъ дѣйствовалъ, затѣяло-бы съ нимъ тяжбу въ судѣ. Конечно, всѣ собранныя имъ доказательства и самый способъ ихъ пріобрѣтенія подверглись-бы тщательной критикѣ, а въ его прошедшемъ было многое, что слѣдовало скрывать. Поэтому онъ и рѣшился взять себѣ въ сообщники человѣка, который, по своему положенію въ свѣтѣ и личной ловкости, могъ служить ему большой помощью. Вотъ причина, по которой онъ остановилъ свой выборъ на Аврекурѣ. „Я уступлю права Карла Эльмериша Аврекуру, думалъ онъ, — съ сбавкою въ полтора миліона, а гарантіей исправнаго полученія этой суммы будутъ кромѣ молодой четы и все семейство невѣсты“.

Оставалось только найти 600,000 франковъ для отдачи Карлу Эльмеришу; послѣ долгихъ поисковъ онъ нашелъ такого-же, какъ и самъ, мошенника, который обязался внести 600,000 франковъ за 33%. Но чтобъ окончательно привести въ исполненіе этотъ

гравдіозный планъ, необходимо было согласіе наслѣдника, а тутъ явилась неожиданная преграда въ лицѣ Жоржа Реймона, его друга и адвоката. Ловкій дѣлецъ написалъ тогда Карлу извѣстную читателямъ хитрую записку и скрылся на-время въ своей норѣ, подготавливая новые подходы.

ГЛАВА XXVIII.

Процессъ.

Прошли двѣ недѣли со времени полученія знаменательной записки Дубльдана и ни Жоржъ Реймонъ, ни Карлъ Эльмеришъ не получали отъ него никакой вѣсти. Тщетно Жоржъ наводилъ справки вездѣ, гдѣ могъ: ни адвокаты, ни стряпчіе, ни судебные пристава не могли дать ему никакихъ свѣденій объ этой таинственной личности.

„Дубльданъ благодѣтель Карла, испытывалъ только адвоката своего юнаго друга! Какъ-бы не такъ, повѣрю я этой сказкѣ“, думалъ молодой человѣкъ, сидя въ залѣ суда первой инстанціи въ ожиданіи разбирательства гражданскаго дѣла одного изъ своихъ кліентовъ, которые завелись у него въ послѣднее время, благодаря его новымъ знакомымъ.

— Дѣло Дубльдана съ Марку и Нервалемъ! громко произнесъ судебный приставъ, къ величайшему изумленію Жоржа.

Ничто на свѣтѣ не поразило-бы такъ молодого человѣка, какъ странное сочетаніе этихъ трехъ именъ: таинственнаго дѣльца, прелестной дѣвушки, видѣнной имъ въ церкви Божіей Матери, и ея дяди.

По просьбѣ адвоката графа Марку дѣло было отложено на мѣсяць, и Жоржъ Реймонъ, съ тревожнымъ нетерпѣніемъ досидѣвъ до конца засѣданія, подошелъ къ секретарю и попросилъ взглянуть на докладную записку по дѣлу, такъ неожиданно его заинтересовавшему. Секретарь исполнилъ его желаніе, но не очень охотно, такъ-какъ молодого адвоката еще мало знали въ судахъ.

Жоржу достаточно было одного взгляда на докладную записку, которая въ гражданскихъ дѣлахъ всегда составляется для предсѣдателя съ изложеніемъ вкратцѣ исковыхъ требованій и воз-

раженій отвѣтчика, чтобъ понять всю сущность таинственной исторіи о наслѣдствѣ Карла Эльмериша.

„Имѣя въ виду, говорилось въ запискѣ: 1) что дѣвица Нерваль наслѣдовала послѣ своей матери, вдовы Даниеля Бернарда, состояніе въ пять миліоновъ, которое послѣдняя не имѣла права ей оставить; 2) что Даниель Берnardъ именовался, согласно прилагаемымъ при семъ актамъ, Карломъ Эльмеришемъ и оставилъ послѣ себя законнаго сына; 3) что Карль Эльмеришъ сынъ, нынѣ совершеннолѣтній, единственный законный наслѣдникъ своего отца, умершаго безъ духовнаго завѣщанія; 4) что, слѣдовательно, вдова Даниеля Бернарда не имѣла никакого права получать наслѣдство послѣ своего второго мужа и передавать его дочери отъ перваго брака; 5) что Дубльданъ, кредиторъ Карла Эльмериша, состоящаго ему должнымъ значительныя суммы,—что будетъ доказано надлежащимъ порядкомъ,—имѣетъ полное право ходатайствовать, какъ третье лицо, заинтересованное въ дѣлѣ о признаніи правъ Карла Эльмериша на наслѣдство, оставшееся послѣ отца и пр. и пр.“

Жоржъ Реймонъ далѣе не читалъ. Онъ теперь понялъ все дѣло. Дѣйствительно, на долю его друга, какъ это бываетъ иногда на свѣтѣ, выпало неожиданное счастье. Записавъ имена адвокатовъ обѣихъ сторонъ и адресъ Дубльдана, Жоржъ вышелъ изъ залы суда, забывъ дѣло, которое онъ защищалъ и думая только о знаменитомъ процессѣ, упавшемъ на него съ неба. Одно только его беспокоило: зачѣмъ Дубльданъ началъ отъ своего собственного имени дѣло объ утвержденіи въ наслѣдствѣ Карла Эльмериша и что означали тѣ значительныя суммы, которыя будто-бы Карль былъ долженъ Дубльдану.

Вотъ въ чемъ состояла новая уловка Дубльдана. Мѣсяцъ тому назадъ онъ отправился къ графу Марку, опекуну дѣвицы Нерваль съ предложеніемъ покончить дѣло миромъ за полтора миліона франковъ. Но гордый графъ, неподозрѣвавшій прошедшаго Даниеля Бернарда, не повѣрилъ исторіи, рассказанной Дубльданомъ, несмотря на всѣ представленныя имъ доказательства, и надменно прогналъ его изъ своего дома. Тогда Дубльданъ подалъ въ судъ извѣстный читателямъ искъ отъ своего имени, не желая еще выдвигать на арену самого Карла Эльмериша. Что-же касается до значительныхъ суммъ, должныхъ ему Карломъ, то,

дѣйствительно, Дубльданъ, воспользовавшись неопытностью молодого человѣка, заставилъ его подписать довѣренность на его имя съ изложеніемъ такихъ фактовъ, которые никогда не существовали.

Не зная этихъ подробностей, Жоржъ Реймонъ терялся въ догадкахъ на счетъ намѣреній Дубльдана и рѣшилъ, наконецъ, что надо прямо объясниться съ этимъ зловреднымъ чудовищемъ. Поэтому онъ немедленно написалъ ему слѣдующую записку:

„Милостивый Государь!

„Я жду васъ завтра въ часъ въ моей квартирѣ по очень важному дѣлу.

Готовый къ услугамъ

Жоржъ Реймонъ“.

ГЛАВА XXIX.

Политическія и частныя интриги.

Въ 12^{1/2} часовъ ночи Изабелла назначила свиданіе Реймону, а вечеръ онъ долженъ былъ провести въ оперѣ, гдѣ шелъ „Гамлетъ“ въ бенефисъ Фора. Передъ спектаклемъ молодой человѣкъ заѣхалъ къ Карлу Эльмеришу, для котораго онъ также досталъ билетъ и передалъ ему удивительное открытіе, сдѣланное имъ въ судѣ.

— Я наследникъ громаднаго состоянія! Я сынъ милонера! Да это сонъ! воскликнулъ Карлъ, пожимая съ пламенной благодарностью руку своего друга.—Если это правда, какъ мы оба будемъ счастливы!

Въ 8 часовъ, молодые люди, одѣтые по послѣдней модѣ, вошли въ театръ. Весь Парижъ, начиная отъ императора и императрицы, присутствовалъ на этомъ торжественномъ спектаклѣ. Въ партерѣ виднѣлись знаменитости политическаго, литературнаго и коммерческаго міра, въ ложахъ, сверкая красотой и брилліантами, красовался цвѣтъ аристократіи, плутократіи и полусвѣта. Представленіе началось немедленно послѣ прибытія императора, но для дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа главный интересъ этого вечера сосредоточивался не на сценѣ, а въ залѣ, гдѣ, дѣйствительно произошло много необыкновеннаго.

— Такъ ничего еще не открыто по поводу этой корреспонден-

денціи? спросилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, сидя въ своей ложѣ, у виконта Буа-Лорье, исполнявшаго должность его частнаго секретаря.

— Ничего, ваше превосходительство, отвѣчалъ молодой человекъ съ очень аристократическими манерами и насмѣшливой улыбкой:—хотя при графѣ В. мы имѣемъ самаго вѣрнаго агента, но все его усилія ни къ чему до сихъ поръ не повели. Онъ очень аккуратно осматриваетъ столы и бумаги графа, а все еще не напалъ на слѣдъ корреспонденціи графа съ принцами.

— Странно, замѣтилъ министръ,—агентъ или неловоекъ, или измѣнникъ. Но Бонафу говорилъ префекту о какомъ-то ростовщикѣ, по имени Дубльданъ, который держитъ въ своихъ когтяхъ Аврекура. Добрались-ли чего-нибудь отъ этого Дубльдана?

— Мнѣ ничего не извѣстно, ваше превосходительство.

— Посмотрите пожалуйста, въ той ложѣ, кажется, сидитъ графъ В. съ своимъ секретаремъ Аврекуромъ.

— Да это они, ваше превосходительство, отвѣчалъ Буа-Лорье, смотря въ лорнетъ по указанному направленію.

— Въ залѣ долженъ быть Клоше; у него удивительныя акустическія способности. Скажите ему, чтобъ онъ не упускалъ изъ вида этихъ двухъ лицъ. Можетъ быть, мы узнаемъ что-нибудь изъ ихъ разговора или жестовъ.

— Ваше превосходительство...

— Ну что?

— Онъ начинаетъ капризничать, увѣряя, что его недостаточно цѣнятъ, и грозитъ, что не будетъ намъ болѣе служить, если его не сдѣлаютъ помощникомъ префекта.

— Ну такъ что-жь, общайте ему мѣсто. Скажите также Бонафу, чтобъ онъ слѣдилъ съ своей стороны за графомъ и Аврекуромъ. Передайте ему, что я рассчитываю на его усердіе.

Между тѣмъ въ другой ложѣ происходилъ не менѣ знаменательный разговоръ графини Тольна съ маркизомъ Сапорта.

— Покажите мнѣ, графиня, молодого адвоката, сказалъ небрежно испанскій дипломатъ;—знаете, того адвоката, съ которымъ вы танцевали у виконтесы. Его, кажется, зовутъ Жоржъ Реймонъ.

— Жоржъ Реймонъ? повторила графиня, какъ-бы стараясь что-то припомнить.—Я его не знаю... Ахъ! да, это одинъ изъ

юношей, которых приглашают на балы для декораций; но, право, я въ лицо его не узнаю.

— А мнѣ говорили, прелестная графиня, что вы обратили на него вниманіе.

— Фи! Неужели вы ревнуете?

— А ревновалъ я васъ къ Аврекуру?

— Вы хотите со мною поссориться, маркизь? Я вамъ сейчасъ дамъ отставку. Точно вы не знаете, что я ненавижу Аврекура.

— Ну, графиня, я вамъ задамъ шараду, которую очень не трудно разгадать: что сдѣлаетъ красавица, которой предложить отомстить ненавистному человѣку, сдѣлать пріятное своему правительству и...

— И?

— И получить царственный подарокъ? Все это разомъ. Что она сдѣлаетъ?

— Это будетъ зависѣть отъ того, чего отъ нея потребуютъ, отвѣчала Изабелла, играя вѣромъ.

— Вы это сейчасъ узнаете, прелестная графиня, промолвилъ тонкій дипломатъ;—потерпите немного.

Съ этими словами, онъ вышелъ изъ ложи и встрѣтился въ коридорѣ съ Клоше.

— Бьюсь объ закладъ, что виконтъ Аврекуръ ѣдетъ сегодня ночью, сказалъ послѣдній на ухо испанскому гранду.

— Почему вы это думаете?

— Я, маркизь, стою болѣе ста тысячъ за одно свое чутье, отвѣчала Клоше, граціозно изгибаясь:—я все вижу, все слышу, все предчувствую, все отгадываю. Графъ В. только-что вышелъ изъ своей ложи: внезапная болѣзнь принудила его возвратиться домой. За нимъ послѣдовалъ его секретарь, а я, какъ тѣнь, не отставалъ отъ нихъ и услышалъ, какъ говорилъ графъ: „Вы поѣдете вмѣсто меня... не надо провожать... заѣзжайте, за тѣмъ, что необходимо.“

— Изъ этого вы выводите...

— Что онъ везетъ важныя документы.

— Куда?

— Вы требуете, маркизь, большаго, чѣмъ я знаю. Если мнѣ удастся еще что-нибудь развѣдать—я вамъ сообщу.

— Хорошо.

Но посмотримъ, что дѣлалъ во все это время Жоржъ Реймонъ. Во второмъ антрактѣ, онъ неожиданно увидалъ въ ложѣ перваго яруса очаровательную головку, при видѣ которой сердце его тревожно забилось. Это была она, Бланшъ Нерваль.

— Что съ тобою? спросилъ Карлъ Эльмеришъ, который съ жаромъ критиковалъ французскую музыку и теперь вдругъ замѣтилъ непонятное волненіе своего друга.

— Ничего, отвѣчалъ Жоржъ, — я вижу издали пріятеля, съ которымъ мнѣ надо поговорить. Я сейчасъ вернусь.

Съ этими словами онъ быстро поднялся въ первый ярусъ. Дверь ложи, въ которой сидѣла молодая дѣвушка, такъ сильно поразившая Жоржа съ перваго взгляда и теперь, по странному стеченію обстоятельствъ, сосредоточившая на себѣ все его вниманіе, — была полутворена. Бланшъ Нерваль сидѣла рядомъ съ пожилой дамой, которую Жоржъ видѣлъ съ нею въ церкви, и съ красивымъ, сѣдымъ старикомъ, который, конечно, былъ графъ Марку.

— Вы уходите, дядя? не затворяйте, пожалуйста, двери: здѣсь ужасно душно, сказала молодая дѣвушка, повертываясь лицомъ къ коридору.

Жоржъ въ первый разъ слышалъ ея голосъ. Онъ былъ нѣжный, мелодичный. Черезъ секунду она сказала что-то пожилой дамѣ и засмѣялась такимъ серебристымъ смѣхомъ, что на сердцѣ Жоржа стало вдругъ весело. Потомъ, случайно или по необъясниму закону притяженія, она устремила на юнаго адвоката свои лазуревые, глубокіе глаза. Кто можетъ измѣрить память молодыхъ дѣвушекъ, когда дѣло идетъ объ ихъ поклонникахъ. Она, очевидно, узнала Жоржа и удивленіе выразилось на ея лицѣ.

„Господи! какъ она очаровательна! воскликнулъ онъ: — вотъ противная сторона! Вотъ противъ кого я буду тягаться въ судѣ отъ имени Карла.

Въ эту минуту дверь ложи затворилась. Голова молодого чело-
вѣка пылала. Онъ забылъ Изабеллу, и самыя восторженные планы, самыя безумныя надежды быстро смѣнялись другъ друга въ его мысляхъ.

— Я долженъ ее видѣть долѣе, такъ чтобъ она могла, въ случаѣ надобности, меня всегда признать, подумалъ онъ и, войдя въ балконъ перваго яруса, сѣлъ на скамейку, за которую запла-

тилъ безумныя деньги. Прямо противъ него находилась ложа, съ которой онъ не сводилъ глазъ.

Въ третьемъ актѣ онъ замѣтилъ съ изумленіемъ и ужасомъ, что за столомъ Бланшъ Нерваль вдругъ появился виконтъ Аврекуръ съ сіяющимъ лицомъ. Жоржъ почувствовалъ, что въ сердцѣ его заскрежетала ревность. Виконтъ любезно рассыпался съ дамами и отъ времени до времени почтительно разговаривалъ съ графомъ Марку. Молодая дѣвушка смотрѣла на Аврекура такъ нѣжно и отвѣчала на его комплименты съ такой обворожительной улыбкой, что Жоржъ Реймонъ едва могъ усидѣть на мѣстѣ.

Что дѣлалъ Гекторъ Аврекуръ въ этой ложѣ?

Минуть черезъ десять онъ уже входилъ, какъ-бы украдкой, въ ложу виконтесы Сен-Мори и съ игривой улыбкой произнесъ въ полголоса:

— Дѣло выгораетъ, прелестная виконтеса.

— Чего-же вы добились, негодяй?

— Свиданія.

— Гдѣ?

— У васъ, или, что то-же самое, у моей родственницы, которая живетъ противъ ея портнихи. Она поѣдетъ къ ней послѣ завтра въ сопровожденіи только лакея, отъ котораго легко освободиться.

— И эта стралица придетъ?

— Вы забываете, виконтеса, что она пріѣдетъ къ моей родственницѣ, чтобъ говорить о нашей свадьбѣ. Прежде всего она войдетъ въ вашу оранжерею, которая выходитъ на лѣстницу, гдѣ живетъ ваша портниха.

— А въ концѣ оранжереи находится будуаръ.

— А вы желали-бы, чтобъ его тамъ не было? спросилъ Гекторъ, бросая на виконтесу взглядъ, полный самыхъ нѣжныхъ воспоминаній.

— А почему вы знаете, что она пріѣдетъ? Вѣдь вы не могли-же при дядѣ просить свиданія.

— Я написалъ ей вчера, что мнѣ надо непремѣнно видѣться съ нею наединѣ; что я застрѣлюсь, если ея дядя не согласится на нашъ бракъ и что она, достигнувъ девятнадцати-лѣтняго возраста, можетъ поступать независимо, самостоятельно. Я просилъ от-

вѣчать мнѣ знакомъ, согласна-ли она на это свиданіе, и она только-что подала мнѣ условный знакъ.

— Я понимаю, вы хотите низкимъ насиліемъ сдѣлать бракъ необходимымъ? Это подло.

— Полноте, прелестная виконтеса; такъ всегда поступали въ XVIII вѣкѣ. Неужели вы хотите, чтобъ мы были нравственнѣе нашихъ предковъ во времена старой монархіи?

— А, вы меня принимаете за г-жу Вальмонъ!

— Очаровательная виконтеса, вы знаете, что я васъ люблю, и я женюсь только, чтобъ остаться вамъ вѣрнымъ. Но безъ этого брака я погибъ.

Въ концѣ четвертаго акта Аврекуръ вышелъ изъ ложи виконтесы и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Жоржемъ.

— Любезный другъ, я тебя искалъ, сказалъ Гекторъ, — намъ надо поговорить. Ты видишь передъ собою счастливѣйшаго человека. Я тебѣ давно ничего не говорилъ о моей свадьбѣ, но теперь могу обрадовать извѣстіемъ, что всѣ препятствія устранены и ничто уже не можетъ помѣшать моей свадьбѣ.

— Какъ зовутъ эту молодую дѣвушку, съ которой ты только что разговаривалъ? спросилъ Жоржъ, съ ужасомъ предчувствуя отвѣтъ.

— Она моя невѣста, отвѣчалъ Гекторъ шепотомъ, — но теперь я въ очень затруднительномъ положеніи. Графъ Б. вдругъ занемогъ и посылаетъ меня сегодня ночью въ Брюссель. Болѣе я не могу ничего тебѣ сказать теперь, но приди ровно въ двѣнадцать часовъ въ Неаполитанскую кофейню.

Сказавъ это, Аврекуръ отошелъ отъ Жоржа и заговорилъ съ какими-то пріятелями. Молодой человекъ былъ совершенно уничтоженъ. Онъ машинально, какъ приговоренный къ смерти, спустился съ лѣстницы, надѣлъ пальто и пошелъ по улицѣ Лепельтъ въ какомъ-то безсознательномъ столбнякѣ.

ГЛАВА XXX.

А Р В Е Т Ъ .

Теперь намъ надо сказать нѣсколько словъ о цѣли поѣздки виконта Аврекура въ Брюссель по порученію графа Б.

Послѣ смерти графа М., одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ легитимистской партіи, графъ Б. сдѣлался центромъ всѣхъ интригъ Сен-Жерменскаго предмѣстья противъ декабрьской имперіи. Сначала эта оппозиція не имѣла большого значенія и выражалась только въ академическихъ рѣчахъ и въ статьяхъ „Revue des Deux Mondes“; но съ 1863 г., когда воскресло во Франціи либеральное движеніе, она стала пріобрѣтать все болѣе и болѣе силы.

Графъ Б. принималъ уже участіе въ парламентской борьбѣ послѣднихъ лѣтъ іюльской монархіи и въ учредительномъ собраніи выказалъ замѣчательный ораторскій талантъ. Другъ знаменитаго Берье, рядомъ съ которымъ онъ засѣдалъ въ палатѣ депутатовъ, онъ вступилъ на короткое время въ первое министерство, образовавшееся послѣ избранія въ президенты Людовика-Наполеона и, удаленный отъ дѣлъ послѣ 2 декабря, онъ считался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ второй имперіи. Отказавшись, повидимому, отъ всякой политической дѣятельности, онъ тайно поддерживалъ сношенія со всѣми сторонниками обѣихъ династическихъ партій и стремился всѣми силами къ осуществленію любимой мечты многихъ монархистовъ тогдашняго времени—слиянію старшей и младшей линій Бурбонскаго дома. Хотя разрѣшеніе этого вопроса, благодаря безконечнымъ преградамъ, нисколько не подвигалось въ принципѣ, но ему удалось, по крайней мѣрѣ, доказать необходимость союза легитимистовъ и орлеанистовъ на предстоявшихъ тогда выборахъ въ члены законодательнаго корпуса.

Для осуществленія этой цѣли необходимо было передать въ руки графа Шамбора записку, составленную графомъ Б., о положеніи монархической партіи во Франціи, списокъ сторонниковъ этой партіи и нѣсколько писемъ отъ значительныхъ политическихъ личностей. Поэтому было назначено въ Брюсселѣ свиданіе между графомъ Б. и довѣреннымъ лицомъ графа Шамбора. Но передъ самымъ отъѣздомъ графъ Б. неожиданно занемогъ и рѣшился послать важные документы въ Брюссель съ виконтомъ Аврекуромъ, который около двухъ лѣтъ исполнялъ должность его частнаго секретаря. Убѣдившись не разъ на дѣлѣ въ ловкости, энергіи и преданности молодого человѣка, графъ Б., ни мало не подозревавшій разгульную, беспорядочную жизнь его, былъ убѣж-

день, что онъ вполне оправдываетъ его довѣріе и безбоязненно передалъ ему желѣзный сундукъ съ драгоценными бумагами. Что же касается ключа, то онъ былъ предварительно отправленъ уполномоченному графа Шамбора.

Аврекуръ долженъ былъ отправиться по желѣзной дорогѣ въ часъ ночи, и потому, выйдя изъ оперы въ одиннадцать часовъ, онъ захватилъ домой только переодѣться и захватить саквояжъ съ драгоценной шкатулкой. Ровно въ полночь онъ уже былъ въ Неаполитанской кофейнѣ, гдѣ назначилъ свиданіе Жоржу Реймону, который уже ждалъ его въ самомъ тревожномъ, смутномъ настроеніи.

Неожиданное открытіе смѣлаго плана Гектора Аврекура — жениться на Бланшъ Нерваль, — поставило втупикъ молодого человѣка. Что ему было дѣлать? Хотя Аврекуръ не объяснилъ ему, что именно способствовало успѣху его сватовства, онъ понималъ, что викоупъ заключилъ позорную сдѣлку съ Дубльданомъ, который, съ одной стороны, обманывалъ Карла Эльмериша, а съ другой, вѣроятно, вырвалъ угрозами согласіе графа Марку и Бланшъ на этотъ бракъ. Но онъ, Жоржъ Реймонъ, другъ и адвокатъ Карла Эльмериша, могъ-ли дозволить, чтобы ограбили его кліента? А если семейство молодой дѣвушки не знало гнуснаго торга, предметомъ котораго она сдѣлалась неожиданно, то могъ-ли онъ не открыть имъ глазъ? Но какъ помѣшать осуществленію плана Аврекура, человѣка чрезвычайно ловкаго, могущественнаго и энергичнаго? Отказываясь отъ борьбы съ нимъ, онъ измѣнялъ Карлу, защищая Карла, онъ долженъ поспориться съ Аврекуромъ, а оба они были лучшіе его друзья. Наконецъ, онъ не могъ не сознавать въ глубинѣ своего сердца, что любилъ молодую дѣвушку, которая была ставкой въ этой преступной игрѣ.

„Какое тебѣ дѣло до нея? шепталъ ему однакожь какой-то невѣдомый голосъ, — вѣдь ты ее не знаешь и она не можетъ быть твоей. Не вступай въ борьбу съ Аврекуромъ и Дубльданомъ, которые сотрутъ тебя съ лица земли ради какого-то бѣднаго юноши. Ему будетъ достаточно и свалившихся съ неба нѣсколькихъ тысячъ франковъ, а ты лучше помоги его врагамъ и твоя карьера обезпечена“.

„Нѣтъ, отвѣчала совѣсть, еще незаглохнувшая въ сердцѣ молодого человѣка, который только принималъ внѣшній видъ разврата отъ окружавшей его въ послѣднее время развращенной сре-

лы;—я не подлець. И какъ могли мнѣ войти въ голову такія низкія мысли! Пусть я погибну, но я не дозволю злодѣямъ совершить задуманное ими преступленіе.

Эта рѣшимость вступить въ борьбу съ сильными врагами, какъ-бы преобразила молодого человѣка. Онъ забылъ объ очаровательной красавицѣ, которая еще за нѣсколько часовъ наполняла всѣ его мысли, и думалъ только о томъ, какъ-бы лучше разузнать всѣ подробности плана Гектора, безъ чего невозможно было дѣйствовать въ интересахъ бѣднаго юноши и невинной молодой дѣвушки, защитить которыхъ онъ поклялся въ глубинѣ своей души. Дѣлать было нечего: ему, олицетворенной искренности, приходилось надѣть маску и, подъ личиной дружескаго участія, вывѣдать все, что можно у Аврекура. Съ такими мыслями онъ ждалъ въ назначенную минуту своего новаго врага въ Неаполитанской кофейнѣ.

Бесѣда ихъ была непродолжительная. Аврекуръ снова заговорилъ о своемъ предстоящемъ бракѣ и объяснилъ, что непредвидѣнное обстоятельство, именно неожиданное наслѣдство, способствовало скорому осуществленію всѣхъ его надеждъ. На вопросъ Жоржа о таинственномъ незнакомцѣ, предлагавшемъ ему унизительную сдѣлку, онъ отвѣчалъ, что отказался отъ всего подлаго въ предложеніяхъ незнакомца, который, впрочемъ, былъ человѣкъ полезный, далъ ему денегъ взаймы и вообще могъ оказать большую помощь въ его предпріятіи. Жоржъ съ трудомъ удержался, чтобъ не воскликнуть: „я знаю твоего полезнаго человѣка, его зовутъ Дубльданомъ и вотъ какое преступленіе вы хотите оба совершить“. Но осторожность взяла верхъ надъ юношескимъ пыломъ.

Потомъ Аврекуръ переимѣнилъ разговоръ и рассказалъ своему другу, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Брюссель, какіе драгоценные и опасные документы онъ везетъ и пр., и пр.

— Однако ужъ поздно! воскликнуть онъ вдругъ, смотря на часы;—мнѣ уже пора. Проводи меня на желѣзную дорогу.

Жоржъ согласился и они отправились въ наемной каретѣ на станцію сѣверной желѣзной дороги. Но не успѣли они проѣхать нѣсколько улицъ, какъ Аврекуръ замѣтилъ, что за ними слѣдитъ другой экипажъ.

— Живѣй! живѣй! крикнулъ онъ кучеру и тотъ пустилъ лошадей крупной рысью; но черезъ нѣсколько минутъ слѣдовавшій

за ними экипажъ перегналъ ихъ; изъ окна его выглянула какая-то фигура, очевидно, наблюдавшая за нашими друзьями.

— Неужели меня накрыли промолвилъ Гекторъ;—если такъ, то я не отдамся даромъ, а многихъ положу на мѣстѣ; впрочемъ, это невозможно; заговорщикъ всего боится, даже своей тѣни.

Между тѣмъ карета въѣхала въ улицу Компьенъ, которая подходила къ самой станціи желѣзной дороги.

— Стой! крикнулъ Аврекуръ, спуская переднее окно.

Передъ ними, въ сорока шагахъ отъ главныхъ воротъ станціи, стоялъ полицейскій офицеръ съ четырьмя агентами въ статскомъ платьѣ. Онъ, повидимому, принималъ приказанія отъ шестого человѣка съ блѣднымъ, неподвижнымъ лицомъ, стоявшаго позади этой группы. Оставалось только пять минутъ до отхода поѣзда и лишь нѣсколько запоздалыхъ пассажировъ пробѣгало второпяхъ по площади.

— Кажется, насъ изловили, промолвилъ виконтъ въ полголоса и, поспѣшно вынувъ изъ саквояжа драгоценную шкатулку, сунулъ ее въ руки Реймона:—ради Бога, спаси эту вещь! Отвори дверцу съ твоей стороны и постарайся незамѣтно исчезнуть, выпрыгнуй на мостовую, пока я обращу на себя вниманіе кучера и полицейскихъ. Бѣги! бѣги! и не отдавайся живымъ въ ихъ руки! Завтра въ десять часовъ, я жду тебя въ ресторанѣ Манья, комната № 3.

Въ эту минуту раздался свистокъ, и поѣздъ вышелъ со станціи, а Гекторъ Аврекуръ съ шумомъ выскочилъ изъ кареты и громко закричалъ, чтобъ отвлечь общее вниманіе отъ Жоржа, который уже бѣжалъ во всѣ лопатки въ противоположномъ направленіи.

— Болванъ! я по твоей милости опоздалъ! Зачѣмъ ты остановился?

— Зачѣмъ вы остановились, когда вамъ велятъ ѣхать? произнесъ полицейскій офицеръ, подходя съ своими агентами, изъ которыхъ ни одинъ не видалъ, какъ Жоржъ скрылся за уголъ въ сосѣдней улицѣ:— вы хотѣли ѣхать съ этимъ поѣздомъ? прибавилъ онъ, обращаясь къ Аврекуру и пристально смотря на его саквояжъ.

— Да, отвѣчалъ Гекторъ, — если это можетъ васъ интересовать.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ придется отложить ваше путешествіе, потому что поѣздъ уже ушелъ, замѣтилъ полицейскій офицеръ, оглядываясь на стоявшаго за нимъ господина съ блѣднымъ лицомъ, который былъ никто иной, какъ Фермине.

— Такъ я поѣду завтра или въ одинъ изъ слѣдующихъ дней.

— Я имѣю честь говорить съ виконтомъ Аврекуромъ?

— А вамъ къ чему это знать, милостивый государь? спросилъ Гекторъ;—развѣ я обязанъ давать вамъ отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ?

— Не угодно-ли вамъ пожаловать, виконтъ, къ полицейскому комисару.

Фермине молча кивнулъ головою, какъ-бы одобряя это распоряженіе.

— Я отказываюсь идти съ вами, если вы мнѣ не представите доказательствъ вашего права арестовать меня.

— Прошу безъ разговоровъ слѣдовать за нами, произнесъ строго полицейскій офицеръ.

— Извольте, отъѣчалъ Аврекуръ послѣ минутнаго размышленія и закуривая сигару;—меня обыщутъ, какъ въ таможнѣ, прибавилъ онъ мысленно;—но птичка ужъ вылетѣла, а съ полиціей я всегда успѣю поладить.

ГЛАВА XXXI.

О С В О Б О Ж Д Е Н І Е.

Возвратясь благополучно домой, Жоржъ Реймонъ спряталъ шкатулку въ своемъ кабинетѣ такъ, что чужому не было возможности отыскать ее.

„Когда кончатся всѣ эти странныя, непредвидѣнныя случайности? думалъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе отъ усталости;—нѣтъ, я никогда не привыкну къ подобной жизни! Право, жаль, что я не послушался дяди и не поступилъ къ нотаріусу простымъ писцомъ.

Бросившись на постель, онъ старался уснуть, но долго не могъ сомкнуть глазъ и когда, наконецъ, забылся, то ему стали мерещиться какой-то страшный сумбуръ. Вокругъ него вертѣлись, въ

адской пляскѣ Аврекуръ, Изабелла, Бланшъ Нерваль, полицейскіе агенты, шкатулка и пр., и пр.

На слѣдующее утро, въ десять часовъ, онъ уже былъ въ ресторанѣ Маньи, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ Аврекуромъ. По дорогѣ онъ спрашивалъ себя, увидитъ-ли онъ виконта и не подвергнется-ли онъ аресту. Оказалось, что Аврекуръ уже ждалъ его въ особенной комнатѣ подъ № 3.

Но какъ попалъ туда Аврекуръ, какъ онъ освободился изъ когтей полиціи?

Какъ мы уже видѣли, за виконтомъ слѣдили какъ агенты министерства внутреннихъ дѣлъ, которые ничего не открыли, такъ и агенты префектуры, которые напали на его слѣдъ, производя тайное дознаніе о Дубльданѣ по просьбѣ графа Марку, заявившаго префекту о темной дѣятельности этого человѣка по поводу наслѣдства Даниеля Бернарда. Этимъ дѣломъ руководилъ Фермине, по порученію Бонафу, а онъ находился въ самыхъ странныхъ отношеніяхъ къ предмету розыска. Онъ былъ закадычнымъ другомъ Дубльдана; въ юности они дѣлили нищету и горе, а теперь оказывали другъ другу услуги, на-сколько было возможно. Поэтому Фермине надо было, съ одной стороны, защитить своего друга, а съ другой, воспользоваться имъ для доказательства передъ начальствомъ своей ревности къ службѣ. На этомъ основаніи онъ и указалъ Бонафу на Дубльдана, какъ на человѣка, который могъ выдать тайну Аврекура, секретаря графа Б., и, быть можетъ, указать средство захватить переписку легитимистовъ съ графомъ Шамборомъ. Но это дѣло было не очень легкое, такъ-какъ Дубльданъ ненавидѣлъ политику и боялся вмѣшиваться въ нее, въ виду возможности рано или поздно попасть на скамью подсудимыхъ; а потому, несмотря на всю его хитрость, Фермине удалось выпытать отъ Дубльдана только очень скудныя свѣденія о виконтѣ Аврекурѣ, которыя не принесли-бы большой пользы, если-бъ Клоше не подслушалъ, какъ мы уже знаемъ, въ оперѣ разговора между графомъ Б. и Гекторомъ. Вслѣдствіе донесенія Клоше, который въ одно и то-же время служилъ тайнымъ агентомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и въ свободныя минуты доставлялъ необходимыя свѣденія иностраннымъ дипломатамъ, Бонафу принялъ немедленно мѣры, которыя привели къ аресту Аврекура.

Полицейскій комисарь, которому представили виконта, просилъ позволенія осмотрѣть его портфель и сак-вояжъ подъ предлогомъ, что полиція получила извѣстіе объ отъѣздѣ по желѣзной дорогѣ одного путешественника съ важными документами, доказывавшими существованіе заговора противъ императорскаго правительства. Молодой человекъ отдалъ требуемыя вещи; послѣ тщательнаго обыска въ нихъ, конечно, не оказалось ничего подозрительнаго.

— Мы ничего не нашли, сказалъ комисарь, переглянувшись съ Фермине.

— И вы изъ этого заключаете? спросилъ Аврекуръ.

— Я попрошу васъ, отвѣчалъ комисарь, — пройти въ мою комнату и раздѣться. Вы этимъ доставите намъ удовольствіе немедленно выпустить васъ на свободу и себя избавите отъ дальнѣйшихъ непріятностей.

— Отъ какихъ? спросилъ Гекторъ, не теряя ни на минуту своего хладнокровія.

— Если вы не исполните моей просьбы, я буду принужденъ отправить васъ въ префектуру, гдѣ вы, конечно, подвергнетесь строжайшему обыску и...

— Господа, произнесъ Аврекуръ рѣзкимъ тономъ, поразившимъ комисара и Фермине, присутствовавшаго при осмотрѣ вещей, — даю вамъ честное слово, что на мнѣ нѣтъ ничего подозрительнаго. Неужели вы думаете, что я, въ противномъ случаѣ, отдался бы въ ваши руки такъ легко. Я не позволю вамъ нанести мнѣ подобнаго оскорбленія и не подчинюсь обыску, прибавилъ онъ, судорожно ощупывая въ карманѣ револьверъ. — Если случится несчастіе, вы будете за это ствѣчать. Я требую, чтобъ вы меня освободили немедленно и прекратили незаконное насиліе, на которое я буду жаловаться, кому слѣдуетъ.

Слыша такую смѣлую рѣчь и видя рѣшительную позу Аврекура, полицейскій комисарь взглянулъ вопросительно на Фермине. Этотъ взглядъ ясно говорилъ: „не позвать-ли людей?“ Но Фермине, понимая какія плачевныя послѣдствія могла имѣть вооруженная схватка въ подобномъ дѣлѣ, необставленномъ законными формальностями, покачалъ головою и закрылъ глаза.

Черезъ нѣсколько минутъ Аврекуръ былъ на свободѣ.

Такимъ образомъ, полиція потерпѣла унизительное пораженіе.

Очевидно, декабрьская имперія состарѣлась и всякая энергія вымерла въ ея холопахъ.

ГЛАВА XXXII.

Начало вoрѣвы.

Очутившись на свободѣ, благодаря своей смѣлости и самоувѣренности, Гекторъ Аврекуръ, изъ боязни, чтобъ за нимъ не слѣдили, отправился не прямо къ Жоржу Реймону. Онъ обогнулъ уголъ первой попавшейся улицы и потомъ пустился бѣгомъ, кружась по всѣмъ направленіямъ, такъ, чтобъ и слѣдъ его затерялся. Онъ провелъ ночь въ какомъ-то неизвѣстномъ отелѣ и на другое утро къ назначенному часу сидѣлъ уже въ отдѣльной комнатѣ ресторана Маньи.

— Ну? спросилъ онъ, знаменательно махая рукой при входѣ Жоржа.

— Я не зналъ, что надо было принести ее, отвѣчалъ Жоржъ, понимая, что жестъ Аврекура касался шкатулки; — я сейчасъ схожу за ней.

— Нѣтъ; поменьше бѣготни. Ты мнѣ отдашь ее вечеромъ; я поѣду только въ восемь часовъ, конечно, другой дорогой, предварительно повидавшись съ графомъ Б... Ты позавтракаешь со мною?

— Нѣтъ, благодарю. Мнѣ надо поговорить съ тобою о важномъ дѣлѣ и я прошу выслушать меня терпѣливо.

— Что это за торжественное вступленіе! произнесъ Гекторъ, принимаясь за холодный завтракъ, приготовленный на столѣ.

— Можетъ быть, я дурно началъ и слишкомъ торжественно, но, любезный Гекторъ, я не могу долѣе носить маски. Пора намъ объясниться.

— А ты до сихъ поръ притворялся? спросилъ Аврекуръ съ удивленіемъ.

— Я слѣдовалъ твоему примѣру; ты не разсказывалъ мнѣ всѣхъ твоихъ плановъ, а я не выражалъ тебѣ всего, что о нихъ думаю.

— Но все это, любезный другъ, только вступленіе.

— А вотъ и объясненіе: ты мнѣ сказалъ, что женишься, но скрылъ на какихъ условіяхъ совершится твой бракъ.

Гекторъ бросилъ на него взглядъ полу-удивленный, полудерзкій.

— Что-же это такое, ты хочешь меня исповѣдывать?

— Нѣтъ, исповѣдываться буду я, и скажу тебѣ то, чего ты не хочешь сказать: дѣвица Нерваль, на которой ты хочешь жениться, пользуется богатствомъ, ей непринадлежащимъ, а чловѣкъ, взявшійся устроить для тебя это дѣло, прозывается Дубльданъ.

— Какъ ты это знаешь? спросилъ Гекторъ, пристально смотря на Жоржа.

— Я тебѣ, пожалуй, расскажу, но вѣдь дѣло не въ этомъ. Твой бракъ немислилъ.

— Отчего? спросилъ Гекторъ, сохраняя все свое хладнокровіе, но не спуская глазъ съ Жоржа.

— Если Дубльданъ отъ тебя ничего не скрылъ, то тебѣ должно быть извѣстно, что все состояніе дѣвицы Нерваль принадлежитъ Карлу Эльмеришу, что Карлъ Эльмеришъ мой другъ и кліентъ и что я прогналъ этого самаго Дубльдана, когда онъ предложилъ мнѣ подобную-же сдѣлку.

Аврекуръ ничего не отвѣчалъ. Онъ въ первый разъ слышалъ имя законнаго наслѣдника состоянія, которымъ пользовалась Бланшъ Нерваль. Точно также Дубльданъ скрылъ отъ него неудачу своихъ переговоровъ съ Жоржемъ.

— Ну, такъ что-жь? спросилъ Гекторъ, когда Жоржъ рассказывалъ ему подробно всѣ эти обстоятельства.

— А вотъ-что. Ты не говоришь мнѣ о сдѣлкѣ съ Дубльданомъ, но я догадываюсь, что эта свадьба является слѣдствіемъ такой сдѣлки, которую я не хочу называть ея настоящимъ именемъ.

— И хорошо дѣлаешь; она вовсе тебя не касается.

— Но до меня касаются интересы моего кліента Карла. Я не могу дозволить, чтобъ его ограбили. Выдавъ его, я поступилъ-бы такъ-же дурно, какъ если-бъ я представилъ въ полицію то, что ты далъ мнѣ на сохраненіе.

— Ты просто дуракъ, произнесъ спокойно Гекторъ; — кто тебѣ говорить о томъ, чтобъ ты измѣнилъ интересамъ твоего дру-

га, Карла Эльмериша? Но, при всей твоей преданности своему кліенту, ты не можешь желать для него невозможнаго и довести себя до гибели какимъ-то пошлымъ дон-кихотствомъ. На все въ жизни надо смотрѣть просто и практично. Неужели ты думаешь, что твой другъ Карлъ, у котораго теперь нѣтъ ни гроша, не сочтетъ за благо получить триста или четыреста тысячъ франковъ?

— Ты повторяешь предложеніе Дубльдана.

— Конечно, отвѣчалъ холодно Гекторъ; — несмотря на всѣ твои способности, ты, кажется, ничего не понимаешь въ этомъ дѣлѣ. Ты хочешь сопротивляться человѣку, у котораго въ рукахъ всѣ нити дѣла. Ты видѣлъ Дубльдана, но не знаешь, что это за птица. Я самъ нахожусь въ полной зависимости отъ него; — увѣряю, что онъ тебя раздавитъ, если ты вздумаешь идти противъ него. Этотъ человѣкъ, повелѣвающимъ обстоятельствами, какъ ему угодно, хочетъ женить меня и спасти отъ гибели и ты думаешь, что я отвернусь отъ его помощи! Нѣтъ, ты ошибаешься, если полагаешь, что я способенъ переносить нищету со всѣми ея ужасами и униженіями. Я страшно отомстилъ-бы людямъ, которые не дали-бы мнѣ мѣста на жизненномъ пиру и мнѣ рѣшительно все равно, что они обо мнѣ будутъ думать. Жизнь — борьба дикихъ звѣрей за существованіе, а я, благодаря Бога, одаренъ когтями и зубами для самозащиты. Я думалъ, что ты остепенился, но ты по-старому только возбуждаешь во мнѣ сожалѣніе. Что ты можешь сдѣлать? Защищать Карла? Но почему ты знаешь, будешь-ли ты завтра его адвокатомъ? Что ты вступилъ съ нимъ въ сдѣлку? Если ты, начавъ борьбу, погубишь его и себя, то кто-же тебѣ скажетъ спасибо? Ты говоришь, что твоя совѣсть не позволитъ тебѣ исполнить наше желаніе, такъ-какъ ты былъ-бы тогда не вполне честнымъ человѣкомъ. Ну, такъ что-жь? Видаль-ли ты когда-нибудь совершенно честнаго человѣка? Ты говоришь, что дружба мѣшаетъ тебѣ измѣнить Карлу; а я тоже твой другъ. Такъ мнѣ можно измѣнить?

Жоржъ ничего не отвѣчалъ и сидѣлъ, молча, нахмуривъ брови. Наконецъ, онъ всталъ въ большомъ волненіи. Гекторъ протянулъ ему руку.

— Нѣтъ, я не могу теперь позать тебѣ руки, произнесъ

Жоржъ, — я сейчасъ принесу тебѣ шкатулку. Можетъ быть, мы никогда болѣе не увидимся.

— Не говори пустяковъ, ребенокъ! воскликнулъ Гекторъ, взявъ его насильно за руку; — мы обо всемъ этомъ поговоримъ подробно въ другой разъ и я готовъ сдѣлать все, чтобъ только успокоить твою щепетильность. Ты доволенъ? Но, пожалуйста, принеси шкатулку къ семи часамъ: я уѣзжаю въ восемь.

— Хорошо, принесу, отвѣчалъ Жоржъ мрачно и вышелъ изъ комнаты, не оглянувшись ни разу назадъ.

„Онъ побѣжденъ, онъ нашъ!“ подумалъ Гекторъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ОЧЕРКИ ПЕРВОБЫТНОЙ ЖИЗНИ И МЫСЛИ

IV.

„Bellum omnium contra omnes“

Каждому читателю извѣстенъ открытый Дарвиномъ ходъ развитія органическаго міра путемъ естественнаго подбора родичей и борьбы за существованіе. Но даже и въ животномъ мірѣ „война всѣхъ со всѣми“ не исключаетъ существованія симпатическихъ и общественныхъ чувствъ, которыя сильнѣе всего выражаются въ брачной жизни нѣкоторыхъ животныхъ, въ любви родителей къ дѣтенышамъ и въ заботахъ о воспитаніи послѣднихъ. Общественныя-же отношенія животнаго міра стоятъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже выше общественныхъ отношеній первобытнаго дикаря, подобно тому, какъ пчелиныя улья, постройки бобровъ и даже гнѣзда птицъ гораздо выше жилища какого-нибудь бушмена или австралійца. Многія дикія животныя, какъ перелетныя птицы, дикіе лошади или олени, имѣютъ правильную общественную организацію, вожаковъ, за которыми слѣдуетъ вся масса, часовыхъ, разставляемыхъ во время отдыха или кормежки и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ, какъ, напр., волки организуются въ отряды для нападеній, а дикія лошади, преслѣдуемыя волками, обратившись головами къ одному центральному пункту, образуютъ изъ себя каре и отбиваются отъ волковъ задними копытами. Все это животныя кочевья; что-же касается „осѣдлыхъ“, то у нихъ мы видимъ высоко развитую государственную жизнь, какъ, напр., у пчелъ и муравьевъ. Въ государствахъ муравьевъ мы находимъ отъ двухъ до пяти различныхъ частей, правителей,

работниковъ, воинновъ и т. д. Одна порода муравьевъ имѣеть даже своего рода прирученный скотъ въ видѣ тли, которую они регулярно доятъ и употребляютъ въ пищу, какъ молоко, получающую такимъ образомъ жидкость. Въ послѣднее время, кромѣ военныхъ и скотоводческихъ муравьиныхъ государствъ, въ южной Америкѣ открыто даже земледѣльческое. Живущіе въ немъ муравьи искусственно воздѣлываютъ одинъ родъ травы, готовятъ сначала землю, сѣютъ сѣмена, собираютъ жатву и хранятъ ее въ магазинахъ.

Первовытнй дикарь долго не поднимался даже до той степени культуры, на которой стоятъ эти муравьи; до общественной и государственной жизни онъ жилъ въ томъ состояніи необузданной животной свободы, слѣды котораго мы можемъ до сихъ поръ наблюдать въ жизни нѣкоторыхъ современныхъ дикихъ расъ. Въ бытѣ ихъ насъ поражаетъ слабость общественныхъ узъ и легкость, съ которою сбрасываетъ ихъ всякій, имѣющій на то достаточно силы. О туземцахъ Малайскаго полуострова мисіонеръ Бурьенъ говоритъ, что „свобода, кажется, составляетъ одну изъ необходимостей самаго ихъ существованія; каждый отдѣльный человѣкъ живетъ такъ, какъ будто въ мірѣ не существуетъ никого, кромѣ него; когда они не сойдутся въ чемъ-нибудь и заспорятъ, то просто расходятся“. Дикари внутренняго Борнео, по словамъ наблюдателей, не вступаютъ между собою въ общественную связь, и дѣти ихъ, по достиженіи такого возраста, когда они могутъ заботиться сами о себѣ, обыкновенно расходятся въ разныя стороны и перестаютъ съ этого момента думать одинъ о другомъ. „Бушмены, по выраженію одного путешественника, свободны и бѣдны выше всякой мѣры, какъ будто дали священный обѣтъ оставаться вѣчно свободными и нищими“. Старинные туземцы Калифорніи, говоритъ наблюдавшій ихъ мисіонеръ, „были всѣ равны и каждый дѣлалъ, что ему угодно, не спрашивая своего сосѣда и мало обращая вниманія на его мнѣніе; вслѣдствіе этого всѣ пороки и преступленія оставались ненаказанными, исключая только тѣ случаи, когда пострадавшій или его родственники сами за себя мести виновнымъ“. „Вообще, у дикихъ народовъ, говоритъ Вайцъ, — семейства живутъ обыкновенно каждое подъ управленіемъ собственнаго главы, совершенно независимо другъ отъ друга и разрастаются въ болѣе или менѣе

многочисленные общества, которые до тѣхъ поръ не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ порядковъ, пока внутренніе раздоры или внѣшняя необходимость, преимущественно война, не выдвинуть изъ массы и не поставить во главѣ общества одну или нѣсколько сильныхъ, вліятельныхъ личностей, къ которымъ всѣ прочіе прибѣгаютъ за помощью и защитой и около которыхъ они сосредоточиваются. Но ихъ вліяніе простирается на-столько и продолжается до тѣхъ поръ, на-сколько и пока хватаетъ довѣрія или терпѣнія у другихъ. Относительно такого главы каждый взрослый мужчина совершенно независимъ и свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ до такой степени, что всегда можетъ отдѣлиться отъ него и даже выступить противъ него, если имѣетъ на то достаточно силъ, и это отнюдь не считается несправедливостью съ его стороны. Такіе народы живутъ безъ всякой внутренней организаціи, сплываясь въ одно цѣлое только внѣшними обстоятельствами да привычками къ общежитію и колеблясь между состояніемъ почти необузданнаго произвола личности и состояніемъ почти деспотическаго ига, подъ которое они поддаются по временамъ, если во главѣ общества появляется сильная натура, которой никто не можетъ оказать сопротивленія“. Чувство покорности, порядка и привычка повиновенія развиваются медленно и постепенно, встрѣчая сильное противодѣйствіе со стороны первобытной наклонности къ необузданной личной свободѣ. За всякую власть признается только одно право силы, тоу-же силою держится общественный порядокъ и при малѣйшемъ ослабленіи или прекращеніи ея дѣятельности, водворяется анархія, создаваемая разнузданнымъ произволомъ всѣхъ. Такъ, напр., въ Дженнѣ и въ окружающихъ ее мѣстностяхъ „когда скоро извѣстное поселеніе лишится своего главы, жители не признаютъ никакихъ законовъ, немедленно начинаются анархія, смуты, беспорядки и продолжаются до воцаренія новаго повелителя. Сильный угнетаетъ слабого и совершаетъ всевозможныя преступленія, будучи безопасенъ отъ всякаго судебного преслѣдованія. Частная собственность болѣе не уважается и прежде, чѣмъ извѣстная личность успѣетъ обуздать эту анархію, нерѣдко городъ изъ цвѣтущаго состоянія превращается въ состояніе ужаснаго опустошенія“. Въ Новой Зеландіи прежде такаа анархія, послѣ смерти вождей, нерѣдко доводилась до разоренія цѣлаго племени. Въ состояніи, близкомъ къ

подобной анархїи, живутъ до сихъ поръ пастушескія племена Пампасовъ. Они воруютъ все, и мелкія вещи, и лошадей, и женщинъ. О привязанности къ друзьямъ и къ отечеству они ничего не знаютъ. Всякая несправедливость считается у нихъ чисто личнымъ дѣломъ, которое поддерживается съ помощью ножа и никто не вмѣшивается въ чужую ссору. Даже во время игръ они постоянно имѣютъ подъ рукою ножъ, чтобы можно было немедленно же отомстить за столь обычный между ними обманъ. Общественная жизнь прокаресовъ тоже анархична въ высшей степени: драки, убійства, поединки, грабежи представляются въ ней явленіями самыми обыкновенными.

При отсутствіи общественности, въ первобытной жизни слабо развита и собственность. Чѣмъ владѣеть нагой дикарь, какой-нибудь бушменъ? У него нѣтъ никакихъ произведеній ремесла или искусства, онъ не прядетъ, не ткеть, не сѣетъ и не жнетъ; у него нѣтъ ни платья, ни домашней утвари и онъ можетъ присвоивать себѣ въ собственность только какіе-нибудь плоды съ деревьевъ или животныхъ, которыхъ онъ можетъ поймать или украсть. „У бушменовъ, говоритъ одинъ путешественникъ, — нѣтъ почти никакой собственности, и если имъ удастся украсть нѣсколько скота, то, нажравшись елико возможно, остальное они бросаютъ“. Владѣніе въ первобытномъ обществѣ основано тоже на одной силѣ, которая необходима не только для завладѣнія предметомъ, но и для удержанія его за собою. Этотъ первобытный характеръ владѣнія проявляется даже въ римской юриспруденціи, напр., въ „правѣ перваго занятія“, въ правѣ cadaго на присвоеніе предмета, который можно считать никому непринадлежащимъ (*res nullius*), въ правѣ военной добычи и т. д. Римъ, завладѣвшій міромъ посредствомъ военнаго насилія и воздвигавшій храмы Юпитеру-Грабителю, освятилъ въ своей системѣ и другой способъ пріобрѣтенія посредствомъ хитрости или спекуляціи. Въ дикой жизни оба эти способа, даже въ періодъ организаціи общественныхъ порядковъ посредствомъ власти и закона, сплошь и рядомъ считаются дозволительными въ такихъ формахъ, которыя съ развитіемъ цивилизаціи признаются уголовно-преступными. У черкесовъ открытое воровство наказывается болѣе строгимъ штрафомъ, но искусный воръ, умѣющій хоронить концы въ воду, пользуется такою-же славой, какъ полководецъ, совершившій удач-

ную экспедицію. Самый большой упрекъ, какой только можетъ сдѣлать черкеская дѣвушка юношѣ, состоитъ въ томъ, что онъ не успѣлъ украсть ни одной коровы. У башкировъ пользуется большимъ почетомъ одинъ батырь, прославившійся воровствомъ верблюдовъ и барановъ и причисленный за то къ святымъ. Одинъ знаменитый киргизскій барантачъ, хвастаясь кому-то изъ русскихъ путешественниковъ своими доблестями, самодовольно воскликнулъ: „по всей степи не найдешь другого такого мошенника, какъ я!“ У древнихъ египтянъ и прежнихъ отаитянъ господствовали подобныя-же воззрѣнія на пріобрѣтеніе путемъ воровства и мошенничества; послѣдніе имѣли даже бога воровъ, Гиро, подобно тому какъ греческіе купцы поклонялись Гермесу. Гавайцы и тонгайцы тоже не считали воровства преступленіемъ. Вообще, въ Полинезіи воровство считалось позорнымъ только въ томъ случаѣ, когда было открыто, а по прошествіи трехъ дней украденная, но не найденная вещь, дѣлалась собственностью вора, а грабежъ былъ однимъ изъ нормальныхъ способовъ обогащенія. Имѣя мало предметовъ собственности, дикарь, однакожъ, какъ ребенокъ, протягиваетъ руку ко всему, что видитъ, и завладѣваетъ всѣмъ, чѣмъ можетъ. Фетишистъ, какъ мы уже видѣли, считаетъ свою собственностью даже боговъ своихъ. Человѣкъ дѣлается собственностью человѣка, плѣнникъ собственностью побѣдителя, жена — собственностью мужа, дѣти — отца и т. д.

При подобныхъ условіяхъ всѣ общественныя отношенія имѣютъ характеръ самой грубой, непрерывной борьбы за существованіе, въ которой выигрываютъ одни сильнѣйшіе. Сила играетъ первостепенную роль даже въ семейной жизни. „Государственная идея, говоритъ Бастіанъ, нигдѣ у дикарей не достигаетъ развитія, и личность, вмѣсто того, чтобы укрѣплять себя посредствомъ союза съ другими, заботится только о томъ, чтобы покорить себѣ всѣхъ окружающихъ. Отецъ обращаетъ въ рабство своихъ дѣтей и мужъ жену, чтобы самому быть свободнымъ, пока онъ не натолкнется на сильнѣйшаго, который сдѣлается для него такимъ-же неутомимымъ господиномъ, какимъ былъ онъ для подвластныхъ ему. Въ своемъ ближнемъ онъ видитъ только врага, и догматъ всеобщаго равенства никому такъ не чуждъ, какъ дикарю“. Даже въ средѣ семейства идетъ постоянная борьба между его членами. Индѣйцы часто выражаютъ свою радость при видѣ того, какъ сыновья

бьютъ свою мать и не оказываютъ ей послушанія; „изъ нихъ выйдутъ храбрые воины“, говорятъ они. У тунгусовъ сплошь и рядомъ происходятъ драки между отцомъ и сыномъ, которыя нерѣдко кончаются убійствомъ одного изъ нихъ. Эта ожесточенная борьба за существованіе, эта война всѣхъ со всѣми, въ которой погибаютъ слабѣйшіе, особенно сильно обнаруживается въ чрезвычайно распространенномъ въ дикой жизни дѣтоубійствѣ. Въ дикой жизни отецъ иногда убиваетъ ребенка такъ-же легко, какъ цивилизованный человѣкъ разбиваетъ въ припадкѣ гнѣва какую-нибудь вещь. Путешественникъ Байронъ былъ свидѣтелемъ въ Огненной Землѣ, какъ несчастная мать поднимала своего окровавленнаго и умиравшаго ребенка, котораго отецъ швырнулъ о камни за то, что онъ уронилъ корзину съ морскими яйцами. Голодъ нерѣдко доводитъ дикарей до того, что они истребляютъ всѣ непродовольственные лишніе рты и даже съѣдаютъ своихъ дѣтей. Въ особенности много погибаетъ такимъ образомъ дѣвочекъ, которыя считаются у дикарей ничто нестоющими существами, воспитывать и содержать которыхъ очень невыгодно. У многихъ народовъ положеніе женщинъ такъ ужасно, что матери, изъ любви къ дочерямъ, убиваютъ ихъ, желая избавить ихъ отъ угрожающей имъ участи. Ребенокъ женщины, умершей въ родахъ, обыкновенно погребается съ нею вмѣстѣ, даже въ томъ случаѣ, если онъ живъ. У многихъ дикарей одного изъ близнецовъ обыкновенно убиваютъ, чтобы избавить семейство отъ позора, такъ-какъ, по ихъ убѣжденію, два близнеца имѣютъ не одного, а двухъ отцовъ. Безобразныхъ и больныхъ дѣтей тоже убиваютъ. До какой степени распространено такое дѣтоубійство, можно видѣть на примѣрѣ Индіи, у различныхъ племенъ которой дѣвушки избиваются массами, обыкновенно въ седьмой день послѣ ихъ рожденія. Въ трехъ общинахъ гондовъ и шеріевъ, слѣдовательно, на небольшомъ только клочкѣ великой индійской земли, ихъ убивается ежегодно до 1,300; на полуостровѣ Гуджератѣ до 5,000 а въ Бучъ-Галларѣ и Матсинъ-Банта до 30,000! Однимъ изъ самыхъ сильныхъ мотивовъ дѣтоубійства служитъ желаніе угождать богамъ, попотчивавъ ихъ вкуснымъ дѣтскимъ мясомъ, и принесеніе въ жертву дѣтей изъ дикой жизни переходитъ даже въ высоко-культурную; въ древности оно существовало, напр., въ Египтѣ, Финикіи, Карфагенѣ и даже Палестинѣ, пророки кото-

рой такъ страстно вооружались противъ того, что израильтяне „проливаютъ невинную кровь, кровь сыновей и дочерей своихъ, приносимыхъ въ жертву идоламъ Ханаана“. Но если, такимъ образомъ, старшіе безчеловѣчно истребляютъ младшихъ, то и послѣдніе отплачиваютъ имъ той-же монетой. Индѣйцы сѣверной Америки бросаютъ во время своихъ перекочевокъ на произволъ судьбы стариковъ и больныхъ, которые не могутъ слѣдовать за племенемъ, а родственниковъ, дожившихъ до совершенной дряхлости или зараженныхъ опасными болѣзнями, убиваютъ. Камчадалы прежде нерѣдко выбрасывали своихъ больныхъ собакамъ, а остатки и самоѣды, при появленіи оспы, еще и теперь стремительно разѣзжаются въ разныя стороны, бросая больныхъ и стариковъ въ добычу страшной эпидеміи, голода и мороза. Бафры тоже бросаютъ слабосильныхъ стариковъ, больныхъ и умирающихъ; бечуаны цѣнятъ ихъ несравненно ниже своего скота; коранны выбрасываютъ ихъ на сѣденіе хищнымъ звѣрямъ, а у бушменовъ сыновья, чтобы избавиться отъ лишняго и бесполезнаго ѣдока, убиваютъ отца, а дочери нерѣдко тащатъ свою старую мать въ лѣсъ и оставляютъ тамъ въ добычу звѣрю.

Если такъ поступаютъ со своими, то можно себѣ представить, какъ эта борьба за существованіе ведется съ людьми чужихъ семей или родовъ. Хищническое желаніе добычи, голодъ и нагота, месть и животная привычка къ ожесточенной борьбѣ съ другими превращаютъ первобытную жизнь въ состояніе почти непрерывной войны. „Непрерывныя войны дикихъ народовъ, говоритъ Вайцъ, — возбуждаютъ всѣ ихъ страсти до необычайнаго неистовства“. Во время войны дикарь превращается въ кровожадное животное, которое не думаетъ ни о чемъ, кромѣ крови, истребленія и добычи. Даже въ нѣскольکو культурномъ Дагомеѣ война служитъ господствующею страстью и повелителемъ, и народа, который, жаждая завоеваній, требуетъ, чтобы все время его дѣлилось между войной и празднествами. Жилища побѣжденныхъ разрушаются, самихъ ихъ истребляютъ безъ различія пола и возраста или уводятъ въ плѣнъ, чтобы потомъ продать въ рабство или насладиться зрѣлищемъ ихъ ужасныхъ мучъ, которымъ ихъ обыкновенно предають, напр., у американскихъ индѣйцевъ. На Таити трупы убитыхъ враговъ обыкновенно подвергались страшнымъ уродованіямъ и поруганіямъ, и побѣдители, прорѣзая въ нихъ широкое отвер-

сте, продѣвали въ него свою голову и съ этой ношей вновь кидались въ битву. Если имъ попадались женщины и дѣти, больныя и безпомощныя, то всѣхъ ихъ избивали безъ всякой пощады, потомъ протыкали дротикомъ изъ одного уха въ другое и, привязавъ за него веревку, волочили за собою трупы. Вся мѣстность, занятая побѣжденными, опустошалась, всѣ дома сожигались, деревья срубались и перѣдко все племя истреблялось до послѣдняго человѣка. Сплошь и рядомъ какой-нибудь самый пустой споръ между двумя дикарями переходитъ не только въ драку между ними, но и въ родовую вражду ихъ семействъ и родовъ, ознаменованную непрерывнымъ рядомъ истребительныхъ войнъ, перѣдко кончающихся гибелью цѣлаго племени.

Если первобытная война сама по себѣ уже имѣетъ совершенно животный характеръ грубѣйшей борьбы за существованіе, то этотъ характеръ еще болѣе усиливается соединеннымъ съ нею людодѣствомъ. Даже культурные мексиканцы иногда начинали войны съ тою цѣлью, чтобы запастись человѣческимъ мясомъ, а объ одномъ дикомъ африканскомъ князькѣ рассказываютъ, что, отправляясь въ набѣгъ, онъ приходитъ въ бѣшеное неистовство и кидается въ битву съ валитыми кровью глазами и испускаетъ неистовые крики: „человѣчины, человѣчины!..“ Первостепенною причиною людодѣства служить, конечно, голодъ; но, независимо отъ него, каннибалъ любитъ человѣческое мясо, какъ лакомство, и страстное желаніе такого лакомства изрѣдка проявляется даже въ цивилизованной жизни. 26 октября 1553 г. въ Бреттенбургѣ одна беременная женщина, зарѣзавъ ночью своего мужа, съѣла его грудь и лѣвую руку, а остальное посодила; во то же время она родила трехъ сыновей. Въ Шотландіи одинъ мужчина съ своею женою и ребенкомъ былъ сожженъ на кострѣ за то, что заманивалъ къ себѣ въ домъ молодыхъ людей и дѣтей, убивалъ и варилъ ихъ, и виѣстѣ съ своею семьей съѣдалъ ради лакомства. Судъ избавилъ отъ казни только одну маленькую его дочь; но, достигнувъ 12-лѣтняго возраста, и она начала обнаруживать страстное желаніе поѣсть человѣчины. Когда ее привели въ судъ, то она вскричала: „зачѣмъ вы такъ гнушаетесь мною? Нужно только однажды испытать, какъ вкусно человѣческое мясо, и послѣ этого никто не удержался-бы, чтобы не съѣсть даже собственныхъ дѣтей!“ Эти случаи произошли, конечно, подъ вліяніемъ *оживанія*

въ культурномъ человѣкѣ страсти первобытнаго дикаря къ наслажденію человѣчиной. „Для насъ, говоритъ Спенсеръ,—въ нашемъ теперешнемъ состояніи почти невѣроятно, чтобы какіе-бы то ни было люди могли наслаждаться, подобно самымъ свирѣпнымъ звѣрямъ, упиваніемъ кровью, особенно кровью существъ своего же собственнаго вида. Но читая, что въ Австраліи кровомстителіи ѣдятъ человѣческое мясо сырьемъ; что фиджійскій воинъ Таноа отрѣзалъ руку у своего двоюроднаго брата, выпилъ изъ нея кровь, а самую руку изжарилъ и съѣлъ въ присутствіи ея владѣльца; что людоеды Ватсаны вырываютъ, жарятъ и пожираютъ людскіе трупы, даже погребенные больше, чѣмъ за трое сутокъ до того; что у гайдаховъ тихоокеанскихъ острововъ ихъ вдохновенный знахарь бросается на перваго встрѣчнаго, выкусываетъ у него и пожираетъ кусокъ или нѣсколько кусковъ живого мяса изъ всякаго мѣста, за какое онъ только успѣетъ схватиться зубами, затѣмъ кидается на слѣдующаго и т. д.; что у путоясовъ знахарь вмѣсто этого довольствуется тѣмъ, что ему дается выкусить изъ трупа при его погребеніи,—мы убѣждаемся, что ужасы, совершаемые первобытными людьми, далеко заходятъ за всѣ вообразимыя для насъ предѣлы возможнаго и что въ числѣ такихъ совершаемыхъ ими ужасовъ находится и упиваніе теплою человѣческой кровью. На этомъ основаніи мы можемъ заключить, что легенды о вампирахъ, столь распространенныя въ европейской демонологіи, взяты изъ фактовъ, относящихся къ первобытнымъ людоедамъ; первоначальный вампиръ былъ, вѣроятно, ничто иное, какъ воображаемое другое я какого-либо свирѣпаго дикаря, который и послѣ смерти ищетъ случаевъ удовлетворить свою склонность къ высасыванію теплою крови“. Во многихъ мѣстностяхъ Африки людоедство свирѣпствуетъ до сихъ поръ, и захваченные на войнѣ плѣнники обыкновенно пожираются. У индѣйцевъ Америки еще очень недавно каннибализмъ былъ почти общимъ обычаемъ; съѣсть сердце врага и напитокъ его крови считалось величайшимъ геройствомъ. Гуораны украшали и упитывали своихъ плѣнниковъ, даже снабжали ихъ женами, чтобы потомъ убить и съѣсть ихъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми, а ихъ собственныя дѣти принимали всегда участіе въ этихъ каннибальскихъ оргіяхъ. Одна изъ главныхъ причинъ людоедства заключается въ удовлетвореніи мести и въ томъ, что, по

вѣрованію, общему почти всѣмъ дикарямъ, мясо и кровь храбраго человѣка, пожираемая его побѣдителемъ, укрѣпляютъ тѣло послѣдняго и усиливаютъ его храбрость. У баттасовъ до сихъ поръ месть доходитъ до пожирания врага, въ которомъ, кромѣ мстителя, участвуютъ и всѣ друзья его, и каннибализмъ возведенъ у нихъ на степень законнаго уголовного наказанія. Прелюбодѣи, измѣнники, шпіоны, ночные разбойники и въ особенности военнопленные привязываются къ деревяннымъ крестамъ, а присутствующіе бросаютъ въ нихъ ножи и топоры, зубами и ногтями вырываютъ у нихъ куски мяса и глотаютъ ихъ, обмакнувъ предварительно въ смѣсь соленой воды съ лимоннымъ сокомъ. Прежде баттасы съѣдали своихъ стариковъ и больныхъ, которыхъ они сажали на дерево, потомъ трясли его, припѣвая: „время пріспѣло, плодъ созрѣлъ и его нужно съѣсть“; наконецъ, ихъ убивали и съѣдали. Въ Полинезіи людоедство не прекратилось по мѣстамъ до настоящаго времени, и еще очень недавно оно достигало тамъ ужасныхъ размѣровъ. Людей своего племени никогда не ѣли, и когда требовалась человѣчина, то отправлялись въ набѣгъ на чужое племя. Крузенштернъ описываетъ этотъ каннибализмъ самыми страшными красками: на плѣнниковъ бросаются съ яростью, отрываютъ имъ головы и пьютъ еще теплую кровь. Во время же голода у полинезійцевъ мужья съѣдали женъ, дѣти—родителей, родители—дѣтей. О прежней распространенности и характерѣ людоедства на островахъ Тонга говоритъ до сихъ поръ употребляемая у нихъ брашь: *изжарь своего дѣда, или выкопай своего отца при лунномъ свѣтѣ и съѣшь его*. Людоедство, исчезающіе теперь даже въ Австраліи, въ древности свирѣпствовало и въ Европѣ, въ которой оно случалось вслѣдствіе голода даже въ средніе вѣка, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа монаха Глабера. „Въ 1027 г. землю началъ опустошать голодъ и роду человѣческому грозила гибель. Вся земля была залита постоянными дождями до того, что втеченіи трехъ лѣтъ невозможно было имѣть ни одной удобной для посѣва пяди земли. Этотъ мстительный бичъ начался на Востокѣ, опустошилъ Грецію, потомъ Италію, всю Галлію и, наконецъ, Англію. Сильныя земли, люди средніе и бѣдняки равно испытывали голодъ и чело у всѣхъ побрылось блѣдностью; насиліе и жестокости бароновъ смолкли передъ всеобщимъ голо-

домъ. Свирѣпство голода породило примѣры жестокости, рѣдкой въ исторіи, и люди ѣли мясо людей! Путникъ, подвергшись нападению на дорогѣ, падалъ подъ ударами убійць, они разрывали на части его члены, жарили ихъ и пожирали. Другіе, убѣгая изъ своей страны, чтобы избавиться отъ голода, были принимаемы въ дома, и хозяева душили ихъ ночью, чтобы послѣ сѣсть. Нѣкоторые, показывая дѣтямъ яйца или фрукты, заманивали ихъ въ сторону и пожирали. Одинъ злодѣй въ Турнюсѣ выставилъ на рынокъ для продажи вареное человѣческое мясо; его арестовали, судили и сожгли. Въ лѣсу близъ Макона другой злодѣй построилъ хижину, въ которой онъ рѣзалъ всѣхъ, искавшихъ у него убѣжища на ночь. Одинъ путникъ, зайдя къ нему съ своей женой, увидѣлъ въ углу комнаты головы мужчинъ, женщинъ и дѣтей. По его доносу въ хижинѣ сдѣланъ обыскъ и найдено 48 головъ зарѣзанныхъ и съѣденныхъ людей; злодѣя привезли въ городъ и сожгли“. Каннибализмъ изъ мести случается иногда даже въ культурныхъ странахъ; напр. газета „Morning Post“ отъ 13 ноября 1839 г. говоритъ, что извѣстный генералъ Розасъ въ Монтевидео велѣлъ приготовить къ своему столу голову Колленса и внутренности генерала Астрадуса.

Почти во всѣхъ странахъ людоедство сильно поддерживается грубостью религіозныхъ представленій, въ силу которыхъ боги являются такими-же людоедами, какъ и ихъ поклонники, а души умершихъ требуютъ себѣ для будущей жизни жень и рабовъ. При погребеніи дагомейскаго короля приносится въ жертву 80 его наложницъ и 50 воиновъ, а на могилѣ каждаго богача закалывается непременно, по крайней мѣрѣ, 1 мальчикъ и 1 дѣвочка. Въ древней Мекикѣ въ концѣ каждаго мѣсяца приносилось въ жертву нѣсколько плѣнниковъ; когда начиналъ созрѣвать хлѣбъ, мекиканцы рѣзали въ честь бога водѣ мальчика и дѣвочку, а когда хлѣба поднимались на корни выше 2 футовъ, въ жертву приносилось еще 4 ребенка. По словамъ Торквемады и епископа Зумураги, въ одной только столицѣ Мекики ежегодно приносилось въ жертву до 20,000 человѣкъ, а по свидѣтельству Акосты, въ одинъ день по всему царству рѣзалось на жертвенныхъ алтаряхъ 50,000, а въ другой день 20,000 человѣкъ; при освященіи-же главнаго храма въ Мекикѣ въ 1486 г. принесено въ жертву 72,000 человѣкъ! Какъ-бы ни

были преувеличены эти цифры, но несомненно, что это религиозное человекоубійство достигало ужасающих размѣровъ въ имперіи ацтековъ. На Таити при началѣ войны, при окончаніи ея, при затмѣніи солнца и появленіи кометъ, при большихъ національныхъ празднествахъ, при воцареніи государя или его болѣзни, при погребеніи и постройкѣ храма приносились обыкновенно въ жертву люди; въ основаніе вновь строящихся зданій тоже клались человѣческія жертвы. На островахъ Фиджи при постройкѣ храма или лодки, при спускѣ послѣдней въ море, при отправленіи въ путешествіе какого-нибудь князька, даже при вставленіи въ старое судно новой доски убивали и ѣли людей, а новыя суда скатывались въ воду по живымъ людямъ, которыхъ они давили, а публика съѣдала. Часто такія жертвы погибали массаи; напр., въ праздникъ возмужалости одного княжескаго сына были принесены въ жертву все жители одного измѣнническаго города вмѣстѣ съ ихъ рабами. Человѣческія жертвы до сихъ поръ существуютъ еще у многихъ дикихъ народовъ, какъ, напр., у гондовъ Индіи, у которыхъ ежегодно сотни взрослыхъ и дѣтей приносятся въ жертву богинѣ земли. „Богиня земли, поють при этомъ гонды, — ты источникъ всякаго зла, твоя праведная мечь угнетаетъ насъ! Мы недостаточно почитаемъ тебя! О, прости насъ, великая богиня, нашъ запасъ такъ малъ! Богиня, научившая человѣка смерти посредствомъ растений, смерти посредствомъ желѣза и стали, прости, прости насъ, и мы впредь никогда не замедлимъ обогрять человѣческою кровью адтари твои! Вотъ принесенная тебѣ жизнь, это искупительная жертва тебѣ!“

Въ этомъ грубѣйшемъ животномъ состояніи, когда люди истребляютъ и пожираютъ другъ друга, какъ дикіе звѣри; когда самые боги ихъ величаются такими прозвищами, какъ *женокрадъ*, *моноподъ*, *убійца*; когда люди охотятся на людей, какъ на животныхъ, когда воровство и разбой служатъ почти главными промыслами и между всѣми общественными союзами, равно какъ и внутри ихъ, между ихъ собственными членами, идетъ самая ожесточенная и грубая борьба за существованіе, — въ этомъ состояніи не можетъ быть и рѣчи о справедливости въ современномъ значеніи этого слова. О тонганахъ путешественники рассказываютъ, что у нихъ нѣтъ даже словъ для выраженія идей *справедливость*, *несправедливость*, *порокъ*, *жестокость*, *человѣчность*.

Воровство, разбой и убійство во множествѣ случаевъ не считаются у нихъ преступленіями, и они, не стѣсняясь, измѣнически нападаютъ на корабли и избиваютъ экипажъ. У нихъ нѣтъ никакихъ представленій о наградахъ или наказаніяхъ за гробомъ. Индѣйцы племени сіу, говорятъ долго наблюдавшій ихъ этнографъ, „считаютъ грабежъ и убійство доблестными подвигами, в ихъ дѣти съ ранняго дѣтства приучаются считать безчеловѣчіе величайшею добродѣтелью“. О тасмапійцахъ путешественники передаютъ, что „у нихъ нѣтъ никакихъ моральныхъ идей“, а объ австралійцахъ губернаторъ Эйръ говоритъ, что „не имѣя моральнаго понятія о справедливости, они въ поступкахъ своихъ руководятся только расчетомъ, соображал, достаточно-ли они сильны численно или физически, чтобы отразить мщеніе тѣхъ, на кого они хотятъ напасть, чтобы убить, ограбить“ и т. д. У команчей Техаса никакое индивидуальное дѣйствіе не считается преступленіемъ и они вѣрують, что при ихъ сотвореніи Великій Духъ далъ имъ привилегію свободнаго и необузданнаго пользованія ихъ способностями. Камчадалы до принятія христіанства считали добродѣтельнымъ все полезное, а грѣховнымъ все вредное, и, какъ у всѣхъ дикарей, весь кодексъ ихъ нравственности сводился къ соблюденію множества суевѣрныхъ обычаевъ; у нихъ считалось грѣшнымъ ступать въ воду теплаго вѣлчя, соскребать снѣгъ съ сапоговъ внѣ жилищъ, вносить въ хижину первую пойманную лисицу, ступать по слѣдамъ медвѣдя и т. д. Когда одного бушмена спросили, какіе поступки онъ считаетъ хорошими и какіе дурными, то онъ, подумавъ немного, отвѣчалъ: „хорошо воровать чужихъ женъ, но худо, если у тебя у самого украдутъ жену“. У негровъ восточнаго Судана обманъ, воровство и убійство доставляютъ человѣку репутацію героя, и умершій на висѣлицѣ погребается у нихъ съ такимъ-же почетомъ, какъ зажиточный купецъ или шейхъ. „Въ восточной Африкѣ, говоритъ Буртонъ, вовсе нѣтъ совѣсти, а подъ раскаяніемъ тамъ подразумѣвается только сожалѣніе о потерянномъ благопріятномъ случаѣ къ преступленію“. О сурахъ, аборигенахъ Индіи, Кемпбелль замѣчаетъ, что „они тихи, спокойны, трудолюбивы, но въ то-же время не имѣютъ никакихъ моральныхъ понятій“. То же самое нужно сказать объ алеутахъ и многихъ другихъ дикаряхъ, которые, отличаясь мирнымъ характеромъ, трудолюбіемъ, отсутствіемъ

эмъ среди нихъ воровства, разбоя, жестокостей, людоѣдства, все-таки не успѣли еще выработать себѣ сколько-нибудь развитыхъ представленій о гуманности и справедливости; ихъ мнимыя добродѣтели въ сущности вовсе не добродѣтели, а результатъ темперамента и условій жизни; измѣнились внезапно эти условія, — и они, не задумываясь, пустятся „во вся тяжкая“. Грубѣйшій эгоизмъ одинъ руководитъ поведеніемъ первобытнаго человѣка и изъ всѣхъ симпатическихъ чувствъ въ первобытной жизни вполне развита только материнская любовь...

V.

Бракъ и семья *).

Въ сѣверной Австраліи до сихъ поръ можно встрѣтить общества дикихъ женщинъ, живущія совершенно отдѣльно отъ мужскихъ обществъ втеченіи всего года, кромѣ весны, когда инстинктъ сводитъ ихъ вмѣстѣ; дѣтей, рожденныхъ отъ этихъ весеннихъ связей, матери выкармливаютъ грудью, потомъ, оставивъ у себя дѣвочекъ, мальчиковъ выпроваживаютъ изъ своей орды. Немногіе слѣды того-же первобытнаго порядка нашелъ недавно Милуха-Маклай у папуасовъ Новой Голландіи, у которыхъ дѣти рождаются въ декабрѣ, слѣдовательно, какъ и у упомянутыхъ австралійцевъ, являются тоже плодомъ періодическаго весенняго возбужденія инстинкта. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ культуры упомянутая періодичность постепенно исчезаетъ и у первобытнаго дикаря является потребность продолжительныхъ, или, по крайней мѣрѣ, болѣе частыхъ связей, и онъ начинаетъ добывать себѣ жену силою. Коллинсъ рассказываетъ, какъ австралійцы крадутъ дѣвушку. „Сначала ее оглушаютъ ударами дубинъ или деревянныхъ мечей по головѣ, спинѣ и плечамъ, причеиъ каждый ударъ вызываетъ струи крови; затѣмъ ее тащатъ въ лѣсъ за одну руку съ такимъ насиліемъ, что можно-бы ожидать вывиха. Похититель не обращаетъ вниманія ни на камни, ни на куски дерева, лежа-

*) Говоря здѣсь о происхожденіи брака и семьи въ самыхъ общихъ чертахъ, я не желаю повторять тѣхъ подробностей, которыя можно найти въ моемъ книгѣ „Историч. судьбы женщины“, главы 1, 2, 3, 4 и 5.

щѣ по дорогѣ, заботясь лишь о безопасномъ доставленіи своей добычи къ своимъ товарищамъ, гдѣ происходитъ сцена, слѣшкомъ возмутительная для передачи "... Нерѣдко похититель, укравъ женщину, тотчасъ-же и бросаетъ ее, какъ негодную вещь, но такая дикая роскошь, при малочисленности женщинъ въ дикой жизни, не всегда возможна, и дикарь старается въ большинствѣ случаевъ удержать за собой похищенную. Но послѣ того, какъ дикарь приведетъ къ себѣ похищенную, ему приходится еще защищать свои исключительныя права на нее, и защищать серьезно, съ оружіемъ въ рукахъ, противъ всѣхъ холостыхъ мужчинъ своего племени, изъ которыхъ каждый хочетъ владѣть этой женщиной. У дикарей Америки и Австраліи до сихъ поръ мужчины дерутся за каждую похищенную женщину и она дѣлается собственностью сильнѣйшаго, а человѣку слабому рѣдко удается владѣть женой, которая нравится болѣе сильному. Эта дикая наклонность къ обладанію каждой приглянувшейся женщиной приводила въ первобытной жизни къ тому гетеризму, при которомъ женщины дѣлались достояніемъ не отдѣльныхъ личностей, а всего племени. „Существуютъ убѣдительныя свидѣтельства, говоритъ Лёбокъ, — что нисшія расы живутъ или жили въ такомъ общемъ бракѣ“. Дѣйствительно, у множества народовъ мы видимъ слѣды когда-то существовавшего у нихъ гетеризма, а нѣкоторые изъ нихъ придерживаются его и до сихъ поръ, какъ, напр., цыгане ссури въ Белуджистанѣ, у которыхъ мужчины и женщины не знаютъ рѣшительно никакихъ ограниченій и дѣти считаются общимъ достояніемъ племени. Бушмены южной Африки не знаютъ брака; тигуры въ Аудѣ живутъ вмѣстѣ почти безразлично въ обширныхъ общинахъ, а въ Калифорніи полнъ сходятся безъ всякихъ формальностей; у туземцевъ даже нѣтъ словъ *жениться, жена, мужъ*. Преданія объ этомъ первобытномъ гетеризмѣ очень многочисленны. Магабгарата говоритъ, что „прежде женщинъ не запирали и онѣ безумствовали, какъ хотѣли, оставаясь независимыми; въ своей дѣтской наивности онѣ оставляли мужей, но не были преступны, потому что таковъ былъ законъ перваго времени. Этотъ древній обычай остается и теперь закономъ для тварей, рожденныхъ безъ разума, которыя свободны отъ радости и горя“. Справедливость этихъ преданій подтверждается и языкомъ многихъ народовъ. У гавайцевъ, напр., одно и то-же

слово обозначает отца, дядю по матери или отцѣ, мужа и племянника дѣда; слово *уаина* обозначаетъ и жену, и сестру жены, и жену брата, и жену брата жены, и женъ двоюродныхъ братьевъ, а слово *кана*—мужа, брата мужа и мужа сестры...

Впрочемъ, всѣ подобныя названія принадлежатъ уже эпохѣ паденія первобытнаго гетеризма, который, подъ вліяніемъ эгоистическихъ стремленій отдѣльныхъ личностей къ исключительному обладанію женщинами, постепенно переходитъ сначала въ полиандрію, а потомъ въ полигамію или моногамію. При гетеризмѣ уже мы видимъ, что наиболѣе сильныя личности успѣваютъ обзаводиться отдѣльными женами; вообще-же борьба за женщину отдѣльнаго лица съ общинными притязаніями его родичей кончалась компромисомъ: мужу предоставлялось монопольное владѣніе женой, а родичи удерживали за собою право предварительнаго краткосрочнаго пользованія ею. Такимъ образомъ, гетеризмъ стремился перейти къ единоженству или многоженству, но этому долго мѣшали, съ одной стороны, малочисленность женщинъ въ дикой жизни, а съ другой, трудность отдѣльному мужчинѣ защищать одному свои права на похищенную или купленную имъ жену. Подъ вліяніемъ этихъ условій нѣсколько мужчинъ, вступивъ въ союзъ между собой, умыкаютъ дѣвушку, которая дѣлается ихъ общею женою, и защищаютъ ее соединенными усиліями отъ всѣхъ другихъ искателей. Такія компаніи существуютъ даже до сихъ поръ въ Австраліи, на Цейлонѣ и Отаити; мужья-компаньоны не родственники между собой и общая жена ихъ живетъ не съ ними, а въ своемъ жилищѣ, совершенно независимо отъ нихъ и отъ своихъ родителей. Во второй полиандрической формѣ мужа всѣ принадлежатъ къ одному и тому-же семейству, а дѣти общей жены считаются тоже общимъ достояніемъ семьи, въ которой вслѣдствіе этого всѣхъ старшихъ зовутъ *отцами*, всѣхъ младшихъ *сыновьями*, а всѣхъ равныхъ по годамъ—*братьями*. Но какъ въ первобытномъ гетеризмѣ, такъ и въ семейной полиандріи общинныя притязанія постепенно сокращались подъ давленіемъ желаній сильнѣйшихъ членовъ семьи. Преобладаніе въ этой борьбѣ естественно выпадаетъ на долю старшаго брата, который дѣлается сначала главнымъ, а потомъ единственнымъ мужемъ общей семейной жены, такъ что въ концѣ этой борьбы первобытное право на нее другихъ братьевъ проявляется лишь въ левиратной обязанности

одного изъ нихъ взять себѣ жену старшаго брата, въ случаѣ его смерти.

Слѣды первобытной полиандріи мы находимъ почти у всѣхъ народовъ, и это утверждаетъ насъ въ томъ мнѣніи, что въ исторической борьбѣ мужчины и женщины за свободу или преобладаніе была эпоха, когда перевѣсъ былъ на сторонѣ женщины. Въ полиандріи женщина является рѣдкимъ и цѣннымъ товаромъ, каждый изъ мужей старается угодить ей предпочтительно передъ другими, такъ что она не только пользуется полною свободой, но и имѣетъ большее вліяніе. Въ эту эпоху, особенно въ періодъ гетеризма, дѣти не имѣютъ отцовъ и даже послѣ того, какъ люди доходятъ до идеи о необходимости мужского участія въ рожденіи ребенка; о послѣднемъ можно сказать только, что онъ родился отъ одного изъ такихъ-то мужчинъ. Полиандрическая семья поэтому хотя и основана на идеѣ кровнаго родства, но только родства по матери, которая управляетъ семьей, а послѣ ея смерти—старшая сестра; фамилія, права, имущество—все наследуется по началамъ материнства; мужчины наследуютъ сестра или дѣти ея, братъ при сестрѣ часто не наследникъ и т. д. Эта система достигаетъ при полиандріи такой силы, что превращается въ священный обычай, остатки котораго сохраняются у народовъ долго послѣ того, какъ о полиандріи нѣтъ уже и помину. При этомъ женщины преобладаютъ и въ общественной жизни, и о характерѣ этого преобладанія мы можемъ судить по множеству фактовъ изъ жизни современныхъ дикарей. Ливингстонъ рассказываетъ, напр., что въ нѣкоторыхъ земляхъ Африки женщины занимаютъ торговлей, свободно развѣзжаютъ по странѣ, обрабатываютъ землю, чинятъ судъ и расправу, строятъ хижины и въ этой дѣятельной жизни такъ развиваютъ силу своего ума и мускуловъ, что въ состояніи держать въ ежовыхъ рукавицахъ своихъ мужей, которые въ тѣсной домашней жизни тупѣютъ и изнѣживаются, занимаясь питьемъ, тканьемъ, доеніемъ коровъ и сплетнями. Вообще, въ первобытномъ мірѣ, даже послѣ паденія полиандріи, женщина успѣшно отстаиваетъ свою свободу и принимаетъ многостороннее участіе въ народной жизни, борясь съ мужчиною не только своими физическими прелестями и умомъ, но и силою своихъ мускуловъ. Еще Аристотель съ обычною своею проникательностью замѣтилъ, что у воинственныхъ народовъ

женщины пользуются не только свободой, но даже преобладанием надъ мужчиной. У первобытнаго народа женщина почти такъ-же сильна, какъ и мужчина; она участвуетъ и въ охотѣ, и въ войнѣ, и вообще можетъ постоять за себя; въ Дагомеѣ даже гвардія короля состоитъ изъ женщинъ. Участвуя въ войнѣ, женщины первобытной жизни нерѣдко являются въ роли посредницъ при заключеніи мира, хранительницъ законовъ и судей, правительницъ и пророчицъ; въ ихъ-же рукахъ находятся и первобытное медицинское искусство, и земледѣліе, и домашнія ремесла, и скотоводство, и вообще развитіе матеріальной культуры. Въ эпоху грубѣйшаго первобытнаго эгоизма материнская любовь является первымъ развитымъ симпатическимъ чувствомъ, а уваженіе къ матери даетъ первую идею о нравственномъ долгѣ. Между тѣмъ какъ въ слѣдующую эпоху принципъ отцовства порождаетъ аристократическое представленіе о породѣ, материнство, не ограничиваясь развитіемъ чувствъ братства между кровными родственниками, даетъ загадочную идею о братствѣ всѣхъ людей.

Владычество материнства должно было встрѣтить сильное противодѣйствіе въ идеѣ отца, сознание которой появляется уже въ періодъ гетеризма. При первобытной свободѣ и многомужствѣ личность отца начало опредѣлять прежде всего физическое сходство съ нимъ ребенка. Когда у либурнійцевъ, напр., господствовалъ гетеризмъ, то дѣти до 6-ти-лѣтняго возраста считались общими; шестилѣтнихъ-же они приводили на свое народное собраніе и, по сходству ихъ съ тѣмъ или другимъ мужчиной, раздавали ихъ предполагаемымъ отцамъ. Желаніе доказать, хотя фиктивнымъ образомъ, свои права на ребенка вело къ возникновенію обычая кувады, который въ древности былъ распространенъ у всѣхъ народовъ земли и состоитъ въ томъ, что послѣ рожденія ребенка отецъ его ложится въ постель, стонетъ, кричитъ, потомъ, какъ больной, лежитъ нѣсколько дней, держитъ діету и вообще подражаетъ родильницѣ. Смыслъ кувады вполнѣ выясняется греческимъ и римскимъ обрядомъ усыновленія, который заключался въ подражаніи процессу рожденія; это продолжалось вплоть до Нервы, перенесшаго при усыновленіи Траяна эту церемонію съ брачнаго ложа въ храмъ Юпитера. Съ переходомъ полиандріи въ семейную ея форму развитіе отцовства зна-

чительно подвигается впередъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вліяніе старшаго брата болѣе и болѣе удаляетъ отъ общей семейной жены остальныхъ мужей-братьевъ. Когда-же полиандрія падаетъ, когда, съ относительнымъ развитіемъ благосостоянія, число женщинъ увеличивается, когда каждый мужчина получаетъ большую или меньшую возможность содержать жену и защищать свои исключительныя права на нее,—то отцовство беретъ окончательный перевѣсъ надъ материнствомъ, родство по отцу надъ родствомъ по матери, и во главѣ семейства становится отецъ, дѣлаясь его полновластнымъ, неограниченнымъ владыкой.

Народъ въ началѣ этой патріархальной эпохи состоитъ изъ отдѣльныхъ, совершенно изолированныхъ другъ отъ друга семей, взаимная враждебность которыхъ, дальность разстояній, трудность сообщеній, а отчасти и предрасудки мѣшаютъ подрастающимъ поколѣніямъ мужчинъ и женщинъ находить себѣ пары другого пола не изъ числа родственниковъ. Вслѣдствіе этого возникаютъ тѣ связи братьевъ съ сестрами, которыя такъ обыкновенны въ первобытную эпоху всѣхъ народовъ, въ ту эпоху, когда, по выраженію русской былинны, „было беззаконство великое, братъ на брата съ боемъ ходилъ, братъ сестру за себя ималъ“ и когда были самыми обыкновенными явленіями такія семейства, какъ семья Соловья Разбойника, который рассказываетъ: „я сына-то выращу—за него дочь отдамъ, дочь-то выращу—отдамъ за сына“. Съ развитіемъ культуры и съ сознаніемъ вредности такихъ кровосмѣсительныхъ браковъ, они исчезаютъ изъ народной жизни, хотя нерѣдко остаются въ обычаяхъ у правителей страны, которые, боясь осквернить свою мнимо-божественную кровь кровью обыкновенныхъ женщинъ, женятся на сестрахъ, какъ перуанскіе инки, или на другихъ близкихъ родственницахъ, какъ калмыцкіе князья, о которыхъ народъ говоритъ, что „князья да собаки не знаютъ родства“. По всей вѣроятности, сознаніе вреда отъ браковъ между родственниками привело многіе народы къ обычаю экзогаміи, въ силу котораго жена берется непременно изъ чужого рода или племени, между тѣмъ какъ у другихъ народовъ всевластно господствуетъ эндогамія, при которой жена принадлежитъ къ роду жениха. Происхожденію обоихъ этихъ обычаевъ содѣйствовало между прочимъ дѣтоубійство, съ такою силою свѣдѣствовавшее въ первобытной жизни. По справедливому мнѣнію

Лѣбока, разница между эндогамными и экзогамными племенами произошла отъ неравной пропорціи половъ: тѣ племена, у которыхъ преобладаютъ мальчики, склонны сдѣлаться экзогамными, а тѣ, у которыхъ дѣвочки—эндогамными. У экзогамныхъ племенъ, принужденныхъ силою добывать себѣ женщинъ отъ враждебныхъ общинъ, умыканіе дѣвиць держится гораздо дольше, чѣмъ у эндогамныхъ, у которыхъ, при изолированности и враждебности отдѣльныхъ семей, оно хотя тоже существуетъ, но скорѣе, чѣмъ у первыхъ, превращается въ формальный свадебный обрядъ и замѣняется торговою сдѣлкой между семействами жениха и невѣсты. Этотъ древній бракъ-купля, въ который перешло у всѣхъ народовъ насильственное умыканіе невѣсты, превосходно характеризуется нашими свадебными обрядами и пѣснями. Въ нихъ женихъ является *купцомъ*, невѣста—*товаромъ*, смотрины—формальнымъ осмотромъ товара, а *обрученіе*—обрядовымъ знакомъ того, что купецъ и продавецъ сошлись и, въ знакъ вѣрности, при свидѣтеляхъ, *ударили по рукамъ*, какъ это дѣлается и до сихъ поръ при торговыхъ сдѣлкахъ. Хотя женщина въ обоихъ случаяхъ,—умыкается-ли она силою или продается какъ товаръ,—является не только рабыней, а даже вещью, но дѣло въ томъ, что при господствѣ умыканія общій строй жизни поддерживаетъ въ ней воинственный духъ и силу мускуловъ, которые даютъ ей возможность отстаивать до извѣстной степени свою личную свободу; переходъ-же брака въ торговую форму совершается въ эпоху относительнаго умиротворенія народной жизни, когда воинственность и сила женщины значительно ослабѣваютъ и она является уже слабымъ существомъ въ средѣ купившей ее семьи. Ея противодѣйствіе чужому произволу болѣе и болѣе лишается своей первобытной энергіи и, наконецъ, она сама привыкаетъ смотрѣть на себя такъ-же, какъ смотреть на нее ея продавцы и покупатели. „Волкъ, бери свою овцу“, говоритъ мордвинъ, продавшій свою дочь, при передачѣ купившему ее жениху, и этою фразою отлично характеризуется древній бракъ-купля, въ которомъ женщина окончательно превращается въ рабу и служанку мужа. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ культуры, любовь къ выдаваемой дочери, желаніе обезпечить ее и расположить къ ней мужа, а также и самолюбіе родителей порождаютъ обычай приданого, которое невыгодно отражается на положеніи замужней

женщины тѣмъ, что ведетъ къ трудной расторгимости брака, такъ какъ въ случаѣ развода, даннаго жевъ, мужъ обязанъ возвратить приданое ея родителямъ. Но, съ другой стороны, приданое нѣсколько улучшаетъ положеніе женщины, такъ-какъ жена чувствуетъ себя при немъ самостоятельнѣе, а давшіе его родители, получаютъ нѣкоторое нравственное право на внимательство въ отношеніи къ ней ея мужа.

Семья является одною изъ самыхъ первобытныхъ формъ общественной жизни. Въ первобытной жизни она безусловно необходима для каждаго, такъ-какъ безъ жены невозможно веденіе хозяйства, а безъ дѣтей и родственниковъ трудно защищаться отъ враговъ и достигъ экономической самостоятельности. Въ патриархальную эпоху жена прежде всего работница мужа и поэтому при ея выборѣ обращается вниманіе не на красоту или умственные способности, а на ея здоровье, силу и на ея способность къ труду. Въ дикой жизни жена работаетъ больше любого животнаго, а мужъ больше барствуетъ, чѣмъ трудится, и благоестояніе племени, особенно съ переходомъ его къ мирному земледѣльческому быту, поддерживается главнымъ образомъ трудомъ женщины. Другимъ достоинствомъ женщины считается ея способность къ дѣторожденію, и вслѣдствіе этого у многихъ народовъ жениховъ привлекаютъ болѣе всего тѣ дѣвушки, которыя уже фактически доказали свою способность имѣть дѣтей. Бракъ такимъ образомъ служитъ дѣломъ простаго хозяйственнаго расчета и на этой ступени развитія мы почти не видимъ ни романтической любви, ни ревности, а у многихъ дикарей, напр., у индѣйцевъ въ Америкѣ, вслѣдствіе ихъ дѣятельной, подвижной жизни, нѣтъ даже и сильныхъ проявленій физической страсти. Первобытная легкость развода постепенно ослабѣваетъ, съ одной стороны, подъ влияніемъ мужа, желающаго закрѣпить за собой навсегда жену, а съ другой, подъ влияніемъ родителей жены, нежелающихъ обременять себя ея содержаніемъ, если ее прогнать супругъ. Борьба мужского авторитета съ личными стремленіями жены долго продолжается въ дикой жизни, проявляясь въ постоянныхъ ссорахъ, дракахъ, побѣгахъ, убійствахъ. У нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ супруги обыкновенно до того враждуютъ между собой, что смерть одного изъ нихъ непременно бросаетъ на оставшагося въ живыхъ подозрѣніе въ убійствѣ,

отъ котораго онъ долженъ оправдаться посредствомъ божьяго суда. Изъ 60 женъ одного умершаго королевича 31 умерла отъ яда, выпитаго при этой очистительной присягѣ. Въ древней Индіи жены до того часто умерщвляли своихъ мужей, что, для предотвращенія этого, брамины ввели обычай вдовосожженія. Эта внутренняя ожесточенная борьба въ брачной жизни значительно утихаетъ послѣ того, какъ изолированныя семьи соединятся въ роды и племена, и мужья, которые безъ того сильнѣе физически своихъ женъ, начнутъ поддерживать всѣми соединенными своими силами свой авторитетъ. У нѣмецкихъ крестьянъ вплоть до XVII вѣка держался обычай, по которому всѣ мужчины деревни, являясь къ дому мужа, прибитаго женою, и сбивъ съ крыши конекъ, виновную жену сажали на осла и возили по улицамъ, „дабы мужа помнили, что они по заповѣди должны быть владыками и господами“. У нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ, для поддержанія мужниаго авторитета и для воспитанія въ женахъ чувства покорности и страха, является даже особая тайная полиція и религіозныя мистеріи. Не только въ дикой, но и въ цивилизованной жизни дѣтей часто стараются обуздывать, пугая ихъ трубочистами, чертями и другими уродами; той-же самой системы держатся упомянутые негры относительно своихъ женъ, запугивая ихъ правосуднокарающимъ богомъ Мумбо-Юмбо, которымъ обыкновенно наряжается какой-нибудь мужчина. За нѣсколько дней до появленія этого бога въ лѣсахъ, близкихъ къ селенію, слышится шумъ, принимаемый за знакъ того, что богъ идетъ въ селеніе. Одѣтый въ страшный фантастическій костюмъ изъ древесной коры, окруженный толпою всѣхъ мужскихъ жителей деревни, съ музыкой и пѣснями является этотъ богъ ночью въ селеніе, среди котораго со страхомъ и трепетомъ ждутъ его женщины. Пропѣвъ предназначенную для такихъ случаевъ пѣсню, Мумбо-Юмбо указываетъ на тѣхъ женщинъ, которыя, по его мнѣнію, чѣмъ-нибудь провинились передъ мужьями втеченіи года, и ихъ немедленно растягиваетъ, а Мумбо-Юмбо собственноручно наказываетъ болѣе или менѣе жестоко, смотря по степени вины ихъ. Мало-по-малу женщина превращается въ безотвѣтную рабыню, съ которою ея дикій супругъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, — продать, подарить, убить, даже зарѣзать, какъ скотину, и съѣсть, какъ это нерѣдко дѣлалось на островахъ Фиджи. Съ развитіемъ этой без-

границной власти и страстей, усиливающихся при прогрессѣ культуры, возникает и та ужасающая ревность, въ принадлежѣ которой арабъ, напр., незадумываясь, перерѣзываетъ горло своей недозрѣваемой женѣ или дочери, а черкесъ прогоняетъ ее отъ себя, отрѣзавъ ей предварительно носъ и уши и обривъ голову и т. д. У первобытныхъ дикарей долго даже послѣ того, какъ замужнихъ женщинъ начинаютъ подвергать ревнивому надзору. Дѣвушки, напротивъ, пользуются полною свободой и у нихъ нѣтъ даже словъ для выраженія понятія *дѣвица*; но по мѣрѣ развитія мужской страстности и ревности дѣвушку начинаютъ стеречь, какъ зеницу ока, и это обереганіе ея невинности часто принимаетъ самыя возмутительныя формы, какъ, напр., практикуемое на Кавказѣ зашиванье въ кожаный поясъ. Дѣвушку не только берегутъ, но и воспитываютъ сообразно господствующему мужскому вкусу; у прежнихъ канарцевъ, которые любили жирныхъ жекцинь, дѣвиць упитывали, какъ пулардокъ для жаркого; посадивъ въ тѣсное помѣщеніе, ихъ кормили только ячменной кашей, саломъ и медомъ. Съ развитіемъ культуры среди людей достаточныхъ возникаетъ многоженство, совершенно недоступное для массы бѣдняковъ; запертая въ гаремы, изолированная отъ жизни, воспитанная для услажденія прихотей мужчины, женщина окончательно тупѣетъ и лишается почти всякаго сознанія независимости своей судьбы; вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно утверждается въ жизни то презрѣніе къ женщинамъ, которое возникаетъ еще въ дикой жизни, благодаря родамъ и другимъ явленіямъ ея организаціи. Многіе дикари даже никогда не спятъ съ жанами, считая ихъ погаными, и понятно, что, при господствѣ такихъ воззрѣній, мужъ дѣлается прототипомъ восточнаго деспота, а жена — прототипомъ отверженной касты паріевъ. Въ Фету, въ Африкѣ, жены каждое утро являются къ постели своего супруга-повелителя, привѣтствуютъ его, моютъ, одѣваютъ съ церемоніей, какъ какого-нибудь короля, и затѣмъ расходятся. Въ Видахъ женщины должны падать ницъ и цѣловать землю — жены передъ мужьями, дочери передъ отцами и т. д. Въ дикой жизни это закрѣпощеніе женщины совершается не безъ борьбы со стороны послѣдней; она инстинктивно протестуетъ противъ него бранью, бѣгствомъ къ родственникамъ, самоубійствомъ, умерщвленіемъ своихъ дочерей. Оправдывая сильную распространенность умерщвле-

нiя дѣвочекъ, одна индiанка говорила миссiонеру: „ахъ, какъ я жалѣю, что моя мать не убила меня и тѣмъ не избавила отъ множества страданiй, которымъ я подвергаюсь въ жизни! Посмотрите, отецъ, на наше положенiе, — наши мужья уходятъ на охоту и мы тащимся за ними, держа одного ребенка у груди, другого въ корзинѣ. Вернувшись крайне утомленными, мы не можемъ уснуть цѣлую ночь и приготовляемъ кушанье для мужей; они напиваются, бьютъ насъ, таскаютъ за волосы, топчутъ ногами. Проведя лѣтъ 20 въ такомъ рабствѣ, что-же мы получаемъ въ награду? Мужъ беретъ себѣ молодую жену, которая начинаетъ угнетать насъ и нашихъ дѣтей.“ Съ развитiемъ религiозныхъ системъ, напр. ведизма и магометанства, это закрѣпощенiе женщины вполнѣ санкционируется ими; онѣ лишаются даже религiозныхъ утѣшенiй, имъ почти вовсе не даютъ понятiя о вѣрѣ ихъ и все твердитъ имъ объ одномъ безусловномъ повиновенiи мужу. Священные книги индусовъ, напр., говорятъ, что „несмотря на предосудительное поведенiе мужа, на его супружескую невѣрность и на отсутствiе въ немъ всѣхъ хорошихъ качествъ, жена должна постоянно почитать его, какъ Бога...“

Съ паденiемъ материнства постепенно развивается патриархальная семья, на основахъ которой возникаютъ всѣ дальнѣйшiя формы общественности, — союзъ семей образуетъ родъ, союзъ родовъ — племя, союзъ племенъ — государство. На всѣхъ этихъ ступеняхъ развитiя общество представляетъ изъ себя ничто иное, какъ собранiе корпоративныхъ личностей, семей. „Единицею древняго общества, говоритъ Мэнъ, — была семья, а единицу современнаго общества составляетъ лицо“. Патриархальная семья — это совершенно самостоятельное, независимое государство, состоящее изъ кровныхъ родственниковъ и управляемое абсолютною властью отца, въ лицѣ котораго сосредоточиваются всѣ права и обязанности всѣхъ членовъ семейства, такъ что гражданами являются только отцы, и общественный союзъ семей очень походитъ на международный союзъ государствъ. Побѣдивъ материнство и изгнавъ изъ практики родство по матери, патриархальный принципъ окончательно утверждаетъ свой авторитетъ, по которому родственниками считаются только тѣ лица, которыя состоятъ, состояли или могли состоятъ подъ одною и тою-же отеческою властью. Отецъ совмѣщаетъ въ себѣ обязанности жреца, государя

„Дѣло“ № 2, 1877 г.

и собственника семейства; онъ женить сына, выдаетъ замужъ дочь, получаетъ все, выработанное своими домохадцами, распределяетъ между ними занятія, отдаетъ ихъ въ заработки, какъ рабовъ, судить, наказываетъ, казнить смертію, разводитъ женатаго сына съ его женой и т. д. Каждое такое семейство представляетъ изъ себя восточный султанатъ въ миниатюрѣ. Въ Египтѣ, напр., каждое семейство такъ-же рабски относится къ отцу, какъ подданные къ государю; когда онъ обѣдаетъ, вся семья, стоя на ногахъ, прислуживаетъ ему и при всякомъ случаѣ заявляетъ передъ нимъ самую рабскую покорность. Съ развитіемъ патріархальныхъ государствъ этотъ характеръ семейной жизни получаетъ еще большую прочность при помощи права и воспитания. Въ Китаѣ, напр., вся общественная жизнь имѣетъ семейно-патріархальный характеръ, и полицейскіе чиновники, расхаживая по улицамъ, своими выкрикиваньями напоминаютъ обывателямъ основныя правила китаизма: „повинуйтесь вашимъ отцамъ и матерямъ, уважайте старшихъ и начальниковъ; живите мирно въ своихъ семействахъ, не дѣлайте несправедливостей“. „Миръ, говоритъ Конфуцій, — можетъ достигнуть благополучія только съ водвореніемъ общественнаго порядка. Порядокъ достигается при хорошемъ управленіи. Чтобы умѣть хорошо управлять государствомъ, государь долженъ прежде умѣть хорошо управлять собственнымъ семействомъ. По примѣру его каждый китаецъ будетъ достойнымъ правителемъ своей семьи. Общее благосостояніе водворится само собою; охотно подчинятся волѣ императора сначала всѣ члены его семейства, а потомъ водворятся во всей вселенной миръ и согласіе“. И Конфуцій былъ совершенно правъ...

Хотя основою патріархальной семьи служитъ родительская власть, хотя рабъ имѣетъ въ ней почти такое-же значеніе, какъ сынъ, а при неимѣніи дѣтей отецъ можетъ купить ихъ и усыновить или поручить своему пріятелю свою жену, чтобы она дала ему наслѣдника, — но все-таки имѣніе своихъ собственныхъ, кровныхъ дѣтей служитъ предметомъ первыхъ завѣтныхъ желаній каждаго патріархала. Онъ цѣнитъ женщину только по степени ея чадородія, и, презирая, даже истребляя своихъ дочерей, желаетъ имѣть однихъ сыновей. Рожденіе сына считается возрожденіемъ отца, всѣ видятъ въ немъ опору и защиту семейства, будущаго главу его, залогъ его безсмертія. Патріархальная семья, какъ корпорація,

никогда не умираетъ, хотя и мѣняются лица, входящія въ составъ ея. Это безсмертіе поддерживается наслѣдствомъ въ его первичномъ значеніи; наслѣдникъ принимаетъ на себя вѣ права и обязанности умершаго главы, такъ что въ сущности ничто не измѣняется ни внутри семейства, ни въ его отношеніяхъ къ обществу. Кромѣ того, каждый патриархаль страстно жаждетъ имѣть сына, какъ преемника его жреческихъ обязанностей. Говоря о развитіи понятій о загробномъ мірѣ, мы уже видѣли, что сначала считается необходимымъ кормить душу умершаго, а потомъ, при дальнѣйшемъ прогрессѣ, — приаосигъ за нее искупительныя жертвы духамъ. Патриархаль долженъ имѣть сына или, по крайней мѣрѣ, усыновить чужого для этого кормленія, для этихъ жертвъ или, какъ говорятъ индусы, „имѣя въ виду похоронныя пироги, священную воду и торжественныя жертвоприношенія“. Хотя по смерти родителя дѣти получаютъ все его имущество, но оно по-прежнему остается нераздѣльнымъ, а новымъ отцомъ семейства, намѣстникомъ умершаго, дѣлается тотъ изъ нихъ, кто болѣе всего способенъ къ этой роли по своимъ способностямъ и возрасту. Но прежде, чѣмъ установится тотъ или другой порядокъ наслѣдованія, изъ-за него идетъ упорная борьба между родственниками, нерѣдко доходящая до кровопролитія, воспоминаніе о которомъ сохраняется, напр., въ слѣдующемъ обычаѣ кафровъ: власть родоначальника переходитъ у нихъ отъ отца къ сыну первой его жены, причемъ наслѣдникъ церемоніально омывается кровью какого-нибудь близкаго родственника; этотъ обычай, очевидно, свидѣтельствуетъ, что порядокъ наслѣдованія опредѣляется сначала не правомъ, а силою, какъ и всѣ другія отношенія первобытной жизни. Наиболѣе шансовъ на успѣхъ въ этой борьбѣ за наслѣдство выпадаетъ на долю старшаго сына, тѣмъ болѣе, что его личные интересы въ этомъ случаѣ совпадаютъ съ интересами семейства. Но прежде, чѣмъ утвердиться въ жизни, право первородства выдерживаетъ упорную борьбу съ установившимися въ первобытной практикѣ правилами материнскаго наслѣдства и съ притязаніями другихъ наслѣдниковъ, оттѣсняющихъ старшаго сына; главными соперниками его являются вездѣ дядя и тетка, братъ и сестра покойнаго. Исторія Турціи и Египта, престолы которыхъ наслѣдуются дядею предпочтительно передъ племянникомъ, показываетъ, до какого кровопролитія доходитъ

эта борьба, въ которой чадолюбивые султаны сплошь и рядомъ убивали всѣхъ своихъ братьевъ. Это дѣлалось для обезпеченія правъ султанскихъ сыновей; но такъ-какъ послѣдніе, избавившись упомянутымъ способомъ отъ дядей, часто вступаютъ въ борьбу между собою, то персидскіе падишахи умерщвляли большинство ихъ или выкалывали имъ глаза еще въ очень недавнее время, и этой экзекуціей заправляла сама султанша-мать. Такая же борьба за наслѣдство шла и въ каждомъ патриархальномъ семействѣ, и не въ однихъ только султанскихъ дворцахъ дяди очищали себѣ дорогу отъ племянниковъ или, наоборотъ, Іаковы добывали первородство Исавовъ посредствомъ хитрости или силы. Въ Европѣ право первородства развилось только въ средніе вѣка и въ началѣ оно имѣло здѣсь другой характеръ, чѣмъ нынѣ; право старшаго сына иногда замѣнялось правомъ старшаго родственника умершаго, причѣмъ иногда власть того и другого получала силу только послѣ избранія или утвержденія его членами той родственной группы, къ которой онъ принадлежалъ. Такой же порядокъ мы видимъ въ Индустанѣ. „Согласно индусской теоріи, говоритъ Мэнъ, — семьею деспотически управляетъ глава ея; если онъ умираетъ и семья распадается послѣ его смерти, собственность дѣлится поровну между сыновьями. Но если семья остается нераздѣльной и стремится къ расширенію, то здѣсь является та же смѣсь избранія и сомнительнаго права на наслѣдство, какую мы встрѣчаемъ въ раннихъ примѣрахъ права первородства въ Европѣ. Старшій сынъ, мѣсто котораго заступается его старшимъ сыномъ, обыкновенно является лицомъ, завѣдующимъ дѣлами семьи; но, согласно теоріи, его привилегіи обусловливаются избраніемъ со стороны братства и могутъ быть даже устранены, что большею частію дѣлалось въ пользу брата умершаго, который, будучи старше лѣтами, являлся, какъ думали, болѣе способнымъ къ дѣловымъ занятіямъ, чѣмъ его племянникъ“. Понятно, что въ этой борьбѣ за наслѣдство женщина должна была потерять тѣ привилегіи, какими она обладала въ эпоху материнства, и хотя впослѣдствіи она значительно расширила свои права, но нигдѣ не успѣла довести ихъ до первоначальнаго максимума.

С. Шашковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПѢСНЯ ПИРАТОВЪ.

(Les orientales, par V. Hugo.)

Мы прямо съ моря въ рабство взяли
Сто христіанскихъ рыбаковъ
И для серала вербовали
Черницъ съ окрестныхъ береговъ.
Плывя отъ Феца на галерахъ,
Мы грузъ въ Катанію везли...
Насъ было восемьдесятъ смѣлыхъ
Морскихъ пиратовъ въ эти дни.

„Вотъ монастырь!“ замѣтилъ кто-то.
Мы якорь бросили. Глядимъ:
Черница мирно, безъ заботы,
Спитъ подъ чинаромъ вѣковымъ,
Забывъ, что волны въ брызгахъ бѣлыхъ
На камни падаютъ вблизи...
Насъ было восемьдесятъ смѣлыхъ
Морскихъ пиратовъ въ эти дни.

„Дитя,— ни слова возраженья!
Идемъ! Помчитъ насъ вѣтеръ вдаль.
Ты смѣнишь мѣсто заключенья—
Ты смѣнишь келью на сераль.
Султанъ—любитель ягодъ спѣлыхъ...
Брось четки, брось кресты свои...“
Насъ было восемьдесятъ смѣлыхъ
Морскихъ пиратовъ въ эти дни.

Въ часовню вставъ, она кричала:
„Посмѣйте, дѣти сатаны!“
— „Посмѣемъ!“ шайка отвѣчала,
И какъ-же были намъ смѣшны
Усилья рукъ похолодѣлыхъ,
Когда ее мы понесли...

Насъ было восемьдесятъ смѣлыхъ
Морскихъ пиратовъ въ эти дни.

Лазурь очей — двухъ талисмановъ —
Не могъ затмить и слезъ туманъ:
За нихъ намъ тысячу томановъ
Отсыпалъ съ радостью султанъ, —
И нынче вмѣсто слезъ несмѣлыхъ
Сверкаетъ въ нихъ огонь любви...
Насъ было восемьдесятъ смѣлыхъ
Морскихъ пиратовъ въ эти дни.

А. И.

ОБЛОМКИ СТАРАГО БАРСТВА.

(Этюдъ двухъ рёзовскихъ головокъ)

1.

Быть въ Римѣ и не видать папы — не хорошо. Но быть въ Москвѣ и не видать Николая Михайловича, — это ужь положительно непростительно. Какъ Николай Михайловичъ самъ всёхъ знаетъ и все знаетъ, такъ и Николая Михайловича всѣ знаютъ и все знаетъ. И это не то чтобы въ одной только Москвѣ, но и дальше: въ Парижѣ, на Амурѣ, въ Кишиневѣ. Даже вотъ Жоржъ-Зандъ, напр., по словамъ самого Николая Михайловича, ради того, чтобы прочитатъ одинъ изъ своихъ романовъ въ его переводѣ, русскому языку начала учиться, а Дюма-отецъ, во время своего путешествія по Россіи, какъ только пріѣхалъ въ Москву, первымъ дѣломъ отыскалъ Николая Михайловича и отправился къ нему повидаться. Что-же касается, москвичей, то про нихъ и говорить, понятно, нечего. Всѣмъ имъ Николай Михайловичъ такъ-же знакомъ, какъ Иванъ великій или Никольскія ворота. Популярность полнѣйшая!

А что касается меня лично, то я познакомился съ Николаемъ Михайловичемъ слѣдующимъ образомъ.

Нужны были мнѣ деньги. Пошелъ я ради этого съ рекомендательнымъ письмомъ въ одну уже давно несуществующую московскую газету просить переводовъ.

Въ то время, 18-лѣтній юноша, редакцію вообще, какую бы то ни было, считалъ я по меньшей мѣрѣ Олимпомъ, а редакторовъ — бессмертными богами. Какъ сейчасъ еще помню я и тотъ

свѣтлый день, и ту свѣтлую, сіяющую мѣдную дощечку на подъѣздныхъ дверяхъ Олимпа, небесный покой котораго, съ подобающимъ трепетнымъ благоговѣніемъ, осмѣлился я нарушить тогда, скромно дернувъ звонокъ.

— Господинъ редакторъ дома?

— Которые-съ?

— Да вотъ у меня письмо.

— Позвольте сюда, мы разберемъ. А, Николай Михайловичъ... пожалуйста-съ! Другіе, Сергѣй Андреичъ, тѣ рѣже дома-съ. Коридоромъ-то прямо такъ и идите, а влѣво будетъ дверь. Тутъ они сами и есть! У нихъ и собственный свой человѣкъ, а мы при Сергѣй Андреичѣ-съ.

По крайней мѣрѣ минуты четыре шель я этимъ коридоромъ. Хотя онъ былъ далеко не длиненъ, но мысль сейчасъ вотъ, сію минуту, лицомъ къ лицу стать съ литераторомъ да еще редакторомъ,—съ первымъ въ моей жизни, являющимся мнѣ во-очію,—мысль эта подкашивала мнѣ ночи и чуть не заставила даже меня трусливо повернуть назадъ, несмотря на сильнѣйшее любопытство и предвѣщаемое счастье ожидавшей меня торжественной минуты. Но я побѣдилъ въ себѣ это скверненькое чувство, смѣло взялся за дверную ручку, пріотворилъ дверь, бокомъ скользнулъ въ нее и—такъ и осѣлъ на мѣстѣ...

Заготовленного поклона, вступительной рѣчи—такъ и не выгорѣло.

Въ комнатѣ, въ которой я очутился такимъ образомъ, первыя три-четыре секунды ничего не могъ я разобрать за густыми облаками табачнаго дыма. Всѣ детали развернувшейся потомъ передо мной картины вырѣзались изъ-за этого дыма только мало-по-малу, постепенно.

Комната оказалась большая, съ сидѣньями направо, налѣво, прямо, занятыми всяческими лицами. Всѣ они только мелькнули передо мною изъ-за дыма, какъ мелькаютъ проходящіе образы въ сновидѣніи, мало имѣющіе отношенія къ главному его интересу. Видѣлъ я только одного хозяина этой комнаты, очевидно, редактора, рѣзко выдѣлявшагося между всѣмъ остальнымъ людомъ на свѣтломъ фонѣ окна передъ громаднымъ письменнымъ столомъ, у котораго онъ сидѣлъ,—человѣка массивнаго, высокорослаго, сѣдого, грудастаго, да вдобавокъ еще изволившаго въ эту ми-

нугу собственноручно завиваться тонкими компасами передъ складнымъ зеркаломъ.

Мое появленіе, повидимому, не произвело на него ни малѣйшаго впечатлѣнія, только компасы съ захваченнымъ сѣдымъ локономъ повернулись нѣсколько въ сторону, распахнулся воротъ рубашки, обнаживши могучую грудь, да огромная, лбистая, безбородая вольтеровская голова откинулась еще больше назадъ, устремивши на меня сквозь золотые очки проникательно-привѣтливые редакторскіе взоры.

— Письмо это отъ Валерія Ивановича, собрался я, наконецъ, съ духомъ процѣдить сквозь зубы;—отъ Валерія Ивановича, началъ я снова, намѣреваясь назвать фамилію, но старецъ перебилъ меня, вдругъ заговоривши съ тою отчетливой, тягучей, чуть не на каждомъ слогѣ модулирующей интонаціей въ голосѣ, что составляло непремѣнную особенность большей части нашего прежняго офранцузившагося русскаго барства.

— Хотя-бы даже отъ Валеріи Ивановны — это все равно. Прежде всего садитесь и будемъ знакомы. Видимся мы съ вами въ первый разъ, какъ помнится, но ваше молодое, открытое лицо дѣлаетъ насъ старыми друзьями. Подождите, докончу завиваться, можетъ, тогда и моя рожа вамъ болѣе понравится. Садитесь-же, садитесь! Что, какъ Валерій Ивановичъ? Да не знаете-ли кстати, что онъ пишетъ такое?

— Валерій Ивановичъ рекомендуетъ вамъ меня. Я-бы хотѣлъ переводить съ французскаго, съ нѣмецкаго. Я могъ-бы...

— Ахъ, батюшка! Мнѣ-бы теперь скорѣе нужно перевозчика, опоздалъ вотъ на машину... Работу-же для васъ мы найдемъ, была-бы только охота! За неимѣніемъ-же готовой, работу и самому можно придумать, даже должно—создать!

Всѣмъ этимъ, понятно, я былъ окончательно обворожень. Последнюю-же редакторскую фразу мысленно далъ себѣ слово даже запомнить: „за неимѣніемъ готовой, работу и самому можно придумать, даже должно—создать!“

— Милости просимъ ко мнѣ во всякое время за-просто. Теперь-же посидите между нами, пока я, съ позволенія вашего, одѣнусь, да ознакомьтесь со всѣми нами. Всѣ мои гости, рекомендую, ваши будущіе товарищи по сотрудничеству, а вотъ это...

да гдѣ-же онъ, однако? Михайло Михайлычъ! Куда ты дѣвался? Михайло Михайлычъ!

Видѣтъ съ глазами редактора, отыскивавшими Михайла Михайловича, невольно повернулись и мои глаза по тому-же направленію, въ одинъ изъ угловъ комнаты, откуда, изъ-за спины нѣсколькихъ гостей, откликнулся кто-то басомъ:

— Здѣсь я!

— А вотъ это мой братъ. Позволь тебѣ представить этого молодого человѣка. Да иди-же сюда... Михайло Михайлычъ!

Гости зашевелились, чтобы дать дорогу, причемъ прѣжде всего вдоль очишеннаго ими прохода тотчасъ-же поплыли къ намъ густая облака дыма, сквозь которыя постепенно, словно тѣнь, вызванная какимъ-нибудь Каліостро, выяснилась мало-по-малу передъ братомъ Николаемъ Михайловичемъ воинственно-старческая фигура, сѣдая, худая, морщинистая, костлявая, съ мутными голубыми глазами, въ широчайшемъ пальто поверхъ грязной рубашки, съ дымящейся трубкой въ рукахъ, — фигура единокровнаго брата хозяина, Михайла Михайловича.

— Очень пріятно-съ! тутъ-же, сряду, не давши времени оглядѣть себя, буркнулъ мнѣ басомъ и стиснулъ руку этотъ выплывшій изъ дыма фантомъ, такъ-что кости затрещали, — и я тутъ только впервые понялъ вполне положеніе Дон-Жуана со статуей командора.

— Я нарочно знакомлю васъ теперь-же, на случай: меня не застанете — братъ Михайло Михайлычъ приметъ гостя. Не знаю, почему вы мнѣ съ перваго взгляда полюбились. Прошу бывать почаще, а съ Михайломъ Михайлычемъ сойдитесь сейчасъ-же. Мнѣ-то некогда, я спѣшу, а онъ вамъ понравится. Поэтъ, музыкантъ, подковы ломаетъ и притомъ съ очень влюбчивымъ сердцемъ...

При послѣднихъ словахъ гости засмѣялись, а Михайло Михайловичъ, покосившись на брата, такъ затянулся и такой пустилъ въ меня клубъ дыма, что можно было подумать, что я его оскорбилъ, а не братъ.

— Все-то врешь! все-то врешь! забасилъ онъ, не переставая пыхтѣть трубкою.

— Что-же, развѣ я выдалъ какую-нибудь тайну, что ты такъ сердился?..

На эту новую обиду Михайло Михайловичъ только насушился

еще болѣе и даже на меня, какъ мнѣ показалось, поглядѣлъ точно враждебно, какъ на виновника этой родственной размолвки.

— Ну полно, полно дуться-то! продолжалъ между тѣмъ подшучивать старшій братъ;— а вотъ посовѣтуй-ка мнѣ лучше, который изъ пиджаковъ къ этимъ брюкамъ надѣтъ?

— Да надѣнь гороховый... тебѣ оно и пристало!

— Самъ ты гороховый!

Но тутъ уже, видя, что разговоръ братьевъ начинаетъ принимать слишкомъ интимный характеръ, я поспѣшилъ ретироваться.

Такъ началось мое знакомство съ обоими братьями: литературнымъ Николаемъ Михайловичемъ и воинственнымъ Михайломъ Михайловичемъ.

Годъ спустя. Комната та-же. Дѣйствующія лица, за исключеніемъ гостей, тѣ-же: Николай Михайловичъ, я и Михайло Михайловичъ, съ тою только разницею, что я уже не гость между обоими братьями, а ихъ сожитель, на-время остановившійся въ ихъ квартирѣ проѣздомъ изъ Петербурга.

— Ну, а что-же, Николай Михайловичъ, моя работа?

— Какая работа?

— Ну, переводы, сверстка внутренняго обозрѣнія... Чему еще вы тамъ меня хотѣли научить?

Михайло Михайловичъ язвительно, глухо смѣется въ усы и трубку.

— Работа всегда есть... говорить Николай Михайловичъ.

— А если ея нѣтъ, продолжаю я, не давая ему докончить,— то ее нужно создать... Это-то я уже отъ васъ знаю... Но что-же она у насъ съ вами не спорится-то, вотъ въ чемъ дѣло! Найдите хоть переводишко какой подходящій. Слава-богу, годъ цѣлый прошелъ!

— Фу, какой человѣкъ! Ну, вотъ съѣзжу къ Владиміру Петровичу, попрошу у него водевилишко, оперетку, а газетная работа что!

— Да ты вспомни, когда еще ему обѣщался къ Владиміру-то Петровичу съѣздить?

— А вы что-же оба не напоминаете?

— Полно Бога-то гнѣвить. Онъ-то не напоминалъ!

— И еще разъ напомните!

— А что толку? И самъ ты скажешь себѣ: поѣду — и не поѣдешь! Ну, поѣзжай сейчасъ. Поѣдешь!.. И на извозчика сядешь. чтобы ѣхать, да не поѣдешь... забудешь! Вѣдь не доѣдешь, Николай Михайловичъ?

Николай Михайловичъ, скорчивши хитрую рожицу провинившагося ребенка, только улыбнулся въ отвѣтъ да почесалъ затылокъ.

— Не поѣду, другъ мой, не поѣду... забуду, другъ мой, забуду! А вотъ лучше расскажу-ка я вамъ анекдотъ намѣсто переводовъ по этому поводу... Къ князю — ищину, вельможѣ, богачу и дряхлой развалинѣ, съ письмомъ отъ родной сестры его, княгини Марьи Петровны, изъ Москвы пріѣзжаетъ племянникъ, князь Петръ. Рекомендуются: князь, молъ, такой-то, племянникъ вашъ, а вотъ письмо отъ матушки; приказала кланяться и проч. „Ты говоришь, я тебѣ дядя? Стало быть, сынъ княгини Марьи Петровны? Ну, цѣлуй сюда... А что она, старая дура? Небойсь, все та-же? Что пишетъ? Небойсь, нагородила! Самъ переписывалъ? Читать не нужно. Рассказывай!“ — „Да вотъ, просить васъ, дядюшка, о мѣстѣ для меня въ иностранной колегіи или другое какое“. — „Разумѣется, разумѣется! Вотъ поѣду во дворець, увижу Вязмитинова, Чесменскихъ... А деньги-то у тебя есть? Возьми вонъ тамъ двѣсти рублей“. — „Да деньги мнѣ не нужны, князь“. — „Бери, говорю. А теперь ступай. Да ко мнѣ обѣдать каждый день! Слышишь: каждый день!“ добавляетъ въ догонку. Проходить мѣсяць, другой. Ходитъ племянникъ каждый день обѣдать. Гостей всегда полно въ домъ. Дядю видитъ; поговорить нѣтъ минуты. Но послѣ обѣда старый князь имѣетъ обыкновеніе дремать въ креслѣ. Рѣшается, наконецъ, князь Петръ подойти къ нему. — „Дядюшка, а дядюшка!“ — „А? да ты кто?“ — „Вашъ племянникъ, князь Петръ“. — „Да, княгини Марьи Петровны сынъ? А обѣдать-то ходишь? Ну, что она, старая дура?“ — „Да я вотъ насчетъ мѣста...“ — „Экій братецъ! Вѣдь я вотъ тебѣ сказалъ: поѣду во дворець, увижу Вязмитинова, Веревкина... А деньги вотъ тутъ въ халатѣ возьми!“ — „Да деньги не нужны!“ — „Бери, говорю! Что за непослушанье?“ Черезъ мѣсяць опять та-же исторія. Еще черезъ мѣсяць — опять то-же. Такъ нѣсколько разъ. Наконецъ, бѣдному князю Петру совсѣмъ ужъ стало не подъ-силу ждать болѣе. — „Дядюшка, ну что-же мѣсто?“ — „А ты кто?“ —

„Да вашъ племянникъ, дядюшка! Вѣдь вы общались поговорить съ Вязмитиновымъ“. Старикъ, между тѣмъ, окончательно раздремался. „Да, съѣзжу, поговорю, поговорю...“ — „Но вы, дядюшка, забудете“. — Старикъ между тѣмъ чуть не влюетъ носомъ. — „Забуду, другъ мой, забуду... Забуду, другъ мой, забуду... За-бу-у-ду!“ — „Такъ не записать-ли вамъ на случай?“ — „Запиши, мой другъ, запиши... запиши, пиши, пиши...“ — „Но вѣдь вы, пожалуйста, потеряете?“ — „Потеряю, мой другъ, потеряю, потеряю, потеряю“...

Николай Михайловичъ хохоталъ отъ души. Вообще время мы проводили втроемъ довольно весело. То Николай Михайловичъ рассказывалъ что-нибудь изъ своихъ воспоминаній, то я свои или чужія, то стихи другъ другу читали, буримѣ, писали, разнообразили вообще удовольствія. Напримѣръ, я придумываю:

„Пропалъ сахаръ, вино, вата
И все я-же виновата!“

А Николай Михайловичъ въ этому сейчасъ-же, впадая въ тонъ:

„Не куплю мотка я, плата,
Вотъ за все кака я плата!“

— А, Михайло Михайловичъ, какая штука? Слышишь?

— Да, слышу, слышу! Мало того, даже вижу, въ сожалѣнью, что еще однимъ Николаемъ Михайловичемъ на свѣтѣ больше стало. И чего ты изъ него-то такого-же пустого человѣка дѣлаешь, какъ самъ?

Николай Михайловичъ на это только сожалительно мигаетъ мнѣ на брата: „не сердитесь, молъ, строгій вѣдь онъ у меня!“ а я, съ своей стороны, въ отвѣтъ тоже только многозначительно пожимаю плечами и таращу глаза, желая этимъ выразить, „что, молъ, ничуть—развѣ я этого не понимаю?“

И всѣ опять довольны и счастливы!

Но однажды даже и Михайла Михайловича пробралъ я однимъ своимъ пятитическимъ антрапа. Въ нѣкоемъ длиннѣйшемъ стихотвореніи есть у меня между прочимъ такое мѣсто:

„ въ стихахъ,
Гдѣ плескъ и радость—тутъ-же страхъ,
Что мель на морѣ, на рифѣ мы
Въ нихъ натыкаемся на рифмы.

Но море рифмъ—моя стихія,
И, въ немъ лова свои стихи я,
Еще ни разу не встрѣчалъ
Покуда свой девятый валъ“.

Михайло Михайловичъ даже подпрыгнулъ вмѣстѣ съ трубкой на диванѣ, подстрѣленный этими созвучіями, а у Николая Михайловича уже черезъ три-четыре дня готовъ былъ отвѣтъ и тотчасъ-же онъ продекламировалъ мнѣ, какъ только я пришелъ:

„Вашъ звучный стихъ—девятый валъ,
Три ночи спать мнѣ не давалъ.
Стихи я рвалъ, рожалъ, ковалъ,
Но все не то, все жалко; валъ,
Какъ тамъ у васъ, не выплывалъ
Въ стихахъ моихъ—и билъ я стихъ
И грызъ я стихъ, лишь къ утру стихъ:
Со мной самимъ случился стихъ,
Такой, что“.

— И-и-ихъ! заканчиваетъ вдругъ этимъ рифмующимъ послѣднюю строчку междометіемъ неожиданно Михайло Михайловичъ и замѣняетъ пафосъ смѣхомъ.

Вообще доброе было тогда времячко—и глупо, и легко жилось!

Да что и удивительнаго? Оба мы съ Николаемъ Михайловичемъ были еще такіе юные, жизни впереди у обоихъ оставалось еще такъ много, и именно жизни, а мы-то между тѣмъ оба уже литераторы, не что-нибудь такое, а на дворѣ-то весна, а на дорогѣ-то травка...

II.

Литераторомъ сдѣлался Николай Михайловичъ только на 65-мъ годочкѣ отроду, а до 65-ти-лѣтняго возраста былъ онъ лишь отставнымъ гусарскимъ ротмистромъ, и очень представительнымъ ротмистромъ, несмотря на таковыя свои преклонныя лѣта и добавляющую при нихъ сѣдину, морщины и тому подобныя ничтожныя неприятели жизни!

Конногвардейскаго роста, косая сажень въ плечахъ, съ огромнымъ лбомъ и умными голубыми глазами, снисходительно взирающими сквозь золотыя очки на міръ божій, Николай Михайловичъ

быль ротмистръ по-истинѣ величественный. Но чтобы дать хоть приблизительное понятіе о такой величественной представительности всей фигуры отставного ротмистра Николая Михайловича, разскажу всего лучше одинъ, почти сверхъестественный, фактъ изъ жизни Николая Михайловича, очевидцемъ котораго былъ я самъ.

Шли мы однажды по Поварской: онъ, я да еще одинъ общій нашъ пріятель. На широкомъ подъѣздѣ богатаго барскаго дома, развалиясь самымъ нахальнѣйшимъ образомъ, возсѣдаетъ фрачное и ливрейное лакейство.

— Идетъ пари, господа? Или вы меня оба въ складчину угощаете обѣдомъ у Шевалье, или я васъ? говоритъ Николай Михайловичъ.

— А о чемъ пари?

— А вотъ о чемъ. Когда мы сейчасъ поравняемся съ тѣми вонъ господами лакеями, что такъ важно расположились на барскомъ крыльцѣ, я заставлю этихъ господъ лакеевъ однимъ взглядомъ, однимъ поворотомъ головы въ ихъ сторону—встать и вытянуться въ струнку.

Само собой разумѣется, что такое интересное пари было принято нами тотчасъ-же. Затѣмъ тотчасъ и обѣщанный поворотъ вольтеровской головы Николая Михайловича, барственный взглядъ сквозь золотыя очки — и все лакейство на ногахъ, какъ веопанное...

Такъ вотъ до какой степени величественна была фигура отставного ротмистра Николая Михайловича.

Фигура-же Михайла Михайловича была, напротивъ, ничуть не величественна, но за то необыкновенно симпатична, фантастична и, пожалуй, если хотите, даже отчасти, но только отчасти—воинственна.

Николай Михайловичъ—баринъ и франтъ, съ какой стороны на него ни взгляните, даже хоть въ слину, въ ноги—баринъ и франтъ; а Михайло Михайловичъ — напротивъ, самый заурядный человѣкъ, даже нѣсколько неопрятный; одѣтъ всегда бѣдно и неряшливо, и не будь у него постоянно длинной трубки въ рукахъ и клубовъ дыма подъ сѣдыми усами, то онъ и не казался-бы даже отчасти воинственнымъ. Но за то Михайло Михайловичъ музыкантъ въ душѣ, поэтъ-импровизаторъ, острякъ не хуже Николая

Михайловича, постоянно что-нибудь напѣваетъ себѣ подъ носъ, да вдобавокъ еще притомъ — духовидецъ. Мистици-то, положимъ, братья и тотъ, и другой, но Николай Михайловичъ не дорого возьметъ и привратъ на себя какого-нибудь лишняго духа, Михайло Михайловичъ-же никогда не вретъ и если скажетъ вамъ, напримѣръ, что съ мертвецомъ разговаривалъ сегодняшней ночью или другому какому-нибудь призраку въ ухо, что-ли, заѣхалъ, то такъ, значитъ, оно и было на самомъ дѣлѣ: Михайло Михайловичъ врать не будетъ, ни на себя не навретъ, ни на чорта, ни на кого; потому-то Николай Михайловичъ и стыдится брата, когда случится иной разъ самому завратъся черезчуръ.

Другого-же никого и ничего на свѣтѣ Николай Михайловичъ не стыдится, хотя обладаетъ между тѣмъ сердцемъ добрымъ и горячимъ и къ другимъ сердцамъ очень чуткимъ и всепрощающимъ, почему, понятно, и на свою долю одинаково выгородилъ-бы онъ это право всепрощенія, но тутъ-то старая фигура Михайла Михайловича, выплывая изъ облаковъ своего табачнаго дыма, и становится ему иной разъ на дорогѣ.

„Николай Михайловичъ, врешь! Опять заврался, Николай Михайловичъ!“ какъ-бы говоритъ ему эта фигура въ такихъ случаяхъ, но только „какъ-бы“ говоритъ. Самъ-же Михайло Михайловичъ строго не позволяетъ себѣ никогда ни звукомъ, ни взглядомъ выразить Николаю Михайловичу что-либо подобное, развѣ только въ очень-очень рѣдкихъ случаяхъ. Большею частью намѣсто этого развѣ только одни усы шевельнутся у него особымъ образомъ, понятнымъ только для брата, а не для постороннихъ.

Что касается меня, всѣ эти тонкости кровныхъ отношеній между обоими братьями узналъ я, конечно, только много позже, послѣ долгаго и короткаго знакомства съ обоими старцами-родственниками, частію самъ наблюдая, больше-же изъ рассказовъ самихъ братьевъ о самихъ себѣ, причемъ Николай Михайловичъ говорилъ, конечно, много больше, пространнѣе, кудреватѣе, Михайло Михайловичъ не въ примѣръ сдержаннѣе, короче, и только послѣ долгихъ обоюдныхъ, какъ съ моею, такъ и съ его стороны, сердечничаній, поддавшись обалнiю откровенности. Но за то ужъ Михайло Михайловичъ, что ни слово процѣдить, такъ оно и дышетъ у него жуковскимъ табакомъ и правдою. Но за то ужъ когда и Николай Михайловичъ заговорить — небесная гормонія, про-

сто заслушаешься! Такъ это у него и течеть! И видишь, бывало, разумѣтся, привираетъ старикъ. иной разъ даже и чувствуешь, что что-то неладно пошло въ его рѣчи, а ужъ складно, куда какъ складно! Да и привирае-то у Николая Михайловича совсѣмъ было не такое, какъ у другихъ, бываетъ. Дѣлалось это какъ-то само собою, вралось такъ, отъ полноты души, отъ избытка чувствъ,—и все тутъ...

Разъ, напримѣръ, какъ сейчасъ помню, пожаловалъ такимъ образомъ старецъ мой, въ рассказъ своею занесшись за предѣлы возможнаго, одного крупнаго капиталиста и титулованнаго туза, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ шулера и афериста.

— Полноте, Николай Михайловичъ! не утеришь я, перебивая его;—не пойдетъ онъ на такую штуку: и деньги-то у него есть, да и связи слишкомъ большія.

— Кто это не пойдетъ?

Я повторилъ названную имъ въ рассказѣ фамилію.

— Конечно, не пойдетъ.

— Но вѣдь вы-же сейчасъ сами говорили...

Николай Михайловичъ осмотрѣлся—Михайла Михайловича въ комнатѣ не было,—улыбнулся и съ какою-то наивнѣйшей хитростью, потихоньку промолвилъ:

— Ну, такъ, можетъ быть, я самъ это сдѣлалъ. За 75 лѣтъ жизни, батюшка, какой чертовщины съ человѣкомъ не случится. Хоть я и не говорю, чтобы это случилось на самомъ дѣлѣ, но, можетъ, и случилось... могло случиться! А рассказъ-то вотъ мой вы перебили. Вѣдь, не правда-ли, выходилъ очень удаченъ сегодня?

И дѣйствительно, за коимъ чортомъ перебилъ только я тогда рассказъ Николая Михайловича? *

Но въ другой разъ за то не перебивалъ я одинъ точно такой-же его рассказъ, чѣмъ и по-сейчасъ очень доволенъ. Вышла прелезавная исторія. Передамъ ее въ двухъ словахъ.

Дѣло было такъ.

Былъ я, по своему обыкновенію, однажды утромъ у Николая Михайловича. Презентовалъ ему этимъ утромъ при мнѣ одинъ актеръ-пѣвецъ въ отдарокъ за золотую цѣпочку небольшіе старинные золотые карманные часы съ прелестнѣйшей живописью на одной изъ глухихъ дощечекъ. Николай Михайловичъ былъ въ восторгѣ,

кричалъ, что это Ватто или онъ — не Николай Михайловичъ. А въ тотъ-же день были мы вмѣстѣ съ Николаемъ Михайловичемъ на семейномъ вечерѣ у одной очень милой барыни. Какъ только увидали тамъ новые часы у Николая Михайловича, пошли они по рукамъ.

— Да это Ватто, Ватто! Покажите, покажите! У васъ всегда кака.нибудь рѣдкость, что-нибудь интересное.

— Да, эти часишки — дѣйствительно, вещичка интересная, но исторія ихъ еще интереснѣе.

— Николай Михайловичъ! Милый Николай Михайловичъ! Vous êtes un conteur des plus eloquant! Расскажите, рассказывайте скорѣе вашу исторію!

И полилась исторія пресловутыхъ часовъ. Оказалось изъ нея, что часы эти достались Николаю Михайловичу въ наслѣдство отъ бабки, еще полтора вѣка тому назадъ, что это фамильная драгоценность и рѣдкость, ведущая свое начало изъ Англїи, прямо отъ Марїи Стюартъ, перешедшая потомъ во Францію, долго скитавшаяся по разнымъ семействамъ Рогановъ и Монморанси и прочее, и прочее, и, съ разными удивительнѣйшими приключеніями, романтическими эпизодами, романомъ на романѣ, перешли затѣмъ въ Польшу. Но что тутъ говорилось, что это былъ за рассказъ, что за импровизація — ты одинъ, Господи, только вѣси! Довольно того, что заслушавшееся общество (между прочимъ, довольно многочисленное) незамѣтно просидѣло до поздняго ужина, продолжало еще слушать рассказъ за ужиномъ и не пустило насъ съ Николаемъ Михайловичемъ идти домой до тѣхъ поръ, пока послѣднее слово рассказа не было сказано.

— Фу-у, Господи, какъ я вралъ-то сегодня! вздохнулъ уставшій Николай Михайловичъ полной грудью, когда мы вышли на улицу. — Вотъ такъ вралъ! А вѣдь интересно было все-таки? а? не правда-ли? Но знаете-ли, если-бы тутъ былъ Михайло Михайловичъ да прослушалъ все это вранье мое, признаться, черезчуръ ужъ размашистое — съ нимъ-бы сдѣлались, по крайней мѣрѣ, судороги, право, судороги!..

III.

О своемъ прошломъ братья говорили рѣзко, отрывочно.

Вотъ Михайло Михайловичъ ходитъ по комнатѣ и грустить, почему и всѣ напѣваемые имъ мотивы вертятся всего болѣе на самыхъ грустныхъ нотахъ.

Тра-та-рари-тарара!
Та-рари-тарара...

мелочь, мѣлозъ, фразилка

носитъ по комнатѣ вмѣстѣ съ клубами жуковца, а трубка отбиваетъ тактъ, покачиваемая изъ стороны въ сторону. Я сижу въ уголку, на диванѣ, и молча посматриваю на прохаживающагося Михайла Михайловича.

— А я опять сегодня духовъ видѣлъ! останавливается Михайло Михайловичъ, по-военному, на полуоборотѣ. — Волосъ не разсмотрѣлъ хорошенько, а по чертамъ судя, такая нѣжная, должно быть блондинка! Прилетѣла вдвоемъ съ другою, — но какая другая — не разглядѣлъ. Прилетѣли, встали вонъ тамъ въ углу и начали, можете себѣ вообразить, пѣть: „Мой милый другъ, изъ-за могилы услышь мой голосъ, мой привѣтъ!“ Допѣли до этой строчки и замолчали. „Есть жизнь за гробомъ, другъ мой милый, и для сердецъ разлуки нѣтъ!“ отвѣтилъ я имъ въ отместку, — знай, моль, нашихъ! Брату Николаю сказывалъ — покосился: подумалъ, конечно, опять про старое, т. е. про мою слабость... понимаете, конечно!.. Ну, да вѣдь онъ дуракъ! А вѣдь знаете, у него доброе сердце... Только блондинка эта была ужь больно грустная. Точно ее тамъ не кормили съ мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ! Николай Михайловичъ, конечно, съострилъ на это: „любовью къ тебѣ, говорить, сгораешь...“

Михайло Михайловичъ замолчалъ.

— Ну, а вы что ему?

— Да что я? Спросилъ только, гдѣ будетъ обѣдать? „У Мореля, говорить, разумѣется“. Экій вѣдь старшій обжора, подумаешь однако. Четыре состоянія проѣлъ! Не шутка! Слышали, небойсь?

— Не помню, кто-то изъ васъ рассказывалъ что-то. Расскажите еще, съ удовольствіемъ послушаю.

— Признаться, нечего тутъ и рассказывать. Взялъ отъ отца наслѣдство — проѣлъ. Взялъ за женою — проѣлъ. Онъ и ее-бы

профль, да благоразумно вразвѣхались. Однако, друзьями остались, переписываются, и дочери пишутъ. А Володька сынъ, сами, небойсь, видали, даже навъзжастъ каждый годъ. Ну, да къ тому что-же женать, и денегъ куры не клюютъ. Потомъ-же, когда ихъ всеѣхъ профль, вѣдь не угомонился все-таки, чортъ, взялъ да меня профль!

Тра-тарари-тарара.

Та-ра-ри, тарара...

— Да вы рѣскажите, какъ васъ-то онъ профль, это самое интересное. Да и почему вы говорите „профль“? Вѣдь онъ-же пьетъ.

— Что ему, что пьетъ? Какъ въ сороковую бочку... какъ прорва какая! Нахлещется, а ни въ одномъ глазѣ. Нѣтъ, профль! Прогастрономилъ. Какъ только ничего не осталось у него, ну и призываетъ меня. „Тебѣ, говорить, зачѣмъ твоя часть?“ — „Какъ, говорю, зачѣмъ! Мало-ли что можетъ понадобится... А тебѣ что?“ — „Да то, отдай ее лучше мнѣ“. — „Какъ, говорю, тебѣ, Николай Михайловичъ?“ — „А такъ, говорить, Михайло Михайловичъ!“ — „Да вѣдь ты мало-ли прожилъ, говорю, Николай Михайловичъ?“ — „И еще съумѣю прожить, Михайло Михайловичъ, а ты и этого не съумѣешь“. — „Да ты что, молъ, спрашиваю, шутишь, что-ли, Николай Михайловичъ?“ — „Стану я съ тобой шутить, Михайло Михайловичъ! Безъ всякихъ шутокъ говорю: давай твою часть. Ну на что она тебѣ нужна, ну на что? Вѣдь у тебя тысячь двадцать еще осталось? А ты еще вдобавокъ при кадастрѣ служишь. Ну на что тебѣ эти двадцать тысячь?“ — „Какъ, говорю, на что?.. ну вотъ вальтрапъ, напримѣръ, говорю, новнй лошади хочу купить, собаку-бы призавестъ еще не мѣшало. Мало-ли, говорю, на что!“ — „Михайло Михайловичъ, говорить, а самъ хочочеть, — поди сюда“. — „Да тебѣ что нужно-то?“ — „Поди, говорить, сюда“, а самъ хочочеть. Я подошелъ. Взялъ онъ меня обѣими руками за уши, принагнулъ къ себѣ и поцѣловалъ въ оба глаза. У меня даже слезы закапали! — „Эхъ ты дуракъ, дуракъ, говорить. Ну, куда тебѣ эти двадцать тысячь, если ты не придумаешь отвѣтить, куда онѣ тебѣ нужны?“ — А чортъ ихъ знаетъ, въ самошъ дѣлѣ, на что онѣ мнѣ нужны, подумалъ я и самъ тоже; жить я съ нимъ могу, съ Николаемъ Михайловичемъ, при кадастрѣ тоже состою... лѣсъ, охота... музыка тамъ, поэзія —

сами знаете... А вальтрапъ и собаку и прочее и онъ купить. Ну, взялъ тогда и отдалъ. А онъ проѣлъ. Въ одинъ годъ проѣлъ!

Тра-тарари-тарара,
Та-рарари-тарара...

— Такъ съ тѣхъ поръ вмѣстѣ теперъ и живете?

— Вмѣстѣ. Сердце-то у него вѣдь доброе! Вреть, конечно, много. Ну, и крутъ иногда. А все-таки-жь дворянинъ, этого отъ него нельзя отнять. Вполнѣ дворянинъ! А знаете-ли вы, между прочимъ, у него челюсть вставная. А у меня зубы цѣлые всѣ! А онъ еще хвастаетъ, что хотъ старшій братъ, а моложе... А дуракъ!

Почти тотъ-же самый рассказъ слышалъ я потомъ нѣсколько разъ и отъ самого Николая Михайловича, съ различными только, конечно, прибавленіями: о поѣздкахъ его, Николая Михайловича, за-границу, о службѣ въ Царствѣ Польскомъ, о томъ, что усовѣ Николай Михайловичъ не носить потому, что прежде это была не форма, а потому онъ и самъ по привычкѣ брилъ ихъ, даже на парадахъ употребляя накладные... но всего, что говорилъ Николай Михайловичъ, не помню я, да и писать не стоитъ. Говорилъ онъ, напр., объ Алеутскихъ островахъ, о мексиканскомъ царѣ Монтезумѣ, тоже почему-то будто бы примѣнянномъ къ его жизни, о спиритизмѣ, о прикладной математикѣ, мало-ли о чемъ говорилъ Николай Михайловичъ!

Но вотъ кое-какія добавочныя черты къ портрету Михайла Михайловича изъ рассказовъ Николая Михайловича.

— Вѣдь и онъ тоже, какъ и я, былъ женатъ. Не слышали небойсь про это? Да и самъ онъ не станетъ говорить, и вы лучше ему про это даже не намекайте.... Это своего рода мрачная тѣнь на любовныхъ воспоминаніяхъ Михайла Михайловича. Женился онъ на дворовой дѣвкѣ своей, дурѣ и рождѣ, но по своему воспылалъ къ ней страстью, а съ тѣхъ поръ, какъ умерла, даже насилуетъ себя поэтизировать ее и другимъ, и себѣ самому. Только не выгораетъ. Да какъ-же оно и можетъ выгорѣть? Самъ онъ это чувствуетъ, потому и молчитъ. Въ сущности баба-то она была какъ и всякая баба: ни добра, ни худа отъ нея, на-сколько только можетъ, конечно, обойтись баба безъ худа... Да къ счастью, скоро умерла. Жили-же они съ нею чортъ знаетъ какъ: какой-то идиліей прокислаго чулана въ тараканьей щели, съ вод-

кой и огурцами на закуску, съ собакой подъ брачной постелью и крикливымъ ребенкомъ между супружескихъ объятій; стало быть, изъ этого вы видите, имѣли дерзновенную смѣлость и дѣтище даже породить... Мать умерла, а птенець-то сей, сынокъ, дѣтище-то, Василій Михайловичъ, и по-сейчасъ еще живъ...

— Но гдѣ-же онъ?

— Ахъ, не надрывайте моего родственнаго сердца! Въ слезы ударюсь или стихами начну говорить. Вася-то возлюбленный? Василій Михайловичъ-то гдѣ? Для этого прежде всего нужно сказать вамъ, что такое Василій Михайловичъ. Василій Михайловичъ и не дуракъ, даже руку за третью пуговицу сюртука научился большимъ перстомъ подвѣшивать, и сердце имѣетъ доброе, почеркъ писарской, чиновникъ—не хуже другого чиновника, даже до губернскаго секретаря дописалъ себѣ своимъ почеркомъ,—и все-таки вы еще не знаете, что такое Василій Михайловичъ! Ну, какъ-бы это вамъ лучше сказать?.. ну, можете вы себѣ вообразить морду, олицетворенную морду? Вспомните изъ вашей жизни, изъ дѣтства, или изъ гоголевскихъ или какихъ другихъ типовъ какую-нибудь не-па-зва-ли-тель-нѣйшую халуйскую харю. Прибавьте съ помощію собственного юмора этой харѣ еще пуда съ три халуйщины—и все-таки это будетъ только блѣдное, опоэтизированное представленіе возлюбленнаго халуйственнаго *племенника* моего Василя Михайловича. Неучъ онъ, конечно, полнѣйшій, пьяница горчайшій, такъ-что позволь ему жить съ отцомъ (и пробовали они такъ жить)—если не отецъ сына спавиваетъ, то сынъ отца, а то и оба вмѣстѣ другъ друга. Словомъ, просто какое-то предопредѣленіе безвыходное. Остался тамъ у Михайла Михайловича, въ глуши, въ лѣсу-то, гдѣ при кадастрѣ жилъ. тотъ самый собственный чуланъ, что былъ свидѣтелемъ его супружескаго романа. Ну, и пришлось сослать туда поневолѣ любимое наше дѣтище. Но это-бы ничего; я-бы ужъ заои-то эти, если не чѣмъ другимъ, то хоть палкой готовъ выбить изъ Васеньки. Да не въ одномъ этомъ дѣло. Вѣдь сколько разъ на службу опредѣлялъ! Всѣ мы пробовали, нельзя-ли что-нибудь такое, а что именно такое, конечно, не сумѣлъ-бы отвѣтить никто изъ насъ всѣхъ троицъ, да ничего не подѣлаешь! Главное-то—всему, видите-ли, рожа мѣшается! Ужъ какъ, бывало, ни принарядишь его: — „Поди, молю, Василій Михайловичъ, вымойся

хорошенько, всю эту щетину-то фиксатуаромъ, что-ли, прифабри!“ (Вообразите себѣ желтогрязную щетку на неровной метлѣ, а подъ нею дура-ащкіе, выпученные, желтые-же, глазенаны на выеать, да еще пьяные-то при этомъ... а скулы-то—во! Точно онѣ созданы не на супъ или котлету, а мамонта разгрызаты!) Такъ вотъ и скажешь ему, бывало: „поди-же, Василій Михайловичъ, выскреби, затри себѣ какъ самъ тамъ хочешь все это подобіе Божіе, а поломанный-то гребень этотъ, что ты называешь бородой и усами у себя, выбрей, мошь, гладко-на-гладко, да вонъ возьми тамъ чистое бѣлье и парижскую новую пару Володи, запонки вонъ, часы, все это надѣнь и приходи показаться, я, мошь, тебя представлять повезу, мѣсто обѣщали. Сдѣлаешь?“ — „Что-жь, дяденька, сдѣлаю все, что можно, а тамъ ужь что не выйдетъ, не моя вина: противъ судьбы не пойдешь!“ — Ну и уйдетъ. Видимъ и слышимъ—стараются, въ потѣ лица старается человекѣвъ. Все продѣлаешь; изукрасится, расфрантится—входитъ... Ну, вѣрите-ли? Слезы даже проймутъ, плакать захочется! Рожа, еще хуже рожа! А онѣ еще, подлець, стоитъ да въ сапоги, что въ зеркало, смотрится, любится!— „Ну что, мошь, дяденька?“ — „Да что, мошь, Васенька, уйди хоть на минутку, дай отдохнуть. Тяжело, братецъ, повѣрь, тяжело, ей-богу, тяжело!“ — „Да что-жь, мошь, дяденька, что а?“ — „Да ничего, мошь, Васенька, только уйди Христа-ради не надолго; потомъ позову, поѣдемъ“. Какое-бы это вамъ прибрать сравненіе или характеристику каковую? Ну, знаете-ли вы, вотъ такъ, кажется, всего лучше было-бы... есть такіа вотъ, напр., рожи на свѣтѣ, что взглянешь ты на нее—съ души преть, такъ противно, сплунуть хочется! А то такіа вотъ тоже, что повернись онѣ къ тебѣ прямо, воесь, веривъ—такъ-бы ты ее въ скулы, въ зубы, въ носъ, въ ротъ, за вихры, въ поволочку! Или-же такіа еще—и это самыа скверныа,—что у тебя отъ одного присутствія его, хоть въ сорока шагахъ, какія-то змѣи за сердце заскребугъ, какой-то копайскій бальзамъ внутри заходить... Въ Васѣ-же ничего, рѣшительно ничего подобнаго, но только войдетъ, а въ особенности-то вотъ эдакъ прифранченный—экая хамская харя! И такъ-то вотъ-таки и подмываетъ тебѣ крикнуть ему: „вонъ, вонъ скорѣе!“ да еще посмогрѣть, не оставилъ-ли чего послѣ себя, и воздухъ понюхать... а уйдетъ—жаль станеть! Вернешь назадъ, посмотришь на него—и тутъ уже

другое чувство тобой овладѣть. Взяль-бы себя эдакъ обѣими руками за голову и завылъ-бы, кажется, какъ вотъ старухи воютъ надъ покойниками въ деревняхъ: „И на что это, молю, Господи, милость твоя харю такую породила?“ А затѣмъ опять хоть вонъ гони,—просто безвыходное положеніе! Ну вотъ такъ-то и везешь его, бывало, скрѣпя сердце, на мѣсто рекомендовать... Введешь, представляешь... Вижу, у начальника ужъ судороги на лицѣ отъ сдерживаемаго желанія закричать намъ: „вонъ отсюда!“ Заблаговременно поспѣшишь отретироваться. (И знаете-ли, пьяный Василій Михайлычъ, мнѣ кажется, даже какъ-то лучше, но и это потому вѣрно только, что тогда болѣе у него неотъемлемаго права быть вонъ выгнаннымъ, а это все-таки, во всякомъ случаѣ, хоть человѣчяѣе.) Ну, вотъ и поступить Васенька на службу. Служить, и не пьянствуетъ, и работаетъ. Все, глядишь, хорошо. Крестисься, бывало, обѣими руками, и вдругъ,—о: силы небесныя!—въ одинъ пріятный день пріѣзжаетъ къ тебѣ его начальникъ. — „А я, молю, къ вамъ, Николай Михайлычъ, съ неприятнымъ объясненьцемъ“ ... — „Вѣрно, племянникъ?“ — „Да, насчетъ его-съ“ ... — „Запилъ, набуянилъ?“ — „Нѣтъ, спаси Господи! и по службѣ исправенъ, и ведетъ себя отлично, а все-таки поневолѣ, вѣрите Богу, поневолѣ принужденъ отказать. Пріѣзжаетъ къ намъ прошедшій разъ директоръ...“ — „А, понимаю, молю—роза. Роза все опять подгадила?“ Начальникъ ежится, вздыхаетъ, и вижу, что искренно, искренно вздыхаетъ, и говоритъ, наконецъ, безнадежно разводя руками: „Да-съ!“ — „Но вѣдь, милый вы мой, говорю обыкновенно я въ такомъ случаѣ,—и не извиняйтесь, самъ знаю!“ И что вѣдь скверно, вообразите себѣ, что и Василій-то Михайлычъ, мой племянникъ-то, самъ это сознаетъ, самъ понимаетъ -- и это всего ужаснѣе,—что у него на мѣстѣ головы — не позволительное мѣсто... Разъ даже приходитъ ко мнѣ въ отчаяніи: „Дяденька, знаете-ли, что я думаю, говорю,—лучше, если-бы у меня, вмѣсто хари этой дурацкой, сверху шеи хоть полштофъ, что-ли, былъ-бы... право, лучше!“ — „И въ особенности, Вася, хорошо-бы, прибавляю я ему тогда съ своей стороны,—если-бы полштофъ этотъ да дномъ кверху, а горлышкомъ въ горло, и притомъ всегда полный... Эдакъ и еще-бы лучше, да, вѣдь?“ А онъ, мое утѣшеніе, только плотоядно улыбается: это-то ему, конечно, вполне-бы съ руки! Ну вотъ вернешь его назадъ, опять

держишь, снова опредѣляешь, а тутъ еще пьянствуетъ къ тому-же вмѣстѣ съ отцомъ; а Михайла Михайлыча-то долго-ль спить? Вздумай кошка напиться, пригласи—сначала, пожалуй, и заартачится, а къ концу-концовъ все-таки поддастся. Ну, и готово! Ну и пришлось, во спасеніе отца, изгнать, наконецъ, сына остракизмомъ... А вѣдь замѣтите себѣ, не только Михайло Михайлычъ, но и я—оба его любимъ. Вонъ держитъ-же иная барыня какую нибудь паршивѣйшую, непростительнѣйшую шавку и привязана къ ней. Другимъ непонятно, а я понимаю: тоже, должно быть, родственное чувство своего рода.

Михайло-же Михайловичъ, говоря о сынѣ въ защиту его физиономіи, только строго замѣчалъ обыкновенно, что Василій Михайловичъ его сынъ законный, а потому дворянинъ потомственный, стариннаго рода.

Но одинъ разъ какъ-то, только одинъ разъ, между прочимъ, Михайло Михайловичъ, парируя нападки брата на Василія Михайловича, вступился за законнаго сына своего нѣсколько горячѣе обыкновеннаго, сказавши, что если Василій Михайловичъ такой вышелъ, какъ теперь, то виноваты въ этомъ воспитатели: ты да я, Николай Михайлычъ!“

— Воспитаніе, братъ, самую рожу человѣка передѣлываетъ, думалъ-ли ты объ этомъ? Василій Михайлычъ—человѣкъ не безъ способностей. А знаешь-ли ты, напримѣръ, что у него даже талантъ есть?

— Что-о?

— Что у него талантъ есть, говорю я...

— Ка-акъ?

— Да вотъ такъ!

— Скажи пожалуйста, Михайло Михайлычъ, очень это занимательно! Что такое?

— Можеть, изъ него вотъ художникъ какой-нибудь былъ-бы, если-бы его развить въ эту сторону!

— Ну, да что онъ дѣлаетъ-то такое?

Но Михайло Михайловичъ, по присущей ему застѣнчивости, видя, что черезчуръ сильно возбудилъ вниманіе, уже нѣсколько замялся.

— Я, конечно, не утверждаю... но все-таки-же... Вонъ онъ изъ бутылочныхъ пробокъ, самъ вотъ хотъ когда погляди,—преж-

де за нимъ этого не было, — то лошадь, то пистолеть тамъ, то башню вырѣжетъ. И такъ это у него все хорошо, очень хорошо! Что ты скажешь?

Николай Михайловичъ такъ и покатился со смѣху.

— О, неисповѣдимы судьбы Господни! Ничто безслѣдно и бесполезно не пропадаетъ для человѣка! Питали стеклянки отца съ сыномъ водкой, оставались ненужныя пробки — такъ и тѣмъ Господь нашель дѣло. Ну вотъ она и причина таланта! Ну вотъ она и великая тайна всѣхъ гениевъ и изобрѣтений!..

— Николай Михайловичъ! Я тебѣ не пробка достался, слышишь? не пробка, чтобы надо-мною издѣваться! Я такой же дворянинъ, какъ ты, и Василій Михайловичъ такой-же дворянинъ, какъ ты! Я тебѣ не пробка! Слышишь?..

— Ну, а коли такъ, братъ Михайло Михайловичъ, такъ и я тебѣ не стеклянка тоже, которую-бы ты смѣлъ затыкать своими всышками! Ты тоже, съ своей стороны, это пойми! Слышишь?..

Оба брата приняли вызывающія позы и два-три мгновения гнѣвно мѣряли другъ друга глазами. Но вотъ Михайло Михайловичъ медленно началъ искать по-полу уроненную въ миг азарта трубку свою, а Николай Михайловичъ тѣмъ мгновениемъ направился къ письменному столу, усѣлся за него и началъ шуршать бумагами, ворча себѣ подъ-носъ:

— И вотъ такъ-то всегда, ради какихъ-нибудь пустяковъ забываешь срочную работу. На чемъ, бишь, я остановился?..

Трубку Михайло Михайловичъ скоро нашель и уже набиваль ее табакомъ. Николай-же Михайловичъ, обмакнувши въ жидкѣй клей кисточку, старательно принялся приклеивать нѣсколько вѣковъ тому назадъ отбитый уголь шляпы у статуетки засаленнаго тирольца, богъ-вѣсть зачѣмъ торчавшаго на-его письменномъ столѣ...

IV.

Письменный столъ, также какъ и другіе предметы домашняго комфорта отставнаго ротмистра, вполне выражалъ собою симпатіи и антипатіи Николая Михайловича. Огромный, длинный, изъ простой березы, этотъ столъ могъ-бы свободно назваться и кухоннымъ, и трапезнымъ столомъ въ подгородной харчевнѣ, скорѣе-же

всего — столонъ анатомическимъ въ какой-нибудь бѣдной больницѣ; на немъ была клеенка по краямъ доски, припшпенная мѣдными гвоздиками. Но, о, литераторы, адвокаты, письмоводители всяческихъ конторъ и другіе писатели, едва-ли былъ у кого изъ васъ когда-нибудь такой истинно-писательскій столъ, какъ у Николая Михайловича! Около него былъ еще приставленъ сбоку маленькій письменный столикъ, а съ другой — этажерка, и все это, все сплошь, завалено бумагами, газетами, тетрадами, ландкартами, чертежами и проч., и проч. Во всемъ этомъ бумажномъ царствѣ господствуетъ самый артистическій беспорядокъ. Но всего внушительнѣе беспорядокъ этотъ на самомъ письменномъ столѣ. Пылъ съ него дозволяетъ Николай Михайловичъ стирать только на самой серединѣ, на пол-дюйма не передвигая ничего изъ всей этой груды разбросаннаго на немъ всяческаго глубокомыслія: разныхъ бумажныхъ листовъ, газетъ, коробокъ, коробочекъ, карандашей, палочекъ, ножичковъ разнообразнѣйшихъ формъ, стеклышекъ, баночекъ со всяческими чернилами, духами, клеями, новоизобрѣтенными смазками для бровей, машинныхъ колесъ, лица и т. п.

Николай Михайловичъ — все. Николай Михайловичъ дѣлецъ, газопроводчикъ, поэтъ, химикъ, журналистъ, механикъ, архитекторъ, косметико-гигиенистъ, даже алхимикъ и пятновыводчикъ. Его все интересуетъ. Онъ всеиъ занимается понемногу. Всю природу взялъ-бы онъ на абордажъ, будь только природа, конечно, на-столько сильна сама по себѣ, чтобы стоять съ его стороны борьбы, подвиговъ героизма.

Цѣлыми днями иногда Николай Михайловичъ подпиливаетъ, что-нибудь стругаетъ, тутъ-же и пишетъ, тутъ-же и разрисовываетъ вензеля на почтовой бумагѣ, тутъ-же сочиняетъ чертежи проектируемой имъ какой-нибудь машины для добыванія, положимъ, газа найдешевѣйшимъ путемъ, тутъ-же за разговорами присутствующихъ гостей пишетъ свои журнальныя замѣтки, импровизируетъ разныя свои воспоминанія, сочиняетъ письма къ знакомымъ — и на все Николая Михайловича хватаетъ. Онъ, повидимому, ничему не отдаетъ предпочтенія, ни къ чему нѣтъ у него особенной склонности, страсти. Но мы, коротко его знающіе, не можемъ, однакожь, сказать этого. Николай Михайловичъ изъ письменныхъ принадлежностей, на примѣръ, любилъ больше всего почтовую бумагу; изъ обиходныхъ — жилеты, гастрономію и поэзію, а изъ воз-

вышешныхъ — философствованіе, мечты. Ну, и опять-таки кулпварное искусство, съ мыслию, однако, химико-лаборатора. Вслѣдствіе требованій этой послѣдней статьи, между прочимъ, у Николая Михайловича всегда есть лакей-помощникъ и разная кухонная посуда, въ которой онъ стращаетъ самъ, когда вздумается, даже если живетъ въ нумерахъ. Что касается Михаила Михайловича, во всему этому хозяйству своего брата онъ относится съ нѣкоторымъ какъ-бы недоувѣрчивымъ презрѣніемъ, даже на самый письменный столъ косится.

— Да что-же въ литературныхъ-то занятіяхъ Николая Михайловича находите вы заслуживающаго порицанія? спросилъ я его разъ.

— „Эксплуатація данныхъ отъ природы способностей, эксплуатація чужого довѣрія“, сказалъ-бы братъ Николай Михайловичъ, спроси его объ этомъ по-душѣ, а я скажу проще: вранье одно да дребедень! А впрочемъ, добрая онъ у меня скотина — Николай Михайловичъ-то. Ахъ, лѣшій его побори! Не будь только обжора да самодуръ — министр! А тутъ именно можно сказать: заѣлъ человекъ вѣкъ свой!

Правда сушая, поѣлъ-таки Николай Михайловичъ на своемъ вѣку, много и всего поѣлъ — больше, чѣмъ жизнь его переварить могла. Изъ разсказовъ Михаила Михайловича о старомъ ихъ житьѣ-бытьѣ съ братомъ могъ я заключить, приблизительно, слѣдующее:

Деньги водились кучами; всего прожитаго и двумя миліонами не сосчитать. Шли деньги отовсюду, — выигрывались, отыгрывались, рвались, хватались, налетали, прилетали, нивѣсть откуда, а летѣли, самъ чортъ знаетъ куда.

— Насчетъ денегъ, хуже всякаго провала или дыряваго кармана въ старыхъ штанахъ, говорилъ про брата Михайло Михайловичъ. — Фокусникъ какой-то! Кажись, зашей ему за кожу, подъ пятки, асигнацію — пальцемъ не дотронется, ногой не пошевелитъ, а посмотрите туда, гдѣ было положено, хоть черезъ минуту, — асигнаціи ужъ тамъ какъ не бывало!.. Ну, вертѣли, бонтонили и гранфезерствовали братецъ мой пока шло и не шло. Пожилъ и я съ нимъ, конечно. Такого, случалось, трамбабука задавали не разъ, что только ухо держи у насъ, бывало, всякая тамъ мразь человѣческая! Одно слово, вихри взметали надъ собой, а вокругъ-то

себя только одно—го-о-о! да гу-у-у!... Уру какую-то себѣ слышишь. Пожили, пожили!.. Пожили, какъ только хотѣли, да, наконецъ, и сѣли! Но такъ-бы оно и слѣдовало!.. Честь-бы вѣдь тоже надо знать. А вотъ-съ, однимъ пріятнымъ утромъ, и очутились мы такимъ-то образомъ, какъ-разъ изъ самаго, что-называется, вакханала вавилонскаго, въ дырявыхъ штанишкахъ, носами у замерзлаго окна въ двухъ комнаткахъ отъ жильцовъ, на Плющихѣ. „Николай Михайловичъ, говорю, а вѣдь холодно!“ — „Мало того, Михайло Михайловичъ,—даже голодно!“ — „Николай Михайловичъ, неужто-жь ты вчера даже и пальтишко-то послѣднее въ закладъ сволокъ?“ — „Мало того, даже и сюртучишко сволокъ, Михайло Михайловичъ! Только одна теперь шинель на двоихъ осталась“. — „Такъ что-жь ѣсть-то будемъ, Николай Михайловичъ?“ — „Ужь, конечно, не твоя, говоритъ, забота, Михайло Михайловичъ! Соображу, сооружу — и зданіе будетъ“. Ну, и зналъ я его; бывали и прежде всякія бородинскія положенія передъ нами — Кутузовымъ выходилъ! Хотъ и понятнаго приходилось задавать, да все-жь съ честію, съ почетомъ, безъ урону. Ну, думаю, и тутъ сообразить, какъ ему не сообразить! Анъ на этотъ разъ ничего не сообразилось! Попали въ такое *пуръ-пассе ле танъ-андражанъ* (обыкновенно немногорѣчивый, лаковическій Михайло Михайловичъ въ инныя минуты вдохновенія и ораторства откровенности откалывалъ иногда и не такія еще словечки, говаривалъ иногда не такія еще длинныя рѣчи.) Въ такое *пассе-ле танъ-андражанъ* попали, что ногами-то дрыгъ-дрыгъ, животами-то брякъ-брякъ, зубами-то стучъ-стучъ, — а ѣсть все-таки негдѣ достать! — „Что-же, моль, говорю, монсиньеръ Николай Михайловичъ. команъ, моль, вотрѣ-сантѣ?“ — „Э ля вотрѣ, моншеръ Михайло Михайловичъ? Detestable!“ Даже и французскій языкъ не помогаетъ! Пустилъ въ ходъ англійскій,—все, знаете-ли, съ разнообразіемъ-то какъ-будто-бы сытнѣе. „Да скверно, братъ, Николай Михайловичъ... А знаешь-ли что, нельзя-ли вотъ какъ-нибудь намъ, по-русски, по-старому, чего-нибудь опять изъ движимостей въ ходъ пустить?“ — „Что-же, батюшка, тутъ спустить? Твою пару платья нельзя: сидѣтъ здѣсь не въ чемъ будетъ; моя пара и шинель — единственная наша надежда и спасеніе впереди; мебель—съ квартиры хозяйка не пустить... А изъ остального—что-же?“ Стали мы вмѣстѣ об-

водить глазами комнаты. Тундры и глади сибирскія! „Ничего и очень мало“ погоняетъ, а „нема“, „нѣту“ въ догонку бѣгутъ. — „Que faire, говорю, mon cher Николай Михайловичъ?“ — „Пошелъ ты, говоритъ, къ чорту съ твоимъ французскимъ языкомъ!“ — „Ну, а если вотъ это, говорю, спустить?“ — „А что же тутъ?“ — „Да книжки-то твои? Все букинистъ что-нибудь даль-бы за такія, которыя не нужны“. Николай Михайловичъ такъ и подпрыгнулъ. Какъ ни холодно было въ комнатѣ, весь покраснѣлъ и вспотѣлъ даже. — „Катай все, все вали волошь, даже и не распаковывай! Надѣвай прямо шинель и вали на Никольскую!“ — „Что ты, съума, что-ли, сошелъ! останавливаю его; — не самъ-ли ты тогда сказалъ, когда я заикнулся-было, что нельзя ли что-нибудь изъ нихъ оставить, а то за лишнюю поклажу дорого придется платить, что тутъ драгоценныя манускрипты...“ — „Вали все, говорятъ тебѣ! Чортъ ихъ побери!“ — „Да какъ-же, Николай Михайловичъ, хоть-бы нѣкоторые повнунуть...“ — „Фу-ты, чортъ побери! Или ты меня самого заставишь одѣваться?“ — „Полно, Николай Михайловичъ, да вспомни хоть про манускриптъ Конфуція... неужели-же и его туда-же?“ — „Да что ты, говоритъ, издѣваешься, что-ли, надо мной, Михайло Михайловичъ? Вѣдь знаешь, что я вралъ. Чего лѣзешь...“ Ну, а сознаться передо мной (передъ другими-то—плевое дѣло!), но передо мной сознаться, что совралъ—знаете-ли, это ужъ послѣдняя вещь. Меня даже тогда въ краску со стыда бросило... „Прости, говорю, Николай Михайловичъ! Извѣстно, молъ, попутить... А все распаковать нужно. Можетъ, что тамъ и другое найдется пригодное!“ Стали распаковывать... Ну, а тутъ-то, батюшка, такая вышла штука, что просто самъ Господь насъ, видно, хранилъ! Такая штука, что мы только ахнули отъ радости. Надо вамъ сказать, вотъ какое было съ нами разъ дѣло. Стояли мы въ Шавляхъ—маленькій, дрянной городишко Царства Польскаго; денегъ была куча, а весь городишко—алтынъ цѣна. Ну, знаете Николая Михайловича? Форсу сейчасъ пустилъ такого, что страхъ! А скука между тѣмъ все-таки-жъ смертная. Николая-же Михайловича такъ и зудить! Какъ это, молъ, деньги есть, и не найти ничего такого, что-бы сейчасъ-же ихъ опять не было? Вотъ онъ и выдумалъ затѣю себѣ. Время-то было какъ-разъ подъ самую Святую. Дѣло праздничное; ну, а что какимъ-нибудь Шавлямъ въ празд-

ники дѣлать? Пить да объѣдаться, объѣдаться да въ карты играть! Тамъ и наука-то только одна существовала тогда — въ карты играть! Ну вотъ, братъ-то, шутникъ, и надумай: взялъ да и скупилъ по всѣмъ лавкамъ всѣ карты, какія только были въ запасѣ! „А если хоть одну кто изъ васъ, говоритъ онъ жидамъ,—утаитъ и продастъ, жиды жидомъ запорю! Посылай ко мнѣ всѣхъ, кому будетъ нужно!“ Ну, и повалилъ еъ намъ весь городъ. А братъ не даетъ. „Нельзя, говоритъ, грѣшно, до третьяго дня праздника не дамъ“. А на третій день самъ всѣмъ ужь, кто просилъ и кто не просилъ, и ну разсылать по нѣсколь-ку колодъ за разъ, „въ подарокъ, молъ, отъ ясновельможнаго пана такого-то“... По городу смѣхъ, конечно! Такъ вотъ на этотъ-то разъ, когда мы на Плющихѣ изображали изъ себя французовъ въ двѣнадцатомъ году, только-что это распаковали мы съ братомъ тюкъ-то съ книгами, глядь—анъ тамъ, между манускриптами-то Конфуція, карточныхъ колодъ этихъ биткомъ понабито! Какъ уцѣлѣли — и понять не могу! Николай Михайловичъ на радостяхъ тогда даже обнялъ и поцѣловалъ меня. „Миша, голубчикъ, говоритъ, валяй скорѣй, сломя голову, валяй въ первую табачную лавку и спускай хоть за четверть цѣны!“ А карты-то польскія, да высшаго разбору, а я-то принатужился въ продаждѣ. Такъ мало того, вообразите себѣ, батенька, что не за четверть только цѣны, а больше чѣмъ за полцѣны ихъ спустил! Такъ что-же, батюшка вы мой? Деньжонки хотя и маленькія, а съ нихъ вѣдь такъ тогда и поднялись. Работишку братъ разыскалъ, и пошло мало-по-малу! И тѣмъ болѣе я радъ былъ тогда этой поправкѣ нашей и мысли своей тюкъ распаковать, что вѣдь не столько за себя мнѣ тяжело было это голодаше-то наше въ тотъ разъ, сколько за брата, конечно. Я—что? Я человекъ—солдатъ и кремень, лѣсовикъ, а вѣдь это — королева Милитриса Кирбитьевна, бѣлоручка, такъ ему-то оно не то! Да къ тому-же онъ чуть не каждый день охалъ еще мнѣ все время: это, молъ, изъ-за меня ты, Михайло Михайловичъ, мерзнешь такъ, я мало, что себя, и тебя-то втравилъ!“ Точно вожомъ въ бока пырнетъ, бывало, каждый разъ этою чупью! Дуракъ!.. Вѣдь заранѣе тоже зналъ, что и теперь поправка наша, какая ни случись поправка, на годъ съ недѣлей, даже на годъ съ мѣсяцемъ не протянетъ! А и поправка-то эта, по-

слѣдняя наша поправка, вышла тоже, какъ старое-то вспомнишь. пожалуй, такую, что, можетъ, лучше если-бъ ея и не было! Смѣхи сказать, отецъ-бы всталъ изъ гроба да посмотрѣлъ! Столбовой дворянинъ, отставной ротмистръ, прежній богачъ -- въ литераторы пошелъ! Я не бояринъ-самодуръ временъ царя Алексѣя Михайловича и не пустолобый тоже совѣмъ: и талантъ, и науку уважать съумѣю, да вѣдь писатель писателю рознь! Ну, Шекспиръ, Гоголь, Гёте... другое дѣло! А это что? Редакторъ! Какой онъ къ шуту редакторъ? Письма вотъ писать онъ мастеръ! И поздравительныя-то, и ученые, и любовныя — собаку съѣлъ, чортъ его побери! Ну, и поговорить тоже... всѣхъ молчать заставить! Другая-бы его дорога, совѣмъ другая! Въ какихъ-бы теперь чинахъ былъ!.. Да это-то вотъ говоренье проклятое и всѣмъ бѣдамъ бѣдой нашей вышло! Вѣдь куда деньги у него-то летятъ, у Николая Михайловича? пить — не столько себя, сколько другихъ спаивалъ; ѣсть — ну, на ѣду одну трехъ состояній не проживешь; бабы — такъ парь-амуръ у него больше... а такъ, чортъ знаетъ, на что! Какъ дитя малое. Увидить камушекъ цвѣтной, стеклярусь тамъ — давай его сюда!.. Ахъ, батюшка, кстати, вѣдь вы знаете небойсь, что у Николая Михайловича послѣдняго стараго носка нѣтъ, чтобы не былъ знаменитостью въ своемъ родѣ? Такъ вотъ, поднялъ я гдѣ-то разъ гладенькій булжничекъ... ну, блеститъ, красенькій такой... Валялся онъ у насъ что-то долго на окнѣ. „Послушай, Николай Михайловичъ, говорю ему, — чего онъ тутъ валяется? Я его выброшу“. Въ другую-бы минуту и ничего, а тутъ не въ тонъ попалъ. Подскочилъ ко мнѣ, бережно отстранилъ рукою, презрительно усмѣхнулся и пожалъ плечами. „И что это за люди! Я эту вещь храню годами, а онъ — за окно!“ — „Да вѣдь это-же дрянъ! Ну, а по-твоему-то что-жь это?“ — „Это? Осколокъ отъ подножія Колосса Родоскаго!“ И взялъ да еще въ столъ спряталъ. И вѣдь знаетъ, что этимъ меня не проведетъ. Ну, вотъ и пойми его! И на все на эдакое пестренькое да блестящее, что муха на огонь, право, что муха на огонь! Постойте, вспомнилъ я при этомъ случаѣ презабавную одну штуку. Была у Василія Михайловича, у сына моего, хозяйка квартирная — на Грачевкѣ онъ жилъ; звали ее Секлетиньей. Страхъ охотница наряжаться! Только приходитъ разъ къ намъ, опомѣлится. Просить, гово-

рить, въ большомъ горѣ. „Что, моль, такое?“ — „Да что, говорить, дура я, вотъ-что! Подарили мнѣ одѣяльце ситцевое изъ разныхъ лоскутковъ, такое-то чудесное: и по синимъ-то цвѣтки, и по зеленымъ-то цвѣтки, и красный-то тутъ лоскутъ, и розовый тоже... Любовалась, любовалась до того поди, что подмывать стало на радостяхъ... такъ вотъ меня и подмываетъ! Пойду, моль, я съ нимъ туда, посижу и тамъ полюбуюсь. Пошла да за кумой еще зашла, и тоё взяла съ собой! Пришли, съли. Выпьемъ да полюбujemy, полюбujemy да выпьемъ. Да такъ это мы, батюшка мой, налюбовались съ ней вмѣстѣ, съ кумой-то, что къ вечеру-то грязь-грязью одѣяльце домой принесли, да еще въ разныхъ мѣстахъ порвавши“.

И Михайло Михайловичъ захохоталъ и, еле выговаривая слова между смѣхомъ, закончилъ:

— Вотъ и Николай Михайлычъ-то мой тоже... порвавши... Одѣяльце-то свое... Секлетинья!.. Какъ есть Секлетинья!..

Засмѣялся и я.

Но вдругъ Михайло Михайловичъ грозно остановился, сразу прервавши свой смѣхъ, и посмотрѣлъ на меня.

— А вы чего смѣтаетесь? Мнѣ еще можно, да и то глупо: я ему братъ, а вы что такое? Мы все-таки, батюшка мой, не кто-нибудь такіе, а столбовые дворяне-съ.

— Да полноте, Михайло Михайловичъ...

— Извините-съ, мнѣ некогда, я занятъ.

Я увидѣлъ, что все дѣло было вполнѣ проиграно... Своимъ смѣхомъ я прервалъ общительность такого человѣка, котораго и годами на подобную длинную бесѣду вызвать было почти невозможно...

Н. Новосильцевъ.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ.)

ЭРА ЯПОНСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(МЕЙ-ДЗИ *.)

Въ 1874 г. я засталъ Японію на чрезвычайно интересно́мъ моментѣ ея внутренняго развитія. Не успѣли пройти и двадцать лѣтъ со времени перваго, и притомъ насильственнаго, заключенія договоровъ съ иностранцами, а уже на мѣсто пресловутой монгольской косности и застою, на мѣсто общества, застывшаго подъ гнетомъ традиціоннаго китаизма,—всюду была живымъ ключемъ новая и сильная жизнь, дѣятельно и сознательно стремившаяся усвоить себѣ плоды высшей культуры и цивилизаціи. Несмотря на то, что еще передъ отъѣздомъ я уже на-столько ознакомился съ этою страной, на-сколько это было возможно въ Японіи и по европейскимъ источникамъ,—самые разнообразныя сюрпризы ожидали меня здѣсь на каждомъ шагу.

Прежде всего я, какъ европеецъ, былъ пораженъ глубоко-демократическимъ строемъ японской жизни, котораго я никакъ не ожидалъ въ этомъ отдаленномъ углу монгольскаго Востока и который рѣзко противорѣчитъ не только тому, что приходилось читать объ этой странѣ, но даже и многому изъ того, что приходится видѣть здѣсь собственными своими глазами. Многіе изъ живущихъ въ Японіи иностранцевъ возмущаются, напримѣръ, до глубины души земными поклонами и всякаго рода цвѣтистыми и выразительными привѣтствіями, которыя японцы расточаютъ при встрѣчѣхъ не только съ „особами“, но и съ людьми своего-же круга.

*) См. № 10-й „Дѣла“ 1876 г.

Когда вы входите въ аристократическій японскій домъ, если только въ немъ еще не успѣли завестись европейскіе порядки, хозяинъ привѣтствуетъ васъ такъ предупредительно и любезно, что васъ нѣсколько озадачиваетъ унижительный характеръ этой восточной вѣжливости. Хозяйка не иначе подаетъ вамъ классическую чашку желтаго чаю, какъ стоя на колѣняхъ и наклонивъ свое смуглое и часто прекрасное лицо почти до земли... Но взаимность этихъ общепринятыхъ привѣтствій отнимаетъ у нихъ всякую унижительность въ глазахъ самихъ японцевъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что японцы проводятъ свою домашнюю жизнь сидя либо на корточкахъ, либо на колѣняхъ, а потому для нихъ кланяться до земли болѣе удобно, чѣмъ вставать на европейскій манеръ и подавать вамъ руку. Унижительно было-бы гнуть свою спину передъ какимъ-нибудь сановникомъ, какъ это практикуется въ Европѣ и чего въ Японіи вовсе не встрѣчается. Формы общепринятой вѣжливости въ языкѣ и приемахъ столько-же обязательны здѣсь въ отношеніяхъ высшаго къ низшему, какъ и на-оборотъ. Нарушеніемъ этого гуманнаго правила многіе европейцы стяжали себѣ между японскою чернью не мало заклятыхъ враговъ, и мнѣ лично неоднократно приходилось выслушивать заявленія изумленія японцевъ разныхъ классовъ по поводу того, что европейцы, несомнѣнно въ высшей степени цивилизованные люди, оказываются часто животно-грубыми и дурно-воспитанными въ социальномъ отношеніи. Драка на улицѣ или дурное обращеніе съ дѣтьми составляютъ въ Японіи почти неслыханное явленіе. Прибавьте къ этому, что грамотность у японцевъ распространена такъ, какъ только въ очень немногихъ передовыхъ странахъ Европы, и вы должны будете согласиться со мною, что если, съ одной стороны, этимъ „французамъ крайняго Востока“ и слѣдуетъ многое перенять отъ Европы, то и Европѣ, въ свою очередь, не мѣшало-бы кое-чему поучиться у японцевъ въ культурно-гуманитарномъ отношеніи.

Все это тѣмъ болѣе поражаетъ новичка, что такъ еще недавно кануль здѣсь въ вѣчность тотъ общественный строй, при которомъ произволъ господствующаго класса составлялъ единственный законъ въ странѣ; когда жизнь нетитулованнаго лица не цѣнилась ни во что и каждый хозяинъ, феодальный баронъ или даже и простой смертный, могъ по собственному своему усмотрѣнію ка-

рать и миловать своихъ челядинцевъ, казъ хотѣлъ. Пытка и самые свирѣпные виды смертной казни: распатіе на крестахъ и сожиганіе живымъ, вареніе въ кипяткѣ или въ коноплянномъ маслѣ и т. п., составляли обыденное явленіе; а рѣзаніе головъ считалось чуть не легкой исправительною мѣрой. Впослѣдствіи, когда мнѣ удалось поближе ознакомиться съ японской дѣйствительностью и ея болѣе или менѣе отдаленными аптецедентами, ея гуманно-демократическій характеръ пересталъ удивлять меня, такъ-какъ я убѣдился, что онъ выросъ здѣсь не моментально, а на исторической народной почвѣ. Много разъ уже было замѣчено, что Японія своимъ географическимъ положеніемъ на Тихомъ океанѣ, вблизи азіатскаго материка, представляетъ очень тѣсную аналогію съ положеніемъ Англіи въ Европѣ. Аналогія эта, дѣйствительно, невольно бросается въ глаза. Благодаря быстрымъ теченіямъ и множеству подводныхъ камней въ окружающихъ ее моряхъ, Японія на крайнемъ Востокѣ, точно также, какъ и коварный Альбионъ, могла безъ особенной затраты народной инициативы и энергій отстаивать свою національную и территоріальную неприкосновенность отъ покушеній всякаго рода хищниковъ. Монголы тотчасъ по своемъ водвореніи въ Китаѣ узнали о существованіи имперіи *Жиппанъ* (т. е. „восходящаго солнца“), о богатствѣ которой у нихъ ходили преувеличенные слухи.

Извѣстный венеціанскій путешественникъ XIII-го вѣка, Марко Поло, живя при дворѣ Кублай-хана въ Пекинѣ, слышалъ и записалъ, будто во дворцѣ императора этого Жиппанга потолоки изъ чистаго золота, а полы — серебряные. Эти легендарные слухи о богатствѣ Японіи весьма естественно возбуждали и въ самомъ Чингизъ-ханѣ и въ другихъ монгольскихъ завоевателяхъ желаніе овладѣть этою страной. Японскія лѣтописи говорятъ о нѣсколькихъ нападеніяхъ на нихъ монгольскихъ хищниковъ и другихъ невѣдомыхъ авантюристовъ, по всей вѣроятности, малайско-полинезійскихъ пиратовъ. Но всѣ эти попытки раздѣляли печальную участь непобѣдимой армады Филиппа II-го, посланной имъ для укрощенія еретической Англіи. При такой заботливости природы объ огражденіи японской неприкосновенности, очевидно, здѣсь не было основанія возникнуть сильной центральной власти, и мы, дѣйствительно, видимъ, что здѣсь въ очень раннюю историческую эпоху, т. е. уже въ IV вѣкѣ по Р. Х., аристократія становится

въ то привилегированное положеніе, которое создаетъ ей въ Англіи пресловутая партія короля Джона. Въ видѣ какого то очень неопредѣленнаго *совѣта знатныхъ лицъ* аристократія эта, по своему произволу, выбираетъ наслѣдниковъ престола изъ многочисленныхъ прямыхъ или косвенныхъ потомковъ перваго завоевателя (Зип-му-Тенно), заставляетъ ихъ отказываться отъ престола и доводитъ дѣло до того, что представителями центральной власти въ Японіи оказываются только дѣти отъ 3-хъ до 12-ти лѣтъ включительно. Когда-же случалось, что на престолѣ застѣдали не только взрослые, но и энергическіе люди, прельстившіеся централизационною государственностью Китая и затѣвавшіе насаждать ее у себя, то аристократія уже прямо поднимаетъ противъ нихъ знамя возстанія.

Первое извѣстное намъ возстаніе аристократіи противъ центральной власти произошло здѣсь по поводу введенія китайской государственности и буддизма въ половинѣ VI-го вѣка по Р. Х., при императорѣ Кинъ-мей.

Во главѣ національной партіи стали тогда два могущественные вассальные рода Моноба и Сога. Съ тѣхъ поръ и до 1868 г. вѣлчительно междоусобія въ Японіи прекращались только на очень короткіе промежутки времени, да и то благодаря тому обстоятельству, что борьба отъ времени до времени выдвигала личности замѣчательнаго ума и энергіи, умѣвшія угадывать требованія своего времени и создавать болѣе или менѣе прочныя *statu quo*, рѣдко, впрочемъ, переживавшія два или три поколѣнія.

Кромѣ того, надо замѣтить, что самое возникновеніе японской національности представляетъ поразительную аналогію съ завоеваніемъ Англіи норманнами. Я очень жалѣю, что не могу привести здѣсь тѣхъ многочисленныхъ этнографическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мнѣ кажется вполне достовѣрнымъ, что основателями имперіи „восходящаго солнца“ были тѣ малайско-полинезийскіе пираты, которые и до сихъ поръ еще играютъ роль средневѣковыхъ норманновъ на островахъ Тихаго океана. Появившись здѣсь около 600 лѣтъ до Р. Х., они подчинили себѣ монголовъ, которые, можетъ быть, и не были аборигенами нынѣшняго японскаго архипелага, но которые вошли въ составъ японской націи, какъ элементъ подчиненный, завоеванный, какъ саксонцы въ Англіи или во Франціи—галлы. Судя по тому различію, которое и до

настоящаго времени существуетъ между физическимъ типомъ японскихъ крестьянъ и высшихъ классовъ, а также и на нѣкоторомъ лингвистическомъ основаніи, можно предполагать, что первоначально въ Японіи отчужденіе между завоевателями и завоеванными было очень сильно; мало-по-малу оно перешло въ обычную сословную обособленность; а уже въ XVI-мъ столѣтіи Японія въ смыслѣ безсословности опережаетъ романо-германскія государства. По крайней мѣрѣ, крупные историческіе дѣятели изъ среды непривилегированныхъ классовъ въ это время здѣсь встрѣчаются нерѣдко. Знаменитѣйшій изъ здѣшнихъ диктаторовъ XVI вѣка, тотъ самый Тайко-сама, изъ прозвища котораго голландцы сдѣлали нарицательное имя *тайкунъ*, былъ человекъ безъ рода и племени. Сынъ простого крестьянина изъ провинціи Овари, онъ не имѣлъ даже фамиліи (по японскому обычаю) и былъ отданъ своими родителями въ услуженіе бонзамъ небогатаго монастыря изъ-за дневного пропитанія. Выгнанный оттуда за строптивый нравъ, онъ нищенствовалъ по большимъ дорогамъ и даже воровалъ. Однажды, когда онъ спалъ подъ деревомъ возлѣ большой дороги, его напелъ отрядъ воиновъ диктатора Нобунаги. Молодой Хиде-йоси (такъ звали мальчика) послужилъ имъ проводникомъ и былъ принятъ въ многочисленную дворню диктатора съ прозвищемъ Кино-сита (т. е. „подъ деревомъ“). Это собственно и послужило началомъ его необыкновенной карьеры и вскорѣ онъ сталъ однимъ изъ лучшихъ военачальниковъ диктатора. Когда на Нобунагу напалъ врагъ въ Кіото его собственный любимецъ и диктаторъ, то онъ, не имѣя возможности защищаться, убилъ собственноручно себя и жену, — Хиде-йоси уже начальствовалъ надъ цѣлою арміею, воевавшею противъ западныхъ дай-миосовъ. Услышавъ о событіяхъ въ Кіото, онъ тотчасъ-же поспѣшилъ на помощь, разбилъ противниковъ Нобунаги и захватилъ верховную власть въ свои руки.

Намъ мало извѣстны государственные идеалы Хиде-йоси; но изъ всѣхъ японскихъ правителей онъ былъ самый популярный и многое сдѣлалъ для внѣшняго величія имперіи. Очевидно, съ цѣлью ослабить военную силу феодаловъ и отвлечь ихъ отъ междоусобій, онъ предпринялъ походъ на Корею, которая уже давно перестала платить Японіи дань, опираясь на покровительство Китая. Хиде-йоси разбилъ не только корейцевъ, но и сильное войско, выслан-

ное на помощь имъ изъ Китая. Китайскій главнокомандующій **вынужденъ** былъ заключить съ нимъ позорный миръ, по которому. **отъ** имени пекинскаго правительства, признавались права японцевъ на Корею и, кромѣ того, китайцы обязывались признать надъ собою авторитетъ японскаго императора. Хиде-Йоси вернулся въ свой замокъ въ городѣ Оосака, куда вскорѣ затѣмъ явилось и **общанное** китайское посольство съ богатыми подарками и грамотою, которою китайскій богдыханъ жаловалъ этого найденыша **подъ** деревомъ титуломъ императора Японіи. Сильно разсерженный такимъ недобросовѣстнымъ исполненіемъ договора со стороны китайцевъ, Хиде-Йоси наскоро собралъ сильное войско и отправился опять въ Корею, съ намѣреніемъ оттуда идти на Пекинъ; но онъ умеръ въ самомъ началѣ этой экспедиціи.

Хиде-Йоси еще при жизни велѣлъ казнить своего старшаго сына и единственнымъ его наследникомъ остался второй его сынъ, Хиде-Йоси, бывший еще почти ребенкомъ. Такимъ образомъ, верховная власть изъ рукъ этого гениальнаго плебея переходитъ къ представителю знатнаго рода Токугава, прозваннаго по смерти Гонгенсамою. Онъ долго былъ неразлучнымъ пособникомъ Нобунаги, а потомъ Хиде-Йоси, и отъ нихъ обоихъ многому успѣлъ научиться. А потому и неудивительно, что ему удалось создать внутренней порядокъ и на цѣлыхъ 14 поколѣній удержать власть въ рукахъ своего потомства.

Мы приводимъ здѣсь эти историческія воспоминанія японскаго прошлаго, во-1-хъ, потому, что они у насъ еще очень мало извѣстны, а между тѣмъ, въ смыслѣ теоретической или общей исторіи, они весьма поучительны; во-2-хъ, потому, что только это историческое прошлое Японіи объясняетъ намъ ту зависимость власти отъ общественнаго мнѣнія, которую въ современной Японіи мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Само собою разумѣется, что эта зависимость не могла развиться здѣсь за какія-нибудь двадцать лѣтъ иностраннаго вліянія, тѣмъ болѣе, что это иностранное вліяніе дѣйствуетъ здѣсь гораздо болѣе въ смыслѣ усиленія центральной власти, чѣмъ контролирующаго ее общественнаго мнѣнія. Да, впрочемъ, такой контроль едва-ли и можетъ быть съ успѣхомъ насаждаемъ тамъ, гдѣ развитие общественнаго самосознанія не даетъ для него готовой почвы. Въ Турціи, напримѣръ, можно а priori предсказать полнѣйшій неуспѣхъ всѣмъ парламентскимъ

и автономнымъ насажденіямъ, между тѣмъ какъ въ Японіи нѣкоторыя постановленія и мѣры, пугающія насъ своею деспотическою виѣшностью, въ сущности оказывались только драконами, которыхъ въ доброе старое время китайцы малевали на своихъ щитахъ для внушенія ужаса непріятелю. Такъ, напримѣръ, законъ признавалъ за главою японской семьи право жизни и смерти надъ своими челядинцами, но общественное мнѣніе покрывало неизгладимымъ позоромъ того, кто вздумалъ-бы воспользоваться фактически этимъ правомъ. Въ Едо при маѣ умеръ старикъ, извѣстный японскій ученый, всѣми почитуемый и презираемый за то, что онъ лѣтъ двадцать тому назадъ отрубилъ голову одному, ободравшему его слугѣ. Законъ предписывалъ разные свирѣпые виды смертной казни: такъ, напримѣръ, поджигатели должны были распинаться живые на крестахъ, надъ которыми раскладывали костеръ. Общественное мнѣніе требовало, чтобы къ кресту привязывался только трупъ преступника. Уже Гонгенсама, державшійся воззрѣній карательнаго устрашенія, въ своемъ знаменитомъ завѣщаніи говорить, что казнямъ полезно придавать ужасающую обстановку, но что мучить преступниковъ позорно для правителя и т. п. А едва только японцы ознакомились съ инымъ государственнымъ строемъ, чѣмъ тотъ, который они выработали для себя при своемъ двухтысячелѣтнемъ отчужденіи отъ остального міра, — общественное мнѣніе тотчасъ-же возстало противъ смертной казни. Въ прокламаціи Катоо Сукенци къ купечеству города Осака, изъ которой мы уже привели длинную выписку въ первой статьѣ, говорится, что преобразование уголовного законодательства на гуманнѣхъ началахъ составляетъ настоятельнѣйшую потребность Японіи. пытки-же и тѣлесныя наказанія были здѣсь отмѣнены при самомъ началѣ эры просвѣщенія.

II.

Пересозданіе всего японскаго государственнаго строя по европейскому образцу, — гласность суда и бюджета, реорганизація народнаго образованія, арміи и флота, отмѣна феодальныхъ привилегій и замѣна прежняго вотчиннаго управленія французскою

административною системою, — короче говоря, всѣ тѣ безчисленныя нововведенія и реформы, которыя Японія заводитъ у себя съ необычайною быстротою втеченіи послѣдняго десятилѣтія, очень еще мало значать сами по себѣ, т. е. пока мы не знаемъ дѣйствительнаго отношенія общественнаго мнѣнія страны къ реформаціонному движенію и его способности овладѣть имъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ его сознаніи и готовности принять ту или другую реформу заключается главное ручательство за ея осуществимость и цѣлесообразность. Въ дѣлѣ народнаго образованія японцы оказались самыми энергическими сторонниками преобразованій. Я видѣлъ самъ, какъ участникъ этой реформы, съ какимъ неотразимымъ влеченіемъ японскіе дѣти, юноши и даже женатые люди, отъ 12 до 25 лѣтъ включительно, стекаются, по большей части пѣшкомъ и впроголодь, съ разныхъ концовъ Японіи въ тѣ центры, гдѣ существуютъ школы. Не желая, чтобы иностранное образованіе стало здѣсь привилегіею только высшихъ классовъ, правительство на первое время давало ученикамъ бесплатный столъ и квартиру. Но число учениковъ въ первые три года существованія этихъ школъ возрасло до такихъ размѣровъ, что скуднаго бюджета министерства народнаго просвѣщенія оказалось недостаточно для ихъ содержанія. Тогда правительство не нашло ничего лучшаго, какъ оставить обезпеченное содержаніе только за учениками высшихъ отдѣловъ, предоставляя низшимъ или оставить школы, или-же пріискивать себѣ средства для существованія. Мнѣ привелось быть очевидцемъ того смятенія, которое произошло по этому случаю между учениками столичной школы и которое не оставило во мнѣ и тѣни сомнѣнія, что нежеланіе воспользоваться казеннымъ столомъ и помѣщеніемъ гоняло въ наши классы и аудиторіи этихъ маленькихъ черноголовыхъ самураевъ. Людей обезпеченныхъ оказалось между ними самое ничтожное меньшинство. Родители большей части остальныхъ пустили въ ходъ свои послѣдніе ресурсы: кто продавалъ домишко съ садомъ, представляющій здѣсь среднюю стоимость 300 р. сер.; кто, за неизбѣнимъ болѣе цѣнной стоимости, несъ къ старьевщику свою родовую саблю и кинжалъ, составляющіе въ Японіи святыню и гордость шляхетскихъ родовъ. Взять юношу изъ школы представлялось почти каждому такимъ несчастіемъ, на которое только крайность заставляла отважиться.

По этому-же случаю обнаружилась одна такая особенность японскихъ нравовъ, о которой считаю необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Въ Японіи не только общее національное чувство сильно развито, но и провинціальный патріотизмъ существуетъ до такихъ размѣровъ, что всѣ выходцы одного какого-нибудь княжества, проживающіе въ столицѣ или другомъ большомъ городѣ, образуютъ изъ себя особое общество или корпорацію, въ кассу которой каждый членъ вноситъ ежемѣсячно извѣстный (прогрессивно-возрастающій) процентъ съ своего дохода. Члены, имѣющіе доходы, едва достаточные на содержаніе себя или семьи, освобождаются вовсе отъ взносовъ. Всѣ уроженцы провинціи или бывшаго княжества, отъ министровъ до поденщиковъ вѣлчительно, считаются членами своей асоціаціи. Впрочемъ, общества эти не имѣютъ никакой официальной организаціи. Члены собираются обыкновенно разъ въ мѣсяцъ для обсужденія дѣлъ, касающихся или корпораціи вообще, или хотя-бы одного изъ ея членовъ, но требующихъ коллективнаго содѣйствія. Предсѣдатель обыкновенно выбирается для каждаго засѣданія особый. Въ рѣдкихъ случаяхъ, т. е. если на очереди стоитъ какое-нибудь экстренное предпріятіе, выбирается особый распорядитель или ходатай. По приглашенію нѣсколькихъ членовъ могутъ быть созываемы и экстренныя собранія. Дѣла, обсуждаемыя на этихъ собраніяхъ, по большей части вращаются въ сферѣ взаимной помощи. Впрочемъ, иногда члены собираются для составленія какого-нибудь коллективнаго адреса, подаваемого правительству, для выраженія своего отношенія къ тому или другому животрепещущему политическому вопросу. Такъ, на примѣръ, выходцы бывшаго княжества Цзо-сю (или Нагато) подавали въ 1874 г. коллективный адресъ правительству по поводу экспедиціи на Формозу въ 1874 г. Княжество Тога сочло нужнымъ подать съ своей стороны въ государственный совѣтъ заявленіе своего несочувствія всей внутренней политикѣ нынѣшняго государственнаго канцлера. На такихъ мѣстныхъ собраніяхъ дѣятельно обсуждалась втеченіи многихъ мѣсяцевъ своевременность учрежденія въ Японіи представительнаго собранія, встрѣчавшаго себѣ сильную оппозицію со стороны одного очень сильнаго правительственнаго кружка, о которомъ мы поговоримъ впослѣдствіи. Нѣсколько такихъ отдѣльныхъ обществъ составили даже по этому поводу между собою коалицію. Въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ такія общества играютъ роль не только совѣщательную, но и дѣятельную. Такъ, наприѣръ, по поводу той-же формозской экспедиціи и ожидавшейся по этому случаю войны съ Китаемъ нѣсколько такихъ обществъ, соединенными силами, собрали и вооружили на собственный счетъ до 3,000 человекъ войска, которое отдали въ распоряженіе правительства. Иногда-же, напротивъ, собранія эти имѣютъ чисто-личный характеръ. Такъ зимою 1875 г. выходцы маленькаго и бѣднаго княжества Кокура, были собраны на экстренное собраніе по слѣдующему случаю: бывшій владѣлецъ этого княжества, теперь медиатизированный дай-мію, мальчикъ 14 лѣтъ, былъ отправленъ еще до медиатизаціи на воспитаніе въ Лондонъ по распоряженію своихъ опекуновъ. При новыхъ порядкахъ, средствъ его матери скоро не хватило для того, чтобы платить за него въ дорогую англійскую коллегію; вслѣдствіе этого мать и опекуны созывали всѣхъ своихъ земляковъ на коллективное обсужденіе вопроса: что дѣлать съ мальчикомъ, далеко еще неокончившимъ своего ученія? Отвѣтъ послѣдовалъ такой, какого, вѣроятно, ждали созывавшіе это экстренное собраніе кокурцевъ. Несмотря на то, что княжество это состоитъ здѣсь въ загонѣ и что выходцы его мало занимаютъ доходныхъ правительственныхъ мѣстъ, а въ большей части ограничиваются скромными канцелярскими или учительскими должностями съ жалованьемъ много-много 500 р. с. въ годъ,—кокурцы, однако, великодушно порѣшили дать своему бывшему князю средства доучиться въ Лондонѣ на общественный счетъ и не безъ труда собрали по подпискѣ недостававшую въ данный моментъ сумму. Слѣдуетъ прибавить, что всякая вассальная зависимость въ это время была уже отмѣнена вовсе; то обстоятельство, что благотворимый въ этомъ случаѣ былъ сынъ князя, не играетъ никакой роли, и мнѣ лично извѣстны нѣсколько молодыхъ японцевъ очень скромнаго званія, содержимыхъ въ Америкѣ или Европѣ на счетъ общаго собранія своихъ земляковъ.

Такимъ образомъ, легко понять ту усиленную дѣятельность этихъ провинціальныхъ обществъ, которая должна была закипѣть въ Иедо по случаю рѣшенія министерства народнаго просвѣщенія содержать на свой счетъ только учениковъ высшихъ отдѣловъ иностранныхъ школъ. Сколько, однакожъ, ни собирали они экстренныхъ собраній, сколько ни выказывали при этомъ своего рыцарскаго пре-

зрѣнія въ деньгахъ благородные шляхтичи имперіи „восходящаго солнца“ — результатъ все-таки оказался сравнительно неудовлетворительнымъ, и многимъ ученикамъ пришлось разстаться съ школами, не доучивъ французскихъ спряженій или русскихъ басенъ Крылова, великодушно преподаваемыхъ имъ кронштадтскимъ жидомъ за умѣренное вознагражденіе въ 6,000 долларовъ въ годъ. Не обошлось по этому случаю и безъ такихъ характерныхъ эпизодовъ: попечители одного очень даровитаго ученика русскаго отдѣла токейской школы почему-то явились просить моего ходатайства о перемѣщеніи своего питомца казеннаго училища, гдѣ его не на что было содержать, въ школу нашихъ мисіонеровъ.

— Я радъ сдѣлать все, что зависить отъ меня, отвѣчалъ я, — но вы должны рассчитывать на то, что васъ тамъ окрестятъ въ православную вѣру.

Мальчикъ глубоко задумался на нѣсколько минутъ.

— Я видѣлъ, какъ крестятъ, отвѣчалъ онъ мнѣ съ тѣмъ симпатично-задумчивымъ видомъ, который придаетъ въ моихъ глазахъ особую прелесть японскимъ юношамъ, привыкшимъ уже съ 10 — 11 лѣтъ вести себя, какъ взрослые: — лѣтомъ оно-бы еще ничего, но зимою должно быть очень непріятно.

Въ нежѣ, очевидно, заговорилъ только страхъ передъ холодной водой. Такъ индифферентны японцы въ религіозномъ отношеніи, что и облегчаетъ имъ ихъ поступательное движеніе впередъ.

III.

Благодаря именно тому обстоятельству, что насажденіе экзотической цивилизаціи въ Японіи является не праздною забавой правительства, а составляетъ насущную, живую національную потребность, болѣе или менѣе сознательно-присущую всеъмъ классамъ, — дѣло это здѣсь не обходится безъ столкновеній, иногда комическихъ, но довольно часто и трагическихъ, въ самомъ мрачномъ смыслѣ этого слова. Попавъ въ Японію случайно и почти всегда съ узко-своекорыстными цѣлями, разноплеменные цивилизаторы этой страны весьма естественно склонны думать, будто Японія только и живетъ для нихъ и ими; будто до появленія ихъ царствовалъ въ ней безпросвѣтный мракъ времени; будто и въ настоящее вре-

мя „сыны восходящаго солнца“ еще такъ низко стоятъ по отношенію къ занесеннымъ сюда этими цивилизаторами элементамъ новой жизни, что никакая критика этихъ элементовъ для японцевъ вовсе немыслима, а все дѣло заключается въ принятіи или отрицаніи вообще, огуломъ, всей христіанской цивилизаціи, какъ чего-то нераздѣльнаго, цѣлаго, неподлежащаго разьединенію или анализу. Ежедневные, будничные факты весьма краснорѣчиво вопіютъ на каждомъ шагу противъ такого предвзятаго мнѣнія; но иностранцы здѣсь, благодаря трудности изученія японскаго языка и особенно своему презрѣнію къ этой низшей монгольской расѣ, — живутъ десятки лѣтъ на такъ-называемыхъ европейскіихъ концесіяхъ въ одномъ изъ семи открытыхъ портовъ, отдѣленные словно китайскою стѣною отъ окружающей ее дѣйствительности. Какъ-бы ни вопіяла и ни роптала противъ нихъ эта дѣйствительность, поглощенные вопросомъ о цѣнахъ на сѣмяна шелковичныхъ червей, они даже не замѣчаютъ ея вопля и ропота, особенно съ тѣхъ поръ, какъ фанатическая ненависть японской шляхты къ торгашамъ-пришельцамъ смѣнилась здѣсь нѣсколько снисходительнымъ къ нимъ презрѣніемъ.

Европейская цивилизація застаётъ Японію въ тотъ моментъ, когда феодализмъ исполнилъ въ ней свою основную задачу, а слѣдовательно и утратилъ свой историческій смыслъ, перестала быть формою, въ которую обязательно отливало прогрессивное національное самосознаніе. Біографія Хиде-Йоси показываетъ, что уже въ XVI вѣкѣ успѣли обветшать здѣсь кастовыя перегородки — этотъ необходимый атрибутъ феодальныхъ порядковъ. Всеобщее броженіе умовъ, начиная съ эпохи *Темпо* (т. е. съ конца сороковыхъ годовъ), и, наконецъ, демократическое возстаніе въ Оосака показываютъ, что національное самосознаніе здѣсь тяготилось уже своимъ переходнымъ положеніемъ и тщательно искало изъ него выхода. Нашло-ли-бы оно его собственною своею инициативою? — этотъ вопросъ для насъ очень мало интересенъ, такъ-какъ европейская цивилизація навязывалась японцамъ съ такою силою, что отвернуться отъ нея, вступить въ борьбу съ нею, могли только такіе отжившіе старовѣры, какъ Наріаки, князь Мито, о которомъ было уже говорено въ первой статьѣ. Не говоря о томъ, что такихъ старовѣровъ въ это время въ Японіи оказывалось очень мало, но и они принадлежали къ тому

отжившему поколѣнію, которое и само, повидимому, сознавало, что ему во всякомъ случаѣ грозитъ скорая гибель, и изъ этого сознанія черпало отчасти свой героизмъ. Въ-же другіе элементы японской національной жизни отнеслись къ этой новой, чуждой имъ цивилизаціи односторонне-сочувственно, то-есть желая заимствовать изъ нея то, что всего болѣе могло содѣйствовать скорѣйшему достиженію ими собственныхъ своихъ цѣлей. Вотъ этого-то своеобразнаго отношенія разныхъ классовъ и слоевъ японскаго общества къ непрощеной гостьѣ никакъ не могутъ уловить европейскіе публицисты, вродѣ нашего г. Венюкова, подступающіе съ своимъ собственнымъ, готовымъ шаблономъ къ оцѣнкѣ японскаго возрожденія; они или восторгаются „прекрасною зарею, взошедшею надъ покрытымъ вѣковымъ туманомъ азіатскимъ Востокомъ“, или относятся къ ней скептически, какъ къ юношескому увлеченію, не безъ задней мысли японцевъ обморочить варваровъ своимъ чисто-внѣшнимъ прогрессомъ. Нѣкоторые изъ нихъ искренно увѣрены, будто вся преобразованная Японія не болѣе, какъ декорація, устроенная для того, чтобы одурачить Европу, и что за этой декораціей скрывается Японія настоящая, остающаяся и до сихъ поръ такою, какою она была во времена Кампфера и Зибальда; что микадо, переселившійся въ Іедо и развѣзжающій верхомъ или въ коляскѣ въ мундирѣ французскаго генерала, вовсе не настоящій микадо, который будто-бы, по-прежнему, живетъ въ своемъ дворцѣ въ Кьото, никому недоступный и никѣмъ невидимый.

Но сами японцы отлично понимаютъ ту радикальную фальшь, которая съ самаго начала внесена европейцами въ ихъ отношенія къ Японіи, и сьумѣли отдѣлать дѣло цивилизаціи отъ личностей тѣхъ, которые являлись здѣсь ея піонерами и сѣятелями. На это у японцевъ хватило и ума, и развитія. По крайней мѣрѣ, мы нигдѣ и ни въ комъ не видимъ слѣдовъ какой-бы то ни было систематической оппозиціи противъ нововведеній вообще, хотя немногіе изъ иностранцевъ пользуются довѣріемъ японцевъ. Самые заклятые старовѣры, какъ Мито или Симадзу, князь сацумскій, не только признаютъ несомнѣнные преимущества европейскаго вооруженія, судоходства и т. п., но заводятъ даже въ своихъ владѣніяхъ школы иностранныхъ языковъ, медицинскія, инженерныя и проч. Всего существеннѣе, однакожь, то коренное заимствованіе, которое Японія въ самомъ началѣ эпохи Мей-дзи дѣлаетъ у

столь недружелюбно явившейся къ ней христіанской цивилизаціи. Я говорю про законъ о безсословности, которымъ дебютируетъ нынѣ царствующій здѣсь императоръ.

Ни для кого не тайна, что этотъ молодой преобразователь, издали рисующійся намъ чѣмъ-то вродѣ Петра Великаго, въ сущности весьма ничтожный молодой человѣкъ, непользующійся въ дѣйствительности никакою властью, неиграющій никакой дѣятельной роли, неимѣющій даже своего дворца. „Но если мѣжъдо не имѣеть никакого значенія, сіюгунъ упраздненъ, дай-мюсы медіатизированы, то гдѣ-же и въ комъ сосредоточивается верховная власть? спрашиваетъ г. Буске въ одной изъ своихъ статей о Японіи. — Обратитесь съ этимъ вопросомъ къ кому угодно; вамъ назовутъ нѣсколько лицъ, но не учрежденій“. („Revue des Deux Mondes“, 1876, 1 Octob.).

Это справедливо; всякій правительственный декретъ, всякое мало-мальски значительное распоряженіе, неизмѣнно являются здѣсь за подписью верховнаго правительственнаго совѣта. Но ни это учрежденіе, ни какое-либо другое въ настоящее время въ Японіи не выражаетъ собою ровно ничего, а все вліяніе заключается въ лицахъ, ихъ составляющихъ. Я уже говорилъ въ первой статьѣ о томъ, что съ паденіемъ сіюгуната въ Японіи здѣшнее государственное устройство представляло *tabula rasa*, пустые вадры, для которыхъ еще требуется найти какое-либо содержаніе. Несмотря на это, здѣсь есть правительство, т. е. кружокъ дѣятелей, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ прежняго японскаго населенія: рядомъ съ именами родственниковъ императора, канцлера Санъзо и бывшаго посланника Ивакуры, здѣсь встрѣчаются имена простыхъ крестьянъ (напримѣръ, Итоо, министръ путей сообщенія); рядомъ съ представителемъ феодальной знати, вродѣ грознаго сацумскаго князя Симадзу, на министерскихъ или сенаторскихъ креслахъ засѣдаютъ здѣсь доктора, школьные учителя и т. п. представители немногочисленнаго и немногозначущаго здѣсь средняго сословія. Какимъ образомъ эти выходцы изъ разныхъ княжествъ, этотъ, повидимому, разношерстный кружокъ людей съумѣлъ забрать въ свои руки бразды правленія государства съ 35-ю миліонами жителей? Они не только задумали, но и привели въ дѣйствіе декретъ о безсословности. И что особенно любопытно въ этомъ диктаторствующемъ кружкѣ—это то, что большая часть

его состоитъ изъ людей очень еще молодыхъ, незнакомыхъ съ европейскими языками, неполучившихъ никакого образованія въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Совершивши переворотъ, они сами послали себя въ Европу и въ Америку, чтобы хоть изъ поверхностнаго личнаго знакомства извлечь живое понятіе о той экзотической цивилизаціи, которая уже дала имъ идею объ организаціи демократическаго государства. Замѣчу мимоходомъ, что нѣкоторыя личныя особенности разныхъ этихъ дѣятелей уже рѣзко обрисовались во время ихъ кругосвѣтнаго путешествія: между тѣмъ какъ аристократъ Ивакура парадировалъ при всевозможныхъ европейскихъ дворахъ съ торжествомъ, подобающимъ посланнику имперіи „восходящаго солнца“, — сацумскій шляхтичъ Оокубо, нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ, поучался у нѣкоторыхъ столповъ второй имперіи тайнамъ французскаго милитаризма, а бывшій врачъ Кидо, поселившись въ небольшомъ отелѣ Латинскаго квартала, при содѣйствіи японскихъ студентовъ старался добывать пользующіяся наибольшою популярностью въ Европѣ книги и проникать, по мѣрѣ силъ, въ недосыгаемыя для него тайны ихъ содержанія.

Но различія эти обнаружались, разумѣется, гораздо крупнѣе и рельефнѣе, когда путешественники вернулись къ своимъ роднымъ пенатамъ и принялись за созданіе того внутренняго содержанія, котораго такъ существенно все еще недостаетъ обновленнымъ формамъ японской государственной программы. Такъ-какъ за каждымъ изъ этихъ трехъ главнѣйшихъ дѣятелей стоитъ болѣе или менѣе многочисленный кружокъ спутниковъ и свѣтилъ второй величины, то въ средѣ здѣшняго правительства не замедлили образоваться разнохарактерныя и враждебныя одна другой партіи, о которыхъ далеко не излишне сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Ивакура вывезъ съ собою изъ Петербурга превосходно гравированные портреты Петра Великаго и отчасти славянофильскіе идеалы патріархальной монархіи, опирающейся на придворную знать (куге), весьма отличную здѣсь отъ знати феодальной, на которой онъ стремится выместить вѣковыя обиды, претерпѣнныя здѣсь императорскими родичами отъ феодаловъ. На-сколько вообще популярна въ странѣ его программа, можно судить уже по тому, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи изъ-за границы онъ сдѣлался жертвою смѣлаго ночного нападенія, отъ ко-

торого спасся почти чудомъ, потерпѣвъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ. Главнымъ противникомъ ультра-централизаціонныхъ тенденцій Ивакуры явился регентъ сацумскаго княжества, по имени Симадзу, безспорно самый крупный изъ представителей японской реакціи.

На всемъ югѣ, особенно въ вопиющемъ сацумскомъ княжествѣ, Симадзу пользовался очень большимъ почетомъ, болѣе, впрочемъ, за личныя свои качества, чѣмъ за политическую свою програму. Последней, какъ это скоро оказалось, у него даже вовсе и не было, потому что нельзя-же считать за политическую програму то, что Симадзу не соглашался перемѣнить своего стараго дай-мюскаго платья на французскій сенаторскій мундиръ и что онъ никогда не садился на назначенное для него въ государственномъ совѣтѣ кресло, а ютился на вѣрточкахъ на богатой циновкѣ. Отъ времени до времени онъ произносилъ, однакожь, сатирическіе спичи или подавалъ на имя императора докладныя записки, реакціонному юмору которыхъ могъ-бы иногда позавидовать самъ знаменитый Вѣльо. Дѣйствительная-же роль Симадзу ограничивалась тѣмъ, что онъ, какъ уже сказано, своимъ противодѣйствіемъ Ивакурѣ открывалъ свободное поприще для соперничества двухъ другихъ корифеевъ японскаго возрожденія: Кидо и Оокубо.

Изъ этихъ двухъ послѣднихъ соперниковъ каждый выражаетъ собою извѣстную систему, и исходъ ихъ борьбы не могъ остаться безъ вліянія на дальнѣйшія судьбы Японіи. Голая идея безсловной государственности, въ томъ видѣ, въ какомъ она уже осуществлена въ Японіи, сама-по-себѣ значитъ еще очень мало.

Страна, какъ сказано было уже много разъ, не имѣла многихъ изъ тѣхъ существеннѣйшихъ учреждений, безъ которыхъ въ нашихъ глазахъ немислимо самое государство. Не было однообразной системы податей и самое право землевладѣнія до сихъ поръ еще не имѣетъ здѣсь строгой легальной санкціи. Законовъ не существовало вовсе; вмѣсто регулярнаго войска имѣлось нѣсколько отрядовъ шляхтичей, хотя и вооруженныхъ на европейскій ладъ, но вовсе неотвѣчающихъ нашимъ понятіямъ объ арміи. А между тѣмъ нѣсколько роковыхъ вопросовъ грозно просились на очередь и не терпѣли отлагательства въ своемъ рѣшеніи. Финансы были истощены недавнимъ междоусобіемъ, закупкою

по невозможнымъ цѣнамъ иностранныхъ судовъ и оружія, вообще невыгоднымъ балансомъ иностранной торговли. Даймюсы и шляхта, лишеныя всякихъ феодальныхъ правъ и сведенныя на мизерную годовую стипендію, не безъ основанія считали себя разоренными, въ то-же время составляя для истощеннаго уже государственнаго бюджета весьма тяжеловѣсную статью въ 25 миліоновъ долларовъ. Деньги для первоначальнаго выкупа феодальныхъ прерогативъ пришлось занять въ Англіи, на условіяхъ довольно обременительныхъ. Ежегодная уплата процентовъ по этому займу и самыхъ стипендій выносилась общественнымъ мнѣніемъ крайне недружелюбно. „Если вы дѣйствительно лучшей породы, чѣмъ простые смертныя, говорили имъ всевозможныя журналы, всѣ съ рѣзко-оппозиционнымъ оттѣнкомъ, — докажите это теперь, проявивъ свое безкорыстіе“.

Правительство само всѣми средствами старалось дать понять своимъ дворянамъ, что они сдѣлались для страны ненужнымъ, но тяжелымъ бременемъ, и усиленно приглашало ихъ придумать для себя какое-нибудь производительное занятіе, обѣщая во всѣхъ подобнаго рода начинаніяхъ оказать имъ очень дѣятельную поддержку. Въ особенности оно стремилось побудить своихъ стипендіатовъ принять взаимныя ежегодныхъ пенсій единовременную и весьма ограниченную уплату. Очень многіе поддались на эту послѣднюю мѣру и, очень скоро промотавъ полученный капиталъ, остались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Всѣхъ болѣе заботъ въ этомъ отношеніи давала правительству бывшая шляхта самого сіюгуна и всего рода Токугавы, такъ-называемыя здѣсь *хатамото*, которые даже въ феодальныя времена славились невѣжествомъ, распутствомъ и дерзостью.

Что касается многочисленнаго класса японскихъ пролетаріевъ, то положеніе его съ отміною феодальныхъ привилегій и съ введеніемъ въ странѣ многихъ новыхъ отраслей промышленности, при значительномъ повышеніи задѣльной платы, безспорно улучшилось, но не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что это улучшение чисто-временное и что Японіи едва-ли удастся сдѣлать еще хоть одинъ существенный шагъ впередъ на пути промышленнаго развитія безъ того, чтобы не стать лицомъ къ лицу съ роковымъ вопросомъ пауперизма, если только со стороны пра-

вительства не будутъ приняты на этотъ счетъ самыя энергическія мѣры.

Крестьянство, — главная опора благосостоянія Японіи, — находится здѣсь въ нѣсколько своеобразныхъ условіяхъ и пользуется болѣе широкой независимостью, чѣмъ большинство европейскихъ крестьянъ. Конечно, независимость эта не можетъ считаться результатомъ того, что втеченіи многихъ вѣковъ, по заимствованной изъ Китая іерархіи, оно считалось вторымъ сословіемъ въ государствѣ. Но во время нескончаемыхъ здѣшнихъ междоусобій оно успѣло отвоевать себѣ многія льготы и преимущества, то снабжая въ долгъ своего князя необходимыми для его войска припасами, то активно вмѣшиваясь въ феодальную борьбу. Само собою разумѣется, что послѣднее случалось только тогда, когда въ этомъ были непосредственно затронуты его матеріальные интересы. Такимъ образомъ, въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ еще и въ настоящее время народонаселеніе довольно слабо сравнительно съ количествомъ годныхъ къ воздѣлыванію земель (вообще-же въ Японіи цифра относительнаго народонаселенія до 4,800 душъ на 1 квад. географич. милю), изъ крестьянства выдѣлилась особая аристократія, весьма схожая въ основныхъ своихъ чертахъ съ такою-же общинною аристократіею бернскаго кантона. Въ принципѣ вся японская территорія считалась собственностью феодальныхъ владѣльцевъ. Императоръ и сіюгунъ имѣли, на общемъ феодальномъ основаніи, свои удѣлы. Но въ дѣйствительности крестьянскіе роды, съ незапамятныхъ временъ поселившіеся на этихъ земляхъ, владѣли ими на личномъ основаніи съ неограниченнымъ правомъ наследственной передачи. Оброкъ, платимый князю за землю, совершенно отождествлялся съ государственною повинностью, или, иначе говоря, крестьяне здѣсь были обложены только одною податью, которая взималась натурою съ жатвы. Размѣры ея были различны въ разныхъ княжествахъ, но за средній терминъ можно принять половину всего сбора. Съ упраздненіемъ феодальныхъ порядковъ эти основныя условія крестьянскаго обложенія измѣнились только въ томъ, что подати стали поступать въ государственную казну, вмѣсто казны дайміосовъ. А потому неудивительно, что масса крестьянскаго населенія отнеслась къ осуществленному перевороту довольно холодно. Исключеніе составляютъ только тѣ, преимущественно центральныя области, гдѣ шелковод-

ство составляет одну изъ существеннѣйшихъ статей крестьянскаго хозяйства, доходность котораго значительно увеличилась вслѣдствіе непомѣрнаго вздорожанія цѣнъ на этотъ продуктъ. Невыгодными новыя порядки оказались для крестьянъ, въ свою очередь, только въ тѣхъ исключительныхъ областяхъ, гдѣ вообще вздорожаніе продуктовъ не вознаграждается соответственнымъ усиленіемъ доходности. Вообще-же говоря, крестьянство здѣсь составляетъ обособленный міръ, холодно относящійся ко всему, что дѣлается внѣ его узкой жизненной сферы, подозрительный ко всякому нововведенію, трудно волнуемый, но и умѣющій постоять за свои права, будучи разъ приведенъ въ движеніе.

Чтобы найти мало-мальски удовлетворительное рѣшеніе для всѣхъ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ вопросовъ, по мнѣнію Кидо, надлежало обратиться къ самодѣятельности всѣхъ непосредственно заинтересованныхъ этимъ рѣшеніемъ элементовъ, т. е. созвать представительное собраніе, на первый разъ хотя-бы только для приведенія въ извѣстность общихъ потребностей и нуждъ, а затѣмъ уже, буде окажется необходимымъ, облечь его и учредительною властью.

На помощь этой партіи, рядомъ съ многочисленными журналами, быстро расходившимися во всѣхъ слояхъ японскаго общества, явилось еще особое частное общество *Мей-року-ся*, поставившее себѣ цѣлью ознакомленіе Японіи съ общественнымъ движеніемъ и политическими вопросами Европы и Америки. Для этого переводились на японскій языкъ нѣкоторыя извѣстнѣйшія французскія и англійскія книги. Втеченіи одного года появились такимъ образомъ книги: „О свободѣ“ и „О представительствѣ“, Дж. Ст. Мила, Смайльса — „О характерѣ“ и Гизо — „Исторія цивилизаціи Европы“. Одинъ изъ талантливѣйшихъ японскихъ ученыхъ, Фукузава Юкици, предпринялъ при содѣйствіи этого общества особое періодическое изданіе, въ которомъ текущіе вопросы японской политики и общественности обсуждались при помощи тѣхъ руководящихъ началъ, которыя авторъ могъ черпать изъ своего довольно близкаго знакомства съ англійскою литературою. Кромѣ того общество устроило въ Едо публичныя собранія, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ мѣсяць, и на нихъ нѣкоторые изъ наиболее образованныхъ членовъ этой асоціаціи поучали публику премудрости, почерпаемой изъ европейскихъ литературъ. Печатные отчеты

этихъ собраній въ большомъ количествѣ экземпляровъ расходились по провинціямъ. Тотъ-же Фукузава устроилъ у себя родъ школы, въ которой поучаетъ и до сихъ поръ „европейской наукѣ“ взрослыхъ уже японцевъ, неимѣвшихъ случая ознакомиться съ какимъ-нибудь европейскимъ языкомъ.

Противоположная партія, во главѣ которой стоитъ министръ внутреннихъ дѣлъ Оокубо, смотритъ на правительственную задачу сквозь очки французской второй имперіи. Ближайшею заботою, по мнѣнію корифеевъ и приверженцевъ этой партіи, должно быть стремленіе — создать безсловное войско, которое служило-бы прочною опорой для всѣхъ дальнѣйшихъ начинаній правительства, и въ то-же время опутать страну сѣтью администраціи, чуждой всякихъ областныхъ симпатій и покорной одной только центральной власти.

Одною изъ настоятельнѣйшихъ потребностей страны было созданіе кодекса законовъ, гражданскихъ и уголовныхъ, которыхъ въ странѣ не было вовсе, такъ-какъ каждый изъ феодаловъ судилъ и ридилъ въ своихъ владѣніяхъ по собственному своему благоусмотрѣнію; въ земляхъ-же, непосредственно принадлежавшихъ сіюгуну, вмѣсто всякой юриспруденціи руководились завѣщаніемъ родоначальника дома Токугавы. Эта внутренняя потребность значительно еще усиливалась пріятнымъ заблужденіемъ японцевъ, думавшихъ, что европейскія державы избавятъ ихъ отъ экстерриторіальности, какъ скоро они поставятъ свою судебную часть на европейскую ногу. Пересмотръ договоровъ съ иностранными державами долженъ былъ состояться въ 1874 году. Къ этому сроку, конечно, было-бы невозможно путемъ совѣщательныхъ и учредительныхъ собраній довести дѣло юридической организаціи до желаемой законченности. Это соображеніе давало сацумской партіи съ ея централистскими стремленіями перевѣсъ надъ конституціонализмомъ Кидо. Оокубо вывезъ съ собою изъ Парижа двухъ французскихъ юрисконсультовъ (въ томъ числѣ и г. Ж. Буске, нами цитированнаго), правда, вовсе незнакомыхъ ни съ языкомъ, ни съ учрежденіями и нравами Японіи. Тѣмъ не менѣе, при помощи японскихъ студентовъ, съ грѣхомъ пополамъ обучившихся въ Парижѣ японскому языку, надѣялись кое-какъ устроить дѣло, утѣшая себя тѣмъ, что впоследствии можно будетъ понемногу исправить и пополнить промахи и прорѣхи этой ско-

роспѣлой работы, а что всего прежде надо добиться права ска-
зать иностраннымъ державамъ: „наши законы созданы на вашихъ-
же основаніяхъ, а потому къ чему-же это изытіе отъ подвѣдом-
ственности имъ иностранцевъ, живущихъ въ нашей странѣ?“
Къ чему-же эта экстериториальность? Такимъ образомъ, въ мини-
стерствѣ юстиціи дѣятельно принялись за переводъ Наполеонова
кодекса и французскихъ судебныхъ уставовъ. Французскіе юристы
стали читать лекціи небольшому числу студентовъ, знакомыхъ съ
французскимъ языкомъ, а эти послѣдніе обязывались сообщать
только-что узнанное ими самими своимъ товарищамъ. Къ чести
японскаго здраваго смысла надо добавить, что оконченный пере-
водъ Наполеонова кодекса, однако, до сихъ поръ не получилъ
въ странѣ силы закона, а служить только для руководства судей
и законодателей. Здѣсь, впрочемъ, я долженъ упомянуть о борьбѣ
между этими двумя враждебными партіями,—борьбѣ, исходъ ко-
торой значительно ускорился, благодаря событіямъ внѣшней япон-
ской политики.

IV.

Не разъ было высказано, что Японія имѣетъ двѣ совершенно
различныя политики: одну—по отношенію къ христіанскимъ госу-
дарствамъ, другую—по отношенію къ своимъ азіатскимъ сосѣдямъ:
Кореѣ и Кятаю. При сознаніи своего безсилія передъ державами
Запада, ей ничего не остается, кромѣ робкаго подчиненія ихъ требо-
ваніямъ, какъ-бы эти требованія иногда ни возмущали нравственныя
понятія японцевъ. Иностранные агенты и консулы обыкновенно до
смѣшнаго злоупотребляютъ этою безпомощностію Японіи, чтобы
вырывать у нея разныя льготы и подачки своимъ фаворитамъ.
По отношенію-же къ корейцамъ и китайцамъ Японія имѣетъ пол-
ную возможность проявлять собственную свою самостоятельность.
Несмотря на громадное численное превосходство надъ нею Китая,
Японія изъ всѣхъ столкновеній съ нимъ выходила побѣдоносною.
Монгольскія полчища, овладѣвшія престоломъ династіи Тонгъ,
всегда съ успѣхомъ отражались японцами. Въ Кореѣ японцы
нѣсколько разъ поражали китайцевъ, а Тайбо Хиде-йоси прину-
дилъ ихъ даже заключить съ японцами весьма постыдный для

пекинскаго правительства миръ. Короче говоря, Японія историческимъ опытомъ извѣдала всю силу и выгоду своего положенія по отношенію къ государствамъ крайняго Востока, а потому и держится въ своихъ столкновеніяхъ съ ними не только вполне независимо, но даже инициативно. Очень характерно, на примѣръ, столкновеніе японскаго правительства съ перувианскимъ по поводу парохода, везшаго китайскихъ кули изъ Макао въ Перу. Будучи вынужденъ обновить свои запасы свѣжей воды, пароходъ этотъ зашелъ по пути въ Нагасаки. Ночью съ него удалось спастись вплавь злополучному китайцу, который заявилъ англійскому консулу, что ихъ вѣсколько сотъ человѣкъ обманомъ или силою захвачены на пароходъ, гдѣ съ ними обходятся просто варварски. Надо замѣтить, что торговля китайцами только тѣмъ и разнится существенно отъ торговли неграми, что каждый изъ этихъ послѣднихъ представлялъ для своего владѣльца нѣкоторый капиталъ, а слѣдовательно смертью своею наносилъ ему болѣе или менѣе чувствительный убытокъ. Несчастный-же китайскій кули представляетъ много-много какихъ-нибудь два-три долара, затраченныхъ частью въ видѣ задатка, выданнаго ему на будто-бы заключенный контрактъ, но главнѣйшимъ образомъ на взятки чиновникамъ. Барыши-же отъ этой торговли таковы, что гибель даже цѣлой половины живого груза съ лихвою вознаграждается тѣмъ, что будетъ выручено на остальной. Англійскій консулъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ передать бѣлаго китайца обратно пароходному капитану. Замѣчательно при этомъ, что англійскіе крейсера въ то-же самое время ревниво не допускаютъ торговли суда всѣхъ націй на Каролинскіе и Саломоновы острова, подъ тѣмъ предлогомъ, что они могли-бы заняться тамъ ловлею канаковъ. По счастью, злополучному китайцу удалось бѣжать снова въ тотъ-же вечеръ въ соупутствіи двухъ-трехъ товарищей; только на этотъ разъ они уже обратились не къ представителямъ пѣтитетскихъ западныхъ державъ, а къ языческому японскому губернатору города. Этотъ послѣдній принялъ дѣло очень близко къ сердцу и на слѣдующій-же день заявилъ иностраннымъ консуламъ, что такъ-какъ рабство въ Японіи не признано и варварское обращеніе съ людьми какаго-бы то ни было званія въ ней строго запрещено, то онъ намѣренъ разслѣдовать жалобу китайцевъ и, буде она окажется справедливою, потребуетъ немедленнаго ихъ освобожденія.

Консулы не нашли въ этомъ намѣреніи японскаго губернатора ничего несообразнаго съ международнымъ правомъ, а потому оно и было приведено въ исполненіе. Освобожденные китайцы были возвращены на ихъ родину. Но перувианское правительство жестоко обидѣлось такимъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ японцами его флагу. По этому поводу завязались съ обѣихъ сторонъ очень колкіе переговоры и перувианское правительство грозило Японіи войною. Только благодаря финансовому кризису, оно согласилось на предложеніе японскаго кабинета покончить это дѣло третейскимъ судомъ, избравъ суперарбитромъ русскаго императора. Но гораздо болѣе тяжелый ударъ былъ нанесенъ внутренней политикѣ Японіи ея рискованнымъ походомъ противъ острова Формозы.

Еще въ 1873 году японскіе рыбаки, будучи бурей занесены къ юго-восточному берегу Формозы, были тамъ ограблены и перебиты самымъ варварскимъ образомъ. Случай этотъ сильно взволновалъ не одно только рыбацье населеніе, которое въ своихъ опасныхъ промыслахъ могло и впослѣдствіи ожидать столь-же печальной участи. Еще болѣе волновалась многочисленная шляхта разныхъ провинцій. Національному самолюбію ея за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ пришлось молча стерпѣть много чувствительныхъ уколовъ и оскорбленій, и она, очевидно, радовалась случаю сорвать на злополучныхъ дикаряхъ Формозы давно накопившуюся въ ней желчь. Къ тому-же большая часть всѣхъ этихъ шляхтичей, самураевъ и хатаматовъ, не будучи воспитаніемъ причучена ни къ какой работѣ, съ упраздненіемъ междуусобій въ страпѣ, по-необходимости должна была довольствоваться скудною годовою пенсією, да и ту очень многіе успѣли уже промотать. Война льстила ихъ самолюбію и ихъ наслѣдственному пресловутому удалству, да еще могла такъ или иначе поправить ихъ финансы. Потому они настойчиво требуютъ, чтобы, не тратя времени, снаряжена была военная экспедиція наказать формозцевъ за ихъ хищничество и отомстить за оскорбленіе японскаго знамени. Среди областныхъ асоціацій, о которыхъ говорено было въ началѣ этой статьи, закипѣла усиленная дѣятельность, адресъ подавался за адресомъ съ предложеніемъ правительству услугъ людьми, провіантомъ и даже деньгами. Правительство, однакожь, не поддавалось на этотъ энергическій призывъ къ оружію, встрѣтившій дѣятельную поддержку и со стороны многихъ, наиболѣе распро-

страненныхъ въ столицѣ и въ провинціяхъ газетъ. На пылкія заявленія воинственной молодежи оно отвѣчало, что Формоза составляетъ часть китайской территоріи, а потому нападать на нее, не попытавшись предварительно получить удовлетвореніе отъ пекинскаго правительства, было-бы рискованно. Къ этому добавлялось, что какъ-бы ни была успѣшна война, въ настоящее время она для Японіи нежелательна, такъ-какъ она неизбѣжно отвлечетъ страну отъ насущнѣйшаго дѣла внутреннихъ преобразованій и нанесетъ чувствительный ударъ и безъ того оскудѣвшей государственной казнѣ. Въ Китай-же немедленно былъ посланъ уполномоченный съ порученіемъ, какъ добиться вознагражденія семьямъ убитыхъ рыбаковъ и восстановленія чести японскаго знамени, такъ и войти въ соглашеніе съ пекинскимъ правительствомъ насчетъ мѣръ, которыя-бы ограждали на будущее время японскихъ моряковъ отъ подобныхъ катастрофъ.

Недовольная этими объясненіями, шляхта изъ разныхъ провинцій собралась съ оружіемъ въ рукахъ въ провинціи Хизенъ, на сѣверо-восточномъ берегу острова Кіу-Сіу. Къ ней пристали нѣсколько молодыхъ людей, только-что вернувшихся изъ-за границы и недовольныхъ слишкомъ медленнымъ, по ихъ мнѣнію, ходомъ преобразованія страны вообще. Имъ удалось возмутить крестьянъ хизенской провинціи и съ ними завладѣть главнымъ городомъ провинціи Сага, въ которомъ не было никакого правительственнаго гарнизона. Въ Нагасаки, расположенномъ недалеко отъ Сага, поднялась большая тревога, преимущественно между жителями европейской колоніи. Тамашніе резиденты стали требовать военныхъ европейскихъ судовъ для защиты ихъ отъ мятежниковъ. Но правительству удалось подавить возстаніе и цѣлымъ рядомъ жестокихъ казней завершить свое кровавое торжество. Жестокость эта, рассчитанная, конечно, на то, чтобы запугать общественное мнѣніе, имѣла, однакожь, совершенно обратное дѣйствіе, т. е. возбудила большое сочувствіе къ жертвамъ. Въ пользу семействъ казненныхъ стали собирать денежные подписки и приняли всевозможныя мѣры къ улучшенію участи ссыльныхъ и каторжныхъ. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе, и по прекращеніи хизенскаго возстанія, не переставало волноваться. Самураи разныхъ областей снова стали собираться съ оружіемъ на югъ и даже вблизи самаго Іедо. Нѣсколько сотъ сацумцевъ объявили, что

если правительство оказывается нечувствительнымъ къ оскорбленію, нанесенному японскому знамени, то страна должна сама постоять за себя. Они стали готовиться къ отплытію, разсылая прокламаціи по другимъ областямъ и получая тайное пособіе отъ князя Симадзу. Въ правительствѣ только конституціонная партія Кидо высказывалась противъ войны, предвидя, что экспедиція противъ формозскихъ дикарей легко можетъ повести къ серьезному столкновенію съ Китаемъ. Всего-же болѣе партія эта боялась, что война поведетъ къ усиленію милитаризма, который и безъ того уже служитъ значительною помѣхою для дальнѣйшаго гражданскаго развитія Японіи. Сацумцы, однакожь, одержали верхъ. Въ видѣ вынужденной уступки общественному мнѣнію, собранъ былъ хорошо вооруженный отрядъ изъ 3,000 человекъ, подъ начальствомъ сацумскаго генерала Сайго, брата и товарища военнаго министра. Кидо немедленно подалъ въ отставку и отправился въ свою родную провинцію Начато, предвидя, что его политической програмѣ будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

Мы не будемъ говорить здѣсь подробно о самой экспедиціи, а замѣтимъ только, что японцы рѣшительно привлекли на свою сторону все мирное населеніе занятой ими части острова и скоро взяли приступомъ Бутанское ущелье, не потерпѣвъ при этомъ чувствительныхъ потерь. Вожди племени, уличеннаго въ разграбленіи японскихъ моряковъ, были ими казнены, остальные-же виновники вскорѣ стали ихъ пріятелями, служили имъ проводниками на охотѣ въ своихъ живописныхъ горахъ или развлекали ихъ своими дикими играми и плясками. Казалось, имъ не оставалось ничего, какъ только съ торжествомъ возвратиться на родину. Это было для нихъ тѣмъ необходимѣе, что мѣсто, выбранное для лагеря американскими развѣдчиками, оказалось столь-же невыгодно въ санитарномъ, какъ и въ стратегическомъ отношеніи. Тифъ, диссентерія и злокачественныя лихорадки причиняли усиленную смертность. Приходилось зафрахтовывать въ Нагасаки иностранныя суда, чтобы скорѣе увозить заболѣвавшихъ на родину. Но усложненія, которыя предвидѣлись заранѣе противниками этой экспедиціи, не замедлили обнаружиться, какъ только вѣсть объ отплытіи перваго японскаго отряда стала общеизвѣстною. Англійскій посланникъ въ Иедо, сэръ Гарри Парксъ, счелъ себя и свою націю оскорбленными какъ тѣмъ, что въ этомъ случаѣ обошлись

безъ его совѣтовъ, такъ и тѣмъ, что она не обошлась безъ содѣйствія американцевъ, которые—кстати замѣтить—съ отъѣздомъ прежняго своего представителя Делонга и съ замѣною его честнымъ и кроткимъ Дж. Бингамомъ приобрѣли на ходъ японскихъ дѣлъ большое вліяніе. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ и китайское правительство, сперва добродушно удивлявшееся простакамъ, готовымъ тратить людей и деньги изъ-за нѣсколькихъ убитыхъ рыбаковъ, вдругъ почувствовало себя оскорбленнымъ. Вице-король южнаго Китая, генералъ Ли, послалъ въ японскій лагерь грозное предписаніе немедленно очистить островъ. Вокругъ него стали группироваться европейскіе авантюристы. Обладатели концессій Іедо, Йокагамы и Нагасаки потирали руки отъ удовольствія въ виду серьезной войны, т. е. неизбѣжно связанныхъ съ нею подрядовъ и т. п. прелестей съ обѣихъ сторонъ. Японское правительство отвѣчало, что оно готово оставить Формозу, но съ тѣмъ, чтобы китайцы обязались выплатить издержки экспедиціи, высчитанныя ими съ большою умѣренностью, и обезпечить Японію на будущее время отъ хищничества своихъ подданныхъ. Въ противномъ-же случаѣ оно будетъ вынуждено устроить въ юго-восточной части этого острова прочную военную станцію. Посланный для переговоровъ японскій уполномоченный не добился ничего, даже приѣма у богдыхана, на который, однакожь, было признано право европейскихъ посланниковъ. Съ тою-же настойчивостью, которую оно впоследствии выказало въ столкновеніи съ Кореєю, японское правительство не отступило при первой неудачѣ. Оокубо лично отправился въ Пекинъ, сопровождаемый въ качествѣ руководителя по международному праву французскимъ профессоромъ Буалоннадомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ ему удалось достигнуть желанной цѣли, сбавивъ, однакожь, до 30% съ той умѣренной суммы, которую японцы потребовали первоначально отъ китайскаго правительства. Всѣ издержки этого дѣла обошлись около пяти миліоновъ долларовъ; изъ нихъ немного болѣе миліона возвращено китайцами, Правда, въ числѣ этихъ пяти миліоновъ слѣдуетъ считать и издержки на приобретеніе оружія и панцырныхъ судовъ, которыя, конечно, остались у японцевъ.

Сомнительный триумфъ японцевъ на Формозѣ должно считать за рѣшительное пораженіе, если принять въ расчетъ то несомнѣнно-вредное вліяніе, которое онъ оказалъ на общій ходъ раз-

вѣтія этой возрождающейся страны. Я уже не говорю о томъ, что ради пріобрѣтенія круповскихъ пушекъ и другихъ усовершенствованныхъ истребительныхъ снарядовъ, пришлось значительно сократить бюджетъ народнаго просвѣщенія и другія производительныя издержки, на которыя японское правительство оказывалось прежде чрезвычайно щедрымъ. Но самую мрачную сторону этой войны слѣдуетъ считать тотъ перевѣсъ, который она дала централизационнымъ стремленіямъ сацумской партіи. Вернувшись изъ Пекина, сопутствуемый генералами и адмиралами, побѣдителями бутанцевъ, Оокубо сталъ истиннымъ хозяиномъ страны, которая уже въ настоящее время раздѣлена, по-чисто французскому образцу, на 66 префектуръ, управляемыхъ присылаемыми изъ столицы и вполнѣ зависящими отъ министерства внутреннихъ дѣлъ *кэн-рей* или губернаторами; въ ней учреждена всеобщая воинская повинность, встрѣтившая здѣсь особенно сильное сопротивленіе со стороны крестьянства, которое споконъ-вѣку было избавлено здѣсь отъ военной службы, считавшейся исключительною привилегіею дворянства. „Зачѣмъ отрывать насъ отъ плуга и огорода, когда мы платимъ годичную дань тысячамъ *квазаковъ* и *сизаковъ*, которые за то только и ѣдятъ лучшую часть нашихъ жатвъ, чтобы защищать страну въ случаѣ надобности? Неужто мы будемъ платить имъ только за то, чтобы они праздно ворочали глазами по сторонамъ?“ — Но неудовольствіе, вызванное натянутымъ механизмомъ централистскихъ учреждений, отозвалось не въ одной только крестьянской массѣ. Все то, что можно назвать интеллигенціей страны, начиная съ учениковъ высшихъ школъ и кончая старцами, которыхъ не мало перешло здѣсь на сторону обновленія и возрожденія, даже въ самый разгаръ военныхъ успѣховъ сацумцевъ, громко заявляли о своемъ несочувствіи новымъ реакціоннымъ порядкамъ. Уже лѣтомъ 1875 г., т. е. только нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ торжественнаго пріема, устроеннаго формозскимъ побѣдителямъ въ Йокагамѣ и Кедо, неудовольство съ этой стороны приняло весьма уважительные размѣры. Приверженцы учредительнаго собранія, группируясь вокругъ Кидо, вызваннаго ими изъ его добровольнаго изгнанія, устроили многочисленную сходку въ Осака, которую правительство не сочло возможнымъ разогнать, хотя и не скрывало своего неудовольствія по ея поводу. Сходка эта дала даже положительный результатъ въ ви-

дѣ компромиса, на которомъ временно пытались замириться двѣ главныя партіи. Въ 7 мѣсяцѣ VIII-го года эры Мей-дзи (т. е. въ іюль 1875) микадо издалъ манифестъ слѣдующаго содержанія:

„Вступая на престолъ моихъ предковъ 8 лѣтъ тому назадъ, я далъ торжественную клятву передъ душами своихъ предковъ устроить благосостояніе моей страны и народа. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени я неуспѣшно старался исполнить эту клятву и осуществилъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ преобразованій, которыя считаю необходимыми шагами на пути къ желанной цѣли. (Слѣдуетъ краткій перечень наиболѣе существенныхъ правительственныхъ реформъ.) Но дѣло это—трудное и можетъ быть упрощено только тогда, когда нація сама приметъ въ управленіи разумное и благонамѣренное участіе. А потому ближайшею моею заботою будетъ созваніе представительныхъ собраній, которыя теперь еще были-бы несвоевременны. Въ видѣ приготовленія къ нимъ я теперь-же отмѣняю законодательное отдѣленіе государственнаго совѣта и созываю на его мѣсто главный совѣтъ старѣйшинъ (*ген-ро-ш-инъ*), которому поручу обсуждать главнѣйшія законоположенія и мѣры, необходимыя для блага государства. Пусть-же всякій, имѣя въ виду указанную мною цѣль, стремится къ ней по мѣрѣ своихъ силъ и честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей облегчитъ мнѣ исполненіе моей трудной задачи“.

Такимъ образомъ, само японское правительство видѣло въ этомъ ген-ро-ш-инѣ не парламентъ, какъ смотрятъ на него нѣкоторые японцы и европейскіе публицисты, а только необходимое преддверіе или подготовительную мѣру представительнаго собранія. Члены этого новаго совѣта были всѣ безъ изыятія назначены правительствомъ. Единственное отличіе этого новаго учрежденія отъ смѣненнаго имъ са-ина заключалось въ томъ, что при выборѣ его членовъ совершенно уже не руководились соображеніями чиновной іерархіи. Рядомъ съ первоклассными свѣтилами чиновнаго міра, членами новаго совѣта были назначены лица всякаго званія, тѣмъ или инымъ путемъ стяжавшія себѣ на какомъ-бы то ни было поприщѣ почетную извѣстность. Смыслъ этой реформы, слѣдовательно, долженъ былъ заключаться въ нѣкоторомъ ослабленіи бюрократическаго элемента. Очень можетъ быть, что правительство, мало довѣряя не только опытности, но и самой искренности своихъ конституціоналовъ, надѣялось, что они согласятся даже и эту жал-

кую пародію признать за настоящій парламентъ, съ тѣхъ поръ, какъ имъ отведутъ въ немъ тепленькія мѣста. Если такой расчетъ въ немъ и былъ, то онъ очень скоро оказался вполнѣ несостоятельнымъ: послѣ нѣсколькихъ засѣданій, посвященныхъ обсужденію уставовъ самаго учрежденія, ген-ро-ш-инъ былъ закрытъ, такъ-какъ большая часть его членовъ обнаружила возрѣнія на свою задачу, вовсе несообразныя съ видами правительства.

Одновременно съ ген-ро-ш-иномъ было вызвано въ жизни еще и другое учрежденіе, а именно ежегодныя собранія въ Іедо префектовъ или губернаторовъ всѣхъ провинцій или кановъ, имѣющее цѣлью ознакомить центральное правительство съ областными и мѣстными нуждами и потребностями. Нельзя отрицать, что подобнаго рода собранія, въ смыслѣ улучшенія администраціи и облегченія префектамъ исполненія ихъ обязанностей, могутъ быть даже очень полезны. Но если принять во вниманіе, что этою мѣрою правительство думало замѣнить то собраніе мѣстныхъ представителей, выбранныхъ отъ всѣхъ сословій японскаго общества, котораго требовала здѣсь оппозиціонная партія,—то легко станетъ понятно, что и этимъ, относительно-полезнымъ мѣропріятіемъ общественное мнѣніе удовлетворилось не болѣе, какъ и рѣшительно неудавшеюся попыткою ген-ро-ш-ина. А между тѣмъ сацумская партія слишкомъ очевидно рассчитывала на то, что этими двумя уступками она вполнѣ расплатится съ требованіями японскаго либерализма и можетъ дать свободный ходъ своимъ реакціоннымъ стремленіямъ. Подъ прикрытіемъ этихъ двухъ либеральныхъ мѣръ былъ изданъ крайне стѣснительный законъ о печати (28 іюля 1875 г.), соединявшій въ себѣ все, что выработала худшаго по этой части французская вторая имперія. Либеральный указъ о свободѣ прессы 2-го года Мей-дзи, приведенный въ цѣлости въ книгѣ г. Венюкова, былъ окончательно отиѣненъ, а вмѣсто него введена система денежныхъ штрафовъ и тюремныхъ заключеній для редакторовъ и типографовъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ по дѣламъ печати.

Надо замѣтить, однакожь, что въ средѣ самаго правительства этотъ образъ дѣйствій сацумской партіи, купившей себѣ торжество цѣною формозской экспедиціи и созданія регулярной арміи, возбудилъ сильныя неудовольствія. Но говоря уже о партіи конституціонной, которая не поддавалась на ловушку псевдо-парламент-

скихъ реформъ, царедворецъ Ивакура удалился отъ государственныхъ дѣлъ, подѣ предлогомъ болѣзни, а старовѣрь Симадзу подалъ на имя императора, въ видѣ адреса, ѣдкій памфлетъ противъ политики своихъ сослуживцевъ. Когда-же его крайне-рѣзкое, и по формѣ, и по смыслу, заявленіе оставили безъ вниманія, то онъ подалъ въ отставку и удалился въ свое родное княжество (въ октябрѣ 1875 г.).

Положеніе вообще становилось крайне-натянутымъ. Изъ статей г. Буске видно, что репрессивный указъ о печати вовсе не сковалъ уста протесту интеллигентной части японскаго общества. Уже съ осени 1875 г. внутреннее положеніе страны было на-столько тревожно, что правительство, воевавшее на Формозѣ ради убійства нѣсколькихъ рыбаковъ, не сочло возможнымъ послать хотя-бы часть своего войска для наказанія корейцевъ, которые безъ всякаго повода стрѣляли ядрами по японскимъ военнымъ судамъ, отказались вовсе принять отравленныхъ для разъясненія этого дѣла японскихъ пословъ и прислали крайне-дерзкое письмо японскому императору. Мы отнюдь не думаемъ сожалѣть о томъ, что японское правительство по поводу этихъ дикихъ дѣйствій буйныхъ своихъ сосѣдей не сочло нужнымъ пролить новыя рѣки крови. Мы просто указываемъ на него, какъ на симптомъ. Корейскія своеволія, конечно, не меньше взволновали японскую шляхту, чѣмъ недавніе подвиги бутонцевъ, и если правительство на этотъ разъ воздержалось *quand-meme* отъ отравленія туда своихъ солдатъ, то только потому, что слишкомъ хорошо предвидѣло тотъ близкій моментъ, когда эти солдаты понадобятся ему у себя дома. Впрочемъ, здѣсь удобнѣе чѣмъ гдѣ-либо можно примѣнить извѣстную поговорку: „нѣтъ худа безъ добра“. Невозможность японскаго правительства при настоящемъ внутреннемъ положеніи страны объявить корейцамъ войну, привела къ тому, что дѣло рѣшилось мирнымъ путемъ къ обоюдному удовольствію. Благодаря настойчивости іедоскаго кабинета, корейцы заключили съ японцами торговый договоръ, по которому не только японскія суда могутъ безпрепятственно плавать въ корейскихъ водахъ, но и старая японская факторія на корейскомъ островкѣ Фу-санъ-ко возстановлена во всемъ своемъ прѣжнемъ блескѣ. Такимъ образомъ доступность Кореи чужеземцамъ, которой такъ долго и совершенно напрасно добивались Соединенные Штаты и Франція, достигнута

Японію безъ всякаго кровопролитія. Теперь уже отъ соглашенія иностранныхъ державъ съ одною только Японію зависить возможность и для европейскихъ купцовъ проникать въ эту заповѣдную страну, въ которую они уже такъ давно и бесплодно стремятся.

Мы не побоялись вдаться здѣсь въ нѣкоторыя подробности современнаго политическаго и общественнаго состоянія Японіи, во-первыхъ, потому, что подробности эти сами по себѣ кажутся намъ довольно новы и интересны, во-вторыхъ, потому, что только такими подробностями и можно вывести читателей изъ избитой колеи пошленькаго сочувствія къ цивилизаціоннымъ стремленіямъ этого замѣчательнаго народа. Послѣ всего сказаннаго на этихъ страницахъ, едва-ли есть еще надобность распространяться о томъ, что возрожденіе, или, точнѣе говоря, приобщеніе къ международной цивилизаціи съ ея свѣтлыми и мрачными сторонами, — является въ Японіи не плодомъ какого-бы то ни было произвола или скоропременной исторической случайности, а есть неотразимый результатъ самой японской жизни. Не принимая на себя роль политическаго пророка, можно, однакожь, съ полною увѣренностью сказать, что возвращеніе вспять съ прогрессивнаго пути для Японіи органически невозможно. Путь этотъ тернистъ, къ тому-же лицемѣрная политика иностранныхъ державъ съ одной стороны и властолюбіе ея собственныхъ правительственныхъ кружковъ съ другой — поставили дѣло японскаго развитія въ такую колею, въ которой дальнѣйшее его поступательное движеніе не можетъ обойтись безъ толчковъ и потрясеній, можетъ быть, даже и очень чувствительныхъ. Но мы уже видѣли, что въ Японіи эти иностранныя государства имѣютъ дѣло не съ массою дикарей, дѣтски прельщенныхъ блестящими побрякушками цивилизаціи, а съ націею глубоко культурною и очень хорошо сознающею свои требованія, которыя она вправѣ предъявить этой непрошено, но все-же очень встать предложенной ей экзотической цивилизаціи. Точно также и японское правительство имѣетъ дѣло не съ табуннымъ сбродомъ рабовъ, а съ народомъ, склоннымъ и готовымъ относиться весьма разборчиво къ его сомнительнымъ благодѣяніямъ.

Нельзя не замѣтить, что Японія выступаетъ на поприще меж-

дународной цивилизаціи съ такими благоприятными antecedентами, которыми могутъ позавидовать многіе изъ ея европейскихъ соперниковъ. Природныя свойства японскаго ума, его сангвиническая восприимчивость и подвижность — напоминаютъ южныхъ итальянцевъ; но вмѣсто классической лѣни и грязи неаполитанскихъ лазарони, вы здѣсь на каждомъ шагѣ встрѣчаете образцовую чистоту и промышленную дѣятельность, наводняющую въ настоящее время европейскіе рынки несмѣтнымъ количествомъ изящныхъ бездѣлушекъ, успѣшно выдерживающихъ конкуренцію даже съ европейскимъ машиннымъ производствомъ. Въ умственномъ отношеніи контрастъ еще болѣе разителенъ. Сверхъестественное и фантастическое давно уже перестало играть сколько-нибудь существенную роль въ народномъ міросозерцаніи японцевъ. Ихъ многочисленныя буддійскіе святые и синтоистскіе духи (ками) давно уже перестали быть предметомъ вѣры даже для низшихъ классовъ народонаселенія, а стали героями дѣтскихъ сказокъ, преимущественно юмористическаго содержанія. Въ видѣ образчика приведу здѣсь одну изъ нихъ, со словъ моей кухарки, — совершенно необразованной женщины, — поучавшей или забавлявшей своего шестилѣтняго ребенка.

„На высокой долинѣ небесъ засѣдали боги и пьянствовали. Всѣхъ больше блистала красотой и богатою одеждою Бентенъ, морская богиня. Пришелъ богъ бѣдности, Бимбо-ками, и сталъ молить прекрасную Бентенъ: „Я добрый богъ—всѣмъ я доволенъ, только ужъ очень я бѣденъ. Нѣтъ у меня ни денегъ, ни рису. Животъ у меня пухнетъ отъ голоду и ноги исхудали, какъ спички. Дайте мнѣ немного вашихъ богатствъ, а не то приходится пропадать!“

— „Охота вамъ обращаться къ такой пустой богинѣ, которая о себѣ только и думаетъ, замѣтила гордая богиня Каннонъ, святая ученица великаго Будды:— вотъ если-бы вы обратились ко мнѣ, то я непременно исполнила-бы вашу просьбу.“

— „Ахъ вы, негодница! Какъ вы смѣете отбивать у меня поклонниковъ! закричала въ ярости морская богиня и пустила чашкою въ голову гордой соперницы.“

„Богини и боги передрались, подняли такой шумъ и гвалтъ, что на землѣ темно стало. Тогда Тарано-сука, сторожъ храма Аса-куса въ Іедо, подкрался къ нимъ сзади на цыпочкахъ и за-

кричалъ: у-у-у! Боги перепугались, разбѣжались, и съ тѣхъ поръ о нихъ ничего болѣе не слышно.“

При такомъ религіозномъ настроеніи, попытки правительства создать изъ синтоизма привилегированную государственную религію, конечно, не могутъ привести ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ. Что-же касается религій, имѣющихъ іерархически-организованное духовное сословіе, то ни одна изъ нихъ не можетъ рассчитывать на содѣйствіе или сочувствіе японскаго правительства, извѣдавши горькимъ и кровавымъ опытомъ своей средневѣковой исторіи всю опасность подобныхъ учреждений. Въ тѣ недавнія, но уже отжившія времена, когда японцы еще наивно вѣрили, будто у ихъ западныхъ просвѣтителей всѣ общественные вопросы нашли уже себѣ удовлетворительное, разумное рѣшеніе, особая миссія была послана въ Америку и Европу для изученія рациональной религіи Запада. Парижскій профессоръ Л. де-Рони (Léon de Rosny) съ большимъ юморомъ рассказываетъ въ одномъ изъ №№ „Revue Scientifique“ за 1875 годъ о посѣщеніи его этими японскими аргонавтами въ поискахъ за наилучшею изъ религій, настойчиво просившими, чтобы онъ свелъ ихъ въ храмы Вольтера, Ньютона и др. и познакомилъ-бы ихъ съ жрецами этихъ культовъ.

Въ крестьянскомъ народонаселеніи Японіи, правда, еще уцѣлѣли нѣкоторые суевѣрные обряды, но это еще не создаетъ нравственной или умственной пропасти между ними и крестьянствомъ даже передовыхъ европейскихъ странъ. Но образованные классы японскаго общества вѣками конфуціевскаго рационализма приучены къ тонкому логическому анализу и хотя неудовлетворительной, но чуждой всякаго мистицизма метафизикѣ, которая цѣнитъ одинъ только „путь“. Опредѣлить этотъ путь я не могу лучше, какъ приведу слѣдующій основной догматъ конфуціанства.

„Эманация небесъ есть *природа*. Слѣдовать природѣ—это составляетъ *путь*. Дисциплинировать путь—это составляетъ *ученіе*. Путь долженъ быть таковъ, чтобы отъ него не было уклоненій ни на волосъ. Путь, допускающій отъ себя уклоненія, не есть истинный путь.“

Уже изъ этихъ немногихъ строкъ видно, что Конфуціево ученіе не налагало на умы своихъ послѣдователей никакихъ нерас-

торжанныхъ узъ или оковъ. Въ его средствахъ „дисциплинировать путь“ не доставало столь существеннаго и мощнаго орудія, какъ математика вообще, а особенно какъ наши алгебраическіе приемы. Японцы очень хорошо уже сознаютъ теперь этотъ существенный пробѣлъ, и можно только удивляться энергіи и умѣнью, съ которыми они принялись за исполненіе его. Когда возмужаетъ здѣсь поколѣніе, воспитанное на новыхъ началахъ и съ дѣтства освоенное съ техническими и умозрительными богатствами западной цивилизаціи, тогда только обнаружится истинная способность японцевъ внести свой новый вкладъ въ эту всемірную сокровищницу. Въ настоящее-же время одно ихъ умѣнье черпать изъ нея все лучше, не утрачивая передъ лицомъ ея своей національной самостоятельности и не прельщаясь ея мишурной стороною, ставить ихъ уже неизмѣримо выше всѣхъ остальныхъ ихъ многочисленныхъ монгольскихъ и полинезійскихъ родичей, такъ-какъ новѣйшія изслѣдованія японской національности не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ того, что она въ антропологическомъ отношеніи составляетъ промежуточное звено этихъ двухъ большихъ отдѣловъ современнаго человѣчества.

Л. Мечниковъ.

РЕНЕГАТЪ.

Предъ фанатичною ордою
Солдатъ турецкихъ, на конѣ,
Съ поникшей въ думахъ головою,
Онъ подвѣзжалъ къ родной странѣ...

Вотъ горь знакомые извивы
На фонѣ голубыхъ небесъ,
Вотъ съ дѣтства памятные нивы
И дорогой дремучій лѣсъ.
Здѣсь все давно ему знакомо
И снова, какъ въ былые дни,
Онъ сознаетъ, что здѣсь онъ дома,
Что это все ему сродни,—
Сродни ему, хоть съ колыбели
Онъ не знавалъ родной семьи
И ласки матери не грѣли
Его младенческой души.
Но если онъ и былъ въ тѣ годы
Чужимъ для всѣхъ, то не чужимъ
Былъ бѣдный мальчикъ для природы,
Всѣхъ солнцемъ грѣющей однимъ.
Во дни невгодъ, во дни мученья
На эту землю падалъ онъ—
И шумъ лѣсной и птичье пѣнье
На душу навѣвали сонъ.
А этотъ храмъ, какъ стражъ маститый,
Стоящій мирно предъ селомъ,—
Храмъ, гдѣ стоялъ народъ забытый
Въ слезахъ предъ божьимъ алтаремъ,
Гдѣ люди бились и рыдали,
Гдѣ смутно чуялъ мальчуганъ,
Что скорби общія сродняли

Его съ толпой односельчанъ,
Гдѣ онъ узналъ впервые въ жизни,
Что нѣтъ чужихъ, что нѣтъ сиротъ
У бѣдной матери-отчизны
И у тебя, отецъ-народъ...

Какъ долго, брошенный случайно
Въ Стамбуль роскошный съ дѣтскихъ лѣтъ,
Бѣднякъ, оплакивалъ онъ тайно
Страну гоненій, мукъ и бѣдъ!
Его—по лѣтамъ мальчугана,
По скорбнымъ думамъ старика—
Въ завидной долѣ ичоглана
Душила страшная тоска.
Его не радовало море
Немолчнымъ пѣньемъ волнъ своихъ,
И сколько разъ въ порывѣ горя
На вѣкъ уснуть хотѣлъ онъ въ нихъ.
Его не увлекли проказы
Дѣтей-товарищей и онъ
Угрюмо слушалъ ихъ рассказы,
Фантазій полные, какъ сонъ.
Его не тѣшилъ голосъ сладкій
Султанши, въ тишинѣ садовъ
Раздувшій въ мальчикѣ украдкой
Уже не дѣтскую любовь.
Какія вынесъ онъ терзанья,
Когда заставили его
Угрозы, ласки, обѣщанья
Забыть про Бога своего.
Въ тѣ дни какой-то бѣсъ лукавый
Шепталъ ему, что онъ спасеть,
Добившись почестей и славы,
Свой изстрадавшійся народъ;
Что онъ упорствомъ только сгубить
Задаромъ жизнь среди враговъ;
Что только тотъ отчизну любить,
Кто душу ей отдать готовъ.
Онъ въ этотъ голосъ тайный вѣрилъ
И, мальчикъ, самъ не сознавалъ,
Какъ самъ съ собой онъ лицемѣрилъ,

Какъ предъ самимъ собою лгалъ.
 Но, несмотря на думы эти,
 Въ его глазахъ стоялъ туманъ,
 Когда, бывало, изъ мечети
 Онъ шелъ съ толпою мусульманъ.
 Къ себѣ презрѣнiе онъ видѣлъ
 Въ глазахъ у всѣхъ и сознавалъ,
 Что онъ весь мiръ возненавидѣлъ
 И что себя онъ презиралъ.
 А грезы свѣтлыя о счастья
 Родной страны? Свидѣтель Богъ,
 Въ немъ не погасло къ ней участие,—
 Но какъ-же ей помочь онъ могъ?
 Онъ замѣчать сталъ не безъ страха,
 Какъ съ недоувѣремъ роковымъ
 Сыны суровые Аллаха
 Слѣдятъ предательски за нимъ.
 Читалъ онъ ясно въ каждомъ взглядѣ
 Одну и ту-же мысль не разъ:
 „Онъ перешелъ къ намъ выгодъ ради;
 Онъ ради выгодъ броситъ насъ.“
 Когда-жь его бывше братья
 Возстали, мрачно слушалъ онъ,
 Какъ посылались имъ проклятья
 Вокругъ него со всѣхъ сторонъ.
 Не смѣлъ за нихъ онъ заступиться.
 Нѣтъ, онъ съ толпою мусульманъ
 Въ мечети долженъ былъ молиться
 Объ истребленнiи христіанъ.

Была минута—въ немъ мелькнула
 Внезапно мысль: „бѣжать скорѣй
 Изъ ненавистнаго Стамбула
 На помощь родинѣ моей!“
 Бѣжать? Но что-же тамъ онъ встрѣтитъ?
 Чѣмъ грѣхъ проклятый объяснить?
 Чѣмъ укоризнамъ злымъ отвѣтитъ?
 Чѣмъ гнѣвъ народный укротитъ?
 Онъ заслужилъ тамъ градъ проклятій,
 Тамъ всѣ отхлынуть отъ него,
 Боясь, что онъ продастъ собратій,

Продавши Бога своего.
 Нѣтъ! здѣсь, пока онъ лицемѣрить,
 Онъ можетъ жить еще,—а тамъ
 Никто изъ ближнихъ не повѣритъ
 Его завѣтнѣйшимъ мольбамъ,
 И, сознавая молчаливо,
 Что чуждъ онъ родинѣ своей,
 Въ какомъ-то бѣшенномъ порывѣ
 Онъ посылалъ проклятья ей.
 Угрюмо, злобно и строптиво
 Встрѣчать онъ началъ каждый взглядъ,
 Какъ-будто въ этихъ взглядахъ живо
 Читалъ онъ слово: „ренегатъ“ ...

И вотъ теперь онъ ѣдетъ снова
 Въ давно забытые края
 Передъ толпой солдатъ, сурово
 Идущихъ по стопамъ вождя.
 Онъ ѣдетъ медленно, безмолвно,
 Уставивъ изподлобья взглядъ
 Куда-то въ даль, и точно волны
 Въ мозгу встревоженномъ шумять.
 Предъ нимъ лежатъ здѣсь двѣ дороги:
 Одна изъ нихъ въ село лежитъ,
 Передъ которымъ храмъ убогій,
 Какъ стражъ, по-прежнему стоитъ;
 Другая тянется налѣво,
 Гдѣ подъ болотами земля
 Вполнѣ негодна для посѣва,
 Вполнѣ негодна для жилья.
 Куда-жь идти? Свернуть-ли круто
 Прочь отъ родимаго села
 Иль взять его? Еще минута—
 И тамъ погибнетъ все до тла,—
 Все, что любилъ онъ мальчуганомъ,
 О чемъ такъ горько онъ рыдалъ,
 Когда любимымъ ичогланомъ
 Его гаремъ уже считалъ.
 Онъ повернулъ коня налѣво...
 Но чу! среди его солдатъ
 Пронесся ропотъ, полный гнѣва,—

И дрогнуль въ страхѣ ренегатъ.
 Онъ понялъ все въ одно мгновенье:
 Имъ нужны жертвы и грабежъ,
 И тотъ, кто сдержитъ ихъ стремленье,
 Подставитъ голову подъ ножъ.
 Пастъ? За кого-же? За собратій,
 Его считающихъ врагомъ,
 Чтобы они среди проклятій
 Сказали: „паль онъ по-дѣломъ!“
 И развѣ смерть его положить
 Конецъ злодѣйствамъ? Утолить
 Своею кровью онъ не можетъ
 Въ сердцахъ жестокихъ жажду мстить.
 Нѣтъ! Лишней жертвой этой жажды
 Безъ пользы явится онъ самъ
 И только проклятъ будетъ дважды,
 Какъ измѣнившій двумъ богамъ.
 И что за глупое волненье
 Имъ овладѣло? Развѣ онъ
 Не предалъ этотъ край забвенью,
 Какъ въ дѣтствѣ видѣнный имъ сонъ?..

Коня сдержавши на мгновенье,
 Поворотивъ къ полкамъ лицо,
 Онъ указалъ имъ на селенье
 И гнѣвно крикнулъ: „Выжечь все!“

А. Михайловъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„УРАВНОВѢШЕННЫЯ ДУШИ“.

(„Новь“. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе Ивана Тургенева. „Вѣстникъ Европы“, январь, февраль 1877 года.)

I.

Задолго, чуть не за нѣсколько лѣтъ до появленія „Нови“ на страницахъ „Вѣстника Европы“, въ обществѣ и литературѣ ходили слухи (поддерживаемые устными и печатными заявленіями самого Тургенева), что скоро должно произойти великое литературное событіе, что нашъ „великій художникъ“, живописавшій представителей поколѣнія 40-хъ и 60-хъ годовъ, приступилъ къ изображанію представителей венгеровскаго поколѣнія,—поколѣнія 70-хъ годовъ. Тургеневъ пишетъ новый большой романъ, долженствующій затмить славу его „Рудина“, „Наканунъ“, „Отцовъ и дѣтей“; Тургеневъ беретъ назадъ свое „Довольно“ и снова выступаетъ въ качествѣ художника-мыслителя, глашатая и истолкователя нашихъ сомнѣній и колебаній, надеждъ и чаяній, однимъ словомъ передовыхъ стремленій общества!..

Было отчего взволноваться и вспылать нетерпѣливымъ ожиданіемъ людямъ, которымъ вообще нечего было ждать и нечего было дѣлать. „Что-то онъ скажетъ? Какъ-то онъ ихъ опишетъ? Отдѣляетъ или нѣтъ? Прелюбопытно знать! Ахъ, скорѣй-бы, скорѣй-бы!“

Рецензенты и критики заранѣе съ восторгомъ потирали себѣ руки: „То-то будетъ намъ работа! Теперь просто и писать не знаешь

о чемъ! Анна Каренина, да Анна Каренина, да опять Анна Каренина—оскомину набьешь! Ахъ, скорѣй-бы, скорѣй-бы!..“

Литературныя ищйки, сгорая нетерпѣніемъ, пробрались даже въ Спаское-Лутовиново (россійскую резиденцію его беллетристическаго превосходительства), развѣдали подробности частной жизни „Ивана Сергѣевича“ (какъ они его фамиллярно называли въ своихъ донесеніяхъ въ господину Федору Баймакову, несидѣвшему еще тогда въ Тарасовѣ) и черезъ посредство „достоверныхъ людей“, господина главнаго камердинера и господина кучера вполне удостовѣрились, что „баринъ“ дѣйствительно пишетъ большой романъ и что въ этомъ большомъ романѣ будутъ выведены „новые люди“. Отъ тѣхъ-же „заслуживающихъ полного довѣрія“ свидѣтелей съищики узнали, что, по мнѣнію барина, эти „новые люди“—величайшая мелюзга и что поэтому никакихъ героевъ въ романѣ не будетъ. Свѣденія эти, опубликованныя банкирскою конторою Баймакова, пріободрили литературныхъ Коломѣйцовыхъ „Голоса“ и его единомышленниковъ. „Наконецъ-то, возвѣстили они,—мы услышимъ „новое“, давно-жданное „слово“, нелицепріятный судъ надъ нашимъ общественнымъ прогрессомъ за послѣднія 15-ть лѣтъ. Базаровы сошли со сцены, кто занялъ ихъ мѣсто, во что они выродились? Ушли-ли мы впередъ или подвинулись назадъ? Великій художникъ отвѣтитъ намъ на эти вопросы“.

Литературныя Паклины „Недѣли“, постоянно плачущіеся на упадокъ критики, поспѣшили и по этому случаю пролить нѣсколько слезъ: „готовится великое литературное событіе, всхлипывали они,—но кто-же изъ современныхъ критиковъ и рецензентовъ въ состояніи будетъ оцѣнить его по достоинству? Бѣдная литература! Бѣдная критика! Горе намъ, горе!“ Паклины, съ свойственной имъ скромностью, забыли при этомъ даже, о самихъ себѣ.

Но въ то время, какъ Паклины горевали, гг. Сипягины, въ лицѣ „Вѣстника Европы“, торжествовали; драгоцѣнная рукопись была въ ихъ рукахъ и передъ самымъ началомъ подписки на 1877 годъ они могли уже торжественно заявить, что великое событіе имѣетъ совершиться въ скоромъ времени, что съ января будущаго 1877 года на страницахъ ихъ достопочтеннаго журнала начнется печатаніе новаго романа И. С. Тургенева, озаглавленнаго авторомъ „Новъ“, съ эпитафюмъ: „Поднимать слѣдуетъ новъ не поверхностно скользящей сохою, но глубоко забирающимъ плугомъ“.

Эпитафюмъ казался особенно пикантнымъ и потому его стара-

лись выдвинуть на первый планъ. Дѣйствительно, онъ многихъ заинтриговалъ и въ значительной степени усилилъ нетерпѣніе ожидавшихъ и чаявшихъ... „новаго слова“.

И вотъ это „новое слово“ сказано. Оправдало-ли оно тѣ ожиданія и чаянія, которыя на него возлагались?

Первая часть романа, судя по газетнымъ рецензіямъ и „уличнымъ“ толкамъ, произвела, повидимому, впечатлѣніе, не особенно лестное для автора. Литературные Коломѣйцовы „Голоса“, до сихъ поръ подобострастно расшаркивавшіеся передъ „великимъ художникомъ“, изобразили на своемъ хамелеоновскомъ лицѣ гримасу пренебрежительнаго сожалѣнія. „Вотъ оно что, воскликнули они;—это совсѣмъ даже недостойно Тургенева! Это—не болѣе, какъ „зады“ передоваго когда-то учителя, повторяемые съ примѣсью какой-то старческой, порою нѣсколько утомляющей брюзливости“. „Тургеневъ, такъ постоянно отличавшійся своею чуткостью въ распознаваніи злобы дня и нарождающихся измѣненій въ общественномъ темпераментѣ, не попалъ въ жилку на этотъ разъ“. „Подпольные герои „Нови“ не возбуждаютъ къ себѣ никакого художественнаго сочувствія, если исключить типъ купца-нигилиста Голушкина... (браво! вотъ что, значить, „рыбакъ рыбака видитъ издалека!“) „Вѣсы“ Достоевскаго и „Некуда“ г. Лѣскова куда выше въ этомъ отношеніи „Нови“. Но особенно вознегодовалъ „Голосъ“ на Тургенева за его отношеніе къ Коломѣйцову. „Это совсѣмъ даже не характеръ, даже не живой образъ, а весьма сомнительнаго свойства шаржъ, который странно встрѣтить на страницахъ серьезнаго произведенія“ (а отчего-же Голушкинъ, которымъ вы такъ восхищаетесь—не шаржъ, и отчего этотъ шаржъ вамъ нисколько не странно, а, напротивъ, очень даже пріятно „встрѣтить на страницахъ серьезнаго произведенія“? О, Коломѣйцовы, Коломѣйцовы, какъ вы всегда неловко сами себя выдаете!) Г. Тургеневъ, витійствуютъ дальше наши Коломѣйцовы, „очевидно, за что-то злится на насъ и эта злоба увлекаетъ его за предѣлы всякой художественной и даже общественной правды“. „И съ чѣмъ это сообразно, чтобы Коломѣйцовъ могъ быть употребленъ на ловленіе раскольниковъ архіереевъ за клобукъ, когда всѣмъ извѣстно, что преслѣдованіе раскольниковъ прекратилось съ началомъ нынѣшняго царствованія?“ (!?)

Сипягинымъ тоже остались недовольны и тоже нашли, что это совсѣмъ не „живое лицо“ и что подобныхъ шаблонныхъ саванниковъ „способенъ всякій нарисовать, начиная съ Авсѣнко и кончая княземъ Мещерскимъ“.

Однако, князь Мещерскій тоже не одобрилъ Сипягина и тоже

нашелъ, что Коломѣйцовъ—шаржъ. Вообще, „новый романъ Тургенева, по мнѣнію его сіятельства, не удовлетворилъ ничьихъ ожиданій, изъ рукъ вонъ плохъ; даже удивительно, какъ это Тургеневъ, написавшій „Отцовъ и дѣтей“, могъ написать такую плохую вещь?“ Впрочемъ, князь удивляется только для виду, въ сущности-же онъ очень хорошо знаетъ, что иначе и быть не могло. Во-первыхъ, тему авторъ взялъ преглупую: „нигилисты“; но кто-же теперь думаетъ о нигилистахъ (князь, очевидно, забываетъ то, о чемъ онъ самъ постоянно думаетъ)? „Они надоѣли всѣмъ и въ литературѣ, и въ дѣйствительности“. Во-вторыхъ, къ этой глупой темѣ авторъ отнесся самымъ глупѣйшимъ образомъ: на старости лѣтъ онъ вздумалъ кокетничать и расшаркиваться съ людьми, долженствующими возбуждать въ душѣ всякаго истиннаго „гражданина“ лишь чувство негодованія и презрѣнія.

Въ такомъ-же или почти въ такомъ-же духѣ высказались и прочіе органы Мещерско-Краевского толка. Тургеневъ, по ихъ отзывамъ, хотя и не падить, но все-таки какъ-будто симпатизируетъ новымъ и подроставшимъ представителямъ общества, и крайне пристрастно, съ совсѣмъ „нехудожественнымъ озлобленіемъ“ относится къ элементамъ старымъ и отживающимъ, къ такимъ, во всякомъ случаѣ, почтеннымъ господамъ, какъ Сипягины и Коломѣйцовы.

На органы съ отѣнкомъ „свободомыслія“ (хотя-бы на нижнихъ своихъ столбцахъ), вродѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „Новаго Времени“ и „Недѣли“, „Новь“ произвела нѣсколько иное, хотя и не менѣе смутное впечатлѣніе. Газета г. Полетики скромно заявила, что пока она еще ничего въ романѣ не понимаетъ и мнѣнія о немъ никакого не имѣетъ. „Сипягинъ стереотипенъ и баналенъ, Коломѣйцовъ—шаржированъ, Неждановъ и Соломинъ—личности столь неопредѣленно-обрисованныя, что о нихъ ничего положительнаго сказать нельзя. Голушкинъ-же—это чистая карикатура, до крайности смахивающая не то на „Взбаломученное море“ Писемскаго, не то на „Некуда“ Стебницкаго“.

Напротивъ, „Новое Время“ нашло, что „личности, выступающія въ разсказѣ, обрисованы мастерски немногими крупными штрихами и, несмотря на отсутствіе столь любимаго многими психологическаго анализа, выступаютъ живыми людьми; можно сочувствовать имъ, жалѣть ихъ, или ужь отнестись къ нимъ иначе (какъ это тонко и политично выражено: истинные Талейраны!), но правда, живая правда, безъ всякихъ риторическихъ прикрасъ, охватываетъ васъ и увлекаетъ въ этотъ жизненный потокъ!“

Рецензентъ „Недѣли“, тотъ самый рецензентъ, который сожа-

лѣль, что въ нашей журналистикѣ не найдется, по всей вѣроятности, критика, способнаго оцѣнить новое произведеніе Тургенева по достоинству,—этотъ рецензентъ, какъ и слѣдовало ожидать, выражаетъ свое полное одобреніе и сочувствіе тургеневскому роману. „Честъ и слава, восклицаетъ онъ, — свѣтлому таланту Тургенева и дай Богъ добраго успѣха его новому роману, насквозь проникнутому теплой, отеческой любовью къ молодому поколѣнію!“ Не видно, впрочемъ; на чемъ основываетъ авторъ свое заключеніе „о теплой, отеческой любви“. Во всемъ романѣ онъ видитъ „единственно сколько-нибудь отрадный образъ—это образъ героини романа Маріанны“. Въ описаніи остальныхъ героевъ романа „Нови“ онъ замѣчаетъ у автора „тѣ-же приемы, съ которыми пріобыкли подходить къ изображенію ихъ всѣ изобразители „нигилистокъ“, начиная съ Стебницкаго и кончая княземъ Мещерскимъ“. „Второстепенныя личности романа, изъ новыхъ типовъ молодежи, очерчены пока совершенно внѣшнимъ образомъ“. „Въ романѣ... все еще чего-то недостаетъ... не вытанцовывается... картина слишкомъ блѣдна“. „Есть основаніе опасаться, что сторона наиболѣе жгучихъ вопросовъ и до конца останется у художника въ тѣни... потому что онъ незнакомъ и не можетъ быть близко знакомъ съ этою таинственною (?) стороною дѣла“.

Вообще, по мнѣнію рецензента, новый романъ Тургенева долженъ будетъ произвести на „новъ“ „впечатлѣніе тяжелое, грустное, томительное“, что, однакожь, не помѣшаетъ ему (т. е. впечатлѣнію) быть „благотворнымъ, отрезвляющимъ, но неубивающимъ ничего хорошаго“.

Въ виду этой удивительной и совершенно даже непонятной странности впечатлѣнія „Нови“ на „новъ“, рецензентъ полагаетъ, что романъ возбудитъ со стороны послѣдней протестъ. При этомъ, съ пророческимъ предвидѣніемъ, онъ утверждаетъ, что „Дѣло“ непременно будетъ его ругать, и на поприщѣ ругани постарается даже превзойти „Русскій Вѣстникъ“.

II.

Увы, какъ намъ ни прискорбно разочаровывать „провинціального читателя“ „Недѣли“, но мы позволимъ себѣ замѣтить, что

на этотъ разъ его предвидѣніе относительно насъ обмануло его, точно также, какъ онъ, по всей вѣроятности, обманулся и въ оцѣнкѣ того впечатлѣнія, которое „Новъ“ будто-бы должна произвести на „новъ“. Мы, съ своей стороны, думаемъ, что послѣдняя не имѣетъ ни малѣйшаго резона ни протестовать противъ Тургенева, ни испытывать при чтеніи его романа тѣхъ ощущеній. тяжелыхъ, грустныхъ, томительныхъ, отрезвляющихъ и т. п., о которыхъ говоритъ рецензентъ. „Новъ“. т. е. собственно та часть ея, которая выведена въ романѣ въ лицѣ Остродумова, Машуриной, Маркелова, если хотите, Голушкина, можетъ отнестись къ новому произведенію Тургенева съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и, во всякомъ случаѣ, съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ; ей нечего ни волноваться, ни обижаться, ни восторгаться,—нечего по той весьма простой причинѣ, что романъ серьезно не касается ея, по крайней мѣрѣ, не въ ней главная задача романиста. Остродумовы, Машурины и проч. играютъ въ немъ роль аксессуаровъ, декорацій, и притомъ аксессуаровъ и декорацій совершенно ненужныхъ. Выкиньте ихъ—и романъ не только отъ этого нисколько не пострадаетъ, но даже выиграетъ,—выиграетъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ чисто-художественномъ. Съ главными дѣйствующими лицами, съ его дѣйствительными героями, они не имѣютъ никакой внутренней, органической связи; чтобы какъ-нибудь столкнуть ихъ воедино, автору понадобилась какая-то таинственная, невидимая сила въ лицѣ вѣкоаго Василя Николаевича. Василій Николаевичъ не выходитъ изъ-за кулисъ; для читателя, да, кажется, и для самого автора это существо не только безформенное, но и безсодержательное, „звукъ пустой“ и ничего болѣе. Вводитъ въ романъ въ качествѣ „дѣйствующаго лица“ одни только собственные имена, и притомъ имена, съ которыми даже въ умѣ настоящихъ дѣйствующихъ лицъ не соединяются никакія сколько-нибудь опредѣленныя представленія, это пріемъ,—какъ всякій согласится,—въ высшей степени искусственный, и если авторъ рѣшился къ нему прибѣгнуть, то это лучше всего показываетъ, что даже самъ онъ не видитъ никакой реальной, никакой естественной связи между своими героями и окружающими ихъ „аксессуарами“. Отсюда само собою понятно, почему онъ не счелъ нужнымъ останавливаться на нихъ, удостоивать ихъ своимъ особеннымъ вниманіемъ. Когда въ театрѣ съ ограниченою труппою ставится пьеса, требующая значительнаго числа актеровъ-статистовъ, то антрепренеръ, не стѣняясь, обращается обыкновенно съ просьбою къ первому встрѣчному, не согласится ли онъ принять участіе въ представленіи и постоять нѣсколько ми-

нута на театральныхъ подмосткахъ. Такъ точно поступилъ и Тургеневъ; ему понадобилось нѣсколько статистовъ; создавать для такой незавидной роли цѣльные, живые характеры, „художественные образы“ и т. п.—не стоило труда. Гораздо проще было или позаимствоваться уже готовыми образами изъ многочисленной, хотя и весьма однообразной коллекции, собранной трудами Лѣскова, Писемскаго, Достоевскаго и т. п., или просто взять „перваго встрѣчнаго“, подходящаго по „внѣшнему виду“ къ той толпѣ, съ которой онъ долженъ позировать, втащить его на сцену, сунуть въ какой-нибудь укромный, плохо-освѣщенный уголокъ — и дѣло въ шляпѣ.

Зачѣмъ понадобились автору „Нови“ эти статисты, эти случайные актеры, никогда себя неготовившіе къ этой роли, никогда не претендовавшіе фигурировать въ качествѣ „типовъ“, „представителей“ и т. п., зачѣмъ понадобились ему эти Остроумовы, Маркеловы, Машурины и другіе, на-удачу, на скорую руку, безъ всякаго выбора выхваченные изъ пестрой толпы, взятые прямо съ улицы?

Вопросъ этотъ, быть можетъ, и не лишенъ нѣкотораго интереса, но заниматься имъ мы здѣсь не станемъ. Впрочемъ, немножко подумавъ, читатель, вѣроятно, и безъ нашего подсказыванія съумѣетъ разрѣшить его. Для насъ теперь важно установить лишь тотъ фактъ, что тѣ „дѣйствующія“, или, выражаясь точнѣе, „фигурирующія“ въ романѣ лица, которыхъ „Голосъ“, съ свойственнымъ ему остроуміемъ, называетъ „подпольными героями“,—что эти лица не играютъ въ немъ никакой активной роли, что они введены въ него совершенно эпизодически, въ качествѣ простыхъ „статистовъ“, и не имѣютъ никакого существеннаго отношенія къ главнымъ героямъ; что самъ авторъ смотритъ на нихъ только какъ на аксесуары, что это не типы, а случайныя единицы, — единицы, на-столько же характеризующія среду, изъ которой онѣ взяты, на-сколько Фомушка съ Фимушкой характеризуютъ среду старозавѣтныхъ помѣщиковъ.

Всякій согласится, что тотъ критикъ не обнаружитъ большой проницательности, который вздумаетъ, напр., для оцѣнки достоинствъ и недостатковъ „Нови“ пускаться въ оцѣнку характеровъ Фомушки съ Фимушкой. Едва-ли больше выкажетъ онъ проницательности и въ томъ случаѣ, когда приметъ за критерій для оцѣнки „Нови“ Остроумовыхъ, Маркеловыхъ, Машуриныхъ и т. п.

Еще до появленія второй части романа нѣкоторые рецензенты могли сомнѣваться насчетъ той роли, которую будутъ въ немъ

играть „подпольные герои“: тогда еще они, пожалуй, имѣли нѣкоторое основаніе опасаться, какъ-бы этихъ героевъ авторъ не пріобщилъ къ „нови“. Но теперь, когда конецъ романа передъ нами, никакія подобныя сомнѣнія и опасенія не могутъ имѣть болѣе мѣста. Самъ авторъ устами „резонера“ романа, Паклина, старается разсвѣять всякія на этотъ счетъ недоразумѣнія. Онъ категорически заявляетъ, что всѣ его симпатіи на сторонѣ механика Соломина, что въ немъ, и только въ немъ одномъ, онъ и видитъ настоящую новь. „Такіе, какъ онъ, — они-то вотъ и суть настоящіе, говоритъ отъ его лица Паклинъ.—Ихъ сразу не раскусишь, а они настоящіе, повѣрьте, и будущее имъ принадлежитъ. Это не герои, это даже не тѣ „герои труда“, о которыхъ какой-то чуждакъ-американецъ или англичанинъ написалъ книгу для назиданія насъ убогихъ; это—крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. Теперь только такихъ и нужно. Вы посмотрите на Соломина: уменъ, какъ день (?), и здоровъ, какъ рыба... Какъ-же не чудо! Вѣдь у насъ до сихъ поръ на Руси какъ было: коли ты живой человѣкъ, съ чувствомъ, сознаниемъ — такъ непременно ты больной! А у Соломина сердце-то, пожалуй, тѣмъ-же болѣетъ, чѣмъ и наше, и ненавидитъ онъ то-же, что мы ненавидимъ, да нервы у него молчатъ и все тѣло повинуется какъ слѣдуетъ... значить молодецъ! Помилуйте, человѣкъ съ идеаломъ и безъ фразы, образованный и изъ народа, простакъ и себѣ-на-умѣ... Какого вамъ еще надо?“ — „И вы не глядите на то, что у насъ теперь на Руси всякій водится народъ: и славянофилы, и чиновники, и простые, и махровые генералы, и эпикурейцы, и подражатели, и чудаки... не глядите на все это... а знайте, что настоящая, исконная наша дорога тамъ, гдѣ Соломины, сѣрые, простые, хитрые Соломины!“ (стр. 579.)

Самъ авторъ называетъ своего героя человѣкомъ съ „уравновѣшенной душой“ (стр. 523.) „Уравновѣшенная душа“—это и есть „новъ“. Такъ-ли это? Это-ли „новъ“ настоящая, реальная, дѣйствительная? И если это, въ самомъ дѣлѣ, „новъ“, то какія причины обусловили ея существованіе въ настоящемъ и что сулитъ она намъ въ будущемъ? Правда-ли, что теперь намъ нужны только такіе люди, какъ Соломины, и что ихъ дорога—наша „настоящая, исконная дорога“?

III.

Таковы тѣ вопросы, которые, какъ мы думаемъ, сами собою должны возникнуть въ головѣ каждаго мыслящаго читателя по прочтеніи „Нови“. Обязанность критики помочь ему въ ихъ разрѣшеніи, что мы и постараемся сдѣлать.

Не желая уклоняться въ сторону, мы прежде всего отдѣлимъ вводныя, эпизодическія, аксесуарныя личности, фигурирующія въ романѣ, отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, отъ его героевъ. Только послѣдніе для насъ и интересны, потому на нихъ-то мы и сосредоточимъ все наше вниманіе. Къ числу аксесуаровъ мы относимъ, съ одной стороны, Остроумова, Машурину, Маркелова, Голушкина и „резонера“ романа Паклина; съ другой — Коломѣйцова и супруговъ Сипягинныхъ. О первой категоріи аксесуаровъ мы уже говорили выше. Они пришиты къ роману живыми нитками и, судя по ихъ „художественной отдѣлкѣ“, можно думать, что самъ авторъ не придавалъ имъ никакого значенія. Какъ-бы ни смотрѣли на художественный талантъ Тургенева, во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что среди нашихъ современныхъ беллетристовъ (за вычетомъ Писемскаго и Достоевскаго) это одинъ изъ самыхъ крупныхъ талантовъ. Возможно-ли-же допустить, чтобы „крупный художественный талантъ“, желая обрисовать выдающіеся типы извѣстной общественной среды, унился-бы до плагиата, и, вмѣсто того, чтобы самому изучать и наблюдать эту среду, обобщать единичныя явленія и претворять ихъ въ самобытныя, живыя, конкретныя образы, — рѣшился-бы воспользоваться чужимъ трудомъ, и притомъ трудомъ весьма сомнительнаго достоинства, рѣшился-бы заимствовать готовые образы... и откуда-же?—Изъ „Бѣсовъ“ и „Взбаломученнаго моря“! Нѣтъ, это рѣшительно невозможно. Со всѣмъ другимъ дѣло, если художникъ, нисколько не имѣя въ виду „обрисовывать выдающіеся типы данной среды“, захотѣлъ просто взять „нѣкоторыхъ“ изъ этой среды, первыхъ попавшихся, съ невинною цѣлью, черезъ сопоставленіе ихъ съ главными героями романа, рельефнѣе, ярче отбѣнить характеръ послѣдняго. Очень можетъ быть, что для лучшаго достиженія своей невинной цѣли, въ интересахъ художника было выбрать даже изъ этихъ „первыхъ попавшихся“ личности наиболѣе неуклюжія, нескладныя, даже

неправдоподобныя... Никто не можетъ стѣснять его въ выборѣ тѣхъ средствъ, которые онъ считаетъ наиболѣе удобными и цѣлесообразными для обрисовки характеровъ своихъ героевъ. Не спору, съ чисто-художественной точки зрѣнія противъ избраннаго имъ приема можно было-бы сказать очень многое. Но я здѣсь не хочу заниматься художественною оцѣнкою „Нови“. Игра не стоитъ свѣч; притомъ-же художественная оцѣнка Тургенева была уже нами сдѣлана раньше, на страницахъ этого-же журнала, — и къ этой оцѣнкѣ мы не можемъ прибавить теперь ничего новаго. Повторять старое—скучно, а потому „оставимъ эстетикамъ доказывать“. сами-же—*returnons à nos moutons*.

Уважаая свободу художника, мы не обвиняемъ его за его не совсѣмъ художественный приемъ, и, вполне признавая, что въ обрисовкѣ аксесуарныхъ личностей первой категоріи нѣтъ ни крупницы художественной правды, мы прибавляемъ, однакожь, что въ виду той специальной цѣли, съ которой онѣ введены въ романъ, автору и не для чего было гоняться за этою правдой. Напротивъ, она, чего добраго, только разстроила-бы общій тонъ задуманнаго имъ произведенія.

Что касается аксесуаровъ второй категоріи, къ которымъ мы причисляемъ Коломѣйцова и супруговъ Сипягиныхъ (о Фомушкѣ съ Фимушкою не стоитъ и упоминать), то замѣтимъ, прежде всего, что и эти аксесуары, какъ и аксесуары первой категоріи, пришиты къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ романа крайне искусственнымъ и совершенно неправдоподобнымъ образомъ. Если для сближенія Нежданова, Соломина и Маріанны съ Остродумовымъ, Машуриной, Голушкинымъ и т. п. понадобился какой-то таинственный и ни для кого невидимый Василій Николаевичъ, то для сближенія Нежданова съ Сипягинымъ и Коломѣйцовымъ потребовался уже цѣлый рядъ самыхъ невѣроятныхъ событій. Потребовалось прежде всего, чтобы Неждановъ, желая взять билетъ въ партеръ Александринскаго театра, встрѣтился въ кассѣ съ какимъ-то офицеромъ, тоже имѣвшимъ намѣреніе взять билетъ, но только въ кресла; хотя офицеръ пришелъ позже Нежданова, но такъ-какъ онъ куда-то торопился, то и попросилъ кассира выдать ему билетъ раньше, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что ему (т. е. Нежданову), вѣроятно, придется получать сдачу, „а мнѣ не надо“. Мотивированіе это показалось Нежданову до такой степени оскорбительнымъ, что онъ рѣшился не брать сдачи, а взять вмѣсто того также билетъ въ кресла, и, въ благородномъ (хотя и совершенно непонятномъ) негодованіи, „онъ бросилъ въ окошко трехъ-рублеву

бумажку, весь свой наличный капитал“. Посадивъ, такимъ образомъ, своего героя, противъ его воли, въ кресла Александринскаго театра, авторъ сажаетъ рядомъ съ нимъ нѣкоего важнаго сановника, тайнаго совѣтника Сипягина. Затѣмъ онъ заставляетъ важнаго сановника начать литературный разговоръ (объ Островскомъ) съ Неждановымъ, совершенно до тѣхъ поръ ему незнакомымъ и одѣтымъ на-столько бѣдно и даже неприлично, что всѣ вообще особы, сидѣвшія въ креслахъ (это въ Александринкѣ-то!), посматривали на него не особенно дружелюбно. Хотя въ разговорѣ съ сановникомъ Неждановъ заявилъ себя нигилистомъ и человѣкомъ „крайнихъ мнѣнй“ и хотя эти мнѣнйя онъ „высказывалъ весьма громко, во всеуслышаніе“, однако, авторъ заставляетъ Сипягина (такъ звали важнаго сановника) вспылать къ „неприличному студенту“ большимъ сочувствіемъ. При выходѣ изъ театра Сипягина встрѣчаетъ нѣкій флигель-адъютантъ и князь Г., который оказывается братомъ (конечно, побочнымъ) „неприличнаго студента“. Онъ рассказываетъ объ этомъ „важному сановнику“, сообщаетъ, что заинтересовавшаго его студента зовутъ Неждановымъ и что онъ, дѣйствительно, человѣкъ крайнихъ мнѣнй. На другой день авторъ подсовываетъ Сипягину тотъ № „Полицейскихъ вѣдомостей“, въ которомъ напечатано въ отдѣлѣ объявленій, что „студентъ Неждановъ, живущій тамъ-то, ищетъ мѣста учителя въ отъѣздѣ“. Сипягинъ усматриваетъ въ этомъ удивительномъ совпаденіи обстоятельство „персть судьбы“, ѣдетъ сейчасъ къ Нежданову и приглашаетъ его къ себѣ въ деревню учить его девятилѣтняго сына Колю. Неждановъ, конечно, соглашается, и аксессуаръ притянуть къ герою.

Рецензенты раньше насъ еще указали на крайнюю неправдоподобность всѣхъ этихъ „случайностей“, которыя если и могутъ быть въ дѣйствительной жизни какъ изъ ряду вонъ выходящія явленія, то художникъ, претендующій на воспроизведеніе реальной жизни, не въ правѣ пользоваться ими, какъ матеріаломъ для своихъ обобщеній. Одинъ изъ рецензентовъ заявилъ даже, что хотя „это все пустяки, но пустяки эти рушатъ за собою весь романъ, подобно тому, какъ стоятъ вынуть одну карту изъ карточного домика—и весь онъ, безъ удержу, развалится въ одно мгновеніе“. „Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только, философствуетъ все тотъ-же рецензентъ,—что Неждановъ не могъ попасть во 2-й рядъ кресель путемъ такого скандала, какимъ онъ попалъ, не могъ поэтому встрѣтиться и съ Сипягинымъ, самое присутствіе котораго въ Александринкѣ весьма подозрительно. Ну, затѣмъ и весь ро-

манъ долженъ оказаться несбывшимся“. Конечно, подобный выводъ можетъ придти въ голову лишь такому „заурядному читателю“, заурядность котораго ниже средняго уровня. Обыкновенный же читатель, т. е. читатель средней заурядности, даже и неотличающійся пронизательностью газетнаго рецензента, уже и по первой части романа могъ сообразить, что Сипягины и ихъ пріятель Коломѣйцовъ не играютъ въ романѣ никакой существенной роли, что они привязаны къ нему бѣлыми нитками, и что поэтому, если бы даже эти нитки и порвались, то романъ все-таки „не разрушился-бы“ и „не оказался-бы несбывшимся“.

IV.

Однако, хотя Сипягины и Коломѣйцовы прилетены къ роману такъ-же искусственно и почти такъ-же безъ всякой необходимости, какъ и Остроумовъ, Машурина и т. д., тѣмъ не менѣе къ первымъ авторъ относится совсѣмъ уже не такъ, какъ ко вторымъ.

Очевидно, онъ знаетъ міръ Сипягинныхъ и Коломѣйцовыхъ настолько-же хорошо, насколько не знаетъ міра Остроумовыхъ, Машуриныхъ и др. Сипягины и Коломѣйцовы—тоже аксесуары, но посмотрите, съ какою любовью или, лучше сказать, съ какою „художественною добросовѣстностью“ относится авторъ къ обрисовкѣ ихъ характеровъ. Онъ формируетъ и вытачиваетъ каждую ихъ черту не только съ знаніемъ дѣла, но и съ наслажденіемъ; онъ любитъся ими, какъ образцами своей художественной работы. Вы чувствуете, что художникъ находится въ своей родной, давно знакомой ему сферѣ, что онъ воспроизводитъ этихъ господъ не „по болѣе или менѣе достовѣрнымъ“ слухамъ, не на основаніи готоваго, изъ десятыхъ рукъ (да и какихъ еще рукъ!) заимствованнаго матеріала; нѣтъ, онъ самъ ихъ наблюдалъ, наблюдалъ въ натурѣ, а не по книжкамъ, онъ изучилъ ихъ характеръ, онъ вполне усвоилъ себѣ ихъ міросозерцаніе. ихъ несложный кодексъ морали, ихъ рѣчи, ихъ жесты, всѣ ихъ дипломатическіе приемы и лукавыя уловки. Какъ живой встаетъ передъ вами этотъ „важный сановникъ“, съ виду такой благовоспитанный, приличный, такой гуманный и красно-рѣчиво-либеральный, а въ сущности сухой и безсердечный эгоистъ, влюбленный въ себя Нарцисъ, вѣчно позирующій, — позирующій

даже за семейными обѣдами и съ глазу на глазъ съ своей Мадонной свободный отъ всякихъ идей и убѣжденій, безъ всякаго внутренняго содержанія, заискивающейъ передъ „власть имѣющими“, лицемѣрно-льстивый съ нужными людьми и нахально-грубый съ низшими или съ тѣми, кто пересталъ быть ему нужнымъ. Онъ воображаетъ себя образцовымъ хозяиномъ и въ то-же время не имѣетъ о хозяйствѣ ни малѣйшаго понятія и думаетъ только о томъ, какъ-бы загрести жаръ чужими руками. Онъ считаетъ себя хорошимъ отцомъ, но въ сущности всѣ его отеческія отношенія сводятся къ пустозвоннымъ фразамъ о „пользѣ науки“ и о необходимости служенія „во-первыхъ, семьѣ, во-вторыхъ, сословію, въ-третьихъ, народу, въ-четвертыхъ, правительству“. Онъ твердо убѣжденъ въ своей политической и административной мудрости, но вся эта мудрость состоитъ въ умѣнны городить чепуху, не запинаясь и съ апломбомъ. Изолгавшійся лицемѣръ, онъ, смотря по обстоятельствамъ, то разыгрываетъ изъ себя роль будирующаго либерала, то полицейскаго сѣищика. Въ одно и то-же время онъ кокетничаетъ съ Неждановымъ и пріятельски жметъ руку своему вѣрному другу Коломѣйцову.

Валентина Михайловна Сипягина, супруга почтеннаго сановника, вполне его стоила. Она съ успѣхомъ могла-бы состязаться съ нимъ по части безсердечія, эгоизма и самаго возмутительнаго лицемѣрія. Лицомъ она напоминала Мадонну сикстинскую; вся ея наружность, ея манеры, походка, обращеніе отличались какою-то неувлимою граціею, мягкостью, прелестью. Но подъ этою очаровательною внѣшностью скрывалось самое мизерное содержаніе. „Она вся ложь, говоритъ о ней Маріанна, — она комедіантка, она позерка, она хочетъ, чтобы всѣ ее обожали, какъ красавицу, и благоговѣли передъ нею, какъ передъ святой! Она придумаетъ задушевное слово, скажетъ его одному, а потомъ повторяетъ это слово и другому, и третьему, и все съ такимъ видомъ, какъ-будто она сейчасъ это слово придумала, и тутъ-же кстати играетъ своими чудесными позами. Она никого не любитъ. Притворяется, что все возится съ Колею (своимъ сыномъ), а только всего и дѣлаетъ, что говоритъ о немъ съ умными людьми. Сама она никому зла не желаетъ. Она вся благоволеніе! Но пускай вамъ въ ея присутствіи всѣ кости переломаютъ—ей ничего! Она пальцемъ не пошевелитъ, чтобы васъ избавить“. Подобно своему мужу, она одарена способностью, совершая самые неблаговидные поступки (подслушивая, напр., у дверей, шпионничая), сохранять въ то-же время видъ величаваго достоинства и неприступной добродѣтели.

Вообще характеръ этой сикстинской Мадонны въ рапгѣ тайной совѣтницы очерченъ Тургеневымъ съ неподражаемымъ мастерствомъ тонкаго знатока женской натуры. По нашему мнѣнію, это одна изъ самыхъ живыхъ, самыхъ реальныхъ личностей въ цѣломъ романѣ. Ея внутренній міръ или, лучше сказать, внутренняя пустота, ея отношенія къ мужу, брату и въ особенности къ якобы „облагодѣтельствованной“ ею женщиной племянницѣ проанализированы авторомъ такъ всесторонне и съ такою художественною объективностью, что, конечно, никому и на умъ не придетъ упрекнуть его въ пристрастіи или утрировкѣ. Но именно благодаря этой-то объективности, образъ госпожи Сипягиной производитъ на васъ тяжелое впечатлѣніе, какъ по своему нравственному убожеству, такъ и по своей типичной конкретности.

Съ меньшею объективностью отнесся авторъ къ господину Коломѣйцову. Впрочемъ, это нисколько не помѣшало ему схватить существеннѣйшія черты типа господъ Коломѣйцовыхъ и воспроизвести ихъ въ живыхъ, яркихъ, быть можетъ, черезчуръ яркихъ, но все-же вполне реальныхъ, правдивыхъ краскахъ.

„Фамилія Семена Петровича (Коломѣйцова), рассказываетъ авторъ,—происходила отъ простыхъ огородниковъ. Прадѣдъ его назывался, по мѣсту происхожденія, Коломнѣцовъ. Но уже дѣдъ переименовалъ себя въ Коломейцова; отецъ писалъ: Колломейцовъ; наконецъ, Семень Петровичъ поставилъ букву ѣ на мѣсто е и не шутя считалъ себя чистокровнымъ аристократомъ, даже намекалъ, что ихъ фамилія происходитъ собственно отъ бароновъ фон-Галленмейеръ, изъ коихъ одинъ былъ австрійскимъ фельдмаршаломъ въ тридцатилѣтнюю войну“. Въ качествѣ чистокровнаго аристократа, а больше, впрочемъ, по другимъ причинамъ, Коломѣйцовъ считалъ себя призваннымъ безсмѣнно стоять якобы на стражѣ всѣхъ великихъ принциповъ, охранять и защищать ихъ даже въ томъ случаѣ, когда никто не просилъ его объ этомъ, однимъ словомъ, ежеминутно устремляться на спасеніе отечества отъ какихъ-то „внутреннихъ враговъ“. Разумѣется, онъ пользовался репутаціею „надежнаго и преданнаго“, хотя, какъ выражалось о немъ одно изъ свѣтилъ петербургскаго чиновничьяго міра, „un peu trop... féodal dans ses opinions“.

Внѣшность онъ имѣлъ самую презентабельную и приличную: „Остриженъ коротко, выбритъ гладко; лицо его, нѣсколько женоподобное, съ небольшими, близко другъ къ другу поставленными глазками, съ тонкимъ, вогнутымъ носомъ, съ пухлыми, красными губами, выражало пріятную вольность высокообразованнаго дворе-

нина. Оно дышало привѣтомъ... и весьма легко становилось злымъ, даже грубымъ: стоило кому-нибудь чѣмъ-нибудь задѣть Семена Петровича, задѣть его пошленьіе консерваторскіе инстинкты и принципы,—о! тогда онъ дѣлался безжалостнымъ! Все его изящество испарялось мгновенно: нѣжные глазки зажигались недобрымъ огонькомъ, красный ротикъ выпускалъ некрасивыя слова и зывалъ—съ пискомъ зывалъ—къ порядку!“ (ч. I, стр. 31.)

Къ земству она относилась весьма неодобрительно. „Это земство, восклицалъ онъ,—къ чему оно? Только ослабляетъ администрацію и возбуждаетъ... лишнія мысли и несбыточные надежды...“ Когда-же ему замѣчали, что высказывая подобныя идеи, онъ становится въ оппозицію съ начальствомъ, онъ говорилъ: „Я? Въ оппозицію? Никогда! Ни за что! Mais j'ai mon franc parler. Я иногда критикую, но покоряюсь всегда!“ (стр. 35.) Для разрѣшенія женскаго вопроса предлагалъ назначить при министерствѣ особую комисію, но говорить о немъ, и въ особенности говорить печатно, по его мнѣнію, слѣдовало-бы „воспретить, безусловно воспретить“ (ibid., 36.) Вполнѣ сочувствовалъ онъ тосту, произнесенному однимъ его пріателемъ за имяниннымъ банкетомъ: „Пью за единственные принципы, которые признаю: за кнутъ и за редегеръ!“ (стр. 42.) И дѣйствительно, на практикѣ онъ никакихъ другихъ принциповъ и не признавалъ.

Таковъ былъ этотъ консерваторъ, постоянно изъяслявшій желаніе „раздробить, превратить въ прахъ всѣхъ тѣхъ, которые сопротивляются чему-бы и кому-бы то ни было!..“ (стр. 82.) На краски, какъ видите, Тургеневъ не поскупился, однакожь, портретъ вышелъ на-столько похожимъ на оригиналь, что наши литературные Коломѣйцовы не замедлили признать въ немъ свои собственныя фізіономіи и... разумѣется, вознегодовали. „Шаржъ, утрировка, нелѣпая карикатура!“ восклицаютъ въ одинъ голосъ публицисты „Голоса“ и „Гражданина“. Но въ чемъ-же тутъ утрировка? Пусть „Голосъ“ перечтетъ нѣсколько разъ свои фельетоны,—фельетоны, подписывавшіеся сперва Максомъ, а теперь Волною, пусть редакторъ „Гражданина“, князь Мещерскій, продѣлаетъ ту-же операцію съ „Дневникомъ“ своего „уважаемаго и высоко-даровитаго“ сотрудника, тоже князя и тоже Мещерскаго,—посмотримъ, хватитъ-ли у нихъ тогда смѣлости отрицать свою солидарность съ гг. Коломѣйцовыми, хватитъ-ли у нихъ смѣлости утверждать, будто этихъ господъ совсѣмъ и не существуетъ, будто Тургеневъ сочинилъ на нихъ грязный пасквиль!

Впрочемъ, что-же я говорю о ихъ смѣлости?. Кто не знаетъ.

что когда дѣло идетъ объ отрицаніи того, что есть, и утвержде-
ніи того, чего нѣтъ,—ихъ смѣлость равняется ихъ... глубокомыслію!

Довольно, однако, объ аксесуарахъ; перейдемъ теперь къ самой
сути романа, къ анализу характеровъ его главныхъ дѣйстви-
щихъ лицъ.

V.

Главными дѣйствующими лицами въ романѣ, опредѣляющими
и исчерпывающими все его содержаніе, являются Неждановъ,
Маріанна и... герой „нови“, „уравновѣшенная душа“,—механикъ
Соломинъ.

Начнемъ съ Нежданова.

Нѣкоторые проницательные рецензенты усмотрѣли въ Неждановѣ
тоже одного изъ представителей „нови“, героя романа. Утвердив-
шись на этой точкѣ зрѣнія, имъ не трудно было показать, что
въ этомъ героѣ нѣтъ рѣшительно ничего героическаго ни съ по-
ложительной, ни съ отрицательной стороны, что это не болѣе, какъ
одинъ изъ тѣхъ Гамлетовъ щигровскаго уѣзда, которые, подъ тою
или другою формою, неизмѣнно воспроизводились Тургеневымъ въ
большой части его прежнихъ произведеній, и что поэтому видѣть
въ немъ представителя современнаго молодого поколѣнія можетъ
только человѣкъ, живущій старческими воспоминаніями и созер-
цающій любезное отечество изъ „прекраснаго далека“.

Все это было-бы совершенно справедливо, если-бы только дѣй-
ствительно можно было доказать, что точка зрѣнія рецензентовъ
на Нежданова есть въ то-же время и точка зрѣнія Тургенева.
Но изъ романа этого никакъ нельзя вывести. Напротивъ, устами
„резонера“ Паклина, какъ мы видѣли, авторъ самымъ категори-
ческимъ образомъ заявляетъ, что единственнымъ представителемъ
„нови“, настоящей нови, онъ считаетъ Соломина. Зачѣмъ-же, въ
такомъ случаѣ, понадобился ему Неждановъ?

Достаточно самага бѣглаго просмотра романа, чтобы отвѣчать
на этотъ вопросъ. Неждановъ, какъ воплощеніе „души неуравно-
вѣшенной“, былъ ему необходимъ для вящаго уясненія и болѣе
рельефнаго отгѣненія всѣхъ достоинствъ и добродѣтелей „уравно-
вѣшенной души“ Соломина. И дѣйствительно, безъ сопоставленія

этихъ двухъ личностей невозможно сдѣлать вѣрной оцѣнки герою романа. Авторъ, повидимому, глубоко убѣжденъ, что изъ этого сопоставленія всякій читатель выведетъ именно то заключеніе, которое вывелъ Павлинъ, и отдастъ безусловное предпочтеніе „сѣрому, простому, хитрому Соломину“ передъ бѣлымъ, совсѣмъ не хитрымъ и не простымъ Неждановымъ.

Посмотримъ, такъ-ли это.

Прежде всего постараемся понять, чѣмъ отличается характеръ Нежданова, неждановскій типъ отъ типа Гамлетовъ щигровскаго уѣзда, отъ излюбленнаго Тургеневымъ типа „лишнихъ людей“? По общему мнѣнію рецензентовъ—рѣшительно ничѣмъ, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ существеннымъ; если и есть какая разница, то чисто, такъ-сказать, внѣшняя: Неждановъ, видите-ли, начиненъ разными радикальными идеями, а прежніе „лишніе люди“ таковой начинки не имѣли.

Вглядимся, однако, поближе въ фисіономію этихъ прежнихъ, до-реформенныхъ „лишнихъ людей“. Всѣ они (какъ, впрочемъ, и нынѣшніе „лишніе люди“), какъ извѣстно, принадлежали къ благородной дворянской средѣ, выросли и воспитались въ оранжерейной атмосферѣ крѣпостнаго права, и съ отмѣною его эти *мишіе люди* очутились уже совершенно и безусловно лишними. Для того, чтобы дѣйствовать и ориентироваться въ нѣсколько другой житейской обстановкѣ, у нихъ не оказалось никакихъ нравственныхъ и умственныхъ ресурсовъ. Головы ихъ набивались безсвязными обрывками какихъ-то ни на что непригодныхъ свѣденій, отчасти чисто-метафизическихъ, отчасти грубо и пошло-эмпирическихъ. Но отцы лишнихъ людей ни мало этимъ не смущались; напротивъ, въ освобожденіи своихъ дѣтей отъ тяжкаго бремени знаній они видѣли одну изъ своихъ существенныхъ прерогативъ; и, конечно, съ своей точки зрѣнія они были вполнѣ правы. Зачѣмъ нужны были ихъ дѣтямъ знанія, когда они могли прожить припѣваючи и безъ нихъ? Существованіе ихъ было заранѣе обезпечено, общественное положеніе предопредѣлено, никакой борьбы за него не предвидѣлось. Все, что отъ нихъ требовалось, это сидѣть тихо и смирно подъ ихъ смоковницею, наслаждаясь въ пріятномъ *far niente* плодами своихъ предковъ. Однако, какъ ни мудро все было соображено и рассчитано, но нерѣдко случалось, что чужой трудъ „по непредвидѣннымъ“ или „неотвратимымъ“ обстоятельствамъ ускользалъ изъ рукъ и, такимъ образомъ, безмятежное *far niente* разстроивалось; руки, приспособленныя лишь къ „загребанію жара чужими руками“, безнадежно опускались, а ихъ владѣльцы, чувствуя свою полнѣйшую безпомощность,

впадали въ состояніе мрачной меланхоліи, въ состояніе какого-то безпредметнаго недовольства и брюзжанія. Поставленные вѣтъ возможности „загребать“ и спокойно наслаждаться „подъ своею смоковницею“, они не только въ глазахъ окружающихъ ихъ людей, но даже и въ своихъ собственныхъ, теряли всякій *raison d'être*. Что могли они дѣлать? куда устремиться? зачѣмъ имъ было жить? Ничего... некуда... незачѣмъ! Они были лишніе.

Но эта была одна только категорія лишнихъ людей, и не самая многочисленная. Другая была обширнѣе; она состояла, обыкновенно, изъ людей, черезчуръ уже лишнихъ, и потому разочарованныхъ и недовольныхъ. Возможность легко, почти безпрепятственно удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ и крайне низменный уровень послѣднихъ вносили въ ихъ жизнь страшную скуку и приводили ихъ къ такъ-называемому „разочарованію“,—разочарованію во всемъ, во всѣхъ и, въ-концѣ-концовъ, въ самихъ себѣ. Привѣтливая „смоковница“ мозолила имъ глаза, безмятежное *far niente* утомляло ихъ своимъ однообразіемъ. Они не знали, чѣмъ наполнить пустоту своего существованія, не знали, что съ собою дѣлать... Конечно, они продолжали сидѣть подъ смоковницею и предаваться *far niente*; но за то мысленно, въ теоріи, они выдѣляли себя изъ общаго круга, сходили съ торной, избитой колеи и, противопоставляя себя всему прочему человѣчеству, торжественно облакались въ мрачный плащъ лишнихъ людей, Чайльдъ-Гарольдовъ нашего черпоземнаго грунта.

Но какъ ни была пуста и безсодержательна та среда, въ которой фабриковались наши Чайльдъ-Гарольды съ ихъ якобы „вѣчной думой на челѣ“, какъ ни ограничена была сфера ихъ умственнаго развитія, но и въ нихъ иногда западали такія знанія, такія идеи, которыя находились въ полнѣйшей дисгармоніи со всѣми условіями окружавшей ихъ дѣйствительности. Понятно, что эти несносныя идеи должны были разстраивать ихъ душевное спокойствіе: онѣ мѣшали имъ бессмысленно и безмятежно наслаждаться прохладною, дремоту наводящею тѣнью родныхъ „смоковницъ“, онѣ будили въ нихъ какой-то глухой, темный, неясный протестъ, какое-то мучительное чувство „недовольства“. И въ то-же время, благодаря своей отрывочности, туманности, неопредѣленности и, такъ-сказать, случайности, онѣ не въ состояніи были указать имъ никакого разумнаго выхода изъ ихъ положенія. Да они, впрочемъ, и не искали этого выхода. Онѣ былъ-бы для нихъ черезчуръ невыгоденъ. Какъ-бы критически ни относились они къ своему положенію, какое-бы недоволь-

ство оно въ нихъ ни возбуждало, а все-же они понимали, они инстинктивно чувствовали, что оно вполне соответствуетъ ихъ настоящимъ интересамъ, ихъ укоренившимся привычкамъ, и они дорожили имъ. Имъ и на умъ никогда не приходила мысль о возможности отрѣшиться отъ него, окружить себя иными условіями, устроить свою жизнь по-человѣчески. Они роптали, брюзжали, ругали себя и другихъ, и, однакожь, оставались спокойно сидѣть подъ своими „смоковницами“. Мало того, они были твердо увѣрены, что въ этомъ „сидѣньи“ заключается все ихъ жизненное назначеніе, что ничего другого они не только не могутъ, но и не должны дѣлать. Чувство личнаго интереса было въ нихъ такъ сильно развито, а „отвлеченная идея“ такъ неопредѣленна, неустойчива и въ то-же время между нею и имъ существовало такое рѣзкое, такое непримиримое противорѣчіе, что ни о какой борьбѣ тутъ и рѣчи не могло быть. И никакой борьбы у нихъ и не было. Безъ всякой борьбы отходили они въ сторону (т. е. опять-таки отходили чисто-мысленно, въ дѣйствительности-же продолжали сидѣть на прежнемъ насыщенномъ мѣстѣ), объявляли себя лишними людьми и, въ качествѣ лишнихъ людей, считали себя въ полномъ правѣ не только жить чисто-паразитной жизнью, но и будировать... „Что дѣлать? восклицали они, бія себя при этомъ въ грудь и выжимая слезы изъ своихъ заспанныхъ глазъ,—что дѣлать? ни на что другое мы не способны! Положимъ, мы даромъ заѣдаемъ чужой хлѣбъ, но какъ-же намъ быть? вѣдь мы лишніе люди! Значить, такъ ужъ намъ на роду написано! это нашъ фатумъ и мы не можемъ не покориться ему!“

Однимъ словомъ, они поступали совершенно такъ-же, какъ поступаютъ „честные купцы“, которые, не желая открыто грабить своихъ кредиторовъ, объявляютъ себя банкротами и, подъ благовиднымъ предлогомъ своей „несостоятельности“, выжимаютъ у нихъ по 80-ти копеекъ съ каждаго занятаго рубля. Впрочемъ, „честные купцы“ отдавали своимъ кредиторамъ хоть 20-ть копеекъ, а „лишніе люди“, эти нравственные банкроты, и этого не возвращали.

Спрашивается, могутъ-ли подобные господа возбуждать къ себѣ если не сочувствіе, то хоть симпатію въ мыслящемъ человѣкѣ? Могутъ-ли они быть героями какой-бы то ни было драмы или трагедіи, — они, эти безличныя и ни на что негодныя эгоисты? Нѣтъ, ни въ ихъ умственномъ и нравственномъ банкротствѣ, ни въ ихъ пассивномъ и дрябломъ характерѣ не было ни малѣйшихъ задатковъ для какой-бы то ни было, отрицательной или положительной дѣятельности, но дѣятельности ясной и опредѣленной. Это

были нули, помноженные на множество другихъ нулей, и у истиннаго художника ничего не могло быть общаго съ ними.

Неждановъ принадлежитъ къ числу такихъ-же нравственныхъ несостоятельствъ, съ тѣмъ, однакожь, различіемъ, что онъ представляетъ тотъ новый (однакожь, не Тургеневымъ открытый) типъ послѣреформенныхъ „лишнихъ людей“, которые въ сущности—плоть отъ плоти, кровь отъ крови съ своими старшими братьями, но время и обстоятельства измѣнили ихъ вѣшнюю физиономію и наложили на нихъ новый колоритъ.

Что такое Неждановъ?

Тургеневъ сдѣлалъ его незаконнымъ сыномъ, рожденнымъ отъ преступной связи нікогого князя Г., „богача, генераль-адъютанта“, и гувернантки княжескихъ дочерей, „хорошенькой институтки“, умершей въ самый день родовъ. Этою-то „незаконностью“ рожденія своего героя авторъ и старается объяснить всѣ странности и противорѣчія его характера. „Фальшивое положеніе, въ которое онъ (т. е. Неждановъ) былъ поставленъ съ самаго дѣтства, говорить авторъ, — развило въ немъ обидчивость и раздражительность, но прирожденное великодушіе не давало ему сдѣлаться подозрительнымъ и недовѣрчивымъ. Тѣмъ-же самымъ фальшивымъ положеніемъ Нежданова объяснялись и противорѣчія, которыя сталкивались въ его существѣ. Опрятный до шепетильности, брезгливый до гадливости, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и то-же время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей, и своего цѣломудрія, и считалъ долгомъ смѣяться надъ идеалами. (Надъ какими идеалами? Ужь, конечно, не надъ тѣми, которые онъ самъ исповѣдывалъ и во имя которыхъ дѣйствовалъ. Да и возможно-ли представить себѣ мыслящаго человѣка, какимъ авторъ представляетъ Нежданова, который-бы смѣялся надъ идеалами вообще! Вѣдь это было-бы чистымъ абсурдомъ! И Тургеневъ, очевидно, упомянулъ здѣсь объ идеалахъ просто ради красиваго слова, въ интересахъ риторическаго округленія фразы.) Сердце онъ имѣлъ нѣжное и чуждался людей; легко озлоблялся и никогда не помнилъ зла. Онъ негодовалъ на своего отца за то, что тотъ пустилъ его „по эстетикѣ“ (т. е. по историко-философскому факультету; гораздо правильнѣе было-бы сказать: „по классической части“); онъ явно, на виду у всѣхъ, занимался одними политическими и социальными вопросами, и втайнѣ наслаждался художествомъ, поэзією, красотой во всѣхъ ея проявленіяхъ, даже самъ писалъ стихи. Онъ тщательно

пряталъ тетрадку, въ которую онъ заносилъ ихъ, и изъ петербургскихъ друзей только Паклинь, и то по свойственному ему чутью, подозрѣвалъ ея существованіе. Ничто такъ не обижало, не оскорбляло Нежданова, какъ малѣйшій намекъ на его стихотворство, на эту его, какъ онъ полагалъ, непростительную слабость. По милости воспитателя-швейцарца, онъ зналъ довольно много фактовъ и не боялся труда; онъ даже охотно работалъ — нѣсколько, правда, лихорадочно и непослѣдовательно. Товарищи его любили, ихъ привлекала его внутренняя правдивость, доброта и чистота; но не подь счастливой звѣздой родился Неждановъ; не легко ему жилось. Онъ самъ глубоко это чувствовалъ и сознавалъ себя одинокимъ, несмотря на привязанность друзей“ (стр. 25—46.)

И все это происходило будто-бы оттого, что онъ былъ незаконнымъ сыномъ! И нашлись-же вѣдь наивные рецензенты, которые повѣрили автору на слово и тоже объясняютъ характеръ Нежданова незаконнорожденностью! Да если-бы это дѣйствительно было такъ, какой-же бы тогда интересъ могъ представлять для насъ господинъ Неждановъ и какой-бы смыслъ могло имѣть его сопоставленіе съ Соломинимъ? Ну, что-же, Соломинъ—душа уравновѣшенная, Неждановъ — неуравновѣшенная, потому что первый родился въ бракѣ, второй—въ бракъ!

Не смѣшное-ли это объясненіе? а между тѣмъ, согласитесь, съ точки зрѣнія этихъ рецензентовъ, оно было-бы вполне логично. Разумѣется, въ этомъ виноватъ прежде всего самъ Тургеневъ. Вѣрно понявъ и мастерски очертивъ характеръ Нежданова, онъ не сумѣлъ объяснить,—впрочемъ, пожалуй, это было и не его дѣло,—его происхожденія. Причину совершенно случайную и совсѣмъ неважную онъ принялъ за главную, за самую существенную. Очевидно, онъ повторилъ здѣсь ту-же ошибку, въ которую раньше его впалъ Достоевскій въ послѣднемъ своемъ романѣ „Подростокъ“. Достоевскій точно такимъ-же образомъ объясняетъ странности и противорѣчія своего „подростка“ помѣсью благородной дворянской крови съ не-благородной кровью плебеевъ! Какъ будто ужъ и въ самомъ дѣлѣ между дворянской и плебейской кровью существуетъ такое рѣзкое различіе! И какъ-будто гувернантка въ княжескомъ домѣ, „хорошенькая институтка“, такъ сильно отличалась по своимъ внутреннимъ качествамъ отъ своего сѣятельнаго патрона, что отъ ея союза съ нимъ непременно долженъ былъ произойти горькій плодъ, преисполненный всяческихъ противорѣчій. Нѣтъ, незаконность Неждановскаго рожденія—это чистая случайность.—случайность, рѣшительно ничего необъясняющая.

Представьте себѣ существо тепличное, кое-какъ воспитанное и умственно ограниченное; представьте неспособность его къ усидчивому, систематическому труду, привычку къ болѣе или менѣе комфортабельному, обезпеченному существованію, праздному тунеядству и т. п.,—представьте себѣ этихъ бѣлоручекъ, перенесенныхъ въ сферу трудовой, рабочей жизни, петерпидней праздности, недопускающей ни малѣйшаго комфорта, неспособной нѣжить и ублаживать, требовательной, суровой и грубой жизни. Неумолимое время произнесло надъ ними свой приговоръ; оно сказало имъ: „Если вы хотите жить — трудитесь, работайте. Вамъ не на кого болѣе надѣяться; вы заботьтесь сами о себѣ, боритесь за свѣдѣ существованіе, какъ можете и какъ умѣете. И-же, съ своей стороны, ничего вамъ не обещаю и ни за что не ручаюсь. Удастся вамъ остаться побѣдителями въ жизненной борьбѣ — прекрасно, я вамъ не буду мѣшать; но если нѣтъ, если васъ выбросятъ изъ строя, — извините, я не стану помогать вамъ, я заранѣе умываю руки!“

Необходимость жить своимъ „трудомъ“ вызвала потребности въ реальныхъ, живыхъ, разумныхъ знаніяхъ. И такъ или иначе, но жизнь должна была волею-неволею хотя отчасти удовлетворить этой потребности. Благодаря этому обстоятельству, головы этихъ Гамлетовъ шигровскаго уѣзда, напиханныя разнымъ хламомъ, начали мало-по-малу прочищаться и просвѣтляться. Но такъ-какъ вмѣстѣ съ „просвѣтленіемъ“ все ярче и ярче выступало сознание шаткости и необезпеченности ихъ положенія, то естественно, что ихъ пробудившаяся мысль прежде всего должна была придти къ разсмотрѣнію вопроса о причинахъ и условіяхъ этой шаткости и необезпеченности. Но вопросъ этотъ былъ такъ тѣсно связанъ съ массою другихъ вопросовъ общественнаго и нравственнаго характера, что лишнія, но „благородныя“ дѣти увидѣли себя въ необходимости для разрѣшенія насущнаго вопроса о своемъ существованіи обратиться къ изученію такихъ предметовъ, которые въ глазахъ ихъ отцовъ не представляли ни малѣйшаго интереса. „Отцы“, отдавая себѣ отчетъ въ практическихъ потребностяхъ времени, напирала на „эстетику“ (въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это слово Неждановъ), а они ужъ махнули на нее рукою и торопились заpastись знаніями, неимѣющими съ нею ничего общаго. Знанія эти привели ихъ къ усвоенію взглядовъ и теорій, быть можетъ и невѣрныхъ, „превратныхъ“, но, во всякомъ случаѣ, вполне соответствовавшихъ „интересамъ“ и требованіямъ ихъ положенія. Вслѣдствіе этого тождества ихъ теорій и ихъ интересовъ, они ухватились за первыя со всѣмъ жаромъ, со всею энергіею молодости. Какими-бы

крайностями ни отличались эти теоріи, но у нихъ, у Неждановыхъ, онѣ, какъ мѣтко замѣчаетъ Тургеневъ, „не были фразою“. Вотъ именно эта-то черта и составляетъ ихъ существенное отличіе отъ „лишнихъ людей“ до-реформеннаго періода, отъ Гамлетовъ и Гамлетиковъ щигровскаго и иныхъ уѣздовъ нашего обширнаго отечества.

Выше мы уже сказали, что и въ головы прежнихъ „лишнихъ людей“ западали иногда теоріи, совершенно негармонирующія съ условіями окружавшей ихъ дѣйствительности,—теоріи, по своему характеру, быть можетъ, весьма близко подходящія къ Неждановскимъ. Но у нихъ эти теоріи были и должны были быть только фразою. У нихъ даже и мысли не могло возникнуть о серьезномъ проведеніи ихъ въ жизнь, и не могло именно потому, что онѣ находились въ слишкомъ рѣзкомъ, непримиримомъ противорѣчій съ ихъ насущными, съ ихъ реальными интересами. Если они и любили свои идеи, то любили ихъ любовью чисто-платонической, бездѣятельною, пассивною. О нихъ нельзя было сказать, что „духъ бодръ, да тѣло немощно“. Нѣтъ, ихъ духъ, ихъ идеи были такъ-же немощны и безсильны, быть можетъ, даже немощнѣе и безсильнѣе ихъ плоти. Въ этомъ-то и заключалась причина ихъ дряблости и ихъ дрянности. Въ иномъ видѣ рисуетъ намъ Тургеневъ „лишнихъ людей“ неждановскаго типа. „Духъ ихъ бодръ“, но плоть... плоть дѣйствительно немощна. Это и составляетъ трагическую черту ихъ характера. Они любятъ свои идеи искренно, они добиваются ихъ практическаго осуществленія и всѣми силами и помыслами своей души ищутъ примиренія съ своими внутренними противорѣчійми, желаютъ выйти изъ того фальшиваго положенія, въ которое ихъ поставили новыя условія жизни. „Мы съ Маріанной, пишетъ Неждановъ своему другу, — не ищемъ счастья; не наслаждаться мы хотимъ, а бороться вдвоемъ, рядомъ поддерживать другъ друга“ (ч. II, стр. 494.) Онъ писалъ это совершенно искренно, онъ не лгалъ ни передъ своимъ другомъ, ни передъ собою, высказывая свою твердую рѣшимость уничтожить въ себѣ внутренней разладъ и ради своей идеи пожертвовать своимъ личнымъ счастьемъ. Эта рѣшимость—она дѣйствительно была у него. Онъ боялся только одного, какъ-бы не изыкла сила его характера и терпѣнія. „Протяни намъ обоемъ издалека руки, обращается онъ къ тому-же другу,— и пожелай намъ терпѣнія, силы самопожертвованія и любви...“ (ib.). И замѣтите при этомъ, принося свои жертвы, онъ въ глубинѣ души постоянно сомнѣвается въ ихъ пользѣ. А согласитесь жертвовать собою, сознавая, что изъ этого самопожертвованія, быть

можетъ, и ничего не выйдетъ—это гораздо труднѣе, чѣмъ принести себя въ жертву съ твердою увѣренностью, что жертва не пропадетъ даромъ. Наконецъ, когда сомнѣніе въ полезности приносимыхъ жертвъ развивается въ немъ до такой степени, что дѣлаетъ дальнѣйшія жертвы съ его стороны почти невозможными, когда вслѣдствіе этого онъ приходитъ къ грустному сознанию въ своей полной непригодности содѣйствовать практическому осуществленію своихъ стремленій,—онъ кончаетъ съ собою самоубійствомъ. Жить и ничего не сдѣлать,—съ этою мыслию онъ не можетъ примириться. „Лучше умереть“, рѣшаетъ онъ, и, дѣйствительно, умираетъ. Своею смертію онъ лучше всего доказалъ, насколько сильна была въ немъ любовь къ его, можетъ быть, фантастическому, но, во всякомъ случаѣ, страстно любимому идеалу.

Но отчего-же, несмотря на всю эту преданность идеѣ, онъ чувствуетъ себя глубоко несчастнымъ, „лишнимъ человѣкомъ“? Отчего его идея такъ мало доставляетъ ему радости и успокоенія? Отчего эти вѣчныя сомнѣнія, колебанія, это недовольство самимъ собою? Откуда это разочарованіе, это страстное желаніе поскорѣе покончить съ собою?

Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы должны обратиться къ анализу другихъ сторонъ неждановскаго характера. До сихъ поръ мы говорили только о наиболѣе симпатичной чертѣ лишнихъ людей этого новаго типа, но одною ею далеко еще не исчерпывается все ихъ внутреннее содержаніе, всѣ ихъ психическія особенности.

Заглянемъ-же поглубже въ ихъ бѣдную „неуравновѣшенную“ душу.

II. Никитинъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ФОРМАЛИЗМЪ.

(Восточная война 1853—1856 годовъ. Сочиненіе генераль-лейтенанта М. И. Богдановича. Томъ I. Спб. 1876 г.)

I.

Восточная война пятидесятихъ годовъ давно уже отошла въ область историческихъ событій; болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она окончилась парижскимъ миромъ. Многіе изъ ея дѣятелей уже сошли въ могилу, многіе факты исчезли изъ нашей памяти, а между тѣмъ ея историческое значеніе, ея глубокіе слѣды, отпечатлѣвшіеся на внутренней жизни Россіи, остаются и до сихъ поръ во всей своей свѣжести и силѣ. Война эта была для насъ не просто вооруженнымъ столкновеніемъ съ Турціей и гремя сильнѣйшими европейскими государствами, не одной пробой нашихъ силъ съ могущественнымъ врагомъ, но она была для насъ однимъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ моментовъ, она пробудила наше общественное сознаніе и заставила оглянуться на самихъ себя... Повидимому, намъ давно уже слѣдовало-бы имѣть полную и подробную исторію этой эпохи; какъ только разсѣялся пороховой дымъ надъ крымскими берегами и улеглись страсти, мы должны были-бы немедленно приступить къ изученію и анализу совершившихся событій, освѣтить ихъ наивозможно болѣе вѣрнымъ свѣтомъ, чтобы знать истинныя причины нашихъ неудачъ, искать въ себѣ ихъ настоящаго источника и обезпечить за собою въ будущемъ болѣе успѣха и силы. Въ этомъ отношеніи хорошій и безпристрастный историческій трудъ, чуждый національнаго самообольщенія и казеннаго патріотизма, могъ-бы оказать намъ, особенно въ настоящій моментъ, чрезвычайно важныя услуги. Но прошло слишкомъ двадцать лѣтъ, и намъ предлагается первая систематическая исторія восточной войны, первый крупный опытъ связнаго и послѣ-

довательнаго изложенія фактовъ и оцѣнки дѣйствовавшихъ лицъ.— Посмотримъ.

Предпосылая своему сочиненію замѣтку вмѣсто предисловія, г. Богдановичъ говоритъ въ ней, что восточная война, въ которой блистательно выказались военныя дарованія многихъ изъ нашихъ частныхъ начальниковъ и самоотверженіе офицеровъ и нижнихъ чиновъ русской арміи, окончилась парижскимъ миромъ, ослабившимъ вѣковое вліяніе Россіи на дѣла Востока. Причины нашихъ неудачъ г. Богдановичъ объясняетъ отчасти недостаточнымъ вооруженіемъ войскъ, плохимъ устройствомъ хозяйственнаго управленія арміи, въ особенности по части призрѣнія больныхъ и раненыхъ, а главное—тѣмъ, „что мы не успѣвали пользоваться благоприятными случаями для пораженія непріятеля, неоднократно встрѣчавшимися въ продолженіи войны“. Четыре тома историческаго труда г. Богдановича имѣютъ въ виду доказать и подтвердить фактически существенный выводъ, сдѣланный имъ въ предисловіи. Поэтому читатель можетъ безошибочно заключить, что въ сочиненіи г. Богдановича онъ не пойдетъ отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые снова возбудило наше теперешнее столкновеніе съ Турціей. Авторъ задается спеціально военными цѣлями; онъ не политикъ и не дипломатъ, онъ даже не историкъ,—онъ больше ничего, какъ генералъ, котораго интересуется восточная война 1853 — 1856 годовъ только какъ война, но не какъ историческое явленіе,—явленіе, въ которомъ техническая военная часть представляется не больше, какъ формальной частностью, зависящей въ своихъ удачахъ и неудачахъ отъ тѣхъ-же общихъ историческихъ причинъ.

Впрочемъ, судя и по общему выводу, сдѣланному г. Богдановичемъ, можно сомнѣваться, чтобы даже спеціальныя военные вопросы были разработаны и оцѣнены имъ правильно и сведены также къ общимъ причинамъ. Авторъ съ самаго начала уже говоритъ, что война 1853 — 1856 годовъ выказала блистательно военныя дарованія только подчиненныхъ. Слѣдовательно, не высказывая прямо, онъ обвиняетъ главныхъ начальниковъ. Второй причиной онъ ставитъ недостаточное вооруженіе войскъ. И этой причинѣ онъ не придаетъ особеннаго значенія, потому что если-бы главные начальники пользовались случаями, которые имъ представлялись для пораженія союзниковъ, мы навѣрно вышли-бы изъ борьбы побѣдителями. Такой выводъ г. Богдановича напоминаетъ намъ одинъ старый анекдотъ: мэръ какого-то французскаго города оправдываясь передъ принцемъ Конде въ томъ, что онъ не могъ салютовать ему изъ пушекъ, сказалъ: „на это, ваша свѣтлость, было много причинъ и, между прочимъ, та главнал, что въ городѣ никогда не было пушекъ“. И г. Богдановичъ всѣ на-

ши неудачи во время крымской войны сводить къ той-же главной причинѣ. По его словамъ, у насъ не было способныхъ военно-начальниковъ и мы *не успѣвали* пользоваться случаями, чтобы бить своихъ непріятелей. Но какъ-же пользоваться такими случаями, когда ими пользоваться некому, и какъ требовать отъ французскаго мэра, чтобы онъ привѣтствовалъ Конде пушечными выстрѣлами, когда въ городѣ не было ни одной пушки? Конечно, если авторъ задался специальной военной критикой кампаніи, ему нельзя обойти этого вопроса; но, съ другой стороны, не обнаруживаетъ-ли онъ съ первыхъ-же строкъ пристрастія, заставляющаго предполагать одно-сторонность выводовъ? Мы думаемъ, что обнаруживаетъ, и сошлемся для доказательства на всѣ тѣ преобразовательныя реформы, которыя вотъ уже двадцать лѣтъ вводятся настойчиво въ русской арміи и до сихъ поръ еще не окончены. Г. Богдановичъ говоритъ о самоотверженіи офицеровъ и дарованіяхъ частныхъ начальниковъ. Все это прекрасно, но, конечно, ему, какъ специалисту военнаго дѣла, должно быть извѣстно, — и послѣ побѣдъ пруссаковъ надъ австрійцами и надъ французами это стало почти военной аксіомой, — что личное мужество и индивидуальная отвага офицеровъ, при теперешнемъ способѣ веденія войны, отошли на второй планъ. вмѣсто личной храбрости требуется отъ офицера быстрота соображенія, находчивость, знаніе и умѣнье исполнить приказаніе главнокомандующаго. Успѣхъ битвы зависитъ столько-же отъ главнокомандующаго, сколько и отъ его помощниковъ. Крымская война обнаружила именно недостатокъ образованія нашихъ офицеровъ и тѣхъ „частныхъ начальниковъ“, которыхъ хвалить г. Богдановичъ. И вотъ ровно 20 лѣтъ наше военное вѣдомство энергично занято образованіемъ такого офицера, какового въ крымскую войну у насъ не было. Чтобы не говорить голословно, мы можемъ сослаться на „Критическія замѣтки изъ военной практики“ полковника Липина, которыя, имѣя авторитетное значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчатъ выводу г. Богдановича. Наконецъ, неужели мы потергѣли неудачи только потому, что не умѣли пользоваться благоприятными случаями для пораженія непріятеля? Вѣдь это иронія, и во всякомъ случаѣ, даже съ точки зрѣнія военной практики, не говорить ровно ничего.

II.

Г. Богдановичъ начинаетъ свой трудъ выясненіемъ отношеній Россіи къ Турціи и опредѣленіемъ: что такое „восточный вопросъ“. Отъ историка, начинающаго свою рѣчь съ XV столѣтія, можно

ожидать, что онъ освѣтитъ съ достаточной подробностью и глубиной всѣ тѣ запутанныя нити и пружины, которыя закончились для Россіи такой важной катастрофой, ослабившей наше вліяніе на Востокъ и невыгодно отозвавшейся на нашемъ экономическомъ быту. Мы, современники, конечно, не можемъ видѣть во всѣхъ подробностяхъ важность перелома, совершившагося въ русской жизни. Восточная война съ ея неудачами была послѣднимъ словомъ тѣхъ вѣковыхъ порядковъ, которые не могли для насъ продолжаться долѣе. Въ причинахъ ея неудачъ высказалось новое требованіе прогресса и цивилизаціи, на которое волей-неволей Россія должна была отвѣтить преобразованіями. Поэтому отъ историка, взявшагося за изложеніе современныхъ событій, даже самаго спеціальнаго характера, требуется глубокое пониманіе духа времени, пониманіе всѣхъ многосложныхъ и запутанныхъ требованій цивилизаціи, пониманіе всѣхъ условій, создающихъ изъ поступательнаго движенія народовъ ту солидарную историческую связь, при которой исторія каждаго отдѣльнаго народа является не частичнымъ явленіемъ, а мировымъ. Ничего подобнаго г. Богдановичъ не даетъ. Онъ свелъ свою историческую реляцію къ чему-то, очень напоминающему историческое изложеніе, царившее въ нашихъ русскихъ учебникахъ тридцатыхъ годовъ.

По словамъ г. Богдановича, восточный вопросъ начался съ того, что въ XV столѣтіи крымскіе татары, возбуждаемые турками, „начали производить губительныя набѣги на Россію, а въ 1591 году прошли наши южныя области огнемъ и мечемъ до самой Москвы“. Неужели все это случилось только потому, что крымскихъ татаръ возбуждали турки? Неужели для объясненія этого историческаго явленія нѣтъ болѣе глубокихъ причинъ? При Петрѣ Великомъ, разсуждаетъ далѣе г. Богдановичъ, русскія войска овладѣли Азовомъ, а когда наша армія была окружена на Прутѣ въ шесть разъ болѣе сильными полчищами, мы возвратили Азовъ и срыли укрѣпленія, построенныя нами на низовьяхъ Днѣпра и Дона. Зачѣмъ-же Петру понадобился Азовъ и въ этомъ-ли начало восточнаго вопроса? Въмѣсто отвѣта г. Богдановичъ даетъ перечень виѣшнихъ событій,—перечень, изъ котораго мы узнаемъ, что при Аннѣ Іоанновнѣ „Минихъ въ челѣ многочисленной арміи глубоко проникалъ въ Крымъ, но каждый разъ принужденъ былъ отступать съ огромною потерей въ войскахъ отъ недостатка въ водѣ и чрезмѣрнаго зноя“; что Потемкинъ, „побуждаемый ненасытнымъ честолюбіемъ столько-же, сколько и глубокимъ религіознымъ чувствомъ, горѣлъ желаніемъ освободить отъ мусульманъ прекрасную страну, откуда православіе было внесено въ Россію“; что несоблюденіе турками условій яссакаго трактата вело къ новой войнѣ, которую удачно

кончилъ Кутузовъ; „что договоръ, заключенный Кутузовымъ, свято соблюдался императоромъ Александромъ I, и ни мольбы къ нему о помощи страдавшихъ цѣлыя вѣка грековъ, ни общественное мнѣніе Россіи не могли измѣнить убѣжденія императора Александра I, объявившаго себя защитникомъ сонма представителей законной власти“. Но вотъ вступаетъ на престолъ императоръ Николай, несвязанный прежними обстоятельствами и вліяніемъ внѣшней политики. Съ самаго начала онъ является защитникомъ грековъ и ради защиты ихъ предпринимается война 1828—1829 годовъ. По адрианопольскому трактату Порты обязуется исполнить всѣ требованія Россіи, но трактатъ не вознаграждаетъ ни нашихъ военныхъ издержекъ, ни страшнаго урона, понесеннаго нашими войсками. Въ эту войну мы потеряли 85,000 человекъ, и Дибичъ располагалъ только 30,000, когда сдѣлалъ свою диверсію на Константинополь. Дибичъ зналъ, что съ такимъ ничтожнымъ войскомъ нечего было и думать подступать къ столицѣ Турціи, сильно укрѣпленной и охраняемой 50,000 войскомъ. Война эта, между прочимъ, показала, что изгнать турокъ изъ Европы вовсе не такъ легко, но убѣжденный, что оттоманскому правительству уже наступалъ конецъ, императоръ Николай, по словамъ г. Богдановича, ожидалъ этой катастрофы не съ надеждою воспользоваться наслѣдіемъ Порты, а съ опасеніемъ внезапной смерти *большою челоювка*. Онъ боялся, что вмѣсто безсильной Турціи можетъ явиться болѣе сильный и потому болѣе опасный для Россіи сосѣдь. И вотъ императоръ Николай не только не содѣйствуетъ постепенному разложенію оттоманской Порты, но, напротивъ, поддерживаетъ ея существованіе. Онъ два раза являлся защитникомъ Порты „отъ нападеній ея мятежнаго вассала—паши египетскаго“, говоритъ г. Богдановичъ; онъ вступилъ въ соглашеніе съ великобританскимъ, австрійскимъ и прусскимъ дворами насчетъ ручательства за цѣлость владѣній Турціи.

„По достиженіи общей цѣли—непрямосновенности владѣній Порты—возобновилось соперничество Англій съ Россіею. Хотя по обузданіи властолюбивыхъ замысловъ египетскаго паши наступило на Востокъ спокойствіе, прерываемое лишь изрѣдка внутренними волненіями разноплеменныхъ подданныхъ Турціи, однако не трудно было предвидѣть, что достаточно было самой маловажной причины для возбужденія общей войны“. И этой маловажной причиной, по словамъ г. Богдановича, было честолюбіе Наполеона III.

Людовика Наполеона г. Богдановичъ характеризуетъ такъ: хотя Наполеонъ и могъ упрочить свое владычество однимъ общественнымъ мнѣніемъ, но зная, до какой степени оно непостоянно вездѣ и особенно во Франціи, онъ рѣшился принять совершенно иную систему. Система эта заключалась въ томъ, что Наполеонъ ста-

рался угодить рабочимъ и малоразвитому сельскому населенію, привлекалъ на свою сторону войска щедрыми наградами и военными банкетами и заискивалъ въ духовенствѣ. Когда ему не удалось достигъ продолженія ввѣренной ему власти законными средствами, онъ сдѣлалъ переворотъ 2 декабря 1851 года и, „сознавая непрочность власти, основанной насильственными средствами, чувствовалъ необходимость занять склонныхъ къ увлеченію французовъ дѣлами виѣшной политики“. Этой-то виѣшной политикой и явился вопросъ о томъ, кому владѣть святыми мѣстами на Востока—православнымъ или католикамаъ.

Дойдя, такимъ образомъ, до узла восточнаго вопроса, г. Богдановичъ весьма подробно излагаетъ всѣ препирательства, какія совершались между Россіей и Франціей по поводу св. мѣсть, о томъ, кому и какъ предоставлялось право совершать божественную службу въ вертепѣ Гефсиманіи, какъ отстаивалось право совершать службу въ церкви Вознесенія, кто имѣлъ право обновить большой куполь въ Иерусалимскомъ храмѣ. Вообще вопросу о куполѣ, судя по изложенію г. Богдановича, придавалось самое главное значеніе и этотъ самый куполь чуть-ли и не послужилъ яблокомъ раздора. Было и еще одно обстоятельство не меньшей важности—это серебряная звѣзда, пожертвованная французскою королевою въ замѣну похищенной изъ Вифлеемской церкви, и ключъ отъ главнаго въ нее входа. Ключи были отданы турецкимъ правительствомъ латинскому духовенству. Когда все это совершилось, нашъ генеральный консулъ предложилъ греческому патриарху запечатать главный входъ въ Вифлеемскую церковь и немедленно отправиться въ Константинополь съ жалобою къ султану. Тогда Порта, съ свойственнымъ ей лукавствомъ, чтобы не ссориться ни съ Россіей, ни съ Франціей, разрѣшила своему комисару „дозволить тайно грекамъ расперядиться въ св. мѣстахъ по ихъ усмотрѣнію“. Въ такомъ положеніи находился вопросъ о св. мѣстахъ, говоритъ г. Богдановичъ, когда императоръ Николай повелѣлъ князю Меншикову отправиться въ качествѣ чрезвычайнаго посла для переговоровъ въ Константинополь.

Мы думаемъ, что г. Богдановичъ и самъ очень хорошо знаетъ, что не въ ключѣ отъ іерусалимскаго храма и не въ претензіяхъ грековъ на починку купола заключался восточный вопросъ. Теперь ни о ключѣ, ни о куполѣ не было рѣчи, а между тѣмъ восточный вопросъ опять всталъ грознымъ привидѣніемъ, опять вешлошилъ всю Европу и поднялъ на ноги ея дипломатовъ. Значить, онъ заключается въ чемъ-то другомъ. Не разъясняетъ его г. Богдановичъ и обвиненіемъ Наполеона III въ желаніи его отвлечь вниманіе Франціи отъ внутренней жизни и обратить его на виѣшнюю

политику. Пусть Наполеонъ — политическій авантюристъ, прибѣгавшій къ разнымъ недостойнымъ средствамъ, чтобы упрочить свою власть и занять легкомысленныхъ французовъ, способныхъ, по словамъ г. Богдановича, только на увлеченія. Но вѣдь Наполеона III теперь уже давно нѣтъ и Франція не только не увлекается, а, напротивъ, держитъ себя очень солидно и даже устраняется отъ внѣшней политики, а между тѣмъ восточный вопросъ возгорѣлся, и, пожалуй, съ большею силою, чѣмъ при Наполеонѣ. Въ чемъ-же поэтому восточный вопросъ? Если онъ въ куполѣ и въ ключѣ отъ іерусалимскаго храма и въ честолюбіи Наполеона III, то эти факторы должны были-бы дѣйствовать и нынче, а если дѣло возникло безъ нихъ, то значить объясненія г. Богдановича не объяснили ничего. Если-же такъ, то зачѣмъ г. Богдановичъ озаглавилъ первую главу такъ громко: „Отношенія Россіи къ Турціи, восточный вопросъ“? Г. Богдановичъ сказалъ-бы, что будетъ говорить „о внѣшнихъ причинахъ войны“. Тогда-бы онъ безбоязненно могъ вдаваться въ тѣ подробности о куполѣ и ключѣ, къ которымъ онъ умудрился свести восточный вопросъ.

III.

Восточный вопросъ—понятіе на-столько сложное, что его и до сихъ поръ еще не разложили и не выяснили, какъ слѣдуетъ, даже европейскіе политики, а про нашихъ историографовъ и говорить нечего. Велицтонъ справедливо говорилъ, что если-бы на свѣтѣ было два Константинополя, то восточный вопросъ не представлялъ-бы никакого затрудненія. Мы не станемъ отрицать, что религіозныя причины въ препирательствахъ о Константинополѣ остаются не безъ вліянія и что религіозное честолюбіе Потемкина заключалось именно въ томъ, чтобы на Семибашенномъ замкѣ выкинуть русскій флагъ, а на Софійской мечети вмѣсто мѣсяца водрузить православный крестъ. Подобное объясненіе восточнаго вопроса, пожалуй, будетъ понятнѣе и для русскаго общественнаго мнѣнія, и для русскаго простонародья, но едва-ли оно будетъ понятно для политически думающей Европы. Вѣдь Европу нисколько не смущаетъ, что въ московскомъ Кремлѣ только русскія церкви и что надъ московскимъ Кремлемъ развѣвается только русскій флагъ. Мы думаемъ, что точно также Европа отнеслась-бы равнодушно и къ тому, если-бы султанъ и всѣ его магометанскіе подданные приняли сегодня-же православіе и на всѣхъ церквяхъ водрузили-бы христіанскіе кресты. Европа, значить, боится не этого; она боится не русскаго креста, вмѣсто мѣсяца, не русскаго знамени развѣ-

ваемаго на соборѣ св. Софіи, а русскаго вліянія на Европу... Слѣдовательно, вопросъ сводится къ Россіи, а Россія на-столько возбуждаетъ недовѣріе Европы, что она готова даже допустить всякія звѣрства и безчеловѣчія, какъ недавно совершившіяся въ Болгаріи, лишь-бы только въ Константинополь оставался султанъ.

Г. Богдановичъ, принадлежа къ старой школѣ патріотическихъ писателей, на многіе факты накидываетъ вуаль и объясняетъ все съ чисто-русской точки зрѣнія. Поэтому онъ умалчиваетъ и о томъ, чѣмъ представлялся всегда Константинополь для Европы. Наполеонъ I, которому, конечно, нельзя отказать въ политическихъ способностяхъ, говорилъ не разъ, что Константинополь есть ключъ міра. Но такъ-какъ этотъ ключъ былъ очень опасный и Наполеонъ зналъ это очень хорошо, то онъ не хотѣлъ вѣрить его ни одной изъ европейскихъ націй, а тѣмъ болѣе Россіи. Вотъ почему въ минуты самыхъ дружескихъ отношеній съ императоромъ Александромъ I Наполеонъ не отнималъ и не покушался даже отнимать Константинополь у султана.

Г. Богдановичъ говорить, что императоръ Николай не имѣлъ не только честолюбивыхъ замысловъ на Константинополь, но даже старался сохранить турецкую имперію. Но тутъ есть маленькое противорѣчіе: извѣстно, напимѣръ, письмо Нессельроде въ февралѣ 1830 года къ великому князю Константину, въ которомъ канцлеръ пишетъ, что вполнѣ зависѣло отъ русской арміи идти прямо на Константинополь и ниспровергнуть турецкую имперію. Если-бы мы нанесли послѣдній ударъ турецкой имперіи, намъ-бы не помѣшала никакая сила и никакая непосредственная опасность не могла-бы насъ отъ этого удержать. Изъ словъ-же г. Богдановича мы знаемъ, что насъ могла удержать отъ этого не европейская сила, а собственное безсиліе. Потерявъ 85,000 войска, мы имѣли только 30,000, съ которыми нельзя было и думать накрыть Константинополь. Завоеваніе Константинополя вовсе не такъ легко; онъ такъ хорошо укрѣпленъ, и съ суши, и съ моря, доступъ къ нему такъ труденъ, что взять его было-бы всегда громаднымъ подвигомъ для Россіи. Слѣдовательно, ясно, что чисто-военныя причины, а, пожалуй, и страхъ передъ Европой мѣшали намъ идти въ 29 году прямо на Константинополь, а не тѣ причины, на которыя ссылается Нессельроде. Эти причины, по его словамъ, заключаются въ томъ, что для Россіи гораздо выгоднѣе, чтобы на югѣ ея находилась безсильная Турція, чѣмъ какое-нибудь другое государство, которое могло-бы соперничать съ нами въ силѣ, цивилизаціи и въ богатствѣ. Если эти слова принять за ключъ русской политики на Востокѣ, то можно вполнѣ вѣрить: во-первыхъ, въ искренность русской политики, а во-вторыхъ, понимать боязнь Европы и страхъ ея при одной мысли,

что Россія станетъ одной ногой на берегу Балканскаго полуострова, а другой—въ Малой Азіи, и такимъ образомъ, овладѣвъ Дарданеллами, будетъ распоряжаться двумя главными морями.

У Екатерины Великой были, дѣйствительно, широкіе планы и она охотно мечтала о томъ, чтобы Турція принадлежала Россіи. Но если вѣрно то, что пишетъ Фридрихъ Великій въ своихъ мемуарахъ, то приходится вѣрить, что еще Петръ Великій страшился громадности Россіи и хотѣлъ сконцентрировать ея народонаселеніе въ среднихъ губерніяхъ. Эту громадность Россіи чувствовалъ и императоръ Николай. Какъ онъ ни былъ убѣжденъ въ своей силѣ и въ своемъ всемогуществѣ, но онъ чувствовалъ, что одной его громадной власти недостаточно, чтобы вести въ стройномъ порядкѣ весь внутренній правительственный механизмъ безграничной территоріи, занимающей половину Европы и треть Азіи. Поэтому въ разговорѣ съ Сеймуромъ въ январѣ 1853 года императоръ сказалъ, что съ его стороны было-бы неблагоприятно желать расширенія русской земли и большого усиленія его власти. „Я первый признаю, сказалъ императоръ, — что единственная опасность, которая можетъ предстоять Россіи, заключается въ той новой территоріальной прибавкѣ, которая увеличитъ и безъ того уже слишкомъ большую мою имперію“.

Значить, съ обѣихъ сторонъ является недовѣріе. Россія не желаетъ имѣть подлѣ себя богатаго, промышленнаго и сильнаго сосѣда, т. е. ни одного изъ европейскихъ государствъ, и находитъ для себя выгоду такого сосѣда, какъ Турція, а Европа не желаетъ на мѣстѣ Турціи видѣть Россію, конечно, нѣсколько по инымъ причинамъ. Если-бы Европа довѣряла Россіи, какъ государству, въ рукахъ котораго Константинополь былъ-бы открытыми воротами, черезъ которыя лились-бы на Европу источники свѣта, цивилизаци и промышленныхъ выгодъ, Европа, конечно, согласилась-бы охотнѣе, чтобы Константинополь былъ въ русскихъ, а не въ турецкихъ рукахъ. Не звѣри-же европейцы, чтобы не понимать, что то, что дѣлаетъ Турція съ своими христіанскими подданными, нельзя ни оправдывать, ни допускать. И въ то-же время она все это допускаетъ и даже оправдываетъ. Не недоразумѣнія раздѣляютъ Европу и Россію, а чистое недовѣріе и взаимное національное своекорыстіе и чуть-ли не больше всего невѣріе въ наше цивилизующее и прогрессивное европейское значеніе. Для нашей національной гордости, конечно, неприятно, что въ Европѣ нашлись писатели, которые производили насъ отъ турановъ и по отношенію къ намъ предлагали такую-же мѣру, какую мы предлагаемъ въ отношеніи Турціи. Мы приводимъ этотъ фактъ вовсе не для того, чтобы подтверждать или отвергать его, а только для того, чтобы конста-

тировать его, чтобъ показать, какой взглядъ существуетъ на насъ въ Европѣ. Пусть этотъ взглядъ нелѣпъ, но одной его нелѣпости еще мало, чтобы онъ пересталъ существовать.

Кромѣ тѣхъ усложненій, которыя вносятся въ восточный вопросъ Россіей и западной Европой, восточный вопросъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть еще и турецкій вопросъ,—вопросъ магометанскаго міра. Гораздо легче изгнать турокъ изъ Европы на словахъ, чѣмъ совершить это въ дѣйствительности, если-бы даже для этого были пущены въ ходъ соединенныя силы Европы. А славянское честолюбіе, которое тоже подняло голову въ нынѣшнюю войну? А невѣжество христіанскихъ подданныхъ Турціи, а испорченность тамошняго духовенства?.. Если-бы г. Богдановичъ, оставивъ исключительно спеціально-военную точку зрѣнія, взглянулъ на восточный вопросъ какъ историкъ, онъ, конечно, увидѣлъ-бы въ немъ такой гордіевъ узелъ, разрубить который способомъ Александра Македонскаго едва-ли кому удастся. Понятно, почему европейскіе политики, раздѣляя мысль Наполеона I, что Константинополь — ключъ міра, желаютъ сдѣлать изъ него нейтральный промышленный пунктъ и открыть турецкія воды для свободнаго пользованія всѣхъ народовъ. Но на-столько-ли политика европейскихъ государствъ способна понять все социальное значеніе этой идеи, чтобы придти къ обоюдному согласію и социальнo-промышленныя цѣли, основанныя на свободѣ сношеній, поставить выше цѣлей индивидуальных? Если-бы г. Богдановичъ разъяснилъ „восточный вопросъ“ съ точки зрѣнія социальнаго прогресса и требованій новѣйшей цивилизаци, онъ не оставилъ-бы своихъ читателей въ недоумѣніи относительно тѣхъ ошибокъ, которыя создали восточную войну 53—56 годовъ, и помогъ-бы вѣрному пониманію теперешнихъ событій. Война—страшное бѣдствіе, кто этого не знаетъ, но одну войну можно допустить, другую—нельзя. Все зависитъ отъ идей, воодушевляющихъ народы, и отъ тѣхъ прогрессивныхъ послѣдствій, которыя слѣдуютъ за восторжествовавшей идеей. А идея восточнаго вопроса именно и осталась невыясненной, а, слѣдовательно, остались невыясненными причины, смыслъ и возможность провѣрки послѣдствій, созданныхъ войной, описываемой г. Богдановичемъ. Г. Богдановичъ до того съузилъ вопросъ, до того оказался безсильнымъ, какъ мыслящій историкъ-публицистъ, что его сочиненіе не больше, какъ подробный перечень военныхъ дѣйствій,—перечень, даже неснабженный какимъ-либо общимъ выводомъ или заключеніемъ. На все это г. Богдановичъ можетъ возразить, что онъ вовсе и не думалъ принимать на себя роль мыслителя и публициста, что задача его, какъ дѣдушки-разсказчика, строго ограничивалась простой передачей и группировкой готовыхъ фак-

товъ; но тогда зачѣмъ-же было начинать издалека и затрогивать общіе теоретическіе вопросы?

IV.

Неудача переговоровъ, которые велъ князь Меншиковъ въ Константинополь, вызвала Императора Николая къ мѣрамъ болѣе рѣшительнымъ. Императору казалось, что только Франція одна отнесется къ Россіи враждебно, а въ англичанахъ, австрійцахъ, нѣмцахъ онъ найдетъ себѣ союзниковъ. И вотъ, чтобы принудить Турцію принять русскія условія, изданъ былъ высочайшій манифестъ о занятіи русскими войсками дунайскихъ княжествъ. Въ запискѣ по поводу вторженія нашихъ войскъ въ княжества, хранящейся въ главномъ архивѣ, цѣль этого занятія опредѣлена такъ: „по полученіи окончательнаго отказа Порты въ принятіи нашихъ условій переправить черезъ Прутъ войска, на молдавской границѣ собираемыя, и занять дунайскія княжества, не объявляя войны, но объяснивъ, что войска наши займутъ эти области въ обезпеченіе, пока Турція не удовлетворитъ справедливыхъ требованій Россіи“. „Жребій былъ брошенъ, говоритъ г. Богдановичъ. — Не желая войны, мы начали войну кровавую“. Но были-ли мы къ ней готовы? Г. Богдановичъ говоритъ, что нѣтъ. Громадныя цифры воинскихъ чиновъ вовсе не соотвѣтствовали тому, что было въ дѣйствительности. Разница между официальной и боевою силою была огромная. По спискамъ, на примѣръ, значился многочисленный, но почти неспособный къ бою корпусъ внутренней стражи. Вооруженіе наше было тоже неудовлетворительно. Въ то время, когда европейскія арміи имѣли уже наръзныя ружья и вся ихъ пѣхота была вооружена ударнымъ ружьемъ, у насъ въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ были еще кремневые ружья. „Обученіе пѣхоты, говоритъ г. Богдановичъ, — ограничивалось чистотою и изяществомъ ружейныхъ приемовъ, точностью пальбы залпами. Кавалерія была парализована столь-же красивою, сколько и неловкою посадкою; артилерія отличалась болѣе быстротою движеній, чѣмъ мѣткостью выстрѣловъ. Маневры, производимые въ мирное время, были эффектны, но мало поучительны. Продовольствіе нижнихъ чиновъ было весьма скудно и зависѣло отъ большаго или меньшаго довольства мѣстныхъ жителей, у которыхъ доводилось стоять войскамъ. Имѣя въ изобиліи главную изъ составныхъ частей пороха, селитру, мы, вступивъ въ борьбу съ коалиціей Европы, терпѣли крайній недостатокъ въ порохѣ. При тогдашнемъ несовершенствѣ нашихъ силъ и способствъ и вообще всей нашей военной системы, намъ были необходимы

военные люди, которые могли-бы вознаградить эти невыгоды своею способностью и боевою опытностью. Военныя способности выказываются, а равно и боевая опытность приобрѣтается только при веденіи большихъ войвъ, гдѣ военначальникъ силою своего генія устремляетъ сотни тысячъ воиновъ къ предначертанной имъ общей цѣли. Въ отечественную войну противъ Наполеона образовались знаменитые вожди: Воронцовъ, Паскевичъ, Ермоловъ, но всѣ они при открытіи восточной войны уже были на закатѣ своей жизни". Итакъ, по словамъ г. Богдановича, наше войско было далеко ниже своей задачи, ниже той громадной и трудной роли, которая предстояла ему въ этой колоссальной борьбѣ. Что-же касается нашихъ полководцевъ, то ни одинъ изъ нихъ по степени своихъ способностей не стоялъ на уровнѣ съ готовившимися событіями. Не знаемъ, что-бы случилось, если-бы критическій взглядъ на боевую русскую силу, высказываемый нынѣ г. Богдановичемъ, былъ такъ-же ясенъ и передъ началомъ крымской войны, но факты говорятъ то, что когда переписка императора Николая съ Наполеономъ не привела ни къ чему, то послѣдовалъ манифестъ объ объявленіи войны,—манифестъ, кончавшійся такъ: „да познаетъ все христіанство, что такъ, какъ мыслить царь русскій, такъ мыслить, такъ дышетъ съ нимъ вся русская семья—вѣрный Богу и Единородному Сыну Его Искупителю нашему Иисусу Христу православный русскій народъ. За вѣру и христіанство подвигаемся! Съ нами Богъ, никто-же за ны!“ А императоръ Николай писалъ къ Наполеону: „возлагая надежду на Бога и на мое право, ручаюсь въ томъ, что Россія явится въ 1854 году такою-же, какою была въ 1812“.

V.

Характеристики главныхъ военныхъ начальниковъ, на отвѣтственность которыхъ г. Богдановичъ возлагаетъ наши неудачи, частію, конечно, поддерживаютъ его выводы. Впрочемъ, и тутъ г. Богдановичъ, съ свойственной ему сдержанностью и односторонностию, не всегда является вполне безпристрастнымъ.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, командовавшій морскими и сухопутными силами въ Крыму, имѣлъ уже 65 лѣтъ. Сообщаемый историкомъ формуляръ князя очень коротокъ: въ 1826 году Меншиковъ былъ полномочнымъ посланникомъ въ Тагеранъ. Въ 1828 году назначенъ начальникомъ главнаго морского штаба. Въ первомъ походѣ турецкой войны Меншиковъ участвовалъ въ осадѣ Варны и овладѣлъ Анапою. Въ 1831 году назна-

чень генераль-губернаторомъ Финляндіи, а передъ открытіемъ восточной войны отправленъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Константинополь. Одаренный замѣчательными природными способностями, острымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ, онъ, по словамъ г. Богдановича, обладалъ многосторонними свѣденіями и имѣлъ случай проявить свои дарованія на поприщахъ: административномъ, дипломатическомъ и военномъ. „Вездѣ онъ показалъ себя государственнымъ человѣкомъ, вѣрно цѣнившимъ положеніе, въ которое былъ поставленъ, и если не всегда достигалъ предполагаемой имъ цѣли, то главную причину его неудачъ должно искать преимущественно въ затруднительности обстоятельствъ, въ которыхъ ему доводилось дѣйствовать“. Если все это такъ, то изъ словъ г. Богдановича возможенъ лишь тотъ выводъ, что князь Меншиковъ по своимъ способностямъ былъ ниже обстоятельствъ, въ которыхъ дѣйствовалъ, и не онъ управлялъ ими, а они имъ.

Другой главнокомандующій, князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, кавалеръ всѣхъ русскихъ орденовъ, былъ 64 лѣтъ. Вся служба его была боевою, но, прослуживъ при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, нетерпѣвшемъ самостоятельности въ подчиненныхъ, Горчаковъ потерялъ всякую увѣренность въ себѣ и, несмотря на присутствующую ему личную храбрость, неоставлявшую его до конца жизни, Горчаковъ сталъ бояться всякой отвѣтственности не только передъ государемъ, но и въ отношеніи общественнаго мнѣнія. „Что скажутъ при дворѣ? Что будутъ толковать въ Петербургѣ?“ Эти вопросы стѣсняли его дѣятельность, не допуская его слѣдовать внушеніямъ своего разума и подчиняя его рѣшимость постороннимъ вліяніямъ. Прямой по чувствамъ и мыслямъ, онъ заискивалъ въ случайныхъ людяхъ; онъ легко шелъ на уступки. Обнаруживая въ военныхъ совѣтахъ и кабинетныхъ занятіяхъ здравый умъ, князь Горчаковъ, какъ только садился на коня и долженъ былъ распоряжаться въ полѣ, становился нерѣшителенъ и терялся на каждомъ шагѣ. Добрый и заботливый Горчаковъ, любя солдатъ, не умѣлъ говорить съ ними. Поэтъ въ душѣ, князь Горчаковъ былъ на мѣстѣ только у себя въ кабинетѣ, но какъ только ему приходилось дѣйствовать въ рѣшительныя и критическія минуты, онъ терялъ голову. Сознавая свою безхарактерность, Горчаковъ говорилъ про себя, что „судьба судила ему пережить цѣлый рядъ дѣлъ доблестныхъ, много дней кровавыхъ, но немного дней радостныхъ“.

Графъ Александръ Николаевичъ Лидерсъ 15 лѣтъ отъ роду, въ чинѣ поручика, участвовалъ подъ начальствомъ графа Каменскаго 2-го въ дѣлахъ подъ Шумлою, въ штурмѣ Руцука и сраженіи подъ Батиномъ. За эти дѣла онъ получилъ золотую шпагу.

Лидерсъ принималъ участіе въ отечественной войнѣ и въ войнѣ 13 года до кульмскаго сраженія. Въ турецкую кампанію 1828 года Лидерсъ командовалъ 27 егерскимъ полкомъ и довелъ его до такого отличнаго состоянія, что корпусный командиръ, графъ Ридигеръ, по прибытіи Лидерса подъ Шумлу, пожавъ ему руку передъ фронтомъ, сказалъ: „гдѣ вашъ полкъ, тамъ не нужно дивизіи“. За кампанію 1829 года Лидерсъ получилъ Георгія 4-й степени, который, какъ выразился графъ Ридигеръ, онъ заслужилъ двадцать разъ. Затѣмъ Лидерсъ участвовалъ въ польской войнѣ, командовалъ войсками въ Дагестанѣ, въ 1848—49 годахъ дѣйствовалъ противъ Венгріи, а его дѣйствія въ Трансильваніи, по словамъ г. Богдановича, должны быть признаны образцовыми. За этотъ походъ Лидерсъ былъ назначенъ генераль-адъютантомъ, получилъ Георгія 2-й степени, а императоръ австрійскій далъ ему орденъ Маріи-Терезіи 2-й степени и Леопольда 1-й степени. Когда началась восточная война, Лидерсу было 57 лѣтъ. Войска, которыми онъ командовалъ, вѣдно было расположить на нижнемъ Дунаѣ, у Реки, Измаила и Тилии. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Богдановичъ,—одинъ изъ лучшихъ генераловъ нашей арміи, столь блистательно выказавшій свои военныя дарованія въ Трансильваніи, былъ обреченъ на бездѣйствіе“.

Генераль Шильдеръ. Въ концѣ ноября 1853 года князь Горчаковъ писалъ военному министру: „сдѣлайте милость, пришлите мнѣ Шильдера; я готовъ дать за него цѣлую дивизію“. Въ другомъ письмѣ къ военному министру Горчаковъ писалъ: „для меня Шильдеръ необходимъ, такого именно здѣсь нужно“. Начальникъ инженеровъ, Карлъ Андреевичъ Шильдеръ отличался большими свѣденіями, сильнымъ воображеніемъ и находчивостью. Къ сожалѣнію, его пылкое воображеніе часто переходило въ фантазію, которую онъ отстаивалъ съ самою крайнею горячностью, не разбирая, съ кѣмъ онъ говоритъ. Однажды его посѣтилъ князь Горчаковъ, и послѣ жаркаго съ нимъ спора, сядя на лошадь, Горчаковъ сказалъ довольно громко: „сущій сатана!“ Услышавъ эти слова, Шильдеръ выскочилъ изъ палатки въ одной рубашкѣ и закричалъ въ догонку: „да, я сатана, настоящій сатана!“ При осадѣ Силистріи лагерь Шильдера, ближайшій къ траншеямъ, находился далеко впереди всѣхъ прочихъ лагерей. Онъ обыкновенно выѣзжалъ на работы въ открытомъ кабриолетѣ, запряженномъ паровъ бѣлыхъ лошадей, либо верхомъ на бѣломъ конѣ, въ бѣлой рубашкѣ. По словамъ г. Богдановича, Шильдеръ былъ фаталистъ и спиритъ. Онъ утверждалъ, что находится въ сношеніяхъ съ умершими и съ императоромъ Александромъ I, предсказавшимъ Россіи успѣхъ въ восточной войнѣ. Фатализмъ и спиритизмъ не помогли, однако, ге-

нералу Шильдеру. 1-го іюня Шильдеръ осматривалъ осадныя работы и осколкомъ гранаты ему раздробило правую ногу. Ногу тотчасъ-же отняли и отправили больного на пароходъ въ Каларашъ, гдѣ онъ и умеръ 11 іюля. Получивъ донесеніе о смерти Шильдера, государь писалъ князю Горчакову: „потеря Шильдера меня крайне огорчила; такого второго не будетъ и по знанію, и по храбрости“.

Князь Бебутовъ, дѣйствовавшій, какъ и Шильдеръ, въ азійтской Турціи, былъ родомъ армянинъ и воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Поступивъ на службу на Кавказъ, онъ обратилъ на себя вниманіе маркиза Паулуччи, у котораго былъ адъютантомъ, Ермолова и Паскевича въ турецкую войну 28 — 29 годовъ. Князь Воронцовъ видѣлъ въ Бебутовѣ единственнаго способнаго человѣка, который понималъ его виды. Императоръ Николай, говорившій съ Бебутовымъ лѣтомъ 1853 года, остался на-столько имъ доволенъ, что на случай болѣзни князя Воронцова назначилъ его командующимъ войсками въ Закавказьѣ. При открытіи восточной войны князь Бебутовъ былъ назначенъ командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ и его непосредственному начальству были поручены наши войска отъ Ахалкалака до Эривани. Бебутовъ, въ противоположность князю Горчакову, принадлежалъ къ людямъ рѣшительнымъ. Когда наступала минута дѣйствія, Бебутовъ поступалъ рѣшительно и смѣло. Послѣ башъ-кадыкларскаго дѣла ни курды, ни баши-бузуки, впродолженіи всей зимы, не осмѣливались тревожить ни мѣстное населеніе, ни русскія войска.

Другой генералъ, дѣйствовавшій тоже въ азійтской Турціи, князь Иванъ Малхазовичъ Андрониковъ, родомъ грузинъ, служилъ при Ермоловѣ и Паскевичѣ въ нижегородскихъ драгунахъ и былъ извѣстенъ какъ храбрый офицеръ. Князь Андрониковъ отличался правдивостью и добродушіемъ, но въ то-же время былъ совершенный невѣжда, не зналъ даже русской грамоты и умѣлъ только подписывать свое имя. Въ самый день прибытія князя Андроникова въ Ахалцыхъ онъ собралъ у себя военный совѣтъ и открылъ его слѣдующей рѣчью: „я не ученый, знаю только, что мы должны идти на турокъ и разбить ихъ, а подробности распоряженій предоставляю вамъ, господа“. Затѣмъ, выслушавъ мнѣніе присутствующихъ, князь рѣшилъ: „На слѣдующій день произвести рекогносцировку, а затѣмъ выступить всѣмъ войскамъ изъ стараго города противъ турокъ. Жителямъ — у кого есть ружье, то съ ружьемъ, а у кого нѣтъ, то съ коломъ, оставаться у домовъ своихъ“.

Генералъ отъ инфантеріи Николай Николаевичъ Муравьевъ 1-й

былъ назначенъ въ концѣ 54 года намѣстникомъ кавказскимъ и главнокомандующимъ отдѣльнымъ корпусомъ. Онъ началъ свою боевую службу въ 1812 году. Участвовалъ въ штурмѣ Варшавы, въ закавказскомъ походѣ, а оставивъ на время службу, снова вступилъ въ нее въ 1848 году. Когда назначили его намѣстникомъ кавказскимъ, Муравьеву было 62 года. Онъ получилъ хорошее общее образованіе, но спеціальностію его было изученіе службы генеральнаго штаба. Онъ отлично говорилъ по-польски, по-французски, по-нѣмецки, по-англійски, написалъ татарскую грамматику и уже не въ молодыхъ годахъ учился по-еврейски. Муравьевъ игралъ на многихъ инструментахъ и хорошо рисовалъ. Но его способности мало ему помогали въ жизни, потому что Муравьевъ отличался тяжелымъ, неуживчивымъ характеромъ и съ равными, и съ подчиненными. Самолюбію его не было предѣловъ. Своею подозрительностію и недовѣрчивостію онъ оскорблялъ самыхъ преданныхъ людей, а педантизмъ его доходилъ до крайности. „Стараясь утвердить всѣхъ во мнѣніи, что не было части, которая не была бы ему знакома, что не было знанія, которое могло быть ему чуждо, онъ подавлялъ всякую самостоятельность въ своихъ подчиненныхъ, говорить г. Богдановичъ.—Это было тѣмъ болѣе замѣтно, что характеръ его предшественника, князя Бебутова, отличался совершенно противоположными чертами: на-сколько Бебутовъ былъ привѣтливъ, ласковъ и сообщителенъ, на-столько Муравьевъ былъ суровъ и замкнутъ въ самомъ себѣ. На-сколько первый обладалъ даромъ привлекать своихъ подчиненныхъ, на-столько другой чуждался ихъ. Одинъ умѣлъ одушевлять своихъ солдатъ немногими задушевными словами, другой старался дѣйствовать на нихъ краткорѣчивыми приказами“.

VI.

Наши военныя дѣйствія во всю восточную войну нельзя назвать особенно счастливыми. Гораздо легче давались намъ побѣды надъ турками, да и тѣ, какъ, напримѣръ, осада Карса, обходились очень дорого. Первая битва была для насъ и первой неудачей; битвой этой былъ приступъ Ольтеницы. Войско смѣло шло на приступъ, и когда непріятель сдѣлалъ залпъ картечью изъ всѣхъ орудій укрѣпленія и вслѣдъ за тѣмъ открылъ по всей линіи ретраншмента батальный огонь, колонны наши пріостановились на одно мгновеніе и снова пошли на штурмъ. Непріятель, устрешенный смѣлымъ натискомъ, сталъ свозить свою артилерію; часть пѣхоты и кавалеріи поспѣшно уходила къ берегу Дуная. Огонь турокъ

замѣтно сдѣлался слабѣе и уже наши охотники стали спускаться въ ровъ, какъ генераль Даненбергъ приказалъ прекратить штурмъ и отвести войска. Войска отошли неохотно, но въ порядкѣ. Мы потеряли 970 человекъ выбывшими изъ строя. Общій голосъ утверждалъ, что войска овладѣли-бы ольтеницкимъ карантиномъ, если-бы не получили приказанія отступить. И дѣйствительно, что заставило отказаться отъ успѣха? спрашиваетъ г. Богдановичъ. Если боялись, что турки, очистивъ укрѣпленія, будутъ дѣйствовать по нимъ съ тыла всѣми батареями, въ такомъ случаѣ не слѣдовало предпринимать штурма. Если-же мы нашли укрѣпленія болѣе сильными, чѣмъ показала рекогносцировка, значитъ рекогносцировка была недостаточной, чтобы рѣшиться на отважное предпріятіе. Главную ошибку сдѣлалъ Горчаковъ: онъ послалъ бригаду вмѣсто дивизіи, не подумавъ о томъ, что первое неудачное предпріятіе могло оказать вліяніе на всю кампанію. „Но кто-бы ни былъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ, замѣчаетъ г. Богдановичъ,—несомнѣнно то, что наши войска честно исполнили свой долгъ и что турки не могли похвалиться побѣдою: мы отступили, но не были отбиты“. Утѣшеніе, конечно, слабое, и выговоръ генералу Даненбергу, сдѣланный Горчаковымъ, за неисполненіе имъ тактическихъ правилъ, утвержденныхъ уставомъ, не вознаградилъ насъ за двойную неудачу.

За то мы были гораздо счастливѣе подъ Синопомъ. Россія ликовала при вѣсти о побѣдѣ, Европа-же называла наше нападеніе на турецкую эскадру вѣроломнымъ нарушеніемъ условій народнаго права. Англійскіе публицисты увѣряли даже, что истребленіе турецкой эскадры было сдѣлано нами совершенно украдкой. Синопское дѣло, создавшее Нахимову популярность, было единственнымъ блестящимъ дѣломъ.

Въ слѣдующихъ за Синопомъ сраженіяхъ при Четати и Фонтыка-Банулуй счастье снова отвернулось отъ насъ, такъ что императоръ изъявилъ князю Горчакову свое неудовольствіе. Государь, между прочимъ, писалъ: „въ послѣдній разъ требую, чтобъ въ рапортахъ ко мнѣ писана была *одна правда*, какъ есть, безъ романовъ и пропусковъ, вводящихъ меня въ совершенное недоумѣніе о происходившемъ. Здѣсь, напримѣръ: 1) зачѣмъ войска были растянуты такъ, что въ Четати стоялъ Баумгартенъ съ 3-мя батальонами, въ Моцеевъ Бельгардъ съ 4-мя, а Анрепъ въ Бый-Лешти, на оконечномъ главномъ флангѣ, съ главнымъ резервомъ? 2) Зачѣмъ, по первому свѣденію о движеніи турокъ, Анрепъ не пошелъ имъ прямо въ тылъ, что, кажется, просто было и отчего-бы, вѣроятно, изъ нихъ никто-бы не воротился въ Калафать? 3) Отчего Анрепъ съ 15 эскадронами и конной батареей опоздалъ и не пре-

слѣдоваль бѣгущихъ турокъ? Все это мнѣ объясни, ибо ничего этого изъ реляціи понять не можно. Ежели такъ будемъ тратить войска, то убьемъ ихъ духъ и никакихъ резервовъ не достанетъ на ихъ пополненіе. Тратить надо на рѣшительный ударъ—гдѣ-же онъ тутъ? Потерять 2,000 человекъ лучшихъ войскъ и офицеровъ, чтобы взять 6 орудій и дать туркамъ спокойно воротиться въ свое гнѣздо, тогда какъ надо было радоваться давно желанному случаю, что они, какъ дураки, вышли въ поле, и не дать уже ни одной душѣ воротиться. Это просто задача, которой угадать не могу. Но душевно огорченъ, видя подобныя распоряженія^а.

О сраженіи подъ Баяндуромъ г. Богдановичъ говоритъ, что лучше-бы, если-бы его не было. Оно было весьма чувствительно для насъ по потерѣ въ людяхъ, артилерійскихъ лошадяхъ и еще болѣе по неблагоприятному впечатлѣнію, произведенному имъ на пограничное населеніе. Оставшись нѣкоторое время на полѣ сраженія, какъ для отдыха, такъ и для уборки раненыхъ, князь Бутовъ приказалъ своимъ войскамъ возвратиться въ Александрополь. Позднею осеннею ночью возвращались войска подъ стѣны крѣпости. Повозки съ убитыми и ранеными тянулись длинной вереницей. Раны были почти всѣ тяжелыя; стоны раненыхъ производили тяжелое впечатлѣніе. Общее настроеніе было довольно мрачное. Всѣмъ было ясно, что неизбѣжна скорая встрѣча съ неприятелемъ, а между тѣмъ въ Александрополь еще не успѣло собраться и то небольшое число войскъ, которое было назначено противъ турокъ. Въ медицинскихъ и перевязочныхъ средствахъ и даже въ боевыхъ запасахъ чувствовался сильный недостатокъ.

Побѣда подъ Ахалцыхомъ подѣйствовала нѣсколько возбужденно на подъемъ духа александропольскаго отряда и князь Бутовъ напалъ на турокъ при Башъ-Кадыкларѣ. Неприятель потерялъ весь лагерь, обозъ, 24 орудія и около 6,000 убитыми и ранеными.

Дѣлая выводъ изъ общаго обзора событій на кавказско-турецкой границѣ въ 1853 году, г. Богдановичъ говоритъ, что война застала насъ врасплохъ. Мы были вынуждены на военныя дѣйствія раньше, чѣмъ были къ нимъ готовы; турки-же, напротивъ, имѣли на своей сторонѣ перевѣсъ какъ въ численности, такъ и въ враждебномъ настроеніи противъ насъ мѣстнаго населенія. Спасла насъ только опытность кавказскихъ генераловъ да отличный духъ закаленныхъ въ бою кавказскихъ войскъ.

Въ 1854 году дѣйствія наши начались переправой черезъ Дунай, но въ слѣдующихъ затѣмъ дѣйствіяхъ князь Горчаковъ, боясь отвѣтственности, сдѣлался еще болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ онъ былъ, и сталъ удерживать наступленіе войскъ Лидерса, кото-

РЫЙ могъ-бы въ 10 или 12 дней застать турокъ врасплохъ въ Силистріи и взять эту крѣпость. Медленность и нерѣшительность Горчакова вынудили императора Николая поручить главную команду войсками Паскевичу. Императоръ вполнѣ довѣрялъ Паскевичу и думалъ, что онъ удачно выполнитъ составленный имъ самимъ планъ кампаніи. Но князь варшавскій былъ ужь слишкомъ старъ и не оправдалъ ожиданій государя. Съ первыхъ-же дней своего прибытія въ армію Паскевичъ выразилъ неувѣренность въ успѣхъ дѣла и все больше и больше сомнѣвался въ благоприятномъ исходѣ борьбы. Относительно осады Силистріи, предпринятой Паскевичемъ, г. Богдановичъ говоритъ, что, располагая такими силами, какія еще никогда не были сосредоточены ни противъ одной изъ турецкихъ крѣпостей, фельдмаршалъ пропустилъ цѣлый мѣсяць и не обложилъ Силистріи. Этимъ онъ далъ туркамъ возможность подвозить въ крѣпость продовольствіе, порохъ, снаряды и даже вводить подкрѣпленія. И потому г. Богдановичъ заключаетъ, что Паскевичъ предпринялъ осаду Силистріи противъ собственнаго убѣжденія, опасаясь, съ одной стороны, высадки англо-французовъ, а съ другой—вступленія австрійцевъ въ княжества, и сомнѣвался въ удачѣ ввѣреннаго ему дѣла. „Только такимъ образомъ можно объяснить сооруженіе кругомъ нашего лагеря бесполезныхъ полевыхъ укрѣпленій, вооруженныхъ осадною артилеріею, которую безпрестанно туда перетаскивали съ осадныхъ батарей, а потомъ возвращали на прежнія мѣста безъ всякой причины“. 28 мая подъ личнымъ начальствомъ Паскевича было предпринято общее наступленіе на Силистрію, но не для штурма, а чтобы обозрѣть отдѣльныя непріятельскія укрѣпленія, расположеніе турецкихъ войскъ, чтобъ показать нашимъ войскамъ, какъ маневрировать и устраиваться въ виду непріятели, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы турки видѣли, какъ велики наши силы. Фельдмаршалъ, обозрѣвъ въ этой рекогносцировкѣ непріятельскія укрѣпленія, поѣхалъ обратно, когда непріятельское ядро упало у самыхъ ногъ его лошади. Лошадь сдѣлала прыжокъ и завертѣлась на мѣстѣ. Думали, что фельдмаршалъ раненъ, но не оказалось ни раны, ни малѣйшей боли отъ контузіи. Но на другой день почувствовалась боль, воротились припадки молдавской лихорадки и Паскевичъ слегъ въ постель. Начальство надъ арміею было поручено Горчакову. Наконецъ, былъ назначенъ день для штурма. Всѣ приготовления къ нему были окончены; войска уже двинулись на указанныя имъ мѣста, какъ вдругъ около полуночи пріѣхалъ адъютантъ князя варшавскаго съ предписаніемъ снять немедленно осаду и перейти со всѣми силами на лѣвую сторону Дуная. Приказаніе это было получено нѣкоторыми войсками только за четверть

часа до ракеты, которая должна была служить сигналомъ къ штурму. „Никогда вѣстникъ самаго бѣдственнаго событія не былъ встрѣченъ такъ непривѣтливо, какъ встрѣтили офицеры и солдаты адъютанта фельдмаршала. вмѣстѣ съ этимъ предписаніемъ князь Горчаковъ получилъ отъ Паскевича такое письмо: „желаніе наше, любезный князь, исполнилось: государь приказалъ прекратить осаду Силистріи и отвести войска на лѣвый берегъ Дуная“. Г. Богдановичъ замѣчаетъ, что государь, дѣйствительно, разрѣшилъ снять осаду, но только въ такомъ случаѣ, если-бы осадный корпусъ не могъ взять Силистріи, опасаясь быть атакованнымъ превосходными силами. „А такой опасности не было, говоритъ г. Богдановичъ,—и даже весьма вѣроятно, что если-бы мы не потеряли напрасно цѣлый мѣсяцъ и умѣли овладѣть Силистріей въ началѣ мая, то, съ одной стороны, Австрія была-бы осторожнѣе въ своихъ домогательствахъ, а съ другой — англо-французы, будучи заняты непосредственною защитою Турціи, можетъ быть, не рѣшились-бы предпринять крымскую экспедицію“. Если этотъ выводъ правиленъ, то, конечно, Паскевичъ своею нерѣшительностью и боязнью оказалъ на закатѣ дней своихъ плохую услугу Россіи.

Получивъ донесеніе о снятіи осады, императоръ Николай писалъ, между прочимъ, князю Горчакову: „боюсь только, чтобы это отступленіе не уронило духъ въ войскахъ. Скажи всѣмъ, что я ихъ храбростью, терпѣніемъ вполнѣ доволенъ. Но чтобы былъ успѣхъ, слѣдуетъ не дробиться черезчуръ и нужно *единначаліе*. Князь Иванъ Федоровичъ (Паскевичъ) сдалъ тебѣ команду, итакъ дѣйствуй *самъ, рѣшительно* и съ полной развязкой и отвѣтственностью. Мое довѣріе къ тебѣ, какъ и всегда было, полнос. Тебѣ, можетъ быть, суждено Провидѣніемъ положить начало торжеству Россіи. Богъ намъ помощь, защита и утѣшеніе. Не будемъ унывать“... Слѣдовательно, не одинъ Паскевичъ и Горчаковъ, а и самъ императоръ Николай не совсѣмъ вѣрилъ въ успѣхъ нашей борьбы, и послѣдствія доказали, на-сколько эта неувѣренность оправдалась.

Командующій въ Крыму князь Меншиковъ донесъ государю, что въ виду Евпаторіи появился многочисленный англо-французскій флотъ и что вслѣдъ затѣмъ непріятель высадился на берегъ у Евпаторіи. вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ писалъ, что „не признавъ возможнымъ атаковать высаженныя войска на плоскомъ берегу, обстрѣливаемомъ съ флота, сосредоточилъ большую часть своихъ силъ на выгодной позиціи, въ которой готовится встрѣтить противника“, и что „состоящія подъ его начальствомъ войска, одушевленные рвеніемъ и преданностью престолу и отечеству, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ минуты сразиться съ непріятелемъ“. Со-

юзники ждали, что ихъ встрѣтитъ сопротивленіе при высадкѣ, но войска наши стояли при рѣкѣ Альмѣ и высадкѣ не помѣшали. Сраженіе подъ Альмой было первымъ проиграннымъ нами въ Крыму сраженіемъ. Главными причинами нашей неудачи было, во-первыхъ, то, что непріятель оказался вдвое сильнѣе насъ, что большая часть его войска имѣла нарѣзные ружья, тогда какъ у насъ было только 2,200 штуцерныхъ. Позиція наша не была достаточно укрѣплена; войско было расположено несоотвѣтственно мѣстности. Наконецъ, въ дѣйствіяхъ частей не было никакой связи. „Князь Меншиковъ, говоритъ Богдановичъ, — которому были хорошо извѣстны общія, почти неизбѣжныя неудобства большихъ штабовъ, старался замѣнить ихъ временнымъ порученіемъ штабныхъ обязанностей даровитымъ офицерамъ, но на опытѣ оказалось, что для исполненія порученій главнокомандующаго и для направленія къ общей цѣли войскъ невозможно обойтись безъ устроеннаго по-надлежащему штаба“. Непосредственнымъ послѣдствіемъ сраженія при Альмѣ было отступленіе нашей арміи къ Севастополю.

Когда непріятельская армія, считавшая въ своихъ рядахъ около 60,000 человекъ, подошла къ Севастополю, въ русскомъ войскѣ, составлявшемъ севастопольскій гарнизонъ, было всего 16,000 человекъ. Отъ князя Меншикова не было никакихъ извѣстій и сообщеніе съ нимъ было прервано. Севастопольскому гарнизону, говоритъ г. Богдановичъ, оставалось одно — честная смерть. Утромъ 16 сентября прибылъ въ Севастополь отъ князя Меншикова лейтенантъ Стеценковъ узнать о состояніи города и извѣстить, что армія дня черезъ два появится въ виду Севастополя. А между тѣмъ Севастополь былъ почти не укрѣпленъ. Никто не ожидалъ, что непріятель двинется на него. Въ первые шесть дней послѣ появленія союзниковъ подъ Севастополемъ, какъ писалъ Кинглей, „русская армія удалилась и объ ней не было никакого слуха; флотъ стоялъ неподвижно, какъ-бы на мели. Войска, оставленныя на защиту города, состояли изъ солдатъ резерва, моряковъ и рабочихъ, большею частію необученныхъ дѣйствию на сухомъ пути“. Правда, и союзники послѣ отступленія нашей арміи съ Альмы могли бы немедленно атаковать Севастополь, но они этого не сдѣлали, дали намъ время усилить защиту Севастополя инженерными работами и вооружить на-скоро возведенныя батареи орудіями большаго калибра. Союзники сдѣлали этимъ большую ошибку и дали время защитникамъ Севастополя на-столько укрѣпить его, что оборона продолжалась 11 мѣсяцевъ. Но уже съ самаго начала и главнокомандующій, и императоръ Николай не были вполнѣ увѣрены въ успѣхъ борьбы. Послѣ перваго бомбардированія Севастополя императоръ Николай писалъ Меншикову: „донесеніе отъ 11 числа,

любезный Меньшиковъ, получилъ сегодня вечеромъ. Геройская оборона, столь успѣшно продолжающаяся, и частные случаи молодечества изумительнаго меня восхищаютъ. Тѣмъ было-бы мнѣ горестнѣе, ежели-бъ всѣ эти примѣрные усилія несравненныхъ нашихъ войскъ должны были кончиться тѣмъ, чтобъ мы бросили Севастополь, перейдя на сѣверную сторону“. Въ письмѣ-же къ князю М. Д. Горчакову императоръ писалъ: „вчера вечеромъ получилъ донесеніе Меньшикова отъ 11 числа. Бомбардировка продолжалась и усиливалась, но мужественная, геройская защита не слабѣла, кромѣ ежедневной убыли храбрыхъ защитниковъ. Меньшиковъ не ручался, но и не отчаявался продлить оборону до прибытія 10-й и 11-й дивизіи. Дай Богъ! Грустно несказанно будетъ мнѣ, если столько подвиговъ геройскаго мужества, безусловной преданности, вѣрности долгу пропади-бы даромъ! Страшно подумать, но ко всему надо быть готовымъ и покориться волѣ Божіей...“ Послѣ дѣла подѣ Балаклавой, дѣла небольшого, защитники Севастополя убѣдились въ невозможности долѣе бороться съ сильнымъ противникомъ, но и англо-французы стали скромнѣе. Что-же касается стратегическаго значенія этого дѣла, то выгоды его достались не намъ, а противникамъ. Мы поспѣшили и атаковали англичанъ, не дождавшись прибытія подкрѣпленія, тогда-какъ съ большими силами, напавъ на неожиданнаго насъ противника и овладѣвъ Балаклавою,—базою англійскихъ войскъ,—мы поставили-бы ихъ почти въ безвыходное положеніе. Теперь-же дѣло это указало союзникамъ слабѣйшій пунктъ ихъ расположенія и заставило ихъ принять мѣры для отраженія грозившаго имъ удара.

Въ сраженіи подѣ Инкерманомъ мы изъ 35,000 человекъ потеряли болѣе 10,000. Можетъ быть, никогда еще наши войска не дрались такъ хорошо, какъ здѣсь. Не одинъ разъ дѣло доходило до рукопашной. Солдаты обѣихъ сторонъ въ пылу боя не давали другъ другу пощады. Но благодаря главнокомандующему, мужество солдатъ не привело ни къ чему. Князь Меньшиковъ, задумавъ отступленіе, оставилъ внѣ дѣла болѣе трети войскъ. „Но и подѣ Инкерманомъ, какъ и при Альмѣ, главнокомандующій, подвергаясь случайностямъ боя наравнѣ съ своими солдатами, не исполнилъ высокихъ обязанностей полководца, не устремилъ къ общей цѣди усилія вѣранныхъ ему храбрыхъ воиновъ, а предоставилъ начальникамъ ихъ распоряжаться каждому по собственному усмотрѣнію. Отъ этого не доставало главнаго условія для успѣха—согласія въ дѣйствіяхъ, и побѣда ускользнула изъ рукъ нерѣшительнаго военначальника“, говоритъ г. Богдановичъ.

На третій день по полученіи донесенія о сраженіи при Инкерманѣ государь писалъ князю М. Д. Горчакову: „Крайне жалѣ.

что намѣреніе князя Меньшикова не имѣло удачи, стоивъ столько драгоцѣнной крови; потеря храбраго Соймонова весьма чувствительна. Но еще болѣе сожалѣть должно, что эта неудача, нисколько неуронившая духа войскъ, отразилась на князѣ Меньшиковѣ такимъ упадкомъ духа, что наводитъ на меня опасеніе самыхъ худшихъ послѣдствій. Онъ не скрываетъ, что не видитъ болѣе надежды съ успѣхомъ атаковать союзниковъ, и предвидитъ даже скорое паденіе Севастополя... Страшно подумать! Но держась постоянно правила предвидѣть худшее, чтобы имъ не быть неожиданно застигнутымъ, не скрываю отъ тебя, что надежды на лучшій исходъ, развѣ по особой милости Божіей, не предвижу. Готовясь къ тому, прошу тебя мнѣ сообщить мысли твои, что въ такомъ случаѣ считаешь за лучшее предпринять, чтобы, по крайней мѣрѣ, остановить дальнѣйшія, еще худшія послѣдствія. Съ потерей Севастополя наврядъ-ли Меньшиковъ отстоитъ и Крымъ, въ особенности, ежели новый десантъ, какъ говорятъ, будетъ высаженъ у Евпаторіи, дабы угрожать Перекопу и тѣмъ совершенно отрѣзать наше сообщеніе. Ужасно и подумать...”

Извѣстіе о неудачномъ штурмѣ Евпаторіи застало императора Николая на одрѣ болѣзни, и въ отвѣтъ на донесеніе князя Меньшикова наслѣдникъ престола писалъ: „Государь, чувствуя себя не совершенно здоровымъ, приказалъ мнѣ, любезный князь, отвѣчать его именемъ на послѣдняго курьера. Его величество крайне былъ огорченъ значительною потерею, вновь повесенною нашими войсками безъ всякаго результата. Его величество не можетъ не припомнить вамъ, что онъ предвидѣлъ этотъ грустный результатъ“. Затѣмъ наслѣдникъ прибавляетъ, что государь, извѣстившись съ прискорбіемъ о болѣзненномъ состояніи главнокомандующаго и желая ему доставить средства поправить и укрѣпить разстроенное службою здоровье, высочайше увольняетъ его отъ командованія крымской арміей и ввѣряетъ ее начальству генераль-адъютанта князя Горчакова... Это было послѣднее распоряженіе императора Николая. „Августѣйшему наслѣднику его, говоритъ г. Богдановичъ,—предстоялъ тяжелый подвигъ окончить борьбу Россіи съ четырьмя державами и исцѣлить раны, нанесенныя Россіи. Положеніе дѣлъ было грозное. Союзники готовили для продолженія войны огромныя силы и располагали огромными средствами, а переговоры, возобновленные въ Вѣнѣ, мало подавали надежды на рѣшеніе кроваваго спора мирнымъ путемъ“.

Черезъ два мѣсяца новый главнокомандующій доносилъ государю: „положеніе мое начинаетъ дѣлаться отчаяннымъ... теперь я только думаю объ одномъ: какъ-бы оставить Севастополь, не понеся безпримѣрнаго въ 20,000 урона. Я болѣе не въ состояніи защи-

щать этотъ несчастный городъ... Одно, въ чемъ не теряю я надежды, это то, что, можетъ быть, отстою полуостровъ. Богъ и ваше величество свидѣтели, что во всемъ этомъ не моя вина“.

Удача подъ Карсомъ не уравнивала потерь подъ Севастополемъ. Да и была-ли это настоящая удача? Штурмъ Карса стоилъ намъ почти 7,500 людей, тогда-какъ турки потеряли только 1,400. „Побѣдителя не судятъ, за то побѣжденнаго всегда осуждаетъ общественное мнѣіе, говоритъ г. Богдановичъ. — Тѣ самые, которые упрекали прежде генерала Муравьева за бездѣйствіе подъ Карсомъ, не находили довольно словъ для порицанія его за опрометчивый штурмъ, стоившій такъ дорого и недостигшій цѣли“. Впослѣдствіи Карсъ, конечно, сдался, но онъ былъ взятъ не силой, не штурмомъ, а блокадой. Турки были изнурены до крайности. По словамъ Вильямса, въ войскѣ умирало каждый день 150 человѣкъ отъ голода; помощи не могло явиться ни откуда, и Карсу осталось только одно — сдаться на великодушіе противника.

Послѣ отдачи Севастополя мы владѣли еще громадными военными силами и на-лицо состояло у насъ 784 генерала, 20,000 офицеровъ, 974,556 нижнихъ чиновъ. Въ резервѣ и запасныхъ войскъ было: 113 генераловъ, 7,763 офицера и 572,158 нижнихъ чиновъ, наконецъ, 240,000 ополченія, а всего 1,786,000.

Хотя съ этими силами мы могли-бы еще продолжать борьбу, но необходимость мира на-столько чувствовалась, что война, необѣщавшая намъ никакихъ выгодъ, была кончена парижскимъ трактатомъ.

Наступило время реформъ.

Мы познакомили читателя только въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ 4 томовъ „Восточной войны“ г. Богдановича. Дѣйствительно, изъ тѣхъ фактовъ, которые онъ сообщаетъ, только и можно сдѣлать тотъ выводъ, который онъ дѣлаетъ, т. е. усмотрѣть причины всѣхъ потерь въ ошибкахъ главнокомандующихъ. Но удовлетворяетъ-ли этотъ выводъ? Даль-ли г. Богдановичъ подробную критику ошибокъ и не однихъ главнокомандующихъ? Могутъ-ли его 4 тома служить чѣмъ-нибудь руководящимъ для военныхъ людей или выясняющимъ общія причины неудачъ? Ничего подобнаго г. Богдановичъ не даетъ и его „Восточная война“ — не больше, какъ военная лѣтопись борьбы нашей въ Крыму и въ азійской Турціи, — лѣтопись подробная, но въ сущности несообщающая ничего новаго. „Восточная война“ г. Богдановича вовсе не исторія, а только матеріалъ для исторіи, и военныя событія того времени, которымъ посвященъ его трудъ, еще ждутъ своего историка.

Н. Языковъ.

ГОГЪ И МАГОГЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

(„Путешествіе въ страну миллиардовъ“. В. Тиссо. Переводъ съ 21 изданія. Спб. 1876.—German Home Life. London, 1876.)

Первое мѣсто въ ряду творцовъ военной цивилизаціи въ Пруссіи принадлежитъ безспорно первому прусскому королю Фридриху-Вильгельму, умершему во второй половинѣ прошлаго вѣка. Это былъ деспотъ, но не вродѣ восточныхъ деспотовъ; онъ даже не дорожилъ своею короною и болѣе, чѣмъ ею, гордился своею традиціонною вассальною зависимою отъ австрійскаго императора. Это былъ не государь, а помѣщикъ, которому достались по наслѣдству обширныя земли, бѣдныя, плохо обработанныя, но населенныя сильными людьми, издавна приученными къ трудолюбію и покорности. Фридрихъ взялъ этотъ народъ въ руки. Главною его заботою была экономія; онъ даже свое семейство держалъ впроголодь, кормилъ изъ оловянной посуды, вычиталъ у повара изъ жалованья стоимость испорченныхъ имъ кушаній. Водворяя въ государствѣ порядокъ, онъ подчинилъ его самой чудовищной регламентаціи, предписывая, на примѣръ, чтобы ни одного барана не смѣли пасти вмѣстѣ съ овцами, чтобы всѣ цвѣтныя овцы, сѣрыя, черныя, пестрыя, были уничтожены втеченіи двухъ лѣтъ, чтобы во всей странѣ не употребляли другихъ мѣръ емкости, кромѣ мѣдныхъ, приготовленныхъ въ Берлинѣ и разосланныхъ на счетъ подданныхъ и т. д. Горе, бывало, берлинцу, котораго онъ встрѣтитъ праздношатающагося по улицамъ: „ступай домой, негодяй, и работай“, кричалъ онъ ему, отвѣшивая полновѣсные удары дубинкой. Одинъ еврей,

завидя его на улицѣ, хотѣлъ-было улепетнуть, но король догналъ и отколотилъ его, приговаривая: „не бояться, а любить, любить меня должны вы!“ Но несмотря на всѣ эти чудовищныя выходки, король высоко поднялъ народное хозяйство и оставилъ своему наслѣднику государственное казначейство съ капиталомъ около 9,000,000 талеровъ. При этомъ онъ былъ самъ первымъ работникомъ, трудился цѣлую жизнь, ненавидѣлъ роскошь и столь обычное въ то время волокитство. Онъ однажды только приволокнулся за какой-то фрейлиной, но вздумалъ начать романъ съ конца и получилъ такой ударъ по лицу, что у него изо рта и изъ носа хлынула кровь. „Вы храбрая дѣвица, но злы, какъ чортъ“, замѣтилъ король. Какъ ни скандаленъ этотъ случай, но онъ показываетъ, что въ душѣ короля жило чувство справедливости.

Другою заботою Фридриха-Вильгельма было образование войскъ. Въ особенности онъ хлопоталъ о трехъ батальонахъ гренадеровъ, жившихъ у него подъ особымъ попеченіемъ въ Потсдамѣ и состоявшихъ изъ великановъ, накупленныхъ, даже наворованныхъ королевскими агентами въ разныхъ странахъ. Ни для какого военного дѣла эти великаны не годились, но никто въ Пруссіи и заикаться объ этомъ не смѣлъ, такъ-какъ великаны были маніей короля. Вся страна была превращена въ казарму, а столица—въ громадную гауптвахту, на которой съ утра до ночи шли ученья, парады, оглушительный бой барабановъ и стрѣльба, отъ которой звенѣли окна въ домахъ мирныхъ обывателей. Семейство короля не имѣло покоя отъ этихъ экзерцицій. „Мы вели самую несчастную жизнь, пишетъ дочь его. — Въ семь часовъ утра насъ уже пробуждало ученье королевскаго полка, происходившее подъ нашими окнами въ нижнемъ этажѣ. Стрѣльба не прекращалась цѣлое утро. Въ десять часовъ шли мы къ матери и должны были оставаться съ ней вплоть до обѣда, проводя время во вздохахъ. За столомъ, за которымъ большая часть присутствующихъ должна была питаться запахомъ скудныхъ и дурно приготовленныхъ кушаній, шла рѣчь о тѣхъ-же солдатахъ да еще объ экономіи“. Народъ былъ тоже недоволенъ военными тягостями, побѣги солдатъ страшно усилились и никакими строгостями остановить ихъ не могли, такъ-какъ дезертирамъ помогало все сочувствовавшее имъ населеніе. Даже между королевскими любимцами-великанами не разъ обнаруживались заговоры. Однажды 20 великановъ, купленныхъ въ Россіи, бѣжали на родину; съ трудомъ удалось поймать ихъ и вернуть. Другой заговоръ великановъ причинилъ еще большее огорченіе королю; это были очень рослые люди, купленные не дешево, и вслѣдствіе казни однихъ изъ нихъ и обрѣзанія носовъ другимъ король понесъ убытку 30,000 талеровъ. Но

какъ ни волновался народъ, твердая воля короля, „крѣпкая, какъ бронзовая скала“, по его собственному выраженію, обуздала его, создавъ изъ пруссаковъ превосходный матеріалъ для фабрикаціи солдатъ и оставивъ наслѣднику отличную армію болѣе, чѣмъ въ 70,000 человекъ. Офицеры, стоявшіе во главѣ этого войска, были первыми людьми въ государствѣ, а король — ихъ товарищемъ. Почти всѣ дворяне были забраны въ офицеры; все это были грубые, невѣжественные солдафоны, пьяницы, скандалисты, но храбрые рубаки. Даже прусскіе пивные патриоты, вродѣ Фрейтага, ссзываются, что армія была школою казарменнаго патриотизма, насажденнаго въ странѣ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. „Офицерская честь, говоритъ Фрейтагъ,—первая породила въ прусскомъ войскѣ приверженность дворянства къ идеѣ государства. Въ арміи Гогенцолерновъ въ первый разъ въ грубыхъ душахъ офицеровъ и солдатъ зародилась мысль, что человекъ обязанъ своею жизнью отечеству. Ни въ одной части Германіи не было недостатка въ храбрыхъ солдатахъ, готовыхъ умереть за знамя, которому они служили“. Это направленіе патриотизма сдѣлалось съ тѣхъ поръ традиціоннымъ средоточіемъ всей національной жизни, которая оживала только во времена военнаго одушевленія, засыпала и падала въ періоды мира.

Осенью 1740 г. новый король Пруссіи, Фридрихъ II, сидѣлъ въ своемъ увеселительномъ замкѣ надъ только-что вышедшимъ въ Голандіи его первымъ сочиненіемъ „Антимакиавель“, въ которомъ онъ съ юношескимъ идеализмомъ опровергалъ систему великаго флорентійца и писалъ: „были времена, когда печальную славу завоевателя предпочитали кротости, справедливости и всякой добродѣтели. Въ наше-же время, какъ я замѣчаю, человѣчность цѣнится выше всѣхъ подвиговъ завоевателя. Новое завоеваніе государя ничего не прибавляетъ къ благосостоянію провинцій, которыми онъ владѣлъ прежде“. Но прошелъ мѣсяць съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, и Фридрихъ уже выступилъ съ своей арміей противъ Австріи. Замѣчательный историкъ, поэтъ, свободомыслящій философъ, другъ энциклопедистовъ, соперничавшій съ Вольтеромъ въ остроуміи, Фридрихъ былъ прежде всего государственнымъ человекомъ и продолжателемъ своего отца. Король-капралъ оставилъ ему много денегъ, хорошее войско и отлично устроенное помѣстье — Пруссію; Фридрихъ Великій силою своего генія и неимоверныхъ трудовъ превратилъ это помѣстье въ большое военное королевство. Цѣлыхъ семь лѣтъ сражался онъ противъ всей Европы, цѣлыхъ 23 года онъ старался возстановить ослабленныя силы Пруссіи, и его усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Онъ не любилъ вѣнцевъ, но вѣрилъ въ будущность

Германи и уподоблялъ себя Иисусу Навину, видѣвшему землю обѣтованную, но невошедшему въ нее. Впрочемъ, вся дѣятельность Фридриха была въ сущности продолженіемъ дѣятельности его предковъ, стремившихся къ расширенію государства, которое король-философъ возвелъ на степень первостепенной державы. При всемъ своемъ умѣ и образованіи, Фридрихъ не измѣнилъ государственнымъ принципамъ своего отца. Пруссія по-прежнему оставалась казармой, и въ 1750 г. англійскій посланникъ писалъ: „вы не повѣрите, до какой степени этотъ отецъ отечества печется о своихъ подданныхъ. Онъ до того заботится о нихъ, что вмѣшивается во всѣ ихъ мельчайшія частныя дѣла, въ ихъ семейную жизнь, въ воспитаніе ихъ дѣтей, въ управленіе имѣніями. Онъ не даетъ имъ никакой другой свободы, кромѣ свободы думать. Гнетъ лежитъ на всѣхъ сословіяхъ и выражается на каждой физиономіи. Гамлетъ гдѣ-то сказалъ: „Данія есть тюрьма“; это буквально можно отнести ко всему прусскому государству. Никто не можетъ и не смѣетъ оставить его безъ вѣдома короля“. Знаменитый поэтъ Альфіери, бывшій въ Берлинѣ въ 1770 г., называетъ его „огромной казармой, возбуждающей отвращеніе, а прусское государство, съ его тысячами наемныхъ саттелитовъ, чудовищной, непрерывной гауптвахтой“. Черезъ пять лѣтъ Виландъ писалъ: „Фридрихъ, конечно, великій человѣкъ, но избави насъ небо жить подъ его отеческой палкой“. Господство солдатчины отражалось самымъ гибельнымъ образомъ и на нравахъ. „Берлинъ — это городъ, писалъ англійскій посланникъ, — въ которомъ, если fortis переводить честный, нѣтъ ни одного vir fortis, ни одной femina casta. Полная нравственная распущенность заражаетъ собою оба пола всѣхъ классовъ. Мужчины постоянно заняты тѣмъ, что хлопчуть о роскошной жизни при ограниченныхъ средствахъ. Женщины—гарпіи, которымъ неизвѣстны ни нѣжность чувствъ, ни истинная любовь; онѣ отдаются за деньги каждому. Вообще, пруссаки бѣдны, тщеславны, невѣжественны и безнравственны. Въ своемъ тщеславіи, они въ величіи своего монарха думаютъ видѣть свое собственное величіе. Ихъ невѣжество и недостатокъ правилъ заглушаютъ всякое чувство свободы, собственного достоинства и оппозиціи“. Даже самъ Фридрихъ Великій презиралъ пруссаковъ и съ горечью говорилъ, что онъ усталъ царствовать надъ рабами.

Когда Фридрихъ сошелъ въ могилу, Пруссія, привывшая къ сильной власти, быстро начала падать. Настала отвратительная эпоха бездарности, распущенности и мелкихъ интригъ. Даже главная сила государства, армія, превратилась въ такое ничтожество, что состояла изъ какихъ-то чучель, годныхъ только на то, что-

бы пугать воробьевъ на огородѣ. Все обмундированіе солдата было такъ тѣсно, что онъ могъ двигать руками и ногами только до извѣстнаго пункта. Главное вниманіе обращалось на косы и пудру. Были капитаны съ такими чудовищными косами, что послѣднія волочились по землѣ и требовали косоцетокъ до 80 футовъ длины. Одинъ фельдмаршалъ на парадѣ, вынувъ изъ кармана нормальную мѣрку косы и перемѣривъ косы у солдатъ, нашелъ ихъ не одинаково длинными, и, дѣлая выговоръ шефу полка, замѣтилъ: „ахъ, генераль, чрезвычайно трудно сдѣлать хорошую косу!..“ Въ 1806 году въ прусской арміи почти нельзя было найти генерала моложе 64 лѣтъ, а штабъ-офицера моложе 50. И съ такими-то силами Пруссія готовилась бороться съ Наполеономъ! „Гнилое государство, говоритъ Шерръ,—безцѣльно блуждало изъ стороны въ сторону подъ управленіемъ грязной троицы Гаугвица, Лембарда и Лукезини. Напрасно принцъ Лудвигъ предсказывалъ, что Пруссіи не устоять противъ силъ Франціи, что она падетъ безъ помощи, можетъ быть, безъ чести. Его пророчество сбылось. Наполеонъ не могъ надивиться быстротѣ и легкости своихъ побѣдъ въ походѣ 1806 г., разрушившемъ монархію Фридриха Великаго. „Пруссаки еще глупѣ австрійцевъ“, говорилъ онъ. Подлая трусость, съ которой знатные прусскіе генералы сдавали важнѣйшія крѣпости въ руки враговъ, показала, какую ненадежную опору для трона составляла въ минуту опасности гордая феодальная аристократія“. По тильзитскому миру Пруссія потеряла половину своихъ земель, но и другую половину Наполеонъ оставилъ за королемъ „только изъ уваженія къ императору всероссійскому“. И какъ рабски пали нѣмцы передъ завоевателями! Нѣмецкіе ученые толпами сбѣгались прислуживать Наполеону, даже такіе историки, какъ Мюллеръ и Гееренъ, превращались въ его лакеевъ. Когда въ 1807 г. Наполеона ожидали въ Лейпцигѣ, университетъ вывѣсилъ звѣздную карту и помѣстилъ на ней *звѣзду Наполеона*, а въ анатомическомъ театрѣ выставилъ надпись: „и мертвые кричатъ тебѣ ура!“ Въ это время знаменитый географъ Риттеръ, бывший тогда еще юношей, писалъ: „съ отчаяніемъ смотрю я на политическое униженіе нѣмцевъ и почти не надѣюсь на побѣду идей надъ силою кулака. Представители нѣмецкой мудрости превратились въ гнусныхъ льстецовъ и преклонились передъ саблей“. „И не одни только нѣмецкія крѣпости и нѣмецкіе ученые, говоритъ Шерръ,—падали съ позоромъ, но и нѣмецкія женщины. Изъ всѣхъ мѣстъ спѣшили женщины и дѣвицы, лишеныя всякаго патріотическаго чувства, всякаго стыда и чести, спѣшили къ побѣдителямъ, чтобы быть побѣжденными ими. Безчисленныя свидѣтельства подтверждаютъ этотъ печальный фактъ. Во всѣ со-

словія, говоритъ одно изъ нихъ, — проникла любовь къ французамъ. Каждая бюргерша имѣетъ своего сапера или сержанта, каждая смазливая служанка своего волтижера. И съ какой гордостью онѣ прогуливаются парами!“ И что всего позорнѣе, такъ это то, что въ Германіи въ это время, какъ потомъ въ Москвѣ, съ особенной яростью неистовствовали не французы, а ихъ нѣмецкіе союзники. Они, напр., раскапывали могилы и грабили мертвыхъ, мучили несчастныхъ крестьянъ, выпытывая у нихъ деньги, и т. д. Французовъ поэтому принимали всюду, какъ желанныхъ гостей, а ихъ нѣмецкихъ союзниковъ, какъ враговъ.

Наполеоновскій погромъ расшевелилъ Германію. И въ народной массѣ, и въ правящихъ классахъ онъ былъ сигналомъ къ самознанию. Прусская королева Луиза писала своему отцу: „я все болѣе и болѣе прихожу къ сознанію, что все случилось именно такъ, какъ должно было случиться. Божественное Провидѣніе ясно ведетъ міръ на новые пути, настаетъ новый строй жизни, ибо старый отжилъ свое время и падаетъ подъ тяжестью собственной дряхлости. Мы заснули на лаврахъ Фридриха Великаго, мы не пошли за новымъ вѣкомъ, имъ созданнымъ, и вѣкъ обогналъ насъ“. Въ Пруссіи начались реформы подъ руководствомъ знаменитаго Штейна. Въ арміи было уничтожено наказаніе палками, смягченъ грубый характеръ прежней солдатчины, отмѣнена привилегія дворянъ на чинъ офицера, а въ системѣ ландвера и ландштурма дана возможность быстро собирать сильное и опытное войско. Но Штейнъ не ограничивался арміей. „Все нужно передѣлать заново, говорилъ онъ.—Всѣ граждане должны имѣть одинаковыя права и обязанности. Всѣ должны быть лично свободны. Приобрѣтеніе поземельной собственности въ государствѣ должно быть доступно каждому. Судъ нужно отдѣлить отъ администраціи“. Онъ стремился къ развитію народнаго самоуправленія и хотѣлъ посредствомъ литературы и воспитанія поддерживать здоровое и сильное общественное мнѣніе; конечною-же цѣлью его реформы было свободное объединеніе Германіи. Подъ вліяніемъ Штейна уничтожено крѣпостное право, города получили новую автономію, преобразована армія. Но какъ только Штейнъ, по приказанію Наполеона, былъ удаленъ отъ управленія, началась реакція, такъ-что результатомъ всѣхъ его реформъ осталось, въ сущности, одно только преобразование арміи.

Война за освобожденіе отъ французовъ оживила, облагородила и Пруссію, и всю Германію, но это военное оживленіе нисколько не подвинуло впередъ соціальнаго развитія. По заключеніи мира и вплоть до 40-хъ годовъ вся государственная жизнь Пруссіи сводилась почти исключительно на усиленіе бюрократіи и войска.

Это была самая мрачная эпоха, о которой можно имѣть понятіе, напр., изъ дневниковъ Фарнгагена-фон-Энзе. Прусское общество пало такъ низко, что въ Берлинѣ, напр., дворяне не только силою забирали товары въ магазинахъ, но даже знатныя дамы, развѣзжая по лавкамъ, воровали при этомъ разныя вещи и попадались; университетскій судья Краузе укралъ у секретаря Кюстера штаны; прусскій посланникъ въ Бельгіи, Шляденъ, былъ уличенъ въ шулерствѣ; люди знатные, офицеры гвардіи писали къ разнымъ особамъ, къ банкирамъ, даже принцамъ, безимьянныя письма, въ которыхъ угрожали смертью, если они не принесутъ въ извѣстное мѣсто такую-то сумму денегъ. Распущенность нравовъ доходила до невозможности. „Кутежи военнаго сословія, говорить одинъ современникъ,—доведены въ Берлинѣ до высшей утонченности. Офицеры, и прежде вполне преданные праздности и чуждые научныхъ занятій, перещеголяли всѣхъ въ искусствѣ наслажденія. Эти привилегированные нарушители порядка попираютъ ногами все—религію, супружескую вѣрность, всѣ добродѣтели семейной жизни. Жены у нихъ считаются общимъ достояніемъ, они ихъ продаютъ, мѣняютъ, уводятъ другъ у друга. Женщины до того испорчены, что даже знатныя дамы увлекаютъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ высшаго круга и соблазняютъ ихъ. Часто цѣлый кружокъ аристократокъ складывается вмѣстѣ и нанимаетъ меблированную комнату, куда являются ихъ любовники, чтобы тамъ, ничѣмъ не стѣсняясь, справлять вакханаліи и оргіи, которыя-бы изумили своимъ цинизмомъ регента Франціи. Такъ-какъ Берлинъ составляетъ центръ общественной жизни, изъ котораго распространяется на провинцію все, и худое, и хорошее, то деморализація столицы сообщается всей странѣ“.

Невѣжество юнкерской партіи равнялось ея надменности, которая простиралась до того, что въ 1826 г. прусское министерство сильно встревожилось тѣмъ, что послѣ войны противъ французовъ въ обществѣ укоренилась пагубная привычка и дворянскихъ, и бюргерскихъ дѣвушекъ называть одинаково: *барышня*, *фрейлейн*. Всѣ министры подавали свои мнѣнія по этому поводу, а прусское дворянство употребляло всѣ усилія, дабы повелѣно было дворянскихъ дочерей именовать *фрейлейн*, а бюргерскихъ *мамзель*. Школа воспитывала народъ въ духѣ безусловнаго застоя и преданности той бюрократіи, которую такими поразительными чертами характеризуетъ Фарнгагенъ. „Всѣ, пишетъ онъ,—жалуются на недостатокъ способныхъ чиновниковъ. — Президентъ полиціи Эзебекъ ничего не понимаетъ и едва умѣетъ писать. — Прусскій посланникъ въ Гамбургѣ, Гротъ, человекъ скудоумный, дуракъ. — Прусскій дворъ и прусское высшее общество вездѣ бранятъ ужас-

но. Александръ Гумбольдтъ говорить, что во всей Европѣ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ-бы этотъ кругъ былъ такъ бездаренъ, невѣжественъ и грубъ, какъ здѣсь“. „Никто не знаетъ, пишетъ Фарнгагенъ въ 1823 г.,—что будетъ дѣлаться; всѣ только чего-то ожидаютъ, всякая дѣятельность остановилась, поговариваютъ даже, чтобы призвать какого-нибудь министра изъ-за границы“. Характеръ господствующаго класса отражался и на наукѣ, и на литературѣ. Шеллинги, Шлегели, Гегели, Гете подлаживались къ общему тону и превращались въ усердныхъ слугъ реакціи. „Они, говорить Берне,—упали изъ царства солнечнаго свѣта въ царство тьмы и безумія, изъ орловъ сдѣлались совами; чтобы не оставаться узниками, они сдѣлались тюремщиками и начали такъ гордо побрякивать своими ключами, какъ-будто ими они отворили двери истины, а не заперли ихъ, и тутъ пришли къ нимъ всѣ лицемѣры и дураки и стали цѣловать ключи истины и чтить добродѣтельныхъ ключарей“. Впослѣдствіи уровень науки и литературы значительно поднялся, но ни это поднятіе, ни конституціонная комедія не измѣнили основнаго принципа прусской государственной жизни—развивать военныя силы и эксплуатировать въ пользу Пруссіи идею объединенія Германіи.

• Выбивъ изъ сѣдла Австрію, придавивъ Францію и получивъ съ нея 5,000,000,000, Пруссія почти вполне осуществила свою историческую задачу и вошла въ ту обѣтованную эпоху могущества, о которой мечтало столько поколѣній пруссаковъ. Какою-же цѣною купила Пруссія свое могущество, а Германія свое единство? На это даютъ хорошій отвѣтъ прекрасная книга Тиссо, а отчасти и сочиненіе неизвѣстной англичанки, хорошо изучившей нѣмецкую жизнь во время своего долготѣтнаго пребыванія въ Германіи.

• Милитаризмъ дошелъ до крайней степени своего развитія. И во Франціи, и въ Германіи всѣ живутъ мыслью о неизбежности новой войны. Но въ то время, какъ Франція, приготовляясь къ этой войнѣ, [не забываетъ и о своемъ внутреннемъ развитіи въ Германіи милитаризмъ подавляетъ всѣ остальные проявленія народной жизни, онъ всѣмъ руководитъ и все направляетъ. При вѣздѣ въ Германію со стороны Франціи, проѣзжая роскошныя долины Швабіи, путешественникъ въ окрестностяхъ Ульма видитъ, что всѣ ближайшіе холмы заняты ретраншментами, укрѣпленіями, передовыми фортами; 15 громаднхъ казармъ настоящей стѣною окружаютъ весь городъ, гарнизонъ котораго доходитъ до 40,000 человекъ. Цитадель загромождена, какъ-будто наканунѣ войны, пирамидами гранатъ и массою пушекъ. Солдаты ежедневно упражняютъ въ стрѣльбѣ и гимнастикѣ, а иногда застав-

лняют вести примѣрную войну, къ ужасу мирныхъ обывателей. Въ послѣдній разъ баварскіе новобранцы неожиданнымъ нападеніемъ захватили ульмскую станцію желѣзной дороги, забрали въ плѣнъ служащихъ на ней, *желѣзно-дорожный баталіонъ* комплектовалъ въ это время подвижной составъ дороги и организовалъ службу движенія, какъ-будто въ непріятельской странѣ. Нѣсколько дней ранѣ тѣ-же солдаты упражнялись въ реквизиціи одной деревни, подобно тому, какъ фельдшерскіе ученики упражняются въ ампутации ноги. Но въ то время, какъ они выгоняли крестьянъ изъ ихъ жилищъ, пришелъ непріятельскій корпусъ, „французы“, и принудилъ ихъ убраться какъ можно скорѣе (стр. 12.) Въ прежніе дни Ульмъ часто бывалъ театромъ настоящихъ сраженій; 300—400 баварцевъ нападали на улицахъ на виртембергскихъ новобранцевъ и, случалось, разбивали ихъ на голову. Этотъ антагонизмъ существуетъ и теперь, но проявленію его мѣшаетъ прусскій наблюдательный отрядъ. Въ послѣдніе четыре года Ульмъ, подобно Майнцу, Страсбургу и Магдебургу, сильно укрѣпляется; увеличены прежнія сооруженія, на что потрачено 4,000,000 изъ военной контрибуціи, и, кромѣ того, воздвигнуто шесть новыхъ фортовъ, дѣлающихъ эту крѣпость почти неприступною.

Чѣмъ ближе подходитъ поѣздъ къ Пруссіи, тѣмъ угрюмѣе и воинственнѣе становится общій видъ страны. „Исчезли красивыя желѣзнодорожныя станціи юга, всѣ покрытыя жимолостью и дикимъ виноградомъ. Теперь, когда поѣздъ остановится, вы видите предъ собою четыре массивныя стѣны, расположенныя въ долину или на холмѣ и имѣющія видъ настоящей крѣпости. Отсюда начинается пахнуть казармой; служащіе на желѣзныхъ дорогахъ составляютъ часть арміи; въ случаѣ нужды они могутъ стрѣлять изъ за портьеръ и могутъ всегда устроить такъ, чтобы непріятельскій поѣздъ сошелъ съ рельсовъ“ (стр. 69.) Вотъ, наконецъ, Берлинъ. „Гремящій орелъ Юпитера гордо царить надъ гарнизонной церковью и статуя побѣды, подобно золотому тѣльцу среди израильскаго народа, непреклонно возвышается на Королевской площади. Мелодичный звонъ колоколовъ заглушенъ оглушающимъ боемъ барабановъ и рѣзкимъ свистомъ флейтъ. Шумъ колесъ артилерійскихъ орудій заглушаетъ веселую сумятицу труда. Поэтому, когда вы обойдете эти выровненныя по ниткѣ улицы, гдѣ нѣтъ признаковъ народнаго оживленія, когда вы, впродолженіи цѣлыхъ десяти часовъ, видите только сабли, каски и султаны, то васъ охватитъ невыразимая тоска и вы понимаете, почему Берлинъ, несмотря на обаяніе, приданное ему послѣдними событіями, никогда не будетъ такою столицею, какъ Вѣна, Парижъ и Лондонъ. Это не лицо, это вещь, груда мертвыхъ камней, оберегаемыхъ часовыми“ (136.)

Даже главная улица, *Подъ-Липами*, имѣетъ совершенно казарменный видъ; даже самые обыкновенные дома, если не своею наружностью, то своими хозяевами или своею исторіей, напоминаютъ что-нибудь военное. Вотъ, въ началѣ улицы домъ Блюхера, подаренный ему Берлиномъ за побѣду надъ французами, и домъ 90-лѣтняго фельдмаршала Врангеля, который хотя и впалъ почти въ дѣтство, но не иначе выѣзжаетъ изъ дому, какъ верхомъ и въ полной формѣ. Однимъ изъ лучшихъ украшеній этой улицы служатъ статуи великихъ людей Пруссіи, т. е. ея генераловъ. Фридрихъ Великій сидитъ верхомъ въ маленькой трехугольной шляпѣ, съ знаменитою тростью въ рукѣ, и замѣчательно, что въ то время, какъ окружающіе его государственные люди и генералы, изображенные въ настоящую величину, выдвинуты впередъ, поэты и философы удалены назадъ, подъ хвостъ лошади. Статуи Блюхера и четырехъ генераловъ украшаютъ площадь Оперы. Блюхеръ, съ непокрытою головой, съ волосами, растрепанными вѣтромъ, топчетъ ногами сброшенную съ лафета пушку, и, потрясая саблей, бросается на „настѣдственнаго врага“, испуская свой знаменитый крикъ: *впередъ!* „Голова энергична. выраженіе ненависти передано восхитительно. Вообще, героическій видъ статуй изглаживаетъ въ этомъ мѣстѣ пошлость улицы и доказываетъ, что если другіе боги и близки къ паденію въ столицѣ прусскаго королевства, то боги войны стоятъ еще на своихъ алтаряхъ, во всемъ блескѣ и могуществѣ (159.) Однимъ изъ самыхъ характеристическихъ и громаднхъ зданій Берлина служитъ арсеналь, который имѣетъ видъ святилища и укрѣпленнаго замка и посреди двора котораго на гранитномъ пьедесталѣ возвышается огромный бронзовый левъ. Подъ мрачными сводами перваго этажа нагромождены массы всевозможныхъ орудій: кулеврины съ своими желѣзными шпееми, фальконеты, извивающіеся подобно огромнымъ змѣямъ, митральезы, обнюхивающіе вась своими носами, пушки старинныя, даже средневѣковыя, и пушки новыя, отнятыя у французовъ или тѣ, которыми нѣмцы громили Страсбургъ и Парижъ, посылая въ нихъ бомбы, украшенныя благочестивой надписью: *съ нами Богъ*. Поднимаясь вверхъ по крутой лѣстницѣ, вы встрѣчаете цѣлыя массы посѣтителей. „Повсюду виднѣются молодые люди. Арсеналь—это школа, національное святилище, гдѣ выставлены святыя реликвіи побѣды. Во второй этажъ входятъ партіями въ 15—20 человекъ. Мы ждемъ десять минутъ, наконецъ дверь отворяется, мы переступаемъ порогъ и съ ужасомъ оглядываемся: кругомъ насъ со всѣхъ сторонъ развѣшаны блестящія стальные трубы; онѣ походятъ на органы трубы. Ужасные органы, на которыхъ играется *Dies Irae* народовъ! тогда земля дрожитъ подъ тяжестью труповъ и дымъ крови

затемняетъ небо. Залъ обширный. Глазъ съ трудомъ проникаетъ вдаль и кажется, что видишь глубину таинственнаго и трагическаго лѣса, ухо прислушивается, надѣясь услышать гнѣвныя древнихъ германцевъ, приступающихъ къ жертвоприношенію. По стѣнамъ, какъ ліаны, висятъ сабли, штыки; ятаганы, подобно гигантскимъ саламандрамъ, покрытымъ сталью, ползутъ по потолку. Штыки образуютъ колючіе кустарники; щиты, подобно вампирамъ, цѣпляются другъ за друга; колонны, поддерживающія этотъ куполь и эти массы желѣза, увѣшаны знаменами и украшены трофеями. Подобно этому, древніе германцы прибывали къ дверямъ своихъ хижинъ головы своихъ враговъ“. Одинъ изъ чиновниковъ арсенала объясняетъ посѣтителѣмъ всѣ его достопримѣчательности, возбуждая въ нихъ патриотизмъ и ненависть къ „наслѣдственному врагу“ (152—157.) Ту-же идею пропагандируютъ даже лучшіе представители германскаго искусства, какъ, напр., Каульбахъ, картины котораго служатъ лучшимъ украшеніемъ берлинскаго *Музея*. „Его картины, находящіяся здѣсь, по выраженію Тиссо, похожи на воинственный крикъ германскаго народа; это ужасныя пророчества, и мы видѣли только ихъ начало“. Въ картинѣ, изображающей разрушеніе вавилонской башни, низверженные идолы изображаютъ католичество, подавленное развалинами новаго міра: эти служители Беліала, убѣгающіе изъ храма, изгнаны реформаціей и новою мыслью, а этотъ задумчивый рыцарь, въ каскѣ и съ копьемъ въ рукѣ идущій позади сыновъ Іафета,—это германская раса, которой, по выраженію официальнаго каталога музея, „суждено обойти весь міръ, всюду принося съ собою культуру и идею красоты“. Въ „Разрушеніи Іерусалима“ вмѣстѣ съ городомъ погибаетъ цѣлая нація. Титъ вступаетъ въ городъ черезъ брешь, предшествуемый ликторами и трубачами съ грубой, варварской наружностью, внушающею ужасъ, и одѣтыми въ нѣмецкій костюмъ, между тѣмъ какъ самъ Титъ похожъ на германскаго императора. Въ небесахъ, среди кровавыхъ облаковъ, возсѣдаютъ пророки предсказавшіе это страшное наказаніе и съ угрозою смотрящіе на великаго первосвященника, т. е. папу. Ту-же идею священной непрерывной войны мы видимъ и въ „Битвѣ гунновъ“, въ которой, души гунновъ длиною вереницею поднимаются къ облакамъ и продолжаютъ на небесахъ бой съ душами враговъ, убитыхъ ими въ сраженіи (с. 173.) Далѣе „Подъ Липами“ слѣдуетъ скромный дворецъ императора. Въ маленькой пріемной залѣ разставлены на полкахъ, на высотѣ человѣческаго роста, различныя модели стальныхъ пушекъ прусской артилеріи и статуэтки солдатъ германской, французской, русской и австрійской армій. Узкій проходъ ведетъ изъ пріемной залы въ залу знаменъ. въ которой императоръ при-

нимаешь депутаціи и посланниковъ. Въ глубинѣ залы возвышается нѣчто вродѣ пирамиды, куда ставятся знамена гвардейскихъ полковъ, квартирующихъ въ Берлинѣ. Когда полки идутъ на ученье, то знаменщики отправляются во дворецъ за знаменами, и императоръ, работающій въ сосѣдней комнатѣ, выходитъ изъ-за своего письменнаго стола и запросто разговариваетъ съ солдатами. Какъ только заиграетъ военная музыка, ожидающая передъ дворцомъ прибытія знаменъ, императоръ спѣшитъ къ окну, застегивая сюртукъ и поспѣшно надѣвая на шею орденъ *за заслуги*. Вообще никто такъ не любитъ дисциплины и не соблюдаетъ правилъ военной формы, какъ самъ императоръ. Въ кабинетѣ императора обстановка еще болѣе воинственна, чѣмъ въ упомянутыхъ залахъ. Постоянная бібліотека его занимаетъ скромную этажерку и состоитъ изъ бібліи, собранія псалмовъ, правительственнаго и придворнаго альманаха, военныхъ уставовъ, исторіи прусскихъ полковъ и сборника рѣчей Бисмарка. „Въ каждой мебели, въ каждой картинѣ, въ каждой вещи дворца отражаются военный духъ и наклонности того, кто живетъ здѣсь. Вотъ будуаръ, находящійся напротивъ арсенала. Здѣсь орудія красивы, какъ игрушки, и становится понятнымъ, что эти хорошенькіе гипсовые солдатки, эти маленькія пушки, которыя катятся на своихъ посеребренныхъ колесахъ и такъ нѣжно смотрятъ на васъ, приучаютъ того, у кого онѣ всегда подъ рукою, смотрѣть на войну, какъ на пріятную забаву. Никогда нація не была вооружена столь грозно, никогда она не могла выставить въ поле столько баталіоновъ и батарей, никогда не имѣла такого флота, не воздвигала столько крѣпостей, не строила столько казармъ, арсеналовъ и укрѣпленій. Если теперь Германія—первая военная нація въ мірѣ, то этимъ она обязана своему императору. Онъ побѣдилъ сопротивленіе совѣтниковъ, онъ распускалъ парламенты, онъ съ силою и вѣрностью ядра летѣлъ къ своей цѣли, и когда достигъ ея, то народъ, гордый его ловкостью и своею силою, привѣтствовалъ его громкими криками“ (174 — 185.) Домъ Бисмарка, находящійся, впрочемъ, на другой улицѣ, понятно, меньше и проще дворца. Въ кабинетѣ Бисмарка книгъ не видно, но находится полная коллекція пенковыхъ трубокъ и военныхъ фуражекъ съ красными околышами, а у дверей цѣлый арсеналъ сабель и шпагъ. Въ комнатѣ-же г-жи Бисмаркъ мѣсто традиціоннаго зеркальнаго шкафа занимаетъ денежный сундукъ, въ который была положена значительная часть французской контрибуціи (205.) Но не дворецъ, не домъ Бисмарка и не другое какое-нибудь зданіе служитъ главнымъ храмомъ нѣмецкаго бога войны, а главный штабъ, въ которомъ старый фельдмаршалъ Мольтке приготавливаетъ войну, какъ какой-нибудь химическій про-

дуктъ. Въ бюро, его окружающіе, сходятся всѣ нити арміи, въ которой безъ его вѣдома не дѣлается ни шагу, не расходуется ни одного патрона и на весь континентъ не отливается ни одной пуговицы безъ того, чтобы онъ тщательно не записалъ ея въ надлежащую книгу. Три отдѣленія главнаго штаба специально изучаютъ иностранныя арміи, ведутъ точные и подробные списки ихъ вооруженію и численному составу, знаютъ, сколько нужно времени для ихъ мобилизаціи и сосредоточенія на томъ или другомъ пунктѣ территоріи или границы, записываютъ каждую новую пушку, и вигдѣ ни одна граната не поступитъ въ арсеналъ безъ того, чтобы не быть занесенною въ главную книгу этого справочнаго мѣста. Кромѣ того, есть специальное отдѣленіе для изученія иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ съ стратегической точки зрѣнія и относительно перевозки войскъ. „Если завтра мы начнемъ войну съ Испаніей или принуждены будемъ занять Швейцарію или Бельгію, говорилъ Тиссо сопровождавшій его офицеръ, — то увидите, что мы будемъ подвигаться впередъ съ тою-же увѣренностью, какъ и въ 1870 году. Мы знаемъ, сколько есть домовъ въ каждой деревнѣ Испаніи, Швейцаріи и Бельгіи и какую контрибуцію деньгами и съѣстными припасами мы можемъ потребовать отъ нихъ“ (234.)

Словомъ, Берлинъ—это громадная казарма, напоминающая славу прошедшихъ войнъ и ежеминутно готовая къ новой войнѣ. Это городъ дисциплины, формы и порядка, въ которомъ полицейскій надзоръ доходитъ почти до строгости военнаго положенія. Когда, напр., Тиссо былъ въ парламентѣ и поднялъ свой бинокль, чтобы посмотрѣть на Бисмарка, то вдругъ почувствовалъ, что его схватили за плечо и откинули назадъ. „Запрещено смотрѣть въ бинокль на канцлера“, слышу я хриплый голосъ позади себя. Я хотѣлъ объяснить, что дула моего бинокля не заряжены, но мой сосѣдъ прошепталъ мнѣ на ухо: *полицейскій!* Аресты слишкомъ болтливыхъ французовъ сдѣлали меня благоразумнымъ, я промолчалъ и спряталъ бинокль“ (258.) Военственный характеръ Берлина болѣе и болѣе кладетъ свою печать на всю Германію; оно и понятно. Для Германіи Берлинъ—все: онъ одинъ думаетъ, чувствуетъ, созидаетъ, приказываетъ, раздастъ правосудіе и славу, въ немъ сосредоточено теперь даже управленіе всѣхъ перешедшихъ къ государству желѣзныхъ дорогъ имперіи, по которымъ онъ съ быстротою птицы можетъ передвигать съ одного конца имперіи на другой стотысячныя арміи. Южной Германіи Берлинъ пришелся сокомъ, но она молчитъ, подавленная силой и необходимостью. Прусскіе баши-бузуки давно уже прославились свирѣгостью не только во Франціи, но и въ предѣлахъ объединеннаго

ими *фатерланда*. Когда въ 1866 году прусскія войска готовы были вступить во Франкфуртъ, городской сенатъ въ своей прокламаціи объявилъ жителямъ, что „хорошая дисциплина прусскихъ войскъ служить вѣрнымъ ручательствомъ того, что никто не будетъ обезпокоенъ“. Но жители уже знали пруссаковъ; улицы опустѣли и всѣ банки отдали себя подъ покровительство иностранныхъ консуловъ, поднявъ ихъ флаги. Пруссаки вступили въ городъ 6 іюля, въ 9 часовъ вечера, торжественнымъ маршемъ; во главѣ ихъ ѣхалъ съ обнаженною саблею генераль Фогель-фон-Фалькенштейнъ, играла музыка, били барабаны. Для нихъ были приготовлены квартирные билеты, но солдаты не обращали на нихъ никакого вниманія и, разбившись на отряды, подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ, насильно вторгались въ тѣ дома, которые имъ болѣе нравились, и, овладѣвъ прежде всего ключами отъ погребовъ, пьивствовали вплоть до утра. На завтра Фогель-фон-Фалькенштейнъ объявилъ осадное положеніе, запретилъ сходки и всѣ журналы и потребовалъ реквизиціи; 17 іюля онъ заставилъ городъ купить у поставщика прусской арміи нѣсколько тысячъ сигаръ; 18 числа потребовалъ, чтобы ему доставили 5,000 паръ „хорошихъ башмаковъ“, 300 хорошихъ верховыхъ лошадей и заплатили его солдатамъ годовое жалованье; 19 ему доставили 6,000,000 флориновъ, но въ этотъ-же день вечеромъ Фогель-фон-Фалькенштейнъ получилъ другое назначеніе, а утромъ 20 іюля сенату было доставлено слѣдующее предложеніе:

„Господа сенаторы города Франкфурта симъ увѣдомляются, что городъ обложенъ военной контрибуціей [въ размѣрѣ 25,000,000 флориновъ съ обязательствомъ уплатить ее въ 24 часа.

Главная квартира во Франкфуртъ, 20 іюля 1866 г.

Главный начальникъ майнской арміи *Мантейфель*“.

Три первыхъ банкира Франкфурта были немедленно посланы къ генералу, чтобы напомнить ему обѣщаніе его предшественника и просить отказаться отъ новой контрибуціи. Все, чего могли добиться они, была отсрочка уплаты на три дня.

— Я знаю, сказалъ Мантейфель, — что меня будутъ сравнивать съ герцогомъ Альбою, но я присланъ сюда за тѣмъ, чтобы исполнять приказанія высшаго начальства.

— А что вы сдѣлаете, если до воскресенья мы не заплатимъ вамъ? спросилъ одинъ изъ членовъ депутаціи. — Вы не...

— Я прочелъ на вашихъ губахъ, перебилъ его генераль. — Увы, да, я отдамъ городъ на разграбленіе.

— Въ такомъ случаѣ, отчего-же вы, какъ Неронъ, не подожжете немедленно Франкфурта со всѣхъ четырехъ сторонъ?

— Римъ возродился изъ-подъ пепла еще прекраснѣе, отвѣчалъ, улыбаясь, Мантейфель.

— Это взысканіе будетъ-ли дѣйствительно послѣднимъ? спросили депутаты передъ уходомъ.

— Съ моей стороны—да; я даю вамъ въ этомъ честное слово; но на мое мѣсто можетъ пріѣхать другой генераль, съ приказаніями, которыя мнѣ неизвѣстны.

Угроза разграбленія распространилась по городу съ быстротой молніи; банкиры и бюргеры сложились и заплатили выкупъ. Но черезъ 5 дней генераль Редеръ призвалъ къ себѣ президента торговой палаты и показалъ ему слѣдующую телеграмму отъ Бисмарка: „Такъ-какъ всѣ мѣры, принятія до сихъ поръ, не привели къ желаемой цѣли, то закройте немедленно почтовые и телеграфныя станціи, пивныя, трактиры, всѣ общественныя учрежденія; не впускайте въ городъ ни путешественниковъ, ни товаровъ“.

(61—63.)

Конечно, подобные набѣги долго не забываются, но, несмотря на сепаративныя инстинкты нѣкоторыхъ частей имперіи, Берлинъ все болѣе и болѣе сдавливаютъ ее своими желѣзными кольцами и даже воспитываетъ въ архипрусскомъ духѣ. Въ эпоху сверженія французскаго ига лучшимъ средствомъ такого воспитанія были общества гимнастовъ, во главѣ которыхъ стоялъ знаменитый патриотъ Янъ. Когда этотъ Янъ, въ сопровожденіи своихъ учениковъ, проходилъ черезъ бранденбургскія ворота, лишенная своей Колесницы Побѣды, увезенной французами, онъ спрашивалъ учениковъ: „о чемъ вы думаете?“ Если отвѣтъ ихъ не удовлетворялъ Яна, онъ билъ ихъ по щекамъ, приговаривая: „въ другой разъ думайте о томъ, что вы сыновья побѣжденныхъ и что на васъ лежитъ обязанность, какъ только сдѣлаетесь взрослыми людьми, отправиться въ Парижъ за Колесницей Побѣды, похищенной съ бранденбургскихъ воротъ воромъ Наполеономъ“ (232.) Совѣтъ Яна выполненъ, колесница возвратилась въ Берлинъ, Франція раздавлена, но весь германскій народъ все еще воспитывается въ духѣ Яна. Однимъ изъ главныхъ средствъ такого воспитанія служитъ развитіе стрѣлковыхъ обществъ, во главѣ которыхъ стоитъ наследный принцъ прусскій и которыя періодически собираются состязаться на федеральныхъ стрѣльбищахъ. Въ каждой деревушкѣ есть *тиръ* для такого состязанія, въ которомъ стрѣляютъ воинственно настроенные мужчины, выигрывая въ видѣ призовъ фотографическія карточки Бисмарка, подтяжки, пенковыя трубки и т. д. Но лучшимъ средствомъ для превращенія нѣмцевъ въ солдатъ служитъ прусская школа. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, напр. въ Виртембергѣ, школы превосходны, но учебныя за-

ведения Пруссіи ужасны. „Какъ можно рѣшиться утверждать, говорить Карль Фохтъ,—что побѣду подъ Садовой одержалъ школьный учитель, а побѣду подъ Седаномъ професоръ? Если присмотрѣться къ дѣлу поближе, то легко можно убѣдиться, что прусскія образовательныя учрежденія далеко отстали не только отъ саксонскихъ и виртембергскихъ, но даже отъ баденскихъ и гессенскихъ. Изъ всѣхъ государствъ Германіи въ Пруссіи болѣе всего людей, неумѣющихъ читать и писать. Прусскія протестантскія семинаріи — это образцовыя школы для обращенія людей въ животныхъ, что тамъ достигается съ помощью двойкой дисциплины, піетистской и военной“. Успѣхъ этой военной дисциплины воспитанія Тиссо объясняетъ характеромъ нѣмцевъ. „Здѣсь, говоритъ онъ,—можно встрѣтить учениковъ, еще почти ребятъ, которые своею наружностью походятъ на взрослыхъ людей. Изъ десяти восемь носятъ очки; въ 12 лѣтъ они уже составляютъ планъ жизни, и рѣдко случается, чтобы они не выполнили его въ точности. Они говорятъ себѣ: „въ 18 лѣтъ я кончу гимназію и поступлю въ университетъ, гдѣ пробуду три года; я выйду оттуда съ дипломомъ доктора медицины или доктора правъ и устроюсь; въ 25—я буду женатъ, въ 45—буду дѣдушкой“. Дѣти въ Германіи—это маленькіе взрослые люди; у нихъ нѣтъ и слѣда нашей дѣтской шумливости; они тяжелы и апатичны; всѣ педагогическіе приемы школы направлены къ тому, чтобы дресировать ихъ въ безусловномъ и чисто-механическомъ повиновеніи авторитету, въ соблюденіи дисциплины даже среди семейнаго кружка. Поклоненіе власти вообще и Бисмарку въ особенности прививается къ молодежи, какъ какой-нибудь религиозный культъ. И это неудивительно: нѣмцы всегда были среди образованныхъ народовъ какими-то фетишистами, готовыми поклоняться не только тремъ знаменитымъ волоскамъ на плѣши своего канцлера, но и своей колбасѣ и своему горшку супа. Ну, скажите, сдѣлайте милость, развѣ это не фетишизмъ: четыре года тому назадъ еще живъ былъ сынъ Шиллера; онъ былъ простымъ лѣснымъ сторожемъ, и въ то время, какъ нѣмцы нисколько не заботились устроить его получше, они благоговѣнно поклонялись, какъ національной святынѣ, дому Шиллера, съ набожностью сохраняя въ немъ остатки старыхъ разорванныхъ штановъ, дырявыхъ шерстяныхъ чулокъ и стоптанныхъ туфель, принадлежавшихъ нѣкогда великому поэту! (стр. 23.) Такой народъ легко обратить въ солдатъ, и къ этой цѣли обращены всѣ усилія прусской школы. Книги для чтенія въ народныхъ школахъ наполнены самыми яркими воинственными стихотвореніями. Въ книгѣ для чтенія въ народныхъ школахъ, составленной обществомъ учителей въ Баваріи, изъ 60 пѣсней 30 военныхъ. Географическія карты и книги тоже

проповѣдуютъ о войнѣ. Съ 1867 года на географическихъ картахъ въ предѣлы Германіи включены Тироль, Вѣна, Триэсть и Данія. Въ „Руководствѣ географіи“ Даниеля, обязательно введенномъ во всѣхъ нѣмецкихъ школахъ, подъ рубрикой „Германія“, есть такой параграфъ: „нѣмецкія внѣшнія земли (Швейцарія, Лихтенштейнъ, Бельгія, Нидерланды, Люксембургъ, Данія) разсматриваются, какъ дополненіе къ Германіи, потому что онѣ большею частью лежатъ внутри естественныхъ границъ Германіи, принадлежали къ прежнему нѣмецкому государству и частію, до 1866 года, къ нѣмецкому союзу“. Что всего печальнѣе, такъ это то, что такое узкое направленіе нѣмецкой педагогики далеко не имѣетъ исключительно официальнаго характера; тѣмъ-же духомъ проникнуто и домашнее воспитаніе. Едва ребенокъ начинаетъ лепетать, какъ его уже учатъ произносить имена Бисмарка и Мольтке, и не успѣетъ онъ запачкать своихъ первыхъ штанишекъ, какъ на него надѣваютъ военное кепи; если онъ проситъ игрушку, ему покупаютъ барабанъ или саблю. Въ дѣтяхъ какъ-будто нарочно развиваютъ даже наклонность къ безшабашному, гусарскому разгулу. Послѣ того, какъ надзоръ за школами перешелъ въ вѣденіе государства, учителямъ былъ разосланъ *Сборникъ Пѣсенъ* для раздачи ученикамъ перваго и втораго классовъ. Въ этомъ сборникѣ есть такія пѣсни, что Тиссо стѣсняется даже цитировать ихъ. Многіе куплеты кончаются припѣвами въ такомъ родѣ: „да здравствуютъ женщины, пѣсни и вино!“ Въ пѣснѣ № 16 есть такая строфа: „украсьте цвѣтами мой любимый стаканъ; во всей Европѣ вы не найдете подобнаго вина, господа пльницы! Славьте, славьте виноградники Рейна! Вино на небесахъ не будетъ лучше вина съ береговъ его; повсюду радость, пѣніе и вино!“ (227.)

Подобныя пѣсни, конечно, отлично готовятъ и къ гусарству, и къ студентчеству. Въ большихъ городахъ, какъ Берлинъ, Мюнхенъ, Лейпцигъ, студенты незамѣтны въ массѣ населенія, но въ такихъ университетскихъ гнѣздахъ, какъ Тюбингенъ, Гейдельбергъ, Йена, студенты до сихъ поръ ведутъ прежнюю разгульную жизнь, богатую всевозможными скандалами и дуэлями, приносящую пользу только содержателямъ пивныхъ и харчевень. Здѣсь студентъ — полный господинъ и хозяинъ, маленькій средневѣковой баронъ-деспотъ. Все городское населеніе, сгруппировавшееся около университета, всѣ содержатели трактировъ, пивныхъ, ресторановъ, бакалейныхъ лавокъ, портные, сапожники, прачки, булочники, — все это живетъ студентомъ и зависитъ отъ него. Имена тѣхъ, которые чѣмъ-нибудь не угодятъ студенту, вывѣшиваются на черной доскѣ къ позорному столбу, и черезъ нѣсколько дней они принуждены бываютъ закрывать свои заведенія, такъ-какъ у нихъ

никто ничего не покупаетъ. Большинство студентовъ проводить время въ томъ, что пьянствуетъ въ пивныхъ или въ халатахъ и туфляхъ, по-домашнему, шатается по улицамъ, горланя во все горло извѣстную пѣсню, которая сочинена когда-то прусскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, Фалькомъ, и которую прежде пѣвали и русскіе студенты—

„Вотъ изъ трактира иду я къ себѣ,
Улица пьяною кажется мнѣ;
Правая, лѣвая гдѣ сторона?
Э, да ты, улица, просто пьяна!“

Студенты раздѣляются на фереины; каждый изъ этихъ фереиновъ имѣетъ свою пивную, въ которой справляются самыя безобразныя оргіи. Вотъ что рассказываетъ Тиссо, бывшій на одной изъ подобныхъ пирушекъ. „Мы приѣхали въ 8 часовъ. Густой табачный дымъ наполнялъ комнату и сквозь него мы едва могли различить до 50 косматыхъ, съ длинными бородами студентовъ, изъ которыхъ одни курили длинныя трубки, другіе съ жадностью пожирали ветчину. Гирлянды были развѣшаны по стѣнамъ, бюсты Бисмарка и императора Вильгельма добродушно улыбаются съ своихъ гипсовыхъ тумбъ. Едва мы усѣлись за столъ, какъ два фукса принесли намъ пива и огня, чтобы закурить сигары. Фуками называются студенты-первокурсники, исполняющіе роль юнги на кораблѣ. Они должны повиноваться и уважать старыхъ студентовъ, они слуги и рабы. Они исполняютъ роль виночерпѣевъ и платятъ всѣ издержки по празднеству. Имъ задаютъ непонятные вопросы, заставляютъ отгадывать загадки, гримасничать и танцовать медвѣжій танецъ. Словомъ, это лакеи и гаеры. Вдругъ встаетъ студентъ огромнаго роста, съ длинными бѣлокурыми волосами, перевязанный шелковымъ шарфомъ, и, стуча рапирю по столу, кричитъ: *silentium!* Два студента продолжаютъ разговаривать, президентъ снова стучитъ, обращается къ говорящимъ, называя ихъ по именамъ, и предлагаетъ имъ выпить залпомъ ихъ кружки. Затѣмъ онъ объявляетъ засѣданіе открытымъ и назначаетъ пѣсню № 10 изъ *Коммерсбуха*. Всѣ хоромъ запѣли:

„Са, са, са! братья германцы! Испустите радостный крикъ. Пойте ваши самыя веселыя пѣсни! Пусть кричитъ тотъ, кто можетъ кричать. Здѣсь, среди кружекъ пива, успокаивается и излечивается больное сердце. О, доброе пиво, — наслажденіе жизни! Ты доставляешь намъ сто тысячъ радостей!“

Президентъ поднимаетъ свой стаканъ и пьетъ одинъ.

„За здоровье жителей прирейнскихъ провинцій, а также саксонцевъ и бранденбургцевъ. Ну, мягкій, русый напитокъ, вливайся, вливайся въ мое горло! Приди, дай мнѣ силы! Вотъ какъ

надо пить! Ну, братья, спойте хоромъ и пусть кричатъ тѣ, кто можетъ кричать—жугъ-буръ, жугъ-буръ, са, са, са, са, са!“

Вся зала чокается стабанами и повторяетъ этотъ припѣвъ. Адскій шумъ.

— „Замѣтили-ли вы, какъ славно пьеть нашъ президентъ? спросилъ меня мой спутникъ.

— „Да, его кружка замѣчательныхъ размѣровъ.

— „Въ нее входитъ цѣлый литръ. Нашъ президентъ поспорилъ въ прошлое воскресенье, что онъ опорожнитъ 12 разъ свою кружку, пока часы будутъ бить полдень; онъ выигралъ пари: послѣдняя кружка была выпита на одиннадцатомъ ударѣ“.

Затѣмъ президентъ отдаетъ приказаніе начинать круговую пѣсню. Загѣваютъ съ правой стороны у него. Вотъ первая часть этой пѣсни; она характеристична, хотя въ ней и встрѣчаются салности.

„*Sic vivimus* мы студенты,—мы каждый день проводимъ весело! Мы насасываемся *absque complimentem*, до тѣхъ поръ... въ наши чулки и штаны! *Sic vivimus* ты и я. И если кто осудитъ мы въ лицо... смѣясь во все горло!

„Смѣйся, пей, молись и слѣдуй по путямъ божимъ; надѣйся на благодать неба, надѣйся на Бога, когда пьешь пиво и цѣлуешь дѣвочекъ; онъ не покинетъ тебя въ затрудненіи! *Sic vivimus...*“ и т. д.

„Папаша долженъ посылать деньги сыну, который учится, но если папаша забываетъ прислать, студентъ отправляется *ad patriam*. Кошелекъ его пусть, но голова полна. *Sic vivimus* и т. д.

„Эта пѣсня только груба, я могъ-бы привести вполнѣ неприличные. Круговая пѣсня длилась цѣлый часъ; весь репертуаръ вошелъ сюда. Тѣ, которые не пѣли, были принуждены залпомъ опоражнивать свои кружки. Хоръ до конца акомпанировалъ этой операциі криками: *пей, пей, пей!* Въ видѣ интермедіи говорились разныя юмористическія рѣчи. Много тривіальностей и ни капли остроумія. Послѣ каждой рѣчи—обязательный тостъ въ честь оратора. Такъ-какъ вторая часть праздника есть только повтореніе первой, то спутникъ мой предложилъ мнѣ удалиться. Въ этомъ случаѣ онъ руководился извѣстнымъ чувствомъ Іафета, но не нужно было большого усилія воображенія, чтобы представить себѣ конецъ оргіи: сыновья музъ сваливаются подъ столы и ночной сторожъ вытаскиваетъ изъ ручья тѣхъ, которые пробуютъ добратъся домой. Я зналъ одного студента мюнхенскаго университета, который, прежде, чѣмъ идти въ пивную, приказывалъ двумъ носильщикамъ явиться за нимъ въ часъ утра, чтобы отнести его домой“ (стр. 44—46.)

Тиссо, возмущаясь такимъ циническимъ разгуломъ, говоритъ, что онъ усилился послѣ войны; это нужно, конечно, понимать такъ, что безшабашный студентскій разгулъ, существовавшій всегда съ самаго начала нѣмецкихъ университетовъ, въ позднѣйшее время началъ нѣсколько утихать, но послѣ войны и подъ вліяніемъ реакціи принялъ болѣе острый характеръ. Разгулъ этотъ не составляетъ какой-нибудь отличительной черты нѣмецкаго студента; имъ увлекались всегда и бароны, и бюргеры, апостоль которыхъ, Лютеръ, говорилъ: „кто не любитъ вина, женщинъ и пѣсень, тотъ остается дуракомъ во всю жизнь“. Эта бюргерская наклонность особенно сильно выдается въ Виртембергѣ. Мечта каждаго виртембергца быть трактирщикомъ или содержателемъ пивной; швабы съ древности славятся, какъ первые обжоры и питухи имперіи. „Войдите, говоритъ Тиссо, — въ какое вамъ угодно время въ любой ресторанъ или пивную, и вы тамъ непременно найдете нѣсколько человѣкъ, усѣвшихся передъ цѣлыми горами тертаго картофеля и настоящими укрѣпленіями изъ капусты, унизанными длинными сосисками, подобно маленькимъ пушкамъ. Они пьютъ соусъ, сладострастно чмокая губами, они приправляютъ вареньемъ говядину и считаютъ безчестіемъ для себя не съѣсть за десертомъ хлѣбную лепешку и порцію крема. Затѣмъ они пьютъ кофе со сливками и пирожками, водку, кюмель или киршъ и въ заключеніе три или четыре кружки мюнхенскаго пива“ (стр. 19.) У швабовъ есть даже историческіе обжоры, какъ, на примѣръ, герцогъ Фридрихъ, котораго Наполеонъ сдѣлалъ королемъ; этотъ государь былъ такъ толстъ, что въ столѣ, на которомъ онъ обѣдалъ, принуждены были сдѣлать вырѣзку для живота его величества. До какого разгула доходятъ нѣмцы на своихъ праздникахъ, жители Петербурга могутъ судить по Кулербергу.

Другая характеристическая черта, которую замѣчаетъ въ нѣмцахъ Тиссо, это раболѣпіе, которымъ они отличаются уже давно. Ни одинъ народъ не надѣлалъ себѣ столько живыхъ фетишей, какъ нѣмцы, чиновничья іерархія которыхъ заключаетъ въ себѣ чуть не сотни степеней; въ Штутгартѣ, напр., между другими важными персонами числятся Herr Hofabtrittleerer, т. е. господинъ придворный золотарь, и супруга его, Frau Hofabtrittleererin! (стр. 20.) Нигдѣ титулованіе не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ у нѣмцевъ, и авторша вышеупомянутой англійской книги сознается, какихъ трудовъ стоило ей привыкнуть къ титулованію своихъ знакомыхъ по всѣмъ правиламъ нѣмецкаго этикета; ошибитесь въ титулѣ, назовите, на примѣръ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника тайнымъ совѣтникомъ или *высокопреподобнаю* пастора *преподобіемъ*, — и они никогда не простятъ вамъ такой ошибки, особенно

если она сдѣлана въ адресѣ письма!.. Женщины въ этомъ отношеніи не лучше мужчинъ и ихъ разговоры постоянно пересыпаются фразами: „благодарю, г-жа тайная совѣтница“, „къ вашимъ услугамъ, г-жа пасторша“ и т. д. Это платоническое холопство проявляется во всемъ, даже въ размѣщеніи гостей. Въ нѣмецкой гостиной есть особое почетное мѣсто, софа, предназначенная для самаго важнаго изъ наличныхъ гостей. Если въ то время, какъ чиновный гость възсѣдаетъ на софѣ, входитъ болѣе чиновный, первый спѣшитъ очистить свое мѣсто, и хотя вновь прибывшая особа благосклонно проситъ его не беспокоиться, но „сверчокъ знаетъ свой шестокъ“ и почтительно ретируется, произнося: „помилуйте, ваше превосходительство!“ Раболѣпніе царить даже въ семейной жизни, въ отношеніяхъ жены къ мужу, дѣтей къ родителямъ, а нѣмецкая школа и военная дисциплина окончательно укрѣпляютъ его въ сынахъ Германіи.

„Нѣмцы до того раболѣпны по природѣ, говорилъ Берне,—что если-бы они были свободны, то добровольно отказались-бы отъ свободы. Будь я Нерономъ въ Германіи и брось мою кровавую діадему въ рѣку, то стоило-бы мнѣ только scomандовать *апортъ*, какъ немедленно самый ярый изъ такъ-называемыхъ демагоговъ бросился-бы въ воду, какъ вѣрный песъ, и принесъ-бы мнѣ мою діадему“. Гейне говоритъ, что ему одинъ богатый нѣмецкій вино-торговецъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ однажды обѣдалъ у герцога и укралъ ложечку. „Дѣло въ томъ, заключаетъ Гейне,—что во всемъ рассказѣ почтеннаго виноторговца не было ни слова правды. Мозеръ былъ въ сущности самый честный человекъ на свѣтѣ, но ему нужно было опозорить себя въ моихъ глазахъ, назвать себя воромъ для того только, чтобы имѣть предлогъ сказать: *я обѣдалъ у герцога*“. Благодаря этой національной добродѣтели, развитой главнымъ образомъ воспитаніемъ, умственный центръ Германіи, университеты, послѣ войны окончательно потеряли свой характеръ пріютовъ свободной мысли. Университетская молодежь, пропитанная доктриною государственности, вся перешла на сторону Пруссіи. Одинъ профессоръ, гейдельбергскій депутатъ въ рейхстагѣ, говорилъ Тиссо: „мы не смѣемъ объявить себя противниками Пруссіи; въ противномъ случаѣ намъ грозитъ изгнаніе“ (стр. 117.) По заявленію ректора берлинскаго университета, цѣль прусскихъ университетовъ—приготовленіе „*интеллектуальныхъ тѣлохранителей* Пруссіи“ (стр. 146.) Это направленіе особенно сильно господствуетъ въ берлинскомъ университетѣ, который давно уже стоитъ во главѣ патріотическихъ движеній Пруссіи. Известно, какъ передъ 1813 годомъ берлинскія кафедры превратились въ трибуны, какъ философъ Фихте возбуждалъ народъ къ

сверженію французскаго ига, какъ университетская молодежь формировала изъ себя баталіоны и геройски дралась за освобожденіе отечества. Это былъ прекрасный, возвышенный моментъ. Этотъ патриотическій духъ сохранился въ университетѣ до настоящаго времени. Съ университетскихъ кафедръ проповѣдуется та-же идея государственности, какъ и въ народныхъ школахъ. Въ этомъ святилищѣ науки воздвигнуть государству алтарь, на которомъ приносятъ свои жертвы такія европейскія знаменитости, какъ Момзень, Вирховъ, Бюхнеръ, Гнейстъ, Гельмгольцъ, Дюбуа-Реймонъ, Курціусъ, Лепсіусъ, Дункеръ. Момзень прежде былъ сотрудникомъ Наполеона III, и, подобно множеству своихъ соотечественниковъ, получалъ по 10,000 франковъ въ годъ отъ „наслѣдственнаго врага“ фатерланда. Когда во Франціи установилась республика, Момзень просилъ парижскую академію надписей о продолженіи ему упомянутой пенсіи, но, не получивъ отвѣта, началъ громить французовъ—эту „націю кретиновъ“, и сдѣлался фальсификаторомъ исторіи, доказывая, что Эльзась и Лотарингія—чисто-нѣмецкія провинціи. Знаменитый Вирховъ, котораго въ шутку называютъ *трилинымъ ученымъ*, принадлежалъ прежде къ демократической партіи. Но въ послѣдствіи Вирховъ исправился и сдѣлался благонамѣреннѣйшимъ слугою Пруссіи, равно какъ и извѣстный авторъ „Силы и Матеріи“, Бюхнеръ, и знаменитый професоръ Гнейстъ. Послѣдній до 1864 года былъ ожесточеннѣйшимъ противникомъ прусскаго правительства, но потомъ сразу преклонился передъ солнцемъ Садовой и теперь въ палатѣ съ радостью подаетъ голосъ даже за учрежденіе фонда, назначеннаго для подкупа журналистики (стр. 216—219.)

Подобно университетской наукѣ, нѣмецкая литература послѣ войны тоже сильно опошлилась и пала. Правда, въ Германіи выходитъ до 12,000 томовъ въ годъ, но эта чрезмѣрная цифра новыхъ изданій нисколько не говоритъ въ пользу процвѣтанія литературы. Одинъ извѣстный нѣмецкій книгопродавецъ говорилъ Тиссо: „это манія, охватившая насъ послѣ войны. Теперь, когда мы считаемъ себя свѣточами міра, нѣтъ ни одного нѣмца, который не соблаговолилъ-бы бросить свою искру и не издалъ-бы свою книгу въ прозѣ или стихахъ. Студенту не получить степени доктора безъ того, чтобы не опубликовать толстый инфоліо. Но издатель никогда не рискнетъ на такое предпріятіе и издержки падаютъ на автора. У насъ есть также цѣлая колекція женщинъ, которыя вязали-бы отличные чулки, а между тѣмъ онѣ проводятъ жизнь въ пачканьи бумаги; нечего и говорить, что онѣ платятъ хорошія денежки за честь быть авторами. Отсюда это чрезмѣрное количество сухихъ плодовъ, это царство гордости и посредственности“ (стр. 107.)

Современная нѣмецкая литература преисполнена въ высшей степени колбаснымъ и казарменнымъ патриотизмомъ. Взгляните, напр. на нѣмецкіе календари и иллюстрированные журналы, расходящіеся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, и чуть не на каждой страницѣ встрѣтите изображеніе Бисмарка, картины парадовъ или партіотическихія пѣсни въ такомъ родѣ: „мнѣ хотѣлось идти въ Парижъ; теперь это мнѣ не стоитъ и крейцера и я могу тамъ попить и поѣсть. Я пью шампанское, ѣмъ трюфели, и французскія мамзели должны плясать передъ нами!..“ Лучшимъ выраженіемъ этого рода литературы служитъ комедія знаменитаго Рихарда Вагнера, „*Капитуляція*“, написанная самымъ безграмотнымъ образомъ по-французски. Такой нахальной пошлости, такой бессмысленной глупости никогда не бывало даже и въ нашей литературѣ. Не лучше этой барабанной литературы и журналистика, которую Бисмаркъ держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ. При томъ господствѣ произвола, который царствуетъ надъ нею, найти отвѣтственнаго редактора чрезвычайно трудно, и въ числѣ газетныхъ объявленій встрѣчаются такіа: „требуется дровосѣкъ или носильщикъ на должность отвѣтственнаго редактора политической газеты“. Продажность журналистики дошла до такой крайней степени, что, по крайней мѣрѣ, $\frac{5}{6}$ газетъ и журналовъ издаваемыхъ въ Германіи, находятся на откупѣ у правительства или у банкировъ. „Намъ нечего бояться, говорилъ одинъ банкиръ по поводу опасеній относительно какого-то финансоваго отчета,—пресса принадлежитъ намъ“. „Намъ не страшно общественное мнѣніе, мы его сами составляемъ“, выразился одинъ государственный человѣкъ Пруссіи. И журналисты ни мало не заботятся о томъ, чтобы скрывать свою продажность; напротивъ, они сами публично заявляютъ о ней. У нихъ принято не печатать ни одного слова, которое не было-бы оплачено; банки, желѣзныя дороги, авторы и художники, актеры и музыканты,—всѣ должны платить имъ, если не желаютъ, чтобы ихъ репутація была подорвана. Офиціозной прессой заправляетъ такъ-называемое бюро прессы, владѣющее *фондомъ пресмыкающихся* или *свиномасовъ*, какъ называетъ Бисмаркъ своихъ продажныхъ писаекъ; фондъ этотъ имѣетъ ежегоднаго дохода 700,000 талеровъ, и хорошо оплачиваемые *свиномасы* поютъ въ унисонъ (стр. 264—286.)

Впрочемъ, деморализація журналистики въ значительной степени зависитъ отъ тлетворнаго вліянія биржи и такихъ аферистовъ, какъ Струсбергъ. О биржевыхъ мошенничествахъ въ Пруссіи мы говорили особо, по поводу книги Глагау*), здѣсь-же замѣтимъ только, что биржевая игра и аферисты, вмѣстѣ съ войной и

*) „Дѣло“ 1876, XII.

усиленными налогами, страшно разорили массу нѣмецкаго народа. Французскіе миліарды всё до послѣдняго франка разошлись по карманамъ генераловъ да на сооруженіе крѣпостей и пушекъ. Даже столица имперіи, Берлинъ, ничего не выиграла отъ войны, не очистилась даже отъ той ужасной грязи, которая поражаетъ въ ней путешественника. Воды Шпрее, протекающія черезъ городъ,—настоящая вонючая грязь съ заразительными испареніями. „Шпрее, сказалъ одинъ нѣмецкій поэтъ,—при своемъ входѣ въ Берлинъ напоминаетъ лебедя, а по выходѣ изъ столицы она похожа на свинью“. На главной берлинской улицѣ, „Подъ-Типами, вдоль тротуаровъ тянется глубокая канава. Толстыя служанки, ростомъ съ тамбуръ-мажора, съ засученными рукавами, обутыя на босу ногу во что-то похожее на деревянные башмаки, вытаскиваютъ изъ домовъ и выливаютъ въ эту канаву ведра помой, забрызгивая прохожихъ. Ночью по этой канавѣ спускаются въ Шпрее всё нечистоты. Часто въ этихъ канавахъ тонутъ пьяные. Посреди города находится другой источникъ заразы, это обширный резервуаръ, ничѣмъ неприкрытый и еще издали разящій въ носъ своими зловредными испареніями (стр. 136.) Такая грязь въ богатой столицѣ возмутительна, но еще возмутительнѣе та нищета, до которой дошла масса народа. „Въ Пруссіи, говоритъ Тиссо,—вы не видите болѣе ни маленькихъ красивыхъ домиковъ, ни лѣсовъ съ ихъ нѣжной зеленью; веселыя деревушки не прячутся болѣе за алеями деревьевъ, земля бѣдна, почти безплодна; въ этихъ обширныхъ, какъ степи, равнинахъ виднѣются группы изъ трехъ или четырехъ женщинъ, босыхъ, съ красными платками на головахъ; онѣ съ трудомъ вскапываютъ поле или проводятъ борозды. Повсюду недостатокъ въ рукахъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ остались только старики; ихъ дѣти или убиты на войнѣ, или умерли по возвращеніи; кто уцѣлѣлъ, тотъ служить въ арміи или уѣхалъ въ Америку. Этимъ объясняется та глубокая нищета, въ которую впало земледѣльческое народонаселеніе Саксоніи, Бранденбурга, Помераніи“ (стр. 100.) Усиленіе нищеты особенно поразительно въ Берлинѣ. Послѣ войны здѣсь страшно увеличилось, напр., число шарманщиковъ и другихъ музыкантовъ, шатающихся по улицѣ и воспѣвающихъ славу новой имперіи, разорившей ихъ въ конецъ (стр. 158.) „Нищета Берлина, говоритъ Тиссо,—подобно огромной отвратительной язвѣ, покрываетъ весь городъ“, но въ особенности она сосредоточивается въ обширныхъ паркахъ, Тиргартенѣ и другихъ, кишацихъ рабочими безъ мѣста, проститутками, мазуриками, разбойниками. Чтобы оцѣпить подобный паркъ, нужны значительныя силы, и полиція рѣшается на это только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда нужно поймать убійцу или убѣжавшаго каторжника. Отряды полицейскихъ и

жандармовъ съ револьверами въ рукахъ входятъ въ лѣсъ, осматриваютъ кустарники, обыскивая чащи, зондируя дупла деревьевъ, спускаясь въ норы. Видя себя обойденными, молодые бродяги часто бросаются вплавь черезъ рѣку или взбираются на вершину деревьевъ, откуда ихъ стаскиваютъ съ трудомъ. Изъ 500 арестованныхъ 300 обыкновенно выпускаются на другой-же день; это бѣдняки, неимѣющіе пристанища, но еще совершившіе преступления. До 1872 года эти шайки бродягъ жили въ баракахъ двухъ предмѣстій, но полиція разрушила эти бараки, а бродяги переселились въ парки и дѣлаютъ дороги почти непроходимыми. Берлинцевъ, возвращающихся вечеромъ въ городъ, грабятъ постоянно, похищаютъ даже молодыхъ дѣвушекъ, и случалось, что онѣ по нѣскольку дней оставались плѣнницами этихъ лѣсныхъ людей. Дѣти этихъ бродячихъ семействъ отлично воспитаны для воровства; каждое утро шайки ихъ отправляются въ городъ съ тѣмъ, чтобы возвратиться вечеромъ съ добычей; иначе ихъ побьютъ и не дадутъ ѣсть. У нихъ нѣтъ ни нравственныхъ правилъ, ни вѣры. — „Вѣрите-ли въ Бога?“ спросилъ берлинскій судья у молодого бродяги, убившаго вечеромъ запоздалаго прохожаго и арестованнаго въ Тиргартенѣ. — „Нѣтъ, господинъ президентъ, отвѣчалъ тотъ, иронически улыбаясь, — я не вѣрю въ подобные пустяки“. Нѣкоторые изъ этихъ рыцарей лѣса стяжали себѣ своими подвигами громкую славу, какъ, напр., Вильгельмъ Буйный, имя котораго не сходитъ съ языка у берлинцевъ.

Зимю положеніе этихъ бродягъ ужасно, и они поневолѣ ищутъ ночлега въ разныхъ пріютахъ, напр., въ старинномъ рабочемъ домѣ, извѣстномъ у народа подъ названіемъ „Бычачьей головы“. Впродолженіи болѣе чѣмъ 50 лѣтъ это обширное зданіе служило и полицейскимъ депо, и пріютомъ для нищихъ, и мѣстомъ заключенія для проститутокъ и молодыхъ преступниковъ, и домомъ сѣумасшедшихъ. „Ни въ Лондонѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Мадридѣ, ни даже въ дикой Валахіи, говоритъ Рашъ, — нигдѣ я не видалъ ничего болѣе мерзкаго, болѣе грязнаго, болѣе заразительнаго; здѣсь свалена въ кучу вся нищета, вся гнусность, весь гной столицы. На небольшомъ дворѣ проститутки дрожатъ отъ холода подъ присмотромъ жандармовъ; на другомъ — человекъ кладетъ себѣ на плечи сосновый гробъ и уноситъ его, какъ сундукъ; на третьемъ — преступники, привязанные другъ къ другу, какъ слѣпныя лошади, ворочаютъ жерновъ. Здѣсь есть также столбъ, къ которому привязываютъ замужнихъ женщинъ и сѣкутъ ихъ, если онѣ дурно ведутъ себя или бьютъ своихъ мужей. У входа въ пріютъ ползаютъ истощенные старики, голодныя женщины, явившіяся сюда искать послѣдняго убѣжища, темнаго уголка, гдѣ-бы можно

было преклонить голову и умереть. Самцы, самки, новорожденные. юноши, старики, всѣ помы и возрасты,—все это перемѣшалось между собой. Слышится какое-то урчаніе животныхъ съ человѣческимъ лицомъ; изъ этой массы вылетаютъ жалобы, вздохи, ругательства, угрозы и проклятiя. И, подобно адскому хору, всю ночь раздаются крики съумасшедшихъ, вой помѣшанныхъ женщинъ, которыя бьются о двери своихъ комнатъ. Отъ всего этого можно самому сойти съ ума“. Наконецъ, берлинская печать слишкомъ громко заговорила объ этихъ безобразiяхъ, но все, чего она могла добиться, заключалось только въ томъ, что съумасшедшихъ перевели въ другое зданіе, а женщинъ отдѣлили отъ мужчинъ да устроили два новыхъ ночлежныхъ пріюта, мужской и женскій. У дверей послѣдняго каждый вечеръ толпятся десятки несчастныхъ женщинъ, однѣ съ полумертвыми ребятами на рукахъ, другія съ какимъ-нибудь обручемъ,—все, что осталось у нихъ послѣ описи судебного пристава, молодыя дѣвушки, укутанныя въ истасканныя шали, и старухи съ раздрающимъ чахоточнымъ кашлемъ. Переночевавъ въ пріютѣ, всѣ женщины поголовно подвергаются медицинскому осмотру (стр. 287—298.)

Съ усиленіемъ нищеты усилились и преступленія. „Несмотря на нашу бдительность, говоритъ берлинскій полицейскій инспекторъ,—игорные дома и погребъ, гдѣ собираются преступники, увеличиваются въ ужасающемъ количествѣ. Въ Берлинѣ, пропорціо-нально числу жителей, совершается преступленій и проступковъ больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ европейскихъ столицахъ. Въ 1872 году судъ присяжныхъ произнесъ свой приговоръ надъ 8,103 преступленіями, въ 1873 году надъ 8,546; въ 1872 году число преступленій противъ нравственности увеличилось на 7,3%, а въ 1873 на 8,8%. Въ 1873 году 40 человѣкъ приговорено къ смерти и 2,540 въ каторжную работу. Число самоубійствъ увеличивается въ соответствующей прогрессіи“ (стр. 303.) Въмѣстѣ съ преступленіями нищета усиливаетъ и развращенность нравовъ. Нѣмцы совершенно напрасно прославляютъ свой фатерландъ, какъ страну чувствительности и добродѣтели. Правда, и теперь нерѣдко можно встрѣтить въ Германіи старую нѣмецкую буржуазную сантиментальность. Вотъ, напр., въ вагонѣ желѣзной дороги професоръ въ очкахъ, съ приколотыми къ шляпѣ бабочками, посадилъ свою дражайшую половину къ себѣ на колѣни; онъ укачиваетъ и убаюкиваетъ свою жену, напѣвая ей балладу; „професоршъ“ уже за 40 лѣтъ, но она все еще закатываетъ глаза, полные страсти (стр. 78); но такая добродѣтельная чувствительность исчезаетъ все больше и больше, вырождаясь въ самую грубую чувственность, покупающую красивую нищету. Еще въ 1836 году Эдгаръ Кине писалъ: „я былъ

свидѣтелемъ того, какъ грубыя куртизанки, воспитанныя на грубыхъ произведеніяхъ современныхъ поэтовъ, оскорбляли цѣломудренныя лики Теклы, Клары, Маргариты и Женевиевы. Пьяный смѣхъ оргій замѣнилъ собою святыя слезы безсмертныхъ душъ; тщеславныя пороки сами надѣли на себя короны дѣвственницъ. Докторъ Фаустъ покинулъ свою келью, свои книги, свой тигель; онъ далеко отбросилъ отъ себя голову мертвеца, надъ которой перемѣшивались въ его разгоряченномъ мозгу могильныя думы съ мечтательными идеями. Докторъ оживился, онъ посѣщаетъ балы въ шитой золотомъ шляпѣ, онъ любезенъ, ловокъ, изысканъ. Но вмѣстѣ съ своимъ философскимъ плащемъ онъ забылъ дома свою душу, свое воображеніе“ (стр. 74.) Семейная жизнь въ Пруссіи совершенно расшатана. Мужъ никогда не ужинаетъ дома; уже въ 5 часовъ онъ отправляется въ пивную или клубъ, гдѣ нерѣдко встрѣчаетъ трехъ и четырехъ своихъ бывшихъ женъ и сидитъ тамъ до 9 часовъ. Онъ ѣстъ тамъ лучшія блюда, въ то время, какъ его жена и дѣти довольствуются неизмѣннымъ кофе (стр. 102.) О крайнемъ усиленіи развращенности свидѣтельствуетъ и пресса, въ которой порокъ находитъ свои спеціальныя органы, какъ, напр., „Общая нѣмецкая газета брака“ и „Фоссова газета“. Онѣ постоянно загромождены подобными объявленіями: „Я врагъ танцевъ и не имѣю претензій на молодую. Я охотнѣе помирюсь съ женщиной, у которой есть какой-нибудь органическій порокъ, съ горбатой, хромою, кривою и даже слѣпой, но у которой вмѣстѣ съ тѣмъ есть и приданое въ 40,000 талеровъ. Адресуйте въ редакцію газеты. Безполезно посылать карточку“. — „Если господинъ среднихъ лѣтъ и хорошаго положенія въ обществѣ хочетъ познакомиться съ почтенной вдовой, достигшей 30-ти-лѣтняго возраста, то онъ можетъ прислать свой адресъ. Она можетъ раздѣлить съ нимъ свое жилище“. — „Молодая и восхитительная прикащца магазина проситъ стараго господина ссудить ей 25 талеровъ“. — „Молодой и уважаемый комерсантъ умоляетъ богатую даму ссудить ему небольшую сумму денегъ“ (стр. 278—280.) Между проститутками, число которыхъ невозможно опредѣлить, встрѣчаются даже дѣвочки 10 и 8 лѣтъ. Въ портовыхъ городахъ, а также въ тѣхъ, въ которыхъ квартируетъ много войскъ, въ Любекѣ, Бременѣ, Данцигѣ, Мемелѣ, Кенигсбергѣ, Штетинѣ, даже однѣ записанныя въ полицейскія книги проститутки составляютъ 10% всего женскаго населенія. Въ Магдебургѣ въ 1868 году при 90,000 жителей было 76,000 случаевъ сифилиса! Въ мужской тюрьмѣ Кельна постоянно находится въ заключеніи около 15 учителей и директоровъ школъ, приговоренныхъ за развращеніе своихъ учениковъ. Такихъ господъ не мало въ тюрьмахъ и другихъ городовъ

Германіи. Отличительной чертой берлинской проституціи служить молодость. „И это неудивительно, говорилъ Тиссо въ одномъ танц-классѣ полицейскій комисарь,—тутъ нѣтъ дѣвушки старше 20 лѣтъ. Въ нашей великой столицѣ жизнь скороспѣшна“. Тиссо изумился роскоши туалетовъ и спросилъ, неужели это ремесло такъ выгодно въ Берлинѣ?—„Нѣтъ, отвѣчалъ комисарь,—Берлинъ не такое значное мѣсто, какъ Парижъ. Вы видѣли на лѣстницѣ старыхъ вѣдьмъ; всѣ эти шелковые платья, атласные ботинки, ажурные чулки, золотые браслеты, жемчугъ—ихъ собственность. Онѣ отдаютъ цѣлый костюмъ въ наемъ и являются сюда для надзора за своими клиентками. Онѣ получаютъ самый большой доходъ изъ всѣхъ лицъ, эксплуатирующихъ порокъ“. Нѣмецкій развратъ ужасенъ. „Я, говоритъ Жюль Кларети,—подробно на мѣстѣ изучилъ этихъ пуританъ, набѣжавшихъ на Парижъ, чтобы стерѣть съ лица земли „новый Содомъ“. Я самъ своими глазами видѣлъ *сверный Парижъ*, какъ его нѣкогда называли, и вполне убѣдился, что пруссакамъ нечего громить насъ за нашу безнравственность. У насъ много пороковъ, и большихъ, но я не боюсь возраженій, если скажу, что Берлинъ перещеголялъ Парижъ относительно разврата, который въ этихъ *Афинахъ на Шпрее* грубъ, тупъ, уродливъ и омерзителенъ, тяжелъ, какъ кирасирскіе ботфорты, и боекъ, какъ барабанный бой. Парижскія трущобы самой дурной репутаціи кажутся приличными и скромными сравнительно съ берлинскими танцклассами, въ которыхъ не пляшетъ веселье, а ломается необузданный порокъ. Въ одномъ изъ подобныхъ заведеній веселится весь Берлинъ, если только это можно назвать весельемъ. Соотвѣтствуя парижскому Мабилю, Орфеумъ гораздо богаче; блестящія залы украшены мраморными колоннами и громадными зеркалами, сады съ фонтанами илюминованы, на стѣнахъ красуются такіе вольные фрески, что сравнительно съ ними помпейская обнаженная живопись кажется скромной, а рядомъ съ ними висятъ портреты Бисмарка и Мольтке. Въ этой роскошной обстановкѣ берлинскіе прикащики, въ уродливыхъ модныхъ костюмахъ, танцуютъ бѣшеные кадрили съ полуобнаженными проститутками, которымъ нечего завидовать своимъ парижскимъ соперницамъ въ болѣзненной распущенности. И на все это спокойно смотрятъ, попивая шампанское, люди серьезные, занятые, дѣловые“.

Усиліе развращенности не на шутку тревожитъ многихъ въ Германіи. Еще въ 1869 году комитетъ евангелическаго союза въ своей петиціи, поданной германскому сейму и подписанной 15,048 лицами, говорилъ: „Наша цѣль—обратить вниманіе всѣхъ истинныхъ друзей отечества на крайнюю необходимость немедленнаго принятія сильныхъ мѣръ противъ роковой заразы, свирѣпствующей въ

столицъ и провинціяхъ до такой степени, что нашъ народъ пораженъ ею до мозга костей“. Значительная часть прессы тоже давно бьетъ тревогу по этому поводу. Вотъ, напр., что говорить „Биржевая Газета“: „Дерзкое поведеніе проституткозъ и ихъ покровителей, а также вооруженный грабежъ на берлинскихъ улицахъ, о чемъ такъ много толкуютъ, ясно показываютъ, что жизнь въ Берлинѣ менѣе безопасна, чѣмъ въ другихъ столицахъ. Въ самыхъ ужасныхъ трущобахъ Лондона безпомощные прохожіе не подвергаются такимъ неприяностямъ, какъ берлинцы на великолѣпной улицѣ Фридриха. Съ 9 часовъ вечера проститутки группами отъ шести до восьми останавливаютъ прохожихъ и въ случаѣ отказа воспользоваться ихъ предложеніями мирные жители подвергаются всевозможнымъ оскорбленіямъ и даже насилію со стороны *люсовъ*, эксплуатирующихъ этихъ несчастныхъ созданий. И все это дѣлается въ виду полиціи!“

Но что можетъ сдѣлать полиція, что могутъ подѣлать законы противъ зла, неизбежно порождаемаго прогрессирующей нищетой народа? Эта ницета—самое опасное явленіе для имперіи, гордящейся своей военною силою. Германія наводитъ страхъ на всю Европу, но еще большій страхъ должна чувствовать она сама передъ этой грозной нищетой, начинающей приходить въ сознаніе. „Дѣла идутъ самымъ сквернымъ образомъ, говорилъ Тиссо одинъ нѣмецъ.—Миліарды, которые должны были-бы обогатить насъ, разорили насъ. На насъ лежитъ теперь вдвое больше налоговъ, чѣмъ до войны, и дѣло идетъ еще о новомъ увеличеніи ихъ. Нужно-же вѣдь найти 60 лишнихъ миліоновъ для арміи да 20,000,000 для флота. Все обложено пошлинами—табакъ, пиво, петролеумъ, биржевыя операціи. Погодите, еще будутъ пивные бунты; цѣна на пиво всегда была у насъ барометромъ общественнаго спокойствія. Два года назадъ уже лилась у насъ кровь на улицахъ и десятка четыре головъ было проломлено изъ-за того, что литръ пива поднялся въ цѣнѣ на одинъ крейцеръ. А что будетъ тогда, когда работающій челоувѣкъ очутится въ необходимости вычеркнуть изъ своего бюджета одну кружку пива утромъ и двѣ вечеромъ?..“ „Народъ, говоритъ Либкнехтъ, извѣстный редакторъ „Народнаго Государства“,—народъ начинаетъ широко раскрывать глаза и шевелить языкомъ. Онъ съ глубокою горестью видитъ, какъ мало пользы принесли ему всѣ его пожертвованія и какъ его положеніе ухудшилось, вмѣсто того, чтобы уллучшиться, между тѣмъ какъ впереди предвидится перспектива еще большихъ тягостей. Жить послѣ войны стало вдвое дороже, а заработная плата увеличилась далеко не пропорціонально вздорожанію продуктовъ. Присоединеніе Эльзаса совершенно разорило нашу саксонскую промышленность. Всѣ наши

прядильныя и полотняныя фабрики закрылись или близки къ банкротству. Мюльгаузенъ наводняетъ насъ своими произведеніями; они дешевле, въ ихъ рисункахъ больше вкуса, и весьма естественно, что публика предпочитаетъ ихъ. Черезъ нѣсколько дней я долженъ отправиться въ наши мануфактурныя мѣстности, и у меня уже заранѣе сжимается сердце. Боже мой, какаѣ бѣдноты! Изъ всего саксонскаго населенія три четверти его не имѣютъ 100 талеровъ для своего годового содержанія; семейства изъ пяти или шести человѣкъ принуждены жить на одинъ талеръ въ недѣлю!.. Вотъ плоды побѣды и войны, вотъ продукты миліардовъ! Генераловъ осыпали богатыми денежными наградами, а народъ страдаетъ подъ тяжестью новыхъ налоговъ. Поэтому не удивляйтесь, читая въ гамбургскихъ газетахъ, что десять-пятнадцать тысячъ нѣмцевъ ежемѣсячно эмигрируютъ въ чужія страны. Десять минутъ тому назадъ я видѣлся съ однимъ молодымъ унтеръ-офицеромъ, до войны фанатически преданнымъ Пруссіи. Онъ вернулся съ отрѣзанною рукою, неспособнымъ продолжать свою службу. И знаете, что дали ему?—пенсію въ 20 талеровъ въ годъ! Спросите у него, что онъ думаетъ дѣлать теперь! И въ такомъ положеніи находится весь нѣмецкій народъ; для него важны не единство имперіи, не величіе нѣмецкой родины, но его интересы и интересы близкихъ ему людей. Горе Бисмарку, если онъ потребуеъ новой кровавой подати! Я не вѣрю въ возможность революціи; народъ пойдетъ, грызя надѣтые на него удила, но, вернувшись къ своимъ очагамъ, найдя одну бѣдноту и разореніе, онъ потребуеъ отчета по праву своей нищеты и своихъ страданій“ (стр. 126.)

Да, современное положеніе Германіи таково, что невольно начинаешь вѣрить въ осуществленіе пророчества Гейне, который дѣтъ 40 назадъ писалъ: „Имперія быстрыми шагами пойдетъ къ своему паденію. Разрушеніе это будетъ работою нѣмецкихъ философовъ и мыслителей. Мы переживаемъ теперь господство послѣдователей Канта, истребившихъ послѣдніе корни прошлаго; за ними придутъ сторонники Фихте и фанатизмъ ихъ не будетъ въ состояніи укротить ни чувство страха, ни инстинкта. Но самыми ужасными будутъ философы природы, которые войдутъ въ сношеніе съ физическими силами земли и возстановятъ традиціи германскаго пантеизма. Тогда эти три хора запоютъ пѣсню, отъ которой задрожитъ земля, и въ Германіи совершится драма, въ сравненіи съ которой французская покажется только идилліей“...

С. Ш.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Девятый статистический конгрессъ въ Буда-Пештѣ *). — Конгрессы французскаго и англійскаго „обществъ содѣйствія успѣхамъ наукъ“ въ Глазговѣ и въ Клермонъ-Ферранѣ. — Католическіе патеры въ качествѣ спасителей общества отъ язвы пролетаріата и ихъ конгрессъ въ Бордо. — Филадельфійская выставка и Германія. — Данныя изъ уголовной статистики Германіи. — Вліяніе воинской повинности на вырожденіе народонаселенія.

Наше время—по-преимуществу время коллективныхъ размышленій, соображеній, предпріятій, прозковъ и т. п. Конгрессы, съѣзды, конференціи, совѣты такъ и сыпятся на насъ по всѣмъ вопросамъ, начиная отъ восточнаго и до какого-нибудь педагогическаго, вродѣ, напр., слѣдующаго: нужно-ли сохранить Ѳ въ русскомъ правописаніи или уничтожить ее, какъ чужаюдную букву? Безъ конгресовъ или съѣздовъ въ наше время никто не обходится — ни юристы, ни адвокаты, ни врачи, ни дипломаты, ни ученые, ни даже желѣзнодорожные дѣльцы и биржевые аферисты, слѣдуя, конечно, мудрой пословицѣ: „одинъ умъ — хорошо, а два — лучше“. Но, судя по результатамъ и степени полезности этихъ коллегіальныхъ собраній, мы боимся, чтобы мудрая пословица не превратилась впоследствии еще въ болѣе мудрую, которая будетъ гласить: „одинъ умъ — худо, а два — еще хуже“. Послѣ прошлогоднихъ конгресовъ и особенно константинопольской конференціи мы рѣшительно недоумѣваемъ: что лучше — одинъ умъ или нѣсколько? Думаемъ, что одинъ хорошій — положительно лучше нѣсколькихъ плохихъ, — лучше уже потому, что какъ-

*) Первый конгрессъ имѣлъ мѣсто въ Брюсселѣ въ 1853 г. Затѣмъ статистики съѣхались въ 1855 г. въ Парижѣ; въ 1857 г.—въ Вѣнѣ; въ 1860 г.—въ Лондонѣ; въ 1863 — въ Берлинѣ; въ 1867 г. — во Флоренціи; въ 1869 г. — въ Гагѣ; въ 1872 г.—въ Петербургѣ и, наконецъ, девятый, о которомъ мы говоримъ, въ Буда-Пештѣ.

бы онъ ни рѣшилъ предложеннаго ему вопроса, правильно или криво, но, во всякомъ случаѣ, онъ рѣшилъ-бы его; а между тѣмъ мы видимъ много такихъ конгрессовъ и сѣздовъ, которые ничего не рѣшаютъ, ни къ чему не приходятъ и, начесавъ свои языки вдосталь, расходятся не причесть, какъ и сходятся ни съ чѣмъ. А нѣкоторые умы отправляются во-свои-си даже болѣе ограниченными и сбитыми съ панталыку, чѣмъ они были прежде, до колегіяльнаго совѣщанія и переливанія на немъ изъ пустого въ порожнее. Последнее печальное явленіе особенно поразило насъ послѣ статистическаго буда-пештскаго конгресса.

Это былъ конгрессъ самый казенный и чиновничій изъ всѣхъ конгрессовъ прошлаго года. Почти всѣ его сколько-нибудь замѣтные дѣятели и большинство членовъ состояли изъ правительственныхъ чиновниковъ различныхъ статистическихъ бюро, сѣзжающихъ въ опредѣленные сроки по казенной командировкѣ и на казенный счетъ. Этимъ составомъ конгресса опредѣляется какъ характеръ его дѣятельности, такъ и свойство преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Чиновники являются съ цѣлыми чемоданами разныхъ „отчетовъ“, „донесеній“, „докладовъ“, обмѣниваются ими, затѣмъ сваливаютъ все это въ одну кучу и поручаютъ обыкновенно какой-нибудь комисіи, состоящей опять-таки изъ чиновниковъ, привести ихъ въ порядокъ, а если окажутся средства (т. е. казенныя субсидіи), то и издать ихъ въ свѣтъ въ видѣ увѣсистаго фоліанта, съ непремѣннымъ казеннымъ предисловіемъ. Какихъ-нибудь общихъ вопросовъ, понятныхъ и интересныхъ большинству, здѣсь почти никогда и не затрогивается. Долго и много спорили какъ-то на предыдущихъ конгрессахъ (и, между прочимъ, на предпоследнемъ конгрессѣ, бывшемъ въ Петербургѣ) о достоинствѣ и значеніи статистики: наука она или нѣтъ? Спорили, спорили и, наконецъ, убѣдившись въ совершенной бесплодности своихъ словоизверженій, оставили этотъ отвлеченный вопросъ, „какъ неподходящій къ дѣлу“. И дѣйствительно, ну не все-ли равно имъ, этимъ людямъ цифры, въ какомъ рангѣ будетъ числиться ихъ профессія—въ рангѣ-ли науки или просто нѣкоторой казенной службы? Последнее для нихъ даже, пожалуй, еще и лучше. Конечно, и „наука“, если разъ она допущена къ преподаванію въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, вещь тоже почтенная и никого некомпрометирующая; но все-же это не то, что служба съ начальственными командировками, съ двойными и тройными казенными прогонами, подъемными, суточными и т. п. Немудрено поэтому, что большинство членовъ восчувствовало нѣкоторую симпатію къ статистикѣ-службѣ и рѣшительную антипатію къ статистикѣ-наукѣ. На последнемъ конгрессѣ истолкователемъ мнѣній этого большинства явился Эмиль Ивернесъ (Ivernès),

директоръ статистическаго бюро при французскомъ министерствѣ юстиціи и вѣроисповѣданій. Въ предисловіи къ своему обширному труду: „Сравнительная статистика торговаго и гражданскаго права“, представленному имъ на конгрессъ, онъ говоритъ, цитируя Ренуара: „статистика не наука, она даетъ только наукамъ массу нужнаго имъ матеріяла; какъ онѣ имъ воспользуются—это не ея дѣло. Она не знаетъ ни того, къ какимъ выводамъ этотъ матеріялъ можетъ привести, ни того, что онъ доказываетъ; значительная часть приносимой ею пользы, гарантія ея искренности въ томъ именно и заключаются, что она стоитъ на нейтральной почвѣ и остается совершенно слѣпою ко всякаго рода системамъ и теоріямъ, стараясь лишь быть по-возможности точною и безпристрастною...“ По словамъ многоученаго экономиста и статистика Макса Вирша, ренуаровское *profession de foi* раздѣляется въ настоящее время „всеми истинно-учеными статистиками“.

Конечно, Виршъ въ этомъ случаѣ немножко заблуждается, но это не помѣшало пройти на буда-пештскомъ конгрессѣ мнѣнію Ивернеса безъ малѣйшей оппозиціи. А между тѣмъ оно хотя и не ново, но довольно радикально: оно не только отрицаетъ значеніе статистики, какъ науки (съ чѣмъ и мы согласны), оно превращаетъ ее въ агломератъ сырого матеріяла—въ кучу цифръ, неосвѣщенныхъ никакою разумною идеею,—цифръ, собранныхъ съ единственною цѣлью, что авось, молъ, на что-нибудь, кому-нибудь и чѣмъ-нибудь онѣ и пригодятся. Кому, чѣмъ, что онѣ доказываютъ, къ какимъ выводамъ приводятъ—эти и тому подобные вопросы не должны смущать „истинныхъ ученыхъ статистиковъ“. Можетъ быть, и ничего не выйдетъ, а можетъ быть, выйдетъ какая-нибудь нелѣпость—это ихъ не касается. Они, какъ птички небесныя или, лучше сказать, какъ наши невинные поэты, поютъ и вѣчно поютъ,—поютъ ради того только, чтобы пѣть, а что выйдетъ изъ ихъ пѣсенъ, о томъ они не вѣдаютъ и вѣдать не желаютъ. У меня была одна знакомая чета вродѣ тургеневскихъ Фомушки и Фимушки. Фомушка постоянно собиралъ пробки отъ пустыхъ бутылокъ, Фимушка—старыя катушки. Это было ихъ любимое занятіе и едва-ли не единственная цѣль ихъ жизни. Когда мнѣ приходилось ихъ спрашивать: зачѣмъ это имъ могутъ понадобиться эти массы пробокъ и катушекъ, старички съ неизмѣннымъ постоянствомъ давали всегда одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „Эхъ, батюшка, какъ знать: а можетъ на что и пригодится. Всяко бываетъ! Неровенъ часъ. А намъ что? Нешто это труда какого требуетъ! одно удовольствіе и больше ничего!“

А для статистиковъ, исповѣдующихъ *profession de foi* Ренуара и Ивернеса—это не только удовольствіе, но и польза, такъ-какъ они

за собираніе пробокъ и катушекъ получаютъ весьма реальное вознагражденіе въ видѣ жалованья, субсидіи и т. п.

„Какъ, воскликнетъ солидный читатель, — такъ вы отрицаете вообще научную пользу собиранія статистическаго матеріала; кропотливую работу труженика, посвящающаго этому дѣлу всю свою жизнь, вы имѣете наглость приравнять къ бессмысленному времяпрепровожденію какихъ-то Фомушекъ и Фимушекъ, собирающихъ пробки и катушки?“

Нѣтъ, читатель, я не отрицаю пользы собиранія статистическаго матеріала, точно также, какъ я не отрицаю и пользы собиранія пробокъ и катушекъ; и статистическій матеріалъ, и пробки и катушки, — все это въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстномъ примѣненіи можетъ принести свою долю пользы и даже не малой пользы. Дѣло не въ этомъ; дѣло въ томъ, какъ относится самъ собиратель къ собираемому имъ матеріалу? Такъ-ли, какъ относился Фомушка къ своимъ пробкамъ, или иначе, болѣе сознательно, отчетливо и опредѣленно? Скажите-же мнѣ теперь: какую разницу вы усматриваете въ отношеніяхъ нашей почтенной четы къ скопленнымъ ею пробкамъ и катушкамъ и въ отношеніяхъ „истинно-ученаго статистика“ къ собранному имъ матеріалу? Я тутъ, по-правдѣ сказать, никакой разницы не вижу. Но кромѣ того въ поведеніи статистиковъ я вижу странную нелогичность. Разъ они рѣшили, что ихъ нисколько не интересуеетъ то употребленіе, которое будетъ сдѣлано изъ собраннаго ими матеріала, то статистика должна изображать изъ себя нѣчто вродѣ мякиннаго амбара (да извинитъ меня читатель за это, быть можетъ, нѣсколько грубое сравненіе), въ который каждая наука, каждая теорія, каждая система можетъ беспрепятственно входить и выбирать себѣ по вкусу ту или другую цифру, и что они, статистики, суть ничто иное, какъ простые поставщики этого мякиннаго пакгауза. Если разъ все это они рѣшили и со всѣмъ этимъ согласились, то зачѣмъ-же они изолируютъ себя отъ постоянныхъ кліентовъ своего амбара, зачѣмъ они увѣряютъ, будто имъ нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла до какихъ-бы то ни было „системъ и теорій?“ Какія именно цифры, зачѣмъ и для чего нужны различнымъ наукамъ, системамъ и теоріямъ—это лучше всего могутъ знать сами эти науки, системы и теоріи. Имъ, слѣдовательно, и долженъ принадлежать рѣшающій голосъ въ дѣлѣ собиранія, выбора и классификаціи статистическаго матеріала. Иначе можетъ такъ случиться, что, придя въ этотъ мякинныи амбаръ, они не найдутъ въ немъ именно того, что имъ требуется, и встрѣтятъ въ изобиліи то, чего имъ совсѣмъ не нужно. Почему-же вы не зовете ихъ на свои конгрессы? Почему вы считаете полезнымъ и необходимымъ выслушивать мнѣнія и

принимать къ свѣденію заявленія однихъ лишь правительственныхъ лицъ и учреждений, какъ-будто вашъ амбаръ предназначенъ только для исключительнаго пользованія государственныхъ чиновниковъ? Какъ-будто полицейско-фискально-криминальныя дѣла составляютъ единственное *raison d'être* его и вашего собственнаго существованія?

Открестившись отъ всякихъ наукъ, системъ и теорій и поступивъ на казенную службу, „истинно-ученые статистики“ по-необходимости должны были отбросить въ сторону всѣ вопросы, касающіеся существа статистическаго матеріала (его научной подготовки и удобопримѣнности, его теоретическаго значенія и т. п.), и ограничиться лишь вопросами чисто-формальнаго свойства и главнымъ образомъ вопросомъ: какъ собирать статистическій матеріалъ (зачѣмъ и какой матеріалъ—эти вопросы, касающіеся сущности дѣла, они сами устраняютъ изъ своего вѣденія), какъ составлять статистическія репортички, на сколько графъ ихъ раздѣлять и т. д., и т. д. При этомъ каждый представитель того или другаго статистическаго бюро, имѣя исключительно въ виду спеціальныя интересы своего отдѣла, старается по-возможности увеличить число графъ, расширить область фактовъ, подлежащихъ вношенію въ репортички. А такъ-какъ это увеличеніе и это расширеніе не сдерживается никакою опредѣленною научною мыслью, не руководится никакимъ научнымъ принципомъ, то, очевидно, оно можетъ продолжаться до безконечности, можетъ даже дойти до Фомушкиныхъ пробокъ и Фимушкиныхъ катушекъ...

Но чѣмъ болѣе расширяется область фактовъ, вносимыхъ въ „репортички“, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе становится статистическій матеріалъ, тѣмъ труднѣе въ немъ ориентироваться, тѣмъ менѣе онъ поддается операциі сравненія и сопоставленія, а слѣдовательно тѣмъ большею проблематичностью и неопредѣленностью будутъ страдать дѣлаемые изъ него выводы.

Формальные вопросы, отдѣленные отъ вопросовъ „по существу“, до такой степени запутываются, что правильное рѣшеніе ихъ становится практически невозможнымъ *).

*) Это признаютъ и самыя защитники статистическихъ свѣздовъ. Такъ, одинъ изъ нихъ, и притомъ наиболѣе компетентный, Максъ Виршъ, говоря объ унификаціонной дѣятельности статистическихъ конгрессовъ вообще и будапештскаго въ частности, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „нельзя, однакожь, не замѣтить, говоритъ онъ,—что по мѣрѣ того, какъ будутъ увеличиваться и усложняться статистическія репортички (*formulaires*), въ нихъ будутъ все чаще и чаще вкрадываться погрѣшности, а слѣдовательно тѣмъ живѣе становятся и дѣлаемые изъ нихъ выводы; но если-бы даже кому-нибудь и удалось устранить всѣ эти погрѣшности,

Однако, это обстоятельство нисколько, повидимому, не смущает статистиковъ-формалистовъ; съ неутомимымъ усердіемъ ломаютъ они свои бюрократическія головы надъ сочиненіемъ такой репортички, которая-бы, съ одной стороны, и катушекъ съ пробками не забыла, а съ другой—была-бы вполне удобопримѣнима ко всевозможнымъ мѣстностямъ и государствамъ не только Европы, но Азии и Америки.

И говоря по правдѣ, этотъ-то вопросъ о репортичкѣ и составляетъ едва-ли не самый важный и, съ бюрократической точки зрѣнія, наиболѣе практической вопросъ какъ послѣдняго, такъ и вообще всѣхъ предъидущихъ статистическихъ конгрессовъ. На предъидущихъ конгрессахъ много говорилось и, наконецъ, было рѣшено, что для большаго успѣха формальной классификаціи статистическаго матеріала, матеріалъ этотъ долженъ быть раздѣленъ на нѣсколько специальныхъ частей и разработка каждой части ввѣрена статистическому бюро одного какого-нибудь государства. В. герцогство Баденское взяло на себя разработку (т. е. классификацію) статистическаго матеріала относительно охоты, военной службы и лѣсоводства; Баварія—относительно жилыхъ и нежилыхъ строеній, а также обществъ страхованія отъ огня; Бельгія, а послѣ смерти Кетле и Германія—относительно движенія народонаселенія и смертности; Англія—относительно причинъ смертности, гигиены и международного движенія товаровъ (ввоза и вывоза); Франція—относительно недвижимой собственности, земледѣлія, скотоводства, торговаго и гражданскаго права; Данія взяла на себя статистику почтъ и телеграфовъ; Гамбургъ—статистику страхованія владѣй, Італія—относительно ссудосберегательныхъ кассъ, кассъ общественнаго призрѣнія, банковъ и другихъ кредитныхъ учрежденій; Норвегія—промышленнаго и торговаго мореплаванія; Австрія—статистику національностей и общественнаго образованія; Пруссія—промышленности, обществъ взаимнаго вспомошествованія и страхованія жизни; Россія—статистику территоріальную, рудниковъ и копей, а также рѣчного судоходства; Швеція—статистику народонаселенія; Испанія—военныхъ морскихъ силъ; Венгерія—винодѣлія; Вюртембергъ—финансовъ.

Затѣмъ для внесенія большаго единства въ статистическія репортички было рѣшено, что

1) Всѣ изданія по международной и сравнительной статистикѣ будутъ печататься на французскомъ языкѣ.

во всякомъ случаѣ совершенно невозможно составить для всѣхъ странъ такія репортички, которыя могли-бы дать въ своихъ среднихъ итогахъ цифры, допускающія сравненіе и сопоставленіе“.

- 2) Вѣсъ и мѣры будутъ выражаемы по метрической системѣ.
- 3) Монетною единицею будетъ принять франкъ.
- 4) Отправнымъ пунктомъ для сравненій и сопоставленій долженъ считаться вездѣ, гдѣ это возможно, 1853 годъ,—годъ, въ которомъ состоялся первый международный статистическій конгрессъ.
- 5) Сравненія данныхъ международной статистики должны быть доводимы по-возможности до самаго новѣйшаго времени; что-же касается того, какое територіальное подраздѣленіе будетъ положено въ основу сравненія, то рѣшеніе этого вопроса должно быть предоставлено на добрую волю и сообразительность самихъ классификаторовъ.

Практическія послѣдствія этихъ рѣшеній въ первый разъ обнаружилась на буда-пештскомъ конгрессѣ. Статистики Франціи, Швеціи, Венгрии и Вюртемберга оказались исправнѣе всѣхъ и раньше своихъ сотоварищей окончили или, по крайней мѣрѣ, приступили къ исполненію взятыхъ ими на себя задачъ. Бергъ, директоръ шведскаго центральнаго статистическаго бюро, представилъ составленныя имъ таблицы о состояніи народонаселенія въ Европѣ съ 1815—1830 г. *).

Свѣденія, какъ видите, довольно старыя, но въ то-же время они представляютъ нѣкоторую новизну. Новизна эта состоитъ въ томъ, что движеніе народонаселенія исчислено не по ревизскимъ періодамъ, охватывающимъ собою, обыкновенно, цѣлое десятилѣтіе, а погодно; этотъ способъ исчисленія представляетъ, очевидно, большія трудности и требуетъ много кропотливаго, усидчиваго труда и большой потери времени; но за то данныя, получаемыя при его помощи, отличаются несравненно большею точностью и опредѣленностью, чѣмъ тѣ, которыя получаютъ при сравненіи итоговъ народныхъ переписей. Директоръ вюртембергскаго статистическаго бюро, Рикке, доставилъ конгрессу свой трудъ по международной финансовой статистикѣ. Въ немъ собраны данныя (непредставляющія, впрочемъ, ничего особенно новаго) относительно доходовъ и расходовъ, прямыхъ и косвенныхъ податей и военного бюджета. Но классифицируя эти данныя, Рикке пришелъ, однако къ тому заключенію, что въ виду крайняго разнообразія системъ центральнаго и мѣстнаго управленія, существующаго въ различныхъ государствахъ, сравнительная статистика ихъ финансовъ—вещь, въ настоящее время совершенно невозможная, и что никакія общія репортжчики тутъ никуда негодятся. Хотя подобное

*) Текстъ къ этимъ таблицамъ выйдетъ впоследствии и составитъ вторую часть труда Берга.

заключеніе идетъ въ разрѣзъ съ унификаціонными стремленіями статистиковъ-формалистовъ, тѣмъ не менѣе ихъ конгрессъ отнесся къ труду Рикке весьма сочувственно и остался имъ очень доволенъ.

Третья работа, представленная конгрессу директоромъ венгерскаго статистическаго бюро, Келеромъ, была посвящена винодѣлію, и притомъ почти исключительно винодѣлію венгерскому; о винодѣліи-же другихъ странъ въ немъ говорится мелькомъ, поверхностно, больше, такъ-сказать, для очистки совѣсти. То-же самое можно замѣтить и относительно объемистаго труда Эмиля Ивернеса (четвертая работа, представленная конгрессу), представляющаго весьма богатый сборникъ статистическаго матеріала, касающагося торговаго и гражданскаго права въ Европѣ. И въ немъ, какъ и въ предъидущемъ сочиненіи, какъ и во всѣхъ вообще „Statistiques comparées,“ только тѣ отдѣлы и отличаются полнотою и обстоятельностью, въ которыхъ авторъ говоритъ о предметѣ хорошо ему знакомомъ, т. е. о статистикѣ своей родины; статистики-же остальныхъ странъ онъ касается только „между прочимъ“; а потому его трудъ, быть можетъ, очень интересный для француза, для насъ, русскихъ, для нѣмцевъ италіянцевъ, англичанъ и т. п. имѣетъ лишь весьма и весьма второстепенное значеніе.

Баварія тоже хотѣла было прислать заданную ей работу на счетъ статистики жилыхъ и нежилыхъ строеній, но не успѣла, такъ что изъ 16 бюро только 4 выполнили взятая ими на себя задачи. Но, какъ мы видѣли, выполнили ихъ далеко не удовлетворительно съ точки зрѣнія интересовъ международной статистики. Можно думать, что и остальные 12 бюро не будутъ въ этомъ случаѣ счастливѣе ихъ, такъ-какъ, не говоря уже о крайней искусственности и произвольности принятаго конгрессами дѣленія статистическаго матеріала, самый принципъ распредѣленія его между статистическими бюро различныхъ національностей съ перваго-же раза поражаетъ своею непрактичностью. Можетъ-ли, напр., Испанія съ надлежащею разносторонностью и полнотою разработать статистику англійскихъ морскихъ силъ, или Англія—статистику причинъ смертности въ Россіи, или Россія—статистику англійскаго рѣчного судоходства, или Венгрія—статистику винодѣлія въ Крыму и на Кавказѣ и т. д., и т. д.? Конечно, подобный способъ разработки вопросовъ международной статистики представляетъ нѣкоторыя удобства, съ точки зрѣнія объясненія и обобщенія статистической репортички, форма выигрываетъ, но за то сущность страдаетъ, статистическіе факты, поверхностно обобщаемые, теряютъ не только своетеоретически-научное значеніе, но даже и свой чисто-практическій интересъ.

Отъ научныхъ работъ, представленныхъ на послѣдній статистическій конгрессъ, перейдемъ теперь къ самымъ занятіямъ конгресса, къ обсуждавшимся на немъ вопросамъ и принятымъ на немъ резолюціямъ.

Програма конгресса отличалась въ прошломъ году небывалымъ еще разнообразіемъ и обширностью. Напечатанная, вмѣстѣ съ мемуаромъ выставленныхъ ею вопросовъ, она составила громадный фоліантъ въ 2,000 страницъ убористой печати. Понятно, что мы не можемъ здѣсь, даже въ самыхъ общихъ чертахъ, касаться всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые она затрогиваетъ; да притомъ это было-бы и бесполезно, такъ-какъ большая часть изъ нихъ имѣла черезчуръ спеціальныи характеръ и относилась почти исключительно къ сферѣ чисто-формальныхъ вопросовъ,—вопросовъ о репортничѣ.

Мы остановимся лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые представляютъ хоть какой-нибудь общій интересъ.

Къ числу такихъ обще-интересныхъ темъ, можно отнести слѣдующіе вопросы: а) статистика, какъ предметъ школьнаго образованія,—обсуждавшійся въ первой секціи, б) объ анонимныхъ торговыхъ и промышленныхъ обществахъ,—обсуждавшійся сперва во второй секціи, а потомъ въ соединенномъ собраніи второй и пятой секціи, в) о значеніи метеорологическихъ наблюденій для успѣховъ земледѣлія, г) о современномъ положеніи мелкой, кустарной промышленности, е) о необходимости вести международную статистику болѣзней, дряхлости и нравственности рабочихъ, статистику несчастныхъ случаевъ, постигающихъ ихъ на работѣ, равно какъ и всѣхъ тѣхъ мѣръ и учрежденій, которыя имѣютъ цѣлью предупрежденіе этихъ несчастныхъ случаевъ и вспоможеніе увѣчнымъ, дряхлымъ, больнымъ и вообще неспособнымъ къ труду рабочимъ; наконецъ ф) неизбѣжный вопросъ о холерѣ и эпидеміяхъ.

По первому изъ указанныхъ нами вопросовъ секція назначила особую комисію, которая выработала слѣдующій проектъ резолюціи, принятый секціею безъ всякихъ измѣненій и затѣмъ санкціонированный общимъ собраніемъ конгресса.

1) Въ первоначальныхъ школахъ преподаваніе статистики, какъ особаго предмета, въ настоящее время (?) не считается возможнымъ.

2) Однако, нѣкоторыя статистическія понятія, касающіяся преимущественно отечества учащагося, должны быть введены въ курсъ первоначальныхъ школъ. Всего удобнѣе преподавать ихъ вмѣстѣ съ географіей.

3) Для лучшаго усвоенія этихъ элементарныхъ статистическихъ

повяній слѣдуетъ ввести въ школы употребленіе діаграмъ, картограмъ и составить спеціальныи учебникъ, приспособленныи къ народному пониманію.

4) Въ старшихъ классахъ, гдѣ географія преподается въ большемъ объемѣ, должно быть расширено и преподаваніе статистики.

5) и 6) Въ програму школъ общаго образованія (соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ) и учительскихъ семинарій, отечественная и сравнительная статистика должна быть введена какъ особый самостоятельный предметъ.

7) Въ школахъ высшаго образованія, по политическимъ и камеральнымъ предметамъ, должна существовать кафедра статистики. При поступленіи или при выходѣ изъ нихъ экзаменъ изъ статистики долженъ быть для всѣхъ обязательнымъ.

8) Конгрессъ находитъ, кромѣ того, весьма желательнымъ, чтобы въ высшихъ школахъ, рядомъ съ теоретическимъ преподаваніемъ статистики, шло и практическое изученіе ея. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ, чтобы лица, преподающія этотъ предметъ, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ статистическими бюро и чтобы при университетахъ образованы были спеціально-статистическія бібліотеки.

9) Преподаваніе статистики въ высшихъ спеціальныхъ школахъ должно быть приспособлено къ ихъ спеціальнымъ цѣлямъ.

10) Статистическія бюро каждаго государства должны, въ интересахъ болѣе правильнаго развитія статистическихъ изслѣдованій, устраивать практическія конференціи для лицъ административнаго вѣдомства, на обязанности которыхъ и лежитъ, обыкновенно, собраніе сырого статистическаго матеріала.

По второму вопросу—о статистикѣ анонимныхъ обществъ—докладъ былъ представленъ Энгелемъ. Энгель доказывалъ въ немъ необходимость,—въ интересахъ публики, въ интересахъ постоянно эксплуатируемыхъ и обманываемыхъ акціонеровъ,—подвергнуть эти общества, такъ-сказать, контролю статистическихъ бюро. Статистическія бюро должны вести подробную статистику ихъ, собирать и своевременно-періодично обнародывать цифровыя данныя относительно состоянія ихъ кассы, ихъ пассива и актива, ихъ торговыхъ и промышленныхъ операцій. Только такимъ путемъ,—путемъ своевременной и откровенной гласности,—возможно, по мнѣнію докладчика, хотя отчасти предупредить и уменьшить тѣ страшныя несчастія, которыя теперь постоянно слѣдуютъ за крушеніемъ этихъ обществъ; только такимъ путемъ и можно ограждать довѣрчивую публику отъ наглаго шарлатанства анонимныхъ эксплуататоровъ. Періодическая пресса не достигаетъ этой цѣли; напротивъ, она почти всегда дѣйствуетъ въ интересахъ эксплуа-

таторовъ; продажные, подкупленные писаки своими живыми статьями, отчетами и рекламами вводятъ обыкновенно легковѣрныхъ людей въ обманъ и улавливаютъ ихъ въ сѣти завѣдомыхъ мошенниковъ.

Послѣднее положеніе докладчика, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало противъ себя цѣлую бурю. „Какъ возможно такъ оскорблять неподкупную и невинную прессу! Это предательство, это измѣна!“ кричали задѣтые заживое „нелицеприятные финансисты“ „честные комерсанты“ и „чистые, какъ голубицы“, публицисты лавки и биржи. Энгель смутился и взялъ назадъ свое обвиненіе. Можетъ быть, только благодаря этому обстоятельству, докладъ его прошелъ и предложеніе его, не безъ сильной оппозиціи, однакожь, было принято конгрессомъ.

По вопросу о земледѣльческой статистикѣ и метеорологіи конгрессъ принялъ слѣдующія резолюціи. Во-первыхъ, поручилъ своей постоянной комисіи приготовить къ слѣдующей сессіи подробный сравнительный отчетъ: а) о числѣ земельныхъ собственниковъ и количествѣ земель, находящихся въ ихъ владѣніи; б) о размѣрахъ ихъ промышленности, причемъ она должна разсматривать отдѣльно городскую землю отъ деревенской и въ подробности указать число и качество воздѣлываемыхъ земель, равно какъ и способы владѣнія и пользованія землею, и, во-вторыхъ, по отношенію къ метеорологіи въ примѣненіи къ сельскому хозяйству, конгрессъ постановилъ:

1) Конгрессъ предлагаетъ правительствамъ всѣхъ странъ организовать спеціальныя метеорологическія наблюденія, въ которыхъ сельское хозяйство заинтересовано непосредственно. Наблюденія эти, обобщенныя, централизованныя и систематически обработанныя, должны быть періодически обнародываемы или самимъ правительствомъ, или по его порученію какимъ-либо ученымъ обществомъ.

2) Конгрессъ предлагаетъ правительствамъ составлять черезъ посредство своихъ мѣстныхъ агентовъ ежемѣсячные отчеты о состояніи хлѣбовъ въ каждомъ округѣ, въ каждой провинціи ихъ страны.

3) Конгрессъ предлагаетъ правительствамъ подробно и всесторонне изслѣдовать вопросъ о вліяніи на климатъ лѣсоистребленія и лѣсоразведенія.

4) Конгрессъ находитъ въ высшей степени желательнымъ, чтобы наблюденія относительно бурь, града, грозъ, дождей, засухъ и т. под. явленій природы были въ каждой странѣ по-возможности расширены, чтобы они были централизованы, координированы и своевременно обнародываемы во всеобщее свѣденіе.

5) Конгрессъ находить желательнымъ, чтобы если не всѣ, то хоть нѣкоторая часть метеорологическихъ станцій и обсерваторій различныхъ странъ были соединены между собою телеграфическою проволокою. Метеорологическія свѣденія, по телеграфу передаваемые изъ одной страны въ другую, даютъ возможность дѣлать нѣкоторыя, болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія о предстоящей погодѣ, объ ожидаемыхъ грозахъ, дождяхъ, засухахъ и т. п.; поэтому правительства должны озаботиться, чтобы эти свѣденія и сдѣланные изъ нихъ выводы какъ можно своевременно и шире распространялись въ земледѣльческихъ классахъ.

6) Конгрессъ поручаетъ своей постоянной комисіи сообщить эти резолюціи метеорологическому конгрессу, имѣющему собраться въ 1877 году въ Римѣ, и въ случаѣ, если постоянныя комисіи обоихъ конгрессовъ придутъ по всѣмъ этимъ вопросамъ къ общему соглашенію—подвергнуть означенныя предложенія статистическаго и метеорологическаго конгрессовъ на благоусмотрѣніе правительствъ различныхъ странъ.

Что касается остальныхъ трехъ вопросовъ, то по нимъ конгрессъ пришелъ лишь къ заключенію о необходимости составить общую репортичку для собиранія статистическихъ данныхъ какъ о современномъ состояніи кустарной промышленности, такъ и о болѣзняхъ рабочихъ, ихъ нравственности, постигающихъ ихъ несчастныхъ случаяхъ и т. п. Проекты репортичекъ, предложенные докладчиками, были приняты, а самые доклады нѣбавшихъ, ни особенно интересныхъ, ни особенно поучительныхъ преній не возбуждали. Гиршъ и Петенкоферъ прислали свой мемуаръ о причинахъ холеры и о средствахъ къ ихъ устраненію,—мемуаръ, повторявшій тѣ-же положенія, которыя были изложены въ ихъ запискѣ брюссельскому гигиеническому конгрессу.

По мнѣнію Гирша, лично присутствовавшего на конгрессѣ, репортички для собиранія свѣденій объ эпидемическихъ болѣзняхъ вообще должны составляться по тому-же образцу, по которому составляются репортички о холерныхъ больныхъ. Конгрессъ, для котораго, какъ мы сказали выше, вопросъ о репортичкѣ былъ самымъ существеннымъ и самымъ интереснымъ вопросомъ,—съ удовольствіемъ присоединился къ мнѣнію Гирша и постановилъ: предложить правительствамъ вести правильную статистику эпидемическихъ болѣзней, холеры и болѣзней сифилитическихъ, при этомъ тѣми репортичками, которыя одобрилъ конгрессъ.

„Однако, скажетъ, пожалуй, нетерпѣливый читатель,—все это очень скучно: отъ всего этого вѣетъ бюрократическимъ духомъ разныхъ „вѣдомствъ“ и „канцелярій“! Богъ съ ними, съ этими репортичками, мы хотимъ чего-нибудь болѣе живого и намъ, профанамъ,

болѣе доступнаго“. То-есть вы хотите разсужденій о болѣе общихъ вопросахъ? „Общіе вопросы“, особенно если они достаточно заѣзжены, это самая лакомая пища для профана. Ну что-же, и „жрецы науки“ любятъ подобные вопросы и на своихъ прошлогоднихъ сѣздахъ они ими занимались и занимались весьма усердно, только не въ Буда-Пештѣ, а въ Глазговѣ и въ Клермонъ-Ферранѣ.

II.

Въ обоихъ этихъ городахъ собирались въ прошломъ году ученые „содѣйствователи прогрессу науки“: въ одномъ—англійскіе, въ другомъ—французскіе. На обоихъ сѣздахъ обсуждались, между прочимъ, и нѣкоторые вопросы изъ области экономической и общественной науки. Объ этихъ-то только вопросахъ мы здѣсь и будемъ говорить. Обзоръ дѣятельности конгресса по предметамъ болѣе спеціальнымъ не входитъ въ програму настоящей хроники. Начнемъ съ Глазговскаго конгресса.

Въ секціи „политической экономіи и статистики“ наиболѣе существенными очередными вопросами были слѣдующіе: 1) въ какомъ случаѣ и при какомъ условіи употребленіе статистическаго матеріала можетъ быть полезно для общественной науки; 2) о положеніи земельной собственности въ Ирландіи; 3) о подоходномъ налогѣ, и, наконецъ, 4) объ общественномъ воспитаніи, или, точнѣе говоря, о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ давать рабочимъ нѣкоторое вознагражденіе за посылку дѣтей въ школы, — вознагражденіе, равное по суммѣ убыткамъ, причиненнымъ семьѣ отрываніемъ отъ нея, хотя и на-время, хотя и малолѣтняго, но все-же работника.

Вопросы интересные, не правда-ли? А скажите, какъ-бы рѣшили ихъ мы, невѣжественные изъ невѣжественныхъ профановъ, чуждые всякой эрудиціи, но не вполне лишенные, однако, простаго здраваго смысла?

Что, напр., мы сказали-бы по поводу перваго вопроса?

Мы сказали-бы, конечно, что статистическій матеріалъ тогда только можетъ съ пользою употребляться при рѣшеніи различныхъ, какъ теоретическихъ, такъ и чисто-практическихъ вопросовъ общественной науки, когда матеріалъ этотъ всесторонне обслѣдованъ, когда онъ разнообразенъ и, не ограничиваясь однимъ лишь настоящимъ, охватываетъ болѣе или менѣе обширные историческіе пе-

ріоды. Можете себѣ представить, что совершенно то-же самое, гораздо только ученѣе и напыщеннѣе, повторилъ въ своемъ докладѣ и достопочтенный сэръ Джорджъ Кембелль, и что эти смѣлыя и оригинальныя мысли были встрѣчены секціею весьма сочувственно и заслужили одобреніе большинства. Видите-ли, какіе это мудрецы, собравшіеся на конгрессъ!

Что касается второго вопроса, то тутъ уже сами за себя говорятъ факты,—факты такіе вопіющіе, такіе поразительные и въ то-же время на-столько общеизвѣстные и популяризованные, что даже мы, профаны, съ трудомъ можемъ ошибиться насчетъ „истиннаго положенія“ земельной собственности въ Ирландіи. Обширныя помѣстья, разоренныя и истощенныя безсмысленною эксплуатаціею; масса фермеровъ, тоже разоренныхъ и истощенныхъ; произвольно измѣняемая и всегда чересчуръ высокая рента и подати, поѣдающія весь чистый доходъ земли и неоставляющія на долю рабочаго ничего, кромѣ скуднаго картофельнаго пропитанія; изъ году въ годъ растущая эмиграція, какъ естественный исходъ изъ подобнаго положенія вещей *); паліативныя реформы, нѣсколько глѣтъ тому назадъ вотированныя парламентомъ и по своей паліативности совершенно неспособныя излечить глубоко-разстроенный соціальныи организмъ несчастной страны; крайнее невѣжество народа, вредное вліяніе духовенства и т. д., и т. д.,—кому изъ насъ, профановъ, неизвѣстны эти факты, кому изъ насъ незнакомы эти картины? Глазговскіе „содѣйствователи преуспѣванію наукъ“ не прибавили рѣшительно ничего новаго къ этому небольшому запасу нашихъ знаній. Но, можетъ быть, они додумались до какого-нибудь новаго, оригинальнаго рѣшенія старой задачи? Можетъ быть, они отыскали какое-нибудь, до нихъ никому невѣдомое соціальное лекарство, способное излечить Ирландію отъ разѣдающихъ ее болѣзней „безъ ущерба для чьихъ-бы то ни было интересовъ“? Совсѣмъ нѣтъ. Они ни разу не вышли изъ узкихъ предѣловъ политико-соціальной програмы англійскихъ либеральныхъ экономистовъ и самыя смѣлыя изъ нихъ только повторяли то, что гораздо раньше ихъ было говорено Милемъ и Торнтономъ.

За то въ вопросѣ о подоходномъ налогѣ они дѣйствительно сдѣлали шагъ впередъ. Теорія и практика признаютъ обыкновенно, что налогу могутъ подлежать лишь тѣ доходы, которые превышаютъ

*.) Съ 40-хъ до начала 50-хъ годовъ среднее ежегодное число эмигрантовъ простиралось до 250,000; къ концу 50-хъ годовъ оно значительно уменьшилось и, напр., въ 1859 г. число эмигрантовъ не превышало 53,000 чел. Но затѣмъ оно снова стало возрастать и въ послѣдніе годы снова достигло внушительной цифры 200,000 чел.

извѣстный минимумъ,—минимумъ, необходимый каждому человѣку для поддержанія своего существованія. Вопросъ о предѣлахъ этого минимума различными теоріями рѣшается различно: одни стараются по-возможности расширить ихъ, другія, напротивъ, по-возможности сѣзуть. Но и тѣ, и другія ищутъ, обыкновенно, критерія для научнаго опредѣленія этого минимума въ необходимѣйшихъ потребностяхъ человѣка; и тѣ, и другія полагаютъ, что доходъ, не покрывающій или только-только что покрывающій эти потребности, долженъ быть изъятъ отъ налога. Но когда уже схема необходимѣйшихъ человѣческихъ потребностей установлена и, сообразно съ нею, опредѣленъ *minimum* изъемающагося отъ налога дохода, то, казалось-бы, доходъ, превышающій этотъ *minimum*, долженъ-бы былъ подлежать налогу безъ всякихъ дальнѣйшихъ изъятій. Понятно, что для людей, получающихъ гораздо больше, чѣмъ сколько имъ нужно для удовлетворенія своихъ человѣческихъ потребностей, подобная система налога не представляетъ большой выгоды. Имъ естественно хочется изобрѣсти и для себя какое-нибудь изъятіе; имъ хочется, чтобъ и та часть ихъ дохода, которая превышаетъ установленный *minimum*, имѣла-бы какой-нибудь новый *minimum*, неподлежащій налогу. Но какъ-же это сдѣлать? Очень просто, отвѣчаютъ глазговскіе „содѣйствователи“: изъ прибыли, превышающей опредѣленный *minimum*, слѣдуетъ вычитать еще сумму всѣхъ тѣхъ необходимыхъ расходовъ, безъ которыхъ данная прибыль не могла-бы образоваться. Конечно, чѣмъ больше прибыль, тѣмъ, безъ сомнѣнія, значительнѣе будетъ и вычитаемая изъ нея сумма. Такъ что часть дохода, неподлежащая налогу, должна будетъ возрастать пропорціонально возрастанію дохода. Это не дурно, не правда-ли? Мы, профаны, наивно думали, будто общественная справедливость требуетъ совершенно обратнаго, мы думали, что % подоходнаго налога долженъ возрастать прогрессивно возрастанію дохода, а вотъ теперь оказывается, что всѣ наши понятія объ общественной справедливости и подоходномъ налогѣ лишены были всякихъ научныхъ основаній; что съ точки зрѣнія науки, или, по крайней мѣрѣ, людей, „содѣйствующихъ“ ея преуспѣянію, чѣмъ выше прибыль, а слѣдовательно, чѣмъ дороже она стоитъ, тѣмъ большая часть ея должна освобождаться отъ налога. *Magister dixit*. Отрицайте послѣ этого пользу ученаго обмѣна мыслей!

Впрочемъ, конгрессъ не рѣшилъ этого вопроса окончательно; онъ передалъ его на обсужденіе особой специальной комисіи.

Четвертый вопросъ, для насъ, профановъ, не кажется даже и вопросомъ, а вотъ подите-же, ученые ломаютъ головы надъ его разрѣшеніемъ. Слѣдуетъ-ли вознаграждать родителей за то, что они посылаютъ своихъ дѣтей въ школы? Какъ вознаграждать? За

что-же вознаграждать? Дѣтей, говорятъ, школа отрываетъ отъ работы и, слѣдовательно, наноситъ ущербъ родительскому хозяйству. Но позвольте, развѣ дѣти—собственность родителей, ихъ доходная статья? Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ законодательство, и именно англійское законодательство, воспрещаетъ родителямъ посылать на фабрики, а фабрикантамъ принимать дѣтей, недостигшихъ опредѣленнаго возраста? Зачѣмъ дѣтей, достигшихъ этого возраста, не дозволяется въ большинствѣ случаевъ употреблять на ночную работу? Вѣдь подобными ограниченіями и запрещеніями государство тоже наноситъ ущербъ родительскому хозяйству. Почему-же оно и за это не даетъ родителямъ извѣстнаго вознагражденія?

Намъ скажутъ, „что все это теорія“, что, конечно, съ теоретической точки зрѣнія, платить родителямъ за то только, чтобы они дозволяли учить своихъ дѣтей, не совсѣмъ разумно и... даже нравственно; но за то съ точки зрѣнія классической—это представляетъ неисчислимыя выгоды. Родители перестанутъ враждебно относиться къ школѣ, школа найдетъ въ нихъ самыхъ преданныхъ и вѣрныхъ союзниковъ; дѣти не будутъ болѣе манкировать уроками подъ предлогами: „папенька не пустилъ“, „на работѣ былъ“. Наконецъ, самыя отношенія родителей къ дѣтямъ улучшатся: родители не будутъ болѣе смотрѣть на нихъ, какъ на тяжкое, дорого-стоющее бремя, какъ на источникъ своей нищеты и разоренія...

Помилуйте, ужь если вы заговорили о „практикѣ“, такъ должны-же вы видѣть, что главный-то недостатокъ подобной мѣры именно и заключается въ ея непрактичности. Кто будетъ платить родителямъ за обученіе ихъ дѣтей? Школа? фабрикантъ? государство? Если будетъ платить школа, то это все равно, что будетъ платить государство; если будетъ платить государство или фабрикантъ, то это все равно, что будетъ платить самъ рабочій. Государство, давая отцу свою правою рукою 1 фр., возьметъ у него лѣвою 1½ фр. (налогъ на покрытіе франковой издержки + расходы по взиманію этого налога); фабрикантъ, платя отцу за обученіе сына, долженъ будетъ вычесть эту плату изъ отцовскаго заработка. Кому-же, Боже мой, неизвѣстны эти азбучныя истины, эти элементарные факты современнаго экономическаго и государственнаго хозяйства?

Но, какъ видите, для „содѣйствователей преусиѣянiю наукъ“ они еще подлежатъ нѣкоторому спору, и они серьезно спрашиваютъ себя: „не слѣдуетъ-ли вознаграждать отца за ущербъ, наносимый его хозяйству элементарною школою?“ На слѣдующемъ конгрессѣ они, вѣроятно, поставятъ на очередь другіе, не менѣе спорные вопросы: какъ, напр., не слѣдуетъ-ли вознаграждать родители-

лей за ущербъ, наносимый ихъ хозяйству общественною нравственностью и закономъ, воспреещающимъ имъ продавать своихъ дочерей въ дома терпимости? Не слѣдуетъ-ли вознаграждать мужей за ущербъ, наносимый ихъ хозяйству государствомъ, запрещающимъ, въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстныхъ профессіяхъ, употреблять ихъ женъ на ночную работу? и т. д., и т. д.

На клермонъ-ферранскомъ конгресѣ... но нѣтъ, боясь, чтобы меня не заподозрили въ чрезчуръ пристрастномъ отношеніи къ французскимъ экономистамъ, приведу лучше мнѣніе объ этомъ конгресѣ одного француза, тоже экономиста, — экономиста весьма умѣреннаго и „звѣздъ съ неба нехватящаго“, хроникера „La Revue économique“, — журнала тоже весьма умѣреннаго и тоже неимѣющаго претензіи на „хватаніе звѣздъ съ неба“. „Вопросы, обсуждавшіеся на клермонъ-ферранскомъ конгресѣ, говоритъ Ашил Мерсье, — не отличались ни особенною новизною, ни особенною сложностью“ *).

Однако, и по этимъ простымъ и старымъ вопросамъ многіе ораторы сьумѣли высказать столько чудовищныхъ глупостей (épigrales), что повторять ихъ было-бы слишкомъ скучно. „Чѣмъ это можно объяснить? спрашиваетъ онъ себя далѣе, и самъ-же отвѣчаетъ:— Объясняется это очень просто вотъ чѣмъ: на клермонъ-ферранскомъ конгресѣ былъ вполне умѣстенъ вопросъ, который въ Глазговѣ, напр. (видите-ли, даже въ Глазговѣ!), показался-бы совер-

*, Интересуетесь вы, читатель, этими вопросами? Вотъ вамъ нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе интересныя и животрепещущіе. Вопросъ 1-й: Законенъ-ли процентъ, съ точки зрѣнія, конечно, науки? Отвѣтъ: вполне законенъ. Вопросъ 2-й: Полезны-ли въ экономическомъ отношеніи желѣзныя дороги? Отвѣтъ: весьма и весьма полезны. Вопросъ 3-й: Необходимы-ли музеи, сельскіе, промышленные и общественные? Отвѣтъ: конечно, необходимы. Вопросъ 4-й. Принесли-ли Германія выгоду тѣ 5 миллиардовъ, которые она стащила у Франціи? Отвѣтъ: нѣтъ, не принесли. Вопросъ 5-й. Нужно-ли преподавать политическую экономію въ школахъ высшаго и средняго образованія? Отвѣтъ: безъ сомнѣнія, нужно.

Интересно, не правда-ли?

Но это еще не все. Нѣкій фабрикантъ изъ Ліона, Гренъе, явился защитникомъ принудительныхъ „сберегательныхъ кассъ“ для рабочихъ, — кассъ, о которыхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ много толковали въ Германіи и несостоятельность которыхъ была признана даже нѣмецкими экономистами.

Однако, конгресъ, подъ вліяніемъ, какъ кажется, чисто-патріотическихъ побужденій, встрѣтилъ эту защиту довольно не дружелюбно и ліонскій фабрикантъ потерпѣлъ фіаско. И на глупыхъ людей находятъ иногда минуты умственнаго просвѣтленія!

шенно празднымъ, — вопросъ: гдѣ и какъ слѣдуетъ преподавать политическую экономію? Это очень хорошо знаютъ въ Англии, въ Италіи, въ Германіи, — знаютъ отчасти вездѣ. Но знаемъ-ли мы это во Франціи?“ Нѣтъ, мы этого рѣшительно не знаемъ, утверждаетъ Мерсье, — и потому „Франція, по отношенію къ своимъ экономическимъ познаніямъ, стоитъ несравненно ниже всѣхъ своихъ сосѣдей“.

И съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Экономическое невѣжество французовъ просто поразительно. Тѣ-же рутинныя понятія, которыя господствовали во французскомъ обществѣ въ концѣ прошлаго вѣка и съ которыми велась такая упорная борьба, остаются во всей своей неприкосновенности и цѣлости. Если клермонъ-ферранскій конгрессъ доказалъ это относительно буржуазіи, то парижскій конгрессъ рабочихъ доказалъ то-же самое, только еще съ большею очевидностью, относительно рабочаго класса. Впрочемъ, сказать по-правдѣ, и англійскіе рабочіе, собравшіеся на конгрессъ въ Нью-Кестлѣ, обнаружили такое-же непониманіе элементарныхъ экономическихъ истинъ. Неудивительно послѣ этого, что у клерикальной партіи явилось желаніе удить рыбу въ этой мутной водѣ: пользуясь экономическимъ сумбуромъ либеральныхъ буржуа, клерикалы напали на счастливую мысль обратить его въ пользу своихъ ретроградныхъ попопзновеній. Съ этою цѣлью католическіе патеры стали тоже заниматься политическою экономією, и, говоря по-правдѣ, они и понимаютъ, и утилизируютъ ее гораздо лучше, чѣмъ свободномыслящіе буржуа. Въ этомъ не трудно убѣдиться по тѣмъ даннымъ, которыя представилъ намъ конгрессъ католическихъ асоціацій въ Бордо.

III.

„Идеи, высказанныя на конгрессъ въ Бордо говорить Ашиль Мерсье (для большаго удобства мы будемъ говорить словами этого совершенно благонамѣреннаго экономиста), — ясно указываютъ на ту цѣль, которую преслѣдуютъ въ настоящее время патеры: они хотятъ вовлечь въ устраиваемыя ими кооперативныя общества возможно большее количество людей низшаго сословія и для осуществленія этой цѣли ни передъ чѣмъ не останавливаются: въ ходъ пускается и „наука“, и практическій интересъ, и пасторская проповѣдь, и... и въ особенности вліяніе женщинъ. Нечего и говорить, что пасторская „наука“ — наука совершенно особаго сорта. „Потребительныя общества“ и общества взаимнаго вспомошествованія—ея послѣднее слово. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, она мало

чѣмъ отличается отъ „науки“ Шульца изъ Делича и англійскихъ кооперативныхъ асоціацій. Подобно тому, какъ въ 40-хъ годахъ Лакордеръ и единомыслящіе съ нимъ патеры усматривали въ „милостынѣ“ самое вѣрное и радикальное средство для излеченія всѣхъ общественныхъ недуговъ, такъ точно нынѣшніе патеры видятъ это средство въ потребительныхъ и ссудо-сберегательныхъ обществахъ, въ кассахъ для вспомошествованія неспособнымъ къ работѣ, больнымъ и престарѣлымъ. Они, какъ показалъ бордоскій конгрессъ, не жалѣютъ ни труда, ни денегъ для организаціи подобныхъ кассъ и обществъ. Однако, устраиваютъ они эти общества, судя по отчетамъ, представленнымъ на конгрессъ, весьма своеобразно, и, если хотите, весьма практично (практично, конечно, съ точки зрѣнія патеровъ.) Вотъ, напр., данныя объ устройствѣ и организаціи одного такого общества, сообщенныя нѣкимъ Гармелемъ (Harmel), фабрикантомъ изъ Марны. Общество, о которомъ идетъ рѣчь, находится подъ особымъ покровительствомъ патеровъ, и члены конгресса, осматривавшіе его въ 1875 году, дали о немъ въ Бордо самые лестные отзывы. Оно состоитъ изъ „патрона“-главы общества; онъ обязанъ „предохранять народъ отъ его грѣховныхъ слабостей“ и пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для полученія его истинамъ католической церкви. Рабочіе, члены асоціаціи, раздѣлены на двѣ категоріи—холостые и женатые. Первые живутъ и обѣдаютъ вмѣстѣ; вторые имѣютъ каждый свою особую квартиру, свой, какъ говорятъ англичане, „Home“. Дѣти асоціонеровъ получаютъ даровое воспитаніе и, по окончаніи его, асоціація опредѣляетъ ихъ на какое-нибудь мѣсто: мальчики находятся на попеченіи братьевъ-игнорантинговъ, дѣвочки — у сестеръ-конгреганистокъ. При асоціаціи имѣются: сберегательная касса, общество взаимнаго вспомошествованія и дешевая лавка, гдѣ всѣ товары продаются по фабричнымъ оптовымъ цѣнамъ. Кромѣ того: общество любителей концертнаго пѣнія и музыки, тиръ и другія подобныя увеселительно-поучительныя учрежденія. Дѣлами асоціаціи управляетъ комитетъ, состоящій изъ выборныхъ членовъ и изъ священника, назначаемаго архіепископомъ. Священникъ считается главою и заправителемъ всего дѣла.

Кромѣ этой обширной асоціаціи, патеры устроили множество другихъ, имѣющихъ, повидимому, характеръ самыхъ обыкновенныхъ потребительныхъ и кредитныхъ обществъ. Но, говоримъ опять словами Ашиля Мерсье, — стоитъ только кому-нибудь попасть въ одно изъ этихъ обществъ, его сейчасъ-же со всѣхъ сторонъ опутываютъ самыми тонкими, почти неувидимыми сѣтями. Являются патеры, начинаютъ таинственныя шушуканья съ его женою, сестрами и дочерьми, его заваливаютъ душеспасительными книжка-

ми и въ особенности пичкають бесѣдами и проповѣдями; дѣтей отбирають и отдають на выучку монахамъ и монахинямъ; за каждымъ его шагомъ, за каждымъ его словомъ, за каждымъ движеніемъ устанавливается бдительный, назойливый, хотя почти невидимый, неуловимый надзоръ. Онъ чувствуетъ, что потерялъ свободу, но такъ-какъ эта потеря вознаграждается дешевымъ кредитомъ и дешевымъ товаромъ, то волею-неволею онъ долженъ съ нею примириться. И онъ дѣйствительно примиряется, и католическія ассоціаціи, заигрывающія съ экономическими вопросами, съ каждымъ годомъ разрастаются все шире и шире...

Теперешнее министерство (Жюль-Симона), судя по послѣднимъ извѣстіямъ, желаетъ если не положить конецъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть отчасти задержать это черезчуръ ужь быстрое развитіе клерикально-рабочаго движенія. Съ этою цѣлью въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вырабатывается проектъ закона, воспрепятствующій католическимъ обществамъ вступать между собою въ постоянныя сношенія и связь, имѣть общія собранія, общую кассу и т. п.

Дойдетъ-ли этотъ проектъ до палаты и одобрить-ли его сенатъ — это (особенно послѣднее) болѣе, чѣмъ сомнительно. Но, впрочемъ, если-бы даже все это и случилось и проектъ обратился-бы въ законъ, то какой пользы можно ожидать отъ подобнаго закона? Уничтожаетъ-ли онъ причины зла? А между тѣмъ пока будутъ существовать причины, католическія сутаны могутъ ловить въ мутной водѣ сколько угодно глупой рыбы, и никакое преуспѣяніе экономической науки не подвинется ни на одинъ шагъ впередъ. Ну, и Богъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что клерикализмъ и французская экономическая наука на ученыхъ пирахъ и турнирахъ прошлаго года играли роль весьма и весьма мизерную. Торжественныя словоизверженія ихъ адептовъ, самихъ (французовъ а) ужь на что самолюбивый народъ!), поражаютъ, какъ мы видѣли, своею чудовищною нелѣпостью! Оставимъ-же ихъ въ покоѣ и перейдемъ лучше отъ торжественныхъ фразъ къ торжественнымъ событіямъ. Нечего и говорить, что самымъ торжественнымъ (съ точки зрѣнія успѣховъ наукъ, искусствъ, торговли и промышленности) событіемъ прошлаго года была филадельфійская всемірная выставка. Событіе великое, по крайней мѣрѣ, по размѣрамъ выставки. Но извѣстно, что отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ. И мы начнемъ теперь именно со смѣшного, для котораго не требуется много мѣста, а великое, требующее гораздо большаго мѣста, отложимъ до одной изъ слѣдующихъ хроникъ.

IV.

Элементъ смѣшного на филадельфійской выставкѣ представляла серьезная Германія; однако, въ этомъ смѣшномъ было и много грустнаго, и много поучительнаго. Существуетъ мнѣніе, которое съ особенною силою поддерживается защитниками войны, принимающими себя за философовъ, — мнѣніе, будто побѣда одного народа надъ другимъ зависитъ главнымъ, если не единственнымъ образомъ отъ умственнаго превосходства народа-побѣдителя надъ народомъ побѣжденнымъ. Существуетъ другое мнѣніе, защитниками котораго являются обыкновенно люди, считающіе себя за великихъ практиковъ и политиковъ, — мнѣніе, будто счастливая война всегда осыпаетъ благодѣяніями и счастьемъ побѣдителя.

Германіи, изобилующей философами, „великими практиками и политиками“, суждено было на собственной шкурѣ извѣдать всю фальшь и неосновательность обоихъ этихъ мнѣній. Она-ли ужь не воевала, она-ли не побѣждала! И датчанъ побѣдила, и австрійцевъ побѣдила, и французовъ побѣдила, а теперь и турокъ собирается побѣдить. Въ виду столькихъ побѣдъ философъ долженъ подумать, что умственныя и нравственныя силы нѣмцевъ достигли подъ скипетромъ Бисмарка наивысшей степени своего напряженія, а практикъ поторопится заключить, что и въ чистоматеріальномъ отношеніи нѣмецкая нація должна была выиграть. и что, по всей вѣроятности, теперь она процвѣтаетъ.

Относительно процвѣтанія Германіи въ матеріальномъ отношеніи лучше всего свидѣтельствуютъ такіе факты, какъ застои ея промышленности и торговли, чуть не ежедневныя банкротства и биржевыя мошенничества, регрессъ вывоза своихъ произведеній и прогрессъ ввоза — чужихъ, и т. д., и т. д.

Что-же касается ея умственныхъ и нравственныхъ силъ, то объ этомъ еще краснорѣчивѣе свидѣтельствуютъ другіе факты, — факты, на которые уже не разъ указывалось въ нашемъ журналѣ: вконецъ развратившаяся, наемная, жидовствующая литература и пониженіе уровня научной мысли; холопствующій рейхстагъ; полнѣйшее отупѣніе общественной мысли; изъ году въ годъ возрастающее число преступленій; нѣмецкія школы, нѣмецкая проституція, нѣмецкая солдатчина и т. д., и т. д.

Среди всѣхъ этихъ фактовъ не послѣднее, конечно, мѣсто занимаетъ и филадельфійская выставка. На всемірныхъ выставкахъ каждое государство старается, какъ извѣстно, товаръ свой лицомъ

показать. Каждая нація шлетъ туда все, что только есть у нея самаго изящнаго, самаго лучшаго по части торговли, промышленности, ремесль и искусствъ. Потому-то подобныя выставки всегда могутъ служить мѣриломъ, если не средняго, зауряднаго, то по крайней мѣрѣ, высшаго, изъ ряду вонъ выходящаго, развитія умственнаго и промышленнаго генія народа.

По нимъ, конечно, нельзя судить объ общемъ, среднемъ уровнѣ народнаго благосостоянія, промышленности, торговли и народной интеллигенціи, но онѣ показываютъ намъ тѣ крайнія, такъ сказать, кульминаціонныя точки, до которыхъ, при извѣстныхъ благоприятныхъ условіяхъ, можетъ подняться это благосостояніе, эта промышленность и эта интеллигенція. На выставкѣ каждая нація является въ своемъ парадномъ, щегольскомъ и самомъ праздничномъ костюмѣ; по этому праздничному наряду нельзя, разумѣется, составить вполне точнаго понятія о ея будничной, затрапезной хламидѣ, но всегда можно съ увѣренностью сказать, что эта хламида во всякомъ случаѣ должна быть несравненно хуже выставочной одежды; между послѣднею и первою существуетъ отношеніе прямой пропорціональности: чѣмъ мизернѣе, чѣмъ бѣднѣе одна, тѣмъ мизернѣе, тѣмъ бѣднѣе будетъ и другая.

Въ какой-же парадной мантии предстала Германія на судъ Европы и Америки? Какъ принарядилась она къ выставкѣ?

На эти вопросы вмѣсто насъ отвѣчаетъ сама Германія или, по крайней мѣрѣ, ея легальный представитель на выставкѣ, комисаръ нѣмецкаго отдѣленія и директоръ берлинской академіи искусствъ и ремесль, г. Рело.

Г. Рело—пруссакъ и, какъ всѣ пруссаки, большой патриотъ, а потому нельзя допустить, чтобы въ его нѣмецкое сердце могло закрасться злостное желаніе умышленно унизить и очернить свой прекрасный Vaterland. Если ужъ заподозрѣвать его въ пристрастіи, то развѣ въ пристрастіи патриотическомъ, въ пристрастіи къ любимой его матери, великой Пруссіи.

И вотъ, однако, что говорить этотъ любящій сынъ:

„Надо откровенно сознаться, Германія потерпѣла на филладельфійской выставкѣ страшное пораженіе. Большая часть присланныхъ нами сюда вещей не выдерживаетъ ни малѣйшаго сравненія съ тѣмъ, что прислано другими націями. Вся пресса (и въ особенности здѣшняя нѣмецкая) ругаетъ насъ; и какія горькія истины приходится намъ теперь выслушивать... Лъстецы сбили съ толку молодую Германію. Они съ такимъ усердіемъ восгѣвали ея славу, они до такой степени прожужжали ей уши громкими фразами о „ея великомъ призваніи“, о ея значеніи и могуществѣ, что она, наконецъ, утратила всякое сознаніе своихъ дѣйствитель-

ныхъ, реальныхъ силъ... На нашу промышленность нападаютъ, утверждая, будто руководящимъ принципомъ ея дѣятельности служить известная поговорка: „дешево, да гнило“. И дѣйствительно, нельзя не сознаться, что упрекъ этотъ вполне справедливъ и что наша промышленность, взятая въ ея цѣломъ, только и умѣетъ производить, что одно „дешевое гнилье“.

„Нѣмецкое искусство, проникнувшись мыслью, что „только то и хорошо, что патриотично“, пало... можетъ быть, даже ниже нашей промышленности. Прежде всего, оно отличается крайнею бѣдностью сюжетовъ. Во всемъ проявляются странныя притязанія на патриотическую тенденціозность,—притязанія, которыя были совершенно неумѣстны на этой космополитической почвѣ. Видно, Германія потеряла чувство красоты „безъ тенденцій“,—красоты, цѣнимой ради ея самой. И въ самомъ дѣлѣ, когда намъ приходилось проходить нѣмецкое отдѣленіе выставки, мы чувствовали себя въ высшей степени неловко, натываясь на каждомъ шагу на цѣлые батальоны бюстовъ, представляющихъ во всевозможныхъ положеніяхъ „Германію“ и „Боруссію“, императоровъ, императорскихъ принцевъ, „красныхъ принцевъ“, Бисмарковъ, Мольте, Рооновъ, выѣпленныхъ изъ форфора, гипса, цинка, глины, вылитыхъ изъ желѣза, чугуна, бронзы, нарисованныхъ, вышитыхъ, вытканыхъ, отпечатанныхъ, отлитографированныхъ... не было ни одного уголка, ни одного мѣстечка, свободнаго отъ этихъ патриотическихъ изображеній. Въ отдѣленіи искусствъ одинъ Седанъ воспроизведенъ въ двухъ видахъ. О чемъ думала комисія искусствъ, допуская на выставку весь этотъ патриотическій хламъ?

„А въ отдѣленіи машинъ? Семь восьмыхъ помѣщенія занято гигантскими пушками Круппа, этими „машинами для убійства“ (какъ ихъ здѣсь называли: killing-machines), точно для угрозы поставленными рядомъ съ орудіями мира, выставленными другими націями. Неужели въ этомъ-то и заключается истинное выраженіе „привзанія“ Германіи? Какъ послѣ этого не подумать, что шовинизмъ достигъ въ нашемъ отечествѣ своего высшаго апогея? И не наводимъ-ли мы сами всѣхъ на эту мысль?

„Насъ упрекаютъ далѣе въ недостатокѣ вкуса и въ отсутствіи всякаго прогреса въ техникѣ. И этотъ упрекъ вполне справедливъ и, на этотъ разъ намъ ничего болѣе не остается, какъ смиренно склонить голову. „У всѣхъ націй, принявшихъ участіе въ выставкѣ, единогласно замѣчаютъ наши критики, — можно было хоть чему-нибудь научиться, хоть что-нибудь позаимствовать; у одной только Германіи—ничего, рѣшительно ничего“. Это жестоко и, однакожъ, это вполне справедливо“.

Факты эти, какъ видитъ читатель, въ комментаріяхъ не нуж-

даются. Но они невольно вызываютъ въ насъ вопросъ: Боже мой! что съ тобою сдѣлается, несчастная Германія, до какого умственнаго отупѣнія, до какой духовной и матеріальной нищеты ты дойдешь, если, на твое горе, тебѣ еще разъ выпадетъ счастье кого-нибудь побѣдить, съ кого-нибудь сорвать пятимиліардную контрибуцію? Что съ тобою будетъ, если ты, осчастливленная мудрымъ управленіемъ твоего великаго Бисмарка, не вылечишься отъ своего патріотическаго сердцебіенія еще лѣтъ десять и, вмѣсто развитія науки и промышленности, будешь лѣпить только его бюсты и украшать ими всемірныя выставки? Грустно и представить, что съ тобою будетъ!

Но если филадельфійская выставка показала всему свѣту, въ какомъ печальномъ положеніи находится современная нѣмецко-прусская промышленность, то недавно опубликованный отчетъ „о преступленіяхъ и проступкахъ“, совершенныхъ въ Пруссіи съ 1 января до 31 декабря прошлаго года, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ преуспѣянія нѣмецкаго народа по части нравственности и добродѣтели. Французы, напр., народъ крайне безнравственный и даже преступный,—пруссакъ глубоко въ этомъ убѣжденъ, такъ глубоко, какъ и въ томъ, что опъ, пруссакъ,—идеаль честности и добродѣтели. И, разумѣется, правъ, тысячу разъ правъ. Доказательства на лицо, ихъ даетъ намъ уголовная статистика.

Во Франціи среднимъ числомъ совершается ежегодно около 2,000 уголовныхъ преступленій (судимыхъ судомъ присяжныхъ), 155,000 (въ 1872 г.—152,000, въ 1873 г.—159,000) проступковъ, подлежащихъ суду исправительной полиціи; слѣдовательно, среднее число преступленій и проступковъ равняется почти 160,000 или 1 уголовное правонарушеніе приходится на 225 жителей (считая народонаселеніе Франціи въ 36,000,000).

Въ Пруссіи въ послѣднемъ отчетномъ году было совершено уголовныхъ преступленій 11,576, проступковъ — 116,218 (въ эту цифру не включена весьма почтенная сумма мелкихъ проступковъ, подлежащихъ вѣденію полиціи), итого — 127,794, что даетъ одно уголовное правонарушеніе на 187 человѣкъ (считая народонаселеніе Пруссіи въ 24,000,000).

Сравнивая цифры однихъ только уголовныхъ преступленій, ежегодно совершаемыхъ во Франціи и Пруссіи, мы приходимъ къ слѣдующимъ поразительнымъ результатамъ.

1) Абсолютное число уголовныхъ преступленій въ Пруссіи почти въ 3 раза (2,7) превышаетъ число уголовныхъ преступленій во Франціи.

2) Убийствъ (предумышленныхъ) во Франціи, судя по двумъ послѣднимъ отчетамъ, совершается около 150 въ годъ (въ 1872—162, въ 1873—138). Въ Пруссіи—254; слѣдовательно, въ то время, какъ во Франціи 1 убійца приходится на 240,000 жителей, въ Пруссіи—1 убійца менѣе, чѣмъ на 95,000. Дѣтубійствъ во Франціи совершается 200, въ Пруссіи—150, т. е. одно дѣтубійство во Франціи приходится на 180,000, въ Пруссіи на 160,000.

3) Преступленія противъ нравственности, какъ всѣмъ извѣстно, играютъ въ уголовной статистикѣ Франціи весьма значительную роль. Среднимъ числомъ покушеніе на честь совершеннолѣтнихъ женщинъ достигаетъ ежегодно цифры 100, а на честь малолѣтнихъ — 780 (въ 1872 году было всего только 682), что даетъ въ общей суммѣ 880 преступленій противъ чести женщинъ или 1 преступленіе на 40,909 жит. Въ Пруссіи за отчетный годъ совершенно было преступленій этого рода 1,617, т. е. 1 преступленіе на 14,840. Субъектами преступленій противъ нравственности являются обыкновенно мужчины отъ 15 — 60 лѣтъ, такъ-что, собственно говоря, для вѣрной оцѣнки нравственнаго состоянія народа мы должны принимать во вниманіе отношеніе общей суммы этихъ преступленій не къ населенію вообще, а только къ мужскому населенію въ возрастъ отъ 15 — 60 лѣтъ. Для Франціи отношеніе это равняется 1 прест. противъ нравственности на 10,000 мужчинъ отъ 15—60 лѣтъ (беремъ круглыя цифры), въ Пруссіи — 1 прест. противъ нравственности на 3,700. Слѣдовательно, добродѣтельные пруссаки, вѣрные охранители семьи и собственности, обнаруживаютъ въ три раза большее стремленіе къ изнасилованію и оскорбленію чести несовершеннолѣтнихъ и совершеннолѣтнихъ „лицъ обоого пола“, но преимущественно, конечно, прекраснаго, чѣмъ развратныя и легкомысленныя французы!

4) Однако, какъ люди солидные и вполне понимающіе цѣнность собственности, седанскіе побѣдители стараются стяжать лавры не только на поприщѣ убійствъ и изнасилованій, но также, и, если можно, даже въ большей степени, на поприщѣ... простыхъ и квалифицированныхъ кражъ (т. е. кражъ и всякаго рода мошенничествъ, злоупотребленій довѣріемъ, грабежей и т. п.). Въ отчетномъ году общее число этихъ преступленій (не считая мелкихъ проступковъ противъ собственности, относящихся къ категоріи *проступковъ* *) равнялось 4,286 или изъ 5,600 пруссаковъ—1 ежегод-

*) Не считая также и поджоговъ. Въ отчетномъ году общее число поджоговъ съ преступною цѣлью равнялось 293, т. е. 1 поджогъ приходился почти на 82,000 жит. Во Франціи-же, судя по послѣднимъ отчетамъ, ежегодная цифра

но уличается въ воровствѣ и мошенничествѣ *). Во Франціи число этихъ преступленій среднимъ числомъ доходить до 1,650, что даетъ одно простое или квалифицированное преступленіе противъ собственности на 22,000 жит.

Приведенныя цифры на-столько краснорѣчивы, что едва-ли нуждаются въ какихъ-бы то ни было комментаріяхъ. Какъ, подумаешь, заразителенъ дурной примѣръ! Долго-ли побыли въ „распутной“ Франціи честные и добродѣтельные нѣмцы, а посмотрите, какими извергами, злодѣями и прелюбодѣями вернулись они въ свой любезный Vaterland! Мало того, что злодѣями,—вольнодумцами! Знаете-ли, не въ одной странѣ не совершается столько преступленій противъ „отца отечества“, т. е. его сіятельства, князя Бисмарка.

Судите сами: противъ Бисмарка среднимъ числомъ ежегодно совершается около 150 преступленій (въ отчетномъ году 130) въ одной Пруссіи, а въ Германіи вообще отъ 1,200 до 1,500! Нечего и говорить, что почти всѣ подсудимые оказались виноватыми. Въ числѣ обвиненныхъ фигурируютъ, между прочимъ, двѣ маленькія дѣвочки, которыя, играя на улицѣ, позволили себѣ нечаянно бросить въ бюсть Бисмарка или Вильгельма нѣсколько комковъ грязи, и одинъ мальчикъ, осмѣлившійся—о, ужась!—замарать „неприличнымъ образомъ“ фотографическое изображеніе германскаго императора.

Кромѣ того въ отчетномъ году было совершено 489 преступленій противъ законовъ о печати **).

Такимъ образомъ въ Германіи приходится среднимъ числомъ на каждый день пятьдесятъ преступленій по дѣламъ печати, преступленій противъ безопасности государства и противъ особы Бисмарка!

Разъ мы вторглись въ область статистики — выбраться изъ нея довольно трудно: со всѣхъ сторонъ лѣзутъ цифры, цифры и цифры... И какія есть любопытныя цифры! Вотъ надняхъ, напр., въ Парижѣ вышло отдѣльной брошюркою небольшое изслѣдованіе нашего соотечественника, г. Чурилова, напечатанное въ послѣдней книжкѣ „Revue d'Anthropologie“ (издающагося подъ редак-

поджоговъ (жилыхъ и нежилыхъ зданій) доходить до 160, что даетъ 1 поджогъ на 220,000 жит.

*) Кромѣ того, въ отчетномъ году обвинено было въ лихоимствѣ 641 человекъ. Эта цифра краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о честности и неподкупности прусской администраціи.

***) Во Франціи въ прошлѣмъ году процессовъ по дѣламъ печати было 52. въ томъ числѣ противъ газеты „Droits de l'homme“ (приостановленной въ январѣ нынѣшняго года на 6 мѣсяцевъ).—дѣвять процессовъ.

цією знаменитаго Брокà); изслѣдованіе носить громкое названіе: *Etude sur la dégénérescence physiologique des peuples civilisés (causes de dégénérescence des peuples civilisés)*, но, какъ и слѣдовало ожидать, содержаніе книжки далеко не соотвѣтствуетъ многовѣщательному заголовку. Изъ массы разнообразныхъ причинъ, содѣйствующихъ физиологическому вырожденію „цивилизованныхъ народовъ“, авторъ разбираетъ собственно только одну: вліяніе на вырожденіе населенія воинской повинности, или, выражаясь точнѣе, даже не войскою повинности, а война. Воинская повинность, устраниая ежегодно значительное количество наиболѣе сильныхъ и здоровыхъ мужчинъ изъ общей суммы населенія, достигшаго брачнаго возраста, неизбѣжно производитъ въ мужской части этого населенія нѣкоторый дефицитъ. Вслѣдствіе этого нормальное отношеніе, существующее въ данной странѣ между здоровыми, сильными и способными къ браку мужчинами и женщинами, нарушается. Оставшееся незатронутымъ воинскою повинностью число сильныхъ и здоровыхъ мужчинъ оказывается недостаточнымъ для удовлетворенія спроса на мужей, предъявляемаго со стороны женщинъ, достигшихъ брачнаго возраста. Положимъ, напр., что въ какой-нибудь мѣстности на 1,000 сильныхъ, здоровыхъ совершеннолѣтнихъ и холостыхъ мужчинъ приходится столько-же совершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и вдовъ, ищущихъ мужей. Если воинская повинность падаетъ на эту мѣстность въ размѣрѣ 10 чел. на 100, въ такомъ случаѣ она сократитъ число здоровыхъ и сильныхъ жениховъ на 10%. А между тѣмъ число невѣстъ осталось безъ измѣненія. Дефицитъ жениховъ долженъ быть пополненъ, и онъ, дѣйствительно, пополнится, но кѣмъ? Менѣе сильными, менѣе здоровыми, хилыми, слабыми, больными, нерѣдко даже уродами. При отсутствіи воинской повинности эти кандидаты въ мужья потерпѣли-бы въ борьбѣ за... невѣсть несомнѣнное пораженіе. Но теперь, когда значительная часть конкурентовъ устранена, они смѣло поднимаютъ голову и торжествуютъ.

Если-бы вся эта тысяча сильныхъ и здоровыхъ людей, достигнувъ брачнаго возраста, могла вступить въ бракъ, то народонаселеніе страны увеличилось-бы 3—4,000 сильныхъ и здоровыхъ дѣтей. Но такъ-какъ изъ этой 1,000 вступило въ бракъ только 900 чел., то народонаселеніе увеличится лишь 2,700—3,600 здоровыхъ дѣтей; отъ остальныхъ 100 женщинъ родятся дѣти хилыя и больныя. Слѣдовательно, отношеніе хилыхъ дѣтей къ общему числу рожденій будетъ равняться 1 : 10. Въ мирное время это невыгодное отношеніе еще можетъ быть до извѣстной степени парализовано вліяніемъ незаконныхъ рожденій; впрочемъ, эта возможность весьма проблематична, такъ-какъ извѣстно, во-первыхъ, что смерт-

ность дѣтей, рожденных внѣ брака, всегда значительнѣе смертности дѣтей, рожденных въ бракѣ; и, во-вторыхъ, что дѣти незаконныя всегда отличаются (рожденные даже и здоровыми родителями) обыкновенно меньшею живучестью, большею слабостью и хилостью сравнительно съ дѣтьми законными. Въ военное-же время даже и этой проблематической возможности не существуетъ. Оттого мы и видимъ, что въ періодъ войны и въ слѣдующіе за нею періоды народонаселеніе страны всегда неизмѣнно ухудшается въ качественномъ отношеніи; $\frac{1}{10}$ слабыхъ и больныхъ, неспособныхъ къ отправленію воинской повинности, возрастаетъ, человекъ физиологически вырождается.

Вотъ эту-то истину, очевидную а priori, — истину, давно уже высказанную Тидеманомъ, Дюфо, Брокомъ и др., нашъ соотечественникъ потщился обстоятельно доказать и развить, главнымъ образомъ при помощи данныхъ, почерпнутыхъ изъ военной французской статистики *). „До сихъ поръ, говоритъ онъ, — почти всѣ ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ, были согласны въ томъ, что военная повинность и войны содѣйствуютъ до извѣстной степени физиологическому вырожденію населенія. Но въ какой именно степени? Они молчатъ объ этомъ; правда, нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ, Брокъ) пытались представить въ подтвержденіе своихъ априористическихъ заключеній статистическія данныя, но данныя эти не отличаются особенною убѣдительностью. Къ фактамъ ученые относились черезчуръ поверхностно и даже небрежно. Вслѣдствіе этого нашъ соотечественникъ и рѣшился взять на себя кропотливую и неблагодарную работу провѣрить или, лучше сказать, подтвердить точными цифрами положеніе, вѣрное теоретически, но, по его мнѣнію, недостаточно доказанное фактически. Конечно, мы не станемъ здѣсь анализировать всѣхъ его таблицъ, — таблицъ черезчуръ специальныхъ и для профана мало даже понятныхъ. Ограничимся лишь указаніемъ на тѣ общіе выводы, которые можно сдѣлать изъ этихъ таблицъ.

Въ какой степени военная повинность содѣйствовала физиологическому вырожденію французскаго населенія за періодъ 1816—1868 годовъ? спрашиваетъ себя авторъ.

„Упростимъ задачу, говоритъ онъ, — спросимъ себя прежде всего: какое вліяніе должна была оказать на французское народонаселеніе преждевременная смерть 100,000 чел., вполне здоровыхъ и сильныхъ, въ періодъ 1801—1805 гг.?" Въ этотъ періодъ ежегодно

*) Замѣтимъ при этомъ, что при своихъ изслѣдованіяхъ онъ пользовался рекрутскими списками призывныхъ классовъ съ 1816 — 1830 г., — списками, хранящимися въ архивахъ военнаго министерства и нигдѣ еще ненапечатанными.

рождалось 912,000 дѣтей; 30 на 100 рождались отъ больныхъ и слабыхъ отцовъ; слѣдовательно, изъ общаго числа родившихся 638,000 чел. имѣли здоровыхъ и сильныхъ отцовъ, 274,000—слабыхъ и хилыхъ. Въ тотъ періодъ, когда 100,000 здоровыхъ людей отняты были у населенія военною службою, мѣста ихъ на брачномъ рынкѣ заняли 100,000 слабыхъ и хилыхъ. Средняя ежегодная плодovitость равнялась 10,720 на 100,000 людей въ возрастѣ отъ 15—55 лѣтъ. Слѣдовательно, 100,000 взятыхъ въ армію увеличили-бы народонаселеніе Франціи 10,720 здоровыми дѣтьми; благодаря военной повинности, вмѣсто здоровыхъ дѣтей оказалось теперь то-же число слабыхъ дѣтей (т. е. дѣтей, рожденныхъ отъ слабыхъ родителей); прилагая эту цифру къ среднему ежегодному числу дѣтей, рождающихся отъ слабыхъ родителей (т. е. 284,720), получаемъ 295,440, что составляетъ по отношенію къ общему числу рожденныхъ уже не 30 на 100, а 31,17; иными словами, число слабыхъ и больныхъ возрасло на 1,17%. Въ слѣдующемъ году повторится та-же исторія, съ тою только разницею, что % слабыхъ и сильныхъ дѣтей возрастетъ пропорціонально новому контингенту молодыхъ людей, взятыхъ въ армію. Предположимъ, что въ военную службу берутъ ежегодно 100,000 чел. и что срокъ службы 7 лѣтъ. Лица, вынужшія жребій въ 1801 г., до 1808 г. не будутъ участвовать въ легальномъ воспроизведеніи народонаселенія, а общество вмѣсто 75,040 здоровыхъ дѣтей получить за этотъ періодъ 75,040 дѣтей больныхъ и слабыхъ. Но въ 1802 году у него взято еще 100,000 сильныхъ людей, слѣдовательно въ этомъ году вмѣсто 295,440 хилыхъ дѣтей родится 306,162, или на 100 родившихся будетъ теперь приходится уже не 30 и не 31,17, а 33, дѣтей отъ слабыхъ и хилыхъ родителей и т. д., и т. д. Такимъ образомъ военная повинность имѣетъ тенденцію содѣйствовать непрерывному прогрессивному вырожденію народонаселенія.

Само собою разумѣется, тенденція эта умѣряется и до нѣкоторой степени парализуется другими побочными условіями, касаться которыхъ мы здѣсь не будемъ, такъ-какъ это завлекло-бы насъ слишкомъ далеко въ область скучныхъ цифръ. Но до какой-же, однако, степени они парализуютъ ее?

О вырожденіи народонаселенія принято обыкновенно судить по количеству лицъ, призываемыхъ къ военной службѣ и оказавшихся при медицинскомъ осмотрѣ негодными къ ней. Причинами негодности считаются: 1) недостаточный ростъ, не достигающій того средняго нормальнаго роста, который по закону долженъ имѣть солдатъ; 2) тѣлесная слабость, глухота, слѣпота, хромоногость, уродства и хроническія болѣзни внутреннихъ органовъ. Посмотримъ-же, какой % рекрутъ ежегодно оказывается во Франціи не-

годнымъ къ военной службѣ за періодъ съ 1816 по 1869 г. Для большей ясности раздѣлимъ этотъ длинный періодъ на нѣсколько меньшихъ.

Съ 1816—33 г. на 100 осматрѣнныхъ рекрутъ негодными къ отправленію военной службы, по слабости тѣлосложенія и болѣзнямъ, признано 32 ч.; съ 1833 по 1856 г.—34 чел.; съ 1856—1870—35 чел. Процентъ лицъ, признаваемыхъ негодными къ военной службѣ, до 1830 года колебался между 20% (въ 1819 г.) и 14,7% (1827 г.); въ этомъ году формальная высота роста для солдата была нѣсколько понижена, а именно съ 1^м,₅₇ до 1^м,₅₁, и вслѣдствіе этого процентъ неспособныхъ понизился въ этомъ году съ 16,3 (1829) до 9,1%. Въ слѣдующемъ году средняя норма роста снова была на два сантиметра повышена, и % неспособныхъ поднялся до 11,1%. Въ 1868 г. нашли необходимымъ опять ее понизить; вмѣстѣ понизилось и число лицъ, „недоросшихъ“ до солдатской шапки. Цифры эти не представляютъ особой важности, но тотъ фактъ, что государство видитъ себя вынужденнымъ постоянно понижать среднюю норму роста солдата, не доказываетъ-ли, что число высокихъ людей изъ году въ годъ уменьшается, тогда какъ число карликовъ, больныхъ, хилыхъ и слабыхъ возрастаетъ.

Прусская военная статистика представляетъ намъ аналогичныя данныя: число лицъ, признаваемыхъ неспособными къ отправленію военной службы по той или другой изъ указанныхъ причинъ, въ тридцати-лѣтній періодъ (съ 1830—61 г.), возрасло съ 37,2% до 44,7%.

Та-же исторія въ Саксоніи: въ 1832 году процентъ неспособныхъ равнялся 34%, въ 1842 г.—42% и, наконецъ, въ періодъ съ 1852—53 онъ достигаетъ 52,5%, т. е. болѣе половины лицъ, подлежащихъ военной службѣ, оказываются въ этой благословенной странѣ неспособными къ ней.

Не наводятъ-ли эти факты (число которыхъ, конечно, можно было-бы значительно увеличить, если-бы нашъ соотечественникъ обладалъ бѣльшимъ количествомъ статистическаго матеріала),—не наводятъ-ли васъ, читатель, эти факты на нѣкоторыя весьма утѣшительныя размышленія, не даютъ-ли они вамъ права надѣяться, что если не мы, то хоть внуки или правнуки наши доживутъ до того блаженнаго времени, когда военная повинность (слѣд. и война) упразднится сама собою за отсутствіемъ всякаго годнаго для нея матеріала?

П. Гр—оли.

НОВЫЯ КНИГИ.

Китай, Томпсона.—Страна баядерокъ, Жяколю. Спб. 1876 г.

„Маленькая дѣвочка, молодая женщина, женщина зрѣлаго возраста, приближающаяся къ старости, не должна ничего дѣлать по своей прихоти. Молодая дѣвушка зависитъ отъ своего отца, жена отъ своего мужа, вдова отъ своихъ сыновей; она не можетъ управлять собою по своему желанію. Да не старается она отдѣлаться отъ своего отца, отъ своего супруга или отъ своихъ сыновей; всѣ станутъ презирать ее и душа ея вынесетъ нѣсколько сотъ нечистыхъ переселеній. Она должна быть всегда весела, хорошо вести домашнее хозяйство, содержать въ большомъ порядкѣ хозяйственную утварь и не имѣть слишкомъ расточительной руки. Да служить она въ этой жизни съ любовью и уваженіемъ своему супругу, которому была дана своимъ отцомъ или старшимъ братомъ, и да чтить память его послѣ смерти его... Женщина, слѣдующая божественному закону и желающая пользоваться по смерти такимъ-же блаженствомъ, какъ и ея мужъ, не должна дѣлать ничего негоднаго ему, ни при жизни его, *ни послѣ его смерти*“. Такъ говоритъ божественный законодатель Ману устами браминскаго жреца индійской дѣвушкѣ, празднующей день своего совершеннолѣтія, который часто совпадаетъ со днемъ ея вступленія въ бракъ. Около 3,000 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ высказанъ этотъ нравственный приговоръ надъ восточной женщиной, и она не можетъ и по настоящее время освободиться отъ его вліянія и авторитета. Она остается все той-же безответной рабой, вся добродѣтель которой заключается въ возможно большемъ обезличеніи ея индивидуальности,—вещью, съ которою ея владѣтель поступаетъ по своему произволу. Только съ этой точки зрѣнія понятны тѣ безчисленные восточные обычаи, касающіеся женщинъ, которые кажутся намъ столь

странными и такъ часто возмущаютъ наше нравственное чувство. Къ числу этихъ обычаевъ принадлежатъ и отвратительный обычай людей низшей культуры угощать свои и женщинами путешественниковъ. Мы встрѣчаемъ его у эскимосовъ, индѣйцевъ сѣв. и южн. Америки, полинезийцевъ, негровъ з. и в. Африки, арабовъ, абиссинцевъ, кафровъ, монголовъ и др. Относительно индусовъ Жаколіо приводитъ слѣдующее приключеніе, бывшее съ нимъ на праздникѣ по поводу возмужалости одного индѣйскаго начальника деревни Казіаппы. Дѣло въ томъ, что когда по окончаніи праздника авторъ явился въ отведенную ему на ночь казу (домъ), то засталъ въ своей спальнѣ геронню праздника, молодую Вайраи. Происходитъ такой разговоръ:

— Кто тебя прислалъ ко мнѣ?

— Казіаппа. Онъ сказалъ мнѣ: снеси эти пинды (пирогі) съ имбиремъ и анисомъ чужеземцу, который ночуетъ въ казѣ у пруда, и проводи съ нимъ ночь.

— Зачѣмъ ты послушалась его?

— Устами главы семейства говорить Будда.

Изъ дальнѣйшаго разговора оказывается, что эта дѣвочка, которой едва исполнилось 12 лѣтъ, уже замужемъ.

— Замужемъ! вскричалъ Жаколіо съ удивленіемъ; — но въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же ты здѣсь? Вѣдь тебя, по вашимъ обычаямъ, слѣдовало бы отвести сегодня въ домъ къ твоему мужу.

— Да, и если-бъ ты не пріѣхалъ, такъ-бы и было. Но сегодня по утру, когда Вирознъ-Ачори узналъ, что ты долженъ быть на празднествѣ и ночевать здѣсь, онъ пришелъ къ Казіаппѣ и сказалъ ему: „Отецъ, вели проводить только завтра жену мою въ мой домъ; вѣдь надо оказать почесть чужеземцу“.

— Такъ ты пришла сюда съ согласія твоего мужа?

— Онъ и отецъ велѣли мнѣ идти сюда.

На предложеніе Жаколіо отвести Вайраи въ домъ къ ея мужу получается такой отвѣтъ:

— Ты этого не сдѣлаешь; зачѣмъ ты хочешь обезчестить меня?

— Обезчестить тебя!

— Конечно; всѣ завтра станутъ говорить въ околоткѣ: гость Казіаппы пренебрегъ его дочерью, и всѣ подумаютъ, что я больна слоновьею проказою или просто проказою.

— Но вѣдь я могу сказать имъ, что это неправда.

— Тебѣ не повѣрятъ, такъ-какъ въ такомъ случаѣ это значить, что ты нанесъ оскорбленіе дочери твоего хозяина, всѣ станутъ говорить тебѣ: отчего ты пренебрегъ ею? И самъ Вирознъ оттолкнетъ меня; онъ скажетъ: что мнѣ въ такой женщинѣ, которую прогналъ чужеземецъ; я на всю жизнь останусь пирнатою (незамужнею женщиною).

И восточной женщинѣ такой порядокъ кажется столь естественнымъ,

что ей и въ голову не приходитъ возмущаться противъ него. Напротивъ, она гордится имъ, и дѣвушка, исполнившая этотъ обычай гостепріимства, даже скорѣе выходитъ замужъ...

Не всѣ касты индійцевъ придерживаются этого обычая, тѣмъ не менѣе взглядъ на женщину совершенно одинаковъ у всѣхъ; на нее смотрятъ, какъ на пріятное соединеніе качествъ домашняго скота съ предметомъ сладострастія, при покупкѣ котораго предполагается возможность обмана, а потому со стороны покупателя требуется извѣстная предосторожность для избѣжанія его. Это достигается тѣмъ, что новобрачную, совершенно нагую, показываютъ нѣсколькимъ свидѣтелямъ, чтобы они удостовѣрились, что она не имѣетъ ни одного изъ тѣхъ тѣлесныхъ недостатковъ, которые Ману считаетъ достаточнымъ поводомъ къ расторженію брака.

Но, какъ обыкновенно бываетъ въ жизни, одна крайность вызываетъ другую и тяжелый гнетъ женщины вездѣ сощювождался глубокимъ паденіемъ ея. Въ открытомъ, иногда грязномъ и пошломъ, иногда художественномъ и граціозномъ развратѣ оскорбленная раба искала какъ-бы вознагражденія за свое безправіе, протеста противъ своего униженія. Такъ, греческій Гиникей создалъ афинскую гетеру,—этотъ классическій типъ общественнаго позора, „украшеннаго, по выраженію Шерра, прелестными гирляндами цвѣтовъ, блескомъ ума и образованія“. Гетеру въ одно и то-же время презирали и боготворили, унижали и возвышали. Ей воздвигали афиняне памятники изъ мрамора и мѣди; ее воспѣвали поэты, и гетера Аспазія, любовница величайшаго изъ государственныхъ людей, Перикла, стоитъ на-ряду съ лучшими историческими дѣятелями Греціи. Подобный типъ встрѣчается намъ и на Востокѣ, въ лицѣ индійскихъ баядерокъ. Заимствуемъ у Жаколіо нѣсколько подробностей относительно послѣднихъ.

Баядерки никогда не выходятъ замужъ: онѣ не могутъ принадлежать ни одному человѣку, потому что служатъ богамъ; но имъ предоставлена полная свобода заводить мимолетныя связи, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы онѣ никогда не отказывали въ своей благосклонности браминамъ, имѣющимъ на нихъ легальное право. Дѣти, рождающіяся отъ этихъ женщинъ, не принадлежатъ ни къ какой кастѣ: дочери становятся баядерками, какъ и ихъ матери, а сыновья—музыкантами при храмахъ. Если и случается, что какою-нибудь наивный человѣкъ признаетъ себя отцомъ ребенка баядерки, то невеселое житіе ждетъ этого ребенка на волѣ: общее презрѣніе къ нему, внѣ-кастовое положеніе, неимѣніе права наследства,—все это рано или поздно заставляеть его возвратиться въ пагоду въ качествѣ факіра, музыканта или служителя.

Жизнь, которую ведутъ баядерки, располагаетъ ихъ къ безплодію, и онѣ быстро перевелись-бы, если-бъ число ихъ не увеличивалось ежедневно жертвами, которыя приносятъ родители нѣкоторыхъ кастъ, имѣ-

ющихъ обыкновеніе представлять въ пагоду третью дочь ранѣе пятилѣтняго возраста; старше пяти лѣтъ не принимаютъ, такъ-какъ необходимы физическія и моральныя доказательства дѣвственности для того, чтобы дѣвочка была допущена въ святилище храма.

Каста ткачей доставляетъ наибольшее число жертвъ для этихъ храмовыхъ гаремовъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Малайялѣ, обычай этотъ составляетъ ея исключительную привилегію, которою она очень гордится, какъ чрезвычайно почетною. Высшія касты, по обыкновенію, предпочитаютъ лучше быть потребителями жертвъ, чѣмъ участвовать въ ихъ доставленіи.

Какъ скоро молодая дѣвушка вступитъ въ пагоду, она навсегда погибла для своего семейства; оно никогда и ни подъ какими предлогами не имѣетъ права требовать ея выдачи; она лишается своей касты, и до той поры, когда старость обезобразитъ ея лицо, все ея время должно быть посвящено на служеніе храму и на любовь. Учителя, опытные въ пластическихъ позахъ, изъ которыхъ состоятъ главныя образы восточныя танцы, готовятъ молодую дѣвушку къ церемоніямъ, а пожилая матрона, также бывшая баядерка, знакомитъ ее съ самыми утонченными тайнами разврата.

Когда баядерка, посвященная съ дѣтства пагодѣ, достигнетъ юности—дѣвственность ея буквально продается съ аукціона. Цѣны иногда доходятъ до баснословныхъ суммъ, иногда спускаются до десяти или пятнадцати рупій *), смотря по красотѣ дѣвушки, по богатству конкурентовъ и по тому, сколько лѣтъ или мѣсяцевъ она должна оставаться во власти своего покупателя.

Браминны чрезвычайно ловко умѣютъ возвышать цѣны на этихъ торгахъ, гдѣ гордость касты, вліяніе или богатство играютъ главную роль. Раджа не хочетъ, чтобы набобъ одержалъ въ этомъ случаѣ верхъ надъ нимъ, а набобъ, въ свою очередь, не хочетъ допустить того-же въ отношеніи лицъ, стоящихъ ниже его касты. Оттого-то, большею частью, молодая дѣвушка становится добычею какого-нибудь хилаго старика, который не можетъ пользоваться ею, а только тщательно хранить въ своемъ дворцѣ, какъ предметъ домашней обстановки и роскоши. По возвращеніи въ пагоду баядерка получаетъ полную свободу слѣдовать своимъ чувственнымъ наклонностямъ, которыя успѣли до болѣзненности развиться втеченіи предыдущаго курса ученія позорному ремеслу проститутки.

Общество относится къ баядеркамъ и съ уваженіемъ, и съ отвращеніемъ. Съ одной стороны, баядерку окружаютъ почетомъ и осыпаютъ подарками даже самые почтенные люди, никогда неприбѣгающіе къ ея искусству, съ другой-же — ее презираетъ послѣдній кули, который никогда

*) Мелкая серебряная монета.

не позволить ей ни раздѣлить обѣда съ его законной женой, ни сѣсть съ ней рядомъ.

Когда баядерка умираетъ, въ погребеніи ея проявляется та-же странность. Тѣло ея сожигаютъ съ такимъ-же церемоніаломъ и великолѣпнѣе, какъ тѣла индусовъ самыхъ высшихъ кастъ, но прахъ ея раскидываютъ по вѣтру на другомъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ верхняго Бенгала сожигаютъ только половину ея тѣла, другую-же предоставляютъ на съѣденіе шакаламъ и коршунамъ.

Послѣднее обстоятельство, т. е. презрѣніе къ баядеркѣ, стоящее рядомъ съ высокими почетомъ, оказываемымъ ей, есть, очевидно, вѣяніе новаго или даже новѣйшаго времени. Въ древней Индіи бракъ считался дѣломъ предосудительнымъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ Спайера, занимавшихся мною у Лебока („Начала цивилизаціи“, 1876 г., стр. 94.) „Въ древнеиндійскомъ городѣ Везали „бракъ былъ воспрещенъ и величайшій почетъ воздавался женщинѣ, которая занимала положеніе главы куртизанокъ. Когда святой Будда (Саньямуна), уже въ престарѣломъ возрастѣ, посѣтилъ Везали, онъ былъ помѣщенъ въ саду, принадлежавшемъ главной изъ куртизанокъ, и принялъ эту важную даму, которая явилась къ нему въ сопровожденіи цѣлой свиты въ великолѣпныхъ экипажахъ. Подойдя ближе, она раскланялась, сѣла рядомъ съ нимъ и слушала его разсужденія о Дормѣ“.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о знаменитыхъ танцахъ баядерокъ. Эти танцы двоякаго рода: танцы при религіозныхъ церемоніяхъ и на семейныхъ празднествахъ, и заключаются въ томъ, что баядерки передаютъ мимикой подвиги какихъ-нибудь боговъ или какого-нибудь предка могущественной фамиліи, получившей разрѣшеніе отъ браминовъ, чтобы танцовщицы пагоды дали представленіе въ ея домѣ. Танцы второго рода имѣютъ цѣлью возбуждать чувственность богатыхъ индусовъ или раджей; для нихъ, слѣдовательно, необходимы таинственность и полусвѣтъ. Подъ вліяніемъ напитка изъ имбиря, шанскихъ мушекъ и конопли баядерка постепенно экзальтируется, станъ ея дрожитъ, грудь колышется и все тѣло извивается подъ вліяніемъ изступленнаго восторга...

Индійская женщина, которой втеченіи многихъ вѣковъ приходилось играть роль усовершенствованнаго орудія наслажденій развратнаго индуса, изуродована не только морально, но и физически. Первые ея поды вліяніемъ постоянныхъ наркотическихъ возбужденій доведены до чрезвычайнаго раздраженія. Она часто подвергается истерическимъ припадкамъ, которые у насъ въ Европѣ такъ долго считались признаками одержимости бѣсами. Цѣлыми толпами сходятся бѣсноватая къ знаменитой шеланбрун-ской пагодѣ, ожидая исцѣленія отъ жрецовъ-заклинателей.

„Нѣтъ никакой возможности, говоритъ Жаколіо, —втолковать индійской женщинѣ, почему мужчина можетъ отказываться отъ ея ласкъ. Независимо отъ особыхъ обстоятельствъ, въ какихъ находился я, и гдѣ

дѣло шло о законѣ гостепріимства и религіозныхъ вѣрованіяхъ,—онѣ обыкновенно отвѣчаютъ такъ: „Развѣ ты не любишь красивыхъ дѣвушекъ? Вѣрно, ты находишь, что я не хороша собою или слишкомъ стара“. Напрасно вы станете затрогивать всѣ струны ея сердца и будете пытаться найти въ нихъ хоть тѣнь стыдливости, хоть малѣйшее сознаніе собственного достоинства. Вы добьетесь только того, что вамъ скажутъ съ презрительнымъ хохотомъ: «Такъ ты, вѣрно, перрика!» (евнухъ.)

Въ какой мѣстности вы ни находились-бы и какъ-бы ни были строги въ отношеніи цѣломудрія предписанія касты, къ которой принадлежатъ женщина,—такъ-какъ не во всѣхъ классахъ общества такъ охотно приносятъ въ жертву женщинъ первому встрѣчному, — индійская женщина отдается всякому мужчйнѣ, съ которымъ пробудетъ наединѣ только десять минутъ“ (стр. 221.)

Въ книгѣ Жаколіо можно найти очень интересные рассказы также изъ жизни животныхъ, особенно слоновъ. Авторъ—довольно мѣткій наблюдатель и очень хорошій рассказчикъ; въкоторыя мѣста по своей живости и картинности обнаруживаютъ въ немъ несомнѣнный талантъ, а долгое пребываніе его на Востокѣ дало ему возможность собрать богатые матеріалы для его наблюдений и изученія.

„Страна баядерокъ“ есть только небольшой отрывокъ изъ обширнаго сочиненія, предпріяятаго Жаколіо, въ которомъ онъ намѣренъ подробно описать: „нравы, обычаи, легенды, преданія и религіозныя вѣрованія Индіи и крайняго Востока, извѣстныя донынѣ только по рассказамъ путешественниковъ-фаптазеровъ, которые видѣли лишь наружную сторону вещей и судили о нихъ по своимъ впечатлѣніямъ, не заглядывая въ глубь. Нравы и женщины крайняго Востока составятъ только первую часть предпріяятаго мною сочиненія“ (стр. 188.)

Въ виду того, что описанія путешествій считаются у насъ самымъ подходящимъ матеріаломъ для дѣтскаго чтенія, считаю нужнымъ замѣтить, что „Страна баядерокъ“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть рекомендована ребенку. Не въ томъ бѣда, что ребенокъ встрѣтится здѣсь съ безобразными сценами разврата—вѣдь онѣ имѣютъ еще обоюдо-острый характеръ,—бѣда въ томъ, что, несмотря на всю эластичность и деликатность языка Жаколіо, эти сцены не возбуждаютъ отвращенія къ себѣ, а легко могутъ возбудить и наркотизировать молодое воображеніе. Но педагогъ можетъ съ пользой выбрать изъ этой книги въкоторыя рассказы изъ жизни животныхъ, какъ очень хорошій матеріалъ для дѣтскаго чтенія.

Мнѣ остается еще сказать о „Китаѣ“ Томпсона. Это довольно скучный дневникъ англичанина, который съ фотографической машиной подъ мышкой пустился путешествовать и ничего особенно интереснаго и новаго

не видѣлъ, а если что и видѣлъ, то не сѣумѣлъ описать. Авторъ самъ признается, что „мало знакомъ съ суетвѣрными обычаями“ китайцевъ и „такъ-же мало знаетъ ихъ домашнюю жизнь“ (стр. 51.) Впрочемъ, внутри Китая авторъ и не былъ; записки его относятся къ Гонконгу, Кантону и небольшой экспедиціи внутрь кантонской провинціи, далѣе къ Макао, Свабою, Амою и о-ву Формозѣ. За свое любопытство автору приходилось не разъ подвергаться не совсѣмъ пріятнымъ привключеніямъ, о которыхъ онъ съ истинно англо-саксонскимъ хладнокровіемъ повѣствуетъ въ такомъ родѣ: „Мнѣ захотѣлось выйти на берегъ и прогуляться по городу. Но на меня напала грубая толпа черни и столкнула меня въ рѣку. Къ счастью, двѣ какія-то славныя женщины посадили меня въ лодку, поспѣшили отѣхать и не пускали меня, пока я не нанялъ другой лодки, чтобы доѣхать до Кантона“ (стр. 35.) „Я всталъ разъ пораньше на разсвѣтѣ, чтобы снять фотографію съ стараго моста, проложеннаго черезъ рѣку. Я воображалъ, что, принявшись за работу такъ рано, я избѣгну вниманія городскихъ жителей. Но, къ несчастію для меня, день оказался торговымъ и торгъ производился на мосту, такъ-что еще до свѣта цѣлыя вереницы кули начали приносить со всѣхъ сторонъ различные продукты. Только успѣлъ я снять фотографію, какъ на берегъ, гдѣ я работалъ около своей лодки, бросилась шумная толпа. Осыпаемый цѣлымъ градомъ каменьевъ, я сложилъ камеръ-обскуру и взялъ ее подъ мышку вмѣстѣ съ фотографіей, а вооруженный треножникомъ съ острыми концами, сталъ отбиваться отъ непріятеля, отступая къ рѣкѣ, гдѣ, наконецъ, добрался до своей лодки. Во время сиватки я потерялъ крышку съ объектива и стекло запачкалось; но фотографія вышла все-таки хороша, и я могу сказать, что почти на ходу снялъ этотъ мостъ“ (стр. 65.) Интереснѣе этого Томпсонъ ничего не сѣумѣлъ сообщить о Китаѣ, и мы удивляемся редакціи „Библиотеки Путешествій“, какъ это она не могла сообразить, что сопоставленіе рядомъ Жаколію и Томпсона, по меньшей мѣрѣ, комично. Ну, кому-бы пришло въ голову, кромѣ почтенной редакціи, сочетаніе, наприм., италіянской оперы и цыганскаго хора или Дарвина и Аскоченскаго? Точно такъ-же плохо соединяются между собой Жаколію и Томпсонъ. Не мѣшало-бы редакціи „Библиотеки путешествій“ отказаться на будущее время и отъ такихъ сочетаній, какъ графъ Бавуаръ и знаменитый путешественникъ Швейцуртъ. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ безтактнѣе, что „Страна балдерокъ“ и сочиненіе того-же автора „Страна слововъ“ могли-бы составить одно цѣлое. Читатель, интересующійся Индіей, можетъ вовсе не интересоваться Китаемъ, особенно въ такомъ убогомъ описаніи, какъ книжонка Томпсона.

Германъ Вамбери. Очерки жизни и нравовъ Востока. 1876 г.

Кто видѣлъ роскошные берега Босфора и великолѣпную ихъ природу. кто видѣлъ эти плодоносныя долины, эту необыкновенную растительность балканскаго побережья, тому невольно думалось, что здѣсь, повидимому. все соединяется для счастья человѣка, для его культурнаго развитія и умственнаго прогресса. А между тѣмъ человѣкъ находится въ такомъ жалкомъ состояніи, что удивляешься, какъ можно это было среди такой природы дойти до такого униженія и упадка? Естественныя богатства льются на него со всѣхъ сторонъ, а онъ цѣлыя столѣтія остается ихъ бѣднымъ и голоднымъ созерцателемъ или хищникомъ. Казалось-бы, самая энергія и производительность природы должны были-бы возбуждать и направлять человѣка къ дѣятельности и труду, а между тѣмъ онъ лѣнивъ, какъ рабъ, и апатиченъ, какъ нищій. Его угнетаютъ и грабятъ, а онъ покорно выноситъ и гнетъ, и разореніе. Отчего это? Что побуждало восточному человѣку устроиться по-человѣчески? Что подавило его на цѣлые вѣка неподвижности и застоя? На эти вопросы отчасти отвѣчаетъ назъ Вамбери своими настоящими очерками. Вотъ картина домашней жизни оріентала, — картина грубаго деспотизма, проникающаго во всѣ поры частной и общественной жизни восточныхъ народовъ. Восточное жилище раздѣляется на двѣ половины: женскую, *гаремъ*, и мужскую, *саламликъ*. Стѣна, раздѣляющая эти половины, состоитъ у бѣдныхъ изъ простой занавѣски, у богатыхъ — изъ нѣсколькихъ промежуточныхъ комнатъ, недоступныхъ ни одному постороннему посѣтителю. Только въ случаѣ болѣзни дозволяется посѣщать гаремъ лекарю или испытанному другу дома, но и передъ ними идетъ евнухъ съ громкими криками: „да не попадается никто на дорогѣ!“ При звукахъ его голоса всѣ обитательницы гарема стараются скрыться, словно ихъ преслѣдуетъ непріятель, а если которая не успѣетъ, то забивается въ уголокъ и оборачивается къ идущимъ спиною. Рабское положеніе женщины, низведенной на степень безгласной самки, почти уничтожаетъ семейныя отношенія и чувства... „Какъ странно иногда бываетъ видѣть, когда трехлѣтній ребенокъ является къ своему отцу, находящемуся въ мужскомъ обществѣ, чтобы сообщить ему что-то; отецъ наклоняетъ къ нему голову и ребенокъ, краснѣя и конфузливо оглядываясь кругомъ, шепчетъ ему нѣсколько словъ на ухо. Это онъ передаетъ ему порученіе матери, самое имя которой считается неприличнымъ упоминать въ мужскомъ обществѣ. Каждый благовоспитанный человѣкъ, если разговоръ случайно коснется его дочерей или другихъ женскихъ членовъ его семейства, всегда считаетъ нужнымъ употребить при этомъ лишь какое-нибудь выраженіе, указывающее, что дѣло идетъ о женскомъ полѣ вообще, и старается прекратить какъ можно скорѣе подобный разговоръ. О семейныхъ празднествахъ, о семейныхъ собраніяхъ, словомъ, о семействѣ вообще не можетъ быть и рѣчи при подобныхъ условіяхъ“. Еще болѣе конфузится оріенталь,

когда ему доводится въ рѣдкихъ случаяхъ являться съ женщинами въ обществѣ. „Положимъ, что какой-нибудь эфенди, бей, ханъ или мирза является на базаръ съ женою, сыновьями и дочерьми, чтобы сдѣлать какія-нибудь покупки. Мужскіе члены семейства группируются вокругъ отца, но мать съ дочерьми остается изъ приличія шаговъ на десять позади. Если отецъ семейства желаетъ посоветоваться съ супругою насчетъ чего-нибудь, то долженъ говорить, отворотивъ голову и какъ-будто обращаясь къ толпѣ, а супруга сама уже должна догадаться, что слова его относятся къ ней. Въ семейной жизни на Востокѣ нѣтъ ни единодушія, ни интимности, ни любви; разединеніе и несогласіе отравляютъ всѣ отношенія и расшатываютъ всѣ семейныя основы. Вслѣдствіе того, что супруги проводятъ большую часть дня отдѣльно другъ отъ друга, не только становится невозможнымъ взаимное сочувствіе одного другому во всѣхъ радостяхъ и горестяхъ, но мужъ и жена образуютъ въ домѣ обыкновенно двѣ партіи, между которыми религіозныя и общественныя законы воздвигаютъ непреодолимую стѣну, такъ что при всей доброй волѣ имъ почти невозможно соединиться. Жена, хотя-бы и происходила изъ невысокаго званія, имѣетъ большое число родственницъ и прислужницъ, и при отсутствіи настоящихъ занятій предается всевозможнымъ причудамъ; если-же хозяинъ дома откажется удовлетворить какую-нибудь изъ нихъ, то всѣ женскіе члены семейства, даже его собственныя очери, тотчасъ становятся къ нему враждебно. Это положеніе на военную ногу у нѣкоторыхъ проявляется уже тотчасъ послѣ брака, у другихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ. И хозяинъ дома, если только онъ не желаетъ дозволить каждому обворовывать себя или не покровительствуетъ всевозможнымъ интригамъ и клеветамъ, вскорѣ начинаетъ такъ ненавидѣть свой гаремъ, что охотно избѣгаетъ его втеченіи цѣлаго дня и находитъ спокойствіе только въ селямликѣ. Далѣе, не только у магометанъ, но и у всѣхъ жителей Востока, насъ поражаетъ то обстоятельство, что дѣти оказываютъ своимъ родителямъ болѣе внѣшняго почтенія, чѣмъ любви. Ребенокъ не смѣетъ сѣсть въ присутствіи отца прежде, чѣмъ не получить на это разрѣшенія. Ребенокъ не смѣетъ ни говорить громко, ни смотрѣть прямо въ глаза отцу, вообще не предпринимаетъ ничего, гдѣ-бы выказывалась нѣкоторая доля самостоятельности“. Это объясняется холоднымъ этикетомъ, а ужъ никакъ не любовью, потому что упомянутая въжливость оказывается только отцу, а не матери. Несомнѣнно, что ребенокъ, выросшій въ гаремѣ и сдѣлавшійся съ раннихъ лѣтъ свидѣтелемъ всѣхъ интригъ и скрытыхъ подкоповъ противъ отца, скоро утрачиваетъ всякую любовь къ последнему. Къ этому присоединяется еще то, что ребенокъ, все равно, мальчикъ или дѣвочка, до десятаго года, а часто еще и дольше, остается въ гаремѣ и даже мальчики не покидаютъ его иначе, какъ въ сопровожденіи *лала*, въ большинствѣ случаевъ евнуха или какого-нибудь необразованнаго слуги (стр. 17—20.) Разединенный съ своимъ семействомъ, ориенталь проводитъ время въ обществѣ своихъ слугъ и нѣкоторыхъ муж-

скихъ родственниковъ; онъ самъ ведетъ свое хозяйство, выдаетъ деньги на покупки и повѣряетъ расходы, хотя отлично знаетъ, что половина денегъ разворовывается слугами, но это воровство считается явленіемъ неизбежнымъ и вполнѣ нормальнымъ. Тѣ-же отношенія находимъ мы и въ общественной жизни. Чиновникъ съ ежемѣсячнымъ жалованьемъ въ 500 піастровъ проживаютъ ихъ тысячу и т. д. Султанъ или шахъ отлично видятъ, что тотъ или другой, не занимаясь ни торговлею, ни промышленностью, наживаетъ себѣ огромное состояніе, при самомъ скромномъ жалованьи. „Случается, правда, на отдаленномъ Востокѣ попасться такой пасосавшейся досыта мухѣ, и тогда изъ нея разомъ выжимаютъ всю кровь, которую ей удалось собрать по каплямъ, но на Босфорѣ стыдятся такого варварства и турецкая поговорка говоритъ: „богатства падишаха есть море и кто не черпаетъ изъ него, тотъ свинья“ (стр. 14.) Если въ Турціи къ воровству прислуги и чиновниковъ относятся совершенно равнодушно, то въ Персіи дѣло обстоитъ гораздо хуже, такъ-какъ слуга при поступленіи прямо договаривается съ хозяиномъ, на какую сумму ежемѣсячно онъ можетъ обкрадывать его; назначивъ эту сумму, хозяинъ въ душѣ разчитываетъ по-возможности падутъ слугу относительно обѣщанной ему вольности, а слуга—воровать больше, чѣмъ условлено. При разъединенности и безсодержательности семейной жизни каждый богатый мусульманинъ старается держать какъ можно больше прислуги, во главѣ которой стоятъ два почетныхъ слуги, хранитель верхняго платья и управляющій хозяйствомъ. „Часто они наживаются до того, что дѣлаются богаче своего хозяина, но все-таки продолжаютъ носить званіе слуги, или изъ благодарности, или изъ приличія, какъ маску скромности. Вся должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы отъ времени до времени подать чубукъ или стаканъ воды. Непосредственно за ними слѣдуютъ люди, которымъ поручена забота о трубкахъ, о бѣльѣ, кофе, посудѣ, гардеробѣ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, имѣютъ подъ начальствомъ многихъ другихъ низшихъ чиновъ, общее число которыхъ представляетъ довольно почтенную цифру. Но и это еще не удовлетворяетъ требованіямъ турецкаго благосостоянія: въ домѣ должны находиться еще нѣсколько отпущенныхъ на волю невольниковъ, которые, подобно приемышамъ, получаютъ пожизненное содержаніе и хотя въ старости иногда оставляютъ домъ, но въ молодости слѣдуютъ, какъ тѣни, за каждымъ шагомъ своего господина, такъ что послѣдній даже на простую прогулку не выходитъ иначе, какъ въ сопровожденіи пяти или восьми спутниковъ. У персовъ когда господинъ выходитъ на прогулку, то не только позади, но и впереди его должна идти огромная свита, а знатнымъ господамъ предшествуетъ даже цѣлый авангардъ, состоящій изъ оборванныхъ, немытыхъ, нечесанныхъ и некормленныхъ слугъ, которые проходятъ двумя рядами передъ мирзою или ханомъ. „Искать счастья“ значитъ въ Иранѣ присоединиться къ свитѣ какого-нибудь господина, который часто втеченіи цѣлыхъ недѣль появляется въ городѣ между подобными рядами слугъ, не зная и половины изъ

въ лицо, не говоря уже о томъ, что большей части изъ нихъ онъ ничего не платитъ и даже не кормитъ ихъ. Дрabanты эти цѣлыми днями стараются поймать взоръ господина, и если нить это удастся, то начинаютъ предаваться надеждѣ получить какое-нибудь опредѣленное назначеніе въ его домѣ". Само собою понятно, что эта паразитная челядь ничего не дѣлаетъ и содержится только ради хвастовства, причѣмъ одни, держа эти толпы дармоѣдовъ, выдаютъ себя за кормильцевъ-благодѣтелей ихъ, а другіе желаютъ блестѣть многочисленною свитою. „Какъ общество, такъ и государство, говоритъ Вагбери,—страдають одной и той-же болѣзнью: оба употребляютъ болѣе, чѣмъ нужно, рабочихъ силъ, дурно кормятъ и дурно оплачиваютъ своихъ слугъ и черезъ это споспобствуютъ какъ собственному своему разоренію, такъ и размноженію лѣнтяевъ и туеядцевъ“ (стр. 11.) Особенно въ европейской Турціи. въ которой земледѣліемъ, ремеслами и торговлею занимаются почти исключительно славяне, греки, армяне и евреи, громадная масса турецкихъ простолудиновъ, незанятая никакимъ производительнымъ трудомъ, дармоѣдствуетъ въ видѣ дворовой челяди, воруетъ, разбойничаетъ и т. д. Самыя основы турецкаго общества, такимъ образомъ, уже сгнили и ничто не въ состояніи спасти его отъ гибели.

Въ народной массѣ многоженство не можетъ развиваться вслѣдствіе бѣдности и женщина здѣсь не живетъ взаперти, какъ у людей зажиточныхъ, но за то она вмѣстѣ съ своимъ мужемъ подвержена всѣмъ лишеніямъ и страданіямъ нищеты и кромѣ того находится въ рабствѣ у своего мужа. На турецкихъ крестьянкахъ лежатъ всѣ заботы о домѣ и дворѣ, тогда какъ мужа ихъ предаются лѣни или разорительной игрѣ (стр. 23.) Но въ среднихъ и высшихъ слояхъ восточнаго общества женщина не только невольница мужа, но просто живой товаръ, покупаемый оптомъ и въ розницу для украшенія гарема. Многоженство и наложничество низводятъ ее до степени животнаго и отупляютъ до идиотизма. Торговля женщинами до сихъ поръ ведется въ Турціи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; для характеристики ея можно привести слѣдующую сцену изъ гаремной жизни. „Утро. Въ передней гарема замѣтно необыкновенное оживленіе. Въ этотъ часъ долженъ явиться передъ дверью гарема продавецъ невольниковъ въ сопровожденіи черкеса, чтобъ заключить свой отвратительный торгъ съ хозяйкою дома. На Босфорѣ и вообще на Востокѣ женщины считаютъ выгодною отраслю торговли покупать молоденькихъ, еще неразвитыхъ невольницъ, воспитывать ихъ и потомъ продавать за цѣну въ 20 и 30 разъ большую; даже самыя богатая и знатная не гнушаются подобнаго торга, прельщающаго ихъ алчность, и даже султанскій гаремъ не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Хотя пятая часть невольниковъ и невольницъ, посвяляющихся на рынкѣ, разбирается перепродавцами, но, во всякомъ случаѣ, $\frac{2}{3}$ изъ нихъ оставляются для постоянныхъ покупателей. Вотъ въ преддверіи гарема является оборванный черкесъ дикой наружности, въ своихъ кавказскихъ сафьянныхъ сапогахъ, высокой мѣховою шапкѣ и съ грудью, покры-

той патронами. Онъ вооруженъ съ ногъ до головы и постоянно носить при себѣ порохъ и пули. Онъ влечетъ за собою двухъ дѣтей, полумертвыхъ отъ холода и голода. Ихъ становятъ передъ занавѣсью, за которою находится хозяйка, окруженная совѣтницами, которыя всѣ разсматриваютъ внимательно этотъ живой товаръ. Обѣ стороны начинаютъ торговаться. Дѣти между тѣмъ дрожатъ отъ холода и усталости и бросаютъ взоры то на безжалостнаго отца, то на женщинъ, стоящихъ за занавѣскою; бѣдняжки въ ту минуту не знаютъ, къ кому обратиться, къ тому-ли, кто покупаетъ, къ тому-ли, кто продаетъ. Но вотъ торгъ заключенъ, грубый, оборванный черкесь, изъ котораго еще недавно въ Европѣ хотѣли сдѣлать героя свободы, беретъ свои червонцы. Онъ уже почти спустился съ лѣстницы, какъ вдругъ опять поспѣшно возвращается и съ громкими криками требуетъ себѣ платье проданныхъ дѣтей, о которомъ, по его словамъ, не было упомянуто въ торгѣ. Начинаются новые переговоры, но, наконецъ, ему бросаютъ жалкіе лоскуты каленкорѣ или стараго полотна, въ которые были завернуты его питомцы. Лохмотья эти врядъ-ли имѣютъ цѣну самой плохой попоны европейской лошади, которую продавецъ охотно уступаетъ покупателю, но жадный черкесь схватываетъ ихъ и поспѣшно убѣгаетъ съ ними" (стр. 28.) Купленныхъ невольницъ холятъ и воспитываютъ до совершеннолѣтія, дрессируютъ ихъ для гаремной жизни и вообще сильно заботятся о томъ, чтобы при продажѣ выручить за нихъ какъ можно болѣе. Имъ можетъ предстоять самая разнообразная судьба: онѣ могутъ привлечь вниманіе сыновей хозяина и сдѣлаться впоследствии хозяйками въ этомъ домѣ, могутъ даже попасть въ султанскій гаремъ, но могутъ и попасть отъ руки ревниваго мужа или быть проданными имъ и очутиться въ хижинѣ какого-нибудь дикаго курда. Невѣжество и умственная забитость гаремныхъ затворницъ поразительна. Даже религиозное обученіе ихъ ограничивается особыми женскими катехизисомъ, въ которомъ исламъ изложенъ примѣнительно къ низкому уровню женскаго ума, но въ которомъ за то не мало страницъ посвящено описанію разныхъ талисмановъ и эликсировъ для сохраненія красоты, мужской любви и т. д. (стр. 37.) Въ послѣднее время турки, передразнивающіе по модѣ европейцевъ, учатъ иногда своихъ дочерей даже по-французски. Вамбери рассказываетъ потѣшную сцену, какъ онъ училъ дочь султана, которая сидѣла скрытая за тяжелыми занавѣсами, а учитель сидѣлъ въ другой комнатѣ подъ надзоромъ грознаго евнуха, и въ то время, какъ онъ выкрикивалъ ей черезъ занавѣску „mon père est bon“, нѣжный женскій голосокъ отвѣчалъ ему: *бенинь бабамъ ей диръ* (стр. 22.) При всемъ своемъ невѣществѣ и забитости, женщины средняго и высшаго сословія нерѣдко успѣваютъ прибираться къ рукамъ своихъ муженьковъ, особенно тѣхъ, которые отупѣли отъ пьянства, разврата и опія или не имѣютъ достаточныхъ средствъ для содержанія нѣсколькихъ женъ. Вамбери рассказываетъ объ одномъ константинопольскомъ чиновникѣ, которому въ концѣ каждого мѣсяца, передъ полученіемъ жалованья, приходилось страдать отъ четы-

рехъ женскихъ туфель, такъ-какъ извѣстно, что турецкія дамы въ припадкѣ гнѣва сдергиваютъ съ ноги туфлю и смѣло идутъ съ нею въ атаку (стр. 24.) Заключенность гаремныхъ затворницъ тоже не всегда лишаетъ ихъ возможности завести любовную интригу, особенно во время загородныхъ прогулокъ по пятницамъ. Но внѣ гарема развратъ, по крайней мѣрѣ, маскируется нѣкоторыми условными приличіями; въ гаремѣ-же—другое дѣло. „Здѣсь совершенно забывается приличіе, всякія стѣсненія откладываются въ сторону и шалости необразованныхъ, ничѣмъ несдерживаемыхъ женщинъ представляютъ иногда отвратительное зрѣлище. Если даже въ мужскихъ кружкахъ магометанскаго общества разговоръ лишается, вслѣдствіе отсутствія женщинъ, всякой соли и отличается банальностью и фривольною распушенностью, то еще болѣе это поражаетъ насъ въ гаремныхъ кружкахъ. Никто не стѣсняется выборомъ предмета разговора и ничто не можетъ быть непріятнѣе, какъ слышать старыхъ матронъ и молоденькихъ дѣвушекъ, разговаривающихъ между собою совершенно свободно о вещахъ, которыя-бы заставили покраснѣть самую испорченную изъ ихъ сестеръ въ Европѣ. Когда наскучатъ разговоры, обращаются къ танцамъ, на которые на Востокѣ смотрятъ, какъ на пластическое изображеніе чувственныхъ возбужденій и которые, какъ слѣдуетъ ожидать, по смыслу своему еще предосудительнѣе болтовни нескромныхъ языковъ“. Танцовками служатъ преимущественно невольницы, а танцовать порядочному мужчинѣ считается не только неприличнымъ, но даже позорнымъ, такъ-какъ восточный танецъ служить удовольствіемъ не для танцующихъ, а для зрителей. Одинъ европейскій дипломатъ въ Константинополѣ давалъ балъ въ честь персидскаго посланника. Иранскій придворный помѣстился на возвышеніи. Заиграла музыка, по залѣ закружились пары, и важный персъ услаждался мыслью, что все это дѣлается ради его удовольствія; когда-же европеецъ-хозяинъ, пригласивъ даму, собрался съ нею вальсировать, персъ вскочилъ съ своего мѣста, бросился къ нему и закричалъ: „господинъ, ты оказываешь мнѣ много, слишкомъ много чести, и я никакъ не могу допустить, чтобы ты плясалъ передо мною“ (стр. 36.) Кружѣ танцевъ, гаремныя одалиски наслаждаются иногда китайскими тѣнями, съ которыми ходятъ по домамъ особые актеры.

Но заботясь прежде всего о доставленіи себѣ чувственныхъ удовольствій, оріенталь до сихъ поръ не додумался до того, какъ-бы устроить поудобнѣ свою внѣшнюю жизнь, напримѣръ, относительно одежды. По европейскимъ понятіямъ приличіе вполне удовлетворено, если извѣстныя части тѣла прикрыты, но по-восточному одежда должна быть сшита такъ, чтобы не допускала даже и подозрѣнія о существованіи подобныхъ частей; все должно быть скрыто въ морѣ складокъ. Сюртукъ, напримѣръ, долженъ быть такъ широкъ, чтобы подъ нимъ можно было носить одну или двѣ ватныхъ куртки, замѣняющія собою жилетъ; этотъ сюртукъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ плотно застегивается даже при 30° R. Обувь, какъ

зимою, такъ и лѣтомъ, состоитъ изъ толстыхъ верхнихъ и нижнихъ башмаковъ, въ которыхъ даже самая маленькая нога начинаетъ походить на ступню слона. Голова въ огромной безформенной фескѣ представляется какимъ-то шаромъ, плавающимъ въ огромной красной кофурѣ и источающимъ ручьи пота. Вообще, мусульманинъ требуетъ отъ своего костюма, чтобы онъ увеличивалъ размѣры его тѣла и придавалъ ему степенный, внушительный видъ; его шаровары, на которые идетъ обыкновенно до 15 аршинъ широкаго сукна, не только значительно утолщаютъ его въ бедрахъ, но, въ соединеніи съ широкимъ поясомъ изъ толстой шали, обвитой вокругъ него отъ 10 до 15 разъ, скрываютъ его кривыя, невзрачныя ноги. Къ нимъ присоединяется длинная, опускающаяся до ногъ *джубба*, подъ которой носится поверхъ рубашки короткая ватная куртка, а поверхъ ея еще другая; наконецъ, весь нарядъ завершается громадною чалмою, которая достигаетъ такихъ размѣровъ, что служить ночью подушкой, а днемъ вмѣсто зонтика. Кромѣ того, турокъ и зимою, и лѣтомъ, и дома, и на улицѣ обвѣшанъ съ ногъ до головы оружіемъ. Европейскіе туристы при видѣ такого ходячаго арсенала нерѣдко пугаются, но совершенно напрасно, такъ-какъ все это оружіе служитъ для украшенія. „Это желаніе придать себѣ величественный видъ при помощи просторныхъ, пышныхъ одѣяній, говоритъ Вамбери, — всегда казалось мнѣ дѣтскимъ и варварскимъ, но еще менѣе нравилось мнѣ въ восточномъ покрое платя то, что оно мѣшаетъ всякому занятію, такъ-какъ, дѣйствительно, стоитъ только взглянуть на магометанина, закутаннаго до самыхъ пятокъ, и костюмъ его тотчасъ-же выразить ясно, что человѣкъ этотъ рожденъ для лѣни и бездѣйствія. Все развиваетъ въ немъ эту порочную апатію“ (стр. 60.) При этомъ подъ роскошнымъ костюмомъ скрывается часто отвратительная грязь. Нерѣдко можно встрѣтить людей, которые расхаживаютъ въ оборванныхъ платьяхъ, но при этомъ украшены драгоценными каменьями, опоясываютъ свой грязный, состоящій изъ лохмотьевъ халатъ дорогимъ поясомъ, обуты на босую ногу, но носятъ на себѣ столько драгоценностей, что даже небольшая часть ихъ свидѣтельствуетъ о зажиточности. Но грязь ориенталовъ особенно обнаруживается въ ихъ бѣльѣ. Хотя въ Турціи и арабскихъ городахъ еще въ средніе вѣка былъ обычай носить бѣлую одежду, но вообще не заботились, чтобы мѣнять ее такъ часто, какъ нужно. Въ нынѣшней Турціи даже въ богатѣйшихъ гардеробахъ аристократовъ можно найти всего двѣ, три, много шесть рубашекъ. Въ Персіи и на Востокѣ люди, бросающіе на наряды сотни червонцевъ, имѣютъ не болѣе двухъ перемятъ бѣлья, даже ханы и министры стоятъ въ этомъ отношеніи ниже самыхъ бѣдныхъ людей въ Европѣ. Во время пребыванія Вамбери въ Тегеранѣ у самого „царя царей“, персидскаго шаха, было всего 10 рубахъ, а сынъ знаменитаго Достъ-Магомета иногда ложился спать совершенно нагимъ, между тѣмъ какъ слуга стиралъ его единственную рубашку. Что-же касается простонародья въ Персіи, то оно носитъ

нанковое бѣлье темно-синяго цвѣта, такъ-какъ грязь на немъ не такъ замѣтна, но за то замѣтнѣе бѣленькія насѣкомыя (стр. 64.) При такой грязи, независимо отъ роскошныхъ костюмовъ, усыпанныхъ дорогами каменьями, новѣйшіе турки щеголяютъ экипажами. Великолѣбная карета, заказанная въ Парижѣ, украшенная серебромъ и зеркальными стеклами, въ нѣсколько недѣль ломается въ куски объ отвратительную мостовую древней Византіи, и никогда еще не случалось, чтобы карета, прибывшая съ береговъ Сены или Дуная, выдержала здѣсь болѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ; но если и на этотъ предметъ издерживаются здѣсь огромныя суммы, то еще болѣе щеголяютъ турки своими трубками, огромные янтарные мундштуки украшаются драгоценными каменьями и при торжественныхъ случаяхъ гостямъ подаютъ чубуки, изъ которыхъ каждый стоитъ нѣсколько тысячъ франковъ. „Когда нынѣшній бельгійскій король, тогда еще герцогъ брабантскій, посѣтилъ Востокъ и былъ въ гостяхъ у Абдуль-Меджида, ему подали нѣсколько подобныхъ чубуковъ; они, конечно, возбудили его восхищеніе, которое онъ тотчасъ-же и выразилъ султану, на что послѣдній, съ обычною формулою восточной вѣжливости, отвѣчалъ: „считай ихъ своею собственностью“. Само собою, въ устахъ его это было простою фразою, которую никто не счелъ-бы серьезно. Но принцъ, въ жилахъ котораго текла кобургская кровь, посмотрѣлъ на это иначе и въ день отъѣзда приказалъ уложить въ свои сундуки всѣ эти вещи, цѣна которыхъ превосходила много сотенъ тысячъ франковъ. Турки, приставленные къ особѣ бельгійскаго наслѣдника, съ ужасомъ и удивленіемъ слѣдили за его сборами и старались объяснить ему слова султана въ ихъ обыкновенномъ восточномъ значеніи, но его высочество не обращалъ на это никакого вниманія, замѣтивъ только, что „султанъ никогда не шутитъ“, и всѣ эти драгоценности отправились вмѣстѣ съ нимъ въ Брюссель“ (стр. 66.) Нужно замѣтить, что у народовъ Востока драгоценныя камни и металлы служатъ не только украшеніями, но, какъ и въ Европѣ въ средніе вѣка, имѣютъ сверхъестественное значеніе, какъ талисманы и лекарства. Отъ желтухи на Востокѣ носятъ при себѣ золотыя монеты, отъ заботъ и мрачныхъ мыслей смотрятъ въ свѣтлый кристалль алмаза; въ лазурн бирюзы почерпаютъ воспоминаніе о свѣтлыхъ дняхъ юности и часто платятъ за этотъ камень сотни червонцевъ, если онъ имѣетъ форму женской груди. Кромѣ того, многіе мусульмане предаются поискамъ „каменя мудрости“ и нѣкоторые даже утверждаютъ, что нашли его; у какихъ-нибудь развалинъ и вообще въ мѣстахъ, считающихся мѣстопробываніемъ нечистой силы, часто можно видѣть истощеннаго, оборваннаго дервиша, который бродитъ тамъ по цѣлымъ днямъ, даже мѣсяцамъ, отыскивая камень мудрости; онъ не только не возбуждаетъ ни въ комъ удивленія, но ему даже доставляютъ пищу и питье (стр. 69.)

Питаніе восточнаго человѣка тоже не далеко ушло отъ его жилища, бѣлья и платья. Мусульмане, которые отличаются такою медленностью во

всѣхъ своихъ поступкахъ, во время обѣда выказываютъ такую торопливость, что проглатываютъ въ какіе-нибудь четверть часа блюдо 10, даже 15, и, такимъ образомъ, превращаютъ свой желудокъ въ упругій, туго набитый мѣшокъ, дѣлаясь еще лѣнливѣе, еще апатичнѣе, чѣмъ были до ѣды (стр. 78.) Они до сихъ поръ ѣдятъ безъ ножей и вилокъ, такъ-какъ считаютъ грѣхомъ колоть и рѣзать дары божии. Тарелки во время обѣда не мѣняются, но восточный этикетъ дозволяетъ кончику языка очищать ихъ непосредственно или посредствомъ пальцевъ, причемъ въ Турціи дѣйствуетъ при этомъ указательный, третій и четвертый пальцы, въ Персіи-же всѣ пять пальцевъ, но только до перваго сустава, у авганцевъ-же и татаръ нѣтъ никакихъ ограниченій. Въ Турціи у богатыхъ людей есть салфетки, въ Персіи-же полагается на всѣхъ одно длинное каленкорое полотенце, которыми обѣдающіе утираютъ себѣ руки, ротъ и бороду и въ которое потомъ завертываютъ остатки кушаній для слѣдующаго дня. Въ средней Азій, гдѣ ѣдятъ пятерней, салфеткою служитъ рукавъ или пола кафтана, и весь обѣденный этикетъ состоитъ въ томъ, что хозяинъ отъ времени до времени расколетъ кость для гостя или положить своими пальцами въ его ротъ кусокъ жира. Но если оріенталы небольшіе гастрономы, то они, во всякомъ случаѣ, болѣе жестокіе пьяницы, чѣмъ европейцы, и магометовское запрещеніе вина давнымъ-давно уже превратилось въ пустую формальность. Въ Константинополѣ, напр., каждый вечеръ у министровъ, пашей, эфенди и беевъ идутъ дружескія попойки, начинающіяся маленькими закусочками. Закуска эта скоро переходитъ въ необузданную кабацкую оргію, послѣ которой слѣдуетъ ужинъ, затѣмъ гости выпиваютъ еще „на дорожку“ и развѣзжаются по домамъ въ совершенно пьяномъ видѣ. Въ Персіи пьютъ точно такъ-же, какъ въ Турціи, съ тѣмъ только различіемъ, что турки пьютъ водку, а персы вино, турки совсѣмъ уже „головы“ къ ужину, а персы напиваются послѣ ужина. Персидскій этикетъ во время пирушки тоже отличается отъ турецкаго. Такъ-какъ малѣйшая капля вина или жира оскверняетъ платье и коверъ и мѣшаетъ молитвѣ, то всѣ остерегаются пролить на себя каплю той жидкости, которую вливаютъ въ себя цѣлыми бутылками. Персидская пирушка немислима безъ циничныхъ танцевъ, во время которыхъ поднимается такая дикая суматоха, такой дикій шумъ и неистовыя взвизгиванія, какъ въ европейскихъ трактирахъ самаго низшаго разряда. Въ Персіи пьютъ не только вечеромъ, но и во всякое время дня, пьянствуютъ даже муллы и жены ихъ, и попойки устраиваются въ публичныхъ садахъ, даже на кладбищахъ. Вообще средніе и высшіе классы Востока пьютъ ужасно, и множество султановъ, шаховъ, министровъ кончаютъ свою жизнь въ бѣлой горячкѣ (стр. 78—98.)

Наркотическія вещества, въ особенности табакъ, на Востокѣ, какъ извѣстно, тоже больше употребляютъ, чѣмъ въ Европѣ; каждый турокъ всегда носить при себѣ трубку, а богатые люди держатъ при ней отъ

одного до трехъ слугъ. Любители выкуриваютъ въ день до 80 трубокъ; женщины, проводящія въ теплыхъ ваннахъ часовъ по 8 въ день, тоже курятъ все это время. Въ средней Азiи табуку предпочитаютъ опи́й и гашишъ, потребители которыхъ обыкновенно доходятъ до идиотизма (стр. 97—119.) Вообще гаремъ, пьянство и наркотическiя вещества болѣе и болѣе губятъ высшiе и среднiе классы Востока, ведя ихъ къ окончательному вырожденiю, которое нѣсколько задерживается еще приливомъ силъ изъ народной массы; но и эта масса, полунагая, голодная, ограбленная, тоже неспособна ни къ какому самостоятельному развитiю безъ вѣншихъ влiянiй; она состоитъ или изъ тупыхъ рабовъ, какъ египетскiе феллахи, или изъ чудовищъ, какъ баша-бузуки. Вообще физиологическое вырожденiе ориенталовъ несомнѣнно, и прежде всего вслѣдствiе самыхъ дурныхъ гигиеническихъ условiй жизни. Даже тѣ обряды и обычаи, которые, повидимому, должны были-бы содѣйствовать чистотѣ и опрятности, являются или простыми формальностями, какъ, напр., омовенiе, или чувственнымъ удовольствiемъ, какъ турецкая баня. Турокъ ходитъ въ баню вовсе не для чистоты, а для того-же, для чего мужъ Коробочки, отходя ко сну, заставляя дѣвку чесать себѣ пятки. Благоспитанный турокъ, кромѣ того, не просто моется, парится и мнется въ банѣ, а вполне исполняетъ церемонiю; обряды и приличiя строго опредѣляютъ, сколько кувшиновъ воды нужно вылить на ту или другую часть тѣла, съ какой начинать и т. д. Но турецкiя бани, по крайней мѣрѣ, чисты; въ Персiи-же и средней Азiи въ нихъ можно не вымыться, а только загрязниться и захватить нѣсколько насѣкомыхъ. Въ персидской банѣ стоитъ водоемъ, вода въ которомъ мѣняется только однажды въ сутки; въ этотъ водоемъ персы набиваются, какъ селедки въ бочку, и трутся другъ о друга, чтобъ стереть съ себя грязь и перхоть, а въ заключенiе натираютъ все свое тѣло вонючей краской *генной* (стр. 120—130.)

Если гигиеническiя условiя такъ плохи на Востокѣ, то объ умственномъ развитiи и говорить нечего; школъ вообще много, но всѣ онѣ находятся въ рукахъ духовенства, служа разсадниками фанатизма и невѣжества. Кромѣ чтенiя и письма, ученики втеченiи многихъ лѣтъ, даже десятковъ лѣтъ, долбятъ въ нихъ коранъ, коментарiи на него и разныя творенiя многочисленныхъ магометанскихъ догматиковъ. Преподаютъ и свѣтскiя науки, особенно грамматика, арифметика и космологiя. Послѣдняя описываетъ семь земель и семь небесъ; каждое небо и каждая земля отстоятъ другъ отъ друга на 500 лѣтъ пути. Первое небо состоитъ изъ смарагда, второе изъ серебра, третье изъ крупнаго жемчуга, четвертое изъ рубиновъ, пятое изъ краснаго золота, шестое изъ желтаго гiацинта, и, наконецъ, седьмое изъ сияющаго свѣта. Землю опоясываетъ океанъ, а за нимъ стоятъ Кафскiя горы, съ вершины которыхъ можно видѣть безконечное ничто. Всю землю можно пройти въ 500 лѣтъ, изъ которыхъ 200 лѣтъ придется плавать по водѣ, 200 странствовать по безлюднымъ степямъ, 80 лѣтъ

по странѣ великановъ и 20 лѣтъ по неизвѣстнымъ странамъ. Причина небесной лазури зависитъ отъ зеленого хризалита Кафской горы, за которою находится мѣстожительство ангеловъ, состоящее изъ нѣсколькихъ круговъ, одинъ изъ золота, 70 изъ серебра и 7 изъ мускуса. И вся эта ерунда выдается за физическую географію! Что-же касается политической географіи, то масса ориенталовъ имѣетъ о ней самое превратное понятіе, считая турецкаго султана повелителемъ міра, намѣстники котораго управляютъ всѣми другими государствами—Пруссіей—*Бисмарк-паша*, Франціей — *Махмедъ-Магани-паша* и т. д. Обученіе исторіи состоитъ главнымъ образомъ въ знакомствѣ съ житіями пророка и святыхъ. О другихъ наукахъ и помину нѣтъ. Вамбери рассказываетъ о своей бесѣдѣ съ однимъ персидскимъ ученымъ въ Испагани. „Мы сидѣли на краю мраморнаго бассейна, въ водѣ котораго плавали осенніе пожелтѣвшіе листья платановъ. Я сталъ выхвалять преимущества нашихъ школъ и метода обученія. Мулла отвѣтилъ мнѣ на это слѣдующее: „правда, вы изобрѣли огпеннаго коня (локомотивъ), на которомъ можно объѣхать землю изъ конца въ конецъ быстрѣе, чѣмъ на крыльяхъ вѣтра, натянувъ ваши проволоки,—да проститъ мнѣ Богъ грѣхи мои, — вы можете спорить въ быстротѣ съ молніей, и я не сомнѣваюсь, что вы выдумаете машины, при помощи которыхъ можно будетъ подниматься до седьмого неба и спускаться до седьмой земли, но скажи мнѣ, кто изъ васъ на Западѣ придумаетъ средство удержать эти листья платановъ на ихъ вѣтвяхъ или эти розы на ихъ деревьяхъ? Тайнство рожденія и смерти открыто только одному существу, и можно-ли называть насъ глупцами за то, что мы удерживаемся отъ безплодныхъ усилій и только въ этомъ высшемъ существѣ полагаемъ центръ всего знанія и всѣхъ нашихъ изслѣдованій?“ Въ послѣднее время знатные турки и персы нерѣдко нанимаютъ для своихъ дѣтей частныхъ европейскихкихъ учителей, и Вамбери, подвизавшійся на этомъ поприщѣ, рассказываетъ: „Всѣ мои попытки сообщить высокорожденнымъ питомцамъ элементарныя понятія изъ физики, исторіи и географіи разбивались о ихъ фантазію, разгоряченную уже фантастическими рассказами и сагами гарема. Я объяснялъ имъ, напр., самыя обыкновенныя явленія природы по маленькой французской книжкѣ „Почему и потому“, но лишь только мои ученики услышали мое объясненіе молніи, грома и радуги, какъ вскакивали, точно безумные, съ своихъ мѣстъ и послѣшно бѣжали въ гаремъ, чтобы передать ~~мнѣ~~ ученики необыкновенно странныя выдумки франкскаго учителя, и, конечно, выдумки эти возбуждали ужасъ упомянутыхъ дамъ, и конецъ исторіи былъ вездѣ неизмѣнно одинъ и тотъ-же, а именно — френги ходжу объявляли невѣрующимъ осломъ и молили Бога простить отцу семейства грѣхъ, который онъ совершилъ, пригласивъ подобнаго учителя“.

Даже чисто-магометанская образованность болѣе и болѣе падаетъ на Востокъ, какъ это можно видѣть на медресе, т. е. высшихъ школахъ или университетахъ. „Жалкая противоположность, говоритъ Вамбери, — между

прошлымъ и настоящимъ никогда не бросалась мнѣ въ глаза такъ ярко, какъ на развалинахъ медресе Ханумъ въ Самаркандѣ. Величественный порталъ необыкновенной высоты, съ искусными нишами, украшенными лѣпною работою въ видѣ сталактитовъ, выложенный чудною мозаикою, изъ которой выдавались превосходно исполненныя въ каллиграфическомъ отношеніи изрѣченія, могъ пробудить въ зрителѣ мысль, что онъ скорѣе находится передъ развалинами дворца могущественнаго правителя, чѣмъ передъ зданіемъ, посвященнымъ наукѣ. Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ еще ясно сохранились слѣды отдѣльныхъ кабинетовъ, аудиторій, бань и столовыхъ прежняго университета. Вѣрная подруга жизни Тимура, дѣлвшая съ своимъ супругомъ и радость, и горе, положила основаніе этому зданію, велѣла украсить его со всевозможнымъ великолѣпіемъ и съ дѣйствительно княжескою щедростію опредѣлила содержаніе какъ учителямъ, такъ и учащимся. А что представляетъ это зданіе теперь? Передній дворъ медресе сдѣлался сборищемъ кучеровъ, погонщиковъ ословъ и носильщиковъ. Здѣсь длинноухій осленокъ трется о мозаику портала, другой издаетъ пронзительный крикъ тамъ, гдѣ когда-то раздавались хвалебныя пѣсни благодарныхъ учениковъ. Всѣ развалины отдѣльныхъ кабинетовъ наполнены отвратительными нечистотами, и тамъ, гдѣ когда-то арабскіе риторы читали свои лекціи, раздаются теперь ссоры, проклятія, крики и брань. Противоположность между этимъ когда-то великолѣпнымъ зданіемъ и теперешнимъ скопищемъ всякаго низкаго люда представляетъ вѣрную картину прежней и теперешней университетской жизни въ Азіи". Повсюду на Востокѣ замѣчается этотъ страшный упадокъ медресе, всюду слышатся жалобы учителей на равнодушіе къ наукѣ, всюду уменьшается со дня на день жалованье ихъ, и давнымъ-давно уже не слышно о свѣтилахъ магометанской учености, привлекавшихъ нѣкогда слушателей изъ всѣхъ странъ Востока. Это и неудивительно: высшія магометанскія школы всѣ погрязли въ недантической схоластикѣ прежнихъ вѣковъ, всѣ онѣ проникнуты однимъ и тѣмъ-же духомъ и различные оттѣнки отражаются только въ одеждѣ и языкѣ учениковъ, которые въ однихъ мѣстахъ называются *малебе*, въ другихъ *софта*, т. е. пылающіе любовью къ наукѣ. Чтобы достигнуть высшихъ ученыхъ степеней въ этихъ университетахъ, нужна одна только память, нужно только выдолбить наизусть нѣсколько сочиненій прежнихъ магометанскихъ ученыхъ. Знанія въ медресе раздѣляются на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ посвященъ синтаксису и лингвистикѣ, другой богословію и праву, основанному на коранѣ и на сохранившихся по преданію судебныхъ рѣшеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преподаютъ краснорѣчіе, геометрію и астрономію по стариннымъ арабскимъ учебникамъ, но медицина, такъ процвѣтавшая у арабовъ, всюду въ полнѣйшемъ упадкѣ, и медики, выходящіе изъ медресе, ничто иное, какъ знахари и шарлатаны, къ помощи которыхъ прибѣгаютъ только бѣдняки, между тѣмъ какъ люди богатые приглашаютъ европейскихъ лекарей (стр. 143.)

Между тѣмъ турки — народъ способный; въ особенности они поразительно ловко умѣютъ маскировать свое невѣжество, и какой-нибудь турецкій или персидскій дипломатъ никогда не потеряется въ разговорѣ съ европейскимъ. Высшіе чиновники получаютъ нѣкоторый лоскъ независимо отъ школы, да и этотъ лоскъ заключается въ одномъ французскомъ языкѣ, который изучается до той степени, на которой возможно чтеніе романа или легкой разговоръ. Вѣстѣ съ этимъ образованный турокъ надѣваетъ цилиндръ и фракъ, и его можно принять за южнаго француза или испанца, но если разсмотрѣть поближе, то скоро обнаруживается фальшь даже его вѣшняго европеизма. Онъ сидитъ на диванѣ не съ поджатыми, но съ скрещенными ногами, и положеніе его не особенно удобно, такъ-какъ брюки натянуты такъ, что швы готовы лопнуть, а разстегнутый сюртукъ съ стянчимъ воротникомъ, съ одной стороны, не даетъ наклонить головы въ сторону, а съ другой — не позволяетъ наклониться впередъ, что необходимо при турецкомъ способѣ сидѣнія. Съ этимъ вѣшнимъ европейскимъ лоскомъ на Востокъ соединяется нѣкоторая туземная образованность, состоящая, особенно въ Персіи, въ музыкѣ и изученіи наизусть поэтовъ. Главнымъ-же выраженіемъ образованія считается вѣжливость. „Разгоряченная фантазія, образный языкъ, пристрастіе ко всему вѣшнему, къ церемоніямъ, и, наконецъ, постоянный трепетъ передъ произволомъ тирановъ неизбежно породили значительное различіе между словомъ и мыслью. Житель Востока считаетъ себя безопаснымъ за облакомъ фиміама, и такимъ образомъ вѣжливость превратилась въ льстивое лицемеріе“. Чтобы составить себѣ понятіе о восточной вѣжливости, нужно присутствовать, напр., при встрѣчѣ двухъ крестьянъ персидскихъ. Долгое время стоять они другъ передъ другомъ безмолвно и неподвижно, пока не рѣшатъ, кому изъ нихъ первому поклониться и заговорить. Когда это рѣшено, одинъ изъ нихъ предлагаетъ другому цѣлый рядъ вопросовъ о его здоровьи и благосостояніи: *жирно-ли твое небо? влажно-ли оно? упаси Богъ, нѣтъ-ли болѣзни въ твоёмъ домѣ? хорошо-ли твое здоровье* и т. д., и т. д. Такихъ вопросовъ предлагается до 15, и комичнѣе всего то, что первый разговаривающій, окончивъ свой допросъ, спокойно выслушиваетъ отъ второго тѣ-же самые вопросы. И такая вѣжливость въ полномъ ходу не только въ Персіи, но даже у грязныхъ, оборванныхъ дикарей средней Азіи; въ высшихъ-же классахъ восточнаго общества она доведена до степени утонченѣйшаго искусства. „Говорить о себѣ *я*, это обычай чорта“, гласитъ пословица, и потому въ разговорѣ съ высшими лицами *я* замѣняется выраженіями *твоей слава* или *твоей раба*, въ письмахъ-же пишутъ *твоей, отказывающійся отъ отпускнуой раба*. Къ собесѣднику-же обращаются съ словами *твоя свѣтлѣйшая* или *высочайшая личность*. Коранъ вывелъ изъ обыкновенія земные поклоны, но не устранилъ раболѣпія мимики при взаимныхъ привѣтствіяхъ. Поклоны особенно выразительны въ Персіи, гдѣ наклоняютъ голову не впередъ, а на бокъ, причѣмъ открывается шея и какъ-бы говорится начальнику: „вѣстѣ съ

моей шеей и жизнь мою предоставляю въ твое распоряженіе“, и эта вѣжливость еще болѣе усиливается постоянно повторяемою фразою: „я охотно сдѣлаюсь твоею жертвою“. Еще яснѣе это первобытное значеніе поклона обнаруживается въ средней Азій, гдѣ придворные являются передъ своего повелителя съ веревочною петлею на шеѣ и съ висящимъ на ней мечомъ, т. е. со всѣми орудіями казни, и такимъ образомъ ставятъ свою жизнь въ полную зависимость отъ малѣйшаго знака повелителя. Какъ образецъ письменной восточной вѣжливости можно привести слѣдующее турецкое приглашительное письмо на вечеръ: „Мой благородный, высоко уважаемый, свѣтлѣйшій сынъ! О, ты, высокій князь порога! Ваше высокородіе! Выражаю мое искреннее пожеланіе, да сдѣлается челнъ твоей судьбы украшеніемъ пристани счастья и веселья, да привлекутъ тебя паруса твоихъ желаній въ гавань блаженства и наслажденій,—съ этимъ пожеланіемъ осмѣливаюсь окунуть перо въ море мысли и возбудить въ немъ слѣдующія волны рѣчи и т. д. (стр. 156—151).

При низкомъ уровнѣ умственнаго развитія и при изолированности мужчинъ отъ женщинъ на Востокѣ не можетъ быть общественной жизни въ европейскомъ значеніи. Вся общественная жизнь здѣсь сосредоточивается на базарѣ. Базаръ служитъ рынкомъ не только для торговли, но и для произведеній ремеслъ и промышленности. Онъ, въ особенности въ Персіи и центральной Азій, представляетъ самую пеструю картину безпорядка и смѣшенія. Въ то время, какъ въ одной изъ лавокъ купецъ, неподвижный, какъ статуя, сидитъ среди высокихъ грудъ мѣшковъ и тюковъ съ товарами, рядомъ съ нимъ жужжитъ и пидитъ колесо токаря или кипитъ и клокочетъ котелокъ харчевника. Въ другомъ мѣстѣ вы видите кузницу, въ которой раздуваются мѣха, пышетъ пламя и кузнечные молоты производятъ здскій шумъ, а подлѣ нихъ помѣщается городская школа, но голоса грязныхъ и оборванныхъ мальчишекъ, окружающихъ тощаго учителя и выкрикивающихъ свой урокъ, заглушаются общимъ шумомъ. Около школы помѣстился публичный писецъ, слѣдящій за голосомъ покрытой покрываломъ дамы, диктующей ему письмо, вѣроятно, любовное. Противъ—цирюльня; у одного изъ посѣтителей все лицо и голова покрыты густою мыльною пѣной и обрабатываются скверною, тупою бритвою цирюльника, который излишекъ этой пѣны сбрасываетъ своими грязными пальцами на улицу, не обращая вниманія на проходящаго мимо продавца горячихъ блиновъ. Другой посѣтитель издаетъ жалобные крики, подвергаясь операциі выдергиванія зуба, между тѣмъ какъ подъ сосѣднимъ сводомъ оружейникъ стучитъ по клинку, увѣряя покупателя въ превосходствѣ стали. Къ этимъ звукамъ присоединяются крики расхаживающихъ по базару разносчиковъ, просьбы нищихъ, молитвы дервишей, стоны и ворчанье верблюдовъ, раздражающее ухо завываніе ослонъ. Во всемъ жизнь и движеніе. „Вообще, базарная жизнь, говоритъ Вамбери,—представляетъ естественное, неизбѣжное слѣдствіе безцвѣтной,

скрытой и обособленной домашней жизни магометанскаго общества. Проходя по тихимъ, пустыннымъ улицамъ какого-нибудь восточнаго города, невольно припоминаешь сказаніе о мертвыхъ городахъ, начинаешь понимать потребность какой-нибудь реакціи или противоположной крайности, и эту крайность, эту противоположность составляетъ базаръ. Базаръ служить форумомъ не только частнымъ лицамъ, но и правительству. Преступникъ, которому собираются отрѣзать руку или ухо или заклеить другимъ образомъ, прогуливается передъ экзекуціей по базару, а въ Персіи носить отрѣзанный членъ въ чашѣ, собирая въ нее подаяніе сострадательныхъ людей. Женщина, потерпѣвшая какое-либо оскорбленіе, вообще всякій, пострадавшій отъ насилія, становится на самомъ видномъ мѣстѣ базара и передаетъ свою жалобу проходящимъ, чтобы возбудить ихъ сочувствіе. Самые важныя государственныя дѣла, самыя интимныя происшествія домашней жизни сановниковъ, даже князей, обсуждаются на базарѣ безъ страха и стѣсненія. Всего замѣчательнѣе та быстрота, съ которою распространяется всякая новость, конечно, измѣняясь по мѣрѣ распространенія какъ въ цвѣтѣ, такъ и въ разитѣрахъ. Изъ четырехъ словъ, сказанныхъ на одномъ концѣ базара, сдѣлается 20 прежде, чѣмъ они дойдутъ до другого конца“. Но на Востокѣ все падаетъ, падаетъ и торговля, а вмѣстѣ съ нею и базары. Число богатыхъ купцовъ и сановниковъ всюду быстро уменьшается; въ Турціи базары уже потеряли свое важное значеніе; въ Персіи мы встрѣчаемъ только развалины прежнихъ великолѣпныхъ базаровъ, на которыхъ толпились китайцы, монголы, индусы, персы, итальянцы, греки, арабы. Но тамъ, гдѣ выставались прежде сокровища и роскошь цѣлаго свѣта, теперь господствуетъ мертвая тишина. Великолѣпіе прежнихъ базаровъ и караванъ-сераевъ погибло на-всегда (стр. 248 — 255.) Торговля и промышленность, можно сказать, быстро уничтожаются на Востокѣ вмѣстѣ съ разореніемъ народныхъ массъ, къ какой-бы вѣрѣ, къ какому-бы племени онѣ ни принадлежали. Ужасно положеніе христіанъ, но почти не лучше живется и турецкому простонародью, говоря о которомъ, Вамбери восклицаетъ: „Бѣдныя тѣни народа, стремящагося исполинскими шагами къ своему вымиранию! Дрожація жертвы безсовѣстнаго класса чиновниковъ! Жалкіе образцы рѣдкой покорности и кротости! Кто могъ оставаться равнодушнымъ, входя во дворъ турецкаго крестьянина? Все, какъ вокругъ него, такъ и въ немъ самомъ, свидѣтельствуетъ о его крайней нищетѣ! Одежда, обувь и головной уборъ въ лохмотьяхъ, и только взглядъ его и осанка слабо напоминаютъ о прежнихъ властителяхъ; домъ его — развалина, поле его не воздѣлано, садъ запущенъ, сабля заржавѣла, лошади и скотъ выродились. Если спросить его о причинѣ этой нищеты, то онъ отвѣтитъ сначала: *судьба*, но если пристать къ нему съ дальнѣйшими разспросами, то онъ признается, что „господа въ Константинополѣ“ главные виновники его жалкаго положенія. Во всемъ свѣтѣ трудно найти существо

болѣе замученное, болѣе страдальческое, чѣмъ этотъ членъ турецкаго народа, который въ глазахъ европейцевъ, смѣшивающихъ его съ испорченными эфенди въ Константинополѣ, представляется главнымъ орудіемъ тираніи, главнымъ виновникомъ тѣхъ бѣдствій, которыми подвергаются христіане на Востокѣ. Бѣдный турокъ, будь то крестьянинъ, ремесленникъ, землевладѣлецъ, почти вовсе не виновенъ въ тѣхъ жестокостяхъ, которыя совершаются отъ его имени; онъ самъ страдаетъ отъ нихъ болѣе всѣхъ, и если-бы была возможность освѣтить страны Азіи свѣтомъ статистики, то онѣ представили-бы ужасающую картину паденія турецкаго народа. Не говоря о частыхъ войнахъ, уже эпидеміи и нищета, поощряемая безсовѣстностью чиновниковъ и природною лѣнью, страшно сократили турецкое населеніе. Цѣлыя полосы земли, цѣлыя мѣстности, которыя еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія были густо населены и отлично воздѣланы, теперь совершенно необитаемы и запущены“ (стр. 283.) Къ упомянутымъ разорительнымъ факторамъ присоединяются еще грабежи разбойничьихъ племенъ, курдовъ, черкесовъ и т. д., періодическія народныя возстанія и усмиренія ихъ. Мы не думаемъ, чтобы народныя массы Востока, какъ христіане, такъ и магометане, были неспособны къ дальнѣйшему развитію, но все убѣждаетъ насъ въ томъ, что правящіе классы тѣхъ странъ, вслѣдствіе дармоѣдства, гаремной жизни, пьянства и невѣжества окончательно выродились и способны только губить страну. Даже Вамбери, отличающійся извѣстною слабостью къ туркамъ, считаетъ самымъ типическимъ представителемъ мусульманскихъ правителей нынѣшняго ничтожнаго эмира Бухары (стр. 309.) Долгъ Европы—помочь этимъ миліонамъ бѣднаго, угнетеннаго и деморализованнаго населенія Востока, положить конецъ государству, основанному солдатчиной, которая давно уже выродилась въ чистыхъ разбойниковъ. Если-же не поможетъ Востоку Европа, то внутреннее гніеніе его рано или поздно разразится страшною катастрофой, которая смететъ съ лица земли не только восточныя государства, но и народы, подвластные имъ.

Въ раю. Романъ въ 7 книгахъ. П. Гейзе. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію В. Ранцева. Спб., 1876 г. Ц. 3 р.

Нѣмцы считаютъ Гейзе однимъ изъ первоклассныхъ своихъ романистовъ, и онъ, дѣйствительно, пользуется въ Германіи большою популярностію. Этотъ успѣхъ среди публики, насквозь пропитанной филистерствомъ и какимъ-то одичалымъ самоинѣніемъ, тѣмъ болѣе удивителенъ, что въ прозведеніяхъ Гейзе нѣтъ ни аурбаховской слащавости, ни потворства темнымъ инстинктамъ массы. Напротивъ, онъ открытый врагъ всякой филистерской

рутины и сторонникъ рѣзкаго протеста. Въ этомъ отношеніи онъ всего ближе стоитъ, по своимъ стремленіямъ и умственному темпераменту, къ Фр. Шпильгагену, въ его первыхъ, лучшихъ романахъ; — мы говоримъ *первымъ* потому, что послѣднія произведенія Шпильгагена, съ тѣхъ поръ, какъ его сталъ осѣнять патріотическій геній Бисмарка, являются болѣе, чѣмъ слабыми... Гейзе не ослабляетъ ни тона, ни красокъ, ни уродливыхъ сторонъ той дѣйствительности, которой онъ такъ строго держится. Онъ такъ-же реаленъ, такъ-же сѣло протестуетъ противъ предрасудковъ, ходячихъ мнѣній и традицій, какъ и прежній Шпильгагенъ. Свобода чувства находитъ въ немъ самаго искренняго защитника, и она-то послужила основной идеей его послѣдняго романа, озаглавленнаго нѣсколько страннымъ образомъ: „Въ рай“.

У Гейзе описывается не тотъ рай, въ который мы, грѣшныя, не попадемъ, а рай земной и притомъ чисто-нѣмецкій. Это ежемѣсячныя собранія въ одномъ изъ мюнхенскихъ садовъ небольшого кружка избранныхъ художниковъ. На этихъ собраніяхъ обсуждаются разные художественные вопросы, члены показываютъ эскизы и наброски будущихъ картинъ. Чтобы „умные“ разговоры не навели все-таки въ-концѣ-концовъ скуки, на райскихъ собраніяхъ ставится боченокъ превосходнаго вина, который и развлекаетъ собесѣдниковъ, не превращая, однако, ихъ собранія въ оргію. Вотъ этотъ-то „рай“ и служитъ темой романа.

Главною фигурою райскаго собранія является художникъ Янсень. Это простой крестьянскій сынъ, который силою своего таланта выдвинулся на первоклассную высоту. Его не заразила болѣзнь вѣка—погоня за наживой, и онъ не отдалъ своего таланта въ пользу прихотей какого-нибудь биржевого туза или въ угоду случайно разбогатѣвшему меценату вродѣ Струсберга или Мунка. Онъ сжужѣлъ среди общаго растлѣнія сохранить независимость и чистоту своего искусства. Въ лицѣ Янсена Гейзе хотѣлъ представить свободнаго художника, —свободнаго не только отъ матеріальныхъ соблазновъ, но и отъ узкихъ требованій академической рутинны. У него на первомъ планѣ страстное влеченіе, нестѣсняющееся узкими рамками догматической эстетики. Но есть у Янсена много идей, съ которыми безусловно согласиться невозможно. Такъ, напр., отрицая всякія права курсовъ условной эстетики на развитіе искусства, Янсень въ то-же время слишкомъ ужъ оправдываетъ такъ-называемое искусство для искусства, т. е. такую независимость его, которая не имѣетъ въ себѣ никакой опредѣленной и реальной цѣли. Онъ говоритъ постоянно о вѣчной красотѣ, которая хороша, въ чемъ-бы она ни проявилась. Однимъ словомъ, онъ смѣшиваетъ средства и цѣль, вступая въ область того безпечальнаго созерцанія, которое приводитъ къ папгловсовскому девизу: „все прекрасно въ этомъ наипрекраснѣйшемъ изъ міровъ“. Но Янсень далекъ отъ слѣпago оптимизма, и, относясь ко многому скептически, онъ высказываетъ много такихъ горькихъ истинъ о современномъ положеніи, которыя ничего общаго не имѣютъ съ маниловскимъ прекраснодушіемъ. Та-же двойственность

и неопредѣленность міросозерцанія Янсена отражается и на его поступкахъ. Такъ, напр., онъ, неумолимый и строгій гонитель филистерства, не можетъ рѣшиться на смѣлый шагъ, который дѣлаетъ за него женщина. Дѣло въ томъ, что Янсенъ женатъ на кокеткѣ-актрисѣ дурного сорта, которою увлекся въ молодости. Но теперь онъ влюбленъ въ прекрасную Юлію. Юлія отвѣчаетъ ему взаимностью. Жена Янсена не согласна на разводъ. Какъ тутъ быть? Янсенъ колеблется, думаетъ, рѣшается и опять передумываетъ и пасуетъ передъ своимъ рѣшеніемъ. Чувство тянетъ его въ одну сторону, а боязнь условныхъ формъ и общественнаго мнѣнія—въ другую. Наконецъ, сама Юлія должна была рѣшить за него.

Она собираетъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ друзей Янсена, а также и своихъ. Янсенъ самъ не знаетъ о цѣли вечера. Вотъ всѣ въ сборѣ. Янсенъ пришелъ послѣднимъ, не подозрѣвая, что кого-нибудь встрѣтитъ у Юліи.

— Вотъ, наконецъ, и онъ, сказала Юлія, увлекая Янсена на средину комнаты. — Прежде всего я должна извиниться передъ тобой въ томъ, что не приготовила тебя къ такому торжественному приему. Я пригласила на вечеръ исключительно лишь близкихъ друзей, но я все-таки знаю, что г. Янсенъ сегодня не желалъ-бы видѣть здѣсь никого, кромѣ меня. Хотя я вообще охотно исполняю всѣ твои желанія, но на этотъ разъ я должна была поступить иначе. Друзьямъ нашимъ извѣстно, что я давно уже рѣшилась связать свою судьбу съ твоей — узамъ, которыя разорветъ только смерть. Для моей дѣвической гордости было обидно вступить въ нашу общую новую жизнь втихомолку, какъ-бы совершая что-то нехорошее, а потому я рѣшилась вступить въ нее открыто, какъ это дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ другія счастливицы, сопровождаемая добрыми пожеланіями своихъ друзей. Надѣюсь, ты на меня не разсердишься.

Она на мгновеніе умолкла, волненіе мѣшало ей говорить. Янсенъ пришелъ въ такое смущеніе, что не могъ найти словъ для выраженія своихъ чувствъ, и, схвативъ руку своей невѣсты, сыпалъ ее поцѣлуями.

Такимъ образомъ Юлія принимаетъ на себя ту рѣшающую роль, которая, повидимому, должна вполнѣ принадлежать Янсону. Но Янсенъ, какъ идеалистъ, неспособенъ къ активной дѣятельности тамъ, гдѣ требуется отъ человѣка твердая воля и полная независимость характера. Онъ размышляетъ тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать, и колеблется, когда необходимо рѣшать. Въ этомъ отношеніи Юлія представляетъ непосредственную, менѣе скептическую, но болѣе цѣльную и симпатичную личность. Такъ оно и должно быть въ самой жизни, и Гейзе остался на этотъ разъ совершенно вѣренъ дѣйствительности.

Во всякомъ случаѣ, мы охотнѣе рекомендовали-бы русской публикѣ Гейзе, чѣмъ переводы такихъ романистовъ, какъ авторы „Кровавыхъ драмъ“, „Таинственныхъ похищеній“ и т. п. драми.

Казалось-бы, что при настоящемъ развитіи переводной литературы у насъ должны были-бы существовать всѣ лучшіе писатели Запада въ рус-

скомъ переводѣ. Но ничуть не бывало! Наши переводчики бросаются преимущественно на произведенія раздражительнаго свойства. Понсонъ-дю-Террайль, Ксавье-де-Монтенепъ, Самаровъ—вотъ любимицы издательской спекуляціи. За то очень многіе солидные дѣятели иностранной изящной словесности остаются въ совершенной неизвѣстности для нашей публики, которая знаетъ о нихъ только по наслышкѣ. Возьмите, напр., Захеръ-Мазоха. Этотъ весьма видный писатель до настоящаго года былъ совершенно незнакомъ русской читающей публикѣ. То-же самое надо сказать и относительно Гейзе. У себя на родинѣ онъ давно уже пользуется литературной славой, а у насъ его имя стало извѣстнымъ всего года два тому назадъ, когда одновременно вышли двумя изданіями его „Дѣти Вѣка“ (замѣтимъ въ скобкахъ—крайне неточный переводъ нѣмецкаго заглавія „Die Kinder der Welt“). Но „Дѣти Вѣка“ и разбираемый теперь романъ „Въ раю“ составляютъ далеко не все изъ тѣхъ 12 томовъ, которые уже написаны Гейзе. Лучшая и болѣе свойственная его таланту форма—повѣсти и новеллы. Онѣ-то и составили ему въ Германіи популяриность. Обширныя рамки романа не вполне соотвѣтствуютъ характеру его дарованія. Онъ всего лучше умѣетъ обработать одну какую-нибудь черту человѣческаго характера, сосредоточить свое творчество на одномъ отдѣльномъ лицѣ. Интрига-же у него крайне слаба, а это въ романѣ большой недостатокъ. Поэтому-то большіе романы Гейзе страдаютъ мозаичностью и представляютъ собою рядъ новеллъ, искусственно соединенныхъ въ одно цѣлое.

Два слова о переводѣ „Въ раю“. Онъ не очень скверенъ, но все-таки тяжелъ, неуклюжъ и совершенно не передаетъ той замѣчательной изящности языка, за который Гейзе слѣдуетъ причислить къ первокласснымъ стилистамъ. Не переданъ также своеобразный гейзевскій юморъ, во многомъ похожій на гейневскій, хотя и необладающій ни его силой, ни его остроуміемъ и язвительной солью.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Уединеніе Испаніи отъ остальной Европы.—Агитація католическаго духовенства противъ закона о вѣротерпимости.—Увѣщаніе папы.—Пастырское посланіе архіепископа толедскаго.—Смиреніе Кановаса дель-Кастилья предъ клерикалами — Недовольство клерикаловъ, возбужденное полумбрами мнистерства.—Манифестаціи въ духѣ католицизма.—Пораженіе клерикаловъ въ кортесахъ.—Распоряженія, уничтожающія силу закона о вѣротерпимости.—Притѣсненія диссидентовъ.—Возбужденіе фанатизма противъ скромныхъ англійскихъ миссъ.—Протестъ католическаго духовенства, выразившійся въ паломничествѣ.—Разница между настоящимъ и средневѣковымъ паломничествомъ.—Представленіе пилигримовъ папѣ.—Воспрещеніе входа въ храмъ испанскому посланнику.—Подарки папѣ.—Какъ понимаютъ испанцы католическую религію.—Вражда клерикаловъ противъ короля Альфонса.—Неудовольствіе баскскихъ провинцій.—Уничтоженіе фуэросовъ.—Интриги клерикаловъ.

I.

Пока вниманіе всего цивилизованнаго міра было обращено на Балканскій полуостровъ и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій съ театра войны, событія на всемъ пространствѣ нашей планеты шли своимъ чередомъ, и если не произошло слишкомъ замѣтныхъ перемѣнъ, то во всякомъ случаѣ положеніе той или другой страны теперь иное, чѣмъ оно было въ началѣ весны прошлаго года. Настоящую хронику мы посвящаемъ странѣ, болѣе другихъ удаленной отъ театра военныхъ дѣйствій. Испанію мало интересовалъ жгучій вопросъ, волновавшій почти всю остальную Европу, можетъ быть потому, что ее слишкомъ тревожили ея внутреннія дѣла, вѣрнѣе—потому, что она слишкомъ мало свѣдуща въ обще-европейскихъ вопросахъ. Европейскія заботы и тревоги въ слабой степени отражаются въ Испаніи: не даромъ-же говорятъ, что Африка начинается южными склонами Пиринеевъ. Испанцы считаютъ себя

католиками; они дѣйствительно католики въ самомъ печальномъ значеніи этого слова, но въ основаніи Испанія остается страной мусульманской, имѣетъ мавританскій характеръ, хотя испанцы долгое время ревностно занимались истребленіемъ и изгнаніемъ мавровъ. Они употребляли все стараніе, чтобы уничтожить въ странѣ всякое напоминаніе о владычествѣ мавровъ, между тѣмъ всѣмъ, что они имѣютъ у себя хорошаго и полезнаго, они обязаны маврамъ. Земледѣліе въ Испаніи не сдѣлало никакихъ успѣховъ послѣ изгнанія мавровъ, которые расчистили поля и ввели лучшую въ то время систему земледѣлія; мавры-же развили промышленность; они-же смягчили испанскій характеръ, прививъ къ нему много хорошихъ качествъ, но также не мало и замѣтныхъ недостатковъ.

„Дѣло“ давно уже не занималось Испаніей, съ того самаго времени, какъ побѣдоносный молодой король Альфонсъ XII, поразивъ своего соперника, претендента дон-Карлоса, торжественно въѣхалъ въ Мадридъ на бѣломъ конѣ черезъ триумфальную арку въ мавританскомъ стилѣ. Онъ остановился въ полукругѣ, образуемомъ колоссальными статуями: „справедливости“, „мужества“, „осторожности“, „умѣренности“, „изобилія“ и „благосостоянія“, для того, чтобы пропустить мимо себя войска, которыя онъ, салютуя шпагой, поздравлялъ съ побѣдой. Колѣнопреклоненныя мадридскія красавицы поднесли ему на серебряномъ блюдѣ золотой вѣнецъ. Такіе-же вѣнцы поднесли ему депутаціи отъ города и отъ учащейся молодежи. Со всѣхъ балконовъ на проходящія войска сыпался дождь цвѣтовъ, лентъ, гирляндъ и сигаръ; кидали даже деньги, хотя ими Испанія очень бѣдна, и посылали воздушные поцѣлуй. Точно стонъ въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ рукоплесканій и радостныхъ криковъ. Къ этому нескончаемому гулу присоединялся трескъ барабановъ и рѣзкій звукъ трубъ, которыми войска отвѣчали на привѣтствіе гражданъ.

Подъ шумъ этихъ овацій, подъ упоеніе празднованія столь давно желаннаго мира, предусмотрительное испанское католическое духовенство распространяло папское увѣщаніе, направленное противъ вѣротерпимости. Увѣщаніе было адресовано Пиемъ IX кардиналу архіепископу толедскому и тотчасъ обнародовано во всѣхъ церквяхъ этой епархіи; затѣмъ его распространили и въ другихъ епархіяхъ, за исключеніемъ мадридской, гдѣ обнародованію его воспре-

пятствовало министерство. Духовенство, нарушивъ законъ во всей странѣ, за исключеніемъ столицы, не настаивало на своемъ желаніи, правильно рассчитывая, что, рано или поздно, оно добьется своего.

Послѣ такого очевиднаго доказательства силы католицизма въ Испаніи папа обратился съ собственноручнымъ письмомъ къ новому королю, въ которомъ напоминалъ ему, что онъ обязанъ уважать конкордатъ 1851. года, подписанный благочестивѣйшею и добродѣтельнѣйшею королевою Изабеллою и дерзко и незаконно разорванный нечестивой революціей 1868 года. Напомнивъ о томъ, что испанское духовенство непрестанно протестовало противъ этого нарушенія правъ католической церкви, папа заключаетъ свое письмо слѣдующими словами: „Мы объявляемъ, что конституція, изданная революціонерами и утвердившая вѣротерпимость, оскорбительно нарушаетъ права истинной католической церкви и уничтожаетъ конкордатъ, установленный между папскимъ престоломъ и испанскимъ правительствомъ. Въ пагубной свободѣ испанское правительство найдетъ отвѣтственность за это важное посягательство. Эта свобода широко открыла дверь заблужденію и нападкамъ на католическую церковь; она послужитъ источникомъ преступленій для благородной, религіозной націи, ревностно приверженной къ католицизму“.

Вслѣдъ за этимъ кардиналъ архіепископъ толедскій издалъ пастырское посланіе, въ которомъ объявляетъ отлученнымъ отъ церкви и преданнымъ анафемѣ всякаго, кто не проникнется „священнымъ уваженіемъ къ словамъ святѣйшаго отца“ и кто не признаетъ ихъ „сокровищницей ученія, ниспосланнаго съ неба“. Какъ это посланіе, такъ и увѣщаніе папы произвели довольно слабое впечатлѣніе въ городахъ и весьма сильное въ деревняхъ.

Пустивъ этотъ пробный шаръ, клерикалы принялись за дѣятельную пропаганду противъ самого короля Альфонса. Но какъ-же это такъ? можетъ быть спросятъ насъ;—вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что альфонсисты обязаны своимъ успѣхомъ клерикальной партіи, во-время поддержавшей ихъ. Дѣйствительно, клерикалы, поддерживавшіе дон-Карлоса, послѣ его пораженія стали заискивать у его побѣдителя, короля дон-Альфонса, однакожь, въ сношеніяхъ съ нимъ они предпочли держаться тона авторитетнаго; они очень прозрачно намекнули ему, что готовы признать его, но подь условіемъ, если онъ дастъ имъ все то, что имъ обѣщаль дон-Карлосъ. Они требовали теперь большаго, чѣмъ дала имъ королева Изабелла, отпустившая имъ такую дозу власти, отпускать которой она не имѣла права въ силу дѣйствующей конституціи.

Дон-Карлосу легко было обѣщать: онъ былъ только претенден-

томъ. Дон-Альфонсъ, домогавшійся союза съ клерикалами, не смотря на свое желаніе, не въ силахъ былъ дать имъ всего, на что они изъявляли претензію. Онъ не могъ не принять въ соображеніе тѣхъ доводовъ, какіе представляли ему его совѣтники, настаивавшіе на томъ, что Испанія — страна европейская, и пока она не присоединится окончательно къ Африкѣ, по-необходимости не должна слишкомъ обособляться отъ остальной Европы, не должна слишкомъ явно нарушать требованій цивилизаціи XIX вѣка. Они старались убѣдить короля, что въ настоящее время католицизмъ не въ особенной чести въ Европѣ. Его признанные представители, Франція и Австрія, не осмѣливаются ни на какія рѣшительныя мѣры для утвержденія его прежняго значенія. Со времени Седана и Садовой онъ потерялъ половину своей биржевой цѣны. Всемогущая германская имперія объявила войну папству, изгнала сотни монаховъ-іезуитовъ, хотя вынуждена была оставить тысячи іезуитовъ-не-монаховъ. Испаніи между тѣмъ необходимо поддерживать доброе согласіе съ Германіей; время отъ времени въ испанскихъ газетахъ появляются слухи, лишенные всякаго основанія, о существованіи будто-бы серьезныхъ переговоровъ о бракѣ короля Альфонса съ принцессой изъ дома Гогенцолерновъ. Въ добавокъ протестантская Англія утвердилась во всѣхъ портахъ Испаніи; англичане владѣютъ на Апенинскомъ полуостровѣ лучшими виноградниками, рудокопнями, каменоломнями, участвуютъ въ постройкѣ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, захватили въ свои руки торговлю и промышленность. Англичане, какъ извѣстно, дорожатъ за-границей своей религіей; они строго исполняютъ всѣ догматы своей національной религіи и не позволяютъ никому вмѣшиваться въ дѣла своей совѣсти; въ Испаніи у нихъ много часовень; они тратятъ въ Испаніи ежегодно по нѣскольку тысячъ фунтовъ стерлинговъ для распространенія библій, новаго завѣта и религіозныхъ трактатовъ. Ихъ пропаганда здѣсь не имѣетъ успѣха, но они не хотятъ отступить отъ своихъ притязаній. Мадридскій кабинетъ поступилъ-бы крайне неосторожно, если-бъ вздумалъ запретить въ Испаніи отправленіе протестантскаго богослуженія, потому что Англія, обладая Гибралтаромъ, могла-бы въ полмѣсяца уничтожить испанскій флотъ, а въ три мѣсяца отнять у Испаніи всѣ ея колоніи и наложить на нее дипломатическій и финансовый гнетъ. Англійскій посланникъ объявилъ безъ обвиняемыхъ, что его правительство сочло-бы законъ противъ вѣротерпимости оскорбленіемъ для себя и немедленно приняло-бы на всякій случай соотвѣтственныя мѣры. Однимъ словомъ, законъ противъ вѣротерпимости невозможенъ.

Напрасно совѣтники короля Альфонса выставляли своимъ друзь-

ямъ-клерикаламъ настойчивую необходимость шадить общественное мнѣніе, особенно по виѣшности, и не раздражать Великобританіи: клерикалы ничего знать не хотѣли. Либералы старались убѣдить своихъ добрыхъ друзей клерикаловъ, что правительство само наложило-бы на себя руки, если-бъ приняло крайнюю папскую политику; что мать Альфонса была свергнута съ престола именно потому, что служила слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ, и, наконецъ, что если сынъ Изабеллы, въ свою очередь, будетъ свергнутъ съ престола, эта катастрофа будетъ для церкви пагубна не менѣе, чѣмъ для Бурбоновъ.

„За этимъ дѣло не станеть! возражали добрѣйшіе друзья.—Мы сами свергнемъ васъ, если вы осмѣлитесь ставить преграды нашему авторитету и не согласитесь быть нашимъ слѣпымъ орудіемъ, исполнять точно наши повелѣнія“.

Изъ этихъ словъ можно заключить, что испанскіе клерикалы не предусмотрительны: способствуя сверженію сына Изабеллы, они сами готовятъ себѣ гибель. Это справедливо, но не надо забывать, что исторія представляетъ массу примѣровъ столкновеній неудачъ и преступленій. Если-бы народы были справедливы, если-бы всѣ націи были доброжелательны, если-бы партіи были правосудны, изъ-за чего было-бы спорить и враждовать? Если-бы верховнымъ властителемъ нашей судьбы былъ разумъ, а не страсть, не гнѣвъ, не зависть, не ревность — не было-бы массы преступленій, записанныхъ въ хронику человѣческихъ заблужденій. Если-бы только честныя, общепользныя побужденія управляли дѣйствіями какъ коллективныхъ единицъ (націй), такъ и отдѣльныхъ личностей, нація, лишенная всякихъ фактовъ злодѣяства и нечестія, совершенныхъ въ ея средѣ, была-бы лишена всякаго трагическаго элемента. Она состояла-бы въ перечисленіи слишкомъ жаркихъ лѣтъ и слишкомъ холодныхъ зимъ. Замѣчательными событіями считались-бы: количество воды, падающей въ видѣ дождя, измѣненіе цѣны на хлѣбъ и т. д. Когда ничто не выходитъ изъ рамокъ установленнаго образа поведенія, тогда не о чемъ и говорить. Счастливы тѣ націи, которыя не имѣютъ исторіи, говорить пословица. О нихъ, какъ о честныхъ дѣвушкахъ и провинціальнахъ академіяхъ, говорить нечего.

Конечно, насъ нисколько не озабочиваетъ, что испанскіе клерикалы не понимаютъ своихъ собственныхъ интересовъ, вступаютъ на путь, пагубный для ихъ партіи, и подвергаютъ опасности реставрированную монархію Альфонса XII. Мы знаемъ, что общество всегда болѣе эгоистично, чѣмъ отдѣльныя личности, его составляющія, и болѣе неблагоприятно, несмотря на инстинкты, которые его воодушевляютъ. Всякая корпорація, въ силу внутренняго закона, ея управ-

ляющаго, стремится организоватьъ независимо отъ интересовъ другихъ корпорацій, эксплуатировать остальные организмы и, наконецъ, поглотить на-сколько возможно самое государство. Корпорация—паразитъ по своей природѣ, — паразитъ съ тысячею и болѣе ртами, которые постоянно возбуждены, голодны и стараются обогатиться насчетъ государства, онѣ вѣчно жаждутъ чего-нибудь и ничѣмъ недовольны. Изъ всѣхъ корпорацій самая ненасытная—католическая церковь, постоянно стремящаяся поглотить государство.

Въ Испаніи корпорація католическаго духовенства могущественна, гораздо болѣе могущественна, чѣмъ само государство, слабость котораго всегда измѣряется степенью притязательности духовной корпораціи. Въ Испаніи духовенство не желаетъ знать никакихъ законовъ, оно игнорируетъ гражданскую власть и дѣлаетъ это, если можно такъ выразиться, естественно и безъ всякаго злого намѣренія. Если-бы Альфонсъ XII прочно и непоколебимо утвердился на престолѣ, паперы и прелаты кадили-бы ему съ простодушіемъ и чистосердечіемъ, на какія они только способны. Но вѣнецъ не вполне проченъ на головѣ Альфонса, и потому они позволяютъ себѣ дѣлать ему выговоры и предъявлять самыя крайнія требованія.

Испанское духовенство, которое погружалось по шею въ карлистское возмущеніе и только въ силу необходимости примирилось съ либералами, рано или поздно снова порветъ всѣ связи съ альфонсистскою партіей. На первыхъ-же порахъ, почти тотчасъ-же по заключеніи мира, оно вступило въ борьбу съ либералами, предложомъ для которой послужила II статья конституціи, трактующая о вѣротерпимости. По этой статьѣ католическая религія признается все-таки господствующей въ Испаніи, но ея признается также существованіе въ государствѣ и другихъ вѣроисповѣданій. Министерство Кановаса-дель-Кастилья, опасаясь вражды клерикаловъ, поспѣшило заявить, что статью эту надобно признавать не въ смыслѣ признанія свободы вѣроисповѣданій, а только какъ допущеніе вѣротерпимости. Оно настойчиво повторяло, что правительство признаетъ истинной, правовѣрной и законной только одну католическую церковь. Оно точно хотѣло извиниться, что не засадило въ тюрьмы или не изгнало изъ Испаніи всѣхъ диссидентовъ; „противъ невозможности ничего не подѣлаешь“, какъ-бы читалось между строками его циркуляра. Оно не жалѣло никакихъ расходовъ въ пользу католической церкви и ея служителей. Оно дало обѣщаніе католическому духовенству строго запрещать всякія манифестаціи и публичныя церемоніи другихъ исповѣданій. И несмотря на такія огромныя уступки, католическое духовенство ропщетъ, оно не любитъ подумѣръ, ему подавай все...

Ясно, что вѣротерпимость, объявленная Кановасомъ-дель-Касталья, чисто-фигтивная; онъ даетъ возможность въ будущемъ легко уничтожить ее и перейти на практикѣ къ прежнему исключительному положенію католической церкви въ Испаніи, рядомъ съ которою законъ не допускалъ никакого другого исповѣданія. Что мѣшаетъ министру, положимъ, іезуиту, который наслѣдуетъ Кановасу, въ силу той-же II статьи конституціи запрещать всякое не католическое погребеніе на публичномъ кладбищѣ, звонить протестантамъ въ колокола? Идя дальше, іезуитъ легко докажетъ, что храмъ, открытый для всѣхъ желающихъ, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ зданіе публичное, а слѣдовательно церковная служба, въ немъ производящаяся, составляетъ публичную манифестацію, нарушеніе порядка, физическаго и нравственнаго, воспрещенное министерскимъ распоряженіемъ его предшественника.

Въ то-же время Кановасъ побудилъ короля Альфонса отвѣтить папѣ письмомъ, исполненнымъ глубокаго смиренія; въ этомъ письмѣ король старался убѣдить святѣйшаго отца, что статья конституціи о вѣротерпимости не наноситъ существеннаго ущерба католицизму. Испанія вынуждена была поступить по примѣру остальныхъ католическихъ странъ: Франціи, Австріи и даже самой Баваріи.

Этому объясненію клерикалы не придали никакой цѣны. Вопросъ о вѣротерпимости былъ поднятъ въ кортесахъ и клерикалы рѣшительно сказали либераламъ: „Вы приводите смягчающія обстоятельства; вы думаете, что католиковъ слишкомъ мало, чтобы они могли образовать партію, съ которой вамъ придется считаться. Вы утверждаете, что истинная вѣра на-столько вкоренилась въ нашемъ народѣ, что ее невозможно поколебать никакой пропагандой еретиковъ. Мы этого не отрицаемъ, однакожь, все-таки признаемъ, что изобрѣтенная вами вѣротерпимость въ дѣйствительности послужитъ неизбѣжнымъ средствомъ для увеличенія числа невѣрныхъ и маловѣрныхъ, хотя, повторяемъ, мы убѣждены, что число отпаденій будетъ незначительно. Мы хотимъ, чтобы вы ни въ какомъ случаѣ не вредили намъ“.

„Истинный Богъ есть Богъ католическій“, вскричалъ дон-Фердинандо Альваресъ при взрывѣ восторженныхъ аплодисментовъ мадридской женской аристократіи, шумѣвшей въ галереяхъ кортесовъ. Во время этой рѣчи трепетали женскія сердца, кровь прилиwała къ щекамъ, всѣ вѣра пришли въ движеніе съ выраженіемъ поощренія. „Истинный Богъ, продолжалъ дальше Фердинандо, — запрещаетъ поклоняться другому Богу. А вы хотите, чтобы Испанія присоединилась къ нечестивцамъ и дозволила строить храмы ложному божеству“.

Что могъ отвѣтить несчастный Кановасъ дону-Фердинандо? Аль-

варесъ былъ искрененъ, Кановасъ-же, напротивъ, говорилъ не то, что чувствовалъ. Къ тому-же прекрасныя дамы были противъ главы испанскаго кабинета и все свое сочувствіе отдавали паладину католицизма, дон-Альваресу.

Клерикалы упрекали Кановаса въ недостаткѣ логики: „Вы сами, говорили они,—противорѣчите самому себѣ. Представленные вами выводы вовсе не вытекаютъ изъ тѣхъ фактовъ, на которые вы ссылаетесь. Вы исповѣдуете истинную вѣру, вы говорите, что она составляетъ нашу національную религію, и вмѣстѣ съ тѣмъ отстаиваете вѣротерпимость. Вы знаете, что диссиденты заблуждаются въ вѣрѣ, и принимаете ихъ сторону, помогая имъ пропагандировать свои убѣжденія. Вы уничтожаете перила, которыми предусмотрительная мать-церковь снабдила мостъ, ведущій изъ этой жизни къ будущей. Вамъ дѣла нѣтъ, что слабые въ вѣрѣ становятся отступниками и идутъ по пути къ аду; васъ нисколько не тревожитъ, что слѣпцы будутъ ввержены въ геенну огненную!“

Кановасъ не могъ не знать, что аргументы его были лишены силы. Онъ старался выйти изъ затрудненія, придавъ торжественный тонъ своей рѣчи: „Если правительство не заключитъ мировой сдѣлки, говорилъ онъ,—то ему невозможно будетъ управлять; главное искусство политики состоитъ въ умѣнши согласить интересы различныхъ партій, умалить вражду между ними и дать возможность всѣмъ дышать свободно. Католическая партія первая должна подать руку на миръ“. Далѣе онъ даетъ понять, что клерикалы не должны и помышлять о возстановленіи инквизиціи, что теперь нельзя сожигать еретиковъ на кострѣ, воздвигнутомъ на площади Пуэрто-дель-Соль въ Мадридѣ. Кановасъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Мы примемъ самыя строгія мѣры противъ того, кто осмѣлится оскорблять величіе католической религіи, но мы не желаемъ достигать единства религіи путемъ тюремъ и казни. Подумайте-же! Уже восемь лѣтъ, какъ иностранцы утвердились въ Испаніи и считаютъ своимъ правомъ свободно исповѣдывать свою религію. Въ силу заключенныхъ нами торговыхъ договоровъ, мы гарантировали свободное отправленіе богослужебныхъ обрядовъ протестантамъ. Много семей протестантовъ, послѣ изданія этого закона, поселились въ Испаніи и стали ея гражданами. Можетъ-ли правительство издать законоположеніе противъ свободы вѣроисповѣданія, подобное отмѣнѣ нантскаго эдикта во Франціи? Осмѣлитесь-ли вы взять на себя отвѣтственность за событія, которыя могутъ явиться послѣдствіемъ такой мѣры?“

„Мы осмѣлимся!“ вскричалъ рѣшительный дон-Фердинандо. А благородныя дамы, сидящія въ галереяхъ, разразились аплоди-

сменами. „Мы рѣшимся сдѣлать все то, на что у васъ не хватитъ мужества!“

Рядомъ съ агитаціей въ палатѣ католическое духовенство устраивало вездѣ, гдѣ могло, различныя манифестаціи. Дождемъ посыпались адреса, запечатлѣнные самыми рьяными католическими тенденціями,—адресы дамскіе, матерей, поселянъ, студентовъ правъ, каталонскаго дворянства и даже такого либеральнаго города, какъ Барселона! Въ палату поступила чудовищная петиція, покрытая 250,000 подписей, собранныхъ въ деревняхъ провинцій Паленція и Замора, гдѣ царить самое грубое невѣжество, гдѣ огромная масса населенія не училась грамотѣ. Составился даже адресъ „отъ дѣтей“, который пересылался изъ общины въ общину и подписывался по настоянію сельскихъ священниковъ. Эти дѣти, студенты, дамы, крестьяне съ угрозой требовали уничтоженія свободы вѣроисповѣданій. „Того требуютъ наши главныя традиціи, писали въ этихъ адресахъ,—требуется честь и достоинство Испаніи, требуется глубоко-религіозное чувство народа“. Подписавшіеся изъявляли надежду, что „просвѣщенному патріотизму кортесовъ они будутъ обязаны безцѣннымъ благомъ имѣть возможность сохранить и передать своимъ потомкамъ святое и богатое наслѣдство единства въ истинной вѣрѣ, унаслѣдованное ими отъ предковъ“.

Всѣ эти усилія были напрасны. Давленіе клерикаловъ на правительство разбилось о тотъ страхъ, который внушали ему Пруссія и Великобританія. Кановасъ не могъ пойти на уступку и потому твердо настаивалъ до конца. Къ тому-же онъ имѣлъ въ палатѣ вполнѣ преданное ему большинство; на общихъ выборахъ онъ интриговалъ такъ успѣшно, что министерская партія почти вездѣ одержала побѣду. Министерство имѣло за себя въ палатѣ 226 голосовъ противъ 83 оппозиціонныхъ. Такимъ образомъ, кампанія клерикаловъ противъ закона о вѣротерпимости оказалась безуспѣшной.

Либералы торжествовали. „Это великая побѣда новаго общества, говорили они. — Когда такая католическая нація, какъ Испанія, рѣшительно вступаетъ на путь независимости отъ Ватикана и іезуитовъ и идетъ на всѣхъ парусахъ къ свободѣ, можно смѣло сказать, что клерикальная реакція поражена смертельно. Никогда, быть можетъ, клерикалы не испытывали такого жестокаго пораженія. Въ католическомъ мірѣ, можетъ быть, нѣтъ болѣе преданнаго римской куріи государя, какъ король Альфонсъ. Сынъ королевы Изабеллы, на-столько приверженной къ главѣ католической церкви, что она за свое благочестіе удостоилась полу-

чить отъ св. отца золотую розу,—молодой король, крестникъ папы, далъ Ватикану торжественное обѣщаніе, что Испанія по-прежнему будетъ ультрамонтанской. Король увѣрялъ, что Испанія уже потому будетъ настаивать на единствѣ католическаго исповѣданія, что этотъ спасительный принципъ въ другихъ странахъ уже не практикуется. Одна за другой всѣ другія европейскія страны его устранили, не исключая даже Австро-Венгріи, той вѣрной Венгріи, которая, подъ управленіемъ іезуитовъ, ревностно вела тридцатилѣтнюю войну въ защиту католицизма. Слѣдовательно, только на одну Испанію могъ рассчитывать Ватиканъ, но и она не оправдала надеждъ римской куріи“.

Мы привели подлинныя слова одной испанской либеральной газеты, служація отголоскомъ общаго настроенія либеральной партіи въ Испаніи, торжествовавшей свою побѣду. Послѣ событія прошло теперь болѣе восьми мѣсяцевъ и восторженное настроеніе все еще продолжается, все еще гудитъ эхо побѣдныхъ трубъ. Такой энтузіазмъ удивителенъ, смотря на него можно подумать, что битва была кровопролитная, а побѣда блистательная, чего въ дѣйствительности вовсе не было. Испанскіе либералы совсѣмъ не такіе герои свободы, а почтенный министръ Кановасъ-дель-Кастилья вовсе не такой ревностный защитникъ духа нашего времени, какими они себя изображаютъ.

Но пусть испанцы вѣрятъ, что засѣданіе кортесовъ 7 мая 1876 года останется великимъ памятникомъ въ исторіи XIX вѣка, — въ этомъ имъ никто мѣшать не будетъ. Одно можно сказать, что этотъ день былъ рѣшительнымъ днемъ для царствованія дон-Альфонса; въ этотъ день клерикальная партія объявила ему войну на смерть. Неудовольствіемъ клерикаловъ король Альфонсъ пренебрегать не можетъ; онъ вступилъ на престолъ съ ихъ помощью, безъ которой альфонсистская партія, слабая своей численностью, не могла-бы рѣшиться на серьезныя дѣйствія. Работая для Альфонса, клерикалы воображали, что плодами побѣды воспользуются прежде всего они сами. Видя, что дѣло дон-Карлоса становится сомнительнымъ, они помогли дон-Альфонсу, рассчитывая, что онъ будетъ еще сговорчивѣе и снисходительнѣе своего соперника. Но они не предусмотрѣли ловкости и изворотливости министра Кановаса. Несмотря на всѣ ихъ усилія, несмотря на интриги, обѣщанія и угрозы, правительство дон-Альфонса выдержало характеръ, къ чему, какъ мы видѣли, оно было вынуждено тѣмъ положеніемъ, которое приняла Великобританія въ вопросѣ о вѣротерпимости, а вовсе не руководилось либеральными принципами. Клерикалы не забываютъ пораженій, и потому, несмотря на то, что Альфонсъ—крестникъ самого папы, патеры уже стали интриго-

вать противъ него, они уже объявляютъ его другомъ еретиковъ, а отсюда прямой выводъ, что онъ врагъ папы,—слѣдовательно, клерикалы обязаны избрать своимъ лозунгомъ вражду къ нему. Не легко—вопросъ еще, возможно-ли—будетъ королю Альфонсу разстроить ковы своихъ заматерѣвшихъ въ интригахъ, опасныхъ враговъ!

„Но, возражаютъ испанцы-энтузіасты,—какъ ни могущественны клерикалы въ Испаніи, однакожь и либералы обладаютъ значительной силой. Король Альфонсъ можетъ тѣсно соединиться съ либералами и тогда его царствованіе дастъ блестящіе результаты; онъ поразитъ всякое сопротивленіе злобствующихъ на него обскурантовъ, возвыситъ Испанію во внѣшнихъ сношеніяхъ, устроитъ миръ и благосостояніе внутри; Испанія...“

Безполезно далѣе развивать програму, привлекательную въ теоріи, но совершенно неисполнимую на практикѣ. Испанскіе либералы,—да одни-ли испанскіе!—всегда сочиняютъ удивительныя програмы, но никогда ихъ не исполняютъ. Къ тому-же самъ дон-Альфонсъ не хочетъ и никогда не желалъ дѣйствовать заодно съ либералами, къ которымъ онъ не питаетъ расположенія. Онъ симпатизируетъ только клерикаламъ. Онъ всегда былъ и останется клерикаломъ въ душѣ; онъ воспитывался подъ вліяніемъ іезуитовъ, на основаніи принциповъ, выраженныхъ въ папскомъ силлабусѣ. Патеры объявили ему войну, но онъ не хочетъ вѣрить въ дѣйствительность разлада; онъ надѣется, что еще возможно устранить вражду; ему жаль разстаться съ клерикалами, потому что онъ только имъ сочувствуетъ, только съ ними искрененъ. Не желая раздражать англичанъ, Альфонсъ и его министры по-необходимости должны были соединиться съ либералами и отстаивать законъ о вѣротерпимости. Но, соблюдая наружныя приличія, они сочли, что болѣе отъ нихъ нельзя требовать, и поспѣшили доказать, что вся эта игра въ либерализмъ была комедіей, что либералы одурачены, а протестантовъ слѣдуетъ считать почти врагами общества. Послѣдовавшими одинъ за другимъ королевскими декретами, подъ предлогомъ регламентаціи, уничтожалась постепенно принятая кортесами вѣротерпимость и свобода протестантскаго богослуженія почти совершенно отмѣнялась. Такой-то іезуитской тактикой Кановасъ рассчитывалъ примирить Альфонса съ іезуитами.

Понятно, что послѣ изданія этихъ дополнительныхъ распоряженій, уничтожавшихъ силу закона, для разъясненія котораго они были изданы, факты религіозной нетерпимости въ отношеніи диссидентовъ стали повторяться все чаще и чаще: провинціальныя власти стали запрещать печатаніе публикацій о протестантскихъ школахъ, не позволяли семейству и друзьямъ диссидента провожать его на кладбище, привратники и школьные учителя обязаны под-

пискою не провожать воспитанниковъ къ ихъ родителямъ-протестантамъ. Такія распоряженія были, конечно, почти равносильны закрытію протестантскихъ храмовъ и школъ. На протесты консуловъ и посланниковъ правительство отвѣчало: „можно ли вѣрить сплотнямъ привратниковъ и болтовнѣ дворниковъ? Мы включили въ нашу конституцію статью о вѣротерпимости для всѣхъ диссидентскихъ исповѣданій. Чего-же вы еще хотите?“ Епископъ Болеарскихъ острововъ исключилъ изъ общественной школы сына м-ра Робинзона, консула Соединенныхъ Штатовъ, по единственной причинѣ, что отецъ ребенка протестантъ. Этотъ-же прелать приказалъ замазать на стѣнахъ школы имена Фараде, Коперника, Дженнера и даже невиннаго музыканта Россини, который будто-бы держался слишкомъ мірскихъ воззрѣній. Все тотъ-же епископъ приказалъ лишить религіознаго погребенія нѣкоего Брисольва по подозрѣнію, что тотъ былъ франкъ-масономъ. Это распоряженіе покажется еще болѣе страннымъ, если мы скажемъ, что Брисольва передъ смертью исполнилъ всѣ обязанности, какія возлагаетъ на вѣрующаго римско-католическая церковь. Брисольва воздвигнулъ на католическомъ кладбищѣ мавзолей для себя и своего семейства. Но все было тщетно. Его тѣло получило пристанище не на католическомъ, а на протестантскомъ кладбищѣ. Какая разница съ тѣмъ, что происходитъ во Франціи и въ сосѣднихъ съ нею странахъ, гдѣ семейства свободныхъ мыслителей и франкъ-масоновъ съ большимъ трудомъ избавляются отъ вмѣшательства патеровъ, которые гдѣ хитростью, а гдѣ силой пристають къ погребальному шествію и хоронятъ умершихъ съ религіозными церемоніями! Эта разница въ дѣйствіяхъ священниковъ въ двухъ сосѣднихъ странахъ объясняется тѣмъ, что во Франціи число случаевъ безобразнаго, такъ-называемаго гражданскаго погребенія съ каждымъ днемъ увеличивается, а духовенству желательно остановить это увеличеніе. Въ Испаніи-же самое сильное оружіе для духовенства, поражающее умы населенія, заключается въ отказѣ погребенія. До тѣхъ поръ, пока это оружіе будетъ дѣйствительнымъ, духовенство не откажется употреблять его.

Стремленіе къ водворенію нетерпимости усилило нѣсколько ослабѣвшій было католическій фанатизмъ въ Испаніи. Одно событіе произвело сильное впечатлѣніе и едва не привело къ серьезнымъ дипломатическимъ затрудненіямъ. Толпа фанатиковъ, возбужденныхъ церковнымъ старостой, стала кидать камнями въ англійскихъ дѣвушекъ, шедшихъ вмѣстѣ въ свою церковь. Узнавъ объ этой дикой выходкѣ, англійскій посланникъ обратился съ настоятельнымъ требованіемъ къ Кановасу о разясненіи прискорбнаго случая. Испанскій министръ отвѣтилъ ему, что не стоитъ обра-

щать вниманія на подобные пустяки; онъ объяснялъ этотъ случай ошибкой. Невѣжественная толпа будто-бы приняла за политическую демонстрацію, враждебную правительству, скромное путешествіе въ церковь, въ сопровожденіи гувернантокъ, англійскихъ миссъ, весьма прилично одѣтыхъ, но съ распущенными по плечамъ русыми волосами. Вотъ эти-то распущенные волосы и послужили поводомъ къ скандалу.

Кановасъ не замедлилъ придратъся къ этому прискорбному случаю и снова торжественно заявилъ о намѣреніи правительства точно исполнять законъ о вѣротерпимости; въ такомъ-же духѣ былъ написанъ имъ циркуляръ, разосланный представителямъ Испаніи за границей, но только въ этомъ циркулярѣ онъ настаивалъ на правѣ испанскаго правительства запрещать всѣ „внѣшнія манифестаціи“ для другихъ исповѣданій, кромѣ католическаго. Но мы знаемъ уже, что въ Испаніи разумѣтся подъ именемъ „внѣшней манифестаціи“. Леди, идущая въ англиканскую церковь и неспрятавшая изъ предосторожности своихъ длинныхъ русыхъ волосъ отъ постороннихъ глазъ, производитъ, по мнѣнію испанскихъ клерикаловъ, не только „внѣшнюю манифестацію“, но даже вводитъ въ соблазнъ цѣломудренныхъ католическихъ патеровъ. Исходя изъ этой теоріи и раздражая населеніе, можно зайти очень далеко. Гораздо проще и ужъ во всякомъ случаѣ искреннѣе было-бы распоряженіемъ правительства закрыть часовню англиканскаго исповѣданія, на которую злобно косятся католическіе патеры.

Вскорѣ послѣ случая съ англійскими миссъ испанское правительство, торжественно заявлявшее, что оно желаетъ окончательно утвердить въ Испаніи вѣротерпимость, приняло мѣры, равносильныя совершенному уничтоженію ея. Въ концѣ октября прошлаго года въ „Официальной мадридской газетѣ“ появился правительственный циркуляръ, которымъ запрещались „всѣ процесіи внѣ храмовъ и кладбищъ, которые одни только неприкосновенны“. Такимъ образомъ протестантамъ объявлялось, что правительство въ состояніи покровительствовать имъ только внутри храмовъ и кладбищъ, внѣ-же ихъ оно ни за что не отвѣчаетъ; оно какъ-бы совѣтуетъ имъ принимать мѣры предосторожности во время пути ихъ въ церковь и обратно и быть готовыми на всякія случайности. „Публичными процесіями, объявляется далѣе въ циркулярѣ, — признаются дѣйствія, совершенныя на публичной дорогѣ и на внѣшнихъ стѣнахъ храмовъ и кладбищъ, т. е. религиозныя церемоніи, обряды, процесіи, объявленія, вывѣшиваемыя на стѣнахъ, флаги, эмблемы и т. п. Лица, завѣдующія распредѣленіемъ богослуженія въ ино-вѣрческихъ храмахъ, обязаны за 48 часовъ предупреждать установленныя власти объ открытіи храмовъ и кладбищъ и тотчасъ-же

сообщить полиціи ихъ адреса и имена... Школы, открытыя для дѣтей иновѣрцевъ, считаются независимыми въ юридическомъ отношеніи отъ церквей. Директорами ихъ должны быть непременно испанцы по происхожденію, получившіе въ Испаніи-же ученое званіе. Собранія въ храмахъ и кладбищахъ неприкосновенны, но собранія въ школахъ не дозволяются. Всякое собраніе, незаручившееся письменнымъ разрѣшеніемъ правительства, которое дается, какъ отвѣтъ на постукившее законнымъ путемъ прошеніе, будетъ силой разсѣяно“.

Послѣ такого циркуляра можно спросить Кановаса, изъ-за чего же онъ поссорилъ своего короля Альфонса XII съ клерикальной партіей, что можетъ имѣть для альфонсистской монархіи весьма непріятныя послѣдствія? Либеральный испанскій министръ сумѣлъ возбудить къ себѣ неудовольствіе всѣхъ: онъ оскорбилъ клериковъ, настаивая на вѣротерпимости; на-столько-же оскорбилъ либераловъ и нѣкоторые иностранныя кабинеты, преслѣдуя протестантовъ. Пословица говоритъ: „у кого много ума, тотъ долго не проживетъ“.

II.

Клерикалы приняли брошенный имъ вызовъ закономъ о вѣротерпимости. Прелаты и патеры съ кафедръ стали громить нечестіе нашего вѣка, которое взято подъ защиту правительствомъ. Исповѣдальня, какъ и всегда, явилась могучимъ орудіемъ въ рукахъ католическаго духовенства. Испанское духовенство тотчасъ-же публично заявило свой протестъ устройствомъ пилигримства въ громаднхъ размѣрахъ въ Римъ; ревностные правовѣрные должны были принести жалобу святѣйшему отцу на отсутствіе благочестія въ своемъ правительствѣ, открывшемъ доступъ нечестивцамъ въ страну, искони славящуюся своимъ правовѣріемъ. Какъ только духовенство кликнуло кличъ, со всѣхъ сторонъ явились желающіе ѣхать въ Римъ, одни на свои средства, другіе — на пожертвованныя. Духовенство сочло нецѣлесообразнымъ пустить всю эту массу желающихъ, оно сдѣлало изъ нихъ выборъ и приступило къ организаціи депутацій, что совершило съ обычнымъ искусствомъ. Оно организовало депутаціи изъ провинціального дворянства, изъ высшей и низшей буржуазіи, изъ пролетаріата и крестьянъ, изъ различныхъ братствъ и даже изъ нищихъ. Каждая депутація отправлялась въ Римъ отдѣльно въ назначенный для того день по различнымъ дорогамъ, моремъ и сухимъ путемъ. Первой станціей для отправившихся сухимъ путемъ былъ назначенъ храмъ Лурдской

Божьей матери. Отъѣзжающихъ духовенство, въ торжественной процесіи, съ хоругвями, пѣвчими, трубами и литаврами, напутствовало пѣніемъ псалмовъ, литією и гимномъ въ честь Сердца Иисусова. Процесія духовенства сопровождалась процесіей молодыхъ дѣвушекъ, за которыми шли замужнія женщины, потомъ юноши; пожилые мужчины замыкали шествіе. Въ каждой провинціи паломничествомъ руководилъ самъ епархіальный епископъ; его викаріи и каноники составляли его главный штабъ. Въ его непосредственномъ распоряженіи находилась комисія, занимавшаяся сборомъ и распредѣленіемъ пожертвованій въ пользу пилигримства. Такимъ образомъ, въ Испаніи образовалось восемь корпусовъ арміи, состоящихъ подъ предводительствомъ восьми прелатовъ. Архіепископъ гренадскій былъ избранъ генералисимусомъ святой арміи, „Готфридомъ Бульонскимъ“ новаго крестоваго похода. Либералы вздумали помѣшать этимъ манифестаціямъ, но трудно было справиться съ компактной массой хорошо организованныхъ пилигримовъ. Свистки и даже пинки либераловъ не производили никакого дѣйствія. Видя, что дѣло приняло очень серьезный оборотъ, либералы потребовали у правительства, чтобы оно запретило эти манифестаціи, направленные прямо противъ него. Но министерство не было на-столько честно, чтобы могло дѣйствовать откровенно; не осмѣлившись рѣшительно запретить пилигримство, оно, какъ всегда, ограничилось полумѣрами; оно объявило, что штрафуетъ суммой полумѣсячнаго жалованья священниковъ, которые проповѣдывали пилигримство съ церковныхъ кафедръ или принимали участіе въ самомъ пилигримствѣ. Конечно, такая угроза не могла произвести никакого дѣйствія на богатыхъ патеровъ, терявшихъ слишкомъ ничтожную часть своего дохода, тѣмъ болѣе, что эта потеря была немедленно пополнена усердными прихожанами, которые дали возможность патерамъ путешествовать съ комфортомъ, увидеть папу и великолѣпіе Рима, и удовольствіе досадить правительству. Но даже и объявленной угрозы правительство не осмѣлилось исполнить. Патеры такъ громко кричали о тиранствѣ и святотатствѣ правительства, что Кановасъ совсѣмъ смирился.

Это и подобныя ему паломничества напоминаютъ средніе вѣка; но только путь въ Римъ совершается теперь въ вагонахъ и на пароходахъ, а не по способу пѣшаго хожденія. Противъ комфортабельнаго путешествія вооружились самые рьяные изъ рьяныхъ католиковъ, находящіе, что для священной цѣли можно примириться съ неудобствами пѣшеходнаго передвиженія; они отправлялись въ Римъ пѣшкомъ, въ образѣ нищихъ, какъ повелѣваетъ традиція. Въ Галліи пропаганда пѣшеходнаго паломничества вызвала пылкій энтузіазмъ. Явился проповѣдникъ, одѣтый въ балахонъ изъ рогажи;

онъ переходилъ изъ села въ село, возвѣщая пришествіе царствія Божія, торжество религіи, утвержденіе международнаго братства и христіанства, возрожденнаго подъ скипетромъ папы, короля свѣтскаго и духовнаго. Этотъ фанатикъ говорилъ краснорѣчиво и безъискусственно. Много горныхъ жителей оставили свои хижины и послѣдовали за нимъ. Что случилось далѣе съ этимъ проповѣдникомъ, мы не знаемъ; жаль, что газеты, извѣстившія о его появленіи, не сообщили о дальнѣйшихъ результатахъ его дѣятельности.

14 октября большая часть набожной арміи уже была собравшись въ Римѣ. На другой день добровольные странники предстали передъ папой, принявшимъ ихъ въ соборѣ св. Петра, впускъ въ который для постороннихъ, иначе какъ по билетамъ, былъ воспрещенъ. Испанцевъ, представлявшихъ папѣ, было почти 6,000 человекъ, но въ громадномъ римскомъ соборѣ не было замѣтно тѣсноты. Пилигримы, подъ предводительствомъ своихъ начальниковъ, колоннами вошли въ храмъ, проходя между двумя рядами папскихъ милиціонеровъ. За ними вошли итальянцы и иностранцы, имѣющіе пригласительные билеты. Нѣкоторые либеральные журналисты, попробовавшіе пройти между святыми фалангами, были со стыдомъ выгнаны. Маркизь де-Коэлло, уполномоченный посоль короля Испаніи, вышелъ изъ ватиканскаго дворца вмѣстѣ со свитою папы. Онъ не былъ приглашенъ и хотѣлъ пройти незамѣтно, но его хитрость была открыта, папскіе агенты его узнали:

— „Кто вы такой? спросилъ его стражъ.

— „Я посоль Испаніи.

— „Нельзя проходить.

— „Но сегодня представляются св. отцу испанцы, а я представитель его величества Альфонса XII.

— „Мы не знаемъ его величества Альфонса XII“.

Маркизь, несмотря на отказъ, все-таки желалъ взойти, то алебардчики пиками загородили ему дорогу. Его секретарь, желая выразить протестъ, началъ говорить громко, но былъ схваченъ за шиворотъ дюжими швейцарцами и вытолканъ или, правильнѣе, выброшенъ на гауптвахту, которую за нимъ сейчасъ-же затворили. Видя такія рѣшительныя дѣйствія папской стражи, маркизь де-Коэлло, посоль Альфонса XII, счелъ за лучшее уйти домой.

Организаторы церемоніи, затворяя двери для непосвященныхъ, желали этимъ досадить королю Италиі Виктору-Эмануилу, а вмѣстѣ съ нимъ, по-необходимости, и королю испанскому Альфонсу XII: они хотѣли показать, что манифестація направлена противъ этихъ

либеральныхъ монарховъ, недостаточно приверженныхъ къ св. отцу. Къ тому-же покойнѣе не пускать чужихъ. Нынче вѣкъ критическаго анализа; либералы способны осмѣять все, даже проявленіе дѣтскаго энтузіазма къ отцу вѣрующихъ. Свои-же сѣумѣютъ представить все въ надлежащемъ свѣтѣ.

Была, однакожь, и другая важная причина замкнутости церемоніи. Св. отецъ папа, состоя плѣнникомъ нечестивцевъ, понятно, не могъ принимать посѣтителей въ мѣстѣ, доступномъ для всѣхъ. Очевидно, если-бы всякій могъ войти въ тюрьму несчастнаго заключеннаго, какъ въ публичное мѣсто, самъ заключенный такъ-же-бы легко могъ уйти, какъ и его посѣтители. За пилигримами заперли дверь засовомъ, за тѣмъ, чтобы они не сомнѣвались, что папскій дворецъ, соединенный съ соборомъ св. Петра, есть настоящій домъ заключенія. Предъ этими простаками повелитель католиковъ явился окруженный своей знатной свитой, алебардщиками и швейцарцами, разодѣтыми въ шелкъ и бархатъ пурпуроваго, бѣлаго и желтаго цвѣтовъ. При входѣ его святѣйшества въ храмъ ударили въ колокола и своды собора огласились побѣднымъ пѣніемъ. Онъ сѣлъ на свой мраморный съ позолотой тронъ, осѣненный балдахиномъ; толпа кадилъщиковъ скрывала его въ облакахъ фиміама, на фонѣ которыхъ выдѣлялась его бѣлая одежда и сѣдая голова, сіяющая довольствомъ. Ему поклонялись, какъ существу высшему, неземному. Все это служило доказательствомъ, что католическая церковь терпитъ преслѣдованія и угнетенія, а бѣдный оскорбленный, униженный, покинутый плѣнникъ Пій IX—жертва нечестивцевъ. Испанскіе пилигримы уѣхали съ этимъ убѣжденіемъ и распространяли его въ своемъ отечествѣ; они рассказывали о всѣхъ несчастіяхъ его святѣйшества и изумленные слушатели не знали, чему болѣе удивляться: великолѣпію-ли Рима, блеску-ли апостольскихъ гробницъ или ангельскому терпѣнію и невыразимой кротости главы католической церкви, котораго свергли въ львиный вертепъ. Разказъ о бѣдствіяхъ великаго узника передавался съ рыданіями и на лицахъ умиленныхъ слушателей обильно капали слезы.

Нечего и говорить, что всѣ клерикальныя газеты одна за другой самыми поразительными красками описали это представленіе папѣ испанскихъ пилигримовъ. Возьмемъ на выдержку статью „Monde“, официальной газеты іезуитовъ. „Въ это утро, пишутъ въ ней,—въ соборѣ, посвященномъ главному изъ апостоловъ, совершилась величественная демонстрація во имя вѣры и любви къ св. престолу, какой не бывало никогда въ столицѣ папства. Пять или шесть тысячъ пилигримовъ подъ сводами храма св. Петра своимъ священнымъ восторгомъ, цѣлю своего странствія свидѣтельствовали

о непоколебимой силѣ католицизма, объ его энергіи и дѣятельности. Такая дѣятельность особенно почтенна въ виду тѣхъ суровыхъ преслѣдованій, какимъ подвергаются защитники религіи.

„Это были пилигримы католической Испаніи, отъ имени всей народной массы провозглашавшіе единство религіи и правъ ея, противъ которыхъ возстаетъ революціонная распущенность. Надъ этой громадной толпою возвышались старинныя знамена испанскихъ провинцій. Я насчиталъ ихъ 12. Впереди пилигримовъ стояли ихъ высокопреосвященства: монсиньеръ Монзонъ-и-Мартинсъ, архіепископъ гренадскій, монсиньеръ Занцъ-и-Торесъ, епископъ оведскій и монсиньеръ Коломеръ-и-Местръ, епископъ сонцовскій, и другіе прелаты.

„Когда папа появился въ соборѣ, его встрѣтили восклицаніями, долгое время потрясавшими своды храма: „Да здравствуетъ Пій IX! Вивать непогрѣшимый папа! Да здравствуетъ первосвященникъ и король! Да здравствуетъ защитникъ нашей единой католической церкви!“

„Его святѣйшеству предшествовали гвардейцы-швейцарцы и гвардейцы полка знатныхъ дворянъ, а также цвѣтъ римскаго патриціата. За нимъ шли семнадцать кардиналовъ, пятнадцать епископовъ и множество прелатовъ. Между кардиналами я замѣтилъ архіепископа парижскаго, монсиньера Гиберта, уже третій день находившагося въ Римѣ. Во главѣ римскихъ патриціевъ, предшествовавшихъ папѣ, находился его свѣтлость князь Филиппъ Орсини, который въ послѣднее время имѣлъ несчастье скандализировать вѣрныхъ Гима своей связью, болѣе или менѣе явной, съ правительствомъ похитителя папской власти. Къ счастью, князь вскорѣ понялъ свое заблужденіе и явился съ повинною; папа не только принялъ его въ свои отеческія объятія, но и возстановилъ въ его прежней должности при папскомъ престолѣ.

„Когда св. отецъ возсѣлъ на престолъ, а свита его и прелаты съ трудомъ остановили восторженные восклицанія пилигримовъ, монсиньеръ архіепископъ гренадскій прочелъ отъ имени присутствующихъ адресъ на испанскомъ языкѣ“.

Далѣе разсказывается, что архіепископъ представилъ св. отцу въ подарокъ знамя, прострѣленное пулями и сохранявшееся въ одной изъ церквей Каталоніи со времени лепонтской побѣды надъ турками. Архіепископъ представилъ папѣ пилигримовъ, какъ авангардъ св. арміи, собранной для истребленія не только мусульманъ, но и всякихъ другихъ невѣрныхъ, и для утвержденія во всемъ мірѣ божественнаго права, а прежде всего возстановленія свѣтской власти папы. Длинная рѣчь испанскаго прелата была рѣзкимъ протестомъ противъ присутствія Виктора-Эмануила въ Римѣ.

„На воинственную рѣчь гренадскаго архіепископа, пишутъ далѣе

въ „Monde“,—папа отвѣчалъ очень умѣренно. Кротко, умиленно поблагодарилъ онъ пилигримовъ за утѣшеніе, доставленное ему ихъ ревностью, послѣ долгихъ испытаній, выпавшихъ на его долю вслѣдствіе ослѣпленія и вѣроломства тѣхъ, которые подъ руководствомъ страстей, ненависти и низкихъ вождедѣній ничѣмъ недовольны, они ненасытны, имъ всего мало, потому что они ведутъ борьбу съ Богомъ и церковью, расхищаютъ ея собственность и всѣми возможными средствами и постоянно притѣсняють истинныхъ католиковъ. Далѣе папа похвалилъ Испанію за ея вѣру и мужество, истинно-достойныя апостольскихъ временъ. Папа сдѣлалъ уподобленіе, сильно польстившее его слушателямъ; онъ предложилъ имъ употреблять противъ „быковъ революціи“ тѣ средства, какими усмиряють животныхъ во время боя быковъ ихъ тореадоры и пикадоры, вооруженные пиками, шпагами, дротиками, красными значками и ракетами. Они подвигаются плечо къ плечу, медленно, но стойко, и передъ ихъ сплоченными рядами и ужаснымъ оружіемъ устрешенный буйволъ отступаетъ съ ревомъ въ глубину арены и падаетъ подъ ихъ сильными ударами“.

Потомъ папа, поднявъ руки къ небу, благословилъ „съ растроганнымъ сердцемъ“ распростертыхъ у его ногъ присутствующихъ и цѣлюю Испанію. Этого благословенія особенно жаждали пилигримы,—для него они и отправились въ добровольное странствіе. Они вѣрили, что получившій благословеніе отъ викарія Иисуса Христа получаетъ отпущеніе грѣховъ и можетъ надѣяться на спасеніе. Къ великому акту полученія благословенія папы пилигримы навзничъ были приготовлены принятіемъ причастія въ римскихъ церквяхъ, которое, по словамъ газеты „Monde“, они получили отъ 1,500 испанскихъ священниковъ.

Получивъ благословеніе, пилигримы отправились въ покои Ватикана для представленія подарковъ св. отцу. Прелаты вручили подарки, прибрѣтенные на суммы, собранныя общественной подпиской. Спеціальныя депутаціи и отдѣльныя личности, принесли дорогія вещи, были удостоены чести поднести ихъ лично. Нѣсколько ничего недѣлающихъ богатыхъ наслѣдниковъ поднесли папѣ серебряную вазу, одинъ металл которой стоилъ 140,000 реаловъ (8,106 руб.) и вѣсилъ 175 килограммовъ (420 фунт.); ваза была наполнена монетами. Одна дама изъ Мадрида подарила кошелекъ изъ серебряныхъ колець, въ который была вложена монета цѣнностью въ 120,000 реаловъ. Дамы-аристократки провинціи Андалузій въ красивыхъ ящичкахъ прислали два миліона реаловъ (115,800 руб.). Какаѣ-то графиня положила къ стопамъ папы 74,000 золотыхъ дуру (92,500 руб.). Эти добровольныя контрибу-

ці для приращенія лепты св. Петра собирались безъ всякаго затрудненія. Въ то-же время испанское правительство вынуждено было прикрывать сборщиковъ податей надежной военной стражей, иначе они подвергались опасности заплатить своей жизнью за точное исполненіе служебныхъ обязанностей.

Для полноты нашего разсказа мы должны прибавить, что къ пилигримамъ присоединилась толпа фальшивыхъ монетчиковъ, пожелавшая распространить въ Римѣ продукты своего ремесла, которыми были уже наводнены испанскіе рынки. Также во время пребывания пилигримовъ въ Римѣ случилось неприятое обстоятельство: нѣкоторые патеры, кассиры своихъ священныхъ батальоновъ, внезапно исчезли съ общественной кассой, оставивъ въ затруднительномъ положеніи своихъ слишкомъ довѣрчивыхъ прихожанъ, которые въ Вентимили должны были спать подъ открытымъ небомъ, не имѣя возможности заплатить за ночлегъ въ какой-нибудь гостинницѣ.

Мы довольно подробно разсказали о пилигримствѣ испанскихъ католиковъ, потому что оно прекрасно характеризуетъ состояніе католицизма въ Испаніи и показываетъ, до какой степени религія можетъ сильно дѣйствовать на умы. Въ статьѣ „Религіозныя секты въ Америкѣ“ (ЖМ 2-й, 3-й и 5-й „Дѣла“ 1876 года), въ главѣ „Пробуждающіеся“, мы выяснили, къ какимъ средствамъ прибѣгали американскіе проповѣдники Занки и Муди для возбужденія въ толпѣ крайнихъ религіозныхъ чувствъ. Почему-же такъ легко доставался имъ успѣхъ? Потому, что толпа, какъ коллективная единица, обладаетъ иными качествами, чѣмъ отдѣльныя личности, изъ которыхъ она состоитъ. Толпа подобна женщинѣ; она мало разсуждаетъ; она руководится страстью и чувствительностью. Чѣмъ многочисленнѣе толпа, тѣмъ сильнѣе возбуждается въ ней чувствительность, которая, какъ вообще у нѣжныхъ организмовъ, часто сопровождается истерикой и изступленіемъ: нервы раздражаются, возбужденіе воспламеняется и организмъ становится воспріимчивымъ къ принятію всего, на чемъ лежитъ печать таинственности. Въ различныхъ вѣкахъ и въ различныхъ религіяхъ энтузіазмъ внѣшнимъ образомъ выражался и выражается иначе, но побужденія къ этому энтузіазму имѣютъ одинаковое происхожденіе. Католики предпочитаютъ пилигримство: они собираются въ Лурдѣ, въ Салеттѣ, ходятъ на поклоненіе папѣ въ Римѣ. Американскіе методисты устраиваютъ „полевые митинги“, на которыхъ религіозный энтузі-

азмъ проявляется въ высочайшей степени. Намъ удивляетъ, однакожь, что возбужденіе католиковъ, надъ которымъ такъ много трудились испанскіе прелаты и патеры, не вызвало тѣхъ послѣдствій, на которыя можно было разсчитывать. Пилигримство въ Римъ энтузіастовъ-андалузцевъ, страстныхъ дочерей Валенсіи, наивныхъ мурсійцевъ, грубыхъ арагонцевъ и свирѣпыхъ галисійцевъ, воодушевленныхъ пылкими рѣчами и общественными молитвами, не произвело ни малѣйшаго чуда, ни даже простыхъ припадковъ восторга! Во Флоридѣ или Арканзасѣ въ праздникъ Воскресенья Христова негры собираются обыкновенно для общественныхъ молитвъ въ количествѣ 400 или 500 человекъ и здѣсь подъемъ энтузіазма бываетъ несравненно высшій, чѣмъ тотъ, какой былъ произведенъ пилигримствомъ испанцевъ въ Римъ. Не значить-ли это, что испанскіе прелаты и патеры не умѣютъ дѣйствовать на массу такъ обаятельно, какъ дѣйствуютъ американскіе протестантскіе проповѣдники? По всей вѣроятности, это такъ; къ тому-же папа—реальность, которую можно ощущать и видѣть не умственными очами, а тѣлесными глазами; онъ международная знаменитость. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ возбуждаетъ въ вѣрующихъ почтеніе, но еще болѣе любопытство; между тѣмъ любопытство—страсть умственная, а не сердечное чувство. При томъ-же Римъ слишкомъ красивый, слишкомъ артистическій городъ, чтобы прибывшіе въ него пилигримы могли сосредоточиться на одномъ религіозномъ чувствѣ; ихъ собираютъ въ величественный храмъ св. Петра, гдѣ бьютъ въ глаза чудеса искусства; неудивительно, что пилигримы развлекаются и не отдаются всецѣло молитвѣ. Вотъ если-бъ архіепископъ гренадскій повелъ эту толпу пилигримовъ въ пустыню, гдѣ имъ пришлось-бы переносить усталость и лишенія, дѣйствіе его проповѣди было-бы иное. Тамъ подъемъ энтузіазма и религіозной экзальтаціи дошелъ-бы до крайнихъ своихъ предѣловъ. Комфортъ, буржуазныя удобства и вульгарная роскошь во время пути пилигримовъ,—вотъ что болѣе всего охлаждаетъ ихъ религіозный энтузіазмъ. Желѣзныя дороги, пароходы, отели, рестораны предлагаются въ наше время къ услугамъ пилигримовъ. Въ доброе старое время было не такъ: пилигримъ терпѣлъ усталость, голодь, жажду, онъ подвергался различнымъ опасностямъ во время пути. На тѣ деньги, которыя тратятся теперь на богомольныя путешествія, въ средніе вѣка можно было привести въ движеніе всю Европу, можно было-бы получить самые рѣшительные результаты. Богомольныя путешествія въ наше время, стоящія громаднхъ денегъ, ничтожны по сравненію даже съ тѣми средневѣковыми пилигримствами, которыя требовали самыхъ ничтожныхъ затратъ. Устроителямъ испанскаго пилигримства слѣдовало-

бы внимательно прочесть исторію крестовыхъ походовъ: тогда они, вѣроятно, поняли-бы, въ чемъ заключается ихъ главная ошибка.

А какъ испанцы понимаютъ религію, можно судить по слѣдующему происшествію, случившемуся лѣтомъ 1876 года. Въ старой Кастиліи, къ которой принадлежитъ Мадридъ, стояла невыносимая жара, хлѣбъ желтѣлъ на корню и можно было опасаться, что пропадетъ вся жатва; къ довершенію бѣдствія саранча хозяйничала на поляхъ, несмотря на то, что надъ истребленіемъ ея трудилось все мѣстное населеніе и двадцати-тысячный отрядъ войска. Патрономъ мадридской епархіи считается св. Изидоръ и статуя его поставлена на Толедскомъ мосту въ Мадридѣ. Толпы богомольцевъ стали стекаться туда, умоляя святого о виспосланіи дождя. Все было тщетно, дождя не шло. Тогда раздраженные огородники, имѣющіе огороды въ окрестностяхъ Мадрида, собравшись на базарѣ, толпой двинулись къ Толедскому мосту и стали бросать въ статую Изидора камнями и ругаться самой отборной бранью. Черезъ день или два полилъ сильный дождь и продолжался нѣсколько дней. Мадридскіе лавочники терпѣли два дня, вздыхая, что по случаю дождя улицы пустыньны и торговли нѣтъ никакой. На третій день они стали браниться, на четвертый, подъ предводительствомъ старухи, торговли игрушками, отправились къ Толедскому мосту. Старуха торговала въ палаткѣ и, благодаря дождю, у нея попортилась часть ея картоннаго товара. Раздраженная, она стала бросать этимъ испорченнымъ товаромъ въ статую Изидора. Ея примѣру послѣдовали другіе лавочники и въ статую тучами полетѣли камни; нѣкоторые даже стали стрѣлять въ нее. Увидя такое поруганіе святого, который посылкой дождя спасъ ихъ поля и огороды, окрестные поселяне, бывшіе въ Мадридѣ, прибѣжали на защиту своего патрона; произошла драка; даже ножи были пущены въ дѣло. Полицейское начальство нашлось вынужденнымъ обратиться къ помощи жандармовъ, чтобы разнять враждующихъ, но и жандармы ничего не могли подѣлать. Только значительная военная сила разогнала разсвирѣпѣвшихъ борцовъ. На полѣ сраженія было поднято нѣсколько убитыхъ и раненныхъ.

Такъ-то понимаютъ свою религію испанцы. Но не надо забывать, что при такомъ дикомъ представленіи о ней, испанцы ставятъ ее во главѣ всего и очень опасно затрогивать ихъ со стороны религіи. Дон-Альфонсъ долженъ принимать это въ соображеніе и не слишкомъ ссориться съ клерикалами. Оставляя въ сторонѣ его личныя симпатіи, о которыхъ мы уже говорили, онъ, силой обстоятельствъ связанный съ либералами, при всякомъ случаѣ

старается, однакожь, дѣлать уступки клерикаламъ. Такъ поступилъ онъ и въ дѣлѣ объ оскорбленіи въ Римѣ посла его маркиза Коэлло, котораго не допустили присутствовать при представленіи папѣ испанскихъ пилигримовъ собственно потому, что онъ считался представителемъ короля Альфонса XII. Маркизь добивался приглашенія, но организаторы церемоніи отказали ему, хотя нашли возможнымъ допустить двѣ тысячи зрителей,—отказали, несмотря на то, что маркизь ревностный католикъ.

Какъ ни миролюбивъ король Альфонсъ, но онъ почувствовалъ оскорбленіе, ему нанесенное. Онъ телеграфировалъ архіепископу гренадскому, чтобы онъ не смѣлъ являться въ Испанію, если не извинится передъ посланникомъ. Архіепископъ получилъ депешу въ Генуѣ почти въ тотъ самый моментъ, когда онъ собирался сѣсть на пароходъ, отплывающій въ Испанію. Эта депеша его очень мало потревожила; онъ написалъ извинительное письмо маркизу Коэлло, въ которомъ говорилъ, что такъ-какъ испанское пилигримство не имѣло никакой связи съ политикой, то слѣдуетъ извинить устроителей церемоніи представленія пилигримовъ папѣ, что они забыли пригласить политическаго представителя Испаніи. Далѣе монсиньеръ варьируетъ на тему: „Мое царство не отъ міра сего“. Король имѣлъ слабость принять серьезно это слабое подобіе извиненія и не настаивалъ больше, что монсиньеру приличнѣе избрать мѣсто жительства внѣ Испаніи. Такимъ образомъ архіепископъ гренадскій спокойно возвратился въ Испанію и продолжаетъ быть главою враждебной правительству партіи на югѣ Испаніи.

Картагенскій епископъ пошелъ еще далѣе. Одинъ изъ священниковъ его епархіи во время службы провозгласилъ официальную фразу о дарованіи долгоденствія королю Альфонсу; епископъ сдѣлалъ патеру строгій выговоръ и запретилъ ему на будущее время молиться за короля. И ничего, епископу сошло съ рукъ такое оскорбленіе величества. Кановасъ-дель-Кастилья только крякнулъ съ досады, но не рѣшился принять никакихъ мѣръ противъ мятежнаго епископа.

Нельзя не согласиться, что правильно заключеніе одного француза, сказавшаго, что злѣйшіе враги монархіи въ Испаніи—сами монархисты. Клерикалы, придерживающіеся монархическихъ убѣжденій, не получивъ отъ честнаго, развитаго Амедея I того, что они просили у него, поклялись его низвергнуть и достигли своей цѣли. Теперь они употребляютъ всю силу своей интриги, чтобы вредить Альфонсу XII, и нельзя сказать, чтобы на этомъ пути они дѣйствовали безуспѣшно. Министры, подобные Кановасу-дель-Кастилья, менѣе всего способны найтись въ критическую минуту.

Ш.

Ничего вѣтъ удивительнаго, что карлизмъ сталъ снова поднимать свою слегка раненую голову. „Мое знамя только сложено, а не уничтожено, говоритъ дон-Карлосъ. — Если на моей сторонѣ будетъ половина духовенства въ баскскихъ провинціяхъ, я одержу побѣду. Мое положеніе съ каждымъ днемъ улучшается, потому что духовенство на всемъ пространствѣ Испаніи работаетъ въ мою пользу“. Такъ разсуждаетъ претендентъ, и едва-ли дон-Альфонсъ и Кановасъ въ состояніи будутъ опровергнуть его слова. Со времени паденія буржуазной республики по милости лучшаго оратора Испаніи, но человѣка съ сухимъ сердцемъ, Кастеляра, въ Испаніи существуютъ только двѣ партіи, имѣющія вѣру въ свои убѣжденія: партія пролетаріевъ-демократовъ и социалистовъ, настолько слабая численностію, что она можетъ только бунтовать, но произвести серьезнаго переворота не въ силахъ, и партія клерикальная, каѣлистская, въ послѣдніе мѣсяцы снова почувствовавшая свои силы. Буржуазная республика пала потому, что она была либеральна только на словахъ; альфонсистская монархія даже и на словахъ не либеральна, но не осмѣливается искренно соединиться съ клерикалами. Не будучи ни клерикальной, ни либеральной, она возбуждаетъ одинаковое неудовольствіе какъ въ клерикалахъ, такъ и въ либералахъ. Сидя между двухъ стульевъ, правительство Кановаса-дель-Кастилья лишено всякой инициативы, дѣятельность его парализована, оно не обладаетъ жизненной силой.

Только желая избавиться отъ утомившей ее до-нельзя гражданской войны, Испанія безпрекословно приняла государственный переворотъ, послѣдствіемъ котораго было учрежденіе монархіи Альфонса XII. Но едва прошло десять мѣсяцевъ со времени торжественнаго вступленія Альфонса въ Мадридъ послѣ побѣды надъ карлистами, какъ уже становится вѣроятнымъ, что должна вскорѣ снова вспыхнуть гражданская война въ провинціяхъ, гдѣ считали ее окончательно подавленной. Министерство сдѣлало большую ошибку, пожелавъ наказывать возставшія провинціи строже, чѣмъ оно въ состояніи было это сдѣлать. Оно захотѣло лишить ихъ мѣстной автономіи, какой онѣ пользовались съ незапамятныхъ временъ, гораздо ранѣе, чѣмъ соединились съ Испаніей. Эти провинціи никогда не были завоеваны; онѣ соединились съ Испаніей, какъ союзники, подъ условіемъ, что Испанія не тронетъ ихъ мѣстнаго управленія. „Испанія можетъ разорвать съ нами союзъ,

говорять онѣ, — и объявить намъ войну, но она не имѣетъ права вмѣшиваться въ наше самоуправленіе“. Въ собраніи юнты въ Гвипускоѣ даже былъ поставленъ вопросъ, не обратиться-ли къ покровительству котораго-нибудь изъ европейскихъ государствъ. Предложеніе это не было принято, но и не отвергнуто; обсужденіе его отложено до другого времени.

Испанія съ давнихъ поръ испытываетъ ужасы гражданскихъ войнъ. Со времени Карла V центральное мадридское правитель-ство пытается подвести подъ одинъ уровень управленіе провинціями, сильно различающимися между собою по языку, по обычаямъ и мѣстнымъ особенностямъ въ управленіи, но его попытки постоянно кончались неудачами; между правительствомъ и отдѣльными провинціями вѣчно возникали гражданскія войны, которыя тянулись годами, разоряя страну, уничтожая населеніе. Баскскія провинціи—Алава, Гвипускоя и Бискайя,—съ особенной ревностью стоятъ за свою мѣстную автономію; онѣ дружно ратуютъ за общую идею: сопротивленіе мадридской централизаціи, хотя какъ сами, такъ и общины, ихъ составляющія, значительно отличаются другъ отъ друга своими мѣстными особенностями; въ одной общинѣ управленіе аристократическое, въ другой—олигархическое, въ третьей—чисто-демократическое, но вездѣ населеніе одинаково стоитъ за выборное начало, за политическое и гражданское равенство и за личную свободу. Оно безпрекословно подчиняется своимъ провинціальнымъ юнтамъ и считаетъ Испанію, отъ которой отдѣлено таможенными, страной иностранной. Баскскія провинціи признали номинальное главенство Испаніи для того, чтобы избѣжать войны съ болѣе многочисленными арміями, чѣмъ ихъ. Онѣ были убѣждены, что испанской арміи трудно брать ихъ крѣпости, трудно бороться въ ихъ горахъ, но эти арміи причиняли имъ большой матеріальный ущербъ и онѣ предпочли союзъ съ своими сосѣдями. Освобожденное отъ рекрутской повинности, населеніе этихъ провинцій пользовалось исключительнымъ, привилегированнымъ положеніемъ не только въ Испаніи, но и во всей Европѣ. Испанскій король не имѣлъ права безъ ихъ особаго согласія располагать ихъ милиціей, ни ставить къ нимъ на квартиры испанскія войска. Подать, платимая ими Испаніи, была ничтожна. Гвипускоя и Алава вносятъ въ испанское казначейство ту сумму подати, какую онѣ платили въ XIV столѣтіи. Бискайя никакой податью не обложена, а платить испанскому королю время отъ времени сколько пожелаетъ, вносить такъ-называемую добровольную дань. Обложенное незначительною податью на общинныя нужды, населеніе баскскихъ провинцій, тратя свои деньги исключительно на собственныя нужды,

наслаждается рѣдкимъ благосостояніемъ, обладаетъ безпримѣрной свободой; богатство этихъ провинцій поразительно по сравненію съ сосѣдными, совершенно обнищавшими провинціями, хотя природа дала Испаніи все, чтобы ея населеніе могло пользоваться значительнымъ благосостояніемъ. Испанію постоянно губили гражданскія войны и дурная администрація.

Зачѣмъ-же баски, пользуясь привилегированнымъ, завиднымъ положеніемъ, вмѣшивались въ гражданскую войну? Почему они желали навязать Испаніи дон-Карлоса? На это они не имѣли никакого права, потому что сами считаютъ себя государствомъ отдѣльнымъ отъ Испаніи. Все несчастіе этихъ честныхъ, наивныхъ людей заключается въ томъ, что они исповѣдуютъ католицизмъ и католическое духовенство пользуется здѣсь громаднымъ вліяніемъ. Оно увѣрило своихъ прихожанъ, что консервативная монархія дон-Карлоса будетъ уважать ихъ привилегіи, а монархія, представляемая младшей линіей Бурбоновъ, либеральная и революціонная,—врагъ ихъ свободы и посадитъ къ нимъ своихъ чиновниковъ вмѣсто мѣстныхъ выборныхъ властей. Патеры лгали въ то время, когда говорили это, но теперь слова ихъ начинаютъ оправдываться. Послѣ побѣды надъ карлистами мадридское правительство объявило, что, въ наказаніе баскскимъ провинціямъ за ихъ содѣйствіе возмущенію, оно отнимаетъ у нихъ „фуэросы“. Мадридское правительство завоевало эти провинціи и примѣняетъ къ нимъ право завоеванія. Оно откровенно заявляло, что дѣлаетъ это потому еще, что другія испанскія провинціи завидуютъ свободѣ и привилегіямъ басковъ, которыми онѣ сами не пользуются. „Мы будемъ милосердными, говорилъ Кановасъ,—но мы вынуждены исполнять волю справедливо негодующей Испаніи“. Кановасъ старался всѣхъ увѣрить, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія о необходимости принятія этой мѣры, но долженъ, въ силу конституціи, подчиниться рѣшенію кортесовъ. Однакожь можно сомнѣваться въ справедливости словъ испанскаго премьера, зная, что большинство кортесовъ вполнѣ ему предано и не выходитъ изъ-подъ его воли.

21 іюля 1876 года послѣдовалъ декретъ короля Альфонса объ уничтоженіи фуэросовъ въ трехъ баскскихъ провинціяхъ, которыя были присоединены къ испанской монархіи на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ была присоединена къ ней Навара. Государство завладѣло общиннымъ имуществомъ, но за это обязалось поддерживать дороги, содержать школы и патерровъ.

Даже судя съ точки зрѣнія завоеванія, эту мѣру нельзя назвать справедливой. Въ возстаніи участвовало не все населеніе трехъ провинцій, а только горцы. Города и окрестныя съ ними деревни, на-

противъ, остались на сторонѣ правительства. Безъ ихъ помощи оно никогда не побѣдило-бы горцевъ. Героическій Бильбао, какъ его назвало само правительство, городъ баскскій. И другіе баскскіе города принесли много жертвъ въ пользу правительства. Они потеряли много людей и издержали массу денегъ, помогая правительству поборотъ горцевъ, такихъ-же басковъ, какъ и они сами. Въ награду за это Кановасъ лишаетъ ихъ дорогихъ имъ правъ и дѣлаетъ это по слѣдующимъ соображеніямъ: „горцы—мятежники, ихъ слѣдуетъ наказать, обложивъ ихъ налогомъ и рекрутской повинностью, отъ которыхъ они были освобождены. А такъ-какъ невозможно назначить это наказаніе, не распространивъ его на города, оказавшіе серьезныя услуги правительству, то пусть страдаютъ и они“. Такова логика испанскаго правительства.

Кановасъ рѣшился достигнуть цѣли двумя путями: силой и хитростью. Онъ объявилъ осадное положеніе въ баскскихъ провинціяхъ и въ Наваррѣ, помнившей, что и она нѣкогда имѣла свои фуэросы. Осадное положеніе, мало чувствительное въ горахъ, отразилось тяжело въ неповинныхъ городахъ. Военный начальникъ въ Бильбао въ преслѣдованіи мятежнаго духа дошелъ до того, что запретилъ пѣніе баскскихъ пѣсенъ; жители Бильбао, баски, не желая послушаться приказанія, стали насвистывать, а не пѣть пѣсни. Хитрость-же Кановаса заключалась въ томъ, что онъ вздумалъ поддерживать вражду между горожанами и горцами, избавивъ городскихъ жителей на 12 лѣтъ отъ нѣкоторыхъ налоговъ, съ особенной строгостью собирающихся съ горцевъ. Но эта полумѣра вызвала неудовольствіе и въ испанцахъ, обвинявшихъ своего министра въ слабости къ мятежникамъ, и въ самихъ баскахъ; баскскіе города рѣшительно отказались воспользоваться министерской милостью; они не захотѣли оставаться въ привилегированномъ положеніи въ сравненіи съ своими земляками.

Своими искусными мѣрами Кановасъ достигъ только того, что раздѣленіе, существовавшее въ баскскихъ провинціяхъ во время гражданской войны, совершенно сгладилось; жители городовъ и селъ и горцы соединились въ одномъ чувствѣ: недовольства альфонсистской монархіей. Уже на стѣнахъ церквей, какъ передъ каждой гражданской войной, стали приклеивать объявленія, призывающія къ оружію басковъ и наварцевъ. „Фуэросы не существуютъ! пишутъ въ одной изъ такихъ прокламацій. — Мы ихъ завоюемъ; силой штыка мы разрушимъ незаконное дѣло кортесовъ. Возстаньте-же, баски! Покинемъ наши мелкія домашнія распри въ виду опасности, угрожающей нашимъ учрежденіямъ, спасемъ нашу свободу и наши права!“

Въ засѣданіи кортесовъ одинъ изъ баскскихъ депутатовъ отвѣчалъ Кановасу: „Вы отнимаете у насъ наши фуэросы! Ну, что-жь, мы ихъ снова завоюемъ“. Муниципалитеты въ провинціяхъ Алабѣ, Гвипускоѣ и Бискайѣ массами представляютъ просьбы объ отставкѣ, которыхъ правительство принимать не хочетъ. Несмотря ни на какія угрозы, муниципальные совѣтники не берутъ обратно своихъ просьбъ. Эмиграція изъ баскскихъ провинцій за-границу идетъ въ громадныхъ размѣрахъ.

Недовольство правительствомъ не ограничивается баскскими провинціями и Наварой; оно также сильно въ Аррагоніи, Каталоніи и Валенсіи. Весь сѣверъ, западъ и югъ Испаніи охвачены общимъ недовольствомъ. Несмотря на поддержку арміи и администраціи, альфонсистская партія чувствуетъ, что почва ускользаетъ изъ-подъ ея ногъ. На всякомъ шагу правительство встрѣчаетъ глухую оппозицію. Наступили муниципальные выборы, чрезвычайно важные въ Испаніи, гдѣ правительство почерпаетъ силу въ мѣстныхъ провинціальныхъ управленіяхъ. Оказалось, что избиратели не желаютъ подавать своихъ голосовъ. Въ Барселонѣ, городѣ, имѣющемъ 300,000 населенія, горячо занимающагося политикой, подано только 500 избирательныхъ бюлетеней.

Правительство замѣчаетъ существующую опасность, но вмѣсто того, чтобы удовлетворить общественное мнѣніе, оно раздражаетъ его репрессивными мѣрами, примѣняемыми къ тому-же зря, безъ всякой системы. Кановасъ началъ сильно преслѣдовать прессу, на которую посыпались штрафы и тюремныя заключенія, и кончилось тѣмъ, что даже та часть прессы, которая еще недавно поддерживала его, обратилась противъ него.

Сила снова начинаетъ сосредоточиваться въ рукахъ клерикаловъ и карлистовъ. Молодежь стала носить на шляпахъ карлистскій девизъ: „Богъ, отечество, король!“ Въ сѣверной Каталоніи крестьяне платятъ духовенству десятину, наложенную на нихъ Сабальсомъ, карлистскимъ предводителемъ. Католическое духовенство, а испанское въ особенности, умѣетъ возбуждать ненависть къ правительству. Оно способно дисциплинировать массы; устройствомъ пилигримства въ Римъ оно показало, что можетъ сосредоточить въ свою пользу значительныя силы. Въ удобный моментъ оно снова подниметъ возстаніе и само станетъ во главѣ его; оно доказало, что умѣетъ дѣйствовать и ружьемъ, и кинжаломъ. Испанское духовенство принадлежитъ къ воинствующей церкви. Слава Санта-Круца не даетъ покоя сельскимъ патерамъ. Всѣ партіи соединяются теперь противъ альфонсистской. Приверженцы Серрано, Зорильи, Кастелляра, Павіи и Сагасты съ терпѣніемъ, характеризующимъ испан-

цевъ, ждутъ только удобнаго случая, чтобы соединиться противъ общаго непріятели. Изъ пяти человѣкъ, занимающихся политикою, трое непременно принадлежать къ числу заговорщиковъ противъ правительства и ждутъ только случая, чтобы явиться на арену дѣйствій. Трудно предсказать, чѣмъ все это кончится, но мы наканунѣ новыхъ волненій въ Испаніи. Сомнительно, чтобы побѣда осталась на сторонѣ альфонсистовъ. Захвативъ власть, эта партія, чувствуя себя въ ложномъ положеніи, съ горячностью принялась за второстепенные вопросы, потому что не осмѣливалась взяться за разрѣшеніе важнѣйшихъ. Она поражаетъ своихъ менѣе опасныхъ враговъ и льститъ своему непримиримому и дѣйствительно опасному противнику—духовенству.

М. Триго.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Остывшія увлеченія восточнымъ вопросомъ. — Не извлечемъ-ли мы изъ нихъ полезнаго урока на будущее время? — Не пора-ли обратиться къ своему собственному положенію? — Болгарскіе башки-бузуки и русская саранча. — Конкуренція рабочихъ рукъ и ея послѣдствія. — Промышленный застой и безпомощность кредита. — Русскій Манчестеръ, живущій пригѣвачи, когда все плачется на безденежье и приостановку фабричнаго производства. — Праздникъ—на улицѣ ростовщиковъ. — Откуда они плодятся? — Алегорія эконоимста Сисмонди о водоносѣ и бѣдномъ крестьяннинѣ, чуть не залитомъ водою. — Прекращеніе ссудъ банками. — Фальшивое положеніе ихъ. — Роль государственнаго банка, отличная отъ частной спекуляціи и наживы. — Чѣмъ обусловливается промышленные кризисы? — Санитарный вопросъ, похороненный земствомъ. — Смертность дѣтей и причины ея. — Могутъ-ли санитарныя мѣры бороться съ народною бѣдностью? — Главная задача нашихъ санитаровъ. — *Червоный валетъ* — настоящій козырь нашего времени.

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ мы—народъ, неимѣющій прощлаго, какимъ насъ считаютъ многіе. Но если за нами нѣтъ особенныхъ историческихъ богатствъ, то кто знаетъ, чтò лежитъ передъ нами? И если мы относимся равнодушно къ своему прошлому, то еще равнодушнѣе смотримъ на свое будущее; прошлое ничему не научаетъ насъ, а будущее днсколько не занимаетъ насъ. Мы живемъ изо дня въ день, чисто-растительною жизнію и какими-то стихійными порывами, которые такъ-же легко взбалтываются, какъ и утихаютъ. Давно-ли мы еще стояли во всеоружіи своего славянскаго одушевленія, собирались и Турцію разгромить, и своихъ братьевъ-славянъ защитить, и всю Европу своимъ великодушіемъ пристыдить? И что-же? Отъ одушевленія нашего и слѣдовъ не осталось; никого мы не защитили, никого не разгромили и никого не пристыдили. Взбаломученное море, по которому прошелъ случайный шквалъ, опять улеглось въ свои прежніе берега и не замутишь даже болотной рябью. О Сербіи мы начинаемъ столько-же думать, сколько о вчерашнемъ ужинѣ, и нашъ Вашингтонъ изъ Ташкента, генераль Черняевъ, повѣсившій свой бранный мечъ на мирный гвоздикъ въ Вентнорѣ, занимаетъ насъ никакъ не боль-

ше, чѣмъ г. Баймаковъ, давшій своего рода генеральное сраженіе вкладчикамъ его конторы. А между тѣмъ, сколько потрачено пылу, пустозвонныхъ передовыхъ статей нашихъ проницательныхъ публицистовъ, сколько произнесено рѣчей, съѣдено обѣдовъ и выпито шампанскаго, сколько явилось великихъ патріотовъ, въ прошломъ іюлѣ подвизавшихся по стогнамъ столицы съ благотворительными кружками, а въ декабрѣ переселившихся изъ четвертыхъ этажей въ бель-этажи, однимъ словомъ, сколько израсходовано „сокровищъ нашей души“, — и все это по-напрасну, все это прошло, какъ дымъ, и исчезло, какъ мимолетный сонъ. Но не извлечемъ-ли мы, по крайней мѣрѣ, полезнаго для себя урока изъ своихъ прошлыхъ ошибокъ и увлеченій? Не окажемся-ли мы способными хоть на то простое соображеніе, что и въ будущемъ можетъ повториться та-же исторія и можетъ застать насъ такими-же неприготовленными къ дѣятельной и разумной роли, если мы не позаботимся встрѣтиться съ ней иначе? Не задумаемся-ли мы, хоть ошущью, путемъ практическихъ результатовъ, до той элементарной мысли, что сила и авторитетъ народа въ дѣлахъ внѣшнихъ совершенно пропорціональны его внутренней живучести и могуществу, — могуществу, измѣряемому не количествомъ шапокъ и словоизвергающихъ ртовъ, а дѣйствительной его силой, соціальной, нравственной и интеллектуальной.

Но мы, повидимому, совершенно забыли объ этомъ, увлеченные побѣдами Черняева и истребленіемъ турокъ. Да, мы все забыли, мы забыли даже, голодны мы или сыты, обуты и одѣты или наги и разуты.

Въ то время, какъ телеграммы и корреспонденціи вопіяли о злодѣйствѣ турокъ, о несчастной участи славянъ, о лугавствѣ Митхада и о патологическомъ состояніи свѣтлѣйшихъ калифовъ, мы заткнули себѣ уши и закрыли глаза, не желая ничего видѣть и слышать о томъ, что дѣлалось у насъ самихъ, въ нашемъ домашнемъ скромномъ обиходѣ. И если-бы назадъ тому мѣсяца три подъ ногами у насъ провалилась цѣлая губернія сквозь землю, мы не обратили-бы на это вниманія, поглощенные рѣшеніемъ восточнаго вопроса. Теперь мы стали размышлять и о себѣ, т. е. пришли именно къ тому, съ чего и слѣдовало начать. Ну и начнемъ, памятуя мудрую пословицу: „лучше поздно, чѣмъ никогда“.

Въ хроникѣ прошлаго года мы отмѣтили нѣкоторые земледѣльческіе и промышленные факты; къ нимъ-же обратимся и теперь. Факты земледѣльческіе очень часто и подробно публикуются у насъ и въ политическихъ газетахъ, и въ специальныхъ, и въ пра-

вительственныхъ. Для нихъ существуетъ даже особенная рубрика— „Виды на урожай“. Специальная особенность этой панорамы видо въ та, что тамъ-то разорено хозяйство отъ безкормицы, поле побито морозомъ или высушено солнцемъ, или съѣдено прусомъ, или истреблено овражками, а тамъ-то чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, въ сѣмянахъ, въ продовольствіи скота и т. п.

Въ то время, когда до насъ доходили изъ Сербіи отдаленные раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, а изъ Болгаріи вопли истязуемаго турками населенія, на нашихъ собственныхъ поляхъ незамѣтно, безъ всякихъ эффектовъ, но постоянно велась борьба съ разными врагами, вродѣ саранчи, бездождія, оскуднѣнія почвы и пр. Въ херсонской губерніи обнаружился падежъ скота въ трехъ мѣстахъ; въ екатеринославской господствовала безкормица и нужда вынудила крестьянъ воровать сѣно у землевладѣльцевъ. Въ землѣ Войска Донского, въ бессарабской и подольской губерніяхъ безкормица привела къ падежу.

Рядомъ съ безкормицей явилась другая бѣда: въ южныхъ губерніяхъ больше чѣмъ когда-либо появилось вредныхъ насѣкомыхъ: на Кавказѣ — саранча, въ подольской губерніи свекловицу съѣла мошка, въ донецкомъ — прусъ поѣлъ яровое, въ тираспольскомъ — жучки и прусъ опустошили поля, около Кизляра — саранча съѣла весь хлѣбъ; такъ-же поступила она и въ Бендерахъ и въ окрестностяхъ Кишинева и овражки старались не отстать отъ жучковъ и саранчи. Вообще, если сгруппировать все то, что вынесли южныя поля отъ насѣкомыхъ, то хотя эффектъ окажется и слабѣ турецкихъ опустошеній въ Болгаріи, но результатъ получится почти такой-же, и больно-ли становится безпомощному человѣку отъ башибузука или отъ саранчи — боль чувствуется имъ одинаково.

Такъ-какъ сельско-хозяйственныя бѣдствія составляютъ нѣчто сложное, состоящее изъ множества разрушительныхъ элементовъ, и такъ-какъ это бѣдствіе всегда образуетъ очень длинный хвостъ, то довольно трудно разобрать, какая бѣда ведетъ за собой другую, и только видишь, что всѣ онѣ жмутся въ одну кучу и давятъ своей общей массой. Такъ, въ елисаветградскомъ уѣздѣ, въ Воскресенскѣ и въ Кишиневѣ засуха губила озимое; въ елисаветградскомъ округѣ пшеница уродилась только мѣстами и въ такомъ жалкомъ видѣ, что едва-ли вознаградила за сѣмяна. Въ маріупольскомъ, гдѣ озимый хлѣбъ сначала подавалъ слабыя надежды, въ апрѣлѣ погибъ, а немного погода погибло и яровое. Отъ бездождія и засухи, мѣстами отъ сильныхъ холодовъ, мѣстами отъ дождей, а мѣстами и не разберешь отчего, — пропадали хлѣба и травы — въ уѣздахъ феодосійскомъ, бердянскомъ, мелитопольскомъ, ставропольскомъ, въ Ростовѣ-на-Дону, въ ковенской губерніи, мин-

ской, радомской, келецкой, седлецкой, варшавской, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ моголевской, гродненской, около Риги и Ревеля; въ тверской губерніи, нижегородской, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ казанской губерніи.

Въ лѣтніе мѣсяцы начались пожары. Общее число пожаровъ составляетъ 27,563; убытку ими нанесено 56,360,719 р. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ убытки до того были велики, что ужь, конечно, оказались не подѣ силу бѣдному населенію. Такъ, напримѣръ, пожаръ села Турова стоилъ больше 150 тысячъ рублей. Убытки нѣмецкой колоніи Гиршау—около 100 тысячъ.

И вотъ, когда жаръ и холодъ, наскочивъ и пожары соединились вмѣстѣ, чтобы истребить имущество земледѣльца, упали цѣны на рабочія руки. Въ обыкновенныхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ, которыми занимается политическая экономія, цѣна рабочихъ рукъ зависитъ отъ цѣны жизненныхъ продуктовъ; поэтому казалось-бы, что должна была подняться и цѣна рабочихъ рукъ. Но вышло иначе. Правило экономической науки встрѣтило свое исключеніе въ той конкуренціи, которая является во время хозяйственныхъ кризисовъ. Предложеніе рабочихъ рукъ въ такія минуты совершается слѣдующимъ образомъ: предположите, что вы и я—оба нуждающіеся, и вамъ, и мнѣ нѣтъ никакой работы на нашихъ истребленныхъ поляхъ. У васъ, положимъ, двое голодныхъ дѣтей, а у меня ихъ четверо. Въ этомъ случаѣ у насъ съ нашими нанимателями произойдетъ слѣдующій разговоръ: вы спросите за рабочій день рубль. Казалось-бы, мнѣ, имѣющему дѣтей вдвое, слѣдовало-бы и спросить вдвое, а вмѣсто того я подѣ давленіемъ конкуренціи и боязни остаться безъ всякихъ средствъ спрошу вмѣсто рубля полтинникъ. И хорошо-бы, если-бы все дѣло ограничивалось этимъ; но нужда вызываетъ другое зло: она создаетъ кулака и эксплуататора, противъ котораго такъ-же трудно бороться, какъ противъ саранчи и пруса. Въ тульской губерніи, наприм., нужда вызвала необыкновенное усиленіе ростовщичества. Ростовщикомъ являлся всякій, кому представлялась хоть малѣйшая къ тому возможность,—не только деревенскіе мироѣды, но даже интеллигенція.

Но такъ-какъ всѣ экономическія явленія связаны неразрывно, то чисто-земледѣльческіе факты вызываютъ другіе, болѣе сложные и тѣсно съ ними связанные земледѣльческо-промышленные факты. Спекулятивный характеръ и искусственно вздутый кредитъ денежнаго рынка болѣе и болѣе подрываютъ наши коренныя производительныя силы и тяжело отзываются на промышленныхъ предпріятіяхъ, чуждыхъ спекулятивной горячки. Читателю, слѣдующему за длинными, безконечными списками имѣній, заложенныхъ въ зем-

скихъ поземельныхъ банкахъ и поступающихъ въ продажу съ аукциона, хорошо извѣстно, въ какомъ критическомъ положеніи находится нашъ главный экономическій ресурсъ—землевладѣніе, съ его хозяйственнымъ бюджетомъ. Такъ, изъ Варшавы пишутъ „Голосу“, что земское кредитное общество въ губерніяхъ Привислянскаго края объявило о продажѣ съ публичныхъ торговъ 1,720 заложенныхъ имѣній. А такъ-какъ въ Привислянскомъ краѣ 10 губерній, то на каждую губернію приходится среднимъ числомъ 172 имѣнія или по 17 имѣній на уѣздъ. По словамъ корреспондента, такое безотрадное положеніе является вслѣдствіе полнаго безденежья между помещиками, которые зачастую нуждаются въ самомъ необходимомъ для жизни и постоянно находятся въ неоплатныхъ долгахъ у евреевъ. Въ то-же время у насъ такъ широко развился кредитъ. Отчего-же онъ не помогаетъ? Зачѣмъ понадобились еще ростовщики и евреи?

Изъ Рыбинска пишутъ въ „С.-Петербург. Вѣдом.“, что хлѣбная торговля въ полномъ застоѣ; предложенія превышаютъ спросъ, цѣны на всѣ товары, а въ особенности на пшеничную муку, упали, но тѣмъ не менѣе покупателей на наличныя деньги чрезвычайно мало. Что-же касается мѣстной торговли, то она годъ отъ году ухудшается, и ухудшеніе это не случайное, а ставшее какъ-бы нормальнымъ явленіемъ и обусловливаемое народнымъ безденежьемъ. Мѣстные крестьяне—народъ бѣдный, отъ неудовлетворительнаго хлѣбопашества, плохого сельскаго хозяйства и разныхъ естественныхъ и неестественныхъ причинъ, влияющихъ на успѣхи земледѣлія. Прежде еще поддерживали крестьянъ лѣсныя заготовки, а теперь лѣса повывелись и заработокъ кончился. Подспорьемъ къ лѣсному заработку являлся прежде извозъ, имъ кормились тысячи людей; теперь и извозъ исчезъ, благодаря разнымъ компаніямъ и желѣзнымъ дорогамъ. Казалось-бы, что съ переменой условій должны были-бы измѣниться и приспособленія народонаселенія, но, какъ пишетъ корреспондентъ, образованіе плохо, ремесленныхъ школъ нѣтъ и вообще на народное образованіе обращается мало вниманія. А вмѣстѣ съ тѣмъ отовсюду слышатся жалобы на недостатокъ техниковъ, специалистовъ и ремесленниковъ. Но за то у насъ скоро некуда будетъ дѣвать классиковъ...

И мѣстному куцу приходится жутко. Съ августа прошлаго года и по январь нынѣшняго въ Рыбинскѣ отказались отъ платежа 9 торговыхъ фирмъ, на сумму около 1,400,000 рублей. Несостоятельности эти повліяли губительно не только на торговый людъ, но и на народъ. Причину рыбинскихъ краховъ корреспондентъ объясняетъ слишкомъ широкимъ развитіемъ банковаго кредита. Легкій кредитъ, продолжающійся у насъ вотъ уже десять лѣтъ, искусственно вздулъ торговые обороты и довелъ ихъ до крайняго напряженія. Приливъ

товаровъ былъ больше спроса, а въ то-же время слѣдовало платить проценты или долги по обязательствамъ. И вотъ цѣна товаровъ падала, приходилось ихъ сбывать хоть за что-нибудь, чтобы выручить деньги. Къ этому присоединились убытки по судоходству по Мариинской системѣ и сокращеніе кредита со стороны банковъ.

Изъ Орѣхова-Зуева пишутъ въ „Голось“, что мѣстные фабриканты приуныли. Застой въ торговлѣ отозвался печально на фабричныхъ дѣлахъ: фабрики приостанавливаются, рабочіе получаютъ расчетъ и отправляются на родину. Не говоря уже о фабрикантахъ средней руки, но даже первостатейныя фабрики и мануфактуры должны сокращать свое производство и дрожать за свою жизнь. Поэтому намъ показалось нѣсколько страннымъ читать въ „Петер. Вѣдом.“ одну оптимистическую корреспонденцію изъ Иванова-Вознесенска. По словамъ корреспондента оказывается, что Иваново-Вознесенскъ, величающій себя русскимъ Манчестеромъ, оправдываетъ свое названіе до сихъ поръ только съ внѣшней стороны. Но вотъ открывается въ Ивановѣ отдѣленіе технического общества и вмѣстѣ съ этимъ является стремленіе фабрикантовъ къ нововведеніямъ и улучшеніямъ. Иваново-Вознесенскъ ожилъ. Фабриканты превращаются въ Робертовъ Овеновъ, начинаютъ заботиться о рабочихъ, бытъ послѣднихъ улучшается, усиливается грамотность и просвѣщеніе, и прежде сонное и неподвижное населеніе начинаетъ проявлять теперь „живой интересъ ко всему новому и крупныя событія дня являются первенствующими предметами обыденной жизни; чтеніе газетъ, споры о политикѣ, сочувствіе къ славянамъ,—все это имѣетъ мѣсто и у вознесенцевъ“. Этому розовому оптимизму можно-бы вѣрить, если-бы рядомъ изъ другихъ фактовъ, и частныхъ, и общихъ, не было извѣстно, что русскій Манчестеръ вовсе не такое Эльдорадо, что тамошніе купцы тоже сокращаютъ у себя работу, что и они тоже банкротятся, и что невозможно русскому Манчестеру составлять исключеніе изъ общаго правила и процвѣтать въ то время, когда на сѣверѣ и югѣ, на западѣ и на востокѣ, и въ столицахъ, и въ провинціяхъ, повсюду слышатся жалобы на промышленный застой, повсюду сокращаются обороты и чувствуются торговые кризисы. Мы могли-бы привести массу фактовъ противъ розовыхъ воззрѣній манчестерскаго корреспондента, но укажемъ здѣсь только на тѣ данныя, которыя сообщаетъ намъ „Нижегородскій биржевой листокъ“ объ оборотахъ послѣдней нижегородской ярмарки. Было привезено товаровъ на 169,359,000 р., а продано на 150,124,600 р., значить осталось непроданнымъ на 19,234,400 руб. Очевидно, что предложеніе было больше спроса — привезено товаровъ больше, чѣмъ ихъ требовалось, а требовали ихъ меньше потому, что не было на что купить или не было кому сбыть.

Для большаго убѣжденія оптимиста-корреспондента мы прибавимъ, что и привозъ товаровъ, сравнительно съ предыдущей ярмаркой, уменьшился, а продано ихъ на 3,923,400 рублей менѣе.

Харьковская успешная ярмарка, принадлежащая къ ярмаркамъ перваго разряда, прошла тоже очень вяло. Удовлетворительный урожай возбудилъ-было вначалѣ радужныя надежды и вызвалъ усиленный привозъ, но увы! большая часть товаровъ не нашла себѣ сбыта. Мы приведемъ болѣе выдающіяся неудачи: напримѣръ, русскихъ мануфактурныхъ товаровъ было привезено на 3 миліона, а продано на 1; кожъ сырыхъ привезено на 23,000, а продано на 7,000; мытой шерсти привезено на 140,000, а продано на 22,000; перегонной шерсти привезено на 453,000, а продано на 27,000. Всего привозъ составлялъ десять миліоновъ, а сбытъ—только четыре миліона. Мануфактуристы могутъ еще считать свое положеніе сравнительно лучшимъ, потому что они сбыли хотя треть того, что привезено; но въ другомъ положеніи находились тѣ, кто торговалъ сырьемъ. Шерсти, напримѣръ, было продано въ 20 разъ меньше, овчины—въ 8 разъ меньше. Только одному меду посчастливилось. Привезено его было на 8,200 р. и проданъ весь. Харьковская ярмарка констатируетъ, конечно, тотъ фактъ, что производителю сырья гораздо хуже, чѣмъ мануфактуристу. И достаточно прочесть биржевыя извѣстія хотя петербургской биржи, чтобы увидѣть, какое должно царить уныніе въ томъ коренномъ источникѣ, изъ котораго исходитъ нашъ хлѣбъ насущный. Въ № 10 „Финансоваго Обзорнія“ за нынѣшній годъ мы читаемъ слѣдующую хронику биржевыхъ петербургскихъ дѣлъ: „пшеница безъ дѣлъ и въ слабомъ спросѣ“, „рожь тихо и сегодня безъ спроса“, „овесъ тихо и сегодня дѣлъ не слышно“, „сѣмя льняное—сегодня никакихъ дѣлъ не слыхать и, по-видимости, спросъ остановился“. „Настроеніе биржи вообще со всѣми хлѣбами тихое и со стороны конторъ спроса нѣтъ“. А по словамъ корреспондента изъ нашего Манчестера оказывается, что манчестерское населеніе живетъ живыми интересомъ къ „злобѣ дня“, читаетъ газеты и ведетъ политическія дебаты. Если нашъ Манчестеръ читаетъ газеты, то какъ-же онъ не узналъ, что кромѣ сербскаго и болгарскаго вопроса есть на свѣтѣ еще и другіе вопросы? Какъ онъ не прочиталъ, что въ Одессѣ судебныя мѣста буквально завалены дѣлами о несостоятельности; что въ той-же Одессѣ поступленіе сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ совершенно прекратилось и городская касса принуждена-бы прекратить платежи, если-бы не было получено вовремя полмиліона изъ государственнаго банка; что въ Кіевѣ случилась катастрофа съ частнымъ коммерческимъ банкомъ и по городу прошелъ слухъ, что ярмарка (контракты) въ нынѣшнемъ году не

состоится, что въ Симбирскѣ нынѣшнюю зиму привозъ хлѣбовъ прекратился и закупка ихъ очень слаба; иногородныхъ конторъ почти нѣтъ, потому что имъ нечего дѣлать на волжскихъ пристаняхъ и покупать нечего. Пароходчиковъ набралось много, всѣ другъ за другомъ ѣздятъ по пристанямъ и ищутъ, чтобы кто-нибудь поговорилъ о поставкахъ, но отвѣтъ вездѣ одинъ: „погодимъ до Сборной“; что въ Тулѣ отъ сокращенія работъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ до трехъ тысячъ рабочихъ остаются положительно безъ средствъ къ существованію. „Въ такомъ положеніи находятся рабочіе вотъ уже четвертый мѣсяць, лишутъ въ „Голосъ“; — бѣдственное положеніе ихъ вызываетъ цѣлую массу преступленій. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не обращено должнаго вниманія на то, чтобъ помочь безвыходному положенію рукъ, остающихся безъ работы“.

Само собою разумѣется, что промышленный застой, принимающій характеръ хронической болѣзни въ общественномъ организмѣ, особенно чувствительно отзывается на крупныхъ промышленныхъ центрахъ, какъ, напр., на Москвѣ, гдѣ сосредоточивается главная промышленная дѣятельность всей внутренней Россіи. Въ прошломъ декабрѣ писали, что нашъ промышленный кризисъ начинаетъ, по видимому, приобретать все болѣе острый характеръ. Москва указываетъ на крупныя несостоятельности, обнаружившіяся въ короткое время въ Петербургѣ, и на цѣлый рядъ банкротствъ въ важнѣйшихъ провинціальныхъ городахъ. Москва говоритъ про себя, что и она находится не въ лучшемъ положеніи. Многія изъ московскихъ фирмъ, изъ которыхъ одна имѣетъ первоклассное значеніе въ мануфактурномъ мірѣ, находятся въ крайне затруднительномъ положеніи. Говорятъ, что критическое положеніе московскихъ фабрикантовъ зависитъ отъ невозможности достать денегъ для обычныхъ расчетовъ съ рабочими. Банки стѣснили учетъ векселей, а въ частныхъ рукахъ трудно занять даже и за 24% въ годъ. Свободныя деньги скрылись неизвѣстно куда, банки сжались и принимаютъ едва половину векселей; за то подняли свои головы дисконтеры и ростовщики и стали подбирать къ своимъ рукамъ даже такія фирмы, къ которымъ прежде они не посмѣли-бы подойти за версту. Въ Москвѣ повторилось то-же явленіе, какъ и въ царствѣ Польскомъ, гдѣ та-же участь постигла землевладѣльца. Разница лишь въ томъ, что на западѣ банкиромъ-ростовщикомъ явился еврей, а въ Москвѣ—чистокровный русакъ.

Здѣсь кстати будетъ отвѣтить на замѣчаніе Достоевскаго, брошенное имъ какъ-бы вскользь въ одномъ изъ своихъ „Дневниковъ“. Онъ говоритъ, ссылаясь въ то-же время на нашихъ крупныхъ беллетристовъ, что всѣ они относятся враждебно къ *еврею*, и видитъ въ

этомъ знаменательный фактъ. Но еврей тутъ не причесть. И еврей, и грекъ, и русскій—всѣ они не больше, какъ извѣстное явленіе, какъ слѣдствіе общихъ причинъ. Въ Петербургѣ нуждающихся бѣдняковъ забрали въ свои руки вовсе не евреи и русскій ростовщикъ ничѣмъ не лучше всякаго жида и грека. Ростовщичество—старая русская болѣзнь, и вы не найдете ни одного губернскаго и уѣзднаго города, ни одной деревни, гдѣ-бы не сидѣлъ и не плелъ свою паутину ростовщикъ, пользующійся нуждою. Еврей—невинный ангелъ и кроткая голубица въ сравненіи съ русскимъ кулакомъ. Еврей умѣетъ довольствоваться малымъ и идти не торопясь; русскій-же кулакъ норовитъ брать рубль на рубль; онъ не дастъ вамъ ни отдыха, ни сроку и не успокоится, пока не заберетъ васъ въ кабалу и не высосетъ послѣднія капли крови. Въ экономическихъ явленіяхъ національность не причесть и когда существуютъ извѣстные порядки, непременно обнаружатся и извѣстные слѣдствія. Адамъ Смитъ сдѣлалъ, повидимому, великое открытіе, указавъ на роль и значеніе труда,—труда, конечно, производительнаго. Но взгляните съ птичьяго полета на русскіе губернскіе и уѣздные города—и вы невольно остановитесь въ недоумѣніи, чѣмъ живутъ люди и что они дѣлаютъ. Нигдѣ вы не увидите прежней домашней производительности; сидятъ уныло мѣщане и мѣщанки по своимъ угламъ, оставивъ пряжу и домашнее тканье, давно уже вытѣсненное фабричнымъ производствомъ. Въ Англіи, когда явились машины, онѣ обнаружили свое вліяніе на бытъ рабочаго; заставивъ его прекратить домашнее производство, онѣ вызвали его на фабрику. Мы понимаемъ, почему въ Англіи совершился подобный переворотъ и почему тамъ явился фабричный пролетарій. А у насъ?.. Машинное производство и фабрики явились къ намъ извнѣ, какъ и вся европейская цивилизація, и до сихъ поръ, несмотря на всѣ свои притязанія изобразить какую-нибудь силу, они въ сущности не только не успѣли нашего рабочаго сдѣлать пролетаріемъ, да и сами-то существуютъ какъ-то христа-ради. А вѣдь жить надо. И вотъ, случился весьма своеобразный фактъ, фактъ чисто-русскій: домашній семейный трудъ, единственный трудъ, существовавшій у насъ и заключавшійся въ томъ, что бабы и дѣвки ткали и пряли на мужиковъ и на себя, исчезъ, ибо трудъ этотъ перешелъ на фабрику; дѣвки и бабы остались безъ работы, а новаго дѣла онѣ никакого себѣ не нашли. Прежде 30 миліоновъ работницъ занимались въ Россіи тканьемъ для домашняго употребленія, а теперь, даже и въ Забайкальѣ, мужчины и женщины стали носить ситцы и сукна московскаго издѣлія. Но какіе-же новые пути для приложенія оставшагося за штатомъ труда далъ всему этому люду промышленный

прогрессъ русскихъ Манчестеровъ? Старый патріархальный, бытовой трудъ, сложившійся подъ вліяніемъ чисто-мѣстныхъ и самыхъ ограниченныхъ потребностей, исчезъ, а на смѣну ему не явилось ничего соотвѣтственно его замѣняющаго. А между тѣмъ цивилизація идетъ своимъ путемъ и требованія ея закралась даже въ деревню. Въ подстоличныхъ селеніяхъ и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ мѣщанки одѣваются не только въ англійскіе ситцы, но даже „берегутъ лица румянецъ“ и лѣтомъ ходятъ съ зонтикомъ. Желаніе „не отстать отъ другихъ“ и подражаніе если не болѣе осмысленной, то, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны болѣе европейской жизни—предъявили массу требованій, да только человѣческимъ рукамъ не дали настоящаго дѣла. Понятно, почему денежное хозяйство должно было явиться на выручку съ своей фиктивной помощью и почему въ кредитѣ увидѣли единственный якорь спасенія. Но къ чему привелъ этотъ кредитъ? Кредитъ привелъ лишь къ тому, что расплодился вездѣ банки и ростовщики и произвели такую экономическую путаницу, избаловали такіе пошлые инстинкты наживы и тунеядства, какихъ при прежнемъ нашемъ патріархальномъ бытѣ мы никогда не видѣли. И не зная за собой грѣховъ, невинные и наивные, какъ младенцы, мы усматриваемъ все зло то въ какомъ-нибудь Антошкѣ-Хриstopродавцѣ, то въ Деруновѣ, то въ жидѣ, то въ кулакѣ-міроѣдѣ, то обвиняемъ нѣмцевъ, то вытягиваемъ на скамью подсудимыхъ „червонныхъ валетовъ“, чувствуя сами, что вездѣсущему присутствію валета нѣтъ конца.

Въ медицинской академіи есть такъ-называемый „мацираціонный залъ“. Въ этомъ странномъ зданіи вымачиваютъ трупы и затѣмъ изъ нихъ готовятъ скелеты. Трупъ, принесенный въ мацираціонную комнату, опускается въ чанъ съ водою и лежитъ тамъ, пока не сгниютъ всѣ мягкія части. Труповъ набирается иногда до двухъ сотъ. Чаны кишатъ міриадами червей, и къ іюлю они обыкновенно сѣдаютъ все мясо, затѣмъ дохнутъ отъ голода и на днѣ чана остаются бѣлыя, какъ снѣгъ, кости. Извѣстный французскій экономистъ Сисмонди, по поводу излишняго развитія промышленности, рассказываетъ нѣсколько ннью аллегорію. Онъ говоритъ, что одинъ крестьянинъ познакомился съ волшебникомъ, и каждый день, когда нужно было идти за водою, волшебникъ шепталъ какія-то слова вѣнику. Вѣникъ отправлялся на рѣку, приносилъ, сколько нужно, воды, затѣмъ волшебникъ проезносилъ какое-то слово и вѣникъ отправлялся за печку. Разъ волшебникъ куда-то отправился, а крестьянинъ, подслушавшій магическія слова, грозилъ ихъ—и вѣникъ пошелъ за водою. На бѣду, мужикъ не зналъ сдерживающаго магическаго слова. И вотъ вѣникъ усердно

ходить на рѣку за водою и лить ее въ кадку. Кадка уже давно полна черезъ край, вода льется на полъ, заливаешь избу, а вѣнникъ все ходитъ да ходитъ. Крестьянинъ пришелъ въ отчаяніе, взялъ топоръ и сталъ рубить вѣнникъ. И каждая частичка вѣнника стала бѣгать за водою, и чѣмъ больше крестьянинъ рубилъ, тѣмъ усерднѣе каждый прутикъ таскалъ воду. Къ счастью, воротился волшебникъ, произнесъ свое магическое слово и спасъ бѣднаго мужика. Вотъ вамъ двѣ аллегоріи, и обѣ онѣ прекрасно объясняютъ наше экономическое положеніе. Съ одной стороны, мы не знаемъ, какъ справиться съ нашимъ водоносомъ, который заливаетъ русскую избу и, снабдивъ ее своими издѣліями, отнялъ отъ нея прежнее дѣло, а новаго не далъ. И вотъ деревня изобразила изъ себя мацераціонную комнату и закишѣли въ ней мириады червей, въ лицѣ ростовщиковъ и банкировъ. Но вѣдь если-бы изба не была мацераціонной комнатой, развѣ въ ней явились-бы паразиты? Если-бы усердіе глунаго вѣнника не было такъ велико и если-бы нашъ крестьянинъ зналъ магическое слово, развѣ его изба наполнилась-бы водою? Въ томъ-то и бѣда, что магическаго слова мужикъ не знаетъ, а волшебникъ еще не воротился. Когда же онъ придетъ? Въ этомъ и весь вопросъ. Приди волшебникъ—и изба наша перестанетъ быть мацераціонной комнатой, и бѣлые черви, которые кишатъ теперь на живомъ тѣлѣ, передохнуть, потому что имъ нечего будетъ ѣсть. Подождемте волшебника, а въ ожиданіи его обратимся опять къ Москвѣ.

Въ Москвѣ думаютъ, что если въ ней пока еще и не слышно о крупныхъ несостоятельностяхъ, то, тѣмъ не менѣе, напряженное положеніе, которое она переживаетъ въ настоящее время, должно выразиться окончательнымъ паденіемъ тѣхъ промышленныхъ предпріятій, на которыя оно обрушилось. Иначе говоря, Москва боится всеобщаго промышленнаго кризиса. Люди знающіе, разбирая причины теперешняго труднаго положенія нашей промышленности и торговли, пришли къ тому, „что во всемъ виновать Струсбергъ“. До исторіи съ коммерческимъ ссуднымъ банкомъ въ Москвѣ было рѣдкое раздолье относительно кредита. Семь крупныхъ банковъ соперничали одинъ съ другимъ; каждый заманивалъ къ себѣ кліентовъ, каждый на всѣхъ парусахъ раздувалъ свой кредитъ, каждый предупредительно предлагалъ самыя выгодныя условія. Кредитъ, дѣйствительно, выросъ до громаднаго размѣра. Имѣя какія-нибудь десять тысячъ въ карманѣ, можно было пользоваться кредитомъ тысячъ во сто. Но что-же дѣлать съ ними? Въ этомъ-то и заключался роковой вопросъ. То, что случилось въ Пруссіи отъ прилива французскихъ 5 миллиардовъ, повторилось у насъ отъ безшабашнаго кредита. Но вотъ разразилась надъ нашей

скорбной головой струсберговская исторія—и наши банки сразу измѣнили свою тактику. Впрочемъ, одна эта бѣда не запутала-бы нашихъ дѣлъ; но исчезъ потребитель въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ былъ нуженъ, и предложеніе пересклило спросъ. Торговьи дѣла затруднились, а тутъ еще денежный кризисъ, паденіе курса бумагъ и, наконецъ, политическія обстоятельства навели на всѣхъ такой панической страхъ, что наши банки совсѣмъ растеряли свои головы. Чахлые и скудные умомъ, они повисли на ниточкѣ и обратили свою учетную и ссудную операціи на 53½ миліона рублей.

Конечно, въ этомъ сокращеніи банки обвинять нельзя: банкъ не живеть собственными деньгами; всѣ свои операціи онъ совершаетъ на чужой счетъ; банкъ не больше, какъ посредникъ между тѣмъ, кто предлагаетъ свой капиталъ, и между тѣмъ, кто его спрашиваетъ. Если какая-нибудь причина вызоветъ въ предлагающихъ недоувѣріе къ банку, они начнутъ требовать свои капиталы назадъ, и банку, конечно, нечего давать тѣмъ, кто станеть у него просить денегъ. Слѣдовательно, волей-неволей банкъ долженъ будетъ сократить свои операціи. Во всѣхъ московскихъ банкахъ до струсберговской исторіи, а именно до 1 октября 1875 года, сумма вкладовъ всѣхъ наименованій составляла 157 миліоновъ; а перваго декабря 1876 года подобныя-же вклады составляли только 119 миліоновъ, т. е. втеченіи года вклады уменьшились на 37 миліоновъ. Особенно быстро уменьшились вклады въ первые два мѣсяца послѣ катастрофы. Кромѣ 16 миліоновъ, потонувшихъ въ коммерческомъ банкѣ, было вынута изъ другихъ банковъ 13½ миліоновъ. Нѣкоторыя банки, какъ, напримѣръ, промышленный, лишились цѣлыхъ двухъ третей прежнихъ вкладовъ. Ясно, что такая значительная убыль должна была заставить банки сократить свои дѣла.

Но вотъ еще одно обстоятельство, нѣсколько усложняющее вопросъ. Если-бы все дѣло зависѣло отъ размѣровъ вкладовъ и отъ довѣрія публики, помѣщающей свои деньги, то сокращеніе банковыхъ операцій должно было соотвѣтствовать исполнѣ сокращенію вкладовъ. Но балансы банковъ говорятъ другое. Изъ нихъ увидимъ, что въ нѣкоторыхъ банкахъ, какъ, напримѣръ, въ купеческомъ, вклады нисколько не уменьшились, а онъ все-таки сократилъ свои операціи. Въ другихъ банкахъ сокращеніе тоже не соотвѣтствовало размѣру уменьшенія вкладовъ, и вообще никакого правильнаго отношенія между тѣми и другими опредѣлить нельзя. Слѣдовательно ясно, что тутъ дѣйствовало еще какое-нибудь обстоятельство. Москвичи думаютъ, что причина заключалась въ государственномъ банкѣ. Отливъ золота изъ металлическаго фонда банка заставилъ государственный банкъ сжать свой кредитъ и

это сокращеніе операций коснулось и Москвы. Государственный банкъ измѣнилъ переучетъ векселей въ Москвѣ и распоряженіе это произвело въ ней большой переполохъ. Правда, государственный банкъ отмѣнилъ затѣмъ свое распоряженіе, но несмотря на то, размѣръ кредита, оказываемаго государственнымъ банкомъ въ провинціяхъ, далеко ниже суммъ, открытыхъ имъ годъ назадъ. Изъ баланса государственнаго банка 1876 года видно, что сравнительно съ 1 декабря 1875 года его вексельная операція въ Петербургѣ увеличилась на 4 миліона, а между тѣмъ въ провинціальныхъ конторахъ и отдѣленіяхъ та-же операція спустилась съ 108 на 94½ миліона, т. е. сократилась на 13½ миліоновъ. Вообще московскіе банки пользуются далеко меньшей поддержкой государственнаго банка, чѣмъ петербургскіе. Потому понятно, что невозможность въ случаѣ крайней нужды прибѣгать къ поддержкѣ банка должна была производить переполохъ, сокращеніе операций и даже панику.

Это отношеніе государственнаго банка вообще къ банкамъ Россіи, а преимущественно къ провинціальнымъ, уводитъ насъ въ иную страну, заставляетъ припомнить иное время. То, что происходитъ въ настоящее время у насъ, лѣтъ сорокъ назадъ случилось въ американскихъ штатахъ. Банкъ Соединенныхъ Штатовъ придерживался тѣхъ-же принциповъ, какихъ держится и нашъ государственный банкъ; онъ концентрировалъ въ себѣ весь государственный кредитъ и являлся такимъ образомъ верховнымъ повелителемъ и распорядителемъ не только внутренняго кредита страны, но и всѣхъ банковыхъ операций. Такая централизація, получившая характеръ почти банковской опеки и регламентаціи, но регламентаціи односторонней и часто капризной, должна была, конечно, повести къ послѣдствіямъ, которыхъ меньше всего желали Соединенные Штаты. Послѣдствіемъ ошибочныхъ банковыхъ принциповъ и промышленныхъ причинъ явился кризисъ 1857 года. Этотъ страшный кризисъ, начавшійся въ Америкѣ, обрушился затѣмъ на Англію, на Германію, на Скандинавію и пронесся страшной грозой надъ главными торговыми центрами Бельгіи, Голандіи, Австріи, Франціи; отсюда перешелъ въ южную Америку и разорилъ множество торговыхъ домовъ Бразиліи и штатовъ Южнаго Союза. Только одна Россія миновала бѣды, и не только миновала, но даже потрясенной Европѣ представилась той обѣтованной землей, которая можетъ спасти Европу и помочь ей своими неисчерпаемыми естественными богатствами, ожидающими только рукъ и капиталовъ. Вотъ причина, почему вслѣдъ за коренными реформами, задуманными у насъ послѣ крымской войны, самые видные финансовыя представители Европы предложили намъ свои громадныя

капиталы для постройки цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ. Розовыя надежды европейскихъ финансистовъ, конечно, не осуществились, за то иностранныя капиталы, прилившіе къ намъ, не только дали новый толчокъ развитію нашей промышленности, но и парализовали вліяніе на насъ американскаго кризиса. У насъ началось необыкновенное оживленіе; застой въ торговлѣ кончился; биржа наша, неигравшая до того времени никакой роли, почувствовала свое значеніе и подняла голову; начали учреждаться промышленныя компаніи, начались финансовыя преобразованія, банковое дѣло восторжествовало и мы провидѣли въ будущемъ золотое Эльдorado! Въ это время всеобщаго оживленія главную роль игралъ кредитъ и появленіе массы цѣнныхъ бумагъ. Кредитъ давался необыкновенно легко ужь только потому, чтобы залучить въ новыя кредитныя частныя учрежденія капиталистовъ-учредителей и привлечь вкладчиковъ. Банки учреждались не только для одного промышленнаго кредита, но и для кредита земледѣльческаго и для развитія хлѣбной торговли. Кредитъ былъ тѣмъ магическимъ словомъ, въ которомъ всѣ искали спасенія; онъ казался именно той силой, которая должна извлечь Россію изъ ея прежняго промышленнаго и экономическаго застоя и обогатить всѣхъ и cadaго. Не было такого предмета ни на землѣ, ни подъ землею, ни въ русскомъ воздухѣ, ни въ русскихъ водахъ, на который не устремились-бы пропитательныя взоры нашихъ финансовыхъ мужей, людей биржи и капитала, видѣвшихъ во всемъ только предметы для заклада. Кредитная горячка, охватившая Россію, привела къ тому, что не осталось, кажется, ни одного русскаго камешка незаложеннымъ, не осталось ни одной свободной копейки, которая-бы не потянулась въ банкъ, не осталось ни одной свободной руки, которая-бы не попросила кредита, не осталось ни одной денежной бумаги, которая-бы не пошла на биржевую игру. Въ этой вальпургіевой ночи всеобщаго денежнаго голокруженія все было лишь фиктивно, все являлось лишь миражемъ, и цѣнности, повидимому, такъ быстро вращавшіяся и переходившія изъ рукъ въ руки, были не больше, какъ оптическимъ обманомъ, ибо за ними не скрывалось никакой реальной сущности. Легкій кредитъ привелъ лишь къ биржевой игрѣ, деньги переходили изъ рукъ въ руки и тратились на внѣшнюю жизнь; что-же касается развитія производительныхъ и промышленныхъ силъ, усиленія производствъ и развитія народнаго труда, то кредитъ, блеснувшій надъ русской землей яркимъ фейерверкомъ, лопнулъ въ воздухѣ, какъ ракета, и блескомъ своимъ только еще ярче освѣтилъ безысходный мракъ нашей экономической безпомощности, незнанія и неумѣлости.

Положеніе, въ которомъ мы очутились въ моментъ нашихъ ре-

формъ, было совершенно аналогично съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находилась Европа послѣ реформъ, послѣдовавшихъ за 1848 годомъ. Событія эти имѣли экономической характеръ, хотя и выразились въ политической формѣ. Политическія явленія 1848 года вызвали цѣлый рядъ радикальныхъ реформъ. Германія упростила свое гражданское судопроизводство, отмѣнила послѣдніе остатки феодальной системы, послѣдніе слѣды крѣпостного права, произвела реформу въ податяхъ и налогахъ, въ торговой политикѣ, слилась съ Австріей въ таможенный союзъ, заключила новые внутренние договоры, упростила кредитъ и всѣми этими мѣрами привлекла къ торговлѣ и промышленности множество капиталовъ, не находившихъ прежде себѣ дѣла. Наполеонъ III явился представителемъ во Франціи тѣхъ-же новыхъ оживляющихъ началъ. Онъ поднялъ рабочій вопросъ и явился защитникомъ французскаго пролетарія. Онъ ввелъ реформы въ пошлинной системѣ, помогать развитію асоціацій; онъ поддерживалъ горячку въ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, и, что самое главное, помогъ банковымъ спекуляціямъ. При Наполеонѣ спекуляція дошла до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какихъ со временъ Джона Ло Франція не видывала. При Наполеонѣ учредилось общество „Движимаго кредита“, игравшее на биржѣ исключительно въ азартную игру и поддерживавшее въ денежныхъ людяхъ Франціи одну безсовѣстную, ненасытную алчность, незнавшую ни границъ, ни мѣры. Развившаяся спекуляція и искусственное возбужденіе торговли и промышленности привели только къ тому, что сбытъ продуктовъ остановился, и фабрики, работавшія впустую, должны были или сократить, или совсѣмъ оставить свое производство. И вотъ, рядомъ съ денежнымъ кризисомъ разразился кризисъ торговый. Французскій примѣръ легкой наживы и биржевой игры былъ на-столько заразителенъ, что и скромными нѣмцами овладѣла банковая горячка, такъ что и въ Германіи началась спекуляція, игра, возникъ дутый кредитъ, явилось искусственное возбужденіе торговли и промышленности, а затѣмъ разразился надъ нѣмцами громъ небесный и они пришли въ великое недоумѣніе, что всѣ ихъ основательныя экономическія соображенія оказались пухомъ. Легкомысленная Австрія, эта Франція Германіи, придумавшая монопольное вѣнское кредитное общество и устроившая у себя еще большую массу банковъ, чѣмъ мы, потерпѣла такое-же денежное и промышленное фіаско. Искусственное возбужденіе и ошибки банковъ, породившія легкой кредитъ и денежную горячку, но не коснувшіяся нигдѣ самыхъ источниковъ производительности, привели вездѣ къ однимъ и тѣмъ-же результатамъ. Разразившійся надъ Европой громъ заставилъ ее призадуматься. Результатомъ думъ было принятіе но-

наго банковаго принципа, по которому государственный банкъ не можетъ быть въ одно и то-же время промышленнымъ предпріятіемъ и кредитнымъ учрежденіемъ. Въ политическихъ наукахъ давно уже признано, что государство существуетъ совершенно на иныхъ основахъ, чѣмъ семья. Государство не есть одна обширная семья, существующая по принципу частнаго интереса. Взглядъ этотъ на государство поколебался уже въ средніе вѣка, но финансовой практикой до сихъ поръ еще не усвоенъ. Поэтому правительственные банки западной Европы, смѣшавъ понятія и вообразивъ себя частными, личными учреждениями, думали дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуетъ какаа-нибудь банковая контора Лури или Баймакова. Но личные интересы Лури или Баймакова едва-ли будутъ тождественны съ интересами Россіи. Ихъ личное обогащеніе, конечно, не будетъ обогащеніемъ для Россіи, и, слѣдовательно, личная банковая система банкирской конторы или частнаго банка ужъ никакъ не можетъ быть системой государственной. Частный банкъ имѣетъ свой основной антагонизмъ: онъ соперничаетъ и борется съ другими учреждениями, а благосостояніе или богатство народа ему нужно на-столько, на-сколько оно ему приноситъ выгоды. Вслѣдствіе этого частный банкъ станеть охотно конкурировать съ другими подобными частными учреждениями, онъ охотно даже подорветъ ихъ, лишь-бы забрать въ свои руки монополію. Частный банкъ, гоняясь исключительно за наживой, можетъ заниматься спекуляціей, идти на рискованныя предпріятія и позволять себѣ даже такія операціи, какъ московскій ссудный банкъ. Но государственный банкъ совсѣмъ иное дѣло; онъ, прежде всего, не денежное учрежденіе, т. е. не денежное въ томъ смыслѣ, что частныя лица могутъ богатѣть отъ умноженія денегъ, но государство отъ умноженія денегъ богаче не становится. Являясь финансовымъ представителемъ государства, государственный банкъ не можетъ держаться частныхъ семейныхъ принциповъ, не можетъ позволять себѣ никакихъ рисковъ, никакихъ спекуляцій, никакихъ рискованныхъ предпріятій, однимъ словомъ, ничего такого, что имѣетъ единственную цѣлью накопленіе въ его кладовыхъ денегъ. Государство выигрываетъ и богатѣетъ не отъ фиктивныхъ цѣнностей, не массой золота и не массой кредитныхъ билетовъ или государственныхъ бумагъ,—оно богатѣетъ лишь отъ развитія промышленныхъ силъ, отъ увеличенія или отъ расширенія источниковъ народнаго производства. Если государство забудетъ хоть на-время этотъ основной экономическій принципъ и увлечется оображеніями исключительно частнаго характера, то, смотря по размѣру увлеченія и продолжительности ошибочной системы могутъ явиться и послѣдствія болѣе или менѣ критическаго

характера. Америкѣ и Европѣ подобная ошибка обошлась слишкомъ дорого, и опытъ, за который онѣ заплатились, заставилъ ихъ совершенно измѣнить свою прежнюю банковую систему. Мы, къ счастью, если и миновали кризисъ 1857 г., но, повторивъ у себя, хотъ и не въ такомъ размѣрѣ, старую европейскую финансовую систему. очутились въ настоящее время въ положеніи, очень близкомъ къ кризису. Мы не отрицаемъ того, что переворотъ, созданный во всей жизни Россіи освобожденіемъ крестьянъ и послѣдующими реформами, составляетъ явленіе такое громадное и запутанное, что теоретически не было возможности предусмотрѣть и предупредить невыгодныя практическія послѣдствія и установить сразу полную гармонію частныхъ и общихъ интересовъ. Переворотъ былъ слишкомъ великъ и многосложенъ, и, конечно, только практика новыхъ отношеній могла указать, въ чемъ заключается невѣрность тѣхъ или другихъ приѣмовъ и мѣръ. Идя тѣмъ-же путемъ, какимъ шла Европа, мы, конечно, при обновленіи своей экономической жизни не могли не натолкнуться на опасности аналогичныя, которыя должны были привести къ аналогичнымъ послѣдствіямъ. Но какъ для Европы не пропадали даромъ ея опыты, конечно, и для насъ они не пропадутъ даромъ, и настоящій нашъ трудный моментъ вызоветъ, разумѣется, такого рода перемены, которыя устранять на будущее время возможность тѣхъ неприятныхъ послѣдствій, которыя мы испытываемъ нынче.

Касаясь въ настоящей статьѣ только общей стороны нашего теперешняго промышленнаго и денежнаго застоя, мы не станемъ вдаваться въ анализъ его частныхъ, тѣмъ болѣе, что дѣло это такъ многосложно, такъ запутанно и такъ громадно, что вопроса не разрѣшить силами одного человѣка, да и не обнять его въ журнальномъ обзорѣнн. Поэтому мы думаемъ, что „Русскія Вѣдомости“ совершенно правильно поставили вопросъ, когда высказали мысль, что изслѣдованіе теперешняго положенія промышленной и экономической Россіи возможно лишь средствами правительства. Правительственное изслѣдованіе—это обыкновенный приѣмъ, практикуемый западной Европой. Въ Англіи ни одинъ изъ кризисовъ, разразившихся въ этой странѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи, не обходился безъ парламентскаго изслѣдованія. Во Франціи кризисъ 1847 года былъ изслѣдованъ тоже правительственнымъ путемъ. Въ Германіи и Австріи, послѣ послѣдняго краха, было предпринято тоже правительственное изслѣдованіе. Правительственное изслѣдованіе уже потому важно, что только одними правительственными средствами возможно выяснитъ такія сложныя и запутанныя явленія, какъ наше теперешнее положеніе. Правительственному изслѣдованію мы придаемъ еще другую важность: давъ фактическую сто-

рону дѣла и оцѣнку его причинъ и послѣдствій, правительственное изслѣдованіе явилось-бы и практическимъ руководствомъ для нашего еще мало свѣдущаго общественнаго сознанія. Конечно, если-бы мы лучше сознавали и понимали свои интересы, мы-бы лучше и берегли себя; теперь-же, при царящемъ у насъ повсюдномъ невѣденіи, что мудренаго въ томъ, что мы путаемся въ собственномъ незнаніи, ведемъ себя такъ-какъ мы вели себя въ московскомъ ссудномъ банкѣ, и затѣмъ, когда разразится „крахъ“, обвиняемъ въ немъ всѣхъ, кромѣ самихъ себя.

Если-бы мы, публика, темная и несвѣдущая масса, лучше понимали финансовыя экономическія вопросы, то, конечно, и тѣ лица, которыхъ мы выбираемъ, были-бы компетентнѣе и болѣе на своемъ мѣстѣ. Но, отдавшись денежной горячкѣ, мы и свою петербургскую биржу превратили изъ товарной въ денежную, да и въ московскихъ банкахъ,—банкахъ, играющихъ такую важную роль въ нашей промышленности,—усвоили систему, которая должна была вести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Уставами всѣхъ банковъ разрѣшаются имъ ссуды подъ товары. Но въ какомъ размѣрѣ мы ихъ практикуемъ? Напримѣръ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 года московскими банками было выдано подъ товары 1,177,000 рублей, а къ 1 декабря 1876 года—481,000. Не ясно-ли, что въ Москвѣ почти нельзя достать кредита подъ залогъ товаровъ? И когда-же это? Въ теперешній трудный моментъ торговаго застоя, въ моментъ, когда такъ подорванъ личный кредитъ! Не давая ссудъ подъ товары, мы загромождаемъ рынки тѣмъ, что нейдетъ съ рукъ, и только усиливаемъ этимъ кризисъ, увеличиваемъ банкротства да создаемъ переполохъ и панику. Положимъ, что тотъ-же самый торговый застой отнимаетъ у банковъ охоту принимать товары въ залогъ, но вѣдь задержки въ сбытѣ не могутъ быть вѣчными, да и во всякомъ случаѣ банку легче пережить эту задержку, чѣмъ вынести ее торговцу, который можетъ обанкротиться. Никто не проситъ банки брать товары непрочныя, но вѣдь они не хотятъ брать никакихъ товаровъ. Если въ свое оправданіе банки ссылаются на то, что пріемъ товаровъ—сложная и затруднительная операція, требующая кромѣ того обширныхъ помѣщеній, то на это, конечно, возражать нечѣмъ, и банки съ своей точки зрѣнія будутъ правы, занимаясь исключительно денежными операціями да рискованными предпріятіями для увеличенія своихъ вкладовъ для дивиденда учредителей и управляющихъ. Но будемъ правы и мы, если спросимъ, для чего Россіи такіе банки, которые въ нуждѣ ей не помогаютъ и не только не устраняютъ затрудненій, а, напротивъ, ихъ усиливаютъ? Неужели мы учредили свои банки для того, чтобы стано-

виться еще бѣднѣе, а не богаче; ужь, право, въ такомъ случаѣ лучше жить совсѣмъ безъ банковъ.

Мы уже давно не касались санитарнаго вопроса, которымъ нѣкогда такъ юношески увлекалось земство; но теперь это уже вопросъ похороненный, надъ которымъ земства поставили крестъ и замолачали. Въ настоящее время санитары сохранились, кажется, только въ московской губ. и отчасти въ петербургской. А было время, когда ими очень увлекались, видѣли въ нихъ чуть-ли не главное спасеніе. Поворотъ въ другую сторону сдѣлало раньше всѣхъ земство пермское; оно первое признало, что санитаръ — лишній человѣкъ. Примѣру пермскаго земства послѣдовало земство вятское, которое въ прошломъ году рѣшило „должность санитарнаго врача при вятскомъ земствѣ упразднить“. Причина упраздненія мотивировалась вездѣ тѣмъ соображеніемъ, что „дѣятельность санитаря въ средѣ населенія, лишеннаго возможности, частью по неразвитости, а главнымъ образомъ по бѣдности принимать его совѣты и требованія относительно жилищъ, воздуха, пищи, воды, парализуется въ дѣлѣ достиженія какихъ-либо полезныхъ результатовъ для страны“.

Но почему-же земства такъ горячо накинулись сначала на санитарныя мѣры и что они понимали подъ именемъ санитарнаго вопроса?

Гигиенисты утверждаютъ, что смертность служить самымъ вѣрнымъ выраженіемъ счастья, благосостоянія и всѣхъ житейскихъ превратностей народовъ. Отдѣльный человѣкъ и цѣлые народы подчиняются въ своей жизни и смерти извѣстнымъ законамъ. Болѣзни и эпидеміи, истребляющія людей массами, не больше, какъ роковое послѣдствіе извѣстныхъ причинъ. А Эстерленъ замѣчаетъ, что „въ статистическихъ цифрахъ всякій отдѣльный человѣкъ, какъ и всякій народъ, можетъ ясно читать свои ошибки, недостатки и прегрѣшенія“.

Первое условіе благосостоянія организма заключается, конечно, въ немъ самомъ. Уже при самомъ рожденіи человѣкъ носить въ себѣ зародышъ многихъ болѣзней. Онъ можетъ родиться съ расположеніемъ къ чахоткѣ, золотухѣ, сумасшествію и проч. Но если-бъ онъ даже родился и безъ всякихъ предрасположеній къ болѣзнямъ и физическимъ страданіямъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ вполне обладаетъ здоровьемъ и способностью къ борьбѣ за существованіе. Причина этого можетъ заключаться частью въ осложненіяхъ жизни, а частью въ тѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для здоровья, въ которыхъ ему придется жить. Эти-то неблагоприятныя условія вначалѣ и обратили на себя вниманіе нашихъ земствъ, благодаря тому, что о гигиенѣ въ то время заговорили и сдѣлали ее модой дня...

Изъ статистическихъ изслѣдованій, предпринятыхъ въ разныхъ губерніяхъ, оказывалось, что смертность новорожденныхъ доходить у насъ часто до 50 – 60 проц. и болѣе.

Такъ, изъ свѣденій центрального статистическаго комитета было видно, что въ періодъ времени съ 1859 по 1866 годъ смертность дѣтей колебалась по губерніямъ между 9,2 и 60,8%. Всего меньше въ первомъ году умирало дѣтей въ губерніяхъ витебской, волынской, минской и таврической. Всего больше въ губерніяхъ московской и иркутской. Въ московской смертность составляла 43,1 и въ иркутской—60,8%. Причина смертности дѣтей заключалась прежде всего въ пищѣ. Даже если бы матери и сами кормили своихъ дѣтей, то уже потому, что кормленіе это лишено необходимой правильности, а народъ имѣетъ привычку кромѣ того давать между кормленіемъ грудью хлѣбъ, смоченный водою, или кислую кашу, кормленіе это нельзя было считать достаточнымъ и здоровымъ. Г. Гилюровскій, изучавшій смертность дѣтей въ новгородской губ., говоритъ; „если бы мы рѣшились осмотрѣть въ селеніи пищу дѣтей, то увидѣли-бы, что ни въ молокѣ, ни въ кашкѣ нѣтъ ничего похожего на пищу. Все обратилось въ массу, способную скорѣе разрушать, чѣмъ возстановлять организмъ младенца“.

Но развѣ жизнь взрослого лучше? Онъ питается богъ - знаетъ чѣмъ; изба его плоха, не гигиенична, трудъ непомѣренъ и непосиленъ, даже самый родъ занятій предрасполагаетъ его къ извѣстнымъ физическимъ страданіямъ. Напримѣръ, земледѣлецъ подвергается вліяніямъ погоды болѣе, чѣмъ какой другой рабочей. Крестьянину нѣтъ возможности ни спрятаться отъ палящихъ лучей солнца, ни отъ проливного дождя, ни отъ вѣтра, ни отъ мороза, ни отъ вьюги, потому что онъ работаетъ подъ открытымъ небомъ. Работа подъ палящими лучами солнца вызываетъ измѣненія въ кровообращеніи мозга; сырость и холодъ ведутъ къ ревматическимъ страданіямъ, къ разнымъ простуднымъ болѣзнямъ дыхательныхъ органовъ. Професіональный трудъ крестьянина измѣняетъ даже его организмъ. Такъ-какъ большинство занятій крестьянина требуетъ продолжительнаго сгибанія спины, спинной хребетъ его принимаетъ согнутое положеніе, и такимъ образомъ почти всѣ старые крестьяне нѣсколько сутуловаты и приземисты. „Они наклонны къ той землѣ, которую такъ часто орошали своимъ потомъ“, говоритъ гигиенистъ Лейе. Такимъ образомъ вся обстановка крестьянской жизни, всѣ ея внѣшнія условія на-столько не гигиеничны, что не могутъ не обращать на себя серьезнаго вниманія.

Что-же дѣлать? Санитары говорятъ, что пока забота о питаніи дѣтей будетъ предоставлена въ сельскихъ общинахъ семейству, „до тѣхъ поръ смерть будетъ пожирать богатые плоды среди не-

счастливыхъ малютокъ, которымъ матери, даже при всемъ желаніи, рѣдко бываютъ въ состояніи доставить цѣлесообразную пищу". Русскій гигиенистъ, слова котораго мы привели, прибавляетъ, что тогда только будетъ дана нѣкоторая гарантія для уменьшенія дѣтскихъ болѣзней въ деревняхъ, когда родителямъ будетъ дана поддержка въ такихъ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ колыбели и ясли, которымъ можно хотъ временно поручать дѣтей". Но когда же эти колыбели и ясли заведутся въ деревняхъ? Поэтому русскіе гигиенисты правы, когда главную причину зла видятъ въ крестьянскомъ невѣжествѣ. Мужичье невѣжество, по ихъ словамъ, лишаетъ земледѣльца многихъ шансовъ въ борьбѣ за существованіе и скорѣе помогаетъ смерти, чѣмъ жизни. По словамъ г. Португалова, ни одинъ физиологъ не дѣлаетъ того надъ лягушками, что дѣлаютъ разныя кумушки и бабушки надъ дѣтьми.

Допустимъ, что всему причиною народное невѣжество и что чѣмъ челоѣкъ образованнѣе, тѣмъ лучше онъ понимаетъ, что вредно для его здоровья, и, слѣдовательно, у него тѣмъ меньше шансовъ умереть при обыкновенныхъ условіяхъ. Допустимъ, что деревня такъ-же образована, какъ городъ. Какія-бы нашлись у нея средства противъ инфекціонныхъ болѣзней, включая сюда и сифилисъ? Сифилисъ, по словамъ Лансера, „долженъ служить ключемъ всей патологіи“. И дѣйствительно, онъ является однимъ изъ самыхъ страшныхъ бичей народной жизни. По изслѣдованіямъ г. Косовича, изъ дѣтей, рожденныхъ зараженными сифилисомъ родителями, 33% рождаются мертвыми, а 24% умираютъ въ первые полгода жизни. Но какія средства могутъ предложить и гигиена, и медицина противъ этого страшнаго бича? И вотъ сифилисъ распространяется безпрепятственно. „Къ стыду для челоѣческаго ума и для всей нашей цивилизаціи, говоритъ докторъ Эрисманъ въ своей „Гигіенѣ“, — мы не только не знаемъ средствъ и путей для освобожденія населенія отъ этихъ болѣзней, но даже не нашли общаго и цѣлесообразнаго плана для ихъ изученія“. До сихъ поръ противъ эпидемическихъ болѣзней въ сельскомъ населеніи практиковалась и практикуется только одна мѣра: командировка врачей „для прекращенія эпидеміи“. Какое, въ самомъ дѣлѣ, жалкое средство, и что можетъ сдѣлать врачъ, когда эпидемія въ полномъ ходу? Что можетъ сдѣлать даже и не одинъ врачъ, а сотни и тысячи ихъ, когда эпидемическія болѣзни поражаютъ цѣлое государство, цѣлую страну, когда чахотка гнѣздится въ каждой семьѣ и вырываетъ изъ нея свои жертвы; когда недостаточное питаніе дѣтей есть не исключеніе, а общее правило, и не найдется въ деревнѣ ни одной матери, у которой-бы не умерло одно или нѣсколько дѣтей отъ дурнаго питанія; когда каждая изба наполнена вредными міазмами;

когда каждый мужикъ питается не тѣмъ, что ему нужно для здоровья? Гигіеническіе совѣты крестьянину или крестьянской женщинѣ о томъ, какъ они должны одѣваться, какъ строить свои избы, какъ кормить дѣтей, какъ беречь свои силы, — развѣ не глумленіе надъ человѣческой безпомощностью, — глумленіе болѣе чѣмъ неприличное? Даже въ Англіи, гдѣ, повидимому, всѣ условія жизни народа далеко благоприятнѣе для распространенія среди населенія зрѣлыхъ понятій, — даже и тамъ улучшеніе санитарныхъ условій положительно невозможно и, по словамъ г. Эрисмана, „всѣ старанія, направленные исключительно для исправленія санитарныхъ недостатковъ сельскаго быта и неимѣющія въ виду общаго соціальнаго положенія крестьянина, должны оставаться тщетными, безуспѣшными“. Понятно, что у русскаго земства опустились повсюду руки и санитарныя стремленія оказались неосуществимой мечтой.

Но правильно-ли поступили земства? Развѣ санитары для того, чтобы требовать отъ бабъ, чтобы онѣ кормили дѣтей грудью и не пичкали ихъ всякою дрянью и чтобы мужики строили избы съ вентиляціей? Такая санитарная заботливость, конечно, будетъ глумленіемъ и обидной насмѣшкой, напоминающей того врача, надъ которымъ такъ удачно насмѣялся Гейне. Конечно, это былъ тоже санитаръ. Санитарная задача земства совсѣмъ не въ этомъ. Задача его не въ томъ, чтобы объяснить мужику черезъ доктора, что отъ вертикальныхъ лучей солнца дѣлается солнечный ударъ; что пыль во время молотбы можетъ производить воспаленіе дыхательныхъ путей, что отъ занятій, требующихъ наклоннаго положенія, является искривленіе позвоночника. Главная причина негигіеничной жизни сельскаго рабочаго и важнѣйшая причина всѣхъ болѣзней и смертности есть бѣдность. А бѣдность — не одно лишеніе; она — не одно ограниченіе нѣкоторыхъ потребностей. Бѣдность есть явленіе болѣе широкое и за нею идетъ цѣлая масса спутниковъ. Дитль говоритъ, что забота о кускѣ хлѣба идетъ рука объ руку съ цѣлой массой огорченій, душевныхъ страданій, что ее сопровождаетъ изнурительная и непомерная работа, дурная пища, неопрятность, невѣжество, равнодушіе къ удобствамъ жизни, отупѣніе, фанатизмъ, пренебреженіе къ полезной помощи, пристрастіе къ вреднымъ средствамъ и невозможность жить въ условіяхъ, необходимыхъ для поддержанія и сохраненія здоровья. Этотъ вопросъ давно уже рѣшенъ иностранными статистиками и подтвержденъ еще разъ нашими — Снигиревымъ, Архангельскимъ, Гиляровскимъ, Пантюховымъ, которые доказали, что чѣмъ населеніе бѣднѣе, тѣмъ въ немъ сильнѣе смертность и взрослыхъ, и дѣтей.

Но бѣдность въ томъ видѣ, какъ мы ее опредѣлили, вовсе не явленіе случайное, частное. Она является, большею частію, про-

дуктомъ исторіи, или помогающей человѣку въ борьбѣ за существованіе, или-же, напротивъ, уменьшающей необходимыя ему для того силы. Говоря о дурныхъ санитарныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится кievское мѣщанское и крестьянское населеніе, г. Пантюховъ замѣчаетъ, что изъ изслѣдованій гг. Костомарова, Антоновича и другихъ видно, что причина, почему Кіевъ, издавна славящійся своею торговлею и промышленностью, нѣкогда бывшій торговымъ центромъ обширнаго края, упалъ до своего теперешняго положенія, заключается въ томъ, что въ XVI столѣтіи въ немъ явилось магдебургское право съ его монополіей труда, цехами и другими стѣсненіями для возможности промышленнаго развитія. „Изъ свободнаго и гордаго народа кievляне, благодаря магдебургскому праву, дѣлаются пассивными орудіями чужой власти. Имъ былъ отмежеванъ ничтожный районъ дѣятельности, въ который они всецѣло и погрузились. Борьба за существованіе ограничивалась борьбою лягушекъ, засѣвшихъ въ лужѣ, неимѣющей стока“, говоритъ г. Пантюховъ.

На-сколько постепенное пониженіе духа предприимчивости и стѣсненіе свободы дѣятельности понижаетъ пригодность человѣческаго организма для борьбы за свое существованіе, подтверждаютъ еще и слѣдующія изслѣдованія. Неправильное и недостаточное питаніе уменьшаетъ даже мышечную силу и дѣлаетъ рабочаго менѣе пригоднымъ для дѣла. По изслѣдованіямъ доктора Рудакова, мышечная сила московскихъ фабричныхъ рабочихъ, выражаемая давленіемъ руки на динамометръ, даетъ всего 40,₅ килограммовъ. Средняя-же сила китайскаго рабочаго 47, а англійскаго — 71! Всѣ московскаго фабричнаго рабочаго также меньше средняго вѣса нѣмцевъ и англійчанъ. Московскій рабочій вѣситъ 62,₁₇ килограмм., нѣмецъ—65,₅₄, англичанинъ—65,₁₂. „Наблюденіе надъ мышечною силою южно-русскаго рабочаго не производилось, говоритъ г. Пантюховъ, но, судя по результатамъ труда и частымъ празднованіямъ, среднее количество расходуемаго на работу мышечнаго напряженія у городскаго рабочаго не велико“. Мы не пишемъ изслѣдованія по этому вопросу и потому думаемъ, что приводимыхъ нами фактовъ достаточно, чтобы выяснитъ нашу мысль.

Если, такимъ образомъ, вопросъ о санитарныхъ условіяхъ жизни сводится къ исторіи и борьбѣ за существованіе, то задача земства, конечно, ясна, и нужно пожалѣть, что наши земскія управы увидѣли въ санитарномъ движеніи своей мысли мечтательное увлеченіе и поспѣшили уволить своихъ санитаровъ. Земства, конечно, очень хорошо понимаютъ, что гигиеническія условія жизни прежде всего связаны съ условіями экономическими. Совершенно справедливо, что пока крестьянинъ не въ состояніи удовлетворять всѣхъ

своихъ насущныхъ потребностей, до тѣхъ поръ странно разсуждать съ мужикомъ о вентиляціи и о вредномъ вліяніи на его здоровье аміака и углекислоты. И правительство, и земство очень хорошо понимаютъ, что въ жизни нашего сельскаго населенія существуютъ обстоятельства, мѣшающія осуществленію на практикѣ даже самыхъ несложныхъ гигиеническихъ требованій; что кромѣ бѣдности мѣшаетъ еще и рѣдкость населенія, невѣжество, и что врагъ, съ которымъ приходится бороться народу и земской гигиенѣ, гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется. Но вотъ тутъ-то именно и казалось-бы, что земству слѣдуетъ видѣть въ гигиенѣ самую ближайшую и самую важную свою задачу. Тутъ-то земству и нужно-бы дѣйствовать, а не увольнять въ отставку санитаровъ. То, съ чѣмъ приходится бороться деревнѣ, не единичный врагъ. Опасности, грозящія народу,—не частныя, а общія. Онѣ могутъ только измѣняться нѣсколько въ своей интенсивности лишь въ отдѣльныхъ полосахъ или въ отдѣльныхъ губерніяхъ. Дурное питаніе дѣтей—не частность, невѣжество—не частность, и составные элементы бѣдности, какъ ихъ опредѣляетъ Дитль, меньше всего частность. А если врагъ оказывается общимъ, то ясно, что ему должно быть противопоставлено и общее сопротивленіе. Бѣдность, какъ результатъ сложныхъ и глубоко коренящихся причинъ и какъ единственный корень анти-гигиеническаго склада жизни, не можетъ быть уничтожена ни частными, ни филантропическими мѣрами. Конечно, въ той борьбѣ за существованіе, которую ведетъ современный человѣкъ, очень помогаетъ и дарвиновскій законъ, т. е. вымираніе слабыхъ; но это средство слишкомъ героическое. А такъ-какъ въ этой борьбѣ теряетъ только болѣе слабый организмъ, то, конечно, лучшими санитарными мѣрами и лучшимъ средствомъ противъ бѣдности будетъ то, что улучшаетъ организацію. Г. Эрисманъ совершенно вѣрно говоритъ, что лучшая гигиеническая мѣра заключается „въ коренномъ измѣненіи обстановки сельскаго работника“; г. Эрисманъ думаетъ, что проведеніе у насъ санитарныхъ реформъ крестьянскаго быта значительно легче, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, потому что „у насъ землевладѣніе основано на болѣе справедливомъ принципѣ“. „Правительство и общество у насъ очень хорошо понимаютъ, говоритъ г. Эрисманъ, что изоляція и эксплуатація крестьянина должна быть замѣнена принципомъ земледѣльческой асоціаціи, который, безъ сомнѣнія, долженъ играть важную роль въ улучшеніи быта крестьянъ. Если они сообща пользуются богатствами земли, имѣютъ общіе шансы на счастье и сообща несутъ тяжести, налагаемыя государствомъ, имъ гораздо легче противодѣйствовать тѣмъ вреднымъ болѣзнямъ, которыя поражаютъ не отдѣльнаго человѣка, а всѣхъ. Съ этой точки зрѣнія, гигие-

нисть съ удовольствіемъ привѣтствуетъ старанія тѣхъ, которые желаютъ поддержать и развить общинное владѣніе тамъ, гдѣ оно существуетъ, и вызвать его тамъ, гдѣ въ настоящее время его не знаютъ". Въ общинномъ землевладѣніи г. Эрисманъ видитъ одно изъ важнѣйшихъ и болѣе радикальныхъ средствъ для поднятія уровня какъ экономическаго положенія, такъ и санитарнаго состоянія сельскаго населенія. И мы тѣмъ настойчивѣе останавливаемся на мысли г. Эрисмана, что онъ иностранецъ. еще недавно поселившійся въ Россіи, слѣдовательно, его меньше всего можно заподозрить въ какой-бы то ни было тенденціозности.

Какая-жь была-бы, однако, задача земства, если-бы оно снова убѣдилось, что санитарный вопросъ не увлеченіе, не мечта, не иллюзія? Конечно, задача земства заключалась-бы не въ томъ одномъ, чтобы устраивать въ деревняхъ общественныя кухни, но и въ томъ, чтобы организовать и предпринять санитарныя изслѣдованія. То, что мы знаемъ до сихъ поръ о санитарныхъ условіяхъ разныхъ мѣстностей Россіи, едва-ли можно считать знаніемъ. Чтѣ мы знаемъ, напримѣръ, о вліяніи температуры на смертность сельскаго населенія, что знаемъ мы о вліяніи вѣтровъ, воды, урожаявъ, неурожаявъ; о вліяніи невѣжества и образованности, о санитарномъ состояніи той или другой губерніи, того или другого города? Ровно ничего. Санитарной статистики у насъ не существуетъ и даже не положено ей начало. Мы не знаемъ, чѣмъ великороссъ, какъ организмъ, испытавшій историческую борьбу за свое существованіе, отличается отъ малоросса, бѣлороссъ—отъ поляка, отъ еврея. Изслѣдованія иностранцевъ, предпріятыя на Западѣ, нашихъ вопросовъ не разрѣшаютъ. Напр., Кольбъ и Невиль изумляются ничтожной смертности евреевъ въ западной Европѣ и объясняютъ еврейскую живучесть умѣреннымъ образомъ жизни, уклоненіемъ отъ физическаго труда. Г. Португаловъ думаетъ, что живучесть евреевъ зависитъ отъ отсутствія крайняго пролетаріата, пьянства и всякихъ излишествъ, что евреи ведутъ правильную подвижную жизнь и почти вѣсь грамотны. Но противъ этого выставляются другія изслѣдованія, напримѣръ, Гюбнера, Маковецаго, изъ которыхъ оказывается, что русскіе евреи слабѣе христіанъ той-же мѣстности, и вѣсь ихъ сравнительно меньше. А по изслѣдованію г. Оршанскаго, если евреи не возьмутся за мускульный трудъ, то, съ распространеніемъ образованія въ христіанскихъ массахъ, имъ грозятъ величайшія опасности. Но все это могутъ выяснить и доказать намъ только изслѣдованія чисто-санитарныя. Они и должны составить основаніе той гигиенической статистики, которая одна только можетъ помочь земству выработать себѣ

программу хозяйства, которой у него, раскидавагося въ простыхъ бухгалтерскихъ счетахъ, теперь не достаетъ.

Намъ слѣдовало-бы побесѣдовать и о „червонныхъ валетахъ“, процессъ которыхъ ведется въ Москвѣ, какъ видно, неоскудѣвающей своими скандалезными процессами. Сами по себѣ червонные валеты не имѣютъ никакого значенія,—они подъ разными мастями и крапами находятся вездѣ и плодятся, какъ насѣкомыя, тамъ, гдѣ для нихъ существуетъ подходящая общественная температура; не они важны, а важенъ и многозначителенъ тотъ фактъ, что отдѣльное мошенничество стало организоваться въ кооперативныя группы и воровство возводиться въ систему. Прежніе мошенники, бывало, снимутъ съ васъ шубу, отрѣжутъ чемоданъ у помѣщицкой колымаги или уведутъ вашу лошадь, и тѣмъ дѣло кончатъ, если не попадутся въ руки исправника или становаго; а теперь не то: теперь обираютъ васъ не просто, а по всѣмъ правиламъ новѣйшаго мошенническаго кодекса, заманивая въ свои сѣти, опаивая, обольщая, поддѣлывая векселя, подмѣняя подписи, обманывая княжескими гербами, однимъ словомъ, прежній простой воръ сдѣлался цивилизованнымъ и хочетъ казаться легальнымъ. Но объ этомъ мы надѣемся поговорить подробнѣе въ слѣдующей книжкѣ.

Н. Ш.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА „ДЪЛО“.

Въ контору „ДЪЛА“ поступило нѣсколько жалобъ на неполученіе нашего журнала или на несвоевременную доставку его тѣмъ изъ подписчиковъ, которые выслали деньги еще въ концѣ прошлаго года. Всѣ жалобы безъ исключенія получаютъ отъ тѣхъ именно подписчиковъ, которые подписались не *прямо* въ редакціи журнала „ДЪЛО“, а черезъ разныхъ посредниковъ,—черезъ книжные магазины и комисіонерскія конторы. Въ жалобахъ этихъ выражается нерѣдко неудовольствіе на неакуратность и небрежность съ нашей стороны въ отношеніяхъ къ нашимъ подписчикамъ, причемъ набрасывается неблаговидная тѣнь на нравственный характеръ этихъ отношеній.

Мы уже неоднократно заявляли, и письменно, и печатно, своимъ подписчикамъ, что редакція „ДЪЛА“ *считаетъ себя вполнѣ отвѣтственной только передъ тѣми изъ нихъ*, которые подписываются непосредственно въ ея главной и единственной конторѣ (въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской улицѣ, д. № 39); что она не только не можетъ отвѣчать за какой-нибудь книжный магазинъ или комисіонерскую контору, такъ часто злоупотребляющіе въ послѣднее время довѣріемъ провинціальной публики, но она не можетъ даже знать о существованіи подписки, адресованной не на ея имя. Въ прошломъ году, по поводу книгопродавца Базунова, собравшаго около сорока тысячъ подписныхъ денегъ и, вмѣсто редакцій, куда слѣдовало-бы сдать ихъ, отправившагося съ ними отдыхать отъ своихъ праведныхъ трудовъ за-границу, мы указывали на подобнаго рода продѣлки, возведенныя въ систематическую эксплуатацію провинціальнаго читающаго общества; въ „Хроникѣ книгопродавческихъ доблестей“ мы вывели на чистую воду, на основаніи неопровержимыхъ фактовъ, нѣкоторыхъ изъ этихъ игровъ въ книжное дѣло и рекомендовали своимъ читателямъ при-

нять противъ нихъ надлежащія мѣры, — противъ этихъ новыхъ бубновыхъ валетовъ въ нашей, и безъ того жалкой, книжной торговлѣ. И ужь, конечно, не наша вина, что съ провинціальной публикой надо говорить не простымъ человѣческимъ языкомъ, а звонить во всѣ колокола, чтобы быть услышаннымъ. Только горькій и, по обыкновенію, поздній опытъ вразумляетъ ее, да и то не всегда.

Въ нынѣшнемъ году повторились точь въ точь тѣ-же факты, что и въ прошломъ. Такъ, наприм., Г-жа Смир—ва изъ губ. гор. Владимира жалуется на неполученіе „ДѢЛА“ по 16 февр., тогда какъ она выслала деньги еще въ декабрѣ въ какое-то Общество международныхъ сношеній (по Мойкѣ, д. № 90), и при этомъ она упрекаетъ редакцію въ небрежности. Но позвольте вамъ замѣтить, г-жа Смир—ва, что вышеозначенное Общество международныхъ сношеній или приношеній и не думало сдавать вашей подписки въ Редакцію и мы только изъ вашей жалобы узнаемъ, что вы подписались въ немъ на нашъ журналъ. Поэтому вамъ слѣдуетъ обратиться прямо въ это Общество и вразумить его, что крайне недобросовѣстно пользоваться чужими деньгами, задерживая ихъ у себя.

Точно также „Книжный магазинъ для иногородныхъ“, попавшій въ руки какого-то г. Николича, удерживаетъ подписныя деньги нѣсколькихъ подписчиковъ на нашъ журналъ. И это практикуется изъ году въ годъ нѣкоторыми книгопродавцами безъ малѣйшаго стѣсненія и съ совершенной безнаказанностію. Если мы вручимъ простому посыльному передать 1 р. по адресу и онъ не донесетъ денегъ по назначенію, мы притянемъ его къ суду и будемъ обвинять въ мошенничествѣ, а если Общество международныхъ сношеній не внесетъ довѣренныхъ ему денегъ по назначенію, то оно останется не только правымъ, но и вломится въ амбицію, свойственную всякому ростовщику, если вы адресуете ему не совсѣмъ лестный эпитетъ.

Книжный магазинъ Колесова и Михина, сихъ близнецовъ изъ рода Исаковыхъ, сдалъ списки и деньги на журналъ „ДѢЛО“ только 18 февраля, тогда какъ первая книжка „ДѢЛА“ отправлена подписчикамъ 28 января.

Книжный магазинъ Исакова доставилъ редакціи нѣсколько подписныхъ списковъ только 26 января (т. е. по выходѣ 1-й книжки), хотя многіе изъ подписчиковъ, какъ это видно изъ жалобъ, выслали ему деньги еще въ половинѣ прошлаго декабря. А нѣкоторыхъ онъ удерживаетъ и до сихъ поръ, вѣроятно, на томъ мудромъ основаніи, что, какъ залежавшійся и съ душкомъ товаръ дѣлается вкуснѣе для нашего торгаша, такъ и запоздавшій журналъ будетъ интереснѣе для его кліентовъ.

Но мы указали здѣсь только на извѣстные намъ факты, а сколько неизвѣстныхъ, которые могутъ обнаружиться только въ послѣдствіи! Казалось-бы, пора самимъ Редаціямъ, подъ покровомъ которыхъ дѣйствуетъ и растетъ эта отвратительная спекуляція, соединиться вмѣстѣ и поискать *строю-юридической* основы для преслѣдованія этого новаго хищничества,—по крайней мѣрѣ, установить для него какой-нибудь опредѣленный уголовный критерій. Воззваніями къ общественной совѣсти и печатными обличеніями „червонныхъ валетовъ“, подъ какимъ-бы крпомъ они ни фигурировали, не прошибешь; а между тѣмъ они сильно вредятъ во мнѣніи публики, и тѣмъ книгопродавцамъ, которые не имѣютъ съ ними ничего общаго, и ставятъ въ крайне неловкое положеніе Редакціи журналовъ и газетъ.

Widener Library

3 2044 079 302 337